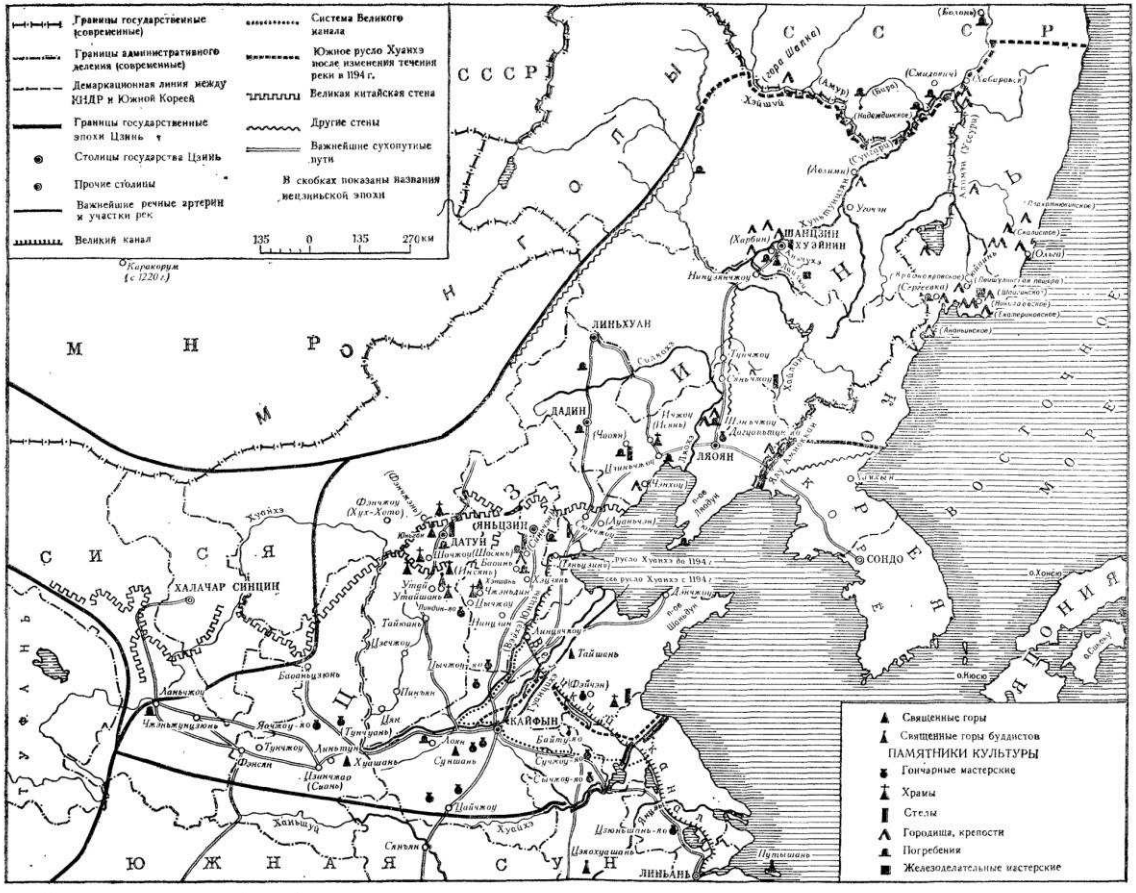
М.В. ВОРОБЬЕВ

КУЛЬТУРА ЧЖУРЧЖЭНЕЙ И ГОСУДАРСТВА ЦЗИНЬ


Границы государственные (современные)
Границы административного деления (современные)
Демаркационная линия между КНДР и Южной Кореей
Границы государственные эпохи Цзинь
Столицы государства Цзинь
Прочие столицы
Важнейшие речные артерии и участки рек
Великий канал
Система Великого канала
Южное русло Хуанхэ после изменения течения реки в 1194 г.
Великая китайская стена
Другие стены
Важнейшие сухопутные пути
В скобках показаны названия нецзиньской эпохи
135 0 135 270 км
Священные горы
Священные горы буддистов
ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ
Гончарные мастерские
Храмы
Стелы
Городища, крепости
Погребения
Железоделательные мастерские
СССР
МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
ЮЖНАЯ СУНЬ
ЛИНЬАНЬ
ЦЗИНЬЦЗИН
ЛАТУЙ
ХАЛАЧАР СИНЦИН
КАЙФЫН
ЛИНЬХУЛИН
ДАДИН
ЛЯОЯН
ШАНЦЗИН ХУЭЙИНИ
СОНДО
Хуанхэ
Желтое море
Японское море
Каракорум (с 1220 г.)

9(М)1
В 75

Ответственный редактор
Е. И. КЫЧАНОВ

В книге исследуются происхождение и облик самобытной культуры чжурчжэней, народа тунгусо-маньчжурской семьи, на их родине — в Приамурье, Приморье (СССР), Маньчжурии (КНР) — в X—XI вв.; развитие этой культуры в рамках империи Цзинь (1115—1234), включившей в свои пределы еще и Внутреннюю Монголию, Северный и Центральный Китай, и создание культурного синтеза (цзиньской культуры) на основе чжурчжэньской и при участии соседних культур; судьба этой культуры после краха империи Цзинь. Материалы письменных и археологических источников рассматриваются в свете теории истории культуры и культурных контактов.

В $\frac{0506000000\text{-}054}{013(02)\text{-}83}$ 101-82.

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983 г.

ВВЕДЕНИЕ

Значимость культуры для человечества метко выразил Ю. Лотман. Одна из основных задач человечества, как отмечает Ю. Лотман,— стремление выжить. Человечество развивается в постоянном отставании производства от потребностей. Тем не менее на протяжении всей истории культуры человечество выделяло лучшие силы для таких занятий, которые непосредственно не связаны с производством. Это означает: если для биологического существования человечества необходимо лишь непосредственное производство, то для существования человеческого общества необходима культура [Лотман, 1970, с. 3—4]. И действительно: «Не может быть общества без культуры, так же как не может культура существовать вне общества» [Соколов, 1972, с. 38]. Эта важнейшая роль культуры живо ощущается на переломах, например при становлении чжурчжэньского этноса.

Что же такое культура? Ответ на этот вопрос далеко не прост. Сложность понятия культуры, возможно, окажется легче осознать, если мы поймем, что «культура — одно из самых общих философско-социологических понятий, охватывающее огромный мир явлений и находящееся на очень высоком уровне абстракции. Подобно другим категориям такого рода, оно не может быть исчерпывающим образом определено в одной фразе. Его смысл и разнообразные оттенки выясняются из рассмотрения конкретных сторон общественной жизни и их сопоставления с другими общими понятиями» [Соколов, 1972, с. 32]. Недостаточно представлять себе культуру просто как некую стабильную и изолированную органичную систему. Надо помнить, что она не простая структурная часть целого (срез, область и т. п.), а определенное качественное состояние общества на каждом данном этапе его развития [Уледов, 1974, с. 28]. Культура, культурная общность эпохи растворена в ее психических стереотипах, нравах и пр. и поэтому часто должна быть схвачена интуитивно [Баткин, 1969, с. 99—100]. Культура — сложная, самонастраивающаяся система. В ней можно наблюдать все возможное многообразие типов связей между элементами. Но сказать, благодаря какому типу связей культура конструируется как система, можно, лишь уточнив, о какой конкретно культуре идет речь. В нашей книге мы рассмотрим культуру чжурчжэней, и ее культурный код нам предстоит разгадать. Любая реально существующая культура есть очень сложное единство пространственно-временны́х, функциональных, значимых связей. Но нет единого для всех обществ принципа культурной интеграции [Со-

колов, 1972, с. 91; ср.: Лотман, 1978, с. 16—17]. На материале нашей темы об этом мы поговорим в гл. 3 (разд. 2, 3, 5).

Попытки выделить в культуре самостоятельные предметные рубрики делались неоднократно и по разным показателям. Наиболее распространенным следует признать деление культуры на материальную и духовную. В первую входят орудия труда, оружие, средства передвижения, жилища, постройки, одежда, пища, во вторую — нравы и обычаи, религия, наука, искусство, литература [Зворыкин, 1964]. Такого деления придерживаемся и мы в нашей книге. К сожалению, не все перечисленные разделы духовной культуры оказались представлены в гл. 1 из-за отсутствия необходимого материала. Кроме того, материал по указанным разделам поделен между двумя главами (гл. 1, 2) с учетом того, что наибольшие изменения культура претерпевает при смене формаций [Зворыкин, 1969, с. 46].

Правильная оценка событий культурной жизни невозможна без понимания основных связей между культурой или отдельными ее разделами, с одной стороны, природой и окружающим миром, базисом и надстройкой, обществом и идеологией — с другой. Поскольку культура отражает растущую власть человека над природой, природная и географическая среда небезразлична для развития культуры [Межуев, 1977, с. 100—107]. Культура прочно стоит на экономическом базисе. «Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» [Маркс и Энгельс. Соч., т. 13, с. 7]. Эта мысль очень важна для понимания сказанного в гл. 1 и 2 (разделы первые). Но культура не принадлежит базису и связана с ним опосредствованно, например через орудия производства, которые являются частью материальной культуры. И вообще материальная культура теснее связана с базисом, чем духовная. Она сравнительно независима от колебаний в политической и духовной жизни (ср. [Маркарян, 1970, с. 110; Spier, 1968, с. 158]). Все три феномена: базис, материальная культура и духовная культура — находятся друг от друга в неравнозначной, но сложной зависимости. «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис» [Маркс и Энгельс. Соч., т. 39, с. 175]. Конкретным вопросам материальной культуры у нас отведены разделы 1—5 в гл. 1 и 2, и к ним особенно приложима идея, высказанная в цитате.

По содержанию надстройка и культура в основных своих частях совпадают, но не покрывают друг друга. Однако по объему и по функциям общественных явлений, свойственных и той и другой, они различны. Культура связана с общественным бытием и с обществен-

ным сознанием людей. Специфические особенности общественных функций культуры заключаются в опредмечивании творческих, физических и духовных, возможностей. С общественным сознанием, естественно, непосредственнее связана духовная культура. Но духовная культура не равнозначна духовной жизни общества. Кроме форм общественного сознания, идеологии (последняя занимает в культуре важнейшее место) в культуре есть и внеклассовые элементы, например язык [Иоп, 1969, с. 37, 66—70; Давидович, Белолипецкий, 1974, с. 155—156]. Этим разным аспектам духовной культуры одного народа, а потом одного государства у нас посвящены разд. 7—10 в гл. 1 и 7—18 в гл. 2. Духовная культура относительно самостоятельна от материального производства. Но эта самостоятельность проявляется в том, что все формы общественного сознания, входящие в состав духовной культуры, прежде всего самостоятельны в самом процессе отражения[1] ими действительности, так как отражают они разные стороны действительности и по-разному; что отдельные компоненты духовной культуры могут надолго отставать от изменившегося базиса; что содержание всех ее компонентов не непосредственно и не полностью определяется характером экономического строя эпохи; что, отражая национальное, духовная культура испытывает влияние многих культур [Баллер, 1969, с. 40, 43, 57, 58]. Поэтому такой отдел духовной культуры, как искусство, еще опосредствованнее связан с общим уровнем развития производства и общества. «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации» [Маркс и Энгельс. Соч., т. 12, с. 736]. Эти положения иллюстрируются материалом разд. 12—16 гл. 2.

Относительно второстепенные для культуры в целом разграничительные и объединительные функции для нас представляют особый интерес. В родо-племенном обществе элементы материальной и духовной культуры, по большей части общие для членов каждого коллектива, объединяют этот коллектив, но разграничивают его с другими коллективами (см. гл. 1). В классовом обществе обе эти функции внутри каждого коллектива нарастают и осложняются появлением сословной, классовой, внутриэтнической культур, находящихся в различном соотношении по отношению друг к другу (см. гл. 2). Это положение достигает пика при феодализме [Токарев, 1973, с. 13—14]. Однако, несмотря на классовый характер культуры, в обществах классового периода существует общеэтническая культура. Классовые различия не охватывают всего культурного достояния. Религиозная, языковая, письменная общности внеклассовы. Много общих черт для общества в целом сохраняется и в бытовой культуре [Бромлей, 1973, с. 61—62].

---

[1] Напомним о том, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 194].

Общеизвестна роль средних веков — колыбели современных наций, государств, культур. Но многие виды культуры и почти все виды искусств в это время были пронизаны религиозностью. Нечеткость разделения земного и потустороннего мира в преданиях и в обрядах, в живописи и в скульптуре сочеталась с тенденцией к копированию и повторению канонов. Религиозная недифференцированность миросозерцания вызывала аналогичную тенденцию и в культуре. В образе поведения тенденция к повторяемости усиливала роль традиций. Деятельность человека требовала освящения ритуалом [Гуревич, 1972, с. 8, 10, 12, 87, 88]. Эту мысль можно проследить на материале разд. 13—15 гл. 2.

Для понимания исторически выработанного типа культуры конкретного общества (например, чжурчжэньского, цзиньского) необходимо расчленить этот тип на общий и локальный. Первый будет отражать достигнутый обществом этап культурного развития, второй — его индивидуальное культурное своеобразие [Маркарян, 1972, с. 58]. Целью нашей работы является рассмотрение в основном тех сторон культуры, которые отличают чжурчжэней как этнос от других народностей во времени и в пространстве (см. гл. 3, разд. 6). По определению Ю. В. Бромлея, «тот слой объективизированной культуры (культуры в узком значении слова), который несет основную этническую (этнографическую) нагрузку, целесообразно именовать традиционно-бытовой культурой» [Бромлей, 1973 (I), с. 74]. При выходе в сферу культуры в широком смысле слова, продолжает Ю. В. Бромлей, появляются еще две системы — носители этнических свойств: обыденное сознание и обиходный язык. Взяв за основу эту триаду, мы учли и указание Ю. В. Бромлея на то, что набор этнодифференцирующих сторон культуры не является постоянным для всех народов; та сторона культуры, которая отличает один этнос от соседнего, и является этнодифференцирующей. Этот принцип (да еще наличие соответствующего материала) и стал для нас критерием при отборе разделов культуры.

Однако, чтобы этот принцип занял свое место в теории культуры, надо выяснить некоторые вопросы теории этноса. Этнос возник в результате естественноисторического процесса. Конкретные сферы объективного существования свойств этноса — это групповые особенности культуры, т. е. язык, религия, народное искусство, фольклор, обычай, обряды, нормы поведения. Общие особенности культуры, психического самосознания и самоназвания и есть собственно этнические свойства. Взаимопересечение этноса и социального организма создает этносоциальную общность, которая обладает уже территориальной, экономической, социальной, политической (а не только культурной, как этнос) общностью [Бромлей, 1973 (II), с. 4—10]. Хотя возникновение этнической общности зависит от социально-экономических факторов, ее развитие относительно самостоятельно, и ее типы нельзя прямо соотносить с общественными формациями [Кузнецов, 1973, с. 10].

Важным аспектом изучаемой проблемы является взаимоотношение этнической общности, этнического сознания и духовной куль-

туры [Чистов, 1972]. Поскольку этнические общности — объективная реальность, они способны воздействовать на другие связи: политические, социальные, культурные, как последние воздействуют на них. В этом смысле этническое сознание — одна из форм социального сознания. Духовная культура находится под сильным воздействием этнического сознания. Конфликтная ситуация в межэтнической среде способствует консервации традиционных форм культуры (см. гл. 3, разд. 4). Этническое сознание в этой ситуации способствует идеализации духовной культуры. Отбор тех или иных форм традиционной культуры в этом случае и определяет судьбу этнических различий в духовной культуре. При этом выпадение отдельных этнодифференцирующих признаков из духовной культуры не ведет к деэтнизации — они сами по себе не уникальны; уникально лишь сочетание признаков. Взаимообмен культурными ценностями духовной культуры облегчен относительно слабой их связью с уровнем производительных сил и затруднен наличием языкового и психологического барьеров (см. гл. 3, разд. 3). Поскольку духовная культура находится в постоянном взаимодействии со всем, что носит этническую нагрузку, некоторые формы духовной культуры, даже на интернациональном уровне, не теряют этнических оболочек, особенно если эти формы связаны с языком,— отсюда появляется культурное двуязычие этноса (ср. [Blom, 1970]).

Переход от понятия «этнос» к определению «культура» и от определения «культура» к понятию «этнос» не прост уже и потому, что даже в общетеоретическом плане не общепризнана полная зависимость типа «одна культура — один этнос»; одни считают этнос основной единицей культуры, другие не допускают совпадения «культурно-исторической монады» с этносом. Противники тесного сближения типа культуры с этносом резонно указывают, что комплексы элементов культуры («этнографические комплексы»), соответствующие этническим группам, в полном виде встречаются лишь в особых случаях, поэтому многие элементы культуры (особенно материальной) сложились без участия этноса и, в свою очередь не могут служить для определения генезиса последнего. Наконец, общеизвестен полисемантизм термина «народ» и условность его опознавательных признаков. В пределах одной этнической общности иногда в это понятие отказываются включать так называемые привилегированные сословия, особенно если им присуща иная культурная среда: тогда «эксплуататорской культуре» противопоставляется «культура народная». Дело иногда осложняется особым этническим происхождением класса эксплуататоров в далеком прошлом. Принципиально тут нет оснований для сомнений: и та и другая культура входит в общенародный фонд, но на практике (и в случае с чжурчжэнями) бывает трудно точно определить вклад тех и других групп.

Этноним «чжурчжэни» гораздо шире известен в научных кругах и среди уроженцев Дальнего Востока, чем понятие «культура чжурчжэней». Дело в том, что созданное чжурчжэнями государство Цзинь (по-чжурчжэньски Аньчун) в течение 119 лет было хозяином в

Приморье, Приамурье, Маньчжурии, Восточной Монголии, Северном и Центральном Китае, и политическая жизнь государства, созданного чжурчжэнями, прочно стала достоянием мировой истории; правда, его правление часто представляется под видом одной из многих династий Китая — как будто история народа и созданного им государства сводима до уровня очередной политической пертурбации в Срединной империи! Сложнее обернулось дело с чжурчжэньской культурой. Любой политический факт конкретнее факта культурного — это общеизвестно. Но раз политическая история чжурчжэней, как история империи Цзинь, оказалась включенной в хронологическую цепь династийных историй Срединной империи, то культура Цзинь при этом как бы сама собой превратилась в китайскую. Многие китайские ученые уже к началу нового времени, в течение веков, привыкли считать, что в мире существует лишь одна культура — китайская. Вся ситуация так и просится на роль идеальной иллюстрации оппозиции семиотики «культура — некультура», в которой своя культура рассматривается ее носителями как единственно существующая, а чужая — как некультура, но не как другая культура [Лотман, 1970, с. 87]. Раз другой культуры не признается, а значит, не существует, по крайней мере для одной стороны, тогда последовательно в русло китайской культуры отводили — в недавнем прошлом — все, что рождалось в китайской и околокитайской культурной среде (ср. [Rachewiltz, 1966, с. 89—90]). В результате в море культурной истории Китая едва ли не безвозвратно канули бесчисленные вклады многих некитайских народов и государств независимо от их происхождения. Эта иллюзия особенно широко и бескомпромиссно распространилась в странах европейско-американской культуры, где идеи культурного китаецентризма стали почти непререкаемыми. Влияния этих идей не избежали и некоторые русские востоковеды XIX в. [Окладников, 1964, с. 46]. Идея культурного китаецентризма и естественная для европейско-американской среды трудность выделения многих специфических культурных дефиниций в массе дальневосточных поддерживают и укрепляют друг друга. Не случайно, например, что чжурчжэньские археологические памятники и находки на советском Дальнем Востоке в некоторых кругах принимают за китайские, так как их чжурчжэньские признаки им недостаточно известны. Подобные концепции, возникнув еще в средние века, пережили столетия и принадлежат к категории тех, про которые Н. И. Конрад писал: «В Китае, например, вырабатывались концепции общего исторического процесса, создавались схемы исторического развития, многие из которых сохраняют значение для китайских историков по сию пору, иногда под новыми, наскоро пригнанными европейскими наименованиями. Принимать такие концепции безоговорочно нельзя, но понимать, что они означают, почему сложились и каково их отношение к реальному историческому процессу, необходимо» [Конрад, 1966, с. 30].

Конечно, мы должны быть объективны и в критике: для любого китайского ученого-патриота чжурчжэни всегда были прежде всего

завоевателями, а чжурчжэньская культура — произведением чужого образа жизни, отчасти созданная в чужой стране и к тому же иногда насильственно внедряемая. Естественно, мы не вправе ожидать от этих ученых нейтральной оценки столкновений китайской культуры с чжурчжэньской, да еще в такой острой политической ситуации. Но мы вправе надеяться, что в итоговой оценке происходящего найдет отражение и другая сторона проблемы, освещенная в соответствии с фактами. Однако наше положение иное. История культуры тунгусо-маньчжурских народов, к которым относятся и чжурчжэни, неразрывно связана с советским Дальним Востоком и с культурой современных потомков чжурчжэней, а эта, чжурчжэньская страница в истории мировой культуры прочтена не полностью.

Среди тунгусо-маньчжурских народов чжурчжэни занимали особое место. По ряду исторических причин развитие разных племен Приморья, Приамурья и Маньчжурии происходило неравномерно во времени и в пространстве. На отдельных этапах некоторые местные народности своим уровнем развития ничем не отличались от признанных на материковом Дальнем Востоке лидеров — китайцев и корейцев. Еще в первых веках нашей эры здесь сложилось государственное образование Фуюй, а в VIII—X вв.— государство Бохай, уже целиком находившееся на уровне дальневосточных стандартов. Культура и государственность Бохая стали образцом для чжурчжэней. С выходом на арену чжурчжэней открылся качественно новый этап в истории и истории культуры тунгусо-маньчжурских народностей. Период подъема чжурчжэней в X—XIII вв. явился завершением большого этапа развития этих народностей, консолидацией всех близких по крови родовых и племенных групп в единую этническую общность, созданием государственности со всеми непременными ее атрибутами (подробнее см. [Воробьев, 1975, с. 353—382 и др.]) и самобытного типа культуры, достаточно прочных и живучих, чтобы после политического краха в 1234 г. спустя столетия, в XVI—XVII вв., дать жизнь новым родственным народности и культуре, новому государству и продолжать сохранять свое влияние после смерти и этой маньчжурской государственности и культуры в среде современных нам тунгусо-маньчжуров. Эта ключевая роль чжурчжэней в трехтысячелетней истории этноса и культуры южных тунгусо-маньчжуров, обитавших в Приамурье, Приморье и Маньчжурии с незапамятных времен и до наших дней, когда они уже не являются главным населением этих мест, известна хуже всего. Империя Цзинь — многонациональное государство, или этнополитическое образование, в котором сами чжурчжэни составляли едва 10% общей численности населения. Но в этой книге мы не могли уделить равного внимания культуре всех народов империи, и прежде всего культуре китайцев — подавляющего большинства обитателей империи. Последнее не нужно и по существу, так как проблема «китайцы под властью династии Цзинь» нашла отражение во многих работах по общей истории культуры Китая и в еще большем множестве сквозных монографий по отдельным разделам культуры Китая. Поэтому основное наше внимание сконцентриро-

вано на истории культуры чжурчжэней в период Цзинь. В тех случаях, когда взаимопроникновение чжурчжэньской и китайской культур (в одном каком-либо или в обоих направлениях) было принципиальным и важным, мы рассматриваем проблему в рамках всей цзиньской культуры, в которую входила и китайская.

При передаче географических названий, фамилий, имен, наименований должностей, реалий, терминов мы пользовались китайской транскрипцией, даже если известен соответствующий чжурчжэньский эквивалент. Такое предпочтение объясняется скудостью дошедшего до нас чжурчжэньского словаря. В случае принятия чжурчжэньской транскрипции, что несомненно заманчиво для исследователя и справедливо в отношении народа, историю культуры которого мы изучаем, в работе неминуемо возник бы разнобой. Поэтому, оставляя китайскую транскрипцию, мы в скобках дали чжурчжэньскую параллель, если она известна и существенна для работы. Некоторое отклонение от этого правила пришлось допустить в отношении личных имен и фамилий, прежде всего императорских и царских. Так как их чжурчжэньская транскрипция или параллель уже широко проникли в специальную литературу, мы употребляем их в тексте без оговорок. Автор стремился возможно шире охватить круг письменных источников, доступных ему. Однако, руководствуясь задачами и объемом работы, пришлось отказаться от столь же полного охвата литературы (статей, заметок).

* * *

Источники по истории культуры чжурчжэней и созданного ими государства Цзинь по характеру своему могут быть разделены на две большие группы: памятники письменности и археологические.

Памятники письменности, в свою очередь, состоят из двух неравных по объему и по значению разделов. К первому относятся памятники письменности в собственном смысле слова: стелы, эпитафии, печати, зеркала, монеты и т. п. Подробная характеристика этого вида источников приводится в разд. 10 гл. 2.

Второй раздел значительно больше по объему и неизмеримо важнее по содержанию для исследователя культуры. Это литературные источники: собственно цзиньские, а также составленные их соседями или их политическими наследниками по оригинальным, отчасти ныне утраченным материалам. К сожалению, источники первого, цзиньского, подраздела оказываются в меньшинстве. В «Нань цянь лу» («Записки о перенесении [столицы] на юг») цзиньского Чжан Шияня в одном цзюане излагаются события, связанные с перенесением столицы чжурчжэней в Бяньцзин (Кайфын) после того, как Яньцзин (Пекин) был осажден монголами в 1214 г. В 1195 г. было создано неизвестным цзиньским автором «Да Цзинь цзили» («Собранные церемонии Великой Цзинь») в 40 цзюанях (некоторые из них не сохранились). Это полный свод различных обрядов и церемоний, утвержденных правительством, на все случаи государственной и общественной жизни — от коронации, государст-

венных жертвоприношений и молений до покроя одежды и вида экипажей, особых для каждого ранга. Время создания и авторство «Да Цзинь дяофа лу» («Записок о карательных походах при Великой Цзинь»), состоящих из четырех цзюаней, неизвестны. По-видимому, сочинение было издано после 1167 г. чжурчжэнем. Этот источник включает важный материал по сношениям между Сун и Цзинь в 1122—1130 гг. и перечень подарков, отправляемых с посольствами. «Ляодун синбу чжи» («Сведения об инспекционной поездке по Ляодуну»), «Яцзян синбу чжи» («Сведения об инспекционной поездке на р. Ялуцзян») цзиньского Ван Цзи (оба в одном цзюане) содержат непосредственные наблюдения жизни в первом случае Южной, а во втором — Восточной Маньчжурии. «Да Цзинь го чжи» («Сведения о государстве Великая Цзинь») составлены Юйвэнь Маочжао (в 40 цзюанях). Это неофициальное сочинение, отдельные сведения которого противоречат официозной «Цзинь ши». В нем более подробно, чем в «Цзинь ши», описаны жизнь и культура чжурчжэней. Сочинение вышло в Южной Сун, хотя написано цзиньцем. «Цзинь чжи» («Сведения о Цзинь») того же составителя (в одном цзюане) представляет собой извлечения из «Да Цзинь го чжи», главным образом из цзюаней 36 и 39. Сочинение переведено на русский язык В. П. Васильевым [Васильев, 1859].

Два кратких сочинения цзиньских авторов посвящены войне 1126 г.: это «Сун фу цзи» («Заметки сунского пленника») и «Нань чжэн лу» («Записки о покорении Юга») — каждый в одном цзюане; последний источник использован нами в «извлечениях» — «Нань чжэн лу хуэй» [НЧЛХ].

Следующие два сочинения формально, по времени публикации, относятся к юаньскому времени, но написаны цзиньскими чиновниками на основе их личных наблюдений частично еще при Цзинь и изданы вскоре после падения Цзинь. «Гуй цянь чжи» («Сведения об уходе в безвестность») Лю Ци (в одном цзюане) составлены около 1234 г. В «Сведениях» содержатся живые воспоминания очевидца об осаде и взятии Кайфына монголами в 1232 г. [Chan Hok-lam, 1970]. Мы использовали этот источник в переводе Хениша (Haenisch, 1969). Ван Э, составитель «Жунань иши» («Позабытые дела Жунаня»), в одном цзюане, был вместе с цзиньским Ай-цзуном в Цайчжоу, который в 1233—1234 гг. был осажден и взят монголами; пленен был и император. Об этих событиях и рассказывает Ван Э в своих записках (ср. [Chan Hok-lam, 1974]). К этой же подгруппе следует отнести несколько сборников литературы цзиньской эпохи — главным образом стихотворных, составленных как при Цзинь («Хэфэнь чжулао шицзи» [ХФЧЛШЦ], «Чжо Сюань цзи» [ЧСЦ], «Чжунчжоу цзи» [ЧЧЦ]), так и в последующие столетия («Цзинь вэнь цзуй» [ЦВЦ], «Цзинь вэнь я» [ЦВЯ]). Характеристика этих сборников приведена в разд. 12 гл. 2.

Между этой подгруппой и следующей промежуточное место занимают словари чжурчжэньского языка. Хотя они составлены уже спустя много времени после гибели Цзинь, но выполнены по материалам чжурчжэньской письменности и живого старочжурчжэнь-

ского языка. «Хуаи июй» («Китайско-варварские словари»), в двух цзюанях, существуют в трех вариантах: 1382 г., 1407 г. и в позднеминском, включают словари нескольких языков. Чжурчжэньский словарь содержится во втором варианте и состоит из 871 слова [Grube, 1896] и в третьем варианте — из 1155 слов [Ishida, 1973 (II)]. В словаре помещены чжурчжэньские знаки, их перевод и транскрипция китайскими иероглифами. Исследование словарного состава чжурчжэньского языка открывает многие стороны культуры и быта этого народа. Это основной источник для изучения чжурчжэньского языка. Словарь неоднократно публиковали, комментировали и дополняли многие крупные ученые [Grube, 1896; Watanabe, 1935; Yamaji, 1956; Ishida, 1973 (I), 1973 (II); Yamamoto, 1951]. Наиболее интересен труд Ямадзи Хироаки. Его словарь содержит свыше 900 слов, расположенных по графической системе, предложенной В. Грубе, снабжен указаниями на заимствования из китайского языка и на встречные заимствования в маньчжурском языке из чжурчжэньского, а также списком чжурчжэньских знаков с их китайскими прототипами и с обозначением способа использования последних. «Цзинь ши го юй цзе» («Изъяснение туземных слов в „Истории государства Цзинь“») содержит 12 цзюаней, составлен при династии Цин. В 1781 г. по приказу правительства был создан особый комитет для комментирования и исправления собственных имен, географических и других названий на некитайских языках, встречающихся в «Ляо ши», «Цзинь ши», «Юань ши». Основным критерием при этимологическом отождествлении служило внешнее сходство в звучании «туземного» слова и какого-либо другого слова из трех языков: солонского, маньчжурского и монгольского. При осторожном подходе к этому труду он может дать полезные сведения об этимологии чжурчжэньских слов и косвенно по культуре народа (ср. [Ли Сюэчжи, 1952]).

Во второй подраздел входят китаеязычные сочинения нецзиньских авторов. Материал по ранней истории чжурчжэней содержится в нескольких работах, посвященных Ляо и киданям (ср. [Таскин, 1971]). «Цидань го чжи» («Сведения о государстве киданей») написаны южносунским Е Лунли в 1179 г. в 27 цзюанях. Они имеют неофициальный характер и поэтому содержат много данных о быте и культуре киданей и других народов, в частности чжурчжэней (цз. 18, 26). Этот источник нами использован в переводе В. С. Таскина [Таскин, 1979]. «Ляо ши» («История Ляо») составлена особым юаньским ученым комитетом под председательством Токто в 1345 г. в 115 цзюанях. Цзюани 21, 22 посвящены ранним чжурчжэням. Маньчжурская версия источника (см. [Тюрюмина, 1969]) переведена Габеленцем [Gabelenz, 1877], юаньская — в больших отрывках — Фэн Цзяшэном [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949].

Сунские и южносунские ученые оставили ряд интереснейших сочинений по Цзинь и культуре этого государства. Первое место среди них бесспорно принадлежит «Саньчао бэймэн хуэйбянь» («Собранию документов о сношениях с Северной ордой при трех

императорах [Хуэй-цзуне, Цинь-цзуне, Гао-цзуне династии Сун]»), составленному Сюй Мэнсинем. Оно состоит из трех частей, включающих 250 цзюаней. Первая часть — 26 цзюаней — сообщает о событиях 1117—1125 гг., вторая — 74 цзюаня — повествует о трагическом для Сунов 1126 годе, третья — 150 цзюаней — охватывает время с 1127 по 1162 г. Собрание основано на подлинных документах государственных архивов Сун и включает множество отрывков из утраченных сочинений, пространных высказываний и замечаний о культуре чжурчжэней, в том числе и ранних (ср. [Ch'ên Lê-su, 1936]). Цзюань 3, приуроченный к событиям 1119 г., целиком посвященный ранней чжурчжэньской культуре, переведен на русский язык Е. И. Кычановым [Кычанов, 1966], а на английский — Г. Франке [Franke, 1975]. «Сунмо цзивэнь» («Воспоминание о Сунмо (Сунгари)») в двух цзюанях — часть доклада о положении дел у чжурчжэней Маньчжурии в начале Цзинь. Воспоминания написаны сунским послом Хун Хао, не по своей воле прожившим около Шанцзина (Верхней столицы чжурчжэней) 15 лет — с 1129 по 1143 г. «Лу тин ши ши» («Достоверные факты о дворе варваров»), т. е. о цзиньском, принадлежат Вэнь Вэйцзяну — крупному цзиньскому чиновнику китайского происхождения, который уже в самом названии сочинения выразил отношение к своим хозяевам. И тем не менее сочинение является ценным источником по культуре чжурчжэней в конце 30-х годов XII в. Он переведен Г. Франке, и этим переводом пользовались и мы [Franke, 1975]. Немало ярких деталей из культурной жизни эпохи содержат два отчета о пребывании в плену сунских императоров. Это «Бэйшоу цзяньвэнь лу» («Записки об увиденном и услышанном во время увоза [императоров] на Север»), составленные Цао Сюнем в одном цзюане, и «Бэйшоу синлу» («Путевые заметки об увозе [императоров] на Север») Цай Тяо в одном цзюане. Серия дневников сунских послов отличается, с одной стороны, непосредственностью, а с другой — известной предвзятостью наблюдений [Воробьев, 1979]. «[Сюаньхэ исы] фэнши синчэн лу» («Заметки о маршруте аккредитованного посольства [в год под циклическим знаком исы в годы под девизом правления Сюаньхэ (1125)]») в одном цзюане. Они составлены Сюй Канцзуном и обработаны Чжун Банчжи. Сюй Канцзун был причислен к посольству, которое ездило в 1125 г. в Цзинь и проделало долгий путь от Кайфына до Шанцзина. Это было первое китайское посольство, которое попало в Шанцзин. Последнее обстоятельство повышает ценность наблюдений, относящихся к первой четверти XII в. «Заметки» помещены в «Саньчао бэймэн хуэйбянь» (цз. 20), а сокращенная версия — в «Да Цзинь го чжи» (цз. 45). Мы в основном использовали этот источник в переводе Э. Шаванна [Chavannes, 1898]. «Бэйсин жилу» («Дневник путешествия на Север») состоит из двух цзюаней, написан Лоу Яо — членом южносунского посольства, ездившего в 1169—1170 гг. в Яньцзин. «Лань пэй лу» («Записки, [написанные] с уздой в руках») состоят из одного цзюаня, созданы Фань Чэнда — членом южносунского посольства 1170 г. «Бэйюань лу» («Записки о Северном стане») составлены в одном

цзюане южносунским Чжоу Шанем. Он был членом посольства, которое в 1177 г. отправилось из Линьаня — столицы Южной Сун — в Яньцзин. «Записки» использованы нами в переводе Э. Шаванна [Pei Yuan Lou, 1904]. «Ши Цзинь лу» («Записки о посольстве в Цзинь») написаны в одном цзюане южносунским Чэн Чжо. Он ездил в 1211—1212 гг. в Цзинь поздравлять цзиньского императора с Новым годом и оставил доклад о своей поездке — последней официальной сунской поездке в северные пределы цзиньских владений.

Юаньскому времени принадлежат два очень важных для нас труда. Первый — это «Цзинь ши» («История Цзинь») в 135 цзюанях. Она составлена уже упоминавшимся особым ученым комитетом под председательством Токто в 1344 г. Создание «Цзинь ши» растянулось более чем на столетие. Впервые вопрос о составлении истории Цзинь встал сразу же после падения цзиньской столицы Бяньцзин (Кайфын) и захвата монголами государственных архивов Цзинь. После разгрома Южной Сун в 1279 г. при юаньском дворе возобладали идеи легитимизма, отрицавшего законность династий Ляо и Цзинь и, следовательно, их право на официальные летописи. И только в XIV в. крупный исследователь и писатель Оуян Сюань организовал ученый комитет, разборку архивов и поиски источников. Эта, пятая попытка оказалась успешной [Chan Hoklam, 1970; Фудзиэда, 1948; Otagi, 1951]. Цзюани сочинения объединены в четыре части. «Основные записи», т. е. исторические хроники, выдерживают принцип погодного изложения разных событий в пределах каждого царствования (цз. 1—19). Цзюани 20—58 охватывают различные стороны административной, военной, правовой, фискальной, научной, обрядовой и духовной жизни. В частности, отдельные цзюани посвящены астрономии (20), календарю (21—22), натурфилософии (23), географии (24—26), мостам и плотинам (27), церемониям и обрядам (28—38), экипажам и одежде (43). Генеалогические таблицы императорской фамилии и таблицы посольств занимают цзюани 59—62. Биографиям государственных деятелей Цзинь отведены цзюани 63—133. Два последних цзюаня посвящены Си Ся (134) и Корё (135). Даже с учетом официозности сочинения «Цзинь ши» остается важнейшим источником по любому вопросу, связанному с чжурчжэньским государством, в том числе и по вопросам культуры, и единственным сводом такого рода. Первая глава этого труда переведена на русский язык А. Г. Малявкиным [Малявкин, 1942], а на английский — Г. Франке [Franke, 1978 (II)]; по всему сочинению под редакцией Оногава Хидэми составлен трехтомный индекс [Кинси..., 1961—1962]. В последующие века появлялись труды, дополняющие и исправляющие «Цзинь ши». Для нас важен один, созданный маньчжурами, для которых античжурчжэньские наслоения юаньского времени в «Цзинь ши» были неприемлемы. Новый вариант появился в 1647 г. на маньчжурском языке под заглавием «Айсин гурун исудури» («История Золотой династии») (см. [Малявкин, 1977; Тюрюмина, 1969]). Раздел этого труда — «Основные записи» — во Франции перевел Ш. Харле [Harlez,

1887 (1)], а у нас — Г. М. Розов (правда, последний перевод пока остается в рукописи) [2].

Второй юаньский источник — это «Вэньсянь тункао» («Исследование древних текстов и их традиций») Ма Дуаньлиня в 348 цзюанях. В этом многотомном сочинении для нас представляют значительный интерес разделы о народах, окружающих Китай, в том числе и о чжурчжэнях. Эти разделы переведены на французский язык Гервэем [Ma Touan-lin, 1876].

Упомянем еще два цинских источника. «Нингута цзилюе» («Краткие записки о Нингуте») в одном цзюане составлены цинским У Чэньи, сыном опального вельможи, сосланного в Маньчжурию. Проведя там много лет, У Чэньи по возвращении опубликовал в 1722 г. интересные записки, изобилующие географическими и этнографическими сведениями. Этот материал мы широко использовали в переводе с комментариями В. П. Васильева [Васильев, 1857]. «Маньчжоу юаньлю као» («Исследование о происхождении маньчжуров») в 20 цзюанях — свод сведений, рассеянных по многим историческим источникам и относящихся к народам Маньчжурии с древности и до XVII в. Перечисляются города, горы, реки, местные продукты, нравы и обычаи этих народов, настойчиво проводится идея непрерывности генеалогии от сушэней до маньчжуров.

Обзор китаеязычных источников заканчиваем корейской династийной летописью «Корё са» («Историей Корё»). Составлялась она в 1445—1451 гг. ученым Чон Инджи, состоит из 137 цзюаней. Материал, как и в «Цзинь ши», разделен на четыре раздела. К сожалению, не все главы сохранились, и в числе несохранившихся, вероятно, могут быть и сведения по культуре ранних чжурчжэней.

Мы описали наиболее ценные источники из числа использованных в процессе работы над монографией, характерные как с чисто источниковедческой стороны — своей редкостью или, наоборот, каноничностью, так и по своим потенциальным возможностям, открывающим перспективу их дальнейшего изучения и использования при разработке тех или иных вопросов, касающихся культуры чжурчжэней и Цзинь. Поэтому сюда не попали некоторые широко известные, а также менее известные труды, оказавшие нам лишь побочную помощь в нашей работе (см. [Yang Lien-sheng, 1965]).

Вторую группу составляют источники археологические. Этот фонд накоплен усилиями ученых разных стран. Однако по своему характеру археологические работы за рубежом пока редко выходили за рамки сбора подъемного материала, разведочных раскопок, в лучшем случае — раскопок небольшого одиночного цзиньского памятника (погребения, жилища). Сам вещевой материал таких раскопок нам недоступен, а публикации его обычно ограничиваются заметками, отчетами о работе экспедиции с минимумом иллюстративного материала. Являясь для нас как исследователей, в сущности, литературным материалом, такие работы нами не рас-

[2] Многие цитаты из цзюаней 1—19 «Цзинь ши» приводятся нами в переводе Розова без указания на первоначального переводчика, но с необходимыми уточнениями по китайской версии сочинения.

сматриваются во Введении. В нашей стране о чжурчжэньских памятниках впервые узнали от казаков-землепроходцев в середине XVII в., а в поле зрения исследователей они попали столетие спустя. Необходимо особо отметить важную роль полевых работ археологов в наши дни на советском Дальнем Востоке. Эти работы ведутся широким фронтом, с обследованием больших территорий, с полными раскопками крупных памятников типа могильника, крепостей, с последующей публикацией материалов. Достаточно сказать, что раскопки чжурчжэньских могильников на Амуре, осуществленные В. Е. Медведевым [Медведев, 1977, 1976, 1975 (II), 1974; Окладников, Медведев, 1970], дали материал, датируемый археологом концом X — первой половиной XI в. [Медведев, 1977, с. 31, 92]. При такой датировке они во многом меняют сложившиеся представления о материальной культуре ранних чжурчжэней, но пока остаются единственными и ни с чем не сопоставимыми в этом роде [3]. Многолетние работы Э. В. Шавкунова, В. Д. Ленькова, С. М. Тупикиной на Шайгинском городище в Приморье привели к ценным открытиям в области градостроительства и ремесла, горного дела и металлургии, керамического производства чжурчжэней цзиньского времени. Начали появляться монографические издания [Леньков, 1974 (I); Медведев, 1977]. Следует ожидать в ближайшем будущем появления новых монографий, подытоживающих результаты археологических работ в Приморье и Приамурье. И эти труды, вероятно, заставят по-иному оценить некоторые вопросы культуры чжурчжэней, о которых говорится ниже.

Так, в книге В. Е. Медведева «Средневековые памятники острова Уссурийского» (Новосибирск, 1982) приводятся радиокарбоновые даты основного памятника — Корсаковского могильника (960±25, 920±40, 570±25 гг. н. э.), расположенного на стыке Приамурья и Приморья, что в сочетании с типологической близостью его с могильниками Надеждинским, Болонь обязывает отнестись с бо́льшим доверием, чем мы это сделали, не зная этих данных, к мнению В. Е. Медведева о времени бытования этой культуры и ее принадлежности ранним чжурчжэням.

За недостатком места мы не останавливаемся на характеристике чисто литературных материалов — их роль прояснится в ходе их использования (цитирование и сноски). В качестве дополнительной историографической характеристики этой литературы можно указать несколько обзоров — для русской и советской: Крушанов, 1975; Шавкунов, 1973 (VI); Ларичев, 1968, 1966 (II); Воробьев, 1966 (II); Smolin, 1979; для американской: Березный, 1963; для китайской: Вяткин, Тихвинский, 1963; Chao Chen-chi, 1971; для японской: Мацуура, 1977; Воробьев, 1975 (раздел историографии); Шавкунов, 1969 (II).

[3] Выделение раннечжурчжэньских памятников и вещей из массы более ранних или синхронных, но иной этнической принадлежности [Деревянко, 1980; Медведев, 1980 (II), 1979 (I)], или, наконец, более поздних, цзиньских, все еще остается серьезной проблемой [ср. Васильевы, 1976; Васильев, 1974; Шавкунов, Леньков, 1973; Медведев, 1969; Сунь Сюжэнь, Чжу Бочэнь, 1964].

Глава 1

КУЛЬТУРА ЧЖУРЧЖЭНЕЙ ДО 1115 г.

1. Производственная деятельность

Производственная деятельность народа определяет многие стороны его культуры, и особенно культуры материальной. Однако на ранних стадиях исторического существования окружение, естественно-географическая среда оказывают непосредственное влияние на развитие тех или иных сторон культуры. Косвенно эта мысль высказана и в замечании Ф. Энгельса о том, что всякий прогресс в овладении силами природы есть «шаг вперед на пути культуры» [Маркс и Энгельс. Соч., т. 20, с. 116].

Поэтому здесь мы постараемся восстановить ту естественно-географическую среду, в которой возникло чжурчжэньское общество. Приамурье, Приморье, Маньчжурия расположены на окраине огромного Евразийского континента, и это во многом определило своеобразие природы ареала [Описание Маньчжурии, 1897; Анучин, 1948]. Континентальность климата Приморья и Маньчжурии выражена отчетливо. Зима сухая и морозная, весна холодная и без паводков, лето жаркое и дождливое, осень сухая и длительная. Велики региональные колебания в климате (Приморье — Приамурье). Резкие переходы от тепла к холоду, от дождей к засухе плохо влияют на плодовые деревья и ограничивают выбор зерновых и бобовых только яровыми, которые выдерживают весеннюю засуху, летние дожди и вызревают сухой осенью. Рельеф ареала разнообразен. Здесь расположены горы и низменности, горные плато и речные долины. Зона богата лесами и реками: Амур, Ляохэ, Далин, Ялу, Нонни, Сунгари, Уссури. Уровень воды в реках резко колеблется, замерзают они на длительный срок.

Переходя к характеристике растительного и животного мира, а также минеральных богатств, мы называем важнейшие из них лишь в том случае, когда их связь с жизнью населения твердо приурочена к доцзиньскому или цзиньскому времени [ср. ЦЛЧ; ШЦТЧ]. Растительный мир этих районов очень разнообразен. Из культурных растений, точнее из полевых, надо упомянуть несколько разновидностей риса (заливного и суходольного), проса (китай-

ское просо, просянка), гаолян (сорго), чумизу (итальянское просо), ячмень, пшеницу, гречиху, крахмалистые бобы, сою, горох, фасоль. Существовали клейкие и метельчатые разновидности этих видов. Огородные культуры были представлены несколькими сортами лука (дутчатым, зеленым и др.), черемшой, чесноком, салатной капустой, баклажанами, редькой, различными сортами тыквы (например, тыквой горлянкой), дынями, арбузами. В южных районах ареала выращивали культурные плодовые деревья: абрикосовые, сливовые, мелкие грушевые, яблоневые, тутовые. Кроме культурных растений местные племена использовали дикорастущие съедобные: чеснок, лук, водяной орех (чилим), амурский виноград, лотос, малину, лещину, маньчжурский орех, боярышник. Из растений, имеющих ярко выраженное лекарственное применение, выделялись женьшень, белый аконит, алые и белые пионы, драконов корень, пастушья сумка, кедровые орехи, гриб пахима, морская капуста. Достаточно разнообразны были технические культурные и дикорастущие представители флоры: конопля, пуэрария, сафлор красильный, дуб (дает желуди, используемые для изготовления красителей), вид осоки (трава ула), гигроскопические и утепляющие свойства которой использовались в обуви, а также тутовые деревья (теперь уже как база для питания шелкопрядов).

Сравнительно небольшую группу представляли домашние животные: лошади, быки, коровы, ослы, свиньи, овцы, верблюды и собаки. Более многочисленны дикие млекопитающие: кабан, тигр, волк, медведь, леопард, изюбр, косуля, кабарга, пятнистый олень, марал, енотовидная собака, соболь, белка, выдра, заяц, рысь, тарбаган. Из обитателей водного мира в литературе упомянуты лишь единичные его представители: карась, осетр, «корова-рыба», тюлень, трепанг. Немало встречалось пернатых (в том числе домашних): куры, утки, гуси. Железо, медь, золото, серебро, яшма, соль, агат, горный хрусталь, зеленый диорит составляют список наиболее важных полезных ископаемых и минералов ареала.

Мы позволили себе довольно пространно охарактеризовать естественно-географическую среду потому, что «всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории» [Маркс и Энгельс. Соч., т. 3, с. 19]. Подытоживая сказанное, надо отметить, что климатические особенности этой зоны — короткий вегетационный период, а также особый характер почв — сделали непригодной в этих районах систему землепашества, принятую в Северном Китае или в Центральной Корее. Обилие лесов, затрудняющих распашку, в сочетании с множеством пород промысловых животных, птиц и рыб стимулировало упрочение охотничье-рыболовческого уклада (ср. [Медведев, 1977, с. 105]).

В интересующее нас время чжурчжэни не обладали единым хозяйственным укладом, так как их племена были рассеяны по разным ландшафтным зонам. Мирные чжурчжэни жили в южной зоне Маньчжурской равнины с ее деградированными черноземами в северной части и степными сероземами — в южной. Соответственно

их хозяйство развивалось как скотоводческо-земледельческое. Немирные чжурчжэни обитали либо в Северо-Восточной Маньчжурии, где преобладали северные подзолистые почвы, либо в юго-восточной горной области, для которой характерны буроземы. Они занимались охотой, рыбной ловлей, а их переход к землепашеству затруднялся невозможностью прямого заимствования опыта китайских земледельцев из Южной Маньчжурии: чжурчжэньские земли требовали особых удобрений, более глубокой вспашки, иных культурных растений и иного севооборота. Хозяйственный уклад у отдельных племен зависел от наличия или отсутствия удобных пашен, пастбищ, охотничьих или рыболовных угодий. Однако первоначальная предпочтительная ориентация отдельных племен на один какой-либо вид хозяйства постепенно сменялась переходом к многоплановому хозяйству в пределах одного племени или племенного союза. При этом в многоукладном хозяйстве земледелие все более решительно стало играть ведущую роль. По «Цидань го чжи», в 1096 г. чжурчжэни, готовясь к войне с Ляо, «занимались земледелием, накапливали запасы зерна, обучали воинов и разводили лошадей» [Таскин, 1979, с. 164], а в 1111 г., когда был неурожай, «народ, испытывая голод, разбежался» [ЦШ, цз. 1, с. 22].

Чжурчжэни сеяли все виды перечисленных выше зерновых культур, но главную роль, очевидно, отводили просу, ячменю, пшеничке, а на юге — еще рису, конопле. Важное место в хозяйстве занимало скотоводство — разведение крупного рогатого скота и лошадей. Недаром скот стал эквивалентом обмена, фигурировал среди пéпей, калымов, свадебных подарков, жертвоприношений. Как тягловая сила волы все чаще использовались при пахоте. Разводили овец и свиней. В источниках красочно описана охота — лесная и пушная, индивидуальная и облавная и значительно скромнее — рыболовство и морской промысел. Чжурчжэни занимались добычей и первичной обработкой золота, жемчуга, яшмы, собирали женьшень, кедровые орехи, белый аконит, морскую капусту, гриб пахиму, дракопов корень, изготовляли лекарства из вытяжек желез морского котика, мускуса, пантов, добывали мед и воск, занимались ловлей соколов для обучения, обрабатывали меха (особенно собольи) и кожи. По представлениям той эпохи, кедровые орехи продлевали человеческую жизнь, гриб пахима помогал при болезнях почек, вытяжки из семенных желез морского котика являлись ценным тоническим средством, а белый аконит — противовоспалительным и болеутоляющим, морская капуста обладала широким спектром действия и т. д. Именно эти редкости, в особенности жемчуг, женьшень, кедровые орехи, ловчие соколы, мех соболя, создавали в глазах средневековых китайских авторов экзотический облик чжурчжэньской земли (орехи, например, упоминают китайские послы в Ляо) [ШЛЮЛ, л. 4а], хотя в обменных операциях большую роль играли более прозаические продукты чжурчжэней, такие, как лошади, меха, кожи.

Что же касается техники чжурчжэньского производства, то для ее характеристики мы располагаем очень скудными данными. Начнем с металлов, помня, что «можно априорно определить культур-

ный уровень какого-нибудь народа, зная лишь, из какого металла — золота, меди, серебра или железа — он изготовляет свое оружие, свои орудия или свои украшения» [Маркс, 1935, с. 139]. Можно утверждать, что чжурчжэни жили на землях, где добывалось издавна железо [Хино, 1942]. Отдельные племена и роды, возможно, сами не добывали железную руду, не плавили железо, не ковали железные оружие и орудия. Очевидно, именно такие племена имели в виду китайские авторы, когда писали, что чжурчжэни не знают железа и заимствуют железо у соседей [ЦШ, цз. 1, с. 16]. Но даже эти племена пользовались железом, приобретая его любыми способами. Так, в 1051 г. захвачено «вооружения без числа», позднее это же делал вождь чжурчжэней Ингэ (1095—1103) [ЦСШ, цз. 1, с. 1б]. Камень и дерево заменяли чжурчжэням металл лишь там, где это было рационально. Даже письменные источники сообщают о том, что Суйкэ — вождь чжурчжэней из племени ваньянь — научил народ (не позднее чем на рубеже XI в.) жечь уголь и плавить железо, что железоделательное ремесло стало предпочтительным занятием в некоторых родах: в роде вэньду на р. Абасы, в роде цзягу в деревне Убутунь [ЦШ, цз. 1, с. 15]. Археологические находки косвенно подтверждают эти сведения. На Екатериновском городище в Приморском крае, которое считается раннечжурчжэньским (XI в.), обнаружены кучи шлака [Шавкунов, 1968 (II), с. 189] — следы выплавки железа. Очевидно, безоговорочно нельзя воспринимать и такую фразу из «Саньчао бэймэн хуэйбянь»: «У них нет мастерских и ремесленников» (цит. по [Кычанов, 1966, с. 276]).

Упомянутые приамурские могильники дают разнообразный набор железного вооружения: наконечники стрел, боевые топоры, копья, палаши, кинжалы, части конского убора, кольца от кольчуги и пластинки от панциря. Железные наконечники стрел и копий разнообразны, годны на любой случай боя или охоты [Медведев, 1977, с. 134—135, табл. XL—XLV]. На правом берегу Амура, в пров. Хэйлунцзян, железоделательное мастерство у чжурчжэней развилось также рано [Ching Yüan и др., 1977, с. 28]. Латы стали символом боевой мощи чжурчжэней, а их количество — основой суммарной оценки военного потенциала племен. Причем, если в начале появления чжурчжэней на исторической арене сообщается о десятках доспехов (и о трудностях их приобретения — при помощи обмена, захвата и пр.), то к моменту возникновения Цзинь счет доспехов ведется на тысячи. Верным признаком достаточно широкого использования железа является применение его для изготовления не только оружия, но и орудий труда, утвари. Чжурчжэни знали железные земледельческие орудия и настолько ценили их, что особо отмечали любые приобретения такого рода (например, захват нескольких тысяч земледельческих орудий у киданей в 1114 г.). Чжурчжэньский словарь сохранил собственное наименование железных мотыг и плуга [ЦШГЮЦ, цз. 11]. В Надеждинском могильнике обнаружены железные топоры как строго прямоугольные, так и с округлым лезвием, слегка расширяющимся книзу, желез-

ные однолезвийные ножи с черенком, железные иглы [Медведев, 1977, с. 137—138, табл. XLVII]. Из железа и чугуна делали котлы; известны экземпляры с заплатами на стенках — свидетельство значительной осознаваемой ценности этой утвари.

Технология выплавки железа и кузнечное мастерство ранних чжурчжэней не изучены. Не покидая твердой почвы реальности, можно напомнить про некоторые аспекты техники и технологии, которые должны были быть присущи народу, коль скоро он овладел хотя бы самыми примитивными способами выплавки железа. Такой народ должен был не только уметь находить и добывать руду (последнее маловозможно без железных орудий типа кирки), но и устраивать простейшие печи для обжига и кузнечные горны. Обычные очаги-ямы непригодны для получения железа такого качества, которое бы годилось для перечисленных выше предметов, а простой огонь костра недостаточен для ковки оружия и орудий. Значит, чжурчжэни умели использовать огнеупорную глину (если не кирпич) для устройства печей, достигать нужной температуры в печи, а следовательно, постигли основные законы тяги воздуха (может быть, принудительной) и роль древесного угля. Определение конца плавки тоже требовало немалых навыков [Инаба, 1934]. В кузнечном деле было невозможно обойтись без железных клещей, зубил для рубки металла, молотов, пробойников и тому подобных орудий труда [Леньков, 1974 (I), с. 103—112]. Поделки чжурчжэней свидетельствуют, что основным техническим приемом обработки железных изделий являлась ковка и, по-видимому, сварка (железные котлы и пр.). Обзор известных предметов вооружения и обихода позволяет заметить ряд приемов их изготовления, тесно связанных с назначением вещи. Боевые топоры с проушиной — предметы довольно сложной формы для кузнеца; мечи несомненно требовали при изготовлении подбора состава металла; котлы с заплатами указывают на знание техники клепки; ножи хозяйственного и боевого назначения имеют на клинке особый желобок и т. д.

Источники утверждают, что чжурчжэни ввозили из Корё медь и серебро. Вряд ли они сами не добывали эти металлы — ведь их владения включали часть бывших бохайских земель, где эти металлы плавили. Золото безусловно добывали в чжурчжэньских краях и даже продавали его за рубеж, но пока нет фактических доказательств изготовления из него изделий в раннюю пору жизни чжурчжэней. Как и золото, серебро чжурчжэни тоже посылали соседям. Источники сообщают, что по просьбе чжурчжэней корейцы в 1102 г. прислали в их страну мастеров серебряных дел и, следовательно, существовало какое-то местное производство изделий из серебра. В амурских погребениях найдены пронизка и детали наборного пояса: бляшки, бубенчики, колокольчики [Медведев, 1977, с. 142—147, табл. LIV—LV; 1975 (II), с. 121, рис. 2, 3, 6]. Они изготовлены из бронзы. Вероятно, секрет производства бронзы был известен чжурчжэням, либо они переплавляли старые вещи. Бубенчики и колокольчики безусловно отлиты, а не выкованы из мягкой бронзы. Следовательно, чжурчжэни умели делать и литейные формы, по-

видимому даже двойные, как наиболее подходящие для отливки таких объемных изделий, как колокольчики и бубенчики. Судя по находкам, из бронзы делали украшения довольно сложной формы, например пряжки и бубенцы, умели тянуть проволоку, которую использовали для изготовления серег, колец, браслетов. При изготовлении этих предметов необходимы были такие орудия, как зубильца, пробойники, бородки, молоточки, возможно напильники. Поскольку температура плавки бронзы невысока, сам процесс в принципе мог происходить и в обычных очагах или очагах канов. Но даже в этом случае вряд ли изготовлением изделий из цветного металла занимались все чжурчжэни.

Несмотря на утверждения некоторых письменных источников об отсутствии керамики у ранних чжурчжэней (см. [СЧБМХБ, цз. 3]), находки из амурских могильников не оставляют сомнения в том, что у народа, оставившего эти погребения, была в ходу керамика. По виду сосудов ясно, что чжурчжэни уже знали гончарный круг (хотя и не оставляли ручную лепку), технику лощения, умели регулировать температуру обжига. Характерно, что чжурчжэньский словарь сохранил специальный термин для керамической печи [ЦШГЮЦ, цз. 4].

Опыт истории культуры свидетельствует, что существование железоделательного производства у любого народа на заре его истории служит надежной предпосылкой для развития таких отраслей ремесла, как ткацкое, деревообделочное, для расширения строительства. Сообщения источников не оставляют сомнения в том, что чжурчжэни ткали холст и полотно из льна, конопли, пуэрарии, а также изготовляли сукно. По уверению «Саньчао бэймэн хуэйбянь», «они не знают шелководства» [Кычанов, 1966, с. 273]. Это мнение основывается на неблагоприятных климатических условиях для выращивания шелкопряда в северных районах ареала [Толмачев, 1928]. Но следует учесть, что в чжурчжэньском языке были термины для тутового дерева, кокона [ЦШГЮЦ, цз. 7, 11], вместе с тем издавна известно в этих местах использование дикого шелкопряда для получения грубого шелка, а дальше к югу — и культурного (бохайцами). Симптоматично также, что все названные виды тканей, включая и шелка, входили в предметы торговли с соседями. Техника ткацкого дела чжурчжэней совершенно неизвестна, но чжурчжэньский словарь сохранил характерные термины: «ткачество», «ткацкий челнок» [ЦШГЮЦ, цз. 5, 12].

Еще более проблематична техника деревообработки. Источники подчеркивают разнообразие и обилие орудий труда, оружия, разного рода изделий, домашней утвари из дерева. Обратим внимание на один вид оружия — на луки. По литературным данным, чжурчжэньские луки по силе достигали 7 доу, т. е. были слабее китайских, обладавших силой в 1 ши, или 10 доу [Franke, 1975, с. 145]. Однако китайцы с уважением относились к чжурчжэньским лукам и к меткости чжурчжэней, которая, очевидно, в немалой степени зависела от хорошего качества оружия. Боевой лук — довольно сложное устройство, и для его изготовления необходима развитая технология

обработки дерева. Весь же комплекс деревообделочного ремесла мог существовать только при условии обилия специализированных железных орудий и инструментов.

Развитие скорняжного и кожевенного ремесел было невозможно без соответствующих познаний чжурчжэней в практической химии, познаний, добытых, несомненно, эмпирическим путем. Существование таких познаний косвенно подтверждается активным сбытом мехов, кож и изделий из них соседям — Корё, Ляо, Сун, высокие запросы которых эти предметы удовлетворяли.

Даже такая, несомненно неполная, картина производственной деятельности чжурчжэней, технический аспект которой мы старались по возможности выделить, свидетельствует о существовании у этого народа в догосударственную пору всех важнейших отраслей производства, характерных для раннегосударственных образований: земледелия, железолитейного и кузнечного дела, ткачества, керамического и деревообделочного мастерства. Набор этих промыслов-ремесел не случаен. Отдельные отрасли взаимосвязаны между собой на прогрессивной технической основе (железные орудия, простейшие механизмы, зачатки химии) и уже по одному этому создают благоприятную культурную среду в настоящем и перспективу создания в будущем такого производства, уровень которого сможет обеспечить развитие культуры на новом, государственном этапе. На догосударственном этапе производственная деятельность чжурчжэней сохраняла еще сильные черты этнической, местной специфики. Китайские писатели отразили это обстоятельство в перечне чжурчжэньских редкостей. Но такое производство вскоре поднялось до уровня, общего для средневекового Дальнего Востока.

2. Поселения

В источнике отмечается, что «вначале в стране не было городов» [ДЦГЧ, цз. 33, с. 133]. Вероятно, имеются в виду города сложившегося, китайского типа. В ходе развития племен Маньчжурии стали создаваться поселки, укрепленные поселения, городища, городки. В Бохае существовали не только городища, но и крупные города [Шавкунов, 1968 (I), с. 94—108], но Бохай был сформировавшимся государством. Однако у мохэ, не знавших подлинной государственности, мы тоже сталкиваемся с городищами и поселениями. По письменным источникам, у ранних чжурчжэней существовали все основные виды поселений: деревни — места обитания общины, группировавшиеся вокруг поселения и вместе с ним принадлежащие целому клану; разные виды городищ: лагеря, границы которых очерчивал вал [СЧБМХБ, цз. 181], городки, окруженные валом с частоколом; крепости на границе с Корё, в конце периода — ранние города-ставки племенных вождей [Линь Жуйхань, 1956, с. 24—26]. Знать для охраны своего семейства, приближенных строила городки. Межплеменные ссоры и схватки развертывались вокруг таких поселков-городков (чэн), как Бэлишиханьчэн, Люкэчэн, Утачэн, Асучэн, Дуньсычэн [Хуа Шань и др., 1956]. Наиболее

отчетливо черты укрепленных поселков-городков видны на примере Люкэчэна и Асучэна. Оба они являлись родиной и оплотом племенных вождей Люкэ и Асу. Эти городки, по-видимому, были достаточно хорошо защищены, так как осада Асучэна продолжалась несколько лет [Яо Цунъу, 1959]. В литературе упоминается государево городище, городище соправителя (шисяня), городище царевича [ДЦГЧ, цз. 33]. Государево городище потом превратилось в г. Хуэйнинфу. Несомненно, Хуэйнинфу, или Шанцзин, принадлежит к числу наиболее древних населенных пунктов чжурчжэней, заложенных еще в додинастический период и сохранившихся в развалинах до наших дней. Но, к несчастью, и здесь не удается выделить ранние сооружения. Наконец, старая литература в зону распространения ранних чжурчжэней помещает таинственный Угочэн (букв. «Город пяти стран», или, как часто пишут, «пяти племен»). Пять племен перечислены в «Ляо ши», известен примерный район их обитания — среднее течение Сунгари, но о точном месте расположения города ведутся споры [Matsui, 1912 (II), с. 140—147). Археологам, к сожалению, до сих пор не удается надежно выделить из цзиньских городищ ранние чжурчжэньские. С известными оговорками к ранним могут быть отнесены Екатериновское городище в Приморье [Шавкунов, 1973 (III), с. 72; Леньков, Галактионов, 1977], городище Циньцзятунь в Маньчжурии [Чэнь Сянвэй, 1964; Сунь Сюжэнь, Чжу Гочэнь, 1964]. Первое дает лишь единичные экземпляры цзиньских и южносунских монет [Леньков, Галактионов, Силантьев, 1978], последнее — только северосунские монеты (до 1125 г.).

Кроме упомянутых городков и городищ у чжурчжэней в эту пору существовали специальные военные крепости. Все начало XII в. прошло у чжурчжэней в борьбе с корейцами за равнину Хамхын, где чжурчжэни построили девять крепостей. Крепости сооружались и против киданей. Вот как описывает их китайский источник: «Чжурчжэни обитали в земляных городищах. Из глины с водой лепили валы. Поливали их водой, на морозе они покрывались льдом. На протяжении 300 ли от крепости выжигали местность. Их люди рассеивались по лесам и горам и ждали киданей. Когда кидани приходили, то крепости невозможно было атаковать и нельзя было захватить. Войско отступало. Чжурчжэни выходили и преследовали его. Убивали и ранили массами» [ЛШШИ, цз. 18, с. 362]. Киданьский император в 1114 г. посылал людей выяснить, почему чжурчжэни строят военные крепости на границе с Ляо. Такие крепости являлись звеном в партизанской тактике чжурчжэней.

Кроме городищ в «Цзинь ши» неоднократно упоминаются деревни, поселения, которые явно не смешиваются с первыми. Однако раннечжурчжэньские селения (селища) неизвестны археологам. Такими памятниками, возможно, являются поселения в Сакачи-Алян (Хабаровский край), которое по монетам датируется XI—XII вв. [Окладников, 1971].

3. Жилища

Характер жилищ и обстановки чжурчжэней на заре их существования письменная традиция ставит в непосредственную связь с отсутствием прочной оседлости. «Вначале у чжурчжэней не было городов... жили в повозках, запряженных лошадьми» [ДЦГЧ, цз. 10, л. 116—117]. Другой источник смягчает эту картину кочевого быта. «По древнему обычаю, хэйшуй (хэйшуй мохэ, т. е. немирные чжурчжэни.— *М. В.*) не имели домов. Держались гор и рек. Копали в земле [яму], обшивали деревом, сверху засыпали землей. Летом вылезали и жили везде, где была вода и трава. Зимой залезали в [землянки] и там оставались. Время от времени переселялись. Сянь-цзу (Суйкэ) переселился на р. Хайгушуй и [там] остался. Пахали целину, сеяли и сажали. Начали строить жилища правильной конструкции [т. е. имеющие стены и крышу]. Люди называли их нагэли. Нагэли по-китайски значит обиталище» [ЦШ, цз. 1, с. 15]. Слово «нагэли», возможно, одного корня с «наган» (маньчж. «нахан»), т. е. лежанка.

Помня о проблематичной достоверности сведений о ранних вождях чжурчжэней и с учетом сказанного в разд. 1 гл. 1 о многоплановости чжурчжэньского хозяйства, многое можно вывести из этих двух цитат. В «Да Цзинь го чжи» несомненно описывается кибитка — жилище кочевников. Такую жизнь вела лишь часть чжурчжэньских племен. В «Цзинь ши» рассказывается о жилище охотников и рыболовов с их сезонными передвижениями и, наконец, о наземных помещениях оседлых земледельцев. И действительно, люди хэйшуй (чернореченские мохэ) вовсе не были скотоводами-кочевниками, а занимались охотой. Именно это обстоятельство и вынуждало их совершать сезонные перекочевки в поисках зверя и строить зимники-землянки и, по-видимому, летники, о которых летопись не упоминает. В этом их образ жизни схож с жизнью приамурских народностей более позднего времени. Временные шалаши мастерились из недубленых кож и бересты [Ma Touan-lin, 1876, с. 430]. Землянки исчерпывающе описаны в «Цзинь ши». По типу они очень похожи на нанайские, даже у них считавшиеся наиболее примитивной формой жилища [Лопатин, 1922, с. 78]. По наземному жилищу можно привести дополнительные сведения из «Цзинь чжи»: «Степы в жилищах строились также из дерева. Так как здесь зима весьма холодна, то жилища имели в высоту не более нескольких футов, и в них проделывалась одна только дверь с юго-восточной стороны; когда она затворялась, то еще окутывалась травой тщательно. На полу сбивался из земли род печи, нагреваемой [огнем] снизу; на ней спали, ели и жили» [ЦЧ, с. 4; цит. по: Васильев, 1859, с. 200]. В «Саньчао бэймэн хуэйбянь» читаем: «Связывают жерди наподобие изгороди и устраивают помещение высотой в несколько футов. Не употребляют черепицы, кроют досками, берестой или травой старательно. Все стены и перегородки, как правило, делают из дерева. Двери всегда обращены на восток. Вокруг помещения [внутри] устраивается земляная постель. Под

ней разводят огонь. На этой постели спят, едят, занимаются повседневными делами. Называется она [по-чжурчжэньски] кан. Используется ради тепла» [СЧБМХБ, 3, л. 3а — 3б; Кычанов, 1966, с. 273]. Другой источник отмечает южную ориентировку двери, ее навесной характер (на бамбуковых петлях), позволяющий плотно ее закрывать [ЛШШИ, цз. 18].

Таким образом, типичное наземное жилище чжурчжэней выглядело следующим образом. Готовили площадку, возможно, рыли неглубокий котлован, вбивали угловые столбы, а между ними устанавливали связанные жерди, образующие стену, затем, похоже, замазывали глиной или засыпали землей. Такое сооружение для тепла строилось невысоким (в несколько футов), без окон и с одной дверью. Крыша делалась из досок, бересты, глины, травы. Перегородки мастерились легкие. Дверной проем прорубался с наиболее теплой, южной или восточной стороны. Дверь была навесной и утеплялась травой и паклей. Небольшая высота дома, утепленная дверь, отсутствие окон и отверстия для дыма, ненужного при воздушном отоплении (кане), обеспечивали защиту от холода.

Система отопления, именуемая каном, родилась в Маньчжурии давно, но введена в широкое употребление чжурчжэнями. В «Хань шу» рассказывается: «Копают в земле ровик и пускают отопительный огонь» [цит. по: Торияма, 1934, с. 729]. Это устройство уже приближается к кану. В «Тан шу» (цз. 219), в разделе о Гаоли (Когурё), говорится: «Простолюдины в середине зимы делают широкие нары, отапливаемые для теплоты» [Бичурин, 1950, т. II, с. 100]. Описанное приспособление уже напоминает чжурчжэньский кан. Интересно, что в Когурё существовала не чисто корейская система отопления (ондоль), а маньчжурская (кан). Кан — приспособление, свойственное оседлым обитателям. Образец чжурчжэньского помещения — жилище XI в., вскрытое на Екатериновском городище, находится на террасовидной площадке, обрамлено П-образной насыпью-валом — остатком разрушенных стен. Вход расположен с востока. От входа — слева и справа — видны очажные ямы, от которых вдоль северной, западной, южной стен шли колена П-образного кана, сложенного из камней. Кан состоит из двух параллельных дымоходов, которые сходятся в трубе-дымоходе за юго-восточным углом жилья. Внутри жилище разгорожено каменной перегородкой пополам (вероятно, это хозяйственная и жилая части). Стены — деревянные, из плах, утепленные глиной — наклонены вовнутрь. Этот тип жилища — промежуточный между полуземляночным и наземным [Шавкунов, 1973, (III), с. 72—74].

Древнейшим известным нам пунктом обитания чжурчжэней был район будущего Шанцзина. Начиная с вождя Суйкэ, если верить «Цзинь ши», или позже, но уже во второй половине XI в., здесь размещалась ставка вождей ваньянь: стояли деревянные сооружения, окруженные частоколом. Этот тип строений существовал у племен Маньчжурии с глубокой древности. На памятниках этого времени можно обнаружить следы общественных построек [Ching Yüan, 1977, с. 28]. В письменных источниках упомянуты дворцы

правителей из клана ваньянь, несколько древних буддийских храмов. Археологи нашли на территории Шанцзина фундаменты и строительные детали ряда зданий дворцового и административного типов, но, к сожалению, эти остатки не поддаются еще точной датировке. Находки черепицы, отсутствие которой на рядовых жилищах выделяет источник [БФЯШЛ], не решают проблемы. Трудно представить себе совершенно внезапное появление уже довольно развитого дворцового строительства в XII в. По-видимому, возведение подобного рода строений относится к XI в.— к эпохе правления чжурчжэньских вождей. Последние, несомненно, уже нуждались в таких сооружениях, а образцы для подражания без труда можно было отыскать на месте — в старых городах Бохая и в более молодых городах Ляо.

4. Одежда и личные украшения

Сведения источников об одежде чжурчжэней до создания государства весьма колоритны: «Из пышных мехов делают шубы. Не входят в помещение, не сняв [их]. Если одежды хоть несколько тонкие — отваливаются пальцы и трескается кожа...» [ЛШШИ, 18, с. 362]. Еще сообщается: «По обычаям, цзиньцы любят одеваться в белое. Косы свисают на плечи — в отличие от киданей. Свисают золотые кольца. Оставшиеся на голове волосы сзади связывают цветным шнуром. Богатые носят украшения из золота и жемчуга. Женщины укладывают косы в пучок и не носят головного убора. После падения Ляо и вторжений в Сун постепенно появились [головные] уборы. Женщины либо носили головной убор, либо обертывали голову платком. Но любимой у них все же была одежда древнего покроя. Среди местных продуктов нет шелковичных червей и тутовых деревьев, хотя много холщовых тканей. Знатные и незнатные различаются по тонкости и грубости тканей. Без этого места, обнаженные и не покрытые волосами, без мехов невозможно спасти от холода. Поэтому и бедные и богатые — все носят [меха]. Богатые весной и летом в большинстве своем носят платье из пеньковой ткани и грубого шелка, но встречаются и одежды из тонкого полотна. Осенью и зимой носят шубы из меха соболей, белок, лисиц, енотов, баранов или делают одежду из пеньковой ткани. Бедные весной и летом носят платье из полотна, а осенью и зимой — одежды из шкур коровы, лошади, свиньи, барана, кошки, собаки, змеи и из оленьего меха; чулки всегда из меха. Женщины носят широкий белый кафтан. Снизу как ряса юношей-даосов. Верхней одеждой называют узорчатую юбку. Справа и слева на юбке разрезы (досл. «пустое место в два фута с лишним»). Из железных нитей сделаны кружки. Подкладка из узорчатого белого шелка. Сверху надевают юбку без подкладки» [ДЦГЧ, цз. 39, с. 180—181].

Наконец, читаем в «Саньчао бэймэн хуэйбянь»: «Ткани для платья [у чжурчжэней] хорошие. Платье короткое, застегивается на левую сторону. Женщины заплетают волосы в косу и укладывают пучком. Мужчины заплетают волосы в косу, [которая] сви-

сает сзади. В ушах носят золото, серебро, самоцветы люнао. Сзади в волосы вплетают цветные шнуры. Богатые [носят] украшения из жемчуга и яшмы, надевают темные шубы, одежду из тонкого сукна, с собольим, беличьим, лисьим, енотовым мехом. Бедные носят одежду из кожи коров, лошадей, свиней, овец, кошек, змей, собак и рыб» [СЧБМХБ, цз. 3, л. 3б—4а; Кычанов, 1966, с. 274]. О собольих и иных шубах свидетельствует и другой источник: «На севере жестокие холода, поэтому многие одеваются в меха. Когда поймают хоть одного зверька, снимают с него шкуру и хранят ее. Женщины в качестве украшения [носят] шапки из шкур ягнят. Обходятся в несколько десятков тысяч [монет]. По цене равны трем большим баранам. Не ценят соболей: когда на них попадает солнце или огонь, они выцветают» [СМЦВ, цз. 2, с. 15]. Примечательно, что спустя столетия население этих мест тоже предпочитало овчину соболю [ЦЛБК, цз. 2, л. 2б]. Итак, характерной одеждой чжурчжэней, поражавшей китайцев, были шубы. Они отнюдь не служили простым признаком состоятельности и важности их владельца, а имели утилитарное назначение. Это подчеркивают китайские авторы. Однако, несмотря на практическое назначение шуб, источники четко разграничивают их по материалу, выбор которого зависел исключительно от состоятельности заказчика. По «Суй шу», у предшественников чжурчжэней — мохэ «женщины носят одеяния из холста, а мужчины — из свиных и собачьих кож» [Бичурин, 1950, т. II, с. 92]. Чжурчжэни носили платье белого цвета, как и другие народы Дальнего Востока: японцы, фуюй, корейцы. Отчасти это объясняется тем, что искусство окрашивания не было еще разработано и поневоле приходилось носить некрашеные одежды. Эта привычка держалась довольно долго, и даже после того, как получила развитие техника крашения. Специфичен левый запáх чжурчжэньской одежды. В цитируемых выше отрывках из источников ясно оттеняется имущественное неравенство среди чжурчжэней.

Хотя чжурчжэни в этот период чаще всего шили одежду из местных материалов, но на богатые и праздничные одеяния шли и привозные ткани. Например, женские узорные одеяния («вытканные ветками и цветами»), как утверждает источник, шили из киданьских тканей. Заимствовали у них и некоторые фасоны одежды. Шелковые ткани проникали к чжурчжэням не только от киданей, но и от корейцев и от китайцев. Так, в 1095 г. чжурчжэней в Корё пожаловали платьем, суконными, бумажными тканями, а на следующий год — парчой и тонким шелком [КС, цз. 10]. Еще раньше, в 1017 г., китайцы одаривали чжурчжэньских гостей желтым, цветным, пурпурным платьем, в 1019 г.— узорчатым шитьем [Hino, 1964, табл.].

Приведем еще некоторые сведения об обуви тех времен, они могут быть отнесены и к чжурчжэням. В «Цэфу юаньгуй» (цз. 972) под годом 924 говорится: «...бохайский король Даиньчжуань-ван послал в счет дани... шесть пар волосяных сапог. Волос — это трава ула... Зимой не вянет, поглощает влагу и теплая. Поэтому защищает от холода и предохраняет от сырости» [Торияма, 1934, с. 739].

В «Нингута цзилюе» так объясняется, что это за трава ула: «Здесь есть трава, называемая „ула", она родится поблизости воды, бывает тонкая, продолговатая, мягкая и теплая; ее употребляют на подстилку в кожаных сапогах; хотя бы вы шли по льду или по снегу, нога не озябнет в таких сапогах, которые бывают кожаные и сами называются „ула". Туземная поговорка гласит, что в Нингуте три драгоценности: т. е. женьшень, соболь и ула» [Васильев, 1857, с. 95].

Своеобразно выделялся треух — ранний головной убор чжурчжэней, именуемый в источнике «шапкой с четырьмя приставками» (сы дай цзинь). К квадратной тулье приторачивались четыре «приставки», образующие глубокий околыш головного убора. Две из них служили своеобразным продолжением тульи (спереди поднятыми, сзади опущенными), а две свисали с боков, прикрывая виски и уши. Головной убор имел вид треуха [Mikami, 1973, с. 380].

Судя по материалам амурских могильников (Надеждинского и др.), которые характеризуются исследователем как раннечжурчжэньские, перечень уже упоминавшихся личных украшений можно пополнить наборными поясами, бляшками, колокольчиками, бубенчиками, серьгами, браслетами, подвесками, бусами, пронизками, шейными гривнами, пряжками для одежды. Особо интересны наборные пояса трех типов: 1) с нашитыми прямоугольными прорезными бляхами; 2) с бляхами, сочетающимися с колокольчиками, или бубенчиками, подвешенными к ремню; 3) без блях, но с набором бубенцов [Медведев, 1977, с. 144, рис. 63; 1975 (III)]. Украшения — бронзовые, реже железные — очень разнообразны по форме и орнаменту. Лишь серьги сочетают бронзовую основу с нефритовыми подвесками [Медведев, 1977, с. 148, табл. LX—LXI]. Перечисленные личные украшения из золота, серебра, жемчуга, яшмы сочетались с меховой и шелковой одеждой богатых чжурчжэней. У бедных же, по-видимому, единственным украшением мог быть кисет на поясе. Маньчжуры, согласно «Нингута цзилюе», «при выходе из дому непременно привешивают к поясу мешок (т. е. футляр) с небольшим ножом и палочками, мешок с огнивом, платок и прочие вещи...» [Васильев, 1857, с. 97].

Заслуживает внимания прическа чжурчжэней. Мужчины слегка подстригали волосы с боков, подбривали их спереди. Оставшиеся волосы собирали в пучок таким образом, что на темени образовывалось небольшое голое пространство. Оставшиеся волосы заплетали в косу (иногда в две-три косицы), которая свободно ниспадала на спину [Ch'êng Sou-lo, 1947, с. 251—253]. Как свидетельствуют цитаты из источников, допускались варианты в прическе. Согласно «Лу тин ши ши»: «С древности варвары носили волосы свободными и прикрепляли их слева — это был обычай естественный» (цит. по [Franke, 1975, с. 182]). Однако при всех условиях коса оставалась характерной особенностью чжурчжэньских причесок, хотя многие племена группы дунху тоже носили косы. Другой источник добавляет: «Косы свисают на плечи — в отличие от киданей» [ДЦГЧ, цз. 39, с. 182].

Рассмотренный материал свидетельствует о самобытности чжурчжэньской одежды (а также личных украшений и причесок), отличающейся от китайской по типу (шубы), по материалу (полотно и меха), по способу застегивания (левый запáх), по четкой дифференциации ее в зависимости от состоятельности владельца, равно как и о присутствии в одежде и украшениях элементов, несущих этнодифференцирующую нагрузку (левый запáх, косы и др.).

5. Пища и утварь

О пище и питье чжурчжэней имеются довольно подробные сведения. Вот как описывает их источник: «Питье и пища грубые. Из бобов делают отвар. Также любят полупроваренную рисовую кашу. Смачивают ее свежей собачьей кровью, приправляют чесноком и так едят... Умеют гнать водку из риса» [ДЦГЧ, цз. 39, с. 182]. «Саньчао бэймэн хуэйбянь» дает более подробное описание: «Из рисовой кашицы гонят вино. Из гороха приготовляют соус. Готовят кашу из полусырого риса, приправляют ее сырой собачьей кровью и луком, после чего едят. Употребляют в пищу плоды вяза (ути). Вся их кухонная утварь состоит лишь из деревянных тарелок, они не пользуются посудой из тыкв горлянок, фарфора (керамики.— *М. В.*), не имеют чашек и палочек для еды. Весной и летом они едят рисовый отвар из больших деревянных посудин. Посудина наполняется отваром в количестве, сообразном с количеством присутствующих. Собравшись вокруг чаши, все едят отвар деревянными ложками с длинной ручкой. После отвара едят мясо. Вкус его лишен многих качеств и представляет нечто среднее между сырым мясом рыбы и сырым мясом сайги. Едят и жареное мясо. Зимой, поскольку холодно, отказываются от питья. В деревянных мисках держат кашу, в деревянных тазах — похлебку. Сопровождающие рис блюда те же самые, которые едят с кашицей. Очень много, без счета, пьют вино. Пользуются только деревянными черпаками от высших до низших, встав в круг, черпают ими вино. Жарят на огне окорок, варят сушеное мясо. Остальное мясо смешивают с овощами и толкут в ступе, превращая всю эту смесь в кашицу, и подают [эту кашицу]...» [Кычанов, 1966, с. 274, и СЧБМХБ, цз. 3]. Тот же источник сообщает далее: «Чжурчжэни... собирают кедровые орехи и белый аконит... Из животных там много коров, овец, оленей, диких собак, кабанов... Из плодов и цветов имеются белые пионы и арбузы. В море много крупной рыбы и крабов... Оленей съедают, сохраняя кожу и кости... Пристрастны к вину... Режут курицу... и съедают ее... без счета пьют вино... [На месте скачек] пьют вино... на галерею подают мясо и вино...» [Кычанов, 1966, с. 273—275]. В «Сунмо цзивэнь» говорится: «Жарили бедро, варили сушеное мясо, перетирали в ступке оставшееся мясо и овощи и эту кашицу ели» [СМЦВ, цз. 1, с. 11]. Кроме того, среди угощений, подаваемых на брачном пиру у чжурчжэней, этот источник называет медовые пирожные: кедровые орехи и мякоть абрикоса пропитывались медом и смешивались с мукой из клейкого риса;

форма пирожных квадратная, круглая, в виде цветка хурмы [Ториями, 1934]. В «Лу тин ши ши» можно прочесть о том, что «в диких землях пустынь и степей есть много желтых грызунов. Они прячут бобы и зерно в землю, и их можно употреблять в пищу... они очень жирные и крупные. Варвары (чжурчжэни.— *М. В.*) рассказывали мне, что считают их лакомством...» (цит. по [Franke, 1975, с. 181]). Желтые грызуны — это тушканчики, или тарбаганы. В «Маочжай цзысюй» Ма Ко, помещенном в «Саньчао бэймэн хуэйбянь», говорится: «К северу от р. Хуньтунцзян в Сяньчжоу (совр. Кайюань) не растут злаки и лаковые деревья, [растет] только просянка. Обдирают зерно и тут же варят кашу. Встретившись с Агудой, собрали вождей и вместе ели. На каны поставили низкие подставки или деревянные столики, близко один к другому. Люди клали в миску кашу и ложку сверху, рядом ставили мелко нарубленный лук, черемшу, дикий чеснок, длинную тыкву — все моченья и соленья. На деревянные тарелки клали мясо свиньи, овцы, курицы, оленя, зайца, волка, кабарги, косули, лисицы, коровы, осла, собаки, лошади, гуся, казарки, рыбы, утки, лягушки и др. либо жареное, либо вареное, либо сырое. Много горчицы, чеснока... Каждый брал нож, висящий у пояса, и отрезал кусок мяса. К северу от Биньчжоу (учрежден Ляо, в современном уезде Ляочжун пров. Ляонин.— *М. В.*), Чэньчжоу (учрежден Бохаем, при Цзинь — Гайчжоу, современный уездный город Гайпин.— *М. В.*) губернии Восточной столицы очень мало пшеничной муки. Ежедневно каждый стреляет из лука птиц и зверей...» [СЧБМХБ, цз. 4, л. 13а—13б]. Среди огородных культур особого внимания заслуживает арбуз, или западная тыква. Кидани заимствовали это растение у уйгуров. К чжурчжэням оно попало от киданей, а к китайцам — уже от чжурчжэней. Экзотическим продуктом чжурчжэней считались белые пионы: «У чжурчжэней много цветов — белых пионов, все дикорастущие, совсем нет красных. Для семьи выгодно рвать их почки и зелень и поджаривать в муке» [СМЦВ, цз. 2, с. 15].

В начале XII в. у чжурчжэней уже распространилось чаепитие. «Цзинь чжи» сообщает, как в конце брачного пира для почетных гостей был заварен чай [ЦЧ].

Пища чжурчжэней в X—XI вв. была довольно разнообразна. В целом превалировала мясная в сочетании с продуктами земледелия, хотя приведенные цитаты отмечают известный недостаток мяса и злаков. В пищу употребляли как домашних животных (собаки, быки, свиньи, овцы, лошади, ослы), так и диких (изюбр, косуля, кабарга, заяц, волк, лисица). Упомянуты в источнике три вида птицы (курица, гусь, казарка), а также рыба. Основными зерновыми (крупяными) продуктами питания были просянка, бобы и рис. Чеснок, черемша, лук — возможно, дикорастущие. Разнообразие пищевого рациона чжурчжэней — яркое отражение многоплановости хозяйства. Продукты питания чжурчжэней, конечно, не ограничивались перечисленными выше. Они употребляли также молоко, кумыс, растительное масло, сушеную рыбу, отраженные в чжурчжэньском словаре «Цзинь ши го юй цзе», и многие другие продукты

(см. гл. 1, разд. 1). Пища и питье чжурчжэней X — начала XII в. отличались простотой и известной грубостью. Все продукты питания были местного происхождения, кроме, понятно, чая. Арбуз и тот выращивался на месте. Способы приготовления пищи были весьма примитивны. Чжурчжэни привыкли есть сырое мясо и овощи; жарке и варке не придавали особого значения. Впрочем, это объясняется, вероятно, инстинктивным стремлением сохранить полезные — витаминные и иные — свойства продуктов (непроваренная каша, сырое мясо и сырые овощи) и придать блюдам некоторую остроту (закисшая каша, добавление собачьей крови, лука, чеснока, вина и т. п.). Использовали они и недозрелый рис. Это может быть объяснено климатическими условиями: в Северной Маньчжурии он плохо вызревает.

Разумеется, не все представители съедобных видов флоры и фауны, названные нами в разд. 1 этой главы и в соответствующих разделах нашей монографии «Чжурчжэни и государство Цзинь», были доступны всем чжурчжэням. Локальные, географические и климатические, условия в сочетании с привычками, степенью, а главное, ориентацией развития хозяйства в конкретных районах ограничивали круг пищевых ресурсов — для каждого конкретного племени по-своему. Судя по чжурчжэньским словарям, у чжурчжэней были широко распространены мясная похлебка, каша из риса или проса (просяпки) с приправами, жареные рисовые лепешки, печеный хлеб, вареный рис, медовые пирожные, мясо во всех видах, а также водка (ср. [ЦШГЮЦ]). Почти все источники упоминают, что чжурчжэни гонят водку из риса (или из зерна). Это утверждение ставится под сомнение современными исследователями ввиду того, что рис в этих местах стоил дорого [Franke, 1974 (III), с. 244]. В «Вэньсянь тункао» упоминается еще «оленье вино», которое осмысляется исследователями либо как водка из кумыса, которую гнали и кидани, либо как вино с добавлением содержимого пантов [Ma Touan-lin, 1876, с. 429]. «Суй шу» сообщает, что и мохэ «вино делают из риса и оно пьяно» [Бичурин, 1950, т. II, с. 92].

Об утвари той эпохи известно мало. Столовая посуда была однообразна. В уже цитированном отрывке из «Саньчао бэймэн хуэйбянь» подчеркивается отсутствие «фарфора», т. е. керамики, упоминается разная деревянная посуда (но не китайского типа — нет палочек для еды). Посуда — чашки, миски, тарелки, ложки, ковши — делалась из дерева, предпочтительно из вечнозеленого дерева лин (эйрия японская). Согласно «Сунмо цзивэнь», «дерево лин любят за красоту древесины и во множестве используют на чашки» [СМЦВ, цз. 2, с. 116]. Керамическая посуда у народов этого ареала не упоминается и в более ранних китайских источниках. Так, согласно «Хоу Хань шу», так называемые восточные иноземцы (дун-и) «посуду употребляют деревянную» [Кюнер, 1961, с. 224]. В «Цзинь ши» сообщается, как около 1092 г. «Тай-цзу (Агуда) захватил вассалов семьи Ма-чаня, не оставив и котлов» [ЦШ, цз. 1, с. 18], по-видимому железных, для варки пищи. Вероятно, знать употребляла металлическую посуду и утварь, покупаемые в Китае и в Корее

[Воробьев, 1975, табл. 3]. Та же Корея по просьбе Ингэ отправила ему серебряных дел мастеров, которые на месте обслуживали чжурчжэньскую знать.

Судя по находкам из Надеждинского могильника, чжурчжэни все же использовали глиняную посуду; во всяком случае, она найдена в погребениях. Среди находок этого могильника станковая керамика несколько преобладает над лепной (так называемой мохэской). К станковой керамике относятся плоскодонные, в основном гладкостенные, горшки, кувшины, вазы и корчаги, иногда лощеные. Лепная посуда проще и по форме (главным образом в виде банок) и по выполнению (грубый обжиг). Из этих двух видов лепная связывается с культурой мохэ, использовалась в быту чжурчжэней до того, как попала в захоронения, чжурчжэньская же станковая, похоже, была предназначена специально для могильников [Медведев, 1977, с. 130—131, табл. XXXI; Леньков, 1968]. Некоторые экземпляры — шаровидные сосуды с узким отверстием и плоским дном — весьма напоминают позднечжурчжэньские [Воробьев, 1967 (II), рис. 2/3]. Китайских наблюдателей той эпохи в рационе и утвари чжурчжэней поражали две особенности: обилие выпивки и господство деревянной посуды, для Китая несвойственные. «Вэньсянь тункао» пишет, что «чжурчжэни во хмелю не щадят ни отца, ни матери» [Ma Touan-lin, 1876, с. 429]. Деревянная посуда у китайцев в значительной степени была вытеснена керамической. У чжурчжэней, очевидно, бытовая посуда и посуда рядовых членов рода делалась в это время в основном из дерева, что и неудивительно для страны, богатой лесом.

6. Семья и семейный быт

Семейная жизнь чжурчжэней в это время известна нам лишь в самых общих чертах, если не считать брачных отношений, о которых мы имеем достаточно сведений. Семья была безусловно патриархальна: власть мужа, главы семьи, бесспорна. Большая семья с выходом чжурчжэней на историческую арену постепенно изживала себя. Взрослые сыновья жили своим домом. «По обычаю немирных чжурчжэней, сыновья, когда вырастали, сразу же селились отдельно» [ЦШ, цз. 1, с. 16]. Однако и в случае выдела они продолжали признавать власть отца, старшего брата, старшего в роде. Так, вождь Угунай, сам живший отдельно от мачехи — матери Бахэя, учитывая личные качества детей, велел своим четырем сыновьям жить по двое, сам определил состав пар. Другой вождь, Хэлибо, и на смертном одре сохранил свою власть над младшими братьями и пытался назначить себе наследника в обход права очередности. Положение братьев в чжурчжэньской семье было особое. Взрослые братья (дядья) во всех семейных и во многих общественных делах играли первую роль по сравнению со своими племянниками, часто совершеннолетними. Когда умер Хэлибо, его взрослый сын Агуда пришел к власти лишь после двух своих дядьев — Полашу и Ингэ, несмотря на волю отца. Причем он преданно служил как своему

отцу, так и обоим братьям последнего, что характерно для чжурчжэньского семейного строя, отличавшегося «братской взаимопомощью». Полашу и Ингэ также действовали бок о бок со старшим братом Хэлибо. Даже самый старший из пяти братьев рода ваньянь — Хэчжэ, по непонятным причинам не ставший вождем, вместе со своим сыном Сагаем был на службе у самого младшего из братьев — Ингэ.

Вследствие существования левирата и конкубината чжурчжэньские семьи часто, но не всегда были полигамными. Число жен зависело от состоятельности мужа. Положение жены (особенно старшей) в семье было достаточно почетным. Голос матери и жены имел вес не только в семейных делах. Так, жена Угуная — Чжаосу из рода Танко — в родительском доме вела свободный образ жизни. Выйдя замуж, она присутствовала на всех пирах, внимательно прислушивалась к разговорам захмелевших гостей. Когда Баймынь из племени пуне — одного из «пяти племен» — восстал против Ляо, именно на нее и на своего сына Хэчжэ возложил Угунай миссию «наставить» Баймыня, тем более щекотливую, что Угунай в залог дружбы выдал Баймыню своих детей. Чжаосу блестяще справилась с этой задачей. Вмешавшись во взаимоотношения между своими сыновьями Хэлибо и Полашу, с одной стороны, и Хуаньби и Саньда, сторонниками Бахэя, сводного брата ее мужа,— с другой, она способствовала ликвидации между ними враждебных отношений [ЦШ, цз. 63]. Агуда перед началом выступления против Ляо советовался с женой своего дяди. Интересно, что в составе чжурчжэньского посольства в Китай в 969 г. находилась женщина [Ma Touan-lin, 1876, с. 433].

Положение женщин в семье во многом зависело от прочности их связей с отцовским родом, столь же традиционных для чжурчжэней. Эта связь вводила родственников жены в круг интересов семьи мужа. В «Цзинь ши» можно отыскать примеры настойчивых претензий родственников жены на участие в делах семьи ее мужа. Именно дядья со стороны жены хотели убить вождя Шилу, попытавшегося ввести «законы и распоряжения». Бахэй, сводный брат Угуная, вполне мирился со своим подчиненным положением при жизни Угуная, но счел себя обойденным, когда власть перешла к Хэлибо, племяннику Бахэя, сыну Угуная, и восстал.

Положение детей в семье было более свободным, чем в Китае. Уже упоминалось, что взрослые сыновья жили отдельно от родителей, а дочери-невесты из незнатных семей сами выбирали себе женихов.

Многие стороны семейных отношений нашли свое отражение в браке и связанных с ним обычаях. «Богатые дарят [родителям невесты] коров и лошадей. У бедных, когда девушка доросла до шпилек (достигла брачного возраста.— *М. В.*), она выходит на дорогу петь песни. Рассказывает о своем происхождении, хозяйственности, внешности, давая понять, что ей нужен напарник. Если среди слушателей окажется неженатый, который захочет взять ее в жены, он берет ее за руку и возвращается к себе. Лишь потом

готовятся к обряду: вместе с женщиной идут [к ней] домой, чтобы сообщить родителям. Знатные молодые гуляки и сыновья богачей днем и ночью пьют вино. С чарками в руках скачут верхом, забавляясь и выпивая. Женщины, услышав, что они пришли, сбегаются во множестве посмотреть на них. Тем временем [гуляки] велят [им] сопровождать, усаживают, потчуют вином. Когда выпьют, встают, танцуют, величают, чокаются, знакомятся и дружатся, обмениваются шутками, бродят где попало. Затем увозят [их]. Женщинам нипочем проскакать так несколько ли. Вместе с женами совершают визит к [их] родителям. Называется баймынь (букв.: „поклониться воротам".— *М. В.*). И это церемония представления мужа» [СЧБМХБ, цз. 3, л. 4б — 5а].

Согласно «Цзинь чжи», «цзиньцы имеют старинный обычай по большей части заключать браки, когда дети только еще зачнутся; когда же подрастут, то не нарушают этого условия даже тогда, когда сочетаемые лица далеко разнятся по званию. Когда наступает заранее условленный день принесения подарков [калым], зять [жених] является с поклоном у ворот невесты; его сопровождают родственники с напитками и кушаньями. Если их немного, то на десятке с лишним повозках, а если много, то и на сотне повозок. Поят гостей хорошей водкой. Выставляют золотые и серебряные чарки, а за ними глиняные — в количестве нескольких сот. Когда гости расходятся, посуду распределяют между ними. Сперва наливают пить в чару золотую или серебряную под чернятью (или с насечками), а у бедных (просто) в деревянную; когда обнесут вино три раза, то подают два сорта сала, подобие китайской жареной вермишели, затем подают медовые коржики. Каждому накладывают тарелку. Рассказывают про чаепитие. По окончании угощения богатые заваривают чай и предлагают его знатным гостям, некоторые пьют его, [бедные] варят молоко (кумыс). Женщины — все от мала до велика — сидят на канах, а свита женихов ухаживает с поклонами вокруг них, что и называется уважением мужчин к женщинам (нянься нюй). По окончании церемонии жених выводит лошадей 100 или по меньшей мере 10 и располагает их перед [жилищем]. Отец невесты выбирает лошадей по полу и возрасту и оставляет тех, которые понравятся, других отсылает. Число оставленных обыкновенно не бывает свыше 12 или 13. Иногда берут всех без всякого отбора, даже ту, на которой приехал жених, чтобы набрать нужное число, так как, если оставленных лошадей мало, это считается позором. Дом невесты отдаривает по числу и качеству принятых лошадей за каждую по платью на подкладке. По окончании свадьбы родичи мужа [жениха] уходят, а он сам остается в доме невесты слугой и работником; он сам подает вино и кушанье. Только по прошествии трех уже лет уводит он к себе свою жену, ведя в приданое за ней несколько десятков семейств рабов и [несколько десятков] стад лошадей и быков. В каждом стаде девять коров или кобылиц и один бык или конь» [ЦЧ, с. 7—9; Васильев, 1859, с. 203—204].

Для сравнения приведем фрагмент из «Нингута цзилюе», рисующий брачные церемонии у маньчжуров. «Когда случится свадьба... то не бывает ни пересылки визитных билетов, ни музыки, ни гостей... тут всегда употребляются высокие (не канные) столы... их накрывают красным войлоком и на них ставят чай, плоды, шелковые материи и холсты; сверх того, ставят на стол блюда (?). Таких столов бывает иногда по нескольку десятков — все зависит от состояния; только вино и баранина необходимо нужны...» [Васильев, 1857, с. 101—102].

Брачные отношения, как мы видим, отличались определенной свободой. До брака молодежь обоего пола (если юноша, а особенно девушка не связаны высоким социальным положением или богатством семьи) пользовалась значительной свободой. В этом отношении нравы чжурчжэней не отличались, например, от когурёских, у которых, судя по «Нань ши» (цз. 79), «юноши и девицы волочатся друг за другом. Как скоро женятся или выйдут замуж, то малопомалу оставляют прежнее зазорное поведение» [Бичурин, 1950, т. II, с. 38]. Небогатые девушки и юноши сами выбирали себе женихов или невест. Этот обычай считался настолько естественным, что «Цидань го чжи» даже утверждает: «По обычаям, вэньжэчжэни (или ужэ — одно из боковых ответвлений чжурчжэней.— *М. В.*) считают, что самостоятельное сватовство лучше браков, заключенных с предоставлением подарков» [Таскин, 1979, с. 335]. Такое (самостоятельное) сватовство часто выглядело как «похищение». Как только молодые сговорятся, жених совершает традиционное «похищение» — «уводит» невесту. Затем они возвращаются, чтобы сообщить о заключенном браке. Такая простая обрядность существовала и у когурёского простонародья, если верить «Бэй ши» (цз. 94): «Браки совершаются по взаимному согласию мужчины с девицею. Из дома женихова относят свинью и вино, других сговорных даров не бывает. Если же кто получает богатые дары, над тем смеются и говорят, что он продает дочь в служанки». В «Тан шу» (цз. 219) этот обряд описывается еще проще: «На женитьбу не тратят денег. Кто возьмет калым, того стыдят» [Бичурин, 1950, т. II, с. 59, 100]. Предварительная договоренность между родителями о судьбе их малолетних детей несколько нарушала этот принцип свободного выбора, но, возможно, чаще она была в знатных чжурчжэньских семьях. Напомним, кстати, о том, что у маньчжуров тоже существовал обычай договариваться о браке еще не родившихся детей [Shirokogoroff, 1924, с. 72]. В богатых чжурчжэньских семьях вопрос о калыме-приданом выступал на первое место. Зять приводит не менее 12—13 первоклассных коней, причем «Цзинь чжи» отмечает, что привести для осмотра он должен не менее сотни коней или другого скота. После этого он живет в доме жены три года, возможно отрабатывая недоданную или же дополнительную часть выкупа. И лишь после этого, получив в приданое рабов, коней и быков, уезжает с женой в свой дом. Совершенно похожие обычаи описывает «Бэй ши» (цз. 94) у шивэй: «Обыкновения одинаковы с мохэскими. Обряды при браках: когда два дома кончат перегово-

ры между собой, то прежде украдут невесту, а потом для сговорных даров отводят быков и лошадей и жених переселяется в дом невесты; по рождении первого младенца муж с женой переселяются в свой дом»; по «Хоу Хань шу» (цз. 115) у илоу «свадьбы совершаются в женином доме. Когда родится сын и вырастет, то перед возвращением в свой (мужнин) дом снова строятся» [Бичурин, 1950, т. II, с. 78, 26]. У монголов тоже был обычай кроме одежды невесте и жениху в приданое давать несколько голов лошадей, коров, овец, в зависимости от состоятельности [Симада, 1966, с. 650—651]. Маньчжуры продолжали брать калым с жениха, исчисляя его в свиньях. В случае отсутствия у жениха средств он мог в течение 3—10 лет отработать калым, свадебные расходы, подарки и т. п. у будущего тестя, но получал жену лишь после окончания срока отработки [Shirokogoroff, 1924, с. 73, 75].

Особенно знатные и богатые фамилии чжурчжэней создали замкнутую систему из десяти родов (кланов), в пределах которых между девушками и юношами заключались браки [Тао Сишэн, 1935]. «Цзиньские государи не женятся на худородных» [ЦШ, цз. 63, с. 417],— утверждает источник и в другом месте продолжает: «Все из семейства вождей из родов тутань, танко, пуча, налань, пусань, хэшиле, улиньда, угулунь из поколения в поколение заключали браки между собой. Те [семьи], из которых выбирали императрицу, гордились своей знатностью» [ЦШ, цз. 64, с. 425]. И далее: «Цзиньские тутань, налань, танко, пуча, пэймань, хэшиле, пусань — все благородные кланы. Сын неба выбирает императрицу непременно среди них. И принцесс выбирают тоже обязательно среди них» [ЦШ, цз. 120, с. 754]. В первом отрывке не упомянут один клан пэймань, во втором — два клана: улиньда и угулунь. Если к первым восьми прибавить кланы пэймань и ваньянь (а может быть, уянь), то и получится десять кланов, которые образовывали замкнутую брачную корпорацию [Mikami, 1973, с. 46—56].

Члены царского клана ваньянь на р. Аньчухэ, независимо от расстояния, обычно не вступали в брак с представителями других ветвей этого клана. В тех редких случаях, когда это случалось, эндогамные браки имели под собой серьезное религиозное или клановое основание [Chao Chen-chi, 1971, с. 234]. Они вступали в брак с лицами, носившими другие фамилии. С глубокой древности и до образования государства в брак с родом правителя ваньянь вступали главным образом представители четырех родов: танко, тутань, пуча, угулунь, несколько реже — члены рода улиньда и хэшиле, еще реже — выходцы из родов налань, уянь. Брачные связи дома ваньянь с пэймань и пусань в источниках отнесены уже к цзиньскому времени. Все эти десять родов имели ответвления в отдаленных местах, но последние не вступали в брак с членами царского рода ваньянь. Прочность этого обычая подтверждается следующим случаем с родом хулигай: «Цзиньский Чжао-цзу (Шилу) женился на женщине из фамилии Тутань. Род императрицы с этого момента получил известность. При Ши-цзу (Хэлибо) Учунь устроил смуту. Ши-цзу хотел, чтобы он женился, дабы тем самым смирить его не-

истовство. Учунь сказал: „Разве могут чжурчжэни (ваньянь) играть свадьбу с хулигай?“ ...Причины, по которым между некоторыми из 47 родов нет браков, невозможно порицать. Ибо причины, по которым в государстве заключают браки между одними и теми же родами, восходят к тому, чтобы нравы и обычаи были простыми и устойчивыми, родственные чувства не изменялись, ранг и сословие различались...» [ЦШ, цз. 120, с. 751]. Брачные обрядности в среде вождей почти неизвестны. Впрочем, основатель рода вождей ваньянь — Ханьпу, вступая в брак, получил в виде брачного подарка серого быка [ЦШ, цз. 1; ср.: Franke, 1978, с. 440].

В патриархальной среде чжурчжэней существовал левират. «Когда умирает отец, женятся на своей мачехе; когда умирает старший брат, женятся на невестке; когда умирает дядя, поступают так же. Поэтому без различия знатности и незнатности люди имеют по нескольку жен» [СЧБМХБ, цз. 3, л. 3б]. Этот обычай, вызванный к жизни и поддерживаемый необходимостью узаконить положение вдов в общественном и экономическом отношении и желанием членов рода обеспечить себя потомством, существовал в этих краях и до чжурчжэней. В «Ши цзи» (цз. 110) говорится, что у сюнну «после смерти отца сыновья женятся на своих мачехах, после смерти братьев [другие братья] берут их жен и женятся на них» [Бичурин, 1950, т. 1, с. 40]. Левират существовал и у киданей, однако в пору их расцвета он вошел в противоречие с другим, китайским обычаем, запрещающим вдовам вторично выходить замуж — коллизия, которую в будущем узнает и чжурчжэньское общество. Впрочем, у чжурчжэней левират, вероятно, имел ограниченное распространение. Соблюдение этого обычая диктовалось особыми условиями: ритуальными — брак с шаманкой, политическими — союз с вдовой вождя и т. п. В других случаях, «по древним обычаям, вдовы жили в роде и продолжали его». По «Бэй ши» (цз. 94), у северных соседей чжурчжэней — шивэй «женщины не вступают во второй брак» [Бичурин, 1950, т. II, с. 78].

В цитате из «Саньчао бэймэн хуэйбянь» содержится категорическое утверждение о существовании у чжурчжэней полигамии. Однако к тому времени, о котором мы имеем сведения, мелкая патриархальная семья уже в основном превратилась в моногамную. Полигамия, в особенности в форме конкубината, сохранялась лишь у знати, в царском роде. У Шилу кроме первой жены из фамилии Тутань (позднее «царицы» Вэйшунь) было не менее трех жен. Угунай кроме жены из рода Танко (позднее «царицы» Чжаосу) имел еще двух жен. Младшие жены или наложницы (такие, как вторая жена Шилу, мать известного Бахэя) часто составляли часть военной добычи.

Из сказанного можно заключить, что в XI и в начале XII в. у чжурчжэней складывалась малая патриархальная семья с элементами полигамии (в форме наложничества), особенно в богатых и знатных семьях, левирата, что сочеталось с важной ролью братьев в семейных делах. Брачные обряды отчетливо отражают сложившуюся имущественную и социальную дифференциацию в чжур-

чжэньском обществе. Политика наиболее знатных чжурчжэньских родов во главе с царским родом ваньянь в брачных отношениях была направлена на закрепление привилегированного положения, достигнутого этими родами. Брачные отношения были использованы десятком знатных родов чжурчжэней как эффективное в условиях патриархального общества средство образования территориально-политического объединения племенного союза и «варварского» государства.

7. Нравы и обычаи

В этом разделе мы коснемся древних чжурчжэньских обычаев, ставших традиционными в догосударственный период развития этой народности. Некоторые из этих обычаев удобнее было изложить и прокомментировать в других главах. О них мы скажем очень кратко, лишь ради полноты картины. Из народных обычаев, связанных с разными сторонами жизни, мы выбрали лишь такие, которые не только играли важную роль у чжурчжэней, но и по происхождению своему либо имеют несомненные местные корни, либо тесно связаны с нравами племенных групп, обитавших в этом ареале до чжурчжэней, во время или после них [Воробьев, 1968 (III)].

Начнем с обычаев, относящихся к сфере производства. Чжурчжэни славились искусными охотничьими приемами, в том числе применением манков: «Умеют кричать по-оленьи, подманивают оленей и стреляют их» [ЛШШИ, цз. 18, с. 363]. Это искусство высоко ценилось киданями. Уже в 991 г. Ляо потребовало у чжурчжэней охотников с манками [ЛШ, цз. 13]. Согласно «Цидань го чжи», чжурчжэньские вожди «искусно подражали реву оленей и подзывали их, чтобы [киданьский] Тянь-цзо стрелял по ним» [Таскин, 1979, с. 174]. Облавная охота, несмотря на свою хозяйственную направленность, сохраняла многие черты сезонных массовых празднеств. Весной чжурчжэни охотились на р. Ялу, летом и осенью — в горах, зимой устраивали облаву на тигров. В «Маочжай цзысюй» Ма Ко, помещенном в «Саньчао бэймэн хуэйбянь», рассказывается про такую облаву: «Медленно отошли на 30—40 ли от привала. С обеих сторон окружили участок и постепенно сблизились. Мгновенно охватили облавой 20—30 ли. Диких зверей выгоняли и убивали стрелами или ударами. Агуда устроил из шкур сиденье и, ослабив огонь, жарил лепешки или резал сырое мясо, наливал водку. Один пил из двух кубков. Всадники спешились и остановились на отдых. Агуда сказал: „В нашей стране нет ничего более радостного, чем облава...“» [СЧБМХБ, цз. 4, л. 13б — 14а]. По-видимому, чжурчжэни не только ловили и продавали соколов, но и сами устраивали охоту с ними. Во всяком случае, имя одного чжурчжэня — Алихэмэнь [ЦШ, цз. 135] — раскрывается как «Человек с соколом в руке» [Franke, 1978 (I), с. 447]. В «Ляо ши» рассказывается о некоторых интересных обычаях, связанных с рыбной ловлей и охотой в чжурчжэньских угодьях. В частности, описывается «пир первой рыбы» [ЛШ, цз. 116]. При открытии сезона рыб-

ной ловли брали первую пойманную рыбу, ставили водку и устраивали пир. Существовал «пир первого гуся». Первая рыба, первый гусь как бы предвещали удачу в охоте и в рыбной ловле [Liu Ming-shu, 1947]. У чжурчжэней существовал обычай, имеющий прямое отношение к земледелию,— об этом говорят этнографические аналогии. Чжурчжэньский вождь «в 1-ю луну бил [глиняное изображение] весенней коровы» [СЧБМХБ, цз. 244, л. 1а], отмечая изгнание зимы.

Среди чжурчжэньских традиционных обычаев упоминается стрельба из луков с коня: «Искусны в конной стрельбе из лука» [ДЦГЧ, цз. 22, с. 303]. Обычай стрельбы из лука с коня, мало свойственный китайцам, был широко распространен у многих народов Кореи, Маньчжурии и Монголии. Пожалуй, наиболее ранней фиксацией этого обычая является то место в «Чжоу шу» (VII в.), где говорится: «Воины Пэкче имели луки и стрелы, мечи и копья; привычны один за другим стрелять с коней» [МЧЮЛК, цз. 16, с. 6а]. Согласно «Тан шу», у тукюэ тоже существовал этот, несомненно древний, обычай [Бичурин, 1950, т. I, с. 229]. Скачки являются другим видом традиционных чжурчжэньских развлечений, связанных с лошадьми: по «Саньчао бэймэн хуэйбянь», «устраивают скачки на лошадях, которые очень любят» [Кычанов, 1966, с. 275].

Спортивная игра в конское поло, или в мяч, по природе своей была массовым развлечением. Мы не имеем точных сведений, как она проводилась на заре чжурчжэньской истории, но, судя по «Цзинь ши», где описаны уже сложившиеся правила, играли две команды верхом на специально обученных лошадях. Цель игры состояла в том, чтобы загнать мяч в специальные ворота. Мяч делали из кожи [ЦШ, цз. 35]. Эта игра пришла к чжурчжэням, по-видимому, от бохайцев, у которых была очень распространена и оставалась национальным развлечением даже после падения Бохая. В 1038 г. «Сяо Сяочжун был губернатором Восточной столицы. В то время бохайцам не разрешалось играть в мяч. Сяо сказал: „Восточная столица — очень важный военный центр, но не место для охоты. А без игры в мяч как тренироваться в военном деле? И поскольку сын Неба рассматривает Поднебесную как одну семью, почему делать различие между тем и этим? Было бы мудро ослабить запрет". Согласие было дано» [ЛШ, цз. 81, с. 343].

Распространение этой игры — интереснейший пример широких азиатских связей. В нее играли и кидани, и в самом Китае. Мы знаем, что в 953 г. княжество Хань отправило посольство в Ляо преподнести одежды и лошадей для игры в мяч [Wittfogel, Fêng-Chia-shêng, 1949, с. 352]. В «Дунфан Шо чжуань» говорится, что местная знать усуней участвовала в игре в мяч еще в I в. до н. э. [Кюнер, 1961, с. 85, сноска 115].

Особое место лошадей в жизни чжурчжэней нашло свое преломление в их верованиях и обычаях. Лошади были наиболее почитаемыми животными и вошли во многие предания. В самый критический момент братоубийственной войны (1095—1096) противники

предлагали Ингэ мир лишь при одном условии: подарить им двух знаменитых жеребцов: рыжего, принадлежащего самому Ингэ, и каурого — собственность его союзника Цыбуши, и Ингэ с негодованием отверг это требование.

Немало любопытных обычаев мы встречаем и в повседневной жизни чжурчжэней: кан, косы, левират, свобода выбора жениха девушкой-простолюдинкой (см. гл. 1, разд. 3, 4, 6).

Родовые, сельские праздники-гульбища являлись выразительной чертой коллективной жизни чжурчжэней-соплеменников. Совместная трапеза была формой социального общения [Токарев, 1970, с. 5]. В описании маршрута Ван Цзэна говорится: «Нравы [земель] Бохая: ежегодно собираются и устраивают гулянку. Вначале вызывали искусных в пении и плясках выйти вперед и разбиться на несколько групп. Воины и женщины вместе поют хором, кружатся, как бы догоняя друг друга» [МЧЮЛК, цз. 20, л. 13а]. Чжурчжэньский император Ши-цзун, пытаясь возродить чжурчжэньские традиции, особенно выделял эти празднества и стрельбу с коня: «Древние обычаи чжурчжэней: пить, есть на совместных празднествах, стрелять с коня — вот развлечения» [ЦШ, цз. 80, с. 513]. Даже празднества, носящие не общественный, а семейный характер, по обычаю, были открыты для многих соплеменников. Как отмечается в «Саньчао бэймэн хуэйбянь»: «Когда устраивают пир, в гости приходят с родными и друзьями. Также и семьи соседей приходят без особого приглашения» [СЧБМХБ, цз. 3, л. 3б]. В семейной трапезе нередко участвует старейшина: «Когда режут курицу, то зовут своего старейшину и съедают ее» [Кычанов, 1966, с. 264]. Другой источник, развивая ту же мысль, распространяет ее и на родового вождя: «Хуские нравы в древности не знали церемоний... Если убивали курицу — приглашали своего вождя и вместе ели» [СМЦВ, цз. 1, с. 2]. Торжественное празднество, устроенное Агудой и описанное Ма Ко в «Маочжай цзысюй», фактически тоже было массовым, во всяком случае для ближайшего окружения Агуды: военачальников, вождей, членов его рода [СЧБМХБ, цз. 4]. Разумеется, такие празднества были возможны только в условиях коллективной общественной жизни.

Народные гулянья чжурчжэней сопровождались музыкой, пением и танцами. Согласно «Саньчао бэймэн хуэйбянь», «у них имеются лишь барабаны и флейты... Есть у них мелодия куропатки, но только в двух тональностях — высокой и низкой, длинной и короткой» [Кычанов, 1966, с. 275]. Воинственная пляска мохэ (предков чжурчжэней) еще в конце VI в. поразила китайского императора Вэнь-ди. Мохэский «посол и сопровождающие его лица стали танцевать, двигаясь вперед и делая броски в стороны, как во время сражения. Вэнь-ди, обратившись к своим сановникам, сказал: „Между Небом и Землей все еще есть такие люди, которые постоянно только и думают о войне“» [Кычанов, 1966, с. 272]. Танцы чжурчжэньских вождей входили в обязательную программу при представлении данников императору Ляо. В 1112 г. известный «Вяньянь Агуда был правителем (тайши) нюйчжэней. Император [Ляо] удил

рыбу в Хуньтунцзяне. Все вожди чжурчжэней, жившие на расстоянии 1000 ли, прибыли на встречу. Император устроил праздник „первой рыбы". Все вожди плясали, один Агуда не стал плясать. Император неоднократно велел Агуде [танцевать], но Агуда только показывал глазами, что не будет. Императорское сердце отвратилось от него, и он хотел покарать Агуду, но Сяо Фынсянь доложил: „Он-де простой человек, не знает церемоний и не совершил преступления, подлежащего наказанию. Не оказывая снисхождения ничтожным государствам, как можно царствовать над ними?"» [ЛСШ, с. 10а]. Отказ Агуды танцевать перед императором был завуалированным отказом в покорности. Это великолепно поняли и сам император, и его приближенные, но они предпочли замять инцидент.

Интереснейшим общественным празднеством было возведение на престол Агуды. Его уникальность заключается в том, что оно было устроено специально и лишь однажды. «В день под циклическими знаками женьшень, в месяц чжэпъюэ, весной в 1-й год правления под девизом Шоуго (1115 г.), престарелые служащие и простолюдины со всех губерний закончили сходку. Договорились о создании нового церемониала и обратились к государю с просьбой занять престол. Сородич Алихэмэнь тогда выставил девять земледельческих орудий, молился горячо, дабы они пахали землю и обогащали народ. И еще вывел девять табунов отличных лошадей, а в каждом табуне по девять голов. [Табуны] отличались по цвету. И еще присовокупил латы, луки, стрелы, копья, мечи и преподнес. И повелено было свыше именовать государство „Великой Цзинь" и принять девиз Шоуго (Создание государства). В день гэншэнь, в 12-й месяц 2-го года (1116 г.), младший брат императора аньбань боцзиле во главе всех служилых и императорской семьи заявил: При Ляо сюзерен утратил понимание „пути". [Ты же] служишь Небу, боролся с преступлениями, неоднократно громил могучего врага, смог учредить губернии. [Это произошло] благодаря такой неисчерпаемой твоей добродетели, какой и в древности еще не бывало. Осмеливаемся преподнести звание „Мудрейшего императора". Император не соизволил согласиться. И вельможи все вместе настойчиво просили. И свершилось так» [ДЦЦЛ, цз. 1, с. 1]. В этой церемонии наряду с китайским почетным титулом, китайской же трактовкой причин неудач императоров Ляо, достижений Агуды и пр. фигурируют земледельческие орудия (по-видимому, плуги), табуны лошадей и вооружение, которые должны стать залогом успеха чжурчжэней в трех самых важных для них сферах: в землепашестве, коневодстве и военном деле.

Интересным обычаем является право «свободной кражи». Хотя «Лу тин ши ши» описывает его применительно к 30-м годам XII в., возник он, конечно, раньше. Архаика его содержания просто не вяжется с его появлением в государственную фазу существования народа. Это подтверждается и отрицательным отношением к нему китайского наблюдателя. «У варваров в ночь на 15-й день 1-й луны есть обычай, который именуется свободной кражей». Воруют все что хотят безнаказанно. Если тот, у кого украли, в течение двух-

трех дней отыщет украденное, он может его выкупить вином, продуктами, деньгами и пр. «Случается, что незамужних девушек... крадут молодые люди. Выждав месяц и более, они уведомляют родителей девушки и только тогда становятся помолвленными, предложив свадебные подарки. Как может распущенность свободного воровства находиться в соответствии с обрядами или законами!» (цит. по [Franke, 1975, с. 182]). Из этого видно, что обычай «свободной кражи» переплетался с браком-похищением, хотя последний не обязательно приурочивался к упомянутой ночи. Такой обычай существовал и у киданей [Симада, 1943].

По сообщению «Саньчао бэймэн хуэйбянь», приветствовали чжурчжэни следующим образом: «Сложив руки и подавшись назад, выражают почтение. Опускаются на правое колено и сгибают левое, касаясь земли. Сложив руки, потрясают локтями. И так три раза» [СЧБМХБ, цз. 3, л. 4а]. Такая манера приветствия далека от китайского земного поклона (коутоу), но близка к киданьской.

Другие обычаи, связанные с шаманством (камлание и пр.), с погребальными обрядами (сожжение пищи, поранение лица), имеют уже откровенно религиозный характер и будут рассмотрены в следующем разделе.

Мы остановились на некоторых наиболее колоритных обычаях и обрядах немирных чжурчжэней, на том этапе их существования, когда посторонние влияния в их среде были минимальными. Приведенные примеры иллюстрируют самые различные области их жизни: производственную, военную, бытовую, семейную, общественную, религиозную. В целом они несомненно создают впечатление самобытности чжурчжэней и оригинальности их культуры. Более пристальное рассмотрение позволяет выделить ряд важных подробностей и нюансов в этой безусловно верной картине. Несмотря на сходство в условиях обитания и в процессе общественного развития у целого ряда племен ареала, большинство описанных обычаев, связанных с производством и бытом, не просто исконные, а появляются впервые именно у чжурчжэней (манки для оленей, кан в качестве стола) или находят у них свое полное выражение (кан как отопление). Из сферы духовной жизни только шаманство, танцы да уникальный обряд коронации Агуды могут быть отнесены к этой группе обычаев и обрядов.

Примечательно, что сами чжурчжэни, хотя и считали эти обычаи традиционными, подлинно исконными называли лишь народные празднества да стрельбу с копя. Несомненно, это мнение заслуживает особого внимания. И хотя мы показали, что и те и другие вообще-то известны и у других народов этой зоны, возможно, конкретный характер празднеств и стрельбы обладал большей спецификой, выделявшей из серии им подобных. Поклонение Солнцу, Небу, почитание коней и скачки, поранение лица, ношение кос мужчинами, левират тоже относятся к исконным чжурчжэньским обычаям, но они, как мы видели, оказываются не исключительно чжурчжэньскими, а общими для ряда народностей, иногда далеких друг от друга во времени и по родству. Их появление у чжурчжэней

вызвано сходными условиями жизни (кроме обычая носить косы). Наконец, праздник первой рыбы или птицы, сезонные облавы, сжигание пищи, стрельба в иву, игра в мяч заимствованы чжурчжэнями от соседей еще на стадии племенного быта. У немирных чжурчжэней своеобразные обычаи — исконные и заимствованные, специфические и общие — слились в особую систему, поддерживаемую традицией, но отнюдь не распоряжениями: по «Саньчао бэймэн хуэйбянь», «чжурчжэни не имеют церемониала и законов» [Кычанов, 1966, с. 274]. Отсутствие церемониала в глазах китайцев и киданей являлось признаком «варварства». Именно так киданьские вельможи оценивали поведение Полашу на аудиенции у императора Ляо или отказ Агуды танцевать перед этим императором. Коллективный характер присущ большинству обычаев (облавы, скачки, игра в мяч, праздники-гульбища и др.) как форме социального общения.

8. Религия и культы

Хотя в источнике говорится: «В стране вначале не строили храмов предков, не знали правил жертвоприношений» [ДЦГЧ, цз. 33, с. 139], это всего лишь означает, что отсутствовали привычные для летописца церемонии поклонения императорским предкам и духам-покровителям государства. В действительности чжурчжэням догосударственного периода присуща система религиозных взглядов, характерная патриархально-родовому обществу. Первобытная религия чжурчжэней сочетала в себе элементы анимизма, магии, культа природы и предков. Существенное место в этой системе занимало поклонение Небу, Солнцу, Земле, воде, лесу. «Религиозные обряды Цзинь коренятся в их обычаях. Есть обряды поклонения Небу» [ЦШ, цз. 28, с. 195]. Огромная роль Неба в верованиях чжурчжэней сказалась в решении Угуная прервать поход в 1073 г., так как Небо сильным ливнем «высказалось против его намерения». Сам Хэлибо, одержав в 1074 г. победу на р. Подоту, говорит: «Сегодняшняя победа не могла обойтись без помощи Неба...» В аналогичной обстановке Полашу заявляет: «Если Небо поможет, то мы будем вождями племен, за сегодняшними делами наблюдают духи» [ЦШ, цз. 1, с. 17]. Почитание Неба, судя по словам Полашу, непосредственно связывалось с верой в духов, которыми, как полагали чжурчжэни, был населен весь мир, а не только Небо, и к которым были обращены все моления, и которым предназначались жертвоприношения. Перед объявлением войны Агуда в доме жены Полашу «принял чашу с вином и, обратясь к востоку, произнес молитву Небу и Земле» [ЦШ, цз. 2, с. 22].

Коллективные поклонения Небу свойственны большинству народов древней Маньчжурии и Приморья. В «Хоу Хань шу» (цз. 115) отмечено, как илоу «в 10-й луне собираются в большом числе для жертвоприношения Небу. Это называется Дунмын»; как фуюй перед войной также приносят жертвы Небу «для сего закалывают быка и по его копытам гадают о благополучии и неблагополучии»; как люди племени вэй «обыкновенно в 10-й луне приносят жертву Небу;

день и ночь пьют вино, поют и пляшут, это называется плясать пред Небом» [Бичурин, 1950, т. II, с. 25, 22, 31]. У киданей этот обряд принял вид разработанной церемонии в день зимнего солнцестояния уже к 952 г. [ЛШ, цз. 6].

Одним из обычаев, распространенных среди чжурчжэней, несомненно следует считать полусостязание-полуобряд стрельбы в иву (шэлю). Даже составители «Цзинь ши» уже оценивают его наряду с другими как специфичный, хотя и заимствованный обычай: «Стрельба в иву, игра в мяч — все ляоские обычаи. В Цзинь также предпочитают их» [ЦШ, цз. 35, с. 233]. Китайский источник так описывает этот обычай у немирных чжурчжэней: «В праздник 5-го дня 5-й луны стреляют из луков в иву и приносят жертвы Небу» [Кычанов, 1966, с. 275]. Этот старинный обряд связан с магическими действиями вызывания дождя — недаром его совершали в начале лета. Процедура была одинакова и у чжурчжэней, и у их соседей. У киданей во время моления о дожде употреблялись уже разные приемы: в 962 и 1080 гг. император Ляо велел своим приближенным обливать друг друга водой, в 967 г. стреляли из лука в иву, прося дождя [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949, с. 257]. Обливание водой существовало и в эпоху Цзинь. Если эти действия основаны на простом магическом приеме вызывания «подобного подобным», то смысл обряда стрельбы в иву менее ясен. В случае засухи кидани выбирали подходящий день и после поклонения императора востоку юноши стреляли в иву. Через три дня, по поверью, должен был пойти дождь [ЛШ, цз. 49]. Это старый киданьский обычай. У кочевников-коневодов лук и стрелы издавна наделялись магической силой и существовал обычай очищения путем стрельбы из лука. Стреляли в иву, которая в засушливые годы была на грани засыхания, стремились очистить ее от наваждения (ср. [Широкогоров, 1919, с. 18]). Ива для этой цели выбиралась, очевидно, потому, что ее связь с реками, источниками воды, была наиболее непосредственной и, следовательно, манипуляции с ней, казалось, обещали наибольший успех.

Существовал у чжурчжэней обычай ритуального убиения белых собак. Головы и шкуры этих собак, по поверью, отвращали злых духов от жилища.

Большую и еще не совсем ясную проблему в круге обрядов составляют чжурчжэньские ловчие птицы: соколы, орлы, ястребы. Прирученные соколы использовались во время охоты, их перья употреблялись для оперения стрел, но не наделялась ли эта птица некоей магической силой? Известно, что в число шаманских духов у народов Сибири входили соколы [Широкогоров, 1919, с. 29]. Кроме того, по свидетельству Л. Я. Штернберга, «часто в мифологии примитивных народов сокол и орел отождествляются» [Штернберг, 1936, с. 410]. Огромная роль орла в мифологии многих тунгусских народов общеизвестна.

У коневодов-чжурчжэней немало верований и обрядов связано с лошадьми. У вождя Хэлибо в подтверждение прочности союза просят рыжего и каурого жеребцов и получают отказ: по-видимо-

му, речь идет о священных жеребцах. Из-за покушения киданей на коня вождя Уясу, умершего брата Агуды, чуть не вспыхивает столкновение. С умершим приближенным Сакъи хоронят царского белого коня [Harlez, 1887 (II), с. 9, 21, 38]. Последнее обстоятельство приобретает особый интерес, если мы вспомним, что траурный цвет у китайцев, корейцев и нанайцев белый [Лопатин, 1922, с. 303—304], что белых жеребцов тунгусы приносили в жертву духу тайги [Широкогоров, 1919, с. 15]. Известно, что кидани приносили жертвы духу белой лошади [Tamura, 1964, с. 99].

Находка в Надеждинском могильнике бронзовой фигурки, очень схематичной по трактовке, но с подчеркнутыми женскими признаками, переплетающимися с изображением двух змей, свидетельствует о существовании таких культов, как женщина-мать и змея [Медведев, 1977, с. 109—110, 56].

Погребальные обряды ранних чжурчжэней известны не во всех подробностях. Погребение тела на родовом кладбище с соблюдением определенных обрядов, с последующим поклонением его духу считалось обязательным, и это ощущается во многих фразах исторических источников. Как сообщается в «Саньчао бэймэн хуэйбянь»: «Вынесший труп убитого и доставивший его родным получает половину доходов семьи покойного» [Кычанов, 1966, с. 277]. Холо начинает мстить за брата только после того, как гроб с телом покойного прибывает в родную деревню [ЦШ, цз. 1]. Эта забота о теле покойного и, как следствие, стремление врага осквернить прах умершего проявляются в эпизоде с трупом Шилу: «В этот вечер [Шилу] скончался. Его гроб погрузили и отправились в путь. По дороге встретились с разбойниками, которые отняли гроб. Племя преследовало разбойников и с боем вернуло гроб. И еще Пуху, человек из племени цзягу, пошел напасть на них. Догоняя, Пуху спросил по пути встречного: „Давно ли провозили здесь гроб с Шилу?“ Он ответил: „Давно. Если будете догонять, то не сможете догнать“. И тогда Пуху прекратил преследование. Только тогда смогли вернуть тело [Шилу] и предать его земле» [ЦШ, цз. 1, с. 15].

Не совсем ясно, как чжурчжэни хоронили покойников: в приведенных выше отрывках упомянут гроб, однако другой источник — «Саньчао бэймэн хуэйбянь» — утверждает: «Мертвых погребают, но без гроба и склепа. Вместе со знатным заживо сжигают любимых рабов, лошадей с седлами, принося их в жертву [умершему]. Употребляемые при жертвоприношении питье и пищу сжигают без остатка. Это называется сжигать пищу» [СЧБМХБ, цз. 3, л. 5а; Кычанов, 1966, с. 275]. Это настоящая тризна, следы которой уже найдены [Медведев, 1977, с. 107]. Непостоянство в обряде погребения подметил автор «Лу тин ши ши»: «Погребальные обряды северян непостоянны... Чжурчжэни помещают покойников в деревянные гробы, которые закапывают в горах и лесах, но не насыпают могильного холма и не сажают деревьев» (цит. по [Franke, 1975, с. 183]).

Недавние исследования могильников на Среднем Амуре у с. Надеждинское, осмотр могил на р. Бира в Еврейской автономной области, раскопки могильника в верхнем течении Амура у оз. Болонь в Хабаровском крае, которые археологи считают раннечжурчжэньскими, дополняют наши представления о погребальном обряде [Медведев, 1977, с. 96—125; 1975 (III)]. Более чем половина раскопанных погребений — трупоположения в грунтовых могилах (овальных или прямоугольных) без гроба, причем покойник ориентирован головой на юго-восток. Эта форма погребений настолько устойчива, что позволяет выделить разные по богатству захоронения: бедные (без вещей или с небольшим числом их), средние (включают предметы вооружения, глиняные и железные сосуды, части конской сбруи, личные украшения) и богатые (перечень погребального инвентаря тот же, что в средних захоронениях, но все предметы, особенно украшения, богаче по исполнению). Рядом с погребениями обнаружены остатки кострища — следы тризны. По краям могильников располагаются прямоугольные могильные ямы со следами трупосожжения. Известны вторичные погребения, а также так называемые воздушные захоронения — на специальных деревянных помостах, причем обе эти формы связаны между собой: первые по идее должны быть заключительной фазой последних. Генезис описанных погребальных форм у чжурчжэней не до конца выяснен. Трупоположение у чжурчжэней (вся средняя часть могильников) несомненно ранняя форма. Трупосожжение (края могильников) — форма более поздняя. По некоторым высказанным предположениям, последняя форма могла сложиться под влиянием буддизма. Воздушные погребения вначале были тесно связаны с сезоном, на который пришлась кончина, или с особыми обстоятельствами жизни и смерти умершего. В этих случаях за ним следовало вторичное погребение. Позднее воздушный способ захоронения сохранялся только для детей. В некоторых случаях замечена ориентировка «восток — запад» [Медведев, 1978, с. 95]. Итак, археологические материалы также подтверждают пестроту погребального обряда у ранних чжурчжэней. Известны единичные погребения воинов с вооружением — железными топорами, наконечниками копий и стрел, панцирями [Копытько, 1978].

Интересен обряд, частично связанный с умершим,— поранение лица. «Если человек умирает, близкие разрезают себе кожу на лбу, кровь стекает вниз. Это называется пустить кровь» [СЧБМХБ, цз. 3, л. 5а]. Во время оплакивания умершего и траура этот обряд не только подчеркивал искренность горюющего, но и служил «кровной» жертвой или возлиянием мертвецу. Он исполнялся и в другой ситуации. Агуда перед решающим боем с киданями нанес себе раны на лице в знак намерения стоять до конца. По «Тан шу», люди народности тукюэ при погребении «перед входом в палатку ножом надрезывают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают» [Бичурин, 1950, т. I, с. 230].

Выше мы говорили о сжигании пищи. Но пища служила и объектом заговора. Согласно «Цидань го чжи», люди племени ужэ, родичи чжурчжэней, «имеют обыкновение заговаривать пищу. Как рассказывают, чтобы наговор не привел к дурным результатам, нужно три раза постучать пальцем по посуде, и тогда наговор сам потеряет силу, однако бывают и смертельные случаи» [Таскин, 1979, с. 335].

Шаманство было другой оригинальнейшей чертой чжурчжэньской, уже чисто религиозной жизни. Само слово «шаман» чжурчжэньского происхождения, что дало основание Широкогорову считать чжурчжэней родоначальниками шаманства [Shirokogoroff, 1929, с. 86]. Чжурчжэни верили, что весь мир населен духами — добрыми и злыми, причем последние особенно активны и насылают все напасти, болезни и смерть. Верующий постоянно заботился, как бы не разгневать какого-либо духа и как бы умилостивить предположительно уже разгневанного. Для выявления нужного духа и нужной церемонии должен был существовать особый разряд людей, которые, как верили, могли вступать в сношения с этими духами. К профессиональным жрецам, колдунам, шаманам примыкали люди, несшие эти функции эпизодически в силу занимаемого общественного положения или личных качеств. У чжурчжэней были шаманы обоего пола. Они заклинали, гадали о новорожденном, об умершем и его отношении с живыми, лечили больных, разгадывали сны и имели большое влияние среди окружающих их людей. Вот как в источнике описан обряд заклятия, помещенный в биографии Селиху: «Когда кого-нибудь убьют, непременно посылают за колдуном, [чтобы тот] проклял убийцу. И тот привязывает нож к концу палки и с толпой идет к дому убийцы. Поет и заклинает убийцу... „Забери тебя бык, одним рогом указывающий на небо, а другим — на землю, и безымянная лошадь, у которой спереди сияющая морда, сзади — белый хвост, по бокам же — слева и справа — крылья!“ Голос его очень жалобный и скорбный, звучит как на похоронах. Потом ножом чертят по земле, отбирают скот, имущество, вещи и удаляются. И как только дом убийцы будет проклят, порядок и достаток в семье тотчас исчезают» [ЦШ, цз. 65, с. 429]. В биографии жены Шилу помещена красочная картина предсказания шаманом появления детей у Шилу: «У Чжао-цзу (Шилу) долго не было детей. Был колдун, который знал, как говорить с духами, и был очень искусен в этом. [Шилу] ходил просить его. Колдуна звали Лян Цзю. Он сказал: „Душа мальчика приближается. Будет он в изобилии наделен богатством и добродетелями... Надо помолиться и воспринять его. Когда родится, назовите его Угунаем“. Это и есть Цзин-цзу. И снова Лян Цзю сказал: „Еще приближается душа девочки. Надо назвать ее Уяи“. И снова сказал Лян Цзю: „И еще вижу душу девочки. Надо назвать ее Водуба“. И снова сказал [Лян] Цзю: „Еще вижу душу мальчика, но характер его недобрый и нехороший. Долго будет жестоким и не будет питать почтения к старшим. Его поступки будут беззаконны. Не надо воспринимать его“. Чжао-цзу подумал: „Отпрыски еще не появились“ — и сказал:

„Хотя и не хорош, но хочу воспринять его". Колдун ответил: „Тогда дашь ему имя Угучу". Затем родились два мальчика и две девочки. Они родились в той последовательности, как предсказал колдун. Их назвали, как сказал колдун. Цзин-цзу (Угунай) появился на свет первым. Угучу буйствовал, пьянствовал, неоднократно бунтовал против императрицы Вэйшунь. Императрица сказала: „Слова колдуна сбываются..."» [ЦШ, цз. 65, с. 429—430]. В этом рассказе летописца отражена глубокая вера в силу шамана, который якобы может не только предсказать наступление события, но и предотвратить его — во всяком случае, в самом начале. Недаром таким самоотречением и гордой покорностью судьбе веет от согласия отца на рождение «недоброго» сына. Рок неумолим: предсказание сбывается во всех подробностях. Невозможность и в дальнейшем изменить судьбу облачается в форму неразрывности родственных связей.

Шаманы лечили колдовскими заклинаниями. Колдуны и шаманы гадали по снам. Уясу видел во сне, что он несколько раз стрелял по волку и промахнулся, а его брат Агуда убил волка с первого выстрела. Ему объяснили, что Агуда доделает то, чего он не смог сделать. Неопределенность разъяснения — залог того, что оно не придумано задним числом, когда под волком, конечно же, «опознали» бы киданей [Harlez, 1887 (I), с. 20].

Сверхъестественным силам отводилось важное место во всех значительных событиях в жизни чжурчжэньских племен, поэтому все племенные вожди и их жены — активные участники этих событий — наделялись шаманской, колдовской властью. Переселение чжурчжэньских племен на р. Аньчуху — колыбель их государственности — было делом рук не только вождя Суйкэ, но и его жены-прорицательницы. Хэлибо перед боем ночью видел сон, предвещавший победу, но предостерегавший его от личного участия в бою. Тот же Хэлибо перед смертью предсказывал своей жене из фамилии Налань смерть на следующий год, а своему брату Полашу — смерть на третий год [ЦШ, цз. 1]. Летопись сообщает, что жена вождя Шилу из рода Тутань, жена вождя Угуная из рода Танко (последняя вместе со своим отцом) считались колдуньями, шаманками [Torii, 1948 (I), с. 173—174].

Одним из любопытнейших обрядов чжурчжэней был танец женщин с двумя зеркалами: «Пять-шесть женщин в ослепительных одеждах, разрисованных красной краской, вставали после разных игр, держа каждая по два зеркала, поднимали и опускали руки, и сияние зеркала то затухало, то разгоралось. [Они] были похожи на богинь молнии, нарисованных в кумирне духа предков» [СЧБМХБ, цз. 20, л. 14а]. В шаманских обрядах почетное место занимает камлание с зеркалами, иногда нашитыми на одежду. Этот танец с зеркалами близок к пляскам шаманов. Чжурчжэни верили, что в зеркале отражаются все человеческие дела, что им можно отразить удары злых духов во время камлания.

Сохранившиеся источники не позволяют с исчерпывающей полнотой определить роль шаманизма в религии чжурчжэней и место

шаманов среди колдунов и жрецов, о чем говорил С. М. Широкогоров в одной из своих ранних работ [Широкогоров, 1919, с. 32]. Возможно, права Е. В. Ревуненкова, отмечая: «Не являясь самостоятельной формой религии в ряде стран Азии, шаманизм представляет собой особый социально-культурный комплекс, который хотя и связан с религией, но не может быть сведен к ней или отождествлен с ней» [Ревуненкова, 1974, с. 187]. Это высказывание, по-видимому, приложимо и к чжурчжэням. Мы не знаем «сношений» шаманов с духами, положения шаманов в чжурчжэньском роде, а именно эти признаки относятся наряду с другими к числу определяющих характер функций колдуна как шаманский. Однако некоторые черты деятельности колдунов, напоминающие «вмещение и подчинение духов» (экстатическое прозрение шамана Лан Цзю), танец с зеркалами, похожий на камлание, описание одежды шаманского типа [Бичурин, 1829, с. 203—204], археологические находки металлических украшений от этой одежды, наличие самого термина «шаман» (шаньмань), наконец, расцвет шаманства у потомков чжурчжэней — маньчжуров (XV—XIX вв.) — и у нанайцев (XIX—XX вв.), у которых оно уже имело сложившиеся, традиционные формы,— все это говорит о том, что шаманство было развито и у чжурчжэней. Оно не зародилось, а сформировалось в это время, или наши сведения с этих пор отличаются большей отчетливостью.

Китайская письменная традиция сохранила специальный термин для служителей древней, традиционной религии — «у». У тобасцев «у» обоего пола еще танцевали священные танцы и били в бубны и барабаны, но уже в 472 г. шаманки были отстранены от церемоний жертвоприношений [Groot, 1910, с. 1234—1235]. У киданей многие магические действия совершал простой шаман, но самые тайные обряды происходили под главенством верховного шамана [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949, с. 17].

Доказательств распространения буддизма в среде ранних чжурчжэней пока нет, хотя существовал контакт чжурчжэней с буддистами во время поездок в соседние государства. Так, в 1019 г. чжурчжэни, посетив г. Дэнчжоу, просили у сунцев буддийский канон [Hino, 1964, табл.]. Согласно преданию, брат легендарного родоначальника царского рода ваньянь — Агунай остался в Корё именно из-за склонности к буддизму. Хотя китайский источник «Фуцзу лидай тунцзай» (цз. 29) сообщает, что в 1105 г. династия Цзинь перенесла буддийское изваяние в императорские покои, а в следующем году там действовали буддийские монахи, но дело в том, что в эти годы династия Цзинь еще не существовала [Ногами, 1953, с. 181—182]. Говоря о первых годах после провозглашения государства, один источник — «Сунмо цзивэнь» — сообщает, что «в обычаях хусцев (здесь: чжурчжэней.— *М. В.*) почитать Будду весьма усердно и что царский дом и приближенные возносят моления Будде и посещают храмы» [СМЦВ, цз. 1, с. 10], другой — «Саньчао бэймэн хуэйбянь» — замечает, что «чжурчжэни с особым почтением делают подношения Будде, чтобы пользоваться его мило-

стями» [Кычанов, 1966, с. 274]. Особо интересно происхождение термина «тайёла» — «буддийский храм». Характерно, что использован не китайский термин — «сы», не монгольский — «сум», а, по всей вероятности, корейский — «тёль». Это свидетельствует о том, что термин к чжурчжэням проник из Кореи, по-видимому, до того, как они вступили в тесные связи с киданями [Torii, 1948 (I), с. 168]. Однако эта струя, вероятно, оказалась слабой. Во всяком случае, то, что известно о буддизме среди чжурчжэней в конце XI — начале XII в., говорит скорее о киданьском его происхождении [Gibert, 1934, с. 178]. Не исключено и прямое заимствование буддийского учения в Китае.

9. Язык и письменность

Судя по всем чжурчжэньским памятникам письменности, к моменту этнической консолидации чжурчжэни обладали собственным языком, фонетически и морфологически связанным с южнотунгусской группой языков, а в генетическом отношении — с протоалтайским языком [Miller, 1975, с. 152—153; Edkins, 1897—1898]. В фонетике ослабленное ẻ/o ближе к тунгусскому ẻ, а не к северокитайскому. При этом чжурчжэньские ti, di еще не получили вторичной палатализации, как в маньчжурском или нанайском языках. Также и слог si в чжурчжэньском палатализован как ši, а š, h стоят там, где в маньчжурском мы встречаем č, g. Но носовые звуки уже, по-видимому, постепенно исчезали: вместо собственно тунгусского ŋ звучало g, как и в маньчжурском. Упрощенный консонантизм вообще характерен для южной ветви тунгусской группы языков [Menges, 1968 (II), с. 249—251].

Собственной письменности у ранних чжурчжэней не было. В ряде мест «Цзинь ши», правда, упоминаются какие-то «законоположения» при вожде Шилу, «жезлы с присягой» при вожде Агуде, которые как будто ассоциируются с письменностью, но все это, очевидно, позднейшие выражения. Более того, другие источники прямо утверждают: «Язык не схож с киданьским, и письменности нет. При сборе дани посылались наконечники стрел с зарубкой. Они служили [условными] знаками. Для спешного дела были стрелы с тремя зарубками» [ДЦГЧ, цз. 39, с. 180]. Аналогичную картину рисует и другой источник — «Шэнь лу цзи»: «Чжурчжэни при Ханьну раскалывали деревяшки и покрывали их нарезками, как бы письменами. Договоры и постановления бывали твердыми и строгими, окончательными и нерушимыми. Повсюду и все подчинялись этим знакам; они же считались священными» [МЧЮЛК, цз. 17, с. 4б]. В тех случаях, когда требовалось передать развернутое сообщение, использовали гонцов, которые заучивали наизусть послание: «Тай-цзу (Агуда) воевал [в 1115 г.] с Ляо. В это время еще не было письменности. Все, что касалось военных дел и должно было сохраняться в секрете, передавали устно доверенному лицу. Ему наговаривали сообщение в отдаленные воинские части, где он передавал слова указа. И хотя указ состоял из нескольких тысяч

слов, никогда не было ни малейшей ошибки... [Такого человека] прозвали „чжацы". Это китайское слово, которое значит „гонец"». [ЦШ, цз. 84, с. 532].

Любопытные находки на Шайгинском городище (Приморье) позволяют высказать предположение о существовании у ранних чжурчжэней узелкового письма. На упомянутом городище найдены подвесной олений рог, особым образом обработанный, и двустворчатая бронзовая рыбка [Шавкунов, 1973 (V)]. Некоторые исследователи склонны считать рог пенделем — приспособлением для развязывания узелков при чтении узелкового письма. Такое письмо существовало в древнем Китае, у монголов в XII—XIII вв., а в недавнем прошлом — у нивхов. Возможность существования такого письма у чжурчжэней подкрепляется как общими соображениями, в частности невозможностью для гонца запомнить ответственное послание из нескольких тысяч слов без малейшей ошибки, если не имеется какого-то средства, облегчающего такую передачу, так и находкой второго из упомянутых предметов — рыбки с пятью отверстиями. Найденная недалеко от пенделя бронзовая рыбка могла служить для завязывания узлов, возможно разноцветных.

В другом источнике («Шушу хуэй яо») подтверждается, что во время войны с киданями в войсках не пользовались письменностью; лишь при сношении с соседями использовали киданьское письмо [МЧЮЛК, цз. 17]. Таким образом, к моменту провозглашения государства Цзинь непокоренные чжурчжэни, вероятно, не пользовались письменностью во внутригосударственных делах. Однако при сношениях с соседями, и прежде всего с киданями, чжурчжэни, в особенности мирные, т. е. входившие в состав империи Ляо, знали и другие средства общения. Требуя с чжурчжэней дань, кидани посылали им продолговатые деревянные бирки, на которых был вырезан киданьский иероглиф «Срочно!». Тип бирок был заимствован киданями у китайцев. Изображение некоторых из них сохранилось [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949, рис. 2]. Такие деревянные или «верительные» бирки чжурчжэньское посольство к Сунам использовало уже в 980 г. [Цзинь Гуанпин, Цзинь Цицун, 1964, с. 41].

Вплоть до Угуная (середина XI в.) немирные чжурчжэни обязаны были являться ко двору Ляо, но переводчик обычно допускал много ошибок, и кидани понимали не все в речах чжурчжэней. Поэтому вождь чжурчжэней Полашу на аудиенции сам говорил по-киданьски. «Цзинь ши» сообщает: «При донесении о каком-либо деле чиновником государства Ляо он всегда становился на колени и говорил через переводчика. Переводчик часто понимал его превратно. Полашу, желая говорить лично, переставал говорить через переводчика, и тот, будучи в затруднении, выводил Полашу вперед, заставляя его говорить самого. Полашу раскладывал по порядку заметки [напоминания] из травы, дерева, кирпича и камней, пересказывал по ним число дел; чиновники, выслушав его, с удивлением спрашивали о причинах этого. Тогда Полашу смущенно говорит: „Это оттого, что я груб и несовершенен"» [ЦШ, цз. 1; цит.

по: Розов, с. 20]. Поведение Полашу вызывает удивление. Он сумел выучить киданьский язык, по-видимому с помощью своих приближенных из числа киданей, в такой мере, что мог поправлять киданьского переводчика, связно излагать государственные дела на чужом языке и остаться при этом неграмотным. Нам кажется, что именно эта несообразность и вызывала удивление киданьских вельмож, тем более что киданьская письменность в то время не могла быть вовсе не известна в чжурчжэньских землях. Когда восстал Сяо Хайли, Ингэ получил «предписание подавить мятеж» [ЦШ, цз. 1, с. 18]. Это предписание, по-видимому, было прислано в письменном виде с послом. Встает дилемма: либо посол перевел ему это предписание, либо кто-то из окружения Ингэ мог его прочесть. В 1115 г. сразу же после провозглашения Агуды императором под именем Тай-цзу из Ляо дважды приезжал посол с верительными грамотами, в которых государь Цзинь именовался просто по имени. Грамоты тоже дважды отсылались обратно в сопровождении ответных посланий [ЦШ, цз. 2]. Это свидетельствует о том, что в стране уже существовали люди, хорошо знавшие киданьскую (хотя, может быть, китайскую?) письменность, смогшие заметить нарочитую погрешность в титуловании и составить ответные послания [Воробьев, 1968 (VII)].

Одним из таких лиц мог быть киданьский чиновник Ян Пу, имевший ученую степень и находившийся на службе у чжурчжэней. Он сыграл важную роль в обучении членов царского рода киданьской и китайской грамоте, что уже непосредственно подводило к созданию собственно чжурчжэньской письменности [Мао Вэнь, 1931, с. 174—175]. И конечно, он не был единственным грамотным человеком в стране. Так, мы узнали, что в 1114 г. «цзиньский военачальник Мэолянхо, получив ранение на охоте, пролежал дома два месяца и выучил киданьские письмена, большие и малые» [ЦШ, цз. 2, с. 22]. Так как немирные чжурчжэни до 1119 г., по-видимому, не имели своей письменности, они задолго до этого уже переманивали грамотных людей из Ляо, изучали киданьский разговорный язык и киданьскую письменность и пользовались ими в важнейших государственных делах. Китайские хроники сообщают, что чжурчжэни, прибывшие в г. Дэнчжоу (пров. Шаньдун) в 982 г., передали местным властям послание от страны Динъань, в 973 г.— от племени тели, а в 972 г.— свою «объяснительную записку» на бирке по поводу нападения чжурчжэней на пограничную крепость. Если два первых примера свидетельствуют о том, что чжурчжэни соприкасались с чужими письменными документами, то в третьем случае они представили собственную грамоту, хотя неизвестно, кем и на каком языке написанную [Hino, 1964, табл.]. Китайский язык и письменность в это время уже были известны чжурчжэням, а также в государстве Бохай (которое создало и свою письменность). Чжурчжэни сталкивались с китайским письмом во время поездок в Китай, при переговорах о заключении союза с Сун против общего врага — Ляо, но в жизни чжурчжэней китайская письменность все же занимала в то время скромное место. Таким

образом, чжурчжэни по крайней мере со времени отправки посольств постепенно стали использовать иноземные письмена.

Некоторые предварительные исследования позволяют выдвинуть мысль о том, что в этот период чжурчжэньский этнос, а следовательно, и язык вели сравнительно замкнутое существование (хотя, может быть, появление этой мысли до известной степени «провоцируется» недостатком материала). Как бы то ни было, исследователи, изучавшие лингвистическую ситуацию в империи Ляо, либо почти не обнаруживают в ней следов чжурчжэньских включений [Franke, 1969], либо фиксируют лишь полтора десятка чжурчжэньских слов в киданьском словаре, а киданьских слов в древнечжурчжэньском языке не находят вовсе, хотя отыскивают их в монгольских, тюркских, даже... в маньчжурском языках [Menges, 1968 (I), с. 54, 59, 60]. Лишь несколько чжурчжэньских по происхождению названий сохранилось в топонимике тех районов Северной Кореи, где до 1107 г. жили чжурчжэни [Ли Квимун, 1966, с. 139].

10. Естественнонаучные знания

Естественнонаучные представления чжурчжэней в догосударственный период были схематичными, сугубо конкретными и не фиксировались. В математике были известны лишь простейшие действия с цифрами. Астрономические и метеорологические наблюдения использовались как в религиозно-геомантических целях, так и для предсказания погоды и установления простейших представлений о времени (о годе, о сельскохозяйственных сезонах, о смене дня и ночи). Во всяком случае, как сообщает позднейший источник, эти наблюдения не привели к созданию собственного календаря. «Чжурчжэни в древности были очень малочисленны. Календаря не имели. Их люди не знали счета лет. Называя их, говорили: „Я видел столько-то трав“, т. е. каждая [сменяющаяся] зеленая трава считалась за один год» [ДЦГЧ, цз. 12, с. 134]. «Чжурчжэни в старину не знали счета лет и месяцев»,— вторит другой источник [СМЦВ, цз. 1, с. 19]. Таким образом, в быту по крайней мере, чжурчжэни обходились очевидными признаками смены годичного цикла (смена зеленой травы). Но это не значит, что более упорядоченная система летосчисления была вовсе не известна чжурчжэням в это время. В 1030 г. чжурчжэни уже выменяли у корёсцев календарь на собольи шкурки. В летописной истории чжурчжэней, помещенной в «Цзинь ши» (цз. 1), первая дата приурочена к переходу власти от пятого к шестому правителю (1020 г.), а отказ от использования девизов годов правления Ляо и переход на «нейтральные» циклические знаки и счет по порядку годов царствований приходится на 1093 г. Но в какой мере это соответствует появлению системы летосчисления в среде самих чжурчжэней, хотя бы и в правящей ее верхушке, и в какой — представлению об этом юаньских составителей «Цзинь ши», неясно. Это замечание, казалось бы, заставляет взглянуть на дело очень мрачно, но существуют косвенные факты более обнадеживающего характера. В разд. 9 гл. 1 мы уже отмечали проживание в роде ваньянь знатных или ученых

киданей, которым должны были быть известны какие-то системы летосчисления, и скорее всего киданьская и китайские. Цитируемый источник в какой-то мере подтверждает эту роль киданей. «Страна... еще не знала законов [смены] часов и дней, двух пар „одиноких“ и „пустых“ из двух циклов. Служащих-астрономов еще не подготовили. Когда же впоследствии отрезали половину ляоских владений, получили из Ляо академиков, в частности трех наставников: Тэбо, Мэн Вэя, Цзи Му. Все они учили астрономии и искусству правильно гадать о судьбе» [ДЦГЧ, цз. 33, с. 134]. Хотя этот отрывок характеризует сравнительно позднее проникновение наставников в астрономическую науку — во время войн с Ляо, в первой четверти XII в., он не противоречит и высказанному мнению о возможности более раннего проникновения этих знаний. Не меньшее влияние должны были оказать и связи с корейцами и китайцами.

Судя по прямым высказываниям позднейших китайских источников, медицина как самостоятельная область знаний тоже не существовала у чжурчжэней до XII в. «В случае болезни не используют врачей и лекарств, предпочитают шаманов и молебны. Когда заболевают, шаман убивает свинью или собаку, принося их в жертву. Либо отвозят больного в отдаленные горы и долины и оставляют там» [СЧБМХБ, цз. 3, л. 5а]. В действительности врачебная деятельность колдунов и шаманов была значительно шире. Кроме чисто магических действий, так поразивших путешествующих китайцев сходством с деревенским знахарством, кроме старинного обычая оставлять в глухих местах неизлечимых или заразных больных, в чем проявилась примитивно-санитарная служба, несомненно можно было наблюдать, как колдуны и знахари лечили травами, настойками и припарками, известными даже неолитическим племенам. Трудно себе представить, чтобы целебные свойства женьшеня, кедровых орешков, белого аконита, которые чжурчжэни вывозили в Ляо, в Корё, в Сун, не были известны и не использовались у них на родине. До нас дошло любопытное сообщение о долголетней и успешной практике корёского врача среди членов рода ваньянь. Врача настолько ценили за его умение, что при возвращении его на родину в 1102 г. был оговорен ряд условий. Ингэ торжественно обещал, что ему будет гарантирована неприкосновенность при проезде через земли восточных чжурчжэней. Это, конечно, говорит уже о понимании значения медицины и о знакомстве с приемами иноземной, корейской медицины.

Глава 2

КУЛЬТУРА ГОСУДАРСТВА ЦЗИНЬ (1115—1234)

1. Производственная деятельность

Производственная деятельность является основой для формирования культуры любого народа. «Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления» [Маркс и Энгельс. Соч., т. 3, с. 25]. Именно в интересах изучения этой культуры мы и будем рассматривать прежде всего техническую сторону цзиньского производства. Социальные, фискальные, политические аспекты хозяйства и экономики при Цзинь подробно изложены нами в другом месте [Воробьев, 1975, с. 212—242]. Средства производства, а именно земля и орудия труда, являются существеннейшей предпосылкой для развития культуры любого общества на этом этапе существования. Для цзиньского государства это обстоятельство имело особое значение, так как с выходом чжурчжэней за пределы своей прародины, когда они встали во главе новой империи, возникла проблема совмещения технологического уровня завоевателей и побежденных и создания какого-то единого целого, могущего быть в зависимости от конкретных условий и синтезом и конгломератом.

Природная среда Северного и Центрального Китая, уровень сунского производства и характер средств производства достаточно хорошо известны. Напомним лишь о тех их отличительных чертах, которые заметно контрастируют с ситуацией на чжурчжэньской прародине. Сердце сунского Китая составляла Северо-Китайская равнина. Наличие плодородных наносных почв обеспечило огромную концентрацию здесь земледельческого населения. Основные реки текут в широтном направлении и являются существенной частью хозяйственной и транспортной системы страны. Леса, причем лиственные, сохранялись лишь в отдельных районах, а горы не отличались высотой. Естественный растительный покров и животный мир не везде сохранились. Климат меняется от умеренного на севере до субтропического на юге. За исключением редких необжитых районов, Северо-Китайская равнина уже в то время выделялась высокой степенью цивилизаторской деятельности человека. При Сунах совершенствование ирригации в бассейнах рек Ху-

анхэ, Бяньхэ, Янцзы значительно увеличило площадь поливных земель и повысило их продуктивность. Вошли в обиход новые сорта проса, пшеницы, сои, риса. Посевы хлопчатника с юга Китая распространились на центральные районы страны. Заметно усовершенствовалась техника земледельческих работ: шире использовалась пахота на волах, увеличился — количественно и по специализации — набор железных земледельческих орудий. Последнее оказалось возможным в результате резкого увеличения в XI в. по сравнению с IX в. добычи металлов: меди — в 30 раз, железа — в 12 раз, а также свинца, олова, ртути, золота, серебра. Улучшилась техника плавки и обработки металла. Стали применять каменный уголь, химические реактивы. Очень широкое распространение получило кузнечное дело. Создание сложных металлических деталей, приспособлений и механизмов позволило изобрести станок для очистки хлопка, многоверетенную прялку, модернизировать ткацкий станок. Потребность в таких изобретениях и усовершенствованиях стала настоятельной вследствие развития шелководства и хлопководства, в свою очередь, эти нововведения заметно укрепили шелкоткацкое и хлопчатобумажное производство в Китае. Освоение ряда химических процессов позволило открыть секрет пороха и — в союзе с механикой — создать метательные машины, наладить крупные керамические и фарфороделательные предприятия (в Сун их насчитывалось 28). Расширение ремесленного производства повлекло за собой рост градостроительства, так как именно в городах концентрировались ремесленники, и кораблестроительства, так как морская внешняя торговля стала занимать все большее место в сбыте товарной ремесленной продукции. В выпуске этой продукции видное место занимали казенные мастерские, а сам выпуск некоторых продуктов являлся монополией государства [История Китая..., 1974, с. 101—105; История стран..., 1970, с. 233—235].

Военные пертурбации, разумеется, не могли не сказаться на реальном состоянии отдельных отраслей китайского производства, но в целом развитие этого производства не подверглось необратимым изменениям. Поэтому в этом плане мы дадим характеристику чжурчжэньских производственных достижений и некоторых итоговых результатов сочетания их с китайскими, т. е. рассмотрим цзиньскую технику и производство. Выход чжурчжэней на Северо-Китайскую равнину заставил их отнестись к земледелию не просто как к важному, а как к основному виду хозяйственной деятельности. Такое отношение к земледелию являлось традиционным для новых подданных Цзинь в Китае, но оказалось новым для победителей. Хозяйственные занятия чжурчжэней, оставшихся в Приморье и Маньчжурии, сразу резко не изменились. Переселенцы же испытали глубокую ломку привычного хозяйственного уклада [Чжу Дацзюнь, 1958].

Логичным следствием провозглашения новым государством Цзинь верховной собственности на землю явилось обеспечение им ирригационного хозяйства (постройка и ремонт плотин, осушение болотистых и затопляемых земель, внедрение рациональной системы

посевов, борьба с последствиями неурожаев, засух, наводнений). Осуществление этих мероприятий требовало огромной организационной работы и известной технической подготовленности пришельцев, даже если учесть, что в Северном Китае осталось немало китайских специалистов. В целом Цзинь удавалось поддерживать ирригационное хозяйство страны на удовлетворительном уровне и даже расширить площадь орошаемых полей, о чем неоднократно сообщает «Цзинь ши» (цз. 50). С целью повышения урожайности правительство Цзинь внедряло китайские квадратно-гнездовой посев (цюй чжун), разновидность рядового сева, и паровую систему деления полей на участки (цюй тянь). В первом случае высадка рисовой рассады производилась в специальные гнезда в центре квадратов, отстоящих друг от друга на одинаковом расстоянии. Во втором случае та же рассада высаживалась в особые борозды, которые, пересекаясь, делили поля на участки, причем часть борозд оставалась под паром. Эти приемы Цзинь стала вводить весьма интенсивно с 90-х годов XII в., и, по некоторым данным, урожайность таких орошаемых полей в пров. Хэнань возросла в несколько раз по сравнению с положением во времена Ляо.

Земледельческие культуры Северного Китая (просо и гаолян) и Центрального Китая (просо, ячмень, рис) сохранили свое ведущее положение и в Цзинь. Более того, чжурчжэни «вернули» из Маньчжурии на китайскую землю некоторые злаки и заметно расширили применение волов в качестве тягловой силы при пахоте. В Маньчжурии и в прилегающих к ней районах в цзиньское время по археологическим находкам и письменным источникам выращивали чумизу, ячмень, мелкий ячмень, пшеничку, клейкое просо, водяной и суходольный рис нескольких сортов, коноплю, разные фрукты и овощи. Словарь чжурчжэньского языка, даже в сохранившемся, далеко не полном объеме, содержит свыше сорока слов, имеющих непосредственное отношение к земледелию [Yamaji, 1956; ХИИЮ; ЦШГЮЦ]. Цзиньцы много внимания уделяли посадкам тутовых деревьев, необходимых для питания шелкопряда, и чайных кустов.

Земледельческие орудия цзиньцев дошли до нас далеко не полностью. Что касается орудий для обработки почвы, то хотя встречаются и целиком железные плуги [Ли Цзяньцай, 1964], но чаще использовали деревянный полоз и только сошники или лемехи (или даже их части) делали из чугуна [Болдин, 1976 (I); Шавкунов, Хорев, 1975; Сюй Минган, 1966]. Плуги были двух видов: большие для подъема целины и малые для перепашки [Болдин, Шавкунов, 1979, с. 130]. Важную роль в обработке почвы играли разнообразные сапки, мотыги [Тан Вэньсин, 1965; Ван Юнсян, 1960], пешни [Болдин, 1976 (II)]. Для уборки урожая и косьбы применялись разные серпы и ножи-косы [Остатки..., 1955; Предметы..., 1963; Цзиньские..., 1963; Су Тяньцзюнь, 1963]. Для обработки продуктов применяли железные резаки, сечки для шинковки овощей, каменные крупорушки в виде монолита с шаровидным углублением, стенки которого покрыты насечками, куранты — прямоугольные или ко-

роткие с сосковидным окончанием [Шавкунов, Болдин, 1976; Ван Сючжи, 1960; Толмачев, 1929]. Ветряная мельница, вероятно, уже существовала в конце Цзинь — начале Юань. Во всяком случае, в сочинении Елюй Чуцая содержится следующая фраза: «Налетает ветер — мелют старую пшеницу (т. е. люди запада мелют, ветер же вращает ось механизма и мелет пшеницу)» [Лю Сяньчжоу, 1963, с. 77]. Ван Цзи в горах Ляодуна наблюдал водяную крупорушку [ЛДСБЧ, л. 12а]. Такие орудия цзиньского времени, как большие мотыги, кирки, сапки, серп-коса, жатвенные ножи и некоторые типы лемехов, в силу стабильности формы и способа ведения хозяйства сохранялись до недавнего времени и признаются китайскими [Стариков, 1967, с. 135—168]. В результате всех этих мер запашка в Цзинь выросла, а урожайность повысилась. Многие китайские путешественники этой эпохи в своих воспоминаниях отмечают цветущие поля в государстве Цзинь.

В сложных отношениях с земледелием находилось скотоводство. До появления чжурчжэней в Китае китайцы уже давно перешли к стойловому содержанию скота, известному, впрочем, и чжурчжэням на их родине [Леньков, 1978, с. 81]. Чжурчжэни стали широко практиковать пастбищное, государственное скотоводство в ущерб пахотному земледелию частных владельцев и арендаторов. Особой любовью пользовались коневодство и разведение крупного рогатого скота. Государственные конские табуны до конца Цзинь исправно снабжали цзиньскую армию конями, тогда как Сун постоянно испытывала недостаток в лошадях, хотя и имела немногочисленную конницу.

Крупный рогатый скот предназначался в основном не на мясо, а в тягло. Это отношение к коням и скоту было вполне осознанным. В 1167 г. Ши-цзун заметил: «„Законом воспрещается забивать волов. Почему не воспрещается забивать лошадей? Лошади необходимы для войска, так же как волы необходимы для возделывания земли". Он повелел прекратить забой коней» [ЦШ, цз. 6, с. 54]. В результате волов, ходящих в ярме, в Цзинь было так много, по крайней мере в чжурчжэньских хозяйствах, что налоговая ставка с земледельческих чжурчжэньских хозяйств стала исчисляться с числа воловьих упряжек. При таком внимании к скотоводству неудивительно, что одних только наименований пород скота и терминов пастьбы в чжурчжэньском словаре сохранилось свыше 20, не считая обозначений продукции животноводства.

Выход чжурчжэней на Северо-Китайскую равнину открыл перед ними доступ к действующим сунским рудникам — к медным, хотя и не слишком многочисленным и богатым (у Сянчжоу, Гэчжоу, Шаньчжоу, Вэйчжоу, Лунчжоу), к железным (Датун, Шочжоу, Дасинфу, Чжэньдинфу), к серебряным и золотым (Баошань) и др. [Hartwell, 1967; Лю Синтан, 1934]. К этому времени относятся известные цзиньские рудники на чжурчжэньской прародине. В районе современной Партизанской в Приморье обнаружены выработанные золотые россыпи. В то же время «Ляо ши» сообщает о добыче в этих местах, тогда известных как округ Хуайюань в Бохае, золо-

та и серебра [Шавкунов, 1973 (II)]. Близ Ольгинского городища чжурчжэни разрабатывали железные руды [Можейко, 1971, с. 33]. В том же Ольгинском районе, у городища Скалистое у с. Ново-Николаевка [Шавкунов, 1971 (II); Шавкунов, Хорев, Леньков, 1974, с. 235; Леньков, 1976], а также в Лазовском районе Приморья работали цзиньские железные рудники [Шавкунов, Пермяков, 1967, с. 139; Леньков, 1975]. Известны пункты добычи и обработки железа и в Приамурье [Тимофеев, 1966].

Недавние раскопки в Маньчжурии дают представление о технике горного дела и металлургии, прежде всего черной. Крупный центр черной металлургии — разумеется, по средневековым масштабам — находился в Удаолине, близ Харбина [Ван Юнсян, 1965]; он состоял из шахт и плавилен (около 50). На определенной глубине шахта разветвляется и переходит в забои. На дне забоя на некотором расстоянии друг от друга устроены рабочие площадки с деревянными креплениями. В этих шахтах добывали красный и магнитный железняк. По приблизительным подсчетам, осмотренные шахты выдали 400—500 тыс. т железной руды. Плавильни разбросаны по склону холма. Это довольно сложные сооружения округлой формы (диаметр — около 1 м). Выход из печи имел дверки, а сама печь — воздуходувное устройство. В это время литье железа уже было самостоятельным разделом литейного дела, и литейные мастерские строили вблизи рудоносных гор, где плавили руду, а выплавленное железо сплавляли по р. Аньчухэ в места, где жили литейщики-кузнецы и мастера по обработке металла. Железные молоты и отбойники оставались единственными орудиями рудокопов. Плавильни составляли единое целое и принадлежали к одной эпохе — эпохе Цзинь. На них работало около 1000 человек. Размещение крупного железорудного чугунолитейного центра близ старой столицы чжурчжэней в Шанцзине знаменательно. Такие памятники говорят о широком распространении у чжурчжэней горного дела и металлообрабатывающего ремесла, во всяком случае в XII в. Наличие вертикальных шахт и горизонтальных штолен (Маньчжурия), а также применение буравов, молотков свидетельствует о развитой технологии горных работ. Чжурчжэни знали не только способы добычи руды, но и ее обогащение — размол и концентрацию (удаление пустой породы).

О состоянии металлургического и металлообрабатывающего производств чжурчжэней на их прародине ценнейшие сведения содержатся в работах В. Д. Ленькова [Леньков, 1974 (I), 1974 (II), 1973, 1971, 1967; Галактионов, 1966]. На Шайгинском городище в Приморье открыто шесть производственных мастерских, где получали и обрабатывали металл. Найдены железные крицы, полосы железа, заготовки изделий, бракованные изделия, слитки цветных металлов и тигли. Типичная мастерская (№ 2) включала восемь плавильных печей, причем каждая печь имела свой горн, формовочные ящики. Таким образом, металлурги доводили процесс обработки металлов, например чугуна, до отливок. Выплавка железа из руды осуществлялась в ходе сыродутного процесса, т. е. в усло-

виях подачи в печи «сырого», ненагретого, естественного воздуха, происходило так называемое восстановление железа. Для этого процесса достаточна температура 1100—1200°, и она вполне обеспечивалась при постоянном притоке воздуха. Химический и металлографический анализ изделий из металла показывает, что они выполнены из мягкого железа, науглероженного железа и чугуна. Мягкое железо получалось в начале плавки, чугун — в конце. В качестве исходного сырья использовали бурый железняк, содержащий до 50% железа. Так как на Шайгинском городище руда не обнаружена, то вероятно, что сюда привозили уже спецкрицы, например, из Скалистого городища (Ольгинский район Приморья). Здесь обнаружены следы принудительного дутья, неизвестные на Шайгинском городище. На городище плавили руду, осуществляли вторичную переработку металла [Шавкунов, 1971 (II); Леньков, 1976]. Археологи обнаружили на Шайгинском городище два рода криц: спецкрицы — слиток с пустотами и шлаком, плохо поддающийся ковке, и просто крицы — однородные куски металла без шлака. Шайгинские плавильщи перерабатывали спецкрицы в мягкое железо или чугун. Последний, по-видимому, получали при вторичной переплавке спецкриц, а чаще из обломков чугунных изделий в специальных тиглях, которые ставили в печь. В переплавку, по-видимому, шли мелкие деформированные крицы, как это практиковалось в Китае (ср. [Петриченко, 1960]). Памятники XII в. имеют немало стальных изделий. Кроме сырцовой стали, которая шла на цельностальные изделия, чжурчжэни получали высококачественную сталь, из которой делали наварные изделия.

Чжурчжэньский металлург располагал наковальней, молотом, молотками, клещами, зубилами для рубки металла, бородками, напильниками. Набор этот мало отличался от комплекта орудий ремесленников других народов этого времени. С помощью этих орудий чжурчжэньские ремесленники изготавливали: 1) орудия труда — сельскохозяйственные, для обработки металла, дерева; 2) бытовые вещи; 3) вооружение и части конской сбруи. При их изготовлении кроме простейшей проковки несложных вещей применялась сварка целой вещи из деталей, разрубание железа зубилом, пробивка отверстий и целая серия приемов (включая кручение железа) для получения таких изделий, как проушной топор или замок.

На Шайгинском городище открыты изделия из цветных металлов: из меди, желтой и белой бронзы, свинца, серебра и золота. Изделия отливались главным образом из оловянно-свинцовой бронзы. Максимальное содержание олова в изделиях составляло 25%, минимальное — 1%, свинца — соответственно 22 и 0,08%. В целом процент содержания олова, свинца, цинка в чжурчжэньских бронзах удачен. В мастерских соблюдалась строгая рецептура плавок. Лом цветных металлов часто переплавляли в очагах жилища. Чжурчжэни знали многие технические приемы: литье, плавку, сварку, штамповку, волочение, паяние, золочение, серебрение, инкрустацию цветных металлов и др. При этом кроме названных выше инструментов применяли еще ювелирные молоточки, пробойники, ювелир-

ные пинцеты, сверла, штампы, шлифовальные камни. Отливка осуществлялась в основном в жестких формах — односторонних и двусторонних, а также по восковой модели (зеркала).

Стандартность плавильных печей и горнов на Шайгинском городище — по структуре и размещению — свидетельствует о сложившейся технике металлургии. Такие печи и горны вполне самобытны и, по-видимому, появились еще в VII—X вв. Организация металлургического и кузнечного дела в Шайге — сознательный процесс. Домны и горны сгруппированы в два квартала, вынесены за черту поселения. Мастерские были как крупные (на 50 работников), возможно казенные, так и менее крупные. Кроме того, многие мастера, особенно специализирующиеся на мелких, тонких поделках, работали на дому. Об этом свидетельствуют индивидуальные наборы инструментов и заготовки сырья. Эти кустари не порывали с сельским хозяйством; в их жилищах найдены охотничий инвентарь и земледельческие орудия. Металлообрабатывающее производство было достаточно специализированным. Даже беглый обзор находок обнаруживает свыше сотни наименований изделий из одного только черного металла, среди которых есть такие сложные для выделки, как ножницы для резки железа, бубенцы, штихели, проушные топоры, замки, браслеты, зеркала. Какова бы ни была окончательная оценка этого памятника, отдельные исследователи полагают, что по технической культуре чжурчжэньские металлурги Шайгинского городища кое в чем превосходили западноевропейских коллег, например в изготовлении сошников из чугуна [Леньков, 1979; Шавкунов, 1971 (I), с. 40]. Шайгинское городище остается крупнейшим очагом металлообработки чжурчжэней.

Занимались в Цзинь и добычей минералов, и прежде всего полудрагоценных камней, жемчуга и янтаря. В «Хуаи июй» упоминается яшма, горный хрусталь, специально выделяется жемчуг, и особо крупный жемчуг; словарь Ямадзи Хироаки приводит название красного самоцвета. Маньчжурия всегда считалась богатой яшмой. В начале нашей эры племена фуюй и илоу искали здесь красную и голубую яшму. Ею активно торговали чжурчжэни, а после них в Нингуте находили еще и синюю яшму. Чжурчжэни широко использовали и такие ценные породы камня, как жировик, селенгит, амфибол, сердолик, обсидиан, агат, халцедон, яшма, нефрит, горный хрусталь, а также янтарь [Шавкунов, Пермяков, 1967, с. 136]. Обработка твердого камня требовала знания особых приемов и наличия специальных приспособлений. При Цзинь сделано важное изобретение, облегчающее шлифовку драгоценных камней и нефрита,— создан особый вращающийся абразивный круг с нанесенным на него шлифовальным песком [ЦШ, цз. 24].

Добыча строительного камня и леса играла важную роль в хозяйстве населения некоторых районов: «Если дерево и камни, используемые на берегу Хуанхэ, прочны — они не местные», т. е. добыты и привезены из районов, славящихся этими материалами. К таким районам относились Приморье, Приамурье, Маньчжурия. Местные народы широко использовали лесные богатства этих райо-

нов. По некоторым данным, в Бохае средний расход древесины на душу населения достигал 4—6 куб. м в год, а к концу Бохая по всему Дальнему Востоку годовая потребность в древесине составила 2,5—3 куб. м на душу населения. 95% этой древесины доставлялось из лесов Приамурья и Приморья. При чжурчжэнях древесина этих мест стала играть еще более важную роль. Это объясняется развитием металлургии, поглощавшей много топлива, интенсивным строительством, массовым изготовлением деревянной утвари. Сравнительно небольшое здание в Краснояровской крепости площадью 40 кв. м имело печь, в которой за одну топку сжигалось до 0,3 куб. м дров [Шейнгауз, 1971, с. 15]. Для деревянных поделок чжурчжэни широко использовали твердое дерево: дуб, березу, орех, тис. Чжурчжэньские словари перечисляют свыше двух десятков поделок из дерева. Дерево составляло обязательную часть почти любого металлического инструмента ремесленника (рукоятка, насад).

Ремесленники, рабочие и крестьяне на государственных стройках и в быту пользовались разнообразными инструментами; по внешнему виду они мало чем отличались от тех, которые применялись деревенскими мастерами и мелкими ремесленниками Китая и Маньчжурии спустя 700 лет [Стариков, 1969, с. 108—112]. Именно в период Сун и Цзинь сложился тип земледельческих и ремесленных орудий труда. Деревообделочники использовали топоры и тесла разной формы, долота, скобеля, стамески, пилы, напильники и пр. [Тан Вэньсин, 1965; Куан Юй, 1963]. Каменщики и штукатуры применяли лопаточки, мастерки и т. п. [Ван Цзэнсинь, 1960 (II); Су Тяньцзюнь, 1963].

Личное оружие чжурчжэньских воинов не было ни очень разнообразным, ни особенно оригинальным. Лук со стрелами, копье, меч — вот краткий перечень в порядке убывающей важности предметов наступательного вооружения, которыми обладал рядовой чжурчжэньский воин. К этому иногда добавлялся панцирь из металлических пластин, который уже относится к вооружению защитному. Эти и некоторые другие предметы вооружения являются частой находкой, за исключением, может быть, меча, на археологических памятниках. Наиболее многочисленны (около полутора десятка типов) железные наконечники стрел. Каждый из них имеет свое назначение, а некоторые типы связаны со сложным луком или арбалетом [Галактионов, 1973; Дуань Цзэнсю, 1963]. Наконечники копий и дротиков менее разнообразны, преимущественно боевые, втульчатые [Галактионов, 1978]. Редкие книжные описания подтверждают этот перечень вооружения чжурчжэньского воина. Так, перед боем в 1161 г. «Шицзе, по обыкновению одевшись в доспехи и повесив меч, положа в колчан сотню стрел, взяв в руку копье и вскочив на коня, разъезжал среди войска» [ЦШ, цз. 6, с. 49].

Цзиньская армия была снабжена сложными и могучими средствами войны, чаще всего применявшимися во время осад. Воюя с киданями, чжурчжэни познакомились с современной им доогнестрельной артиллерией, а в ходе борьбы за Кайфын в 1126 г. освоили применение пороха. Во время этой осады цзиньская армия ис-

пользовала тяжелые катапульты, метавшие огромные камни, осадные башни с катапультами и самострелами, зажигательные стрелы и сосуды, забрасываемые на расстояние в несколько сот метров и взрывавшиеся на цели [ЦКЯЛ, цз. 1, 3; БЖЦХ, л. 2а–5а]. Во время безуспешной осады сунского города Дэань в 1206–1207 гг. цзиньцы уже очень широко использовали осадную технику: крытые «проходы»; крытые подвижные подходы для того, чтобы приблизиться к стенам; сухопутные «мосты» для переброски осадных материалов, зажигательные стрелы, повозки, «соломенные катапульты» для поджога крепостных сооружений; тараны, в том числе с железным концом, для разрушения стен на высоких башнях или особых лафетах, действовавших при помощи натяжных механизмов; катапульты разного типа с несколькими рычагами, обладавшие в пределах 100 м большой разрушительной силой; передвижные башни разных типов для преодоления стен, в том числе «небесный мост», снабженный лестницами с крюками; штурмовые лестницы; подкопы для мин [Hana, 1970, с. 85–89]. При осаде Цичжоу в 1221 г. цзиньские части применили взрывчатые бомбы в чугунной оболочке [БЖЦХ, л. 2а–5а; Лю Сяньчжоу, 1962]. В конце Цзиньской империи чжурчжэни располагали основными типами порохового оружия [Goodrich, Fêng, 1946; ср.: Wei Kou-chung, 1973]. Если в первый период Цзинь государство располагало всеми основными видами оружия, принятого на Дальнем Востоке, то во второй период был внесен заметный вклад в развитие порохового оружия [Школяр, 1980, с. 204, 273].

Свидетельством познаний чжурчжэней в прикладной химии, проявившихся в мирной жизни, являются находки в Приморье изделий из стекла и стекловидной пасты, которые были бесцветные, а также голубого, черного, синего и салатного цвета [Шавкунов, Пермяков, 1967, с. 136]. На Шайгинском городище собрано более 150 бусин из разного материала, изготовленных на месте техникой навивания, или вдали от этих мест — на основе стеклянной трубочки или стержня. Чаще они полупрозрачные, реже прозрачные, совсем редко непрозрачные [Чернышев, 1971]. Чжурчжэни до конца Цзинь в большом количестве добывали соль: морскую, озерную, каменную — и вывозили ее из Приморья, Маньчжурии, Монголии во многие страны материкового Дальнего Востока.

Высокий уровень технологии производства керамических изделий подтверждается при изучении строительной и технической керамики — кирпича и формовочной глины [Леньков, Овсянников, 1972]. Гранулометрический анализ состава глин из содержимого формовочных ящиков подтверждает искусственный характер смеси. Химический анализ глинистой составляющей смеси указывает на предварительное искусственное обогащение смеси, которую впоследствии в качестве «формовочной земли» употребляли при чугунном литье. В результате минералогического и гранулометрического анализа кирпичей установлено, что кирпичи изготавливали вручную, при этом использовали большое количество воды, в массу вводили в качестве отощателя горный песок; глину и песок перемешивали

в течение длительного времени, затем сушили на открытом воздухе — в таких условиях неизвестный и оставил на одном из кирпичей отпечаток своей руки [Пермяков, 1966]. Наконец, заготовку обжигали в восстановительной среде. Чжурчжэни умели делать кирпичи хорошего качества, разного сорта и размера, в частности сырцовые, крупные обожженные, стандартные обожженные. Размер последних был 30×15×5 см — это наиболее выгодное соотношение размеров. Хотя сохранившиеся чжурчжэньские кирпичи при испытании на сжатие по прочности вдвое уступают современным, 800 лет назад они, очевидно, обладали свойствами, делающими их более долговечными, нежели современные. Эти качества чжурчжэньских кирпичей являются результатом как высокой технологии, так и специализированного, массового производства в особых мастерских. Хотя пока ничего не известно о мастерских по выделке черепицы в Приморье, ее обилие на цзиньских памятниках в этих местах само по себе говорит в пользу местного ее происхождения.

В Приморье еще не найдены мастерские по выпуску глазурованной керамики, хотя, похоже, что на Шайгинском городище иногда получали глазурь [Леньков, 1974 (I), с. 42]. Выпуск же неглазурованной керамики — повседневной и специализированной — здесь был налажен хорошо [Тупикина, 1978, 1974 (I); Овсянников, Тупикина, 1971]. Лепная керамика составляла примерно 9% находок, керамика станковая — 91%, в том числе 12% подвергалось сплошному лощению, и эти изделия были водонепроницаемы, обладали звонким фарфоровидным черепком. Исследователи выделяют 15 устойчивых, больших форм и типов. Анализ керамики дает основание говорить о высоком уровне технологии изготовления, о стандартизации приемов выработки керамической массы (тесто сосудов повсюду однотипно по составу), формовки (везде независимо от формы выдержан отгиб венчика в виде «улитки»), обжига (в разных печах поддерживалась примерно одинаковая температура — 900—960°). Такая стандартизация — залог (и результат) массового производства керамики при известной специализации гончаров.

Техника выделки цзиньской керамики наиболее полно прослеживается на примере печей Яочжоу-яо у Хуанбаоцзюня, близ г. Тунчуаня (пров. Шэньси) [Раскопки..., 1965], датирующихся концом Цзинь — началом Юань. Типичная печь в плане напоминает конское копыто, размер ее 5,7×3,5 м. Под печи сложен из огнеупорных кирпичей. Поблизости от печей располагались собственно мастерские. В них обнаружены инструменты, огнеупорные капсюли, заготовки. Гончарные печи растянулись на 5 км. Судя по столь значительной протяженности территории керамических мастерских, толщине культурного слоя (1—5 м), обилию черепков и подставок, здесь было организовано массовое производство. К примеру, каждая печь за один раз могла обжечь 2590 простых чашек. По сообщению географического раздела «Сун ши», тягловые дворы пров. Шэньси еще в 1102—1106 гг. сдавали в счет налогов 112 667 фарфоровых сосудов. Объем производства мастерских при Цзинь неизвестен. Печи Яочжоу-яо выпускали и простую повседневную посуду, и тон-

кий фарфор для двора. В мастерских найдено много готовых и полуготовых изделий, покрытых голубой с желтоватым отливом глазурью и украшенных орнаментом. Так работала одна из 28 северосунских и одна из 8 цзиньских, унаследованных от Сун мастерских, создавших собственный стиль (семейство) и имя. Керамические мастерские при Цзинь не только сохранили свою специализацию, в результате чего названия печей стали нарицательным наименованием сорта, «семейства» продукции, но и усовершенствовали ее. Именно к цзиньскому времени, к 1184 г., относится оформление семейства цзюнь-яо. Однако одновременно с этим, учитывая запросы рынка, некоторые печи стали выпускать керамику «чужого» семейства и обычную повседневную утварь. Если специализация требовала соблюдения и усовершенствования особой производственной технологии, свойственной каждому семейству, то расширение ассортимента продукции, усвоение нового стиля естественно предполагали разработку новой — по крайней мере для конкретной мастерской — технологии. Цзинь полностью обеспечивала себя керамическими изделиями, но мало сбывала их за границу.

Ткачество — другой важнейший вид производства средневекового общества. Попав в Северный Китай, чжурчжэни как бы окунулись в море шелка. В северосунское время китайцы ткали шесть основных видов шелковых тканей: парчу — роскошную материю ручного производства (цзиньсю); прозрачный шелк типа газа (ло); узорчатый, или дамасский, шелк (лин); шелковый креп (шагу); простой плотный шелк из толстых ниток, иногда называемый бельевым или чесучой (чоу, цюань); простой плотный шелк из тонких нитей, или белое шелковое полотно (цзянь) [Тоё тюсэй си, 1939, с. 102]. Простые виды шелка широко использовались народом. После кратковременного упадка в первые годы после покорения Северного Китая цзиньцами шелкоткацкое производство вновь стало важнейшей отраслью казенного и частного ремесла. Шелком собирали многие виды налогов. Он стал важным эквивалентом обмена, важнейшим предметом экспорта в Южную Сун. Техника шелкоткацкого производства при Цзинь мало изменилась; изменились лишь расцветки да узоры — в соответствии со вкусами чжурчжэней. Если китайцы привили чжурчжэням любовь к шелкам, то чжурчжэни занесли в Китай технику получения холста из льна и пуэрарии и рецепты изготовления красок на растительном сырье, характерном для Маньчжурии.

Строительная техника чжурчжэней оказалась вполне на уровне потребностей эпохи. Хорошей иллюстрацией служат крепостные сооружения [Галактионов, 1976; Хорев, Шавкунов, 1976; Шавкунов, 1968 (II); Стариков, 1950 (II)]. Чжурчжэньские городища на равнине — обычно прямоугольной, реже неправильно-прямоугольной, многоугольной, овальной и вообще свободной формы. Чем дальше на север и восток, тем меньше прямоугольных городищ, тем мельче самые городища. С другой стороны, городища на возвышенностях со своеобразной планировкой, пожалуй, именно в Приморье встречаются чаще всего и достигают огромных размеров — Краснояров-

ское, Известковое, Николаевское и др. [Окладников, Деревянко, 1973, с. 410—412], Лазовское [Леньков, Галактионов, 1976]. Известны, впрочем, они и в Приамурье: у с. Новопетровка, у с. Поярково на горе Шапка, у оз. Болонь [Новиков-Даурский, 1953, с. 8; Деревянко, 1970, с. 128, 133]. В этом сказывается сложное взаимодействие двух традиций в строительстве и военной тактике — национальной и китайской. Впрочем, нельзя забывать, что и национальная традиция здесь подкреплялась не только географическими условиями — сильной пересеченностью местности, но и существованием по соседству горных укреплений Когурё и Корё. Постройка прямоугольных крепостей требовала хороших знаний фортификационной техники, которую довольно полно разработали китайцы. Чжурчжэни же создали систему смешанных, горно-равнинных укреплений, перенеся тип горных укреплений, основной защитой которых были естественные преграды, на сопки, господствующие над равнинами, и усилив эти крепости сложными искусственными сооружениями (высокими валами, глубокими рвами, башнями, барбаканами у ворот, цитаделями, барбетами для катапульт). Валы сооружали из сырцовых кирпичей, обычно с земляной подсыпкой. После закладки фундамента и забивки свай сколачивали деревянный каркас. Глину, замешанную со щебнем, засыпали в каркас и трамбовали. Затем забивали крепежные гвозди, насыпали слой чистой земли, переставляли каркас выше — и так продолжалось, пока не достигали нужной высоты. Такие насыпные стены снаружи обкладывали сырцовыми кирпичами [Воробьев, 1968 (I); ср.: Пак Хвансик, 1966]. На северо-западных границах чжурчжэни создали целую оборонительную систему для защиты от набегов монголов [Обследование..., 1961; Shimada, 1954; Wan Kuo-wei, 1927] — сложные многокилометровые сооружения, состоящие из рядов валов (стен) и рвов, пограничных постов, фортов и крепостей. Сплошная линия укреплений тянулась на 1500—1700 км примерно от места впадения р. Ганьхэ в р. Нуньцзян (49° с. ш.) до пункта севернее г. Фэнчжэня (автономный район Внутренняя Монголия, 39° с. ш.).

Строительство пограничных стен, валов, рвов — не чжурчжэньское новшество. Великая китайская стена, построенная китайцами в III в. до н. э., полтора тысячелетия ремонтировалась и расширялась. Корейцы неоднократно перегораживали валом узкую часть своего полуострова, особенно активно — в XI—XII вв. Кидани выкопали на границе с немирными чжурчжэнями ров, который последние засыпали в начале войны с Ляо. Но из народов Маньчжурии чжурчжэни были первыми и единственными, осуществившими столь сложное оборонительное строительство. Это свидетельствует о высоком военно-строительном искусстве цзиньцев [Ponosov, 1941].

К моменту появления чжурчжэней в Китае там уже была создана и хорошо налажена система сухопутных и водных путей. В Китае существовало 11 главных, или столбовых, дорог, принадлежавших государству: 1) Кайфын — Хуачжоу — Сюнчжоу, 2) Кайфын — Хуачжоу — Бэйпинцзюнь, 3) Кайфын — Дайчжоу, идущие на север, к киданьским заставам, 4) Кайфын — Баоаньцзюнь, 5) Кайфын —

Хуаинь — Чжэньжунцзюнь, 6) Кайфын — Цзинчжаофу — Ланьчжоу, ведущие на запад, в Си Ся, 7) Кайфын — Фэнсянфу — Чэнду — на юго-запад, в Шу, 8) Кайфын — Сянъян — Гуанчжоу, 9) Кайфын — Эчжоу — Гуанчжоу, 10) Кайфын — Чжанчжоу, связывающие столицу с югом, 11) Кайфын — Таньчжоу — Дэнчжоу, заканчивающаяся на востоке морским портом Дэнчжоу — центром торговли с чжурчжэнями в XI в. [Тоё тюсэй си, 1939, с. 209—210]. Водные пути каналами были объединены в три крупные системы. Главной артерией южной системы считалась Янцзы. Ее притоки Хуэйшуй, Цяньтанцзян, Сяншуй, Ханьшуй, а также оз. Фаньян и др. были связаны со второй — центральной системой. Центральная система, включая реки Бяньхэ, Цзяннаньхэ, канал Шаньянду, обеспечивала связь между южными и северными районами страны и со столицей. Северная система покоилась на реках Хуанхэ, Гуанцихэ, Хуэйминьхэ, Вэйхэ. На сухопутных и речных трассах располагались постоялые дворы и почтовые станции. Первейшей задачей водных магистралей считалась доставка риса и чая с юга на север, скота и соли с севера на юг. С этой целью был снаряжен огромный речной флот, состоящий главным образом из барж. Чжурчжэни вместе с китайской территорией приобрели пути сообщения, но в результате войн последние пришли в упадок. Впоследствии главные дороги восстановили, хотя новых важных сухопутных путей в самом Китае как будто при чжурчжэнях не прокладывали. Систему государственного надзора за дорогами, почтовой и курьерской службы, станций и постоялых дворов, ямской и гужевой повинности чжурчжэни также унаследовали от Сун и с успехом эксплуатировали. Дороги и при Сун, и при Цзинь, как правило, не имели твердого покрытия. Не приходится удивляться, что китайский посол Лоу Яо, ехавший в 1170 г. в Бяньцзин по трассе Чжанчжоу — Кайфын (10-й), часть которой проходила по берегу р. Бяньхэ, размышлял о том, как хорошо бы использовать для езды русло реки,— это дает представление о состоянии дорог в то время [БСЖЛ]. При Цзинь построены известные мосты: в 1130 г. Юнтунцяо в уезде Чжаосянь, в 1175 г. Линкунцяо в уезде Луаньчэн (пров. Хэбэй) — они относятся к типу пологих арочных; каменный мост через р. Лугоухэ длиной около 300 м на сотнях свай. Около 1136 г. сооружен мост с акведуком (Хуэйюаньцяо) в Хунтуне, в долине р. Фэн, на юге Шаньси [ШЦЛ, л. 13б; Needham, 1971, т. IV, ч. 3, с. 182, 284].

Несмотря на то что в Маньчжурии чжурчжэни до создания государства и позже, во времена Цзинь, предпочитали сухопутные пути сообщения, в Китае они быстро поняли значение воднотранспортной системы — естественной и искусственной — для хозяйственной и военной жизни страны и уделяли ей немалое внимание (этой теме посвящен цз. 27 «Цзинь ши»). После заключения договора 1142 г. Хуанхэ полностью оказалась во владении Цзинь. Регулирование ее вод и сплав барж обеспечивались 25 шлюзами. Палата водного надзора и транспорта через свои конторы на местах наблюдала за состоянием плотин. Даже текущий ремонт плотин и шлюзов требовал больших людских и материальных затрат. В 70-х

годах XII в. проведение капитального ремонта одной средней плотины требовало 600 тыс. рабочих дней. При Цзинь плотины все чаще стали заменяться шлюзами, хотя и менее долговечными, но лучше обеспечивающими нормальное прохождение барж, сохранность судов и грузов. Проводились гидротехнические работы на Великом канале, который находился в центре внимания всех династий, правивших в Китае. По оценкам специалистов, формальный показатель вклада цзиньцев в этот канал хотя и превышал ханьский, но был в 20 раз меньше сунского и в 5 раз — танского [Needham, 1971, т. IV, ч. 3, с. 282—283]. Но необходимо учесть, что на цзиньское время приходится одно из крупнейших перемещений русла р. Хуанхэ — в 1194 г. Проведены большие работы по превращению р. Лугоухэ (совр. Юндин) в судоходную реку, могущую обеспечить снабжение Яньцзина хлебом.

Речные перевозки при Цзинь стали весьма интенсивными. Некоторые из них выглядели грандиозными и по масштабу. Так, в 1184 г. приказано доставить в Яньцзин через Тунчжоу свыше миллиона даней проса. Еще более сложные перевозки были осуществлены в 1222 г.— в разгар войны с монголами. Тогда из Шэньси в Хэнань перевезли по воде за 30 рейсов 200 тыс. даней зерна (около 20,6 млн. л). Переселившись в Китай, чжурчжэни переняли и развили китайский речной и — в меньшей степени — морской флот. По морю перевозился хлеб из Ляодуна в Шаньдун. Цзинь вела широкую контрабандную торговлю по морю из Шаньдуна с южнокитайскими портами, что предполагало приобретение специальных навыков и средств передвижения. Характерно, что китайцы запрещали своим морякам плавать к чжурчжэням еще и потому, что считали последних способными выведать у китайцев маршрут в Южный Китай и воспользоваться им. Речной и морской транспорт — джонки, баржи, паромы — продолжали строить и при Цзинь. Некий кораблестроитель, находясь на службе Цзинь, около 1158 г. построил для рабочих модель строящегося судна и скат для спуска судов на воду [Needham, 1971, т. IV, ч. 3, с. 409].

В Маньчжурии чжурчжэни в 1124 г. благоустроили государственную дорогу, связывающую Шанцзин с Яньцзином (т. е. чжурчжэньскую столицу с бывшей ляоской столицей и в это время наиболее северным крупным китайским городом). На дороге были устроены станции с постоялыми дворами, перечисленные и охарактеризованные в путевом дневнике Сюй Канцзуна [Matsui, 1912 (I); ЮЛМЧ, цз. 8, с. 229—232]. В ходе реконструкции старой ляоской дороги и прокладки ее продолжения чжурчжэни выпрямили отрезок пути между Шэньчжоу и Сяньчжоу, который пересекал крупную реку Ляохэ [Sonoda, 1954]. Был продлен и реконструирован знаменитый «Соколиный путь», ведший в Угочэн, продлена на восток, в Приморье, ляоская дорога, некогда кончавшаяся в Ляояне, а также дороги, ведущие в Корё.

Хотя развитие чжурчжэньского производства на прародине чжурчжэней в цзиньское время не могло быть вовсе изолировано от происходящего в Северном Китае, это последнее воздействие ска-

залось больше на темпах, чем на характере развития местного производства. Об этом свидетельствует многое. Сельское хозяйство чжурчжэней в этих районах сохраняло целые отрасли, почти неизвестные на китайской почве: свиноводство (в районе Шанцзина), овцеводство (в Восточной Монголии), охоту и рыболовство — повсеместно. Процветание горного, металлургического, кузнечного дела явно имело местные корни. А нераспространение на эти районы шелкоткацкого дела, массового обжига глазурованной и фарфоровидной посуды, интенсивного дорожного строительства, процветавших в Китае, объяснялось в первом случае невозможностью разведения культурных шелкопрядов, во втором — отсутствием подходящего сырья, в третьем — ограниченностью потребности в обширных перевозках. Отсутствие или ограниченное распространение в ареале прародины чжурчжэней элементов производственной культуры, игравших важную роль на Северо-Китайской равнине, таким образом, объясняется не «культурной ущербностью» чжурчжэней, не недостаточностью или однобокостью их производственного развития, а целесообразностью, диктуемой особенностями местного развития. Это заставляет по-иному оценить и ситуацию на Северо-Китайской равнине в цзиньское время. Чжурчжэни отнюдь не ограничивались ролью пришельцев-надсмотрщиков над умельцами-китайцами. Они стали полноправными участниками производственной жизни в своей многонациональной империи — разумеется, с необходимой поправкой на их относительную малочисленность.

В важнейшей для любого средневекового общества отрасли хозяйства — в земледелии — цзиньцы сумели обеспечить вполне удовлетворительное стабильное его состояние. Страна в целом обеспечивала себя продуктами питания. Лишь в неурожайные годы Цзинь закупала хлеб в Южной Сун, но то же делала и последняя в аналогичных случаях, закупая рисовую и пшеничную муку в Цзинь. Добыча руды, выплавка металлов, их обработка находились на уровне, вполне удовлетворительном для того времени. Цзиньцы практически обеспечивали себя черными металлами. Частая нехватка цветных металлов, прежде всего меди, бронзы,— явление, свойственное всему Дальнему Востоку. Ограниченность богатых и удобных для разработки месторождений меди, известных на континентальном Дальнем Востоке в средние века, при почти полном господстве в денежном обращении разменной медной монеты создавала во многих странах Дальнего Востока постоянную нехватку меди. Однако если в этих условиях Корё примерно в это же время вовсе прекращало выпуск монеты и даже добычу меди, то Цзинь проводила успешные горнорудные разведки за пределами государства, а если этого оказывалось мало, то недостачу меди ликвидировала за счет закупок ее в других странах, что совершенно естественно для любого государства с достаточно развитой товарной экономикой. Этим и объясняется состав статей экспорта-импорта в цзиньской внешней торговле (см. [Воробьев, 1975, с. 249—252]). Состояние ткацкого, керамического производства, строительного и дорожного дела тоже не вызывало существенных опасений. Ни один источник,

в том числе и южносунский, не говорит о катастрофическом положении хотя бы в одной из названных отраслей производства. Керамическое и ткацкое производство даже могло давать продукцию для экспорта в Южную Сун, что не исключало встречных закупок в этой стране тканей другого вида.

Таким образом, Цзинь обладала производством, которое включало в себя все отрасли, характерные для средневекового общества Дальнего Востока. Соотношение между этими отраслями в целом было сбалансировано, а уровень их развития — достаточно удовлетворительным. Разумеется, сопоставление отдельных показателей по разным отраслям цзиньского ремесла и производства соседей дает более дифференцированную картину. Но такая дифференциация — естественное явление для любого общества. Она-то и создает предпосылки для различий культурного характера.

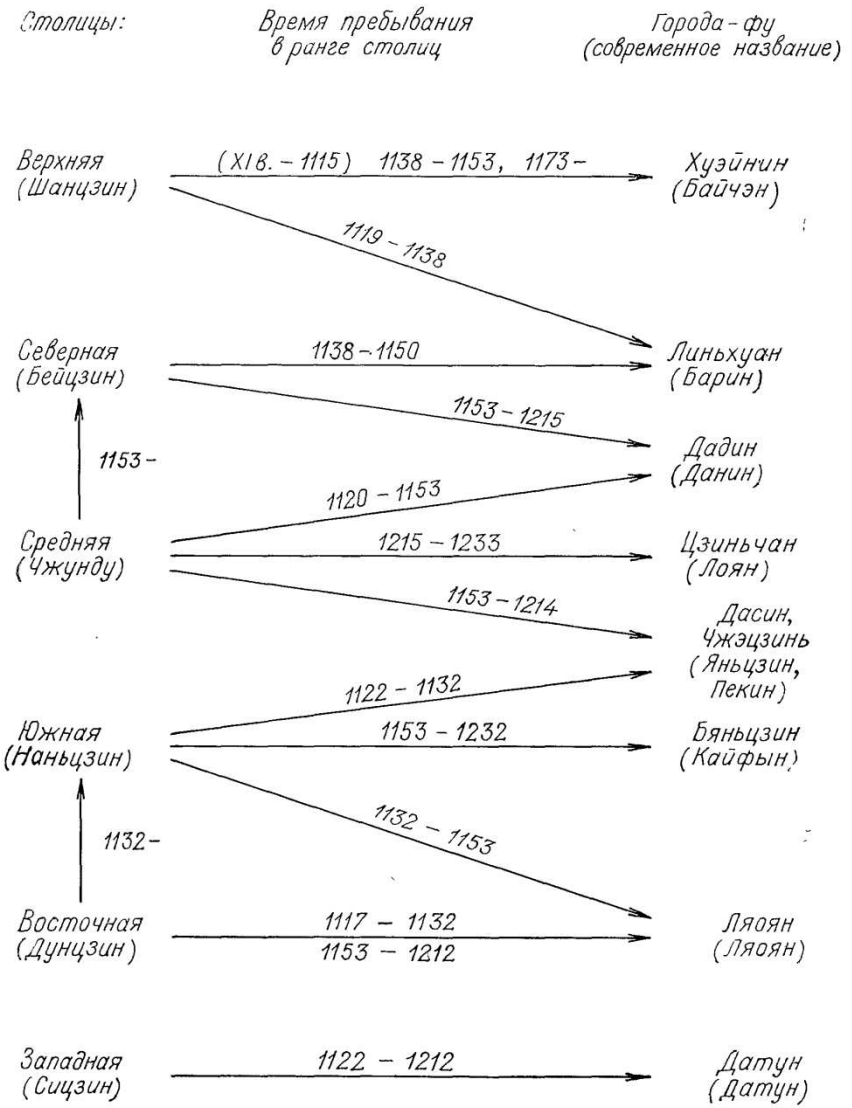
2. Города и поселки

По донесению китайского посла Сюй Канцзуна, у чжурчжэней в 1125 г. не было ни одного своего города, кроме Шанцзина, если не считать отобранных у Ляо населенных пунктов городского типа [Chavannes, 1898, с. 425]. На деле в исконно чжурчжэньских землях можно найти отдельные города и крупные поселения городского типа; они свидетельствуют о способности чжурчжэней строить города. Однако широкое знакомство чжурчжэней с городской жизнью произошло в ходе войны с Китаем и сопровождалось разрушением многих китайских городов. В дальнейшем, по мере стабилизации положения, отношение чжурчжэней к городам изменилось. Введение административного деления нового государства узаконило положение ряда городов в качестве центров губерний, областей, округов, уездов. Развитие ремесла и торговли в государстве Цзинь тоже опиралось на города. Но во всех этих случаях, по сути дела, приходится говорить о продолжении существования китайских городов при цзиньском режиме. Мы мало что знаем о городах, основанных, отстроенных или перестроенных чжурчжэнями. Примером перестроенного города может служить Яньцзин (Пекин).

Среди многих установлений чжурчжэней заметное место занимает система пяти столиц — важное звено в государственном устройстве империи Цзинь. Сама по себе идея нескольких, чаще всего двух, столиц отнюдь не чужда дальневосточной государственной мысли, равно как и обычай использовать для их наименования отдельные названия стран света (ср., например, Лоян — восточная и Чанъань — западная столицы танского Китая). Однако законченная система из пяти столиц, носящих названия всех стран света и центра, середины, характерна лишь для трех государств Маньчжурии: Бохая, Ляо и Цзинь. Она появилась впервые в государстве Бохай в первой четверти IX в. Сама идея «пятка» уходит корнями в дальневосточную философию природы, согласно которой вся вселенная зиждется на пяти стихиях (металл, дерево, вода, огонь, земля). В природе и обществе, согласно этому учению, существуют

Таблица 1

Трансформация систем чжурчжэньских столиц



соответствия между этими пятью стихиями и «пятками» запахов, вкусов, цветов, планет, небесных или земных императоров, стран света (запад, восток, север, юг, середина, или центр) и т. д. Включение столиц в число понятий, сопоставимых с пятью стихиями,— плод философской мысли государственных деятелей Маньчжурии. Это облекало города особым ореолом исключительности, а присоединение к их титулам названий стран света из другого «пятка» еще усиливало это представление об исключительности. Пять столиц как бы символизировали естественную гармонию в микрокосмосе — в государстве, подобно тому как страны света выражали идею всемирной гармонии, а пять стихий — идею вселенской гармонии [Воробьев, 1968 (IV)] (табл. 1).

Верхняя столица чжурчжэней (Шанцзин), несомненно, представляет наиболее обильный и благодарный материал для изучения городской культуры чжурчжэней. Она находилась на берегу р. Ашихэ, к юго-востоку от современного города Ачэна, недалеко от Харбина. До нас дошли развалины двоеградия — северного и южного городов прямоугольных очертаний (Байчэн). Протяженность городских стен — почти 11 км (считая и стену, разделяющую двоеградие). На стенах сохранились 81 башня-рондели, расположенные на разном расстоянии друг от друга. Угловые башни значительно более мощные. Северное городище имело трое наружных ворот и ворота во внутренней стене, снабженные снаружи защитными валиками (барбакан или захаб). Настоящий город стали строить, похоже, лишь с 1124 г. руками мастеров из Линьхуана (Верхней столицы киданей). Китайский путешественник Сюй Канцзун следующим образом описывает город в 1125 г. Подворье на подступах к столице насчитывало до 30 помещений, стены которых были обтянуты тканями. Поэтому комнаты напомнили послам шатры. «Постели устроены на глиняных лежанках (канах), застланных коврами, шелками, шкурами соболей, уложены перинами...» Во время прогулок в районе Шанцзина посланные заметили: «Насколько хватает глаз, простирается широкое и пустынное поле. На нем несколько десятков домов, рассеянных как звезды [по небу] или как пешки [на шахматной доске], разбросаны как бы в поспешности, без всякого порядка. Не потому ли, что нет у них городских стен, нет улиц и переулков? Дома все обращены задним фасадом на север, а передним фасадом на юг. Это потому, что так удобнее пасти [скот]». Наконец послы увидели укрепленное сооружение на возвышении площадью около 18—24 га и высотой 3,2 м. Это был императорский город. У охраняемых ворот послы спешились и вошли в ограду. К западу располагались четыре шатра из войлока. Аудиенция происходила на открытом помосте. Слева от помоста виднелись два сооружения — «грота» и дворец Цуйвэйгун высотой 16—22 м, «убранный пятицветными шелками. [На них] мелькали горы и скалы, бессмертные и будды, драконы и слоны вперемежку с ветками сосен и кипарисов...». Далее послы заметили, что «из дерева построено семь помещений, очень красивых, но незаконченных. Они крыты черепицей, которая вогнутой стороной обращена вверх и

прилеплена глиной. Украшения по углам крыши и балки — все из дерева и выкрашены в черный цвет». Некоторые здания имели таблички с названием, например Цяньюаньдянь. К этому дворцу вела лестница высотой 1,3 м, перед ней находилась квадратная земляная платформа. Около боковых строений оказались хижины из камыша, покрытые синей тканью. Послы наблюдали и сам процесс строительства: «Ежедневно несколько тысяч человек посылают на строительство. Они уже построили около тысячи домов, которые хотя еще и не закончены, но, судя по планировке, весьма величественны» [ФШСЧЛ,— см. СЧБМХБ, цз. 20, л. 12а — 13б]. Интересно, что краткая версия посольского отчета, помещенная в «Да Цзинь го чжи», отличается некоторыми деталями. Так, число помещений подворья ограничено десятком и сказано, что они крыты травой. На поле послы из Сун увидели якобы не десяток, а тысячу с лишним домов (что логичнее). Есть некоторые расхождения в описании дворцовых сооружений [ДЦГЧ, цз. 40, с. 154—155].

Согласно приведенному выше описанию, Шанцзин в 1125 г. не имел еще правильной (китайской) планировки. Запретный город, или цитадель, не был изолирован от всего города, все население жило в пределах городских стен, не оставляя своих сельскохозяйственных занятий. Кирпич в строительстве, по-видимому, еще мало употреблялся. Черепица уже применялась, но лишь простая кроющая, а стреховая, угловая, капельники как будто еще отсутствовали. Город быстро рос и в 1138 г. официально был назван Верхней столицей, но вскоре показался слишком мал, и в 1146 г. его стали перестраивать по образцу Яньцзина (Пекина), однако и перестроенная столица по площади далеко уступала китайской, составляя всего 20—30% последней. К тому времени императорский дворец обособился от города, свободный вход в него был запрещен. Вокруг города за его стенами выросли многочисленные поселки-слободы [Torii, 1948 (I), с. 140; Matsui, 1912 (I), с. 85—94]. Вскоре после перенесения главной столицы из Шанцзина в Яньцзин (Средняя столица), в 1153 г., Хай-лин-ван приказал разрушить Шанцзин. При новом императоре, Ши-цзуне, в 1173 г. последовал указ о восстановлении Шанцзина.

Название Северной столицы (Бэйцзин) в эпоху Цзинь официально принадлежало двум городам, не считая Шанцзина, который тоже иногда так называли. Оно было пожаловано в 1138 г. Линьхуану (совр. Барин) в Восточной Монголии — прежней Верхней столице киданей, построенной в 915 г. и захваченной в 1119 г., и отнято в 1150 г. Город образует неправильный квадрат (1,8× ×1,5 км) с нечеткой ориентировкой по странам света. Прямые стены с северо-запада имеют срезанные углы. С каждой стороны выстроены ворота, защищенные наружным валиком — барбаканом. По углам размещены башни, по фланкам стен на равном расстоянии друг от друга (80—100 м) — башни-рондели [Takeshima, 1939]. С 1153 г. Северная столица располагалась в г. Дадине (совр. Данин в пров. Ляонин) на месте киданьской Средней столицы (с 1007 г.). Из трех городищ западное, по всей вероятности, наиболее древнее,

киданьское, а северное — самое молодое. Южное городище имеет сравнительно прямоугольную форму (1960×1456 м), примыкает к реке и, по всей видимости, сооружено чжурчжэнями. В центре южного городища сохранилась насыпь (486×606 м), тянущаяся на север, к северному городищу, и окаймленная валиками,— это остатки дворца. На территории крепости есть кирпичные пагоды и фрагменты каменных стел. По сравнению с киданьским периодом город при чжурчжэнях значительно расширился за счет южного городища. Он был окружен высокими стенами с башнями и защищенными воротами. В городе построены дворцы и пагоды [Matsui, 1912 (II), с. 166—167].

Средняя столица чжурчжэней (Чжунду) начала строиться в 1150 г. в Дасине рядом с бывшей Южной столицей киданей в г. Чжэцзине (Яньцзине, Пекине). В строительстве участвовало до 800 тыс. рабочих и 400 тыс. солдат. В 1153 г. она получила свое название и оставалась главной столицей чжурчжэньского государства до 1214 г., когда император бежал в Южную столицу. Сюда были перенесены останки чжурчжэньских правителей и первых императоров, что смягчало впечатление от оставления старой столицы в Шанцзине [Чжу Се, 1936]. Город Дасин имел вид прямоугольника, периметр которого составлял около 20 км (по современным обмерам). Стены ныне возвышаются на 4,5 м при толщине в основании 18,5 м, 12 ворот являлись естественным окончанием проспектов, вместе с сетью улиц деливших внутреннюю часть города на районы и кварталы. В столице был построен внутренний город, стены которого с пятью воротами тянулись примерно на 5,5 км. На территории внутреннего города располагались императорский дворец и важнейшие учреждения — шаншушэн и др. [Янь Вэньжу, 1959; Kates, 1942—1943]. В самом городе было много дворцов, храмов, палат и лавок. По описанию источника, «стены по периметру достигали 75 ли; 12 ворот — с каждой стороны по трое... Южные ворота цитадели имели надвратную многоэтажную башню. Зрелище внушительное. Трое ворот стоят в одну линию... По углам высятся многоярусные башни. Черепица на них глазурованная, золоченые гвозди, красные двери, пять ворот стоят друг за другом» [ДЦГЧ, цз. 33, с. 136]. В 1170 г. разрушенные при осаде стены еще не были восстановлены, и Фань Чэнда, посетивший столицу, отмечает тревожный ритм городской жизни — результат ухода многих коренных его обитателей и появления пришельцев. «Народ запущен, малочислен и беспечен. В новом городе довольно пустынно. Дошло до того, что пашут сохой... Все живут как бы временно» [ЛПЛ, с. 2]. Столица продолжала отстраиваться, и в 1192 г. министр в беседе с императором говорил, что она «величественна и красива, внутри и вне ее много садов и рощ для рассеяния дум царских, а поблизости в горах и около вод есть звери и птицы, которых достаточно для упражнения в охоте» [ЦШ, цз. 9, с. 77; см. Розов, с. 274]. В 1215 г. столица была взята монголами. Пребывание в звании Средней столицы г. Цзиньчана (Лояна) мало сказалось на его облике.

Южная столица (Наньцзин) после первоначального ее пребывания в старой киданьской столице — в г. Чжэцзине, а потом в Ляояне была в 1153 г. учреждена в бывшей северосунской столице — г. Кайфыне. После этого чжурчжэни развернули здесь довольно активное строительство, и все же чжурчжэньские постройки тонут в массе китайских. Лоу Яо, ехавший в 1169 г. с посольством в Среднюю столицу, так описывал свои впечатления от Южной столицы: «Прибыл в Восточную столицу, которая теперь переименована в Южную (также переименованы старые здания, ворота и т. п.). Стены огромные, рвы глубокие и обсажены ивами. Сначала попали в предстенное укрепление. Над ним устроена дозорная башня, за ним еще предстенное укрепление с тремя башнями. Далее вошли в большой город, перед ним трое ворот, увенчанных огромными башнями. Через нижние ворота попали во внутренний город» [БСЖЛ, цз. 1, л. 13б]. Чжурчжэни потеряли эту столицу в 1232 г., когда ее взяли монголы.

Сведения об облике следующих двух столиц крайне скупы. Восточная столица (Дунцзин) — Ляоян — получила свое название еще в 937 г. от киданей [Matsui, 1912 (II), с. 153]. Она стала фактическим оплотом старой чжурчжэньской знати и чжурчжэньских земель в Маньчжурии. Звание Западной столицы (Сицзин) было закреплено за г. Датун (пров. Шаньси) еще при Ляо. Тогда городская стена тянулась на 20 ли, т. е. 11,5 км [Ван Яочэн, 1915]. Город имел вид прямоугольника, с каждой стороны которого размещались одни ворота. Валы были глинобитные, на них высились боевые башни и башни-рондели. Обе эти столицы были захвачены монголами в 1212 г.

Изменения в системе чжурчжэньских столиц тесно связаны с переменами в чжурчжэньском государстве и могут быть сопоставлены с положением со столицами Бохая и Ляо. Верхняя столица являлась естественным центром чжурчжэньских племен еще в догосударственный период их существования, когда она, разумеется, не имела этого названия. Разгром империи Ляо отдал в руки чжурчжэней все киданьские столицы, кроме Южной (Яньцзина, или Пекина), которая стала предметом спора между чжурчжэнями и китайцами. Естественно, что в этих условиях Ляояну более подходило название Южной столицы. Окончательное урегулирование всей системы в 1153 г. предусматривало превращение бывшей северосунской столицы в Кайфыне в Южную. Установление в этом городе чжурчжэньской столицы символизировало победу над Северным и Центральным Китаем и облегчало сношения с южносунским двором. Но это автоматически повлекло за собой возвращение Ляояну прежнего звания Восточной столицы. Она стала центром областей, населенных бохайцами, и обеспечила сношения с Кореей. Западная столица, как и Восточная, создавалась на базе старого китайского города и должна была обеспечить всесторонние связи с центральноазиатским миром, и прежде всего с государством Си Ся. Северная столица находилась в киданьских землях. Это был оплот чжурчжэней против киданей и пограничных племен (монголов и пр.).

Средняя (т. е. главная) столица сознательно построена в естественном центре новой империи и четырех ее столиц, на завоеванных землях, которыми она должна была управлять. Восстановление в правах Верхней столицы создавало центр управления собственно чжурчжэньскими землями и, вероятно, способствовало сношениям с племенами Приамурья и Приморья.

Примером городского комплекса следующего по значению ранга — губернского центра — может служить г. Сюйпинь (при Бохае и Ляо — Шуайбинь), причем все его названия в литературе (Суйпинь, Супинь, Субинь и др.) являются транскрипцией наименования реки, на которой он стоит,— Суйфун (Суйфэнь) [Matsui, 1912 (II), с. 134—136]. Уже давно с немалой долей достоверности развалины на месте нынешнего города Уссурийска и в его окрестностях (Приморский край, СССР) приписываются этому центру, называемому в литературе по наименованию цзиньской губернии Сюйпинь. Этот город испытал минимальное влияние китайской градостроительной теории. И все же этот центр относится к нескольким эпохам: его заложили бохайцы, сделали местопребыванием управления округа Восточной столицы кидани (по-видимому, округа, существовавшего лишь на бумаге), отстроили чжурчжэни, громили монголы. Наконец он оказался в месте интенсивного освоения края с середины XIX в. и благодаря этому не только довольно рано стал известен исследователям, но и рано стал разрушаться новоселами [Воробьев, 1960]. Едва ли не первые сведения о нем появились в русской литературе в 1864 г., где он стал именоваться Фурданчэном [Усольцев, 1864, с. 199]. В 1868 г. И. Лопатин осмотрел памятники, зарисовал скульптуры, исследовал крепости и пронивелировал валы [Лопатин, 1869, 1864]. В том же году эти места посетил Н. М. Пржевальский [Пржевальский, 1870, с. 75—76]. В 1870 г. П. И. Кафаров впервые взглянул на эти памятники глазами китаиста. Он выделил здесь два комплекса — бохайский и чжурчжэньский, а также отождествил развалины города с Фурданчэном («Городом, запирающим горный проход») цинских карт и с Шуанчэном («Двоеградием») древности, наконец, с Фучэнцзы из «Атласа трех Восточных провинций» («Дун сань шэн юйди тушо») [Кафаров, 1871, с. 91—97]. Первые разведочные раскопки произвел здесь в 1886 г. Ф. Ф. Буссе — председатель Общества изучения Амурского края [Отчет..., 1894, с. 8, 24; Буссе, 1888; Буссе и Кропоткин, 1908, с. 13—21].

В годы мировой и гражданской войн А. З. Федоров составил подробную карту памятника, на которую нанес 38 объектов, выпустил отдельное их описание, провел разведывательные раскопки и наметил план дальнейших работ [Федоров, 1916 (I), 1916 (II), 1916 (III), 1922; Хорев, 1976]. К сожалению, план стал реализоваться лишь спустя 30 лет, но и на протяжении 30 лет значение этого города подчеркивалось во всех сводных статьях и книгах [Матвеев, 1929; Николаев, 1951]. Новый этап в изучении древнего города, как и во всей приморской археологии, начался с 1953 г.— со времени организации Дальневосточной археологической экспедиции Института истории материальной культуры (затем — археоло-

гии) АН СССР и сектора истории, археологии и этнографии в составе Дальневосточного филиала АН СССР [Воробьев, 1959; Забелина, 1955, 1960 (II); Окладников, 1955, 1958].

Древности средневекового города сейчас представляют собой органическое целое, хотя принадлежат, по-видимому, двум разным государствам — Бохаю и Цзинь (см. ил. IV). Поскольку бохайцы и чжурчжэни — близкие родственники и в бытность Бохая эти районы населяли те же чжурчжэни, создался естественный сплав городской культуры. Так называемое южное укрепление (№ 1)[1] имеет неправильную форму, приближающуюся к трапеции (площадь — 700 кв. м), стены его — северо-восточная (0,9 км) и северо-западная (1,1 км) — почти прямые (высота — 6 м), зато юго-западная и юго-восточная идут по изгибам старого русла р. Суйфун. С наружной стороны вала был ров, соединенный с р. Суйфун особой плотиной, регулировавшей уровень воды во рву. На юго-западе и юго-востоке раскинулась низина, затопляемая водой в период дождей. В цзиньское время она осушалась особыми дренажными канавами. Двое сохранившихся ворот прикрыты снаружи барбаканами. Некогда на стене находились рондели, а при них — барбеты или площадки для метательных орудий. Почти в центре южного укрепления А. З. Федоров в 1916 г. заметил остатки фундаментов из синих кирпичей (№ 32) [Федоров, 1916 (II)]. Внутри здания обнаружены каналы канов и очаг, в заполнении найдена простая серая, твердая «каменная» и фарфоровидная керамика, железные изделия и северосунские монеты, больше всего второй половины XI — первой четверти XII в. [Гребенщиков, 1922, с. 18—21]. Раннецзиньское время этого укрепления определяется достаточно точно. На территории городского сада и доныне сохранились четыре гранитные базы от колонн (№ 36). Внутреннее пространство этой кумирни, или беседки (7,5×5,5 м), вымощено плитами. Конфигурация баз и черепицы в их основании — цзиньская. Здесь же находится другой, более протяженный курган, находящийся тоже в сотне метрах от кумирни (№ 37). Возможно, его описывал И. Лопатин. Тогда по основанию он был окаймлен рвом и валом, на нем стояли две декоративные восьмигранные колонны из розового гранита [Лопатин, 1869].

В 2,5 км к северо-западу от южного укрепления разместилось северное городище, сильно разрушенное уже в первом десятилетии XX в. (№ 2). Оно было почти квадратным (сторона — около 1 км), ориентированным строго по странам света. При посещении этих мест Н. М. Пржевальским валы возвышались на 5 м, а с трех сторон еще сохранился ров двухметровой глубины. В юго-западном углу городища находились ворота, к которым вела мощеная дорога. Во время разведочных раскопок А. З. Федоров нашел много вещей цзиньского времени, что подтверждается и нумизматическими материалами [Федоров, 1916]. Определение городища П. Кафаровым как «стана чжурчжитского» не вызывает возражений. Оба укрепле-

[1] Здесь и далее номера приведены по плану А. З. Федорова [Федоров, 1916 (III)].

ния снабжены фортами, вынесенными за противолежащие стены. У северного городища форт (№ 3) был квадратным (150×150 м), у южного (№ 4) — прямоугольным (300×250 м). Перечисленные археологические памятники на территории обоих укреплений составляют лишь небольшую и даже не самую важную часть памятников материальной культуры города. На территории города и по соседству рассеяны каменные фундаменты (№ 7, 8), остатки баз (№ 6), завалы черепицы (№ 14, 15), базальтовые колонны (№ 33), курганы с каменной гробницей (№ 10), курганы с каменными изваяниями (№ 12, 13) и без них (№ 22, 23), каменные водоемы (№ 17—21), рудничные ямы (№ 26) и базальтовые каменоломни (№ 25), мощеные дороги (№ 11, 16, 29, 30, 35), а также каменные черепахи (№ 9, 24). О принадлежности этих черепах высказано много остроумных догадок [Ларичев, 1966 (I)]. Независимо от правильности этих догадок для нас важно, что такие памятники по положению ставили очень важным вельможам и, как правило, в крупных населенных пунктах.

Район находок, присущих крупному городу, охватывает треугольник равнины, заключенной между реками Раковкой и Славянкой, а с севера ограничивается отрогами сопок (площадь — около 10 кв. км). Несомненно, это обстоятельство заставляет по-иному взглянуть на соотношение и принадлежность двух укреплений и на значение всего населенного пункта. Старые русские исследователи оценили близкое соседство двух укреплений с фортами перед стенами, обращенными друг к другу, как факт, несомненно свидетельствующий об их принадлежности разным государствам и народам, сменяющим один другого. Но, по-видимому, это не совсем так. Археологический материал свидетельствует об их длительном существовании в одну — цзиньскую — эпоху. Сосуществование двух крепостей, принадлежащих разным народам, в километре друг от друга маловероятно и с военной точки зрения. Независимо от условий возникновения этих двух городищ больше оснований предположить, что в цзиньское время они представляли собой лишь один из элементов города, играя роль внутренних укреплений — правительственных или частных. Это мнение подкрепляется широким ареалом распространения городских строений далеко за пределами укреплений, причем по характеру эти строения ничуть не напоминают построек застенного предместья. Во времена Цзинь г. Сюйпинь — губернский центр — разросся настолько, что оборонная роль внутренних укреплений для всего города оказалась ничтожной. К тому же для охраны выросшего города за рекой в четырех километрах высилась огромная Краснояровская крепость, которая в случае нужды, по маньчжуро-корейскому обычаю, могла укрыть значительную часть населения города. Сюйпинь еще до падения Ляо в 1124 г. стал важным цзиньским центром — управлением губернии Хайлань или Хэлань [Бичурин, 1960, с. 496], наконец, управлением самостоятельной одноименной губернии. Если верна атрибуция стелы одной из черепах Ваньянь Эсыкую, предложенная В. Е. Ларичевым [Ларичев, 1966 (I), с. 236—237], то около 1193 г.

Сюйпинь оставался оплотом местных магнатов, а по мысли А. З. Федорова, строительство, хотя и не столь оживленное, продолжалось и после падения династии в 1234 г., и, вероятно, после гипотетичной даты падения самого города в 1253 г. под ударами войск хана Мункэ [Ларичев, 1966 (I), с. 242]. Следовательно, город являлся важным центром чжурчжэней на протяжении всего периода их исторического существования и даже, может быть, дольше.

Сюйпинь — не единственный город на прародине чжурчжэней. Николаевское, или Сучанское, городище — настоящий город площадью 7 тыс. кв. м. Трапециевидный по очертаниям город опирается на обрыв террасы и русло Сучана; с трех сторон окружен могучим валом (высота — 10 м, ширина в основании — 25 м) и рвом. Двое ворот защищены Г-образным барбаканом. Внутри валами выделен внутренний город. В городе открыты остатки парадной арки во дворе буддийского монастыря (находки статуи крылатого божества, птицы-феникса), следы поселка, возможно приписанного к монастырю. Этот город на равнине, очевидно, в конце XII — начале XIII в. был крупным местным религиозным центром [Шавкунов, 1966].

Настоящим городом, но уже с ремесленно-производственным уклоном выглядит Шайгинское городище, процветавшее в конце XII — начале XIII в. на территории современного Приморья. Город построен в горном распадке, окружен валом протяженностью 3600 м. Внутри города на террасах размещались жилища ремесленников, воинов, шаманов, здания дворцового типа, казенные мастерские по плавке черных и цветных металлов, а также кузнечные, мелкие мастерские ремесленников-надомников, мукомольни, шаманский жертвенник. Памятник обладает всеми признаками сложной оседлой жизни городского типа [Шавкунов и Пермяков, 1967]. Роль городов в Приморье могли играть такие недавно исследованные городища, как Плахотпюкинское (вал 2700 м) с выделенным внутренним городом [Леньков, 1969], Ананьинское (вал 1800 м) с жилищами на террасах [Хорев, 1980; Шавкунов, Хорев, Леньков, 1974], на Круглой сопке — с культурными слоями трех исторических эпох [Семениченко, Шавкунов, 1972]. Это города, расположенные в гористых местностях, по времени они синхронны Шайге. Интересно, что подавляющее число чжурчжэньских городов в Приморье становятся известными со второй половины XII в. Видимо, начиная с этого времени и до конца Цзинь процветает градостроительство на прародине чжурчжэней. В Маньчжурии города тоже строились местными жителями, в том числе и чжурчжэнями, которые создали здесь высокий уровень городской культуры [Стариков, 1976, с. 191—192]. Фактические сведения о них скудны. Интересны большие поселения городского (или крепостного) типа — Аолими и Чжунсин, недавно открытые в верховье р. Сунгари, в районе Угочэна, и существовавшие еще в доцзиньское время [Lin Hsiu-chên и др., 1977; Chang T'ai-hsiang, 1977]. Впрочем, многие городища, описанные нами как военные укрепления, вполне могли играть роль городов [Воробьев, 1975, с. 207—208; ср. Иваць-

ев, 1951; Тан Хуаша, Сунь Сюжэнь, 1960; Ли Цзяньцай, Чжан Маньтин, 1961; Стариков, 1950 (I)].

Центры округов (чжоу) упоминаются в дневнике Сюй Канцзуна, путешествовавшего по Маньчжурии в 1125 г. Это населенные пункты городского типа. Они построены еще Ляо и, по свидетельству того же путешественника, тогда представляли собой укрепленные поселения с валом протяженностью в десяток ли (5—6 км), в которых жила сотня семей и чиновники, т. е. по величине своей были меньше китайского городка или местечка, обозначенного термином «чжэнь» [Chavannes, 1898, с. 405]. Согласно более поздним обмерам, стена Цзиньчжоу, например, тянулась на 5 ли (около 3 км), а вал Ичжоу — на 9 ли (около 5 км) [Бичурин, 1960, с. 474]. Населенность этих городов в первой четверти XII в. резко упала: в Инчжоу жило лишь с десяток полунищих семей.

Отсутствие любых оборонительных сооружений, главным образом хорошо заметного земляного вала, на поселении служит довольно надежным признаком населенного пункта не городского и не крепостного типа. Разумеется, подобные укрепления могли быть срыты, но другая категория доказательств: следы простых жилищ, обилие земледельческих орудий — помогает разрешить сомнения. В Приморье такие поселения обследованы в долине у Хлебной пади, а также у Осиновки [Окладников, Деревянко, 1973, с. 413; Окладников, Медведев, 1980]. Одно из таких поселений находилось на песчаной равнине у деревни Чэнхоу, к северо-востоку от уездного города Суйчжоу (пров. Ляонин) [Ван Цзэнсинь, 1960 (I)]. Поселение занимало значительную площадь и состояло из серии изолированных крестьянских жилищ. Толщина культурного слоя, наличие кладбища говорят о долговременном существовании деревни. В слое обнаружены чугунные и железные кованые земледельческие орудия, инструменты сельских ремесленников, части повозок, бытовая утварь. Другое поселение — в 25 км к юго-востоку от уездного центра Сипьминь — с двух сторон все же защищено валом. В культурном слое много костей быков, лошадей, свиней, собак, орудий земледелия и ремесла (в том числе и для выделки черепицы), бытовых предметов и совсем немного оружия. Судя по характеру находок, поселение процветало в начале XIII в. и принадлежало, возможно, чжурчжэням — военным поселенцам [Ван Цзэнсинь, 1960 (II)]. В районе Дациншаньли (уезд Удун Внутренней Монголии) замечены следы двух небольших деревенек, оставивших мощный культурный слой с пеплом, костями домашнего скота (баранов и др.), керамикой, амулетами и т. п. [Чжан Юй, 1956]. В самом начале Цзинь маньчжурские деревушки часто бывали малочисленны. Так, к востоку от р. Лайлюй на каждые 3—5 ли тогда приходилось по одной-две деревушки, в каждой из которых жило 30—50 семей [СЧБМХБ, цз. 4]. Позднее чжурчжэни, как известно, стали жить военными поселками (моукэ), в которых полагалось быть не меньше 300 дворов.

Таким образом, цзиньское градостроительство включило в себя огромное китайское наследство. И если в целом чжурчжэни замет-

но не преумножили это наследство, они тем не менее привнесли в него кое-что свое. Это оригинальное проявилось в оформлении столиц, крупных административных пунктов в Маньчжурии, на благоустройство которых было обращено главное внимание завоевателей. Широкое строительство захватило и деревни — чисто чжурчжэньские поселения членов моукэ в Китае. О нем мы, к сожалению, не имеем конкретных сведений.

3. Постройки и обстановка

Естественно, что жилые и прочие сооружения чжурчжэней наибольшую самобытность обнаруживают за пределами Собственно Китая. Поэтому разбор этих сооружений мы и начинаем с чжурчжэньской прародины. Наземные жилища чжурчжэней исследованы и в Приамурье, и в Приморье. У Хабаровска открыто поселение XII—XIII вв. с постоянными наземными домами [Окладников, Медведев, 1974, с. 122]. В пади Большой Дурал на Амуре котлованы — остатки жилищ — расположены тесно друг к другу [Окладников, 1951]. Это квадратные заплывшие площадки, окруженные невысоким валом, служившим основанием для стенок. Со стороны, обращенной к реке, находился вход в жилище (8×9 м). Слева от входа располагалась печка, обогревавшая П-образный кан и все помещение (начало XII в.). На Ананьинском городище обнаружена укрепленная усадьба (20×21 м), обнесенная валом. Усадьба состояла из четырех жилищ разного размера с канами [Хорев, 1978]. На Шайгинском городище в склонах сопки вырыты террасовидные прямоугольные площадки, открытые с юго-западной стороны. На этих площадках и располагались наземные жилища. В долине Осиновки, у Хлебной пади (Приморье), обследовано прямоугольное жилище с двориком, окруженным валом и прилегающим водоемом. В жилище есть кан [Окладников, 1958]. Э. В. Шавкунов полуземлянки связывает с чжурчжэньскими поселениями XI — начала XII в., наземные жилища — с памятниками XII — начала XIII в. [Шавкунов, 1973 (III); 1968 (II)].

На территории Краснояровской крепости, у г. Уссурийска (Приморский край), на южном склоне оврага, зафиксировано свыше десятка искусственных террас [Воробьев, 1959]. На одной из них (20×12 м) находилось прямоугольное жилище № 1 (10×8 м). Стены глинобитные на каменном фундаменте, крыша легкая. В полу обнаружены остатки кана Г-образной формы, печь и — за пределами жилища — остатки вывода кана. Судя по планировке, юго-восточная стенка жилища либо близко подходила к стенке жилища № 2, либо была общей для двух этих жилищ. В кане, в отдельных местах жилища, найдены фрагменты керамики уже описанного типа, железные изделия, круглая голубоватая бусина, сунская монета «чуннин чжунбао», выпущенная в 1102—1103 гг. Несомненно наиболее интересными результатами раскопок упомянутых сооружений на Краснояровской крепости является изучение отопительной системы типа кана в разных ее вариантах. Эта оригинальная

система создана тунгусо-маньчжурскими племенами Приамурья, Приморья, Маньчжурии и Северной Кореи (см. гл. 1, разд. 3). В здании № 5 в Восточной столице бохайцев (Дунцзинчэне) есть два больших кана, идущие поперек через все здание под прямым углом к северной стене и выходящие за пределы здания с некоторым повышением — для лучшей тяги, так как наружная выводная труба отсутствовала, как почти у всех зданий дворцового или административного типа. Ширина такого кана — 3 м, а длина — 15 м [Мурата, 1943, с. 164—165].

Археологические раскопки и этнографические наблюдения над бытом тунгусо-маньчжуров позволили установить целую серию разновидностей дымового отопления [Кавасэ, 1939, с. 119—121]. Традиционными, уходящими в далекое прошлое формами являются главным образом Г- или П-образные каны, а также каны, проходящие под полом — в отдельных его местах или повсюду (ондоль). Каны не всегда должны топиться из очага, а могут иметь специальную топку или печку у начала кана и также не обязательно имеют высокую выводную трубу, а часто оканчиваются простым отверстием в грунте или склоне. Каны, в собственном смысле слова — дымоходы в теле лежанки, устраиваются всегда вдоль стен, кроме стены с выходом или дверью. По-видимому, сравнительно недавнего происхождения такие разновидности этой системы, как кан вдоль одной лишь стены, как несоединяющиеся каны вдоль двух противоположных стен, как узкий кан в тупике сеней и т. д. На советском Дальнем Востоке на археологических памятниках эпохи чжурчжэней прослежены все классические разновидности дымового отопления: Г-образная — в жилище № 1 (4), П-образная — в жилище № 2 (5), типа ондоля — в здании № 6 (все в Краснояровской крепости). Разнообразие разновидностей системы дымового отопления на памятнике одной культурной эпохи лишний раз подтверждает тот факт, что именно чжурчжэни разработали эту отопительную систему с основными ее вариантами и широко распространили ее в зоне своего обитания, вплоть до крайних ее пределов — в Приморье и Приамурье [Воробьев, 1968 (II)]. Китайцы, современники чжурчжэней, с восхищением писали о канах. Одним из первых описал их Ма Ко в 1120 г. [Tao Jing-shen, 1976, с. 8], затем в 1125 г. Сюй Канцзун, видевший их в Шанцзине [Chavannes, 1898, с. 428]. Чжоу Шань видел их в 1176 г. уже в самом Китае и назвал «замечательными» [Pei Yuan Lou, 1904]. Как северная, чжурчжэньская диковина на китайской почве кан проник в литературу: в «Чжунчжоу цзи» (цз. 10, § 30), в «Фушуй вэньцзи» (цз. 5) [Линь Жуйхань, 1956, с. 28].

Маркирующее значение кана отчетливо проявилось в классификации наземных жилищ чжурчжэней в Приморье [Шавкунов, 1973 (III)]. Автор выделяет пять типов жилищ: 1) жилище с П-образным каном, с двумя-тремя очагами, без каменных ступ, со следами центрального опорного столба, с утрамбованным полом, со столбами, образующими стены; 2) крупное жилище с пятью очагами, со столбами, на которых держалась дверь; 3) жилище, в ко-

тором правое колено кана вдвое короче левого; обильно снабжено ступами; поодаль имело амбары; 4) жилище с Г-образным каном, с одним очагом, каменной ступой, со столбами; 5) жилище с П-образным каном, с выходом на юг, с тремя очагами, тремя дымоходными каналами, с внутренней каменной кладкой, со стенами из жердей и плах, промазанными глиной. Судя по размещению находок в жилищах, правое колено кана, возможно, выделялось женщинам (находки пряслиц, бус), а левое и заднее — мужчинам (находки орудий труда, блях, пряжек). Из пяти описанных типов жилищ тип 1 представляет обычное, среднее жилище, тип 2 — зажиточное, обиталище воинов, тип 3 — богатое, тип 4 — бедное, тип 5 — зажиточное и относительно позднее (вторая половина XIII в.).

Планировка чжурчжэньских жилищ Приморья аналогична ульческой, нанайской, удэгейской, маньчжурской. В «Нингута цзилюе» описывается маньчжурское жилище и его обстановка. Типичная усадьба средней руки в г. Нингуте в XVIII в. состояла из дома, крытого соломой, с несколькими комнатами, из сараев и обширного двора, обнесенного деревянным забором с деревянными же воротами, выходившими на улицу. В описании подчеркивается почти полное отсутствие обстановки в нашем понимании слова. «Дома бывают неодинаковой величины, но дерево на них употребляется весьма толстое; вымазывают стены чрезвычайно гладко, так что можно смотреться; топятся три кана, которые расположены один подле другого с южной, западной и северной сторон; в доме проделываются окна с западной и южной стороны, двери находятся подле южного окна» [Васильев, 1857, с. 97—98]. Отопление типа кана сохранялось и у негидальцев до недавнего времени.

Простые и неприхотливые постройки небогатых чжурчжэней Маньчжурии, Приамурья и Приморья, снабженные удивительным сооружением — каном, служат контрастом богатым жилым и казенным нежилым сооружениям.

В Краснояровской крепости в Приморье нами раскопано здание дворцового типа № 6 [Воробьев, 1967 (II)]. Подготовленная прямоугольная площадка почти точно вытянута по линии север — юг и имеет площадь 450 кв. м. 110 бутовых кладок-оснований располагалось правильным прямоугольником по 22 кладки по фасаду и по 5 кладок в глубину. Сами основания представляют собой призму с квадратной верхней стороной (в среднем 75×75 см), уходящую в глубину площадки примерно на 0,75—0,8 м. Каменные базы на основаниях — подпрямоугольные плиты различной величины — следуют уровню площадки, смягчая особо резкое понижение последней. Очевидно, с целью обеспечить горизонтальность кровли строители применяли колонны неодинаковой высоты. Такой прием при постройке сооружений на неровных поверхностях (склонах, террасах и др.) широко применялся в Китае. Средний диаметр колонн не превышал 20—25 см. Так как крайние колонны служили и для соединения легких наружных стен, можно довольно точно вычислить размеры каркаса здания (44,5×7,5 м). Расстояние между колоннами составляло 1,8—2 м. Характерной особенностью внутренней

планировки является архитектурная нерасчлененность. Ровные и непрерывные ряды колонн показывают, что членения на постоянные внутренние помещения (неф и пр.) не предусматривалось. Тем не менее сплошной лес колонн вовсе не препятствовал свободной планировке интерьера, которая осуществлялась либо делением его легкими перегородками, либо использованием всего пространства как огромного зала. В дальневосточной архитектуре известны оба решения интерьера официальных, общественных и религиозных сооружений. Примером могут служить дворец Баохэдянь в Пекине с его 72 колоннами, стоящими на примерно равном расстоянии между собой (около 5,5 м) шестью рядами по 12 колонн в ряду [Siren, 1930, рис. 2], общественное сооружение Динь-Банг в Северном Вьетнаме с аналогичной колоннадой: 6 рядов по 10 колонн в ряду [Нго-Гуин-Куин, Троицкий, 1960, рис. 17]. Планы этих сооружений показывают, что сплошная колоннада не мешала весьма разнообразной планировке интерьеров — выделению галерей, вестибюлей, центральных залов и пр. Кровля здания № 6 в Краснояровской крепости была сплошь черепичной, но не встречено ни глазурованных экземпляров, ни стреховой черепицы, почти нет антефиксов. Последние представлены несколькими обломками, по-видимому, круглых антефиксов диаметром 16—18 см, всю поверхность которых занимало барельефное изображение лотоса — с цветком, листьями, стеблем и т. п. Характер орнамента типичен для чжурчжэньской черепицы [Шавкунов, 1960 (I), рис. 17—19, 23].

Здание № 2 в той же Краснояровской крепости исследовалось не раз [Воробьев, 1968 (II)]. Оно располагалось во внутреннем городе на возвышенности и некогда было видно издали. Для постройки здания был выбран ровный участок, почти вплотную подходящий к зданию № 1, насыпаны две ровные невысокие террасы, спускающиеся к югу. Наружный край нижней террасы, завершающийся полуметровым обрывом, укреплен грядой крупных необработанных камней. Террасы и само здание ориентированы на юг (точнее, на 190°). Площадка под зданием представляет собой параллелограмм размером 52×28 м. В центрально-восточной части здания в полу обнаружена кирпичная печь с прилегающей к ней каменной вымосткой. Все сооружение занимает площадь 5,2×1,9 м. Сама печь в плане почти квадратная 1,4×1,3 м, сложена из крупных обожженных кирпичей. Способ кладки двоякий: западная и северная стенки в основании сложены из кирпичей, положенных на длинное ребро, восточная и южная — из кирпичей, лежавших плашмя. В нижней части южной стенки выложено прямоугольное отверстие — начало дымохода, уходящего под вымостку. Во всех случаях кладка произведена с продольной перевязкой швов, по-видимому, без скрепляющих материалов и сохранилась на высоте 8 рядов.

В крепости Тахучэн в пров. Цзилинь (Гирин) осталось восемь фундаментов от зданий. Если обычные фундаменты ныне возвышаются над землей на 0,5 м, то № 6 высится на 2,5 м. Его площадь (31×25 м), двойной вал, окружающий фундамент, фрагменты гла-

зурованной черепицы и водостоков — все говорит о том, что это развалины здания дворцового или административного типа — Цяньюаньдянь. Еще крупнее фундамент № 8, но он окружен одним валом [Ли Цзяньцай, 1964].

О том, что развалины Байчэна принадлежат Шанцзину, столице Цзинь, было известно в Китае еще в минское время. Впервые это отмечено в «Цзилинь вайцзи»: «Примерно в 2 ли (1 км) к югу от г. Алочукэ находятся развалины цзиньской ставки, основанной Сянь-цзу (вождь Суйкэ.— *М. В.*). В народе их зовут Байчэном... Развалины города простираются на 40 ли по поверхности (по-видимому, квадратных.— *М. В.*), на один чжан (3,6 м) в высоту, а погребенное — на 6 футов (2,15 м) в глубину. С четырех сторон имеется по воротам. За стенами стоит небольшой кремль, и возле — руины дворцов. Многие местные жители некогда выкапывали здесь изделия из золота, ценных камней, меди, фарфора и пр., а также старинные медные монеты. Некоторые и сегодня владеют такими находками. Фундаменты присутственных мест и мостовая на улицах этой местности, где каменная поверхность покрыта узором цветов,— все принадлежит этому городу... Примерно в 2 ли за пределами западных ворот города находится песчаная насыпь в чжан высотой. По преданию, эта насыпь — сборное место, на которое императоры династии Цзинь созывали на совет своих полководцев...» [ЦЛВЦ, цз. 2, с. 86].

В Верхней столице чжурчжэней не сохранилось никаких наземных сооружений; в западной части южного городища лет 30 назад виднелись невысокие насыпи [Sonoda, 1939; Сонода, 1941; Толмачев, 1925]. Полагают, что десяток насыпей — это все, что осталось от дворцового ансамбля. Ансамбль занимал площадь 550×600 м, и каждая из насыпей, возможно, остаток здания ансамбля. Ансамбль размещался не в центре города, как это требовалось по китайской планировке, а в северо-западном углу. Археологические раскопки насыпей обнаружили непотревоженные кирпичные фундаменты: под насыпями № 1—5 — из прямоугольных кирпичей, под насыпью № 6 — из кирпичей квадратных, возможно пущенных в дело уже после восстановления Шанцзина в 1181 г. Несмотря на то что «Цзинь ши» и другие источники сохранили некоторые названия дворцов, палат и храмов Верхней столицы до ее разрушения, лишь очень условно можно предложить следующую идентификацию развалин. Четыре бугра — вероятные остатки ворот, известных под более поздним наименованием Учаомынь, вполне могли принадлежать воротам, о которых Сюй Кацзун писал, называя правый пролет Таоюаньдун, левый — Цзывэйдун, а центральный — Цуйвэйгун. Насыпь № 2, учитывая ее положение, площадь, сходство с насыпью № 3, можно отождествить с передними воротами. Между ними по правилам должно было быть главное здание. Им мог быть Цяньюаньдянь — аудиенц-зал, где Тай-цзун в 1125 г. принимал Сюй Кацзуна (см. с. 74 настоящего издания). Если это так, тогда насыпь № 3, возможно, остатки средних ворот, насыпь № 4 — руины дворца Цинъюаньгуна, построенного в честь императоров

Тай-цзу и Тай-цзуна, разрушенного Хай-лин-ваном и восстановленного Ши-цзуном. Насыпь № 5, соединенная перемычкой с бугром № 4, это, возможно, спальные покои дворца. Последняя насыпь, № 6, может отождествляться с дворцом Гуансингун, по-видимому построенным уже при Ши-цзуне. В источнике, в разделе о Си-цзуне, утверждается, что при Тай-цзуне «постройки... одежда и пища [государя] не отличались от таковых же у нижестоящих. Только у [цзиньского] государя был дворец Цинъюаньдянь. С четырех сторон снаружи обсажен ивами и почитался запретным местом. Окружен стенами, а вдоль них устроен кан. В обычное время [дворец] закрыт» [ДЦГЧ, цз. 10, с. 117—118]. Ранние впечатления Сюй Канцзуна (см. цитату на с. 73 настоящего издания) содержат интересные подробности о строениях и обстановке. В городе оказалось подворье из 30 помещений, деревянные дворцы, крытые черепицей, простые дома, шатры и хижины. Кроме непременных канов в обстановку входили ковры, меховые подстилки, перины.

И это не единственный комплекс дворцового типа цзиньского времени в Маньчжурии. В «Нингута цзилюе» рассказывается: «В 100 ли [от Нингуты] по дороге, ведушей в столицу... находилась Верхняя столица [Шанцзин] Цзиньской династии[2]. Развалины дворцовых зданий еще существуют и доныне; перед зданиями находится большая каменная башня и колодезь о восьми углах, есть памятник перед государственным училищем, на нем видны только несколько букв: „во время Тяньхой“ [1123—1135], все прочее стерлось и выветрилось, так что нельзя разобрать. За дворцовой стеной находится каменный обелиск (ступа), называемый ненюфарным: он покачнулся немного на восточную сторону; на север от него стоит каменный кумир Будды высотой около двух сажень... есть еще ненюфарное озеро длиной в несколько миль» [Васильев, 1857, с. 85].

Перейдем теперь к цзиньским сооружениям в Китае. В предыдущей главе мы уже говорили о строительстве Средней столицы (Чжунду) у Яньцзина [Чжу Се, 1955]. Хай-лин-ван отправил туда из Кайфына много маляров и живописцев для внутренних отделочных работ [СЧБМХБ, цз. 240]. Они трудились столь тщательно и искусно, что им разрешалось ставить свое имя на постройках или строительных узлах [ЛПЛ]. Дворцы и павильоны блистали позолотой и яркими красками. Ширмы и дверные филенки, оконные переплеты и фрамуги были доставлены из Кайфына. Строительный лес получали из парка Таньюань в Чжэньдинфу. В запретном городе через протоки были перекинуты яшмовые мосты с резными перилами, с беседками невдалеке от мостов. Наружные ворота расписывались черным по белому основанию, а внутренние — золотом по киновари. Коньки галерей крылись лазоревой поливной черепицей. По отзывам, «дворцы и палаты величественны и роскошны» [ЛПЛ, с. 2]. Чжоу Шань, попав в Яньцзин в 1177 г., был поражен огромными коврами в зале для приемов послов: «На одном ковре может разместиться несколько сотен человек. На каждом [ковре]

[2] Это утверждение ошибочно (см. [Matsui. 1912 (II), с. 88]).

изображен феникс. В зале девять колонн, впереди вздымается бельведер в виде розы, колонны обернуты орнаментированным шелком. Две галереи фонарей, по 30 фонарей каждая. В центре две башенки, одна для колокола, другая для барабана. Внизу свисает занавес из холстины, который покрыт золотистым лаком и чей фронтон кажется еще более живописным благодаря вышивке» [Pei Yuan Lou, 1904, с. 186]. Китайский путешественник Фань Чэнда пишет, что в 1170 г. дворцы и павильоны отстроены и разукрашены «по сравнению с прежними гораздо роскошнее» и что «планировка необычная; и буддийские храмы ничуть не пришли в упадок». Он критиковал дворцовые сооружения Средней столицы за то, что они, «сильно подражая китайскому духу, зачастую сохраняют пережиточные черты и не до конца похожи» на китайские [ЛПЛ, с. 2]. Это очень ценное для нас замечание, свидетельствующее о сохранении определенной самобытности даже в дворцовом строительстве, которое по самому характеру своему, т. е. по своему назначению, по образцам, по национальности строителей, несомненно, было наиболее подвержено китайскому влиянию. На террасе Дабаотай, близ Пекина, открыты фундаменты здания (11×10,5 м) — часть усадьбы с колодцем и прочим площадью около 7 тыс. кв. м. По монетам и керамике памятник датируют концом XII в. и предположительно сближают с террасой, где, по «Цзинь ши», спасалась от жары Ли-фэй — одна из императорских жен [Ма Сигуй, 1980].

Кроме строений постоянного типа возводилось немало временных построек. Сюй Канцзун в 1125 г. обнаружил в Шанцзине «комнаты помещений как юрты или шатры... четыре шатра из войлока для отдыха» [Chavannes, 1898, с. 1—2]. Уже в самом Китае в 1121 г. чжурчжэни под Яньцзином поставили войлочные шатры. В таком шатре находилась и ставка Агуды. Позднее в императорских охотничьих угодьях ставились шатры, окруженные метровой изгородью, увеселительные павильоны для отдыха во время летней и осенней охоты в горах. Более стационарные постройки ставили в угодьях для зимней и весенней охот [Лао Яньсюань, 1964]. Войлочный шатер считался традиционной формой жилища в Цзинь, несмотря на существование других форм построек [Eberhard, 1942, с. 21—22].

Расточительное строительство и связанные с ним злоупотребления беспокоили правительство. В 1187 г. местные власти ходатайствовали о ремонте тронного зала Юйжуньдянь в Шанцзине. Император по сему случаю говорил министрам: «При постройке дворцов заботятся единственно о красоте и изяществе, от этого они никак не могут быть крепкими. Нынешняя зала построена еще при династии Ляо без всяких украшений, но если обратить внимание на здания других мест, их ежегодно починяли, а эта зала не требует ремонта. Очевидно, что здания, построенные с пустыми украшениями, не могут стоять долго. Ныне при казенных постройках каменные и деревянные работы производятся весьма нерадиво. Низшие чиновники, стакнувшись с мастерами, с бесстыдством крадут материалы, а палата государственных доходов и казенных зданий

не обращает внимания на количество издержанных сумм и лесов, заботясь единственно о том, чтобы как-нибудь кончить работу. Поэтому здания, только что построенные, уже начинают кривиться и обваливаются. От беспечности и злоупотребления народ изнуряется и истощается казна...» [ЦШ, цз. 8; цит. по: Розов, с. 258—259]. Обстановка дворцов и павильонов Цзинь не сохранилась. Лишь беглые упоминания, рассеянные в старинных сочинениях, да каменная резьба и росписи в усыпальницах позволяют составить некоторое представление об интерьере в эпоху Цзинь. Так, из Китая еще в 1126—1127 гг. чжурчжэни получали такие предметы внутреннего убранства, как мохнатые ковры, парчовые занавески с накладными золотыми драконами, сундуки, вешалки, рогатки для платья, подставки для книг и т. п. [ДЦДФЛ, цз. 1, 4]. Отдельные предметы обстановки упомянуты в гл. 2 (разд. 3, 4) — в цитатах и в авторском тексте.

Жилище знатного чжурчжэня представляло собой усадьбу или особняк с хозяйственными пристройками (жильем для слуг, конюшней, кухней, сараем и т. п.). На фресках в погребении в г. Чаояне (пров. Ляонин) видна столовая богатого дома, как бы отгороженная от зрителя занавеской, прихваченной к стенам [Чэнь Давэй, 1962, рис. 4]. В мавзолее чжурчжэня по фамилии Дун в Хоума на барельефах особенно бросаются в глаза ширмы и экраны с изображениями благовещих птиц, резные вазы с цветами, полускульптурные детали простенков, притолок и т. п. [Чан Вэньчжай, 1959]. В другом мавзолее начала XII в. в Хоума (пров. Шаньси) резные барельефы погребальной камеры воспроизводят интерьер богатого дома. Массивные толстые стены покрыты резными щитами и экранами. Кое-где в них устроены ниши и выступы для светильников. Бордюр у потолка и низ стены, примыкающий к плинтусу, украшены особенно затейливо. Переход стен в потолок оформлен серией кронштейнов (доугун). Очень разнообразны по типу и оформлению двери и окна. Представлены раздвижные, створчатые двери и дверные проемы без дверей в собственном смысле слова. Раздвижные двери — это серия одинаковых прямоугольных створок, разделенных гладкими планками на три неравные вертикальные плоскости. Каждая из трех вертикальных плоскостей сохраняет в орнаментике свой стиль на всех без исключения створках — в рамках общего растительного геометрического орнамента. Соседние парные створки, как правило, украшены одинаково. Такие двери занимают всю стену. Навесные двустворчатые двери скромнее по украшениям, но, естественно, имеют специально оформленный дверной проем. На барельефах видны небольшие, но весьма высокие столовые столики, за которыми на высоких же стульях сидят хозяева, поставив ноги на скамеечку. Семейная чета разделена низким столом на выгнутых ножках, на который поставлена ваза с букетом цветов. У окна с жалюзями тоже стоит стул со спинкой [Ян Путин, 1961, табл. 7—10). На барельефах другого цзиньского погребения конца XII в. в деревне Чжанцзячжуань (пров. Шаньси) через дверной проем с закрученной кверху портьерой мы видим интерьер

в виде дома: над проемом нависает мощный фронтон с нарисованными фигурками [Цзе Сигун, 1960]. В пригороде Тайюаня (пров. Шаньси) в одном из цзиньских погребений на фресках изображены хозяйственные постройки — кладовая и кухня. Кладовая, или амбар,— высокое здание под двускатной соломенной крышей, стены забраны досками, чередующимися с вертикальными столбами (четырьмя по длинной стене). Низкий выступающий вход с двустворчатыми воротами, увенчанный тоже двускатной крышей, расположен на короткой стороне кладовки. Кухня — тоже изолированное здание — по конструкции аналогична кладовой, но она ниже и меньше [Дай Цзундэ, 1965]. Достопримечательностью здания, высеченного на стенках цзиньского захоронения конца XII в. в Чжуншанлине в Ланьчжоу, является балкон с перилами (ложными, конечно). На балкон выходят дверь и два окна [Чэнь Сяньжу, 1957].

Наиболее простое жилище — полуземлянка-летник ляо-цзиньского времени — обнаружено около деревни Сяцзягоу в уезде Тяньчжэнь (пров. Шаньси). Полуземлянка неправильной овальной формы, по-видимому, служила убежищем для сторожа или кладовкой: ни очага, никаких других принадлежностей жилья не отмечено [Остатки..., 1955].

4. Одежда и личные украшения

Создание государства и переселение массы чжурчжэней в Северный Китай привели к существенным переменам в одежде: первое положило начало правительственной регламентации платья, второе вызвало столкновение двух типов одеяний и их взаимоизменение. Оба процесса постоянно переплетались. Знакомство с китайскими модами началось гораздо раньше чжурчжэньских походов на юг (см. гл. 1, разд. 4). Уже в 1121 г. приближенные Агуды в Яньцзине щеголяли в платье с длинными рукавами и поясом. Сюй Канцзун в 1125 г. в Шанцзине видел приближенных чжурчжэньского императора, разодетых в разноцветные шелка [Chavannes, 1898, с. 431]. До начала военного конфликта, когда основная масса чжурчжэней находилась еще на родине, в 1126 г. в виде «субсидий» по договору и подарков Цзинь получила 1 млн. кусков цветных тканей для верхней одежды и белых тканей для нижней одежды, много шелков, атласа, парчи, ниток, узких кафтанов из алого шелка, куртки из грубой шерсти с серебряными вышивками, головные платки из газа, гребни, окаймленные жемчугом, пояса с северными жемчужинами, с накладками из кости носорога, выложенные нефритом, золотом [ДЦДФЛ, цз. 1—3]. Но если не считать сравнительно простых тканей, в это время многие одеяния и шелка и почти все ценные украшения попадали лишь к придворным да высшим военным чинам. Одежда и обувь незнатных чжурчжэней по материалу и покрою мало отличались от описанных в предыдущей главе. Вторжение чжурчжэней в Китай и упрочение их там наглядно обнаружили бросающуюся в глаза несхожесть во внешнем облике победителей и побежденных. Если сравнивать облик

чжурчжэней и сунцев, то первые носили косу, а вторые укладывали волосы узлом; первые носили шапку с квадратным верхом и четырьмя приставками, а вторые — головной убор типа тюрбана (см. [ЮЛМЧ, цз. 3]). Первые носили короткое платье с левым запáхом, а вторые — длинный халат с правым запáхом. Итак, разница была существенной, особенно в прическе. История кос в Китае имеет долгую судьбу. У чжурчжэней переняли обычай ношения кос монголы и маньчжуры [Яо Цунъу, 1953, с. 281]. Последние наконец сумели заставить всех китайцев носить косы. Их носили в недалеком прошлом вполне добровольно нанайцы [Лопатин, 1922, с. 69—70].

Правительственная регламентация причесок, головных уборов и одежды началась с китайского населения. Считая, что подданные правящей династии обязаны следовать ее обычаям, Цзинь указом 1129 г. предписала китайцам стричь волосы под косу, носить низкий головной убор, платье с левым запáхом [ДЦДФЛ, цз. 3]. Краткость формулировки может вызвать сомнение в соответствии чжурчжэньским обычаям двух первых требований указа. На сравнительном же материале исследователи доказали, что «стрижка волос» производилась по чжурчжэньской моде — у лба и на висках, а волосы на макушке и затылке заплетались в косу; «низкий головной убор» означал чжурчжэньскую шапку [Ch'êng Sulo, 1947; Mikami, 1973, с. 382—387]. Ослушникам грозила смерть. В 1129 г. население Тайчжоу (Хэдунбэйлу, совр. пров. Шаньси) за нестриженые волосы казнили. Позднее простонародью в Цинъюане (пров. Хэбэй) за китайскую одежду рубили головы. «Невежественные люди не были виноваты [в том, что] не могли выполнить постановление. В то время полотно и шелк стали очень дороги, бедные же не имели средств, сидели взаперти по домам и не смели выйти» [ДЦГЧ, цз. 5, с. 70]. Эта политика принесла свои плоды. По свидетельству Юйвэнь Сюйчжуна, многие китайцы стали носить одежду с левым запáхом [СЧБМХБ, цз. 215]. Такие изменения в одежде происходили не однажды. По свидетельству Н. Я. Бичурина, «иностранные династии, царствовавшие в Китае, предписывали китайцам употреблять одеяние победителей... В царствование династий Юань-Вэй, Ляо и Юань китайцы одевались по-монгольски, а при династии Гинь (Цзинь.— *М. В.*) по-тунгусски» [Бичурин, 1840, с. 273].

В 20-х годах XII в. правительство провело большую работу по созданию форменного платья. Источник сообщает: «Это все ляоская одежда; Цзинь тоже унаследовала ее» [ЦШ, цз. 43, с. 279]. В дальнейшем, начиная с 40-х годов, при установлении фасона одежды и головных уборов для императора, императрицы, членов их дома, для придворных и чиновников всех рангов и служб, военных и гражданских (на все случаи жизни), основного для рядовых военных и для незнатных, чиновники министерства церемоний Цзинь исследовали установления прежних династий Китая. В 40—70-х годах XII в. были разработаны модели императорских регалий: скипетров, зонтов [ДЦЦЛ, цз. 29]. Предусматривались большой импе-

раторский наряд, платье для езды в экипаже, одежда для дворцовых выходов, одеяние для жертвоприношений. В повседневной жизни, на отдыхе император носил черную шапку и простую верхнюю одежду, мало отличаясь от служилого сословия [Васильев, 1859, с. 21]. Проведение этих мер свидетельствует о стремлении чжурчжэней отстоять руководящее положение правящего дома Цзинь в Срединной империи. Это стремление усилилось узаконением на рубеже XIII в. голубого цвета для платья и красного для рубахи, надеваемых при ритуалах и церемониях высшего ранга, со ссылкой на северосунский пример [Legeza, 1972, с. 273]. Члены императорского дома Цзинь получили официальное одеяние и украшения рангом ниже императорского. Все обладатели рангов имели свою форму; они должны были носить кафтан из редкого шелка «ло», рыбу-подвеску, пояс, дощечку для записи приказаний. В зависимости от гражданского или военного ведомства, от ранга кафтан мог быть малиновым, фиолетовым, зеленым, рыбка — золотой или серебряной, пояс — с украшениями из нефрита, слоновой кости или кости носорога или простым кожаным.

Дополнительные сведения об одежде и украшениях различных классов населения мы получаем из указов, направленных на борьбу с роскошью. Семьям простолюдинов рекомендовалось одеваться в платье из полушелковой, полупеньковой ткани (ши), из грубого бельевого шелка (чоу), из гладкого сатина без узоров, из простой тафты, из обыкновенного сукна, из сермяги, пеньки, холста. Возбранялось носить платье, шарфы, платки из тонкой тафты, узорчатых шелков, газа, а также драгоценности. Женские головные уборы простолюдинок не полагалось украшать жемчугом. Солдатам предписывалось носить гладкую одежду из полупеньковой ткани, грубого шелка, простой тафты, холста, грубой шерсти, при исполнении служебных обязанностей (на приемах, парадах) украшения на мундирах приводить в строгое соответствие с церемониалом. Оруженосцам (солдатским слугам) набор тканей ограничивался полушелком, тафтой, холстом, сукном. Чжурчжэни в быту сохранили белый цвет своей одежды, лишь изредка окрашивали ее в синий цвет. Шубы, ватные куртки и халаты, часто подбитые или отороченные мехом и непременно с левым запáхом, высокие сапоги остались типичными принадлежностями чжурчжэньского туалета, особенно в Маньчжурии и Приморье. Теплая одежда типа шубы была очень распространена и у маньчжуров. В начале XX в. они носили длинные шубы, полушубки, штаны на меховой подкладке, куртку, чулки и варежки, ушанки на бараньем, заячьем, кошачьем меху [Кавасэ, 1939, с. 64]. В прошлом аборигенное население зимнюю одежду тоже шило из кож и мехов животных: оленьих и лосиных — негидальцы и нанайцы, из рыбьей кожи, из собачьих шкур — нивхи (гиляки), из «замши», выделенной из оленьих шкур,— удэгейцы [Народы Сибири, 1956, с. 780, 798, 822, 835].

В Китае, как об этом свидетельствовали очевидцы, в результате столкновения двух течений создался смешанный покрой и набор предметов одежды. По словам Чжоу Шаня, путешествующего по

владениям Цзинь в Китае, «мужская одежда короткая и узкая, женская — очень просторная и длинная. Те, кто исполнял какие-либо обязанности, были в обычных одеждах; они по уставу носили только одежду из полотна или из черного шелка. У некоторых были пояса с сумками из варварского газа; они мало чем отличались от наших. Пояса завязываются сзади, и концы их свисают до крестца, говорят, что этикет этого требует. Несмотря на высокое или подчиненное положение, все носят сапоги с узкими носками. Шапки, которые они носят, называются „дачи“» [Pei Yuan Lou, 1904, с. 174—175]. Дачи, точнее дайцзинь, и есть шапка-треух. Но в это время часть чжурчжэней переняла и китайский головной убор типа тюрбана [Mikami, 1973, с. 380]. Любопытная метаморфоза произошла с чжурчжэньскими косами. Косы, вообще очень распространенные у ряда северных народов, китайцы считали настолько типичными для чжурчжэней, что китайские повстанцы, естественно кос не носившие, маскируясь под чжурчжэней, привязывали вместо косы свиной хвост [Franke, 1975, с. 131]. Однако столкновение с гонимыми китайскими прическами не прошло бесследно и для чжурчжэньских кос. По «Лу тин ши ши», «с древности варвары (чжурчжэни.— *М. В.*) носили волосы свободными и прикрепляли их слева — это был обычай естественный. Откуда было им знать, что существуют правила для одежды и головных уборов и что следует относиться к ним с уважением. В настоящее время многие чжурчжэни и кидани стали канцлерами, министрами, секретарями и начали по китайскому примеру связывать [волосы узлом]. Варвары, как правило, носили волосы свободными и застегивали одежду слева... В настоящее время находятся чжурчжэни и кидани, которые... следуют китайской манере связывать [волосы] вместе. У них разболелись головы, [они] жаловались, что кожа чесалась, и считали [это] за лишение. Через переводчиков они говорили: „Мы все связаны правилами, которые вы, китайцы, насадили; и это убьет нас!“ Подвергаться лишениям и стыду таким образом поистине чудовищно!» (цит. по [Franke, 1975, с. 182—183]). И тем не менее широкие слои чжурчжэньского народа до конца Цзинь носили типичные для них прически (косы), головные уборы (треух), верхнюю одежду (платье с левым запáхом). Об этом свидетельствует указ 1187 г., запрещающий чжурчжэням носить китайскую одежду, указ 1233 г., декретирующий отказ от национальных причесок, одежды и обычаев лишь за год до падения империи. Нарастание отклонений от чжурчжэньского стиля одежды заметно по мере повышения состоятельности и знатности чжурчжэней. Наблюдения над полутора десятками бронзовых фигурок мужчин — подвесных оберегов — позволяют создать три обобщенных вида одежды, очевидно традиционной [Гусева, 1978 (I)]. Одежда простолюдина состояла из шаровар на помочах, рубахи с длинными рукавами, стянутыми манжетами на запястье. Нарядный праздничный костюм включал халат, надеваемый поверх широких штанов, украшенный опушкой по подолу и с массой бантов и лент. В одеяние воина входили: штаны, род юбки, фартук, предохраняющие нижнюю часть туловища, куртка с ши-

рокими рукавами и панцирными пластинками на спине, кожаное «жабо» и шлем. Поршни играли роль обуви.

В цзиньском погребении в пригороде Датуна (пров. Шаньси) сохранились фрагменты одежды. Покойник одет в нательное белье из желтой хлопчатобумажной ткани; верхний халат на нем с длинным воротом, на голове шелковый платок [Чжан Юй, 1961]. На каменных барельефах в рост человека, найденных недалеко от Харбина, можно различить одежду воина: короткая куртка, длинные свободные штаны, сапоги с загнутыми носками, треух с длинными наушниками [Жернаков, 1956]. У каменных изваяний тоже в районе г. Харбина платье изображено свободно свисающим с плеч до пят; у офицера за поясом меч, у чиновника в руках дощечка [Starikov, 1948]. На барельефах и фресках цзиньских погребений, главным образом в Китае, можно подметить значительное разнообразие одежды, покрой и цвет которой зависели от национальной и социальной принадлежности изображенной персоны. Особым признаком для представителя чжурчжэньской знати (и, как правило, китайских чиновников на цзиньской службе) служит левый запáх одежды. Мужчины обычно одеты в длинное платье-халат с широкими рукавами или же в пышный складчатый халат со стоячим воротом, на голове у них черный «тюрбан», на ногах чулки и сапоги. Женщины наряжены в косынки, желтые длинные платья с треугольным воротом. На голове сложная прическа узлом. Дети одеты в желтое платьице с поясом; косы же свободно свисают. На слугах надеты темная шапочка, длинный халат до пят с округлым воротом и длинными рукавами, сужающимися к кистям рук, или удлиненный кафтан с длинными рукавами, или же укороченная куртка. Пояс матерчатый с простым узлом спереди. Ниже пояса — узкие белые брюки или широкие удлиненные штаны. На ногах туфли без каблуков, часто сплетенные из травы. У служанок головной платок, длинный халат с косым воротником и расклешенной юбкой красного или желтого цвета. Пояс — с длинными концами и узлом сзади [Люй Цуньво, 1956; Чжан Дэгуан, 1955; Чан Вэньчжай, 1959; Ян Путин, 1961; Чэнь Сяньжу, 1957; Цзе Сигун, 1960]. Хотя в Китае образ жизни чжурчжэньской знати во многом был похож на китайский, в одеждах и головных уборах, в украшениях сохранялся национальный колорит [Янь Юй, 1960]. Существуют, однако, погребения этой эпохи, в которых на изображении хозяина одежда с правым запáхом [Чэнь Давэй, 1962, рис. 4—5].

В цзиньских погребениях КНР попадаются интересные личные украшения: золотые подвески в виде колена бамбука или раковины, золотые изображения стрекозы и пчелы, нефритовые пояса, серебряные, бронзовые и медные шпильки, бронзовый цветок со шляпы, пояса из железных пластин, керамические подвески в форме призматических стерженьков [Куан Юй, 1963; Чжан Бинсин, 1961; Ван Цзэнсинь, 1960; Чжоу Дао, 1957]. Другие украшения, найденные на Шайгинском городище, интересны аналогиями в материале, собранном у нанайцев и ульчей [Шавкунов, 1967]. Нашивные бронзовые прямоугольные бляшки украшены сквозными

кружками, скобами; накладные наконечники от ремня покрыты стилизованным криволинейным узором, в условной форме, возможно, воспроизводящим пару драконов, рыб и т. п. Среди современных украшений нанайцев попадаются очень похожие — по форме или узору — бляшки, наконечники и т. п. Излюбленными украшениями чжурчжэней были серьги. Они часто встречаются и на археологических объектах. После сражения, выигранного китайцами в 1130 г., победители насчитали 155 убитых чжурчжэней с золотыми и серебряными серьгами и 3 тыс.— с простыми.

В словаре «Хуаи июй» кроме общего наименования для одежды приведены чжурчжэньские термины для одежды с поясом, для меховой шубы, для толстой ватной куртки, для штанов, для рукава, для поясов — обычного и парчового, для сапог, туфель, валяной обуви. Эта одежда изготовлялась из грубой шерсти, холста, полотна, ваты, дикого и культурного шелка, делали также нитки, парчу, вышивки, названия которых тоже приводятся. «Цзинь ши го юй цзе» позволяет пополнить этот перечень названиями для верхней куртки, женской юбки. Словарь Ямадзи упоминает еще атлас, шелк, узорчатую тафту, газ, сукно, шляпу, наушники, юбку, носки, а из украшений — кольцо, серьгу, коралл, янтарь, агат, некоторые из них китайского происхождения.

Маньчжурские одежда и украшения многое переняли от чжурчжэньских и, в свою очередь, помогают лучше понять ситуацию, сложившуюся в XII—XIII вв. в этой области культуры. Одежда у маньчжуров распашная. Традиционная мужская одежда состоит из широких штанов, матерчатого кушака, куртки и головного убора. На улице носят куртку без рукавов и халат. Вся одежда в старину была домотканой, женщины носили кофту, длинные штаны, длинный халат. Зимняя одежда подбивается ватой. Оригинальна обувь — кожаные поршни, проложенные особой травой ула, зимние шапки тунгусского типа в виде треуха с наушниками и назатыльником [Народы..., 1965, с. 678—679]. Назначение маньчжурской, а ранее чжурчжэньской одежды в Маньчжурии состояло в защите человека от резких, суточных и сезонных, перепадов температуры при сохранении ему свободы движения. Маньчжуры развили три типа сезонной одежды (зимняя, летняя, демисезонная), существовавшие еще у чжурчжэней (последний тип не сразу замечается исследователями). Маньчжурское платье сохранило левый запáх, но сменило белый цвет на синий. Верхней выходной одеждой служил роскошный халат-кафтан, который фактически только и удается разглядеть на фресках и барельефах Цзинь. Типичный головной убор маньчжуров — круглая войлочная шапка-треух, которую иногда удается разглядеть на фресках [Стариков, 1967, с. 84—105; Кавасэ, 1939, с. 48—75]. Именно маньчжуры завершили оформление того типа одежды, который ныне принято считать китайским [Стариков, 1967, с. 105].

Таковы были одежда и личные украшения чжурчжэней, цзиньских чиновников и вельмож. Многие ее особенности, в частности сама система регламентации, требовавшая строгого соблюдения цве-

та одежд, сортности тканей, орнаментации, и перечень императорских регалий, несомненно, китайского происхождения. Однако это касается в основном парадной и форменной одежды. И даже в этой одежде можно заметить чжурчжэньские черты: господство такой формы платья, как кафтан с левым запáхом, распространение меховой оторочки и т. п. В повседневном платье и в одежде незнатного населения этот национальный колорит (китайский — у китайцев, чжурчжэньский — у чжурчжэней и т. п.) ощущался еще сильнее. Сама система регламентации одежды началась с выработки формы по киданьскому и китайскому образцам, а переросла в борьбу за национальный покрой.

5. Пища и утварь

Уже в 1122 г. во время почных пирушек в императорском дворце приглашенные напивались виноградным вином [ДЦГЧ, цз. 2]. В 1126 г. двор получал из Китая отборный плиточный чай, вино, фрукты, например апельсины, южный виноград [ДЦДФЛ, цз. 1]. При встрече китайского посольства в цзиньских владениях в 1125 г. обносили вином, подавали вареный рис, просо с плодами, вареную кашицу, сердце и потроха, сваренные с луком и приправленные горчицей и уксусом. Это угощение, подаваемое всего лишь в нескольких километрах от новой границы по Великой китайской стене на землях с многочисленным китайским населением, тем не менее настолько отличалось от китайского, что сунские послы говорили про него: «Несъедобно, но варвары восхищаются» [Chavannes, 1898, с. 395]. На закуску подавали фрукты, и в том числе кедровые орехи, а на обед — только вареный рис без мясных блюд. Послы отметили, что в этих местах едят лишь свинину, оленину, зайчатину, дикую гусятину, хлеб, варенные в кипятке пирожки [Chavannes, 1898, с. 414].

В 1170 г. китайскому посольству в Яньцзине подали еду на двух столах: один стол с большим количеством мяса вокруг бараньей головы, украшенной каштанами, жужубом, диким луком; другой — с чаем, с кашицей из сладкого риса, с просяной кашей, с пшеничными лепешками. Кроме того, послов поили виноградным вином [БСЖЛ, цз. 2]. Как мы видим, ассортимент угощения изменился и уже не казался китайцам «варварским». Несколькими годами позднее, в 1176 г., чжурчжэньские чиновники представились китайскому послу: «На приеме трижды обносили вином и чаем. По обычаям варваров, сначала пьют подогретое вино, а потом — чай... Вечером [поставили] блюда с фруктами — скудная еда, как на юге. Во время чаепития подавали печенья в форме плетенки... черепиц, кожуры, слитков серебра (и прочих фантастических форм.— *М. В.*). Они приготовлены из муки, смешанной с медом и зажаренной в растительном масле. Варвары очень их любят. (Такое чаепитие предшествует выпивке.) Так же обносили хлебом, кровавой похлебкой, пирожками, супом, [сваренным] из желудка, вареной бараниной, пирожными, рисовым бульоном, похлебкой с рубленым мясом,

лапшой с фрикадельками, блюдами с костями. В дальнейшем [трапезы] мало чем отличались. Вино на вкус слабое и весьма похоже на китайское... К завтраку были поданы пресные лепешки на масле или легочном жире, пудинг из жужуба, мучной кисель. Когда речь идет о пудинге и киселе или когда нет времени, столовыми палочками пренебрегают... [В Кайфыне] во время вечерней трапезы вино было в желтых кувшинах, на вкус несколько лучше. Нам предложили отведать сладких апельсинов; служащие [посольства] были очень довольны» [Pei Yuan Lou, 1904, с. 167—168, 185]. В середине XII в. приносились в жертву духам предков в каждом лунном месяце следующие продукты и кушанья, видимо употребляемые и в быту: осетр, корова-рыба или карп (в 1-м месяце), дикий гусь (во 2-м), душистый лук (в 3-м), золотоцветник и лед (в 4-м), вишни и виноград (в 5-м), мясо кабана и пшеничные зерна (в 6-м), цыпленок с гарниром из проса и тыквы (в 7-м), кушанье из побегов тростника, водяного ореха и каштана (в 8-м), кушанье из ячменя и гаоляна с жужубом и грушей (в 9-м), кушанье из конопли и риса с зайцем (в 10-м), жаркое из косули (в 11-м), приготовленная рыба (в 12-м лунном месяце) [ЦШ, цз. 31]. На алтарях божеств полей и злаков приносили в жертву сушеную рыбу, жужуб, оленину, сливу, вишню, маринованные сельдерей, черемшу, бамбуковые ростки, жертвенную фигурную соль, ядра лещины, водяной орех, гигантскую кувшинку, каштан, горох, редьку, соусы (рыбный, заячий, олений, говяжий), лопатку жареную, жертвенный суп, плоды, овощи, четыре разновидности проса [ЦШ, цз. 34].

Повседневная пища чжурчжэней, даже в Маньчжурии и Приморье, стала разнообразнее, не утратив при этом своего специфического вкуса, обусловленного естественными и хозяйственными условиями. Мясо, дичь, рыба, злаки, овощи и фрукты, молочные продукты и пряности были в повсеместном употреблении. Резко сократилась зависимость населения от охоты, от собирания диких трав, в меньшей степени — от рыбной ловли. Однако дикорастущие фрукты, ягоды, травы и коренья широко применялись и при наличии другой пищи. Среди них — кедровые орехи, виноград, орехи-лещина, земляника, грибы (особенно гриб куалань), пионы белоцветные (жаренные в муке), плоды боярышника, каштан, черемша (для фаршировки), щавель, лук и т. п.— употреблялись постоянно для изготовления приправы или в качестве лакомств. Путешественник-чжурчжэнь Ван Цзи восхищался маньчжурскими белыми грушами, прекрасно утолявшими жажду [ЛДСБЧ]. Еще в XVII в., как отмечено в «Нингута цзилюе», этот край славился земляникой, вишней, грушами, виноградом, а также горными абрикосами, из которых варили пастилу, кедровыми и лещинными орехами, не говоря уже о меде [Васильев, 1857, с. 89, 94, 97]. С развитием хозяйственной деятельности чжурчжэни стали больше применять в пищу растительно-молочные продукты. Основное место в их питании стали занимать зерновые, из которых получали крупу, муку, гнали водку. Чжурчжэни умели из этих продуктов печь хлеб, булочки, пирожки, блины, делать лапшу и клецки, варить каши и кашицы,

болтушки, похлебки, отвары (рисовый), жарить лепешки. Важное значение в питании имели бобовые (соя — для подливок, мелкие крахмалистые бобы и горошек, бобы обыкновенные, фасоль). Чжурчжэни употребляли мясо значительно больше, чем китайцы, что стимулировало развитие у них скотоводства. Разводили коров (молочных и на мясо), свиней (на мясо и супоросных), иногда овец и совсем редко собак. Жир и мясо этих животных, употреблявшиеся в виде жаркого и для приготовления супов, заготовляли впрок (сушили, засаливали). Широко использовалось молоко — коровье, кобылье, верблюжье — как в натуральном виде, так и для приготовления масла, кумыса, сыра, топленого молока, молочных лепешек и пр. Куры, гуси и утки разводились в крестьянских хозяйствах на мясо и для получения яиц. В чжурчжэньском словаре можно насчитать около тридцати наименований продуктов питания и блюд, национальных или ставших национальными [ХИИЮ; ЦШГЮЦ; Yamaji, 1956].

Для придания пище необходимой остроты требовались соль и уксус; получение этих продуктов связывалось либо с благоприятными природными условиями (соль), либо со специальной технологией (уксус). В силу важности этих продуктов для нужд населения и доходов казны они были отнесены к государственной монополии (наряду с чаем и вином). Родина чжурчжэней была богата солью, а захват Северного Китая с его солеварнями сделал Цзинь крупным экспортером соли; акциз на соль давал Цзинь огромный доход [Воробьев, 1975, с. 251, 267—268].

Гнать водку чжурчжэни умели с незапамятных времен, а широкое введение в обиход риса лишь расширило эти возможности. Употребляло водку все население, особенно состоятельные круги. О повсеместной продаже водки сообщает Лоу Яо [БСЖЛ, цз. 1]. Правительство имело на этот счет две точки зрения — в рамках общего осуждения пьянства с моральных позиций. С одной стороны, Хай-лин-ван, например, готовясь к войне с Южной Сун, вообще строго запретил употребление вина [ЦШ, цз. 69]. С другой стороны, из финансовых соображений правительство чаще ограничивалось борьбой с самогоноварением и незаконным солеварением. «Тех, кто... рвет желтые колосья... и, добавив винные дрожжи, гонит водку, наказывать восемьюдесятью ударами палок» [ЦШ, цз. 49, с. 315]. Найден довольно сложный дистиллятор, позволявший получать очищенный спирт-самогон [Линь Жунгуй, 1980]. Хотя винная монополия в Цзинь была введена по настоянию чиновников-китайцев еще в 1125 г., из указа 1163 г. видно, что сильные дома продолжали заниматься частным винокурением. Тогда правительственная монополия была подкреплена системой ограничительных квот на частное изготовление вина. Но само наличие таких квот означало уступку частному винокурению. Да и вообще правительство не очень последовательно выдерживало запрет на частное винокурение. Во всяком случае, в особых случаях оно разрешалось чжурчжэням, служащим на границе, а в натуральный паек высших чиновников входила дрожжевая закваска, необходимая для приго-

товления вина [Franke, 1974 (III)]. Старая китайская литература любила подчеркивать склонность чжурчжэней к вышивке в противовес «трезвости» китайцев. Чаепитие, несомненно, относится к наиболее ярким примерам широкого распространения в быту чжурчжэней новых привычек. Пристрастие всего населения к чаю рассматривалось правительством как серьезный подрыв экономической стабильности государства ввиду колоссальных сумм, расходуемых на покупку чая за границей, так как наладить разведение высококачественного чая в Цзинь не удавалось. Запреты и ограничения на употребление чая сыпались как из рога изобилия, но тщетно. Ограничение чрезмерного употребления чая занимало важное место и в борьбе с роскошью, проводимой правительством [Chan Hok-lam, 1978]. Перечисление продуктов питания, используемых в чжурчжэньском обществе, разумеется, имеет несколько отвлеченный характер. Выбор и количество продуктов зависели от богатства и знатности потребителей, от района их обитания, наконец, от размера урожая. Национальный характер пищи и питья в высших слоях чжурчжэней подвергся заметной китаизации. В целом же господство чжурчжэней в Северном Китае привело к заметным изменениям в пищевом рационе не только в этом регионе, но и в Южном Китае. Отрицательная характеристика чжурчжэньского стола в дневниках сунских послов — всего лишь дань привычке к своему рациону. Посол Сюй Цин, ездивший в Корё, т. е. в «цивилизованное» по китайским понятиям государство, находил местный чай горьким, «негодным», а лапшу — невкусной [Franke, 1979 (II), с. 73]. Со временем привычки чжурчжэней к мясной, молочной и грубой зерновой пище оказали влияние на рацион коренного населения собственно Китая. При Северной Сун на севере сеяли преимущественно пшеницу, а на юге — рис. Но уже в 1125—1130 гг. массы китайского населения, бежавшие на юг, принесли с собой навыки разведения пшеницы. Чжурчжэньские паровые хлебцы и блины стали любимой пищей населения юга Китая [Чжан Цзяцзюй, 1957, с. 59]. Даже после крушения империи Цзинь некоторые блюда чжурчжэней были переняты монголами, в частности жаркое из куропатки, рисовая кашица с рубленым мясом, холодная похлебка из травы сыла (мальвы), жаркое из домашней утки «тафула» и из цыплят-фазанов, пирожное из «каки» (род хурмы) и из корейского каштана и др. [Ивамура, 1943; Franke, 1975, с. 172—176]. Кедровые орехи, мальва, дичь (фазаны, куропатки), суп-рагу вошли в китайский обиход, цепились гурманами, включались в кулинарные книги, причем их чжурчжэньское происхождение не забывалось [Franke, 1975, с. 132, 177]. Многое от чжурчжэньской кулинарии переняли маньчжуры [Кавасэ, 1939, с. 76—111; Стариков, 1967, с. 106—134]. Поэтому основу пищевого рациона маньчжуров составляли те же крупяные, бобовые и овощные блюда. Густые и рассыпчатые каши из проса, чумизы, отчасти и риса — ежедневная их пища. Кроме каш в большом употреблении были, так же как и у чжурчжэней, мучные лепешки, выпекаемые на стенках котлов, пирожки. Важным дополнением служили овощные и прочие закуски: соевый творог, раз-

личный растительный желатин, древесные грибы, овощи, в том числе и многие дикорастущие. Маньчжуры употребляли дичь, курятину, свинину, говядину, баранину, конину, рыбу (лосось, карп и др.), мясо диких животных, но их роль в питании в течение веков постепенно снижалась, как и значение молочных продуктов. Из алкогольных напитков пили крепкую водку, желтое вино.

Если о пище и напитках чжурчжэней мы судим по прямым, а чаще по косвенным сведениям письменных источников, то наши представления о посуде более наглядны и непосредственны, хотя и здесь литературные материалы вносят любопытные уточнения. Домашняя посуда чжурчжэней изготовлялась из железа или чугуна, из меди или бронзы, из глины (неполивная, глазурованная или фарфоровидная, фарфоровая), дерева и бересты. Посуда из лака, стекла, драгоценных металлов тоже существовала, но была менее многочисленна: в основном распространена среди состоятельных слоев общества. Стиль и происхождение парадной посуды чжурчжэньской знати часто были китайскими. Еще в 1126 г. китайцы посылали в подарок цзиньскому двору черепаховые графины для вина, чарки для вина из раскрашенного рога носорога или из нефрита, чашки из рога носорога узорчатые, из жадеита с золотыми украшениями, сосуды из горного хрусталя, агата и черепахи [ДЦДФЛ, цз. 1, 2]. В дальнейшем чжурчжэни сами добывали такую редкую посуду в Китае, а также получали ее из Южной Сун. Из железа или чугуна изготовлялись ножи разного типа, в том числе специализированные — нож для резки овощей, водолеи [Предметы..., 1963], котелки и жаровни [Цзиньские..., 1962]. Чугунные котлы, иногда их неточно называют железными, встречаются весьма часто на всей территории обитания чжурчжэней и отличаются разнообразием деталей и украшений при общей стабильности формы [Воробьев, 1968 (II), с. 121; Сунь Сюжэнь, Чжу Гочэнь, 1964, с. 604]. Все они довольно большие (до 30—60 см в диаметре), скорее широкие, чем глубокие, обычно гладкие, с выступающим ребром по окружности, на венчике торчат 2, 4, 6 вертикальных кольцеобразных ушек. Поскольку экземпляры без ножек часто имеют округлые днища, а котлы с ножками — плоские днища, можно предположить, что первые ставились на специальную треногу. Такие котлы часто отливались по частям, а затем части сваривались воедино. Котлы представляли определенную ценность, судя по бронзовым заплатам на некоторых из них [Сунь Сюжэнь, 1962]. Чугунные котлы для кипячения воды и варки пищи, глубокие сковороды, медные чайники очень характерны и для маньчжуров. Медная или бронзовая утварь — это сосуды разного рода [Ляоские..., 1977]. Бронзовые котлы по форме напоминают чугунные [Ван Юнсян, 1960]. Кроме котлов в обиходе были миски с округлым дном и прямым венчиком, тазы с плоским дном, шаровидные чайники с крышкой, ручкой, цепочкой и на ножках [Чэнь Сяпвэй, 1964], сосуды для разогревания вина [Цзиньский..., 1976]. В вотчине чжурчжэней, в Приморье, внешний вид посуды сохранил в максимальной степени черты самобытности. Материалы Шайгинского го-

родища позволяют твердо выделить 15 видов неполивной керамики: корчаги, вазы, горшки, тазы, чаши, бутылки, банки, шаровидные сосуды, блюдца, бокалы, светильники, фонари, розетки, тигли, крышки. Поливная и фарфоровидная посуда здесь в основном бытовая. По целевому назначению можно выделить тарную, кухонную, столовую керамику — признак сложного хозяйства. Основная часть сосудов — тарные (вазы, корчаги). Горшки использовались для хранения пищи — они без пагара. Лишь 37% посуды орнаментировано [Тупикина, 1976, 1973 (I); Леньков, 1968].

Другие чжурчжэньские памятники Приамурья и Приморья дают известные отклонения от общей картины. Типичная неглазурованная керамика из жилищ с Краснояровской крепости в Приморье — памятники расцвета Цзинь — делится на два основных типа: на серые крупные горшки с венчиком-улиткой и на более тонкостенные кирпично-красные изделия, причем первых встречается больше [Воробьев, 1959, с. 124]. Неглазурованная керамика из дворца — здания № 6 в Краснояровской крепости — подразделяется на три типа. К первому типу принадлежат некрупные гладкие шаровидные сосуды с плоским дном, без поддона; горлышко — очень небольшое — переходит прямо в шаровидное тулово без шейки, оно оформлено лишь ровным невысоким венчиком. Поверхность сосудов очень гладкая и ровная, прочные стенки толщиной около 0,5 см. Сосуды такой формы впервые найдены в Краснояровской крепости и, насколько нам известно, в Приморье вообще [Воробьев, 1967 (II)]. Судя по внешнему виду, в них могли хранить ценные жидкости — масло и пр. Ко второму типу, наиболее характерному для памятников чжурчжэней в Приморье (в том числе и для Краснояровского городища), относятся фрагменты весьма крупных горшков; дно у них плоское, без поддона. К третьему типу относится серия фрагментов, принадлежащих весьма крупным пифосообразным сосудам, с гладким дном и сравнительно прямыми стенками и венчиком.

Менее многочисленны, особенно в северных владениях чжурчжэней, поливные или глазурованные изделия. Форма сосудов остается неизменной, обнаруживая лишь некоторую тенденцию к усложнению и рафинированности, связанную с повышением качества предметов. Наряду с мелкими толстостенными горшками, шаровидными сосудами с черной глазурью, вазами всех типов, облитых зеленой, коричневой, желтой глазурью, чашками, тарелками и блюдцами встречаются жбаны с четырьмя отверстиями в дне [Ван Сючжи, 1960]; крупные горшки с узким дном, покрытые снаружи белой, а изнутри черной глазурью; глазурованные вазы с гравированным растительным орнаментом [Остатки..., 1955]; бутылки, тонкие и высокие, с «гофрированной» поверхностью, облитые серо-зеленой глазурью [Чэнь Давэй, 1962]; сосуды с венчиком в виде стилизованного петушиного гребня, покрытые красной глазурью [Ли Цзяньцай, 1964] (две последние формы считаются типично киданьскими, причем первая иногда называется «фляжкой пилигрима», что не помешало им войти в чжурчжэньский обиход), парные бутылки, покрытые черной глазурью, сосуды с носиком и т. п.

[Mino, 1973, рис. 1—16, 33—34]. Многие типы поливных сосудов относятся к традиционным китайским «семействам», т. е. печам, или являются подражанием этим семействам (о них см. гл. 2, разд. 16). Наиболее роскошные керамические и фарфоровые изделия — столовая посуда, судя по археологическим находкам в жилищах и в погребениях,— были во всеобщем употреблении. Разумеется, чем богаче дом, тем больше в нем водилось фарфора и тем ценнее и роскошнее была эта посуда, но отдельные предметы из фарфора попадаются в довольно бедных жилищах, а в богатых домах фарфор уживался с простой и поливной керамикой [Археология в новом Китае, 1962, с. 113]. Наиболее распространенный вид фарфора этой эпохи — некрупные сосуды (блюдца, чашечки) беловатого или кремового цвета; они-то и обнаружены повсеместно. Эти сосуды принадлежали мастерским динъяо или являлись северным подражанием продукции этих печей [Ли Ию, 1959 и др.]. Единственным украшением таких изделий можно считать тисненый подглазурный узор цветка на внутренней поверхности донышка. Остальная поверхность отличалась гладкостью — без каких-либо выступов, ребер и т. п. Фарфоровые изделия сложной конфигурации или расписные — уже не столь частое явление в быту чжурчжэней. Такие экземпляры попадаются лишь в богатых захоронениях: фарфоровый водолей [Юй Чжэнь, 1963], белые миски на ножке и с узором на дне, шаровидный сосуд с поддоном для ароматичных жидкостей, чашечки шестигранные, по форме напоминающие лотос, тарелочки или чашечки, украшенные изображением цветка лотоса — на дне тисненого, на стенках нарисованного [Чэнь Сянвэй, 1964], мисочки с полихромной росписью, вазы с четырьмя ушками и подглазурной росписью [Сунь Сюжэнь, 1962].

На некоторых гладких простых сосудах из Приморья (СССР) встречаются особые знаки — тамги. К настоящему времени известно до 20 сосудов с такими знаками [Сем, Шавкупов, 1974; Шавкунов, 1972; Пермяков, 1969]. По характеру исполнения их можно объединить в три группы: 1) прочерченные до обжига, 2) прочерченные после обжига, 3) штампованные до обжига. Тамги 1-й и 3-й группы — это личные клейма гончаров, тамги 2-й группы — клейма владельцев. Примерно половина клейм похожа на знаки чжурчжэньской письменности, в том числе на цифры. Прочие — очень разнообразны, и не всегда можно определить, что они обозначают. Среди них геометрические фигуры, «елочка», параллельные черточки, крест, свастика, трезубец, решетка, «стрела», возможно, лук со стрелой, розетки. Изображение креста и розетки встречается довольно часто и на сосудах, найденных в разных местах, что, возможно, означает происхождение этих сосудов из одной мастерской. Семантически изображение креста или солярных знаков, перекрещенных крестом, могло играть роль оберега. Может быть, такую же роль играли розетки, похожие на изображение солнца с восемью лучами. Есть сосуды с целым поясом из девяти, семнадцати розеток. В этом случае число розеток тоже могло иметь особый смысл: «девятка» у чжурчжэней была священной, а 17 — возможно, число

месяцев в чжурчжэньском календаре (см. гл. 2, разд. 17). Сравнение чжурчжэньских тамг с тамгами других народностей советского Дальнего Востока обнаруживает несколько общих мотивов: лук со стрелой, двойной крест, крест в круге и др.

Однако был еще сорт посуды, численно превосходивший все вышеописанные. Китайские послы, которых угощали в Цинчжоу (совр. пров. Цзилинь) в 1125 г., замечали: «Посуды глиняной нет, есть тарелки и чашки из дерева» [Chavannes, 1898, с. 395]. Это замечание выглядело бы странным, тем более что речь идет о территории, пограничной с Китаем, если бы оно не подтверждалось другими, косвенными свидетельствами. Чжурчжэни искони предпочитали посуду из дерева, бересты и лыка — черта, присущая тунгусо-маньчжурам недавнего прошлого. Разумеется, чжурчжэни не избежали знакомства с керамикой, но в 1125 г. они встречали и угощали послов по-чжурчжэньски и поэтому постарались устранить из обихода все чужое, иноземное. В последующие годы и десятилетия чжурчжэни стали употреблять иную посуду, сумев и ей придать свой собственный колорит, но не отказались и от старой. Численно, надо полагать, в домашнем хозяйстве деревянная и берестяная посуда во много раз превосходила глиняную и другую. В богатых домах деревянная столовая посуда уже была редкостью, но деревянная утварь и там полностью не была вытеснена из обихода. Из дерева делали бочки, кадушки, черпаки, ковши, ложки, столики, решета и т. п. Если мы обратимся к словарям, сохранившим чжурчжэньские слова, то в них встретим свыше десятка слов, обозначающих утварь из дерева и бересты [ХИИЮ; ЦШГЮЦ]. Позднее мы узнаем, что маньчжуры «занимаются... рубкой больших деревьев и приготовлением из них деревянной утвари для дома, потому что здесь нет глиняной посуды; блюда, тарелки, лохани и прочее выделывается из цельного дерева» [Васильев, 1857, с. 97].

Таким образом, в цзиньской пище и посуде сохранилось много ранних чжурчжэньских черт, придававших им своеобразие даже в устойчивом мире сунской материальной культуры. Эта пища и посуда впоследствии послужили основой для маньчжурской кулинарии, а те и другие во многом определили облик современной китайской кухни.

6. Семья и семейный быт

Чжурчжэньские семьи в период Цзинь неуклонно превращались из больших в малые, усиливался патриархальный характер этой семьи, в высших классах населения — с китайским оттенком. Чжурчжэни переселялись в Китай общинами, большими семьями, и при рекрутских наборах власти имели в виду группу самостоятельных семей, по-видимому остаток этой большой семьи [Воробьев, 1975, с. 192]. Но податной единицей при Цзинь уже был двор, семья, и это свидетельствует о прочном выделении малой семьи в качестве самостоятельной ячейки. Однако по размеру средняя чжурчжэньская семья (6 человек) в 2—3 раза превышала такую же китайскую

(2—3 человека), что говорит о сохранявшейся тяге к большой семье. Серия семейных усыпальниц как бы репродуцирует житейское состояние. Так, в деревне Бэйчан (пров. Хэбэй) есть парное погребение мужа с женой и отдельно, с самостоятельной эпитафией — захоронение сына [Ло Пин, Чжэн Шаоцзун, 1962]. Парные погребения мужа с женой — заурядные явления; они раскопаны в Шаньси [Шэнь Ян, 1959] и в Хэнани [Чжоу Дао, 1957]. Социально-семейные различия в положении мужа и жены подтверждаются живописными и скульптурными сценами. Общественное положение мужа в семье рисуется главенствующим, а его жены — почетным и полным достоинства. Цзиньское законодательство выделяло десять тяжелейших преступлений («десять зол» — ши э), предусмотренных еще древними китайскими юристами. Четыре из десяти касались семейных отношений: 4-й — замысел или убийство родителей, 7-й — несоблюдение правил сыновнего пиетета (ругань в адрес родителей, отказ в содержании, ложное объявление об их смерти, нарушение траура), 8-й — продажа в рабство старших родичей, клевета жены на мужа, 10-й — кровосмешение. В них с наибольшей силой отразился патриархально-конфуцианский взгляд на семейные отношения. Однако семейные нормы в цзиньском обществе оказались очень далеки от требований конфуцианства. Право сына или внука выделиться из хозяйства, занятость на службе мужчин-чжурчжэней (прежде всего на военной) — все это сильно ослабляло власть отца семейства над членами его семьи.

Женщины тоже пользовались правами, немыслимыми в китайской семье. Положение жен охранялось обычаем и отчасти законом. Когда в 1152 г., прельстившись красотой Улиньда Ши — жены Улу, внука Агуды, Хай-лин-ван потребовал ее к себе, красавица покончила с собой на пути во дворец. Перед смертью она сказала: «Я сохраню себя и не посрамлю своего супруга», чем и заслужила всеобщее восхищение и упоминание в «Цзинь ши» [ЦШ, цз. 5; цит. по: Розов, л. 139]. Жена Тай-цзу, императрица Сяо Юй, при Хай-лин-ване ведала важным разделом церемоний — женским этикетом. Но особенно примечательна история принцессы из фамилии Тутань. Тутань была бездетна и, по обычаю, усыновила детей от наложницы своего мужа Ваньянь Цзунганя, среди которых был будущий император Хай-лин-ван. Судя по ее биографии, несмотря на свой жестокий нрав, Хай-лин-ван разрывался между родной матерью из фамилии Да и Тутань, и «сердце его было постоянно беспокойно». После убийства Си-цзуна Хай-лин-ваном Тутань и Да были опечалены его поступком, но лишь Тутань «отказала ему в поздравлении». Хай-лин-ван «затаил злобу», однако вынужден был снести это порицание. Позднее на празднестве мать Хай-лин-вана провозгласила здравицу в его честь, а Тутань демонстративно не присоединилась к ней. После переезда императора в Яньцзин Тутань осталась в Шанцзине. Лишь в 1154 г. Хай-лин-вану удалось уговорить ее переехать в Яньцзин. Он вышел встречать ее со своими придворными, вооруженными розгами. Встав перед ней на колени, он каялся в том, что, «забыв сыновнюю любовь, долго не имел по-

печения», и просил наказать его за это розгами. Тутань простила его, но и впредь держалась независимо. И лишь после резких возражений Тутань против готовящейся войны с Южной Сун в 1160 г. ее казнили [ЦШ, цз. 63]. В 1224 г. мать Ай-цзуна сумела не только воспрепятствовать браку императора с любимой служанкой, но и добиться изгнания ее из дворца и выдачи замуж за первого встречного [ЦШ, цз. 17]. Во время брачной церемонии в чжурчжэньской среде семья невесты сидела на кане, выше семьи жениха, «мужчины ниже женщин» (цит. по [Franke, 1980, с. 34]). Жены чжурчжэней-чиновников поражали взоры китайцев роскошными одеяниями, выделявшимися на фоне черной одежды мужей [Pei Yuan Lou, 1904, с. 174]. Некоторые законодательные меры объективно повышали статус женщин: стали значительно строже наказания за изнасилование, особенно замужней женщины, за принуждение к сожительству чиновником подопечных ему женщин [Воробьев, 1975, с. 188].

Уже в первые годы после создания нового государства появляются узаконения, запрещающие внутриродовые браки, или браки между лицами, носящими одну и ту же фамилию. В 1116 г. велено: «Тех, кто после взятия города Нинцзянчжоу (киданьский город на границе с Цзинь.— *М. В.*) взяли жен одних с собой фамилий (т. е. родственниц), бить палками и разводить» [ЦШ, цз. 2, с. 29]. Так окрепло правило, лаконично выраженное в летописи фразой: «на однофамильных не женятся». Этот запрет осложнялся тем, что принцип экзогамности переносился уже не на сородичей в точном смысле слова, а на «однофамильцев». Однако, чем дальше, тем резче оба эти понятия не совпадали, так как понятие «фамилия» вначале было чуждо чжурчжэням, потом свойственно лишь знати и, наконец, зачастую родовая фамилия сочеталась с произвольно принятой китайской. Последнее обстоятельство наряду со смешанным проживанием представителей разных родов и фамилий уже требовало законодательного оформления правила, существовавшего еще раньше и соблюдавшегося почти автоматически. В дальнейшем, в 1129 г., были введены новые ограничения для вступления в брак лиц, связанных родственными отношениями, например детей от одной матери, но от разных отцов.

В 30-х годах в среде рядовых чжурчжэней еще сохранялись прежняя свобода выбора невесты и минимальная обрядность. Хун Хао наблюдал на родине чжурчжэней гульбища, устраиваемые знатными киданями и чжурчжэнями. Чжурчжэньская молодежь, присутствовавшая на этих празднествах частично в роли зрителей, частично в качестве участников, иногда невольных, второстепенных, свободно знакомилась. Если завязывались близкие отношения, девушка следовала за своим избранником, как будто без каких-либо возражений со стороны родителей. Лишь позднее, иногда после рождения ребенка, молодые представлялись родителям жены, захватив с собой еду и питье. Такой союз рассматривался как брак-похищение; он сделался популярным у чжурчжэней и даже стал частью обычая «свободной кражи» (см. гл. 1, разд. 7). Лишь в 1177 г.

вышел указ, запрещающий этот обычай, и то у бохайцев [ЦШ, цз. 7].

Проживание чжурчжэней в гуще китайского населения, да еще в качестве привилегированной прослойки, сопровождалось смешанными браками, двоебрачием и развитием наложничества. Браки между лицами разной национальности, в частности между поселенцами-чжурчжэнями и китайцами, цзиньским правительством первоначально считались нежелательными, но строго не запрещались, а позднее поощрялись. Их рассматривали как средство сгладить противоречия между этими двумя народами. В 1191 г. Государственный совет, отметив наличие ненормальных отношений между китайцами и чжурчжэнями, проживающими на землях бывшего государства Ци, высказал мнение, что смешанные браки могли бы примирить эти народности и обеспечить государству мир [ЦШ, цз. 9, 88]. Браки чжурчжэней и китаянок, несомненно, были очень распространены во всех слоях общества. «Да Цзинь го чжи» прямо указывает на факты вступления чжурчжэней в брак с китаянками и с киданянками как на обстоятельство, способствовавшее укреплению положения завоевателей в новых владениях [ДЦГЧ, цз. 44]. После вторжения монголов многие чжурчжэни породнились с китайскими семьями ради своей безопасности. В старинных источниках сохранились упоминания о нескольких случаях заключения браков между представителями и представительницами знатных киданьских фамилий Елюй и Сяо и чжурчжэньских [Otagi, 1959, с. 50—51], и примерно о 20 случаях заключения браков между выходцами из знатнейших чжурчжэньских фамилий Тутань, Пуча, Цзягу и др. и знатными китаянками, а также между китайцами и женщинами из таких чжурчжэньских фамилий, как Ваньянь (4 случая), Цзягу, Нахэ и др. [Tao Chin-sheng, 1968, с. 712—713].

Многие чжурчжэни вступали в Северном Китае в брак с китаянками, не расторгнув старый брак с женой чжурчжэньского происхождения, оставшейся на родине, в Маньчжурии или в Приморье. Такие браки не одобрялись. Но если дело сводилось к появлению в доме наложницы, это не возбранялось. Наиболее широкие формы наложничество приняло в императорской семье и в среде высшей знати. Согласно китайским обычаям, императору полагалось иметь главную жену, побочных жен или наложниц; и все они имели особые звания, строго определявшие их положение. Чжурчжэньские императоры в целом приняли эту систему. В первой половине династии эти места занимали знатные чжурчжэньки из того же десятка чжурчжэньских родов, впоследствии места вторых жен и наложниц стали все чаще занимать бохайки и китаянки. Ранг жены вельможи был тем выше, чем раньше она стала его женой [Franke, 1980, с. 28]. Чжурчжэньская полигамия не приобрела ни классических форм, ни очень широкого распространения. В цзиньском праве мы находим лишь самые минимальные законоположения о разграничениях прав жен и наложниц. В мавзолеях и семейных погребениях знати встречаются, как правило, лишь парные погребения мужа и жены. На барельефах и фресках мы тщетно будем

искать изображение гарема, наложниц, напротив, всюду подчеркивается принцип моногамной семьи. Это, разумеется, не исключало существования наложничества, формы которого уже давно и детально были разработаны в Китае. Множество китаянок попало в гаремы чжурчжэньских военачальников во время походов в Китай. После переезда цзиньского двора в Яньцзин положение не изменилось, лишь сам набор наложниц принял более «мирный» и регулярный характер. Чжурчжэньские воины захватили в Яньцзине 2—3 тыс. китаянок. Позднее, в 1148 г., в Междуречье было набрано 4 тыс. красивых китаянок в возрасте 13—20 лет. Хун Хао утверждал, что «у них (чжурчжэней) побочных жен было много» [СМЦВ, цз. 1, с. 9]. Положение наложниц-китаянок могло не отличаться от рабского. Кроме китаянок в гаремы императора и принцев попадали и чжурчжэньки. Положение их было разное в зависимости от условий, при которых женщина стала наложницей. Положение наложницы из семьи репрессированного вельможи было хуже, чем женщины из семьи приближенного императора. В последнем случае наложничество рассматривалось как расширенное понимание левирата, как своего рода забота императора о жене или дочери верного вельможи, оставшейся без поддержки. Такие наложницы при определенных условиях могли покинуть гарем. В 1163 г. Ши-цзун выпустил из своего гарема 26 женщин, нашедших себе мужей, в 1171 г.— более 20 наложниц. В целях устранения злоупотреблений, а именно насильственного наложничества, чиновникам было воспрещено жениться на дочерях их непосредственных подопечных. Особые правила регламентировали браки между рабами и между свободными и рабами [ЦШ, цз. 45].

Отношения между мужем и женой (наложницей) в чжурчжэньских семьях отличались от китайского образца. Они строились на основах строгой патриархальности, но на практике жены пользовались в доме значительной свободой и влиянием в связи с тем, что мужья постоянно отлучались для несения военной или гражданской службы. Цзиньский кодекс предусматривал право мужа убить неверную жену, но по указу 1170 г. неверные жены чиновников хотя и теряли право на ранг по мужу, но сохраняли аналогичное право на ранг по сыну [ЦШ, цз. 6]. По кодексу 1143 г. муж мог безнаказанно забить жену или наложницу до смерти, но... «голыми руками». Этим сильно возмущались китаянки, утверждая, что в старину не было такого закона и даже с рабами так не обращались [Franke, 1980, с. 33—34]. Но этот же кодекс строго наказывал за продажу жен в рабство, приравняв в этом отношении жен к детям и родителям. Чжурчжэньские вдовы могли свободно вступать во вторичный брак, но китайские правила траура распространялись и на чжурчжэней обоего пола.

Чжурчжэньская брачная система сохраняла свои особенности до конца Цзинь. Кодексы начала XIII в. специально оговаривают право чжурчжэней на левират [ЦШ, цз. 64]. Ваньянь Цзунгань (сын Агуды) после смерти отца взял к себе в дом вдову отца [Hsü Ping-ch'ang, 1937, с. 67—71]. Характерно, что этот обычай чжурчжэни

занесли даже в китайскую семью. В 1169 г. Ши-цзун «постановил, чтобы вдовы из поколения Бохай и китайские по окончании траура возвращались из домов мужей к своим родственникам, а если кто-либо из братьев умершего пожелает взять после него оставшуюся вдову, то чтобы это делалось с воли старшего в ее доме» [ЦШ, цз. 6, с. 55]. Левират казался китайцам особенно возмутительным обычаем. В «Лу тин ши ши» с негодованием повествуется о том, что «есть даже люди, которые берут в жены мачех, совсем как собаки или свиньи. Они отличаются от китайцев, которые знают, что это — против закона» (цит. по [Franke, 1975, с. 182—183]). При этом правительство заботилось, чтобы левират не оказывал отрицательного влияния на траур, обрядность которого была перенята у китайцев. Так, в 1167 г. «император постановил законом, чтобы дети по смерти матери, имевшей после их отца другого мужа, также носили трехгодичный траур» [ЦШ, цз. 6, с. 54]. Вслед за китайцами цзиньское право считало вступление в брак в период траура серьезным преступлением.

Одним из существенных для чжурчжэней новшеств была государственная регламентация брачных обрядов, до той поры следовавших лишь обычаю. Правда, это явление, связанное с усилением китайского влияния, относится к концу Цзинь и касалось в основном высшего и среднего слоя чжурчжэньского народа. Во избежание расточительства была четко определена стоимость подарков при сватовстве: для чиновников — 200—700 связок, для зажиточного простонародья — 100—200 связок монет [ДЦГЧ, цз. 35]. В 1200 г. учредили порядок сватовства в государстве, в 1205 г. установили брачные церемонии. Те же, кто приветствовал или совершал обряды, не следуя государственным установлениям, признавались нарушителями [МЧЮЛК, цз. 18]. Чжурчжэньские императоры и принцы женились, как правило, на представительницах десяти родов (см. с. 37), но среди них более заметную роль стали играть фамилии Пэймань, Улиньда, Хэшиле — с середины 30-х годов и Пусань — с 90-х годов XII в. Развитие наложничества не нарушало этого принципа; выбор императорской жены и императорская свадьба подчинялись строгим правилам и церемониям.

Чжурчжэньское семейное и брачное право, как уже говорилось, не стремилось нарушить сложившиеся в китайском обществе порядки и, по-видимому, оказывало на последние лишь ограниченное влияние. В китайском обществе действовали семейные и брачные обычаи, сложившиеся еще столетия назад. Но система регламентации брачных отношений давала населению значительную свободу. Смешанные браки между представителями из среды победителей и побежденных не запрещались, а позднее поощрялись. Не существовало официальных запретов для женитьбы мужчины, имеющего ученую степень, на женщине из простой семьи, для браков между богатыми и бедными, хозяином и служанкой, между благородными и худородными, провозглашенных сунским правом.

Усложнившиеся семейно-брачные отношения не могли не вызвать известную переоценку самих отношений родства и связанных

с ними традиционно-бытовых или юридических норм (Симада, 1966, с. 665]. Словарь чжурчжэньского языка сохранил много слов, относящихся к определению родства. Огромный их удельный вес — 35 из 847 слов (4%), сохранившихся в словаре «Хуаи июй», свидетельствует о важности и традиционности отношений родства. В словаре родственные связи дифференцированы: представлены такие термины, как родоначальник, пращур, дед, бабка, отец, мать, дядя по отцу, старший брат отца, тетка по отцу, дядя по матери, тетка по матери, сын, дочь, старший брат, младший брат, старшая сестра, младшая сестра, племянник и племянница, племянник — сын сестры, жена младшего брата, зять, сноха, тесть, теща, свекор, внук и др. Тем не менее с ликвидацией былой изолированности обитания родов и семей в результате войн, переселений, смешанных браков родственные отношения усложнялись, забывались. Так, мы узнаем, что Ваньянь Цзунсюй не знал, кем ему приходится его родственница — младшая сестра по матери [ЦШ, цз. 64]. Однако прочные семейные отношения были залогом сохранения чжурчжэньской народности — обстоятельство, сильно заботившее многих чжурчжэньских императоров. Для поддержания прочных семейных отношений и была создана государственная система семейно-брачной обрядности, доселе совершенно стихийная. Эта обрядность, воспринявшая некоторые китайские формы, требовала неукоснительного порядка в родстве. К этим морально-религиозным соображениям прибавлялись и правовые. Рост богатства, усложнение общественной иерархии с новой остротой ставили вопрос о порядке наследования имущества, рангов, должностей.

Вплоть до Ши-цзуна императорский дом твердо не усвоил принципа передачи престола от отца к сыну. Тай-цзун был братом Тай-цзу; Си-цзун, Хай-лин-ван, Ши-цзун — внуками Тай-цзу, детьми трех сыновей последнего. Все они наследовали престол при взрослых сыновьях предшественников. Начиная с Ши-цзуна утверждается наследование престола по прямой линии, однако с учетом воли завещателя [Тао Сишэн, 1935].

Отправной фиксируемой точкой системы родства, когда непосредственного знания родственных отношений не хватало, сделалась фамилия. Как и у других народов, старые чжурчжэньские фамилии происходят от названия родов (кланов) и племен. В «Цзинь ши» попал 141 клан, каждый с клановым наименованием, включая сотню кланов, которым посвящен особый раздел этого источника [ЦШ, цз. 55—58]; среди последних есть 16 кланов нечжурчжэньского корня [Чэнь Шу, 1960, с. 1—6]. 42 клана, включая и «царский» (Ваньянь), в разное время в дополнение к родовым фамилиям приняли еще китайские, некоторые кланы — даже несколько: Ваньянь — три китайские фамилии, Угулунь — четыре, Хэпиле, Тутань — по две, Елюй — пять [Чэнь Шу, 1960, с. 156]. Правда, по-видимому, обычай ношения китайских фамилий привнесен в чжурчжэньскую среду еще в предгосударственный период. Даже такой ранний источник, как «Шэнь лу цзи», упоминает 30 китайских параллельных фамилий. В 1119 г. клан Ваньянь имел китайскую фамилию Ван

(букв. «король»), Чичжан — Чжэн, Налань — Гао и т. д. [СЧБМХБ, цз. 3]. Заимствование китайских фамилий подчинялось нескольким довольно неопределенным правилам. Оно происходило: 1) по подобию (Тутань — Ду, Пэймань — Ма, Ваньянь — Ван и т. д.); 2) путем сокращения (Вэньдихань — Вэнь, Бочжилу — Лу и пр.); 3) свободно — наиболее часто, когда китайские фамилии не имели с чжурчжэньскими ни смысловой, ни фонетической, ни иероглифической связи (Хэшиле — Гао, Улиньда — Цай, Пуча — Ли и пр.); 4) при совпадении — самый редкий случай (У — У) [ЛЦЮСП; Чэнь Шу, 1960, с. 178]. В «Цзинь ши» упомянуто 59 китайских фамилий чжурчжэней. Эти фамилии могли быть восприняты по личной инициативе, например после победы над китайским полководцем, во избежание мести со стороны духа умершего, из тяги к китайским обычаям, или пожалованы сунским или самим цзиньским правительством. Цзиньские государи за отличие жаловали нечжурчжэням фамилии: «государственную» (Ваньянь) — 27 случаев, знатную чжурчжэньскую (одну из десятка) — 20 случаев [Чэнь Шу, 1960, с. 180—185]. В результате крайне затруднялось установление родословной чжурчжэней. Положение осложнялось тем, что члены одной чжурчжэньской фамилии не все и не всегда принимали одну и ту же китайскую фамилию, но зато часто это проделывали не родственники. Неудивительно, что составитель раздела фамилий в «Цзинь ши го юй цзе» в конце раздела приписал: «Впоследствии родовые прозвища [отдельными] людьми по разным причинам легко менялись...» [ЦШГЮЦ, цз. 7]. Одним из средств упорядочения системы родства служило запрещение чжурчжэням носить китайские фамилии, иногда трактуемое с излишней прямолинейностью лишь как форма борьбы против китаизации чжурчжэней [Mikami, 1973, с. 254—260]. Уже в 1129 г. Хай-лин-ван велел отобрать пожалованные фамилии и восстановить прежние. В 1173 г. Ши-цзун категорически запретил ношение китайских фамилий. Похожая ситуация сложилась и с именами. В результате восприятия китайских имен (как дополнительных) частью чжурчжэньской знати, транскрибирования разных имен одними и теми же китайскими иероглифами в «Цзинь ши» оказалась 121 тезка среди обладателей 14 фамилий (из них 95 случаев приходится на носителей фамилии Ваньянь), 133 человека обладали более чем одним именем. Знаменитый Ваньянь Сиинь известен под четырьмя именами, Хэшиле Яута — под восемью [Чэнь Шу, 1960, с. 186—200]. Правда, в последнем случае обилие имен частично объясняется выходом за пределы «Цзинь ши». Летопись ухитрилась не сохранить чжурчжэньское имя даже чжурчжэньского императора Вэй-шао-вана. Но, как бы то ни было, в 1176 г. Ши-цзун предписал: «Детские имена царевичам даны вообще не чжурчжэньские, надлежит переменить их; вам повелевается выписать лучшие имена нюйчжэней и представить их мне» [ЦШ, цз. 7, с. 61]. Подтверждение этого запрета в последующие годы лишь свидетельствует о его неэффективности. Сюань-цзун в 1215 г. открыто вернулся к политике пожалования китайских и знатных чжурчжэньских фамилий. Тао Цунъи, автор XIV в., утверждает,

что в конце Цзинь многие чжурчжэни кроме родного имени имели еще и китайское [Tao Jing-shen, 1976, с. 98].

Чжурчжэньское влияние ощущалось в маньчжурских семейных обычаях: запрещались браки с женщиной одного с женихом клана, особенно рода (у чжурчжэней — одной фамилии), бедный жених отрабатывал в доме будущего тестя от 3 до 10 лет, мальчику-первенцу старались дать имя старшего сына старшего брата отца, вдовы могли вступать в новый брак. Но процедуры сватовства, выплаты калыма, свадьбы у маньчжуров более сложные, отсутствовали левират и былая свобода чжурчжэньских девушек выбирать себе мужа [Народы Восточной Азии, 1965, с. 680—681; Shirokogoroff, 1924, с. 65—76].

7. Нравы и обычаи

В ходе усложнения общественной и духовной жизни многие старые обычаи, прежде обладавшие определенным синкретизмом, приобрели спецификацию, а новые — родились с нею. Некоторые обычаи получали значительную формальную усложненность, фиксированную регламентацию, превратились в этикет и церемонии. В результате контакта с бохайцами, с киданями, особенно с китайцами старые чжурчжэньские обычаи частично видоизменились, а частично дополнились обрядами и церемониями, часто сознательно перенятыми или созданными заинтересованными цзиньскими учреждениями, например министерством церемоний. В этой главе мы говорим о тех из них, которые стали характерными для нового государства и лишены религиозного налета вовсе или в основе своей. Конкретным примером появления нового обычая может служить празднование дня рождения, не существовавшее в догосударственную пору чжурчжэней. По «Сунмо цзивэнь» даже крупные чжурчжэньские полководцы еще в 1130 г. не отмечали дня своего рождения, как такового, а приурочивали его празднование к китайским праздникам [Franke, 1975, с. 136].

Чжурчжэньская привычка носить косы, особую одежду, наиболее примечательной чертой которой был левый запáх (см. разд. 4 этой главы), не только сохранилась, но и сознательно была распространена завоевателями на китайское население империи и перешла даже в Южную Сун [Кувахара, 1927; Mikami, 1973, с. 397—398]. Интересно, что сами знатные чжурчжэни, видимо, избегали некоторых атрибутов своей этнической принадлежности. Ни на одной из фресок в погребениях не видно и следа кос, тем более «свободно опущенных сзади», а в некоторых из таких погребений, несомненно, похоронены знатные чжурчжэни.

Чжурчжэньская пища и в меньшей степени деревянная посуда господствовали лишь в быту чжурчжэней-поселян. Влияние чжурчжэньских блюд на общецзиньский рацион, если судить по жертвенной пище божествам полей и злаков, сезонным жертвам предкам (см. гл. 2, разд. 8), уступало по силе влиянию чжурчжэньской одежды, украшений, причесок на цзиньскую моду. Чжурчжэньский

как широко распространился по всему Китаю, а с ним и обычай сервировать пищу на кане, как на столе. Охотники-чжурчжэни не забыли искусства подманки оленей. Что касается стрельбы с коня, чжурчжэни и во второй половине XII в. признавали это мастерство как одно из своих характерных национальных качеств: «Ши-цзун хорошо стрелял с коня. Среди своего народа был первым. Когда выходил на охоту, старики шли за ним и любовались» [МЧЮЛК, цз. 16, л. 7а]. Причем сам Ши-цзун, который, как известно, был поборником сохранения чжурчжэньских обычаев, горько сетовал, что в Китае невозможно устраивать облавные охоты и тренироваться в стрельбе с коней [ЦШ, цз. 8]. Стрельба с коня была в почете и у маньчжуров: «Есть храбрецы, которые знают искусство стрельбы с коня. Этому искусству обучаются и сражаются наперебой с врагом» [МЧЮЛК, цз. 16, л. 8б]. Судя по «Нингута цзилюе», в XVIII в. маньчжурские дети «вечером занимались стрельбой с лошадей» [Васильев, 1857, с. 85].

Коллективные празднества-гульбища не исчезли из обихода, но в связи с сословной дифференциацией чжурчжэней они перестали быть однородными и всеобщими. Сама попытка правительства поддержать их свидетельствует об определенном упадке гульбищ. «Древние обычаи чжурчжэней — пить, есть на совместных празднествах, стрелять с коня — вот развлечения»,— снова и снова повторял Ши-цзун [ЦШ, цз. 80, с. 513]. По свидетельству «Лу тин ши ши», рисующего обстановку в Цзинь в 30-х годах XII в., на домашних пирушках, «независимо от того, знатные или незнатные, молодые или старые, все сидели вместе и пили... В наше время, немного ознакомившись с церемониями и декорумом, они уже не такие, как прежде». Далее источник сообщает об обычае «подносить чарку». Такой обычай распространен повсюду: от двора до уезда. В случае дня рождения, брака, рождения сына, приезда посольства из Сун или из простого желания подольститься к начальству устраивают выпивку с фруктами. Гости приносят подарки: ткани, золото, серебро, седла, копей, драгоценности, а хозяин «подносит чарку» гостям. «Таким путем складывается дружба, а дурные помыслы исчезают» (цит. по [Franke, 1975, с. 179, 182]). Во время празднества, которое в 1125 г. устроил губернатор Сяньчжоу (совр. Кайюань) в честь приезжающих китайских послов, недалеко от города раскинули шатер. Музыканты играли на барабанах, висящих на поясе, на камышовых дудках, на китайских «гитарах», называемых пиба, на цитрах с 12, 25 струнами, на свирелях и литаврах. По отзыву посла, инструменты и мелодия похожи на китайские, а гармония и аранжировка — отличные. Шестьдесят танцоров в одеждах с длинными загнутыми рукавами танцевали национальные танцы. После пятикратного потчевания вином послы вернулись на подворье. На второй день прибыли три посланца — с новостями, с вином и с фруктами, с завтраком. Гулянье продолжалось уже в окружном управлении, где давалось представление. После спектакля гулянье развернулось в полную силу: вином обносили девять раз, угощали мясом диких животных и птиц, мучными изделиями, поили чаем.

Специально отмечен даровой характер угощения [Chavannes, 1898, с. 412—414]. Последнее описание передает не столько атмосферу народного гулянья, сколько дух официального банкета. Но и в нем на столь ранней стадии существования династии пациопальное и китайское смешивается в нечто общее. Конечно, мы можем лишь гадать, насколько это общее гармонично, но китайское нигде не выступает как самостоятельное: на китайских музыкальных инструментах исполняют чжурчжэньские мелодии; танцоры, одетые в китайское платье, танцуют чжурчжэньские танцы; мучные изделия и чай, столь любимые китайцами, чередуются с жарким из мяса диких животных, вовсе не употребляемым в Китае, и т. д.

Такие специфичные формы массовых состязаний, как игра в мяч, стрельба в иву, некогда воспринятые чжурчжэнями у киданей, получили теперь официальное признание и оформление. «Стрельба в иву, игра в мяч — все ляоские обычаи; Цзинь также предпочитает их» [ЦШ, цз. 35, с. 233]. Но в интересующее нас время эти когда-то массовые игры были восприняты двором и увязаны с государственным ритуалом. Как традиционный, ритуальный акт в императорском церемониале они повторялись императором по нескольку раз в год: в 5-й день 5-й луны; в 15-й день 7-й луны; в 9-й день 9-й луны и т. д. [ЦШ, цз. 2]. Еще при Тай-цзу для игры разделялись на партии и играли в мяч [ЦШ, цз. 73]. В «Цзинь ши» упомянуто пять случаев участия императоров Ши-цзуна и Чжан-цзуна в этой игре. Получив церемониальное оформление, игра в мяч не перестала быть распространенной. Личному составу войска разрешалось в месяц три раза играть в мяч, чтобы привыкали к воинскому делу [ЦШ, цз. 16]. Этой игрой увлекались и китайцы Яньцзина, где при чайных отводились площадки для игры в мяч [СМЦВ, цз. 1]. Судя по «Янь Фань-лу» Чэн Дачана, китайская конница тоже переняла стрельбу в иву, по-видимому уже без символики (см. [Franke, 1979 (I), с. 150]). Оба вида состязаний часто проводились в один день, например в день поклонения Небу. В 5-й день 5-го месяца поклонение Небу устраивалось на площадке для игры в мяч. Согласно «Маньчжоу юаньлю као», в конце церемонии стреляли в иву и играли в мяч. Игроки становились в ряд в порядке знатности. Каждый головной повязкой отмечал свое дерево, срезал на нем кору. Поочередно они мчались на лошадях и стреляли из лука. Тот, кто перерезал иву и касался ее рукой, считался первым. Тот, кто подрезал иву, но проскакал, не коснувшись ее, считался вторым. Тот, кто не смог перерезать ее, обязан был бить в барабан, «прося о помощи». Описанное состязание лишено даже намека на культовый смысл. После окончания состязания переходили к игре в мяч. Она велась двумя способами. По первому — на южной стороне поля строили двойной забор, внизу его делали отверстие для ворот, к которому прикрепляли веревочный сачок. Игроки разъезжали на специально обученных конях, клюшками гоняя мяч. Побеждал тот, кто загонял мяч в сетку. По второму способу ворота устраивали на обоих концах поля, игроки разделялись на две команды. Каждая команда стремилась забить

мяч в чужие ворота. Та команда, которая не пропускала мяч в свои ворота, выигрывала. Кожаный мяч делали с кулак величиной, он был легким и упру́гим [МЧЮЛК, цз. 18].

В цзиньское время сохранились и облавные охоты. Они не только претерпели ту же трансформацию, что и описанные забавы, но и вызвали довольно оживленные споры. Облавы в силу своей сложной организации в Цзинь стали развлечением императора, членов его фамилии, высшей знати в большей степени, чем другие игры и празднества. Кроме того, для них требовались обширные охотничьи угодья, почти полностью ликвидированные в Китае. Еще Агуда называл облаву наиболее захватывающим развлечением. В «Цзинь чжи» тоже утверждается: «Цзиньцы весьма любят облаву, прежде (когда столица была в Хуэйнинфу.— *В. В.*) в каждое из четырех времен года производили облаву. Когда же Хай-лин-ван перепес столицу в Янь[цзин], то так как за городом все поля принадлежали народу, то нельзя было охотиться три времени года по недостатку места, а дожидались зимы, и тогда уже, выступив, проводят более месяца на облаве, в которой принимают участие даже императрица, царицы, князья и приближенные чиновники. При всякой облаве следующие за императором войска расставляются тайно со всех сторон в круг, который называется вэйчан (загон.— *М. В.*), и в него загоняют лисиц, зайцев, кабанов (?), кабаргу, [изюбров], оленей. Государь (Китая.— *В. В.*) первый делает выстрел или пускает сокола, затем следуют принцы и приближенные вельможи. Когда император и свита оставят круг облавы, тогда только позволяется охотиться прочим...» [Васильев, 1859, с. 211—212]. При Чжан-цзуне облавы по настоянию китайских чиновников ограничились заповедниками. В отличие от юаньских охотничьих лагерей цзиньские были просты и непритязательны, а в самих охотах участвовал узкий круг лиц: император, высшие чиновники и, по некоторым источникам, богачи. Это объясняется различием в культурных традициях. К моменту переселения чжурчжэней в Северный Китай они уже перешли к оседлости, у монголов же кочевой быт сохранялся еще долго [Лао Яньсюань, 1964, с. 13—14; Яо Цунъу, 1959]. Праздник головной рыбы и головной птицы тоже существовал десятилетия после создания государства. В 1164 г. Ши-цзун специально отметил поимку первого лебедя. Эти события праздновались и при Чжан-цзуне [Liu Ming-shu, 1947, с. 89].

Левират получил правовое оформление в конце XII в. Значит, и тогда он существовал у чжурчжэней, но в отличие от других чжурчжэньских обычаев не был воспринят китайцами, зато перешел к маньчжурам.

Ляоские обычаи и церемониал, видимо, продолжали оказывать определенное воздействие даже после крушения Ляо, но уже не столько на широкую массу чжурчжэней, сколько на умы реформаторов обрядов и церемониймейстеров, сознательно использовавших киданьское наследие. Эти лица помнили киданьское происхождение таких распространенных в Цзинь развлечений, как игра в мяч, стрельба в иву, сезонные облавы; во всяком случае, составители

«Цзинь ши» вложили им в уста соответствующие заявления. По-видимому, все освоение киданьского культурного наследия этим отнюдь не ограничивалось. По отзыву Сюй Канцзуна, около 1125 г. в окрестностях Шанцзина и в других местах «все подчинялись старинным ляоским церемониям. Например, в горах Цзецайшань устраивали пирушки с певичками, соревнования отроков в борьбе, состязания в петушиных боях, в игре в мяч, как и в Китае» [ДЦГЧ, цз. 3, с. 26]. Оформление мирного договора с Си Ся, например, произведено на основе старых правил и церемониала Ляо [ЦШ, цз. 83], распорядок двора, характер церемоний, музыки, законоположений нередко основывались на ляоской старине [ЦШ, цз. 70].

После выхода на Северо-Китайскую равнину произошел широкий и естественный контакт с китайскими обычаями и церемониями, которые не только стихийно воспринимались, но и сознательно вводились. Еще в 1121 г., т. е. до похода в Китай, когда Агуда под Яньцзином выходил из своего шатра, «все чиновники были одеты в халаты с поясами по китайскому этикету, приветствовали и кланялись непременно по церемониалу ляосцев» [ДЦГЧ, цз. 2, с. 16—17]. Здесь налицо сознательное использование китайской форменной одежды и ляоского придворного церемониала. В дальнейшем этот процесс углубился. Уже в 1162 г. Ши-цзун высказался за запрещение чжурчжэням играть в шашки и в игру «шуан лу» [ЦШ, цз. 89]. Даже в далеком Приморье найдены бронзовые фишки шахмат с обозначениями «слон», «пешка» [Шавкунов, 1978 (I)]. Ши-цзун говорил в 1173 г. с осуждением: «В нынешнем Янь[цзине] пьют, поют и играют, все учатся китайским обычаям» [ЦШ, цз. 7, с. 60]. В 1174 г., когда началась кампания за возрождение чжурчжэньских обычаев, о чем мы подробно поговорим в гл. 3, Ши-цзун выразился еще категоричнее: «Чжурчжэни со временем позабыли свои древние обычаи и весьма пристрастились к обычаям китайским» [ЦШ, цз. 7, с. 60]. В действительности же китайская стихия не подорвала обычаев чжурчжэней, но приглушила заметные их атрибуты и вызвала к жизни некоторые бросающиеся в глаза внешние признаки «китаизации». Несомненно, что эти-то признаки раздражали заинтересованных наблюдателей и в какой-то мере заслоняли от них истинный характер стихийного процесса. Последовательное и сознательное восприятие китайских обычаев выразилось во включении значительной части китайского церемониала в цзиньский. Принципиальное направление таких поисков определено в ряде мест «Цзинь ши»: «Велено всем вельможам древние обычаи нынешней династии с отбором сочетать с системой Суй и Тан, добавляя положения Ляо и Сун» [ЦШ, цз. 45, с. 87]. В последней фразе концентрированно выражена программа государственной политики в области упорядочения обычаев и церемониала. В развитие этой политики в 1190 г. командировали ближнего министра обозреть нравы и обычаи Поднебесной [ДЦГЧ, цз. 19]. Эти высказывания привели к официальному принятию многих китайских привычек и церемоний. Что касается чиновников на службе,

то «отныне те, кто в парадном платье, пусть делают китайский поклон» [ЦШ, цз. 35, с. 233].

Согласно «Цзинь ши», способ приветствия уже несколько отличался от описанного в «Саньчао бэймэн хуэйбянь» (см. гл. 1, разд. 7): «Руки из рукавов [вытягивают] вперед, медленно [отступают] назад. Отступив, опускаются на левое колено и потрясают локтями, как в пляске. Когда совершают коленопреклонение, потрясают рукавами, и [они] взлетают и касаются колен, затем подымаются и [руками] касаются плеч. Так делают четыре раза. И таким же образом совершают колепопреклонение четыре раза. При возвращении в исходное положение руки покоятся на правом колене и опускаются только на левое колено. Церемония [приветствия] закончена. На языке [сунского] государства это — приветствие „яошоу" (потрясение руками.— *М. В.*). [Они] называют „сасу" [3] [ЦШ, цз. 35, с. 233]. Это приветствие похоже на киданьское. В «Лу тин ши ши» применительно к 30-м годам XII в. упомянуто «молчаливое приветствие» китайских вельмож. «Те же, кто так не делает, считаются людьми из диких мест. Их игнорирование правил ритуала поистине чудовищно!» (цит. по [Franke, 1975, с. 183]). Кидане тоже приветствовали молча. По «Нингута цзилюе» маньчжуры в XVIII в. «при свидании не делают ни „цзо-и" [4], ни „дагун" [5], а только берутся за руки, при прощании с гостями опускают руки и несколько нагибаются. Когда же давно не виделись и вдруг встретились, то обнимают друг друга, потом, взявшись за руки, наведываются о здоровье. При свидании старшего с младшим последний обнимает обеими руками поясницу старшего, который гладит его рукой по спине. Женщины приветствуют (мужчину.— *М.* В.), потирая правой рукой лоб и кивая головой; если же делают это, став на колени, то, значит, оказывают высочайшее почтение. При свидании между собой женщины выражают свою приязнь подаванием рук — [предыдущие] приветствия также случаются, смотря по обстоятельствам» [Васильев, 1857, с. 97—98].

Годовые праздники чжурчжэней, народные и полурелигиозные, известны нам не во всех подробностях. Мы твердо знаем, что чжурчжэни праздновали канун Нового года и первый день Нового года (юаньжи) [ХИИЮ], начало весны (эръюээр) [ДЦГЧ, цз. 33], праздники чистоты и ясности (цинмин) и начала лета (дуаньу) [Yamaji, 1956], день счастливых браков (циюэци), буддийский праздник поминовения (юпаньпэнь), праздник поздней осени (чунцзю) [ЦШ, цз. 13] и, очевидно, другие, не упомянутые здесь празднества 24 сельскохозяйственных сезонов. Об этом можно догадываться, потому что цзиньский правительственный календарь отводил три свободных дня для празднования Нового года, пять дней для

[3] Иероглифическая запись термина полностью соответствует чжурчжэньскому имени Ваньянь Куана [ЦШ, цз. 98].

[4] Поклон со сложенными руками, протягиваемыми при нагибании спины до земли (примеч. Васильева).

[5] Потряхивание сложенными руками — приветствие менее почтительное, чем предыдущее (примеч. Васильева).

праздника холодной пищи (ханьши), декаду на празднование дня зимнего солнцестояния (дунчжи), начала весны (лючунь), начала лета, или дня чунъу, наступления осени (дицю), поздней осени (чунцзю), т. е., по-видимому, по два дня на каждый из пяти этих праздников [ДЦГЧ, цз. 35].

Ежегодно праздники отмечались по лунно-солнечному календарю, и Новый год начинался весной. Как рано чжурчжэни начинали подготовку к его празднованию, неясно. Маньчжуры в XX в. начинали подготовку за неделю — с 24-го дня 12-й луны, им полагался 15-дневный отпуск, а не трехдневный. По-видимому, основные приготовления к празднику были схожи: заготовка жертвенной и праздничной пищи, украшение жилища, поминание предков, моление о богатстве, о рождении мальчика, о приплоде домашнего скота, встреча Нового года (это был у маньчжуров один из трех важнейших праздничных дней), гулянье в день Нового года, обмен подарками. «В последний вечер старого года младшие являются в дома старших для прощания с годом и кланяются в землю; [старшие] принимают этот поклон, не отвечая, равные кланяются друг другу в одно и то же время» [Васильев, 1857, с. 99]. В Новый год иностранные послы являлись к цзиньскому двору с поздравлениями. Неясно, длилось ли у чжурчжэней празднование Нового года до полнолуния — дня шанъюань — 15-го дня первой луны с его молениями об урожае. Но сам этот день отмечался, во всяком случае по «Сунмо цзивэнь», в первую четверть XII в. как «день свободной кражи» — обычай, который уважали. Когда в такой день молодой чжурчжэнь вступал в связь со своей овдовевшей теткой, то отделывался палочными ударами, китайцы же расценивали такой поступок как кровосмешение [Franke, 1980, с. 32]. У маньчжуров этот день наряду с 15-м днем 7-й луны и 15-м днем 10-й луны составлял важную триаду праздников.

Во 2-й день 2-й луны в Цзинь отмечался день рождения божества Тудишэня — плодоносящей земли (начало весны) или день пробуждения дракона — повелителя вешних вод (Лунтайтоу). В эти дни служилые чжурчжэни получали отпуск, крестьяне разбивали глиняное изображение коровы в знак изгнания зимы [ДЦГЧ, цз. 33]. Позднее, при маньчжурах, бумажную корову, наполненную зернами пяти основных злаков Китая, разрывали на части. Захватить лоскут значило обеспечить хороший урожай [Народы Восточной Азии, 1965, с. 300]. На 106-й день после дня зимнего солнцестояния и за двое суток до праздника цинлин чжурчжэни отмечали день холодной пищи (ханьши), когда трое суток воспрещалось разводить огонь. Праздник чистоты и ясности (цинмин) приходился на один из пятнадцати дней в конце 2-й — начале 3-й луны и знаменовал начало сева. Наряду с молением духам предков в этот день совершали поклонение силам инь и ян (праздник знаменовал победу последней), а император — верховный жрец государственного культа — проводил плугом первую борозду, после чего по всей стране начинались пахота и сев. Пятью столетиями позднее в Маньчжурии «в ясную погоду (цинмин) дня очищения могил знатные

едут туда верхом на лошадях или в телегах, а бедные несут на головах канные столы, на которые поставлены жертвенные приборы» [Васильев, 1857, с. 100—101].

В 5-й день 5-й луны праздновали начало лета (чунъу). Чжурчжэни очень почитали этот праздник. В этот день они выражали свою просьбу духу вод, стреляя в иву. В 1184 г. Ши-цзун лично участвовал в этом празднестве в бытность свою в Шанцзине, где оно проходило в чисто чжурчжэньском духе. На пиру император посылал приглашенным чарку с вином; выпив вино, гости имели право сохранить чарку на память. Императорские родичи плясали чжурчжэньские пляски. Под конец сам император в импровизированном речитативе восхвалял предков, создавших и сохранивших государство. В отличие от китайской процедуры цзиньская не содержала элементов праздника лодки дракона [Franke, 1979 (II), с. 149], зато была публичной. Маньчжуры в этот день украшали дома ирисом, лакомились рисом, запеченным в бамбуковых листьях, пили вино, совершали приношение духу воды, моля о благостном дожде и об избавлении от вредителей. Подобные же стрельбы чжурчжэни устраивали в 7-й день 7-й луны, когда совершали моления о мастерстве (циюэци). Это весьма разносторонний праздник, когда просили об успехе в шелководстве, в ткачестве и... в браке. В этот день сближаются две звезды: Пастух из созвездия Ориона и Ткачиха из созвездия Вега, которые считались образцом верных влюбленных, покровителями ремесла (ткачества) и промысла (шелководства). В полнолуние — 15-й день 7-й луны — чжурчжэни отмечали второй из трех основных буддийских праздников: прощения грехов и поминовения душ, но у маньчжуров и, по-видимому, у чжурчжэней он обладал чертами коллективных обрядов. Эта народно-обрядовая сторона у чжурчжэней выражалась состязанием в стрельбе, в игре в мяч. Упоминание об этом празднестве позволяет предполагать, что и остальные два — 15-го числа 1-й луны и 15-го числа 10-й луны — тоже отмечались в их среде.

Праздник середины осени (чжунцю), или урожая, отмечавшийся в полнолуние — 15-й день 8-й луны, не упомянут в цзиньских источниках. Возможно, он подменен менее важным праздником начала осени (лицю). Но так как он принадлежал к трем важнейшим празднествам сельскохозяйственного цикла, два из которых (канун Нового года и начала лета) в Цзинь отмечали, было бы странно, если бы он отсутствовал. В этот день питались обильно, по преимуществу мучной пищей. В 9-й день 9-й луны (чунцзю) чжурчжэни устраивали облавную охоту, играли в мяч, стреляли в иву. В этот праздник поздней осени, или хризантем, народ поднимался в горы, пил вино, моля об успехе в охоте, о приплоде коней. Праздник весьма почитали кидани: после облавы они устраивали на горах пиршество, ели сырую печень зайца и сырую оленину. Позднее он оказался в большом почете у маньчжуров, в этот день вином они приносили жертвы духам гор. В начале 12-й луны чжурчжэни праздновали день зимнего солнцестояния [Кавасэ, 1939, с. 156—185; Народы Восточной Азии, 1965, с. 296—302].

Последнюю группу цзиньских обычаев составляют церемонии (ли), которые отличались четкой правительственной регламентацией. Последняя выражалась не только в строгом распорядке — он свойствен и некоторым видам традиционных обычаев (облавы, фасон одежды и причесок), существовавшим, однако, и вне этого распорядка. Церемонии и этикет вне регламентации не могли существовать, не изменив в корне своего значения. Они возникли и реализовались по указанию властей в специально оговоренных условиях строго ограниченным кругом лиц. Условно их можно выделить в три группы церемоний: государственные, придворные, государственного культа [ДЦЦЦЛ; ЦШ, цз. 28—38]. Последнюю группу мы рассмотрим в следующей главе.

К государственным отнесены церемонии, которыми сопровождались акты, имеющие тесное отношение к государственной жизни, к правительству и бюрократии: возведение на престол, преподнесение императорского звания, хранение и пользование императорскими регалиями и печатями, табель о рангах и порядок представления к рангу, выдачи грамот, подачи докладных императору особами разных рангов, назначение на должность, отставка и отпуск, аудиенция послам и др. Невозможно, разумеется, подробно описать все церемонии этой и последующих групп — детально они описаны в 11 цзюанях «Цзинь ши». В качестве примера ограничимся пересказом процедуры возведения на трон Тай-цзуна. В 6-й день 9-го месяца 1-го года эры правления Тяньхуай (1123 г.) Уцимай, младший брат покойного императора Тай-цзу (Агуды), носивший титул аньбань боцзиле, взошел на императорский трон. Ранее того Цзунгань (старший сын Агуды от второй жены) во главе с прочими младшими братьями и чиновниками собрались у входа в мавзолей Тай-цзу, еще не закрытый. Они предстали перед императором и просили его воссесть на престол. Император не согласился и сказал: «У прежнего императора есть дети». Так прошел день, и не смогли завершить дела. И на следующий день император опять не согласился. Тогда Цзунгань сказал: «Родина важнее всего. Вручаем аньбаню боцзиле престол — владение покойного императора». Вельможи не дерзнули иметь иное мнение и вместе со всеми младшими братьями и чиновниками поднесли красный халат, облачили в него императора, возложили на него заботы о государственной печати и, наконец, возвели его на трон перед входом в мавзолей. Вскоре Уцимай (Тай-цзун) объявил о поклонении духам Неба и Земли, о всеобщей амнистии, установил девиз годов правления [ДЦЦЛ, цз. 1]. Поздравление с восшествием на престол, или с годовщиной воцарения, стало непременной частью дипломатического этикета. Все соседние государства, и в особенности вассальные, обязаны были присылать послов с поздравлениями и подарками. Празднество по случаю годовщины воцарения получило у киданей и чжурчжэней особое наименование праздника небесной чистоты (тяньцинцзе). Из этой группы особо упомянем церемонию по случаю объявления амнистии, впервые получившую оформление в 1167 г., хотя амнистии вообще объявлялись и раньше, и (как своеобразное дополне-

ние) церемонию выражения подданными благодарности по поводу опубликования указа об амнистии.

Другая интересная церемония, уже китайская,— «покаянный указ», в котором император каялся в своих прегрешениях перед Небом, вызвавших то или иное бедствие,— иногда принимала у чжурчжэней непредвиденный оборот. В биографии Сяо И, любимца императора Си-цзуна и императрицы Дао, помещенной в «Цзинь ши» (цз. 129), рассказывается следующее: «В 1149 г. случилась сильная гроза. Молния ударила в глиняную фигуру на крыше императорского покоя и разбила ее. Огонь вырвался наружу и охватил занавески внутренних спален. Императору пришлось перебраться в другой дворец, пока огонь и непогода не прекратились. Тогда император издал „покаянный указ". Придворный секретарь, член академии Ханьлинь Чжан Цзюнь просмотрел проект указа и высказал свое мнение: „Чтобы постичь предостережение Неба, надо императору глубоко покаяться и смириться". И после этого предложил свой вариант: „Так как я не обладаю подлинной добродетелью, я нарушил волю Неба; учтите мои ограниченность и невежество, ибо я подобен маленькому ребенку". Сяо И устно перевел вариант императору и затем сказал: „Не обладать подлинной добродетелью" — это звучит чудовищным оскорблением. Иероглиф „ограниченность" (куа) означает также „одинокий", „не имеющий приверженцев"; иероглиф „невежество" (мэй) значит „не понимаю, есть ли гуманность", знак „маленький" (мяо) означает: „глаза не видят, слепой", слово „ребенок" (сяоцзы) означает „грудной ребенок". Это повод для китайцев под прикрытием указа поносить государя! От этого государь пришел в сильную ярость и приказал дворцовому гвардейцу вытащить Чжан Цзюня и избить палками. После многих сотен ударов он был еще жив. Тогда раскрыли ему кинжалом рот и налили туда кипяток. В награду Сяо И получил пояс с украшениями из рога носорога, называемый „тунтянь"— „проникающий до Неба". Он опирался на императорскую милость, презрительно обращался с сослуживцами. Из-за этого между ним и Хай-лин-ваном, будущим императором, возникла вражда. Когда Хай-лин-ван убил Си-цзуна и хитростью захватил трон, он увеличил число должностей и титулов важных сановников. Автоматически и Сяо И получил следующий ранг. Через несколько дней император призвал Сяо И на аудиенцию и спросил его: „За какие преступления был казнен придворный секретарь Чжан Цзюнь? За какие заслуги получаешь ты вознаграждение?" На это Сяо И не мог ничего ответить. „Если б я хотел позволить убить тебя, я это бы сделал без затруднений,— сказал Хай-лин-ван,— но, пожалуй, из-за этого сказали бы, что я мщу тебе за себя". После этого имя Сяо И было по императорскому указу вычеркнуто из списка чиновников, и он был выслан на свою родину. Над ним был поставлен надзор, и ему было запрещено выезжать за пределы 100 ли» (цит. по [Yao Shih-ao, 1933, с. 585—590]). Чжан Цзюнь давно «реабилитирован» историками. Он неповинен в инкриминируемом ему преступлении. Выражения, которые не понял или притворился, что не понял, Си-

цзун, взяты из классической китайской литературы и являлись в Китае расхожими для таких указов. Чжан Цзюнь имел намерение сравнить Си-цзуна с древним государем. Выражение «я малый ребенок» очень употребительно в устах государей древности при противопоставлении их Небу или предкам. Но чжурчжэньские государи обладали слишком неукротимым характером и не в силах были вынести лицемерную фразеологию указа, да еще влагаемую им в уста.

Придворные церемонии, являющиеся частью быта двора, императорского рода и фамилии, многочисленны и разнообразны. Они приурочены к наречению дополнительным, посмертным именем императора, императрицы, к возведению в ранг первой и второй жен императора, к объявлению наследников, к пожалованию титулов ближних принцев и принцесс, к императорским выходам и выездам, одежде, экипажам и эскорту, к утренним императорским приемам для морального наставления, к поздравлениям с Новым годом или днем рождения, к государственным праздникам и официальным банкетам, к императорским докладам, к выражению благодарности императору за оказанную милость, к представлению ко двору, к беседе наследника с чиновниками, к присвоению почетных титулов императрице, вдовствующей императрице, наследнику, к малому дворцовому приему послов, к регулярным выходам императора и т. п. Император докладывал Небу и предкам о коронации, о получении императорской одежды и титула, о присвоении его жене звания императрицы. С 40-х годов XII в. по этим поводам устраивались разные молепия; раз в три года и раз в пять лет, с 1174 г., об этом рапортовали духам Неба и Земли, духам предков, божествам злаков и земледелия, духам пяти священных гор Китая [ЦШ, цз. 31]. В 1167 г. к этому еще прибавилась церемония выражения благодарности за присвоение титула как самому императору, так и его наследнику или императрице. Детально разработан этикет провозглашения здравицы по случаю дня рождения императора, пожелания долголетия, приветствий в первый день Нового года. Поздравление императора с днем рождения было непременной обязанностью вассальных стран (Южной Сун, Корё, Си Ся) и важным моментом дипломатической жизни. В «Цзинь ши» отмечено около 90 случаев таких поздравлений, из них 70 в разделе сношений [ЦШ, цз. 61—64]. После смерти Агуды Тай-цзун, прощаясь с ним, взошел на помост, дважды поклонился: на восток и на запад; перед столиком с благовониями снова дважды поклонился; дважды кланялся он, когда приносил в жертву пищу, чай, при беседе с духом покойного. Все присутствующие тоже дважды поклонились и удалились. Этот простой церемониал прощания с усопшим сильно усложнился к 60-м годам XII в.

Значительное место в церемониале цзиньцев занимало присвоение посмертного титула. Впервые эта церемония была проведена, похоже, в 1125 г., когда по просьбе амбаня боцзиле Гао и др. Агуде был присвоен титул «великого священного императора», а через полгода произошла полная церемония преподнесения покойному

нефритовых дощечки и печати, титула «великого мудрого и воинственного императора» и храмового имени Тай-цзу. В дальнейшем посмертные (а иногда прижизненные) титулы давались родителям императора и императрицам. Эти титулы при случае дополнялись.

Уже в ритуале августейшего доклада по случаю воцарения проступает двойственная природа цзиньских церемоний. С одной стороны, речь идет о событии государственной важности и светского содержания; с другой — сам император докладывает о своем воцарении кому-то, по своей природе явно иррациональному. С одной стороны, «доклад» лишен сопровождения в виде религиозной церемонии (благодарственного молебна, жертвоприношений и т. п.); с другой — он все же связан с молениями, совершаемыми раз в три года и раз в пять лет, и обращен не только к Небу и предкам, но и к божествам злаков и земледелия. Эта двойственность ощущается и во всем государственном культе, о котором речь пойдет в следующем разделе. Исполненным ритуального смысла стало все существование цзиньского императора, его родственников, ближайшего окружения. Оно было строго декретировано и подчинено церемониалу, разработанному и контролируемому министерством церемоний и ведомствами двора (подробнее см. [Воробьев, 1975, с. 161, 164]). Особенно бросается в глаза регламентация в одежде, украшениях, обстановке, утвари, о которой мы говорили в соответствующих разделах, а также в экипажах.

Императорские аудиенции и выезды обставлялись этикетом очень пышным и насыщенным символикой. «Цзинь чжи» рассказывает: «Так как Цзиньская династия царствует (в аллегорическом смысле.— *М. В.*) на свойствах, приписываемых воде [6], то в походах войск на знаменах преимущественно господствует черный цвет... Когда император едет в колеснице запросто, то перед ним несется одно знамя солнца, если с ним едет императрица, то прибавляются два знамени луны... Свита же состоит из нескольких сот или даже тысячи с лишком человек... При великих церемониях, при принесении жертвы, при пожаловании патентов — во всем соблюдаются древние учреждения и сохраняется все, как большие, так и малые, знамена... Зонты, носимые над императором, неодинаковы: желтые или красные» [Васильев, 1859, с. 213—215]. Первоначально чжурчжэни восприняли ляоскую систему императорских экипажей, лишь впоследствии из политических соображений стали применять китайскую. Решительный перелом произошел после того, как в 1171 г. была проведена инвентаризация «дворцовой рухляди» сунцев, захваченной цзиньцами.

Эта картина широкого восприятия двором Цзинь китайского антуража должна быть дополнена указанием на существование собственного отношения к куда более глубоким формам и явлениям

[6] Разделяя учение дальневосточной натурфилософии о пяти стихиях, чжурчжэни одно время считали своим покровителем стихию «воды», что потянуло за собой всю приписываемую этому элементу атрибуцию: черный цвет, север как сторону света, планету Меркурий, «Черного» императора (небесного) и т. д.

государственной и общественной жизни, поражавшим китайских наблюдателей, например к чиновникам-конфуцианцам независимо от их национальности. Вэнь Вэйцзян в «Лу тин ши ши» пишет: «Если у варваров (чжурчжэней и цзиньцев.— *М. В.*) кто-нибудь, от высших сановников и до низших чиновников, повинен в преступлении, он не может избежать порки, как могут это сделать чиновники нашей небесной династии». Экзекуция производится охраной и называется «императорским приговором». Если речь идет о провинившемся служащем на периферии, туда посылается особый императорский посланец, который назначает наказание («приговор ревизора»). Это наказание не позорит наказанных даже в собственных их глазах. «Откуда (варварам.— *М. В.*) знать, что в древности телесные наказания не распространялись на сановников?»[7] (цит. по [Franke, 1975, с. 179—180]). Даже не говоря о телесных наказаниях, цзиньцы относились к чиновничеству без подчеркнутого уважения, традиционного в Китае. Чжао Бинвэнь в «Фушуй вэнь цзи» передает содержание указа, им же подготовленного, в котором цзиньский император угрожает увольнением конфуцианским чиновникам за обычные в общем-то погрешности по службе [ФШВЦ, цз. 10; ср.: Hartwell, 1964, с. 152, № 980].

Однако нигде так ярко не проявилась сознательная культурная политика чжурчжэней, как в широко известных указах о перемене обычаев и о возрождении чжурчжэньской культуры. Поскольку эта тема конкретно рассмотрена в соответствующих разделах гл. 2, а с общих позиций — в гл. 3, то здесь мы рассмотрим ее по возможности кратко (подробнее см. [Mikami, 1973, с. 370—401]). Судя по «Саньчао бэймэн хуэйбянь» (цз. 36), цзиньские солдаты еще в 1126 г. насильно подстригали пленных китайцев, а поскольку стрижка волос спереди и с боков — чжурчжэньский обычай, то бессистемное, неофициальное и насильственное приобщение китайцев к чжурчжэньским обычаям началось еще до издания указа в 1129 г. По этому указу «те, кто перешел [под руку] нашей династии, и в обычаях должны быть одинаковы с нашей династией: стричь волосы, носить низкий головной убор и платье с левым запáхом» [ДЦДФЛ, цз. 3, с. 74]. В том же году чжурчжэни подтвердили этот указ: «Запретить населению китайское платье; тем, кто стрижет волосы не по положению,— смерть» [ДЦГЧ, цз. 5, с. 69]. В цзиньском представлении смысл перемены обычаев в перспективе заключался в культурном слиянии всего населения, а в то время — в установлении критерия для различения лояльных и непокорившихся китайцев, цзиньских и циских или южносунских подданных. Об этом свидетельствует продолжение приведенной выше цитаты: «Вероятно, окажутся нарушители; и те, кто еще привержен старому государству,— с ними поступать по закону; не допускать ошибок» [ДЦДФЛ, цз. 3, с. 74]. Китайцы считали, что именно их обычаи отличают их от варваров. Им же предлагали принять обычаи чжурчжэней, которые в их глазах являлись варварами (хуади древности). Указ вызвал

[7] Вэнь Вэйцзян приводит цитату из «Ли цзи» (цз. 1, с. 4).

ожесточенное сопротивление в разных слоях китайского населения. По сообщению сунского посла, включенному в «Саньчао бэймэн хуэйбянь» (цз. 123), многие китайцы, узнав об этом указе, решили бежать на юг. При Си-цзуне среди китайцев воскресла надежда вернуться к старым обычаям, одежде, поддержанная растущей тягой цзиньского двора ко всему китайскому. Но тяга к чжурчжэньской моде понемногу крепла и в китайской среде. Тенденцию сопротивления в китайской среде старательно поддерживали в Южной Сун, выставляя ее как выражение народной оппозиции иноземцам. После окончательного и юридического присоединения земель марионеточного государства Ци к Цзинь в 1137 г. возникло затруднение: каким образом начать вводить здесь указ о перемене обычаев, если его не вводили раньше? Поэтому в 1150 г. китайскому населению бывшего царства Ци официально было разрешено придерживаться своих обычаев (в одежде, головных уборах, прическе). Сложилось странное положение, когда китайское население одной части империи обязано было следовать моде завоевателей, тогда как в другой части были сохранены национальные прически и одежда. В 60-х годах XII в. население Китая нередко следовало чжурчжэньским обычаям. Чжоу Кунь и Лоу Яо, ездившие с посольствами в Цзинь в 70-х годах XII в., наблюдали китайцев, носящих чжурчжэньскую одежду и как будто косы. Когда в 1213 г. массы чжурчжэней и значительные группы китайцев, теснимые монголами, стали переселяться на юг, создалась вторичная несхожесть в прическах и одежде.

Указам о возрождении чжурчжэньских обычаев предшествовал ряд этапов культурной истории Цзинь [Воробьев, 1968 (VI)]. На первом этапе, завершившемся разгромом Ляо в 1125 г., чжурчжэни были заняты закреплением общеплеменных обычаев, созданием собственной письменности. На втором этапе, длившемся до конца 40-х годов, происходило интенсивное переселение чжурчжэней в Китай и внедрение их во все сферы местной жизни. На обоих этих этапах забота о сохранении собственных обычаев проявлялась в изолированных мероприятиях, и то эпизодически. На третьем этапе, в 50-х годах XII в., в связи с расширением империи за счет Китая был принят курс на максимальное освоение всего китайского. На четвертом этапе, начиная с 60-х годов, правительство развернуло активную кампанию за возрождение чжурчжэньских обычаев, которая и продолжалась до конца Цзинь. В ходе этой кампании правительство запретило чжурчжэням менять фамилии на китайские (1173 г.), активно пропагандировало старинные чжурчжэньские обычаи, воспретило чжурчжэням подражать китайцам в одежде (1183 г.), предприняло ряд мер против усиления пропаганды буддизма и даосизма (1174, 1178, 1186 гг.), поощряло традиционные обряды поклонения Небу и духам предков (1183 г.), открыло специальные училища и институт для чжурчжэней (1164, 1173 гг.), где преподавали на чжурчжэньском языке и по книгам, переведенным на чжурчжэньский язык. Эти мероприятия дали положительные результаты, но вынужденное отступление чжурчжэней на юг

после вторжения монголов в 1213—1215 гг., разрыв связей с прародиной сильно ухудшили для них общую политическую и культурную ситуацию. За год до падения империи, в 1233 г., вышел цзиньский указ, декларирующий отказ от чжурчжэньских обычаев в пользу китайских.

Для чжурчжэньских обычаев в цзиньскую пору характерна их дальнейшая трансформация, обусловленная изменившимися жизненными условиями и новыми культурными контактами. В результате в цзиньской среде образовалось сложное переплетение разнородных обычаев. Но так как, за исключением кос, одежды, головных уборов, другие чжурчжэньские обычаи не навязывались иноплеменникам силой, каждая национальная группировка в государстве сохраняла (и стремилась отстоять) свой уклад жизни. Стихийное смешение тем не менее оказалось неотвратимым. Оно сказалось в принятии чжурчжэнями многих китайских народных празднеств, в особенности из цикла 24 земледельческих сезонов, в приурочивании к ним некоторых чжурчжэньских обычаев (стрельб, игры в мяч), в создании этикета, насыщенного китайскими формами, поставленными на цзиньскую службу. Создание системы церемоний явилось качественно новым этапом в развитии чжурчжэньских обычаев. Это новое заключается в целенаправленном правительственном упорядочении некоторых стихийно существовавших чжурчжэньских обычаев и в заимствовании нужных сторон китайского этикета, которые сливались в единый цзиньский церемониал. Новой явилась и попытка правительственными мерами распространить на китайское население некоторые чжурчжэньские обычаи, а позднее — защитить последние от разлагающего действия китайских, вдохнуть новый дух в эти чжурчжэньские обычаи.

8. Религия и культы

Религиозная жизнь в новой империи оказалась не похожей на ту духовную атмосферу, в которой пребывали чжурчжэни до XII в. (см. гл. 1, разд. 8). Она несколько отличалась и от того, к чему привыкли подданные империи Ляо или Сун. Коренное китайское, бохайское, киданьское население сохранило свои привычные верования, а к концу чжурчжэньского владычества китайцы приняли активное участие в деятельности новых даосских сект. Пришельцы принесли с собой национальные верования, но сами не избежали влияния трех китайских учений: даосизма, буддизма и в особенности конфуцианства. Наконец, цзиньское правительство по-своему отнеслось к различным вероучениям, давно пустившим корни в Китае [Воробьев, 1966 (I); Ногами, 1953]. Хотя после создания собственного государства и выхода на широкую арену религиозная жизнь чжурчжэней стала несравненно более сложной, религиозные взгляды простых чжурчжэней, в особенности на исконной территории, мало изменились. К тому же они поддерживались властями. Шицзун, в частности, твердо придерживался религии своих предков. Он считал важным удержать членов царствующего дома и народ

от подражания китайским верованиям и суевериям. Он отмечал, что чжурчжэни искони славились справедливостью и преданностью, не ведая классических книг, приносили жертвы Небу и Земле, почитали предков, оказывали гостеприимство чужеземцам, были верны своим друзьям, соблюдали в точности законы вежливости и обычаи. Они делали это вполне непосредственно, а их достоинства не слишком отличались от описанных в китайских классических книгах. Поэтому Ши-цзун призывал своих современников познавать и соблюдать обычаи своего народа [Harlez, 1887 (II), с. 54—55]. Упрочению положения чжурчжэньских верований также способствовало известное повышение их престижности вследствие исключительной связи со средой победителей и включения некоторых из них в государственный культ.

Шаманизм оставался центральной религией чжурчжэней, хотя, как мы увидим, им было воспринято кое-что из верований, бытовавших в Китае. В общих чертах шаманские верования чжурчжэней эпохи Цзинь сводились к следующему. Наверху находится Небо — защитник людей и земли. От него зависят события, судьба и процветание мира. Небо — это обиталище многих духов, обладающих сверхъестественной властью над людьми, поэтому люди им поклоняются — всем вместе или по отдельности. Среди них выделяются духи — покровители полей, но всем духам приносят жертвы и моления. Души людей бессмертны; после смерти они охраняют своих потомков, поэтому люди почитают и молятся духам предков, стремясь через них снискать милость Неба. Первое место в религии чжурчжэней принадлежало поклонению и жертвоприношению Небу. «Жертвоприношения Цзинь коренятся в их обычаях, в которых есть церемония поклонения Небу» [ЦШ, цз. 28, с. 195]. Идея почитания Неба пронизывает всю религиозную историю Цзинь. В 1116 г. Тайцзу наблюдал падение с неба огненного шара и увидел в этом знак покровительства Неба. Вернувшись в столицу после победы, он упал ниц у подножия дерева, молился Небу и повторил эти церемонии 1-го и 15-го числа 5-го, 15-го числа 7-го и 9-го числа 9-го лунных месяцев, т. е. прежде всего в новолуние и полнолуние. Моление Небу подкреплялось жертвами и действиями, характер которых сильно варьировался в зависимости от серьезности ситуации или просьбы. Так, Учжу, один из сыновей Тай-цзу, в 1129 г. преследуя китайцев, не смог, к своему горю, форсировать р. Янцзы. Он «заколол белого коня, убил женщину, мечом поранил себе лоб и воззвал к Небу» [ДЦГЧ, цз. 27, с. 85—86]. Китайских наблюдателей, например Вэнь Вэйцзяня, удивляло не само поклонение Небу, проводившееся в те же дни, что и в Китае, а обрядность: «Когда жертвоприношение закончилось, всем от мала до велика и независимо от знатности, кто только мог скакать верхом и стрелять из лука, разрешалось стрелять в иву» (цит. по [Franke, 1975, с. 180].

Культ Неба (Горы), Тайги (Земли), Воды свойствен почти всем тунгусо-маньчжурским народностям: ульчам [Золотарев, 1939, с. 85], нанайцам [Лопатин, 1922, с. 230—233], орочам [Народы Сибири, 1956, с. 851]. Более сложный вопрос — это содержание понятия

Неба в религии чжурчжэней. По-видимому, они не конкретизировали его, а отождествляли Небо с природой, вселенной. Не без китайского влияния чжурчжэни стали выделять в аморфном Небе конкретное верховное существо — персонифицированного повелителя Неба (Шан-ди). Тай-цзун, например, желал сообразовать свои думы с желаниями Неба и главным для человека провозглашал подражание Небу в добродетели, выражал китайское осмысление Неба [Harlez, 1887 (II), с. 55]. В приведенном ниже эпизоде цзиньский император подкрепляет свое намерение приказом Шан-ди, якобы врученным ему лично. В 1158 г. Хай-лин-ван рассказал министру церемоний свой сон: «„Ночью мне приснилось, что я оказался в обители верховного божества (Шан-ди.— *М. В.*). Во дворце люди лепетали как дети. Немного погодя полководец в голубом одеянии вручил мне указ Неба и велел завоевать сунское государство. Я взял указ и вышел; сел на коня, увидел воинов-демонов без счета. Я вытащил стрелу и выстрелил в них. Все они оказали мне в ответ почтение. И когда я проснулся, голос еще звучал в ушах. И в тот момент посланец въехал в конюшню, я увидел, как он скакал на лошади, как пот стекал с него ручьем, как он пересчитал стрелы и [обнаружил, что] одна потеряна. Это странный сон. Разве не Небо действовало моими руками? Велело мне взять Цзяннань (земли к югу от р. Янцзы.— *М. В.*)". Все и вся поздравляли и предупреждали, чтобы не просачивалось это за рубеж» [ДЦГЧ, цз. 14, с. 148].

Совершение различных обрядов в пользу других духов — полей, лесов, вод — имело гораздо меньше значения, чем поклонение Небу. Из всех этих, по мнению чжурчжэней, относительно второстепенных духов выделялся дух Земли, или полей,— покровитель пахоты и хозяйства. И позднее в маньчжурских деревнях обязательно строился алтарь духам полей, гор, огня [Кавасэ, 1939, с. 305, 321]. Подробности поклонения этим духам в быту малоизвестны. Очень скоро эти обряды были использованы государственным культом, очевидно устаповившим и формальную их сторону. Лишь отдельные упоминания об индивидуальном почитании этих духов удается выискать в «Цзинь ши». В биографии некоего Мэн Чжи отмечен его доклад духам полей и злаков [ЦШ, цз. 65], в другой биографии речь идет о жертвоприношении духу реки [ЦШ, цз. 108]. До включения в государственный культ духи гор Чанбошань, р. Хуньтунцзян, рощи Хуголинь тоже относились к рядовым божествам этой группы. Существовали и мириады мелких безымянных духов, тем не менее и они не обделялись вниманием верующих. В таких случаях большинство верующих обращалось сразу ко всем духам, но некоторые и к отдельным. Так, Хай-лин-ван, увидя алтарь духа, провел около него день и «умолил духа выйти»: «„Если Небо допустит меня стать императором, дай мне счастливое предзнаменование". Получив такое предзнаменование, он добавил: „Если сбудется, как ты предсказал, я тебя отблагодарю, в противном случае разрушу твой алтарь"» Вступив на трон, он пожаловал в 1153 г. духу княжеский титул [Harlez, 1887 (II), с. 57]. Поскольку такие духи

были безымянны, обращение к ним осмысляется нами лишь через конкретные, религиозные действия. Сунский посол на пути из Яньцзина в чжурчжэньскую столицу в Шанцзине видел белую собаку, насаженную на высокий шест и обрызганную вином. Он писал, что чжурчжэни приносят в жертву собак при поклонении Небу и при врачевании [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949, с. 252]. Колоритным примером магии служит следующий эпизод, происшедший с военачальником Сее во время похода на юг в 1137 г.: «...видели как Сее и его домашние шли и плакали. Убили свинью, взяли платье Сее и надели [его] на нее. Также сделали стрелы для маленького лука, вонзили их в тело свиньи и погребли ее за лагерем. Домашние молились, возглашая: „Сее уже погиб в бою, и погребли его“» [ДЦГЧ, цз. 3, с. 109]. Таким путем стремились обмануть смерть и отвести гибель от самого Сее. Любопытно, что оба этих животных чаще других приносились в жертву нанайцами. Судя по «Нингута цзилюе», у маньчжуров, «когда в доме случится больной, то на главных воротах привешивают пук травы, что называется цзимынь (пугать ворота.— *М. В.*), хотя бы родственники и друзья пришли повидаться, то они останавливаются за воротами и, спросив о здоровье, удаляются» [Васильев, 1857, с. 101]. Таинственная и пагубная сила приписывалась многим старинным вещам, точнее — стоящим за ними духам, если имелись подозрения, что они как-то связаны с политическими пертурбациями и, следовательно, с гибелью людей. По указу 1158 г. «древняя утварь, доставшаяся от Ляо и Сун, за истечением многих лет стала часто приносить вред, приказано всю ее разбить» [ДЦГЧ, цз. 14, с. 149].

В чжурчжэньском шаманизме особое место отводилось духам предков, по важности уступавшим место лишь поклонению Небу. Еще мирные чжурчжэни верили, что дух умершего причиняет вред живым. Душа умершего от болезни или злой смертью навсегда прикована к телу, и только магические обряды могут оградить живых от ее злого влияния. Этот взгляд существовал весьма долго. Он вызывал такие странные на первый взгляд действия, как моления над могилами недавних врагов, например киданей: в 1144 г. послан посол вознести моления у императорских могильников Ляо [ЦШ, цз. 4]. Возможно, это событие находится в связи с двумя другими: в 1142 г. умер наследник престола, а в 1143 г.— мать императора Си-цзуна. Это могло рассматриваться как зловредное влияние духов киданьских императоров, умилостивить которых поручалось послу. Умилостивление духа усопших или обращение к ним за помощью считалось обычным делом. В критические моменты в жизни страны приносились особые жертвы, даже человеческие. Так, в 1228 г., прося у монголов мира, император Ай-цзун «отправил вельможу Ваньянь Мацзиньчу принести жертву монгольскому государю Тай-цзу», т. е. Чингисхану, только что умершему [ЦШ, цз. 17; цит. по: Розов, с. 411]; в 1233 г., потерпев поражение при переправе через Хуанхэ, «в жертву теням умерших он принес двух меньших братьев Улуньгу, покорившегося монголам» [ЦШ, цз. 18; цит. по: Розов, с. 441]. Бессмертие души безусловно признавалось. Принцесса

Улиньда Ши собрала приближенных и слуг и оставила им предсмертные приказания, добавив, что, если кто-нибудь из них не подчинится ее приказам, она увидит это и после своей смерти [ЦШ, цз. 5; Розов, с. 139]. Вероятно с культом предков связаны бронзовые антропоморфные фигурки, находимые археологами. Они невелики по размеру, выполнены в схематичной манере (причем верхняя часть тела всегда отчетливее, чем нижняя), обычно изображают мужчин. На фигурках обнаружены петельки, благодаря которым они могли подвешиваться к костюму шамана [Шавкунов, 1975]. Они похожи на вместилища бесплотных духов местных приморских верований — онгоны [Шавкунов, 1971 (I)].

Крепко удерживались старинные обычаи и в погребальном обряде, особенно в первый период существования Цзинь. Родичи умерших молились над жертвенной пищей, питьем и сжигали их. Весной 1135 г., когда воздвигли кумирню духу усопшего Тай-цзуна, «швыряли и били кубки, сжигали пищу» [ДЦГЧ, цз. 9, с. 103]. Обычай бить кубки и сжигать пищу продиктован желанием отделить светлое начало от темного, чистое от нечистого. Он сохранялся в Цзинь долго: в 1191 г. «Цзинь ши» особо отмечает случай, когда сын Ши-цзуна пренебрег им [ЦШ, цз. 83]. Все предметы, используемые в погребальной церемонии, равно как и пища, считались нечистыми. Нанайцы до недавнего времени так же поступали с вещами покойника [Лопатин, 1922, с. 289]. Вэнь Вэйцзянь в «Лу тин ши ши» тоже пишет, что по смерти благородного чжурчжэня родственники приносят в жертву животных, вино и пищу, сжигают пищу, ранят лоб и смешивают слезы с кровью. «Потом мужчины и женщины садятся вперемежку, пьют вино, танцуют и шутят. Но к какому ритуалу относятся их забавы и смех?» (цит. по [Franke, 1975, с. 184]). Знать немирных чжурчжэней издавна хоронили вместе с верховыми конями. Однако позднее, с установлением династии Цзинь, в период ожесточенных войн, лошадь стала слишком необходимой принадлежностью воинов, и обычай погребать лошадей рядом с покойником постепенно изжил себя. Когда в 1119 г. заболел Алихэмэнь, 8-й сын Угуная, члены его рода, согласно обычаю, приходили справляться о его здоровье. Перед смертью он высказал любопытную просьбу. Так как, по его словам, мир еще не наступил и латникам нужны кони, надо упразднить старый обычай зарывать хороших коней с покойником; он завещал своего коня Тай-цзуну, что и было исполнено [ЦШ, цз. 73]. Но, несмотря на это, обычай захоронения коня с умершим держался стойко. В том же, 1119 г. после смерти вельможи «государь Тай-цзу отправился к нему на белом коне, в ходе совершения жертвоприношения государь с плачем передал своего коня его духу» [ЦШ, цз. 2, с. 24]. Маньчжуры в своих погребальных обрядах сохранили отголоски этих обычаев. Вместо коней, скота, ценного имущества покойнику клали их бумажное воспроизведение, но оригинал в определенных случаях тоже прилагался [Кавасэ, 1939, с. 261, 273]. Существовал даже специальный термин: «кодёрхоло» — «принести коня в жертву умершему» [Franke, 1979 (I), с. 148].

Главными исполнителями обрядов, связанных с духами, по-прежнему считались шаманы и колдуны. Шаманы лечили больных, принося в жертву злым духам собак и свиней, предсказывали будущее и разъясняли знамения, как это было в случае с Хай-лин-ваном, помогали отыскивать украденное и наказывать виновного. Из источника мы узнаем, что, «по обычаям страны, если есть убитый, необходимо послать шамана и шаманку, чтобы молили духов о погибели убийцы» [ЦШ, цз. 65, с. 429]. Шаманы активно участвовали в общении с духом умершего, выведывая его волю. Многие из этих обязанностей брали на себя непрофессиональные семейные шаманы. Чжурчжэни считали шаманами всех людей, обладавших разумом выше ординарного. Про Ваньянь Сииня сказано: «Коварный и хитрый, но способный. Сам создал чжурчжэньские законы и письменность. И стал одним из людей в стране, которых называют по-чжурчжэньски шаньмань» [СЧБМХБ, цз. 3, л. 10б]. Это сказано про одного из самых просвещенных чжурчжэней. Шаманский танец оставался уделом профессиональных шаманов и шаманок. Сюй Канцзун так описывает это зрелище в 1124 г.: «В конце массового празднества несколько разряженных танцовщиц с зеркалами в обеих руках то подымали их, то опускали, подобно богиням молнии в кумирне духу предка; не могу объяснить это» [ДЦГЧ, цз. 3, с. 26]. Археологические находки подтверждают шаманский характер чжурчжэньских жрецов и колдунов. В долине р. Сицы на Сучане (Приморье) в 1956 г. были найдены остатки шаманского наряда: 4 сунские монеты начала XII в., 9 бронзовых зеркал и 23 конусообразные шаманские подвески от пояса [Окладников, 1959, с. 255]. Подобные зеркала и подвески были в употреблении у нанайских шаманов [Лопатин, 1922, с. 31—35].

В крупном центре Приморья, на Шайгинском городище, обнаружено не буддийское, а шаманское святилище [Шавкунов, Пермяков, 1967, с. 136—137]. На специально подготовленной площадке располагалось обиталище шамана. Во дворе его жилища находилась серая плита, по-видимому жертвенник. В почве у плиты найдены интересные предметы, относящиеся либо к шаманскому инвентарю, либо к жертвоприношениям (часть серебряного браслета, бронзовый перстень). Вместе с конусовидными металлическими подвесками с платья шамана лежали плоские бронзовые амулеты-обереги, по внешнему виду напоминающие гвозди. Это сильно стилизованные изображения божков-сэвонов. Руки и ноги едва намечены, в груди отверстием обозначено сердце. Эти божки похожи на сэвонов ульчей и нивхов недавнего прошлого. Здесь же оказались две медные плоские фигурки всадников. Они так сильно стилизованы, что производят впечатление фантастических существ: шеи у коней неестественно длинные, головы у всадников ромбовидные. Но вместе с тем изображения не лишены и реалистических деталей. Выразительно передано ощущение скачки: хвост коня развевается по ветру, а туловище всадника откинуто назад. Фигурки вызывают к жизни ряд аналогий: функционально они сближаются с вышивками подобного же содержания на халатах нанайских шаманов, сти-

листически напоминают изображение коней на тюркских писаницах. Среди амулетов из жилища шамана выделяется бронзовый рог, по-видимому, пятнистого оленя с петелькой для подвешивания. Предпочтение, оказанное рогу именно этого вида оленя, избранному для копирования, видимо, не случайно: целебная сила пантов не могла укрыться от внимания чжурчжэней. По мнению исследователя, чжурчжэни обнаружили это свое знание, воспроизведя на амулете снизу два отростка — признак «готовности» пантов. Поверхность амулета покрыта рядами плоских зерен [Пермяков, 1968]. В жилище шамана археологи нашли и бронзовое навершие от головного шаманского убора в виде родового дерева с сидящими на ветвях птицами. Изображение таких деревьев еще недавно можно было встретить у нанайцев, а птицы на этом дереве считались носителями жизни, потомства. При раскопках плавильных печей на Шайгинском городище археологи дважды натолкнулись на человеческие кости — вероятно, следы человеческого жертвоприношения духу-покровителю литья [Шавкунов, 1971 (I), с. 10]. Возможно, фигурки медведя, тигра, зайца, карася, лебедя, найденные на археологических памятниках, связаны с пережитками тотемизма: именно такую роль они играли в недавнем прошлом у малых народов Сибири [Васильев, 1976].

Обращение к шаманизму маньчжуров, лучше изученному, позволяет заключить, что представления о мире у чжурчжэней и у маньчжуров не только наполнены идеями шаманизма, но и аналогичны по духу. В XVIII в. божества маньчжуров были признаны духами и связь с ними полагалось осуществлять через шаманов и шаманок. Пространный отрывок о повседневной шаманской практике в XVIII в. у Нингуты может дать представление и о чжурчжэньских обрядах этого толка: «Перед каждым как большим, так и малым жилищем ставят шест, который почитают священным (или в котором почитают духа.— *В. В.*). Когда случается в доме радость или болезнь, то (у этого шеста.— *В. В.*) совершают обряд и молитву. Для этого избирают большую свинью, не торгуясь в цене за нее, и, заколов, кладут под шестом против искусного чтеца, называемого шаман, для чтения; хозяин дома... приглашает родных и друзей, располагаются на кане... перед каждым ставится по блюду; всякий сам отрезает ножичком кусочки и ест; нельзя ничего ни оставить, ни отдать другому. Если обряд совершался по случаю болезни, а она не исцелилась, то шест выбрасывают в поле как неблагополучный; впоследствии, когда случится празднество или болезнь, втыкают новый шест. Шаманские (тяошэнь.— *В. В.*) обряды отправляются весной и осенью; за полмесяца перед тем гонят из хлеба вино... Когда приготовлены свиньи, бараны, курицы и гуси, хозяйка дома назначается распорядительницей; поверх своего платья она надевает юбку, вокруг которой по пояснице висят длинные железные колокольчики числом до ста; в руки берет она бумажный бубен, издающий глухие звуки, и, потряхивая им, произносит маньчжурские слова, изгибаясь поясницей, отчего колокольчики бренчат в аккомпанемент к звукам бубна. Сверх того сбо-

ку стоит еще большой кожаный барабан о нескольких сторонах; по временам она бьет под лад и в него; непременно обращается лицом к западу, где на западном кане, на каждом столике разложено съестное; над огнем протянута поперек веревка, на которой повешены пятицветные шелковые лоскутки, означающие, что предки как бы находятся тут, вверху. Эта пляска (тяо) производится три раза в день (с утра до вечера.— *В. В.*). На этот обряд непременно приглашаются все знакомые, как маньчжуры, так и китайцы, не исключая и женщин; он продолжается три дня; оставшееся от жертвоприношения рассылается в подарки» [Васильев, 1857, с. 99—110].

Типичные шаманские религиозные воззрения чжурчжэней, подробно уже описанные нами (гл. 1, разд. 8), неизбежно претерпели существенные изменения в новых условиях. Эти изменения заметны уже в приведенных выше примерах, а более отчетливо они видны на китайской почве в ситуациях, о которых речь пойдет в конце главы. В XII—XIII вв. шаманизм уже не господствовал безраздельно у чжурчжэней. Конфуцианство, буддизм, даосизм, знакомые чжурчжэням в XI в. немногим более чем понаслышке, теперь создавали мощную атмосферу, провоцируя нарастание изменений в чжурчжэньской религиозной жизни. Рядовых чжурчжэней эти изменения и нововведения коснулись слабее. Это необходимо помнить, так как источники в это время стали освещать почти исключительно государственные обряды.

Конфуцианство вполне закономерно привлекло внимание государственных деятелей чжурчжэней. Восходя в конечном счете к тому же источнику, что и народные чжурчжэньские верования,— к первобытной религии, но уже китайской, конфуцианство выглядело естественным развитием и завершением религиозных исканий самих чжурчжэней. Когда во время чжурчжэне-китайской войны какой-то китайский отряд пытался осквернить могилу Конфуция, чжурчжэньский военачальник Ваньянь Няньхань, выяснив у своего советника-бохайца, кто такой Конфуций, заявил: «Могилу великого мудреца разве можно вскрывать?»— и этих китайцев казнил [СМЦВ, цз. 2, с. 15]. Правящий дом Цзинь интересовался религиозно-нравственными нормами конфуцианства, стремился ознакомить с ними своих одноплеменников. В 1141 г. император Си-цзун «сам ездил для жертвоприношения в храм Конфуция, обращаясь к северу, сделал двукратное поклонение... По возвращении император говорил вельможам: „В годы юности я был беспечен и не знал учения; теперь весьма сожалею о том, что годы и месяцы проведены впустую. Конфуций хотя и не имел знаменитых достоинств, но его законы достойны уважения, и в продолжение нескольких тысяч веков [люди] с удивлением взирали на них. Итак, всякий, кто желает быть совершенен, должен в них совершенствоваться". После этого император денно и нощно занимался чтением „Шу цзина", „Лунь юя", историй пяти династий, Ляо и других» [ЦШ, цз. 4; цит. по: Розов, с. 122]. В 1140 г. Си-цзун провозгласил Куан Суньфаня потомком Конфуция в 49-м поколении и членом своего дома,

присвоил ему титул принца Яньшэн-гуна, что в 1155 г. было признано Южной Сун. В 1186 г. последовал указ: «Конфуцианские кумирни пришли в упадок. Этикет, правила поколеблены, шаманки разного рода занимаются волхованием вопреки этикету. Отныне установить моления в конфуцианских кумирнях» [ДЦГЧ, цз. 18, с. 181]. Во всех городах были храмы, кумирни Конфуция. Однако в Цзинь господствовало традиционное конфуцианство — учение Мэнцзы, а неоконфуцианство с его нетерпимостью по отношению к буддизму и даосизму, а главное, с его националистическими, китаецентристскими идеями было не в чести. Ши-цзун даже выступил как защитник традиционного конфуцианства, «очистив» в 1174 г. ритуал в конфуцианских кумирнях от танского и сунского наслоений [Tao Jing-shen, 1976, с. 78].

Чжурчжэни познакомились с буддизмом довольно рано — по всей вероятности, еще до провозглашения Цзинь. В 20-х годах XII в. в Шанцзине существовало не менее двух храмов. В 1123 г. монах храма Цинъюаньсы преподнес Тай-цзуну кость Будды. Однако император приказал ему взять реликвию обратно. Киданьский проповедник Юй в 1123 г. прибыл на поклонение в храм Синъюаньсы в Шанцзине, и его проповеди придали киданьскую окраску раннему чжурчжэньскому буддизму [Torii, 1948 (II), с. 119]. Так как буддизм уже процветал на землях, управляемых Ляо, то, очевидно, эта́ религия продолжала существовать там и после перемены власти. Ранние чжурчжэньские императоры относились к буддизму благожелательно. При Тай-цзуне ради пропаганды буддизма среди китайцев в провинциях Хэбэй и Шаньси восстанавливались старые и строились новые храмы, например храм Футусы приверженцев секты «Цзинту» с ее культом Амитабхи. Обживание района Яньцзина, даже до переноса сюда Средней столицы, ввергло чжурчжэней в активную буддийскую среду. Хун Хао, живший у чжурчжэней в плену в 30-х годах, свидетельствует об усердном поклонении здесь Будде, о соблюдении буддийских обрядов цзиньскими императорами и императрицами, сановниками и чиновниками, о почетном положении буддийского духовенства: во время службы оно размещалось на особом возвышении, выше сановников: он сообщает, что буддийских храмов в Яньцзине было 36 [Ногами, 1953, с. 276—278]. В этом проявилось уже китайское течение в буддизме, воплотившееся в учение секты «Чань». При Си-цзуне посвящено было в сан множество монахов, и к концу его правления в Цзинь их было до 30 тыс. При Хай-лин-ване положение изменилось. Он не любил буддизм и видел в монахах сторонников Си-цзуна. Сам он в 1157 г. запретил впредь праздновать рождение Будды в 8-й день 2-го месяца, запрещение это было снято лишь в 1199 г. [ЦШ, цз. 11]. Ши-цзун при вступлении на престол отменил запреты на некоторые религиозные процессии, воздвиг в Средней столице (Яньцзине) храм Дацишоусы, а в Ляояне — храм Цинъаньчасы секты «Чань». Впрочем, в 1166 г. в беседе с министрами он заявил: «Учению буддистов не следует верить. Государь У-ди (502—549) династии Лян сделался послушником в монастыре Тунтайсы. Государь Дао-

цзун (1055—1100) династии Ляо дарил храмам и монахам крестьянские дворы и наконец назначил [монахов] высшими сановниками. Глубоко было их [государей] заблуждение» [ЦШ, цз. 6, с. 54]. Он запретил постройку храмов и льготы духовенству. В 1174 г. император говорил министрам: «Я слышу, что глупый народ, желая обрести счастье, во множестве воздвигает храмы Будде и, не слушая запрещений, все чаще преступает их; надлежит подтвердить запрещение и не позволять ему расточать имущество» [ЦШ, цз. 7; цит. по: Розов, с. 208]. В 1186 г. Ши-цзун отметил бесполезность буддизма и даосизма: «Люди, почитая даосов и ставя выше всего религию буддистов, полагают свое блаженство в безмолвии и в чтении священных книг, но, если я не допускаю народ до бедствий и доставляю государству спокойствие, не есть ли это выше их блаженства?» [ЦШ, цз. 8, с. 69]. Он подчеркивает, что только император, как глава государственного культа, является посредником между Небом и народом. Небо, по его словам, поставило государя для управления людьми, и, если он пребывает в бездеятельности, он может потерять державу. Но если государь любит народ, только Небо, а не Будда поможет ему сделать народ счастливым [Harlez, 1887 (II), с. 53; 1887 (I), с. 145]. Чжан-цзун тоже исповедовал буддизм, но, как государь, жестко регламентировал деятельность конфуцианских, буддийских, даосских организаций. Начиная с 1197 г. из-за финансовых затруднений правительство перешло к продаже разрешений на пострижение, патентов на сан и т. п.

Положение буддизма при Цзинь не исчерпывалось административной деятельностью правительства. В нем происходили также внутренние изменения, связанные с обновлением самого учения. Во второй половине правления Цзинь активизировались проповедники учения секты «Чань», которые построили в Яньцзине четыре храма. Адепты секты «Чань» («Дхиана») верили в прямое озарение верующего светом истины и в спасение в результате созерцания и отшельнической жизни, самоусовершенствования и без строгого соблюдения ритуала и чтения сутр. Даже внутри этой секты зародился реформаторский дух, поддерживаемый Син Сю (1166—1246). Последний обосновался в Цычжоу, в Хэбэе, и стремился смягчить особенно суровые требования секты «Чань», перекинуть мост к учению школы «Хуаянь», использовать некоторые аспекты конфуцианства. Син Сю привлек к себе внимание Чжан-цзуна и стал проповедовать в императорском дворце. Другим крупнейшим буддийским деятелем эпохи был Ли Пиншань (1185—1231). Он яростно отбивал нападки неоконфуцианцев на буддизм и боролся за синтез трех учений на базе положений секты «Хуаянь» [Ногами, 1953, с. 209—223]. Впрочем, эти события не помешали развернуться грандиозному делу — печатанию «Да цзан цзин» («Великого канона»), организованному священником Цюй Фачжэном для распространения среди верующих Южной Шаньси. С 1149 по 1195 г. вырезывались клише и печатались главы этого канона. Только за 25 лет частное издательство вырезало печатные доски 7182 глав (цзюаней). В «Да цзан цзин», или Трипитаку, вошли три северо-

сунских издания: «Дачжун сянфу фабао лу» («Канон годов Дачжун сянфу» [1008—1016]), «Цзяю синсю фабао лу» («Канон, вновь отредактированный в год Цзяю» [1056]), «Тяньшэн шуцзяо цзунлу» («Буддийский свод годов Тяньшэн» [1023—1031]). Эти каноны важны для характеристики духовных исканий китайского буддизма. Они созданы в начале Сун как переводы Трипитаки из индийского Туркестана (учения «Махаяны»). Тайное учение занимает в них все возрастающее место. Так как переводов не хватало, составлялись компиляции, причем оригиналами служили также сутры учения «Хинаяны» [Tsukamoto, 1936]. При всем том источники тех времен отмечают известное непонимание религиозно-нравственных основ учения. В «Цзинь чжи» отмечается: «В буддийские монахи и монахини по большей части поступают из знатных фамилий; большинство из них занимаются созерцанием (учением «Чань».— *М. В.*), постановления же нравственные (Виная.— *В. В.*, т. е. люй, устав.— *М. В.*) мало соблюдаются... По одеянию, бритью волос и наружности они представляют сходство с монахами Южной (Сунской.— *М. В.*) династии... Церемонии касательно вступления в храм, истолкования священного писания такие же, как и у Южной династии...» [Васильев, 1859, с. 205—206]. В цзиньской политической доктрине не оставалось места ни буддизму, ни даосизму. Она покоилась на чжурчжэньском центризме и конфуцианской идее «гуманности и справедливости» (жэнь и). Поэтому чжурчжэньские императоры, лично обнаруживая интерес и склонность к буддизму, который им импонировал миром, уютом, спокойствием, в то же время как государственные деятели должны были заботиться о порядке в монастырских общинах, пресекать попытки буддийской церкви вмешиваться в государственные дела, препятствовать отвлечению населения от активной трудовой жизни [Ногами, 1953, с. 205—206]. Если развалины Николаевского городища в Приморье действительно связаны с буддийским монастырем, значит, буддизм сумел пустить корни даже в вотчине чжурчжэней, и правительство имело основания беспокоиться. Вместе с тем буддизм в цзиньских владениях отличался от сунского. Это ощущалось уже в районе Яньцзина, и, чем дальше к северу, тем отличие это было больше [Ногами, 1953, с. 285; Шавкунов, 1973 (I), с. 119].

Не меньшим влиянием пользовался даосизм. «В Цзиньском царстве учение даосов уважается наравне с буддизмом. С тех пор как цзиньцы овладели китайскими землями, оно имеется как на севере, так и на юге от Яньцзина... При Си-цзуне учреждено шесть даосских степеней... Знатные и богатые люди, налагая на себя пост, жертвовали иногда за раз по 1000 связок монет, от этого даосское учение распространилось» [ЦЧ, с. 12; цит. по: Васильев, 1859, с. 207]. Ортодоксальный даосизм проник еще из Ляо. Судя по источникам, правительственная политика по отношению к даосизму была лишь немногим менее жесткой, чем к буддизму. С одной стороны, даосы не казались правительству столь опасными из-за значительно меньших политических претензий и отсутствия налаженной организации, с другой — низовые ячейки объединяли активно недовольных, а цзинь-

ским императорам и аристократии даосизм как учение мало импонировал. И все же Ши-цзун мечтал восстановить даосский канон храма Тяньчансы, сгоревший в Яньцзине. Канон напечатали в 1192 г. под названием «Да Цзинь сюань бу баоцзан» («Драгоценное собрание из жилища Лао-цзы при Великой Цзинь»). Состоял он из 6455 цзюаней [Yao Tao-chung, 1977]. Многочисленные даосские организации и храмы росли как грибы. В сочинениях той эпохи часто попадаются упоминания о строительстве или восстановлении даосских храмов [ЧСЧ, цз. 5; ХНИЛЦ, цз. 44; ср.: Hartwell, 1964, № 979, 987, 988]. Даосы иногда выступали как политические проповедники. В 1163 г. монах Фа Цзэн поднял в Ляояне восстание. В 1171 г. монах Чжи Цзю собрал группу воинствующих учеников в Шаньдуне. Однако политические антицзиньские выступления даосских монахов происходили не часто. Зато активизация религиозных исканий в среде приверженцев даосизма несомненно связана с напряженным положением в стране. В середине XII в. чисто военные и политические акции недовольных представлялись безуспешными; тем энергичнее полыхали религиозные споры, которые привели к появлению трех новых сект: «Цюаньчжэньцяо» («Всеобщего истинного учения»), «Чжэньдадаоцяо» («Учения великого истинного пути»), «Тайицяо» («Учения о великом пределе»). Все секты объединяло нечто общее [Kubo, 1951, с. 28]: 1) доктрины сект покоились на смеси конфуцианства, буддизма и даосизма, и это смешение являлось обычным для того времени; 2); секты изгнали из своего обихода все разновидности сверхъестественной и иррациональной магии, талисманов, поисков вечной юности и бессмертия; 3) учение и проповедь были простые и ясные; 4) секты исповедовали позитивную, действенную доктрину. Духовенство — в большинстве своем выходцы из крестьянства и мелкого чиновничества — не выделялось над верующими. Многие верующие принадлежали к «третьему сословию», поднявшемуся еще в середине династии Тан, к крестьянам. Секты включали в свои ряды политических изгнанников и осужденных. Политическая неустойчивость, духовная деградация и моральное падение ортодоксального даосского духовенства были той почвой, которая способствовала росту сектантства. Эти явления обострились с началом монгольских вторжений. Сами даосские сочинения отмечают: «В это неспокойное время... многие прибегали к учению дао, ища облегчения» (цит. по [Yao Tao-chung, 1977, с. 70]).

Из трех упомянутых сект наибольшую популярность приобрела секта «Цюаньчжэньцяо», представлявшая северное направление в даосизме. Создатель секты Ван Чжэ (1113—1170), уроженец Цзинь, выступил в 1167 г. в Шаньдуне с проповедью нового учения [Ногами, 1953]. Первоначально учение этой секты выглядело скорее отвлеченным, чем оппозиционным. Одним из главных положений секты было «усмирение сердца», что в условиях чжурчжэньского владычества могло означать и призыв к примиренчеству, и призыв к терпеливому и осторожному противостоянию. Учение секты использовали и привилегированное население, и простолюдины — каждый по-своему. Спустя немного лет после возникновения секта привлекла

внимание правительства. В 1190 г. Чжан-цзун запретил секту, точнее — низовые ее организации, состоявшие из простолюдинов. По свидетельству Юань Хаовэня, такие низовые ячейки были рассеяны от «р. Вэй на юге до [пустыни] Шамо на севере, от Цин на западе до моря на востоке — в горах, лесах, городах» (цит. по [Хоу Вайлу, 1957, с. 803]), т. е., иными словами, по всей стране. Секта «Цюаньчжэньцяо» с наибольшей полнотой выразила идею гармонического сочетания даосизма, буддизма и конфуцианства, и эта эклектичность немало содействовала ее успеху. Сохранив религиозные искания даосов и учение о «пути» (хотя и без отмеченных крайностей), она восприняла дисциплинарные правила буддизма и завязала наиболее тесные отношения с буддийской сектой «Чань». Это ясно видно в «Люцзяошиулун» («15 пунктах возникающего учения»), разработанных Ван Чжунъяном. В этих «15 пунктах» проповедуются положения о монашестве, о пилигримах, требования «не быть в плену слова», идеи медитации, неподвижности трех миров: прошедшего, настоящего и будущего, свойственные учению секты «Чань». Более того, метод обучения, тренировки, понятие эгоизма и альтруизма тоже позаимствованы в секте «Чань». У конфуцианства секта восприняла учение о сыновней почтительности и о преданности государю. Проповедники этого учения обосновывали его близость к другим учениям единым истоком, из которого произошли три вышеупомянутые религии, игнорируя существенное различие между ними [Kubo, 1963; 1966; Чэнь Юань, 1958]. Создание синкретичного учения из элементов трех традиционных доктрин Китая оказалось довольно решительным шагом в области идеологии и философии, превзошедшем все, на что оказались способны деятели Северной Сун, и стало возможным в условиях менее жесткой регламентации. Учение сект оказывало влияние не только на общественную, но и на научную жизнь — на математику, медицину [Ябуути, 1974, с. 66—67].

В целом цзиньское правительство усвоило доктрину неделимой светской власти и стремилось лишить любые религиозные организации политического значения. Поскольку конфуцианцы поддерживали принцип светской власти, а даосы не имели сильной организации, острие правительственной политики направлялось против буддистов, такой организацией обладавших. Политика контроля над религиозными организациями осуществлялась по нескольким направлениям: 1) запрещалось частное принятие сана, так как появилось много лжедуховенства, которое приписывалось к религиозным организациям, чтобы избежать уплаты налогов или судебного преследования; 2) с целью ограничения количества неофитов и контроля за их составом вводились экзамены при посвящении. На экзаменах кандидатов в буддийское и даосское духовенство опрашивали по каноническим книгам. Для буддистов это были сутры лотоса (кит. «Фа хуа цзин»), золотого сияния (кит. «Цзинь гуань мин цзин»), благодарения за благодеяния (кит. «Бао энь цзин») и др. Для даосов это были канон о дао и дэ (кит. «Дао дэ цзин»), трактат о горе Нефритового дворца — обитализа Небесного императора (кит. «Юй цзян шань цзин»), сочинение о чудодейственной драгоценности, спасающей людей (кит. «Лин бао

ду жэнь цзин») и пр. [Ногами, 1953, с. 202]. Эти испытания производились раз в три года, и разрешение на сан выдавалось 80 человекам; 3) запрещалось строить новые буддийские и даосские храмы. Это подтверждалось неоднократно — в 1174, 1178 и других годах — и имело целью воспрепятствовать обогащению монастырей и храмов; 4) отвергалось положение о социальной и моральной исключительности даосских и буддийских монахов, ставящее их над обществом; 5) использовались религиозные организации для пополнения государственной казны. Это выражалось в торговле штатными расписаниями храмов, разрешениями на принятие сана, рангами и званиями, религиозными одеяниями [Такао, 1929]. Таким образом, политика Цзинь в отношении буддизма и даосизма имела чисто политический характер. Как религиозные учения они не подвергались гонениям до тех пор, пока не начинали угрожать государственному или общественному порядку и не вмешивались в политику. Буддизм даже импонировал цзиньским императорам.

Государственные культы при Цзинь были созданы из элементов старой чжурчжэньской религии и государственного культа династий Тан и Сун. Конфуцианцы предлагали пример разработанных императорских, т. е. высших государственных, культов, верховными исполнителями которых были император и назначенные им чиновники из министерства церемоний, но не духовенство. Создание аналогичных культов (и прежде всего культов Неба, Земли, императорских предков) с необходимыми поправками сразу делало чжурчжэньских императоров духовными вождями всего населения империи, ставило их в ряд с прославленными властителями древнего Китая, облекало их могуществом в глазах новых подданных. В отличие от вышеописанных религиозных течений процесс создания государственных культов с самого начала направлялся целым рядом официальных органов во главе с министерством церемоний. И тем не менее он растянулся на долгие десятилетия. Если первые шаги в этом направлении были сделаны в 1115 г., когда чжурчжэньский культ Неба стал государственным и регулярным — в 5-й день 5-й луны, в 15-й день 7-й луны, в 9-й день 9-й луны [ЦШ, цз. 2], последующие — не позднее 1123 г. (моления Небу и моления в храме предков рода), то последние относятся к 1195 г. (жертвы божествам ветра, дождя, грома). В 1194 г. чиновник министерства церемоний докладывал: «В нашей стране кроме храма предков (цзумяо), жертвоприношений (тися) раз в три и в пять лет, пяти сезонных жертвоприношений только [духам] полей и злаков, гор и застав, морей и рек установлены постоянные моления, но [духи] Неба, Земли, Солнца, Луны, ветра, дождя и грома своих обрядов (ли) еще не имеют; следует повелеть, чтобы заинтересованные ведомства по согласованию установили их. [На это] Государственный совет ответил: «Либо духи Неба и Земли, Солнца и Луны получают [императорские] жертвы, либо этот вопрос подлежит урегулированию в соответствующих инстанциях. Либо духи ветра, дождя, грома получают средние (вторые по важности.— *М. В.*) жертвы, либо дело подлежит рассмотрению в инстанциях» [ЦШ, цз. 34, с. 228]. Разумеется, министерство не могло не знать о действительной ситуа-

ции, поэтому суть доклада — в желании придать уже существующим культам обрядность, ритуал. Моления духам Неба и Земли, Солнца и Луны стали важнейшими элементами государственного культа еще до 1129 г. Все перечисленные важнейшие государственные культы Цзинь полностью сложились к середине 80-х годов XII в. и в дальнейшем мало менялись.

Культ Неба был столь развит у чжурчжэней, что в государственный ритуал включены два параллельных моления Небу: одно — (с 1126 г.) по китайскому образцу, проводимое на алтарях Неба и Земли по очень сложному церемониалу, другое — чжурчжэньское, полное своеобразия, в котором моление, сопряженное с играми, явно оттесняло на второй план церемониал и жертвоприношения. Культ Неба по китайскому образцу утвердился в Цзинь к середине XII в., когда уже существовало два храма — Небу и Земле: первый — в южном предместье столицы, в нем моления и жертвы приносились в день зимнего солнцестояния, второй — в северо-восточном предместье, где те же обряды совершались в день летнего солнцестояния. Во второй половине XII в. храм Неба представлял собой круглое трехъярусное сооружение, а храм Земли — квадратную платформу. Процедура отправления культа Неба и Земли — одна из главнейших и регулярно повторяющихся — осуществлялась лично императором Цзинь. За семь дней до самой церемонии начинался период поста и морального очищения. За два дня до срока наставник императора в храме предков официально объявлял о церемониале. Предварительные моления уже несколько отличались в зависимости от того, на какие из четырех сезонов они приходились. Вырезывали из дерева сосуд в форме лодки, который расписывали облаками и журавлями по красному фону. Строили невысокий помост, и император лично дважды отвешивал поклоны по направлению к северу, востоку, западу и, наконец, к югу. Затем на специальный помост ставили лодку — сосуды с жертвенными вином и пищей, посвященные императору, божеству Земли и прочим духам. После новых поклонов император пил вино «на счастье». По указанию церемониймейстера моления повторялись всеми членами императорского дома. Процедура начиналась до восхода солнца, переходила в обряд подношения яшмы и шелка отмеченной троице — все это происходило под музыку и ритуальные танцы. После подношения яшмы император отделял троице жертвенную пищу — бобы. Празднество завершалось стрельбой в иву и игрой в мяч [ДЦЦЛ, цз. 10]. В культ Земли входил и ритуал проведения первой борозды императором. Помимо китайского культа Неба известен чжурчжэньский обряд поклонения Небу: «Цзинь основывалась на древних обычаях Ляо: в 5-й день 5-й луны, в 7-й день 7-й луны, в 9-й день 9-й луны совершали обряд поклонения Небу» [ЦШ, цз. 35, с. 233]. В первом случае (начало лета) церемония происходила на площадке для игры в мяч, во втором (середина лета) — во внутреннем дворце, в третьем (поздняя осень) — за городом. Она сопровождалась игрой в мяч, стрельбами, народными гуляньями. Обряд встречи утреннего солнца и ночной луны по церемониалу приравнивался к молебну в честь Неба. Встреча восходящего солнца в начале Цзинь осуществлялась

по старым чжурчжэньским обычаям, и лишь в 1126 г. ее перенесли в Цяньюаньдянь.

Как уже говорилось, почитание духов предков существовало у чжурчжэней еще на заре их истории, но настоящих храмов предков царской фамилии, молений и жертвоприношений в них, аналогичных китайским, у них не было довольно долго. Китайские сановники на цзиньской службе, пропитанные конфуцианскими идеями, постоянно твердили: «Почитание родителей заключается для сына Неба в почитании предков, почитание предков заключается в строительстве храмов предка-родоначальника. Если семь поколений предков еще не получили должного, моления по четырем сезонам не возносятся, то о Поднебесной можно и не думать» [ДЦГЧ, цз. 33, с. 140]. Когда в 1123 г. умер Тай-цзу, его похоронили в Шанцзине, построили храм Ниншэндянь, где в определенные сроки стали совершать жертвоприношения. С того времени по всем столицам велено было строить кумирни, но лишь кумирня главной столицы имела название храма предка рода, родоначальника династии (таймяо). В 1143 г. основали храм предков династии, или рода, в 1146 г. построили такой же храм в Шанцзине. После переезда Хай-лин-вана в Яньцзин там в 1155 г. начались службы в храме родоначальника династии. Этот храм получил название Яньцингун. В 1156—1160 гг. в столице заново отстроили храм предков императорской фамилии (цзунмяо). После этого семи вождям-«царям» догосударственной поры также назначили моления и жертвы. В 1172 г. почитания духов предков расширили за счет создания отдельных кумирен в честь духов ближайших родственников царя. Как самостоятельный ритуал в 1169 г. принята танская система молений духам предков, совершаемых раз в пять лет летом в 4-й луне лично императором далекому предку-родоначальнику, от которого ведет свое происхождение основатель династии, и включающих моления по четырем сезонам (ти) и раз в три года зимой в 10-й луне всем без исключения духам предков — ближним и дальним (ся). До этого молитвы духу предков проводили одновременно с молением Небу, и Хай-лин-ван неохотно дал согласие на введение нового ритуала, боясь упреков в подражании Южной Сун. Культ императорских предков осуществлял лично император. В жертву приносились либо домашние, либо дикие животные. Попытка заменить последних овцами, после охотничьих ограничений 1153 г., не увенчалась успехом. Во время таких молений император уведомлял духов предков о происшедших событиях, просил позаботиться о помощи их живым потомкам. В 1150 г. введена церемония поднесения духам предков продуктов природы и плодов земли в каждый лунный месяц. Подношения примерно в равной пропорции включали готовые кушанья и сырые продукты: мясо различных животных, птицу, рыбу, фрукты и овощи, злаки. Интересно, что в перечне есть мясо диких зверей, например косули, кабана, знаменитой коровы-рыбы из Амура [ЦШ, цз. 31].

Преследуя политические цели — утверждение идеи преемственности власти династии Цзинь от старых китайских династий,— министерство церемоний в 1204 г. составило доклад следующего содержания: «Обряд жертвоприношения трем хуанам, пяти ди, четырем

ванам[8] уже постановлено совершать раз в три года. Надлежит почтить жертвоприношениями и других 17 государей...» [ЦШ, цз. 12, с. 91]. Приводится список императоров династий: Ся — 1, Инь — 3, Чжоу — 3, Хань — 8, Тан — 2, который и был принят. Несмотря на тенденцию расширить культ императорского предка, т. е. родоначальника фамилии и основателя династии, за счет других царей и императоров династии или путем включения в круг почитаемых наиболее уважаемых государей китайской древности, в центре внимания культа все же оставалась одна обожествляемая персона. Смысл такого выделения заключался в воспроизведении на земле единого исторического источника власти — правящего императора, который соотносился с таким же единым источником власти во вселенной — с Небом. Именно поэтому культы Неба и императорского предка выглядели неотделимыми.

Следующую ступень занимали сезонные жертвоприношения: они приносились в одном из месяцев каждого сезона, т. е. в 1, 4, 7 и 11-м лунных месяцах, а также в 12-м месяце, всего пять раз в год. Впервые государственный алтарь в честь божеств полей и злаков воздвигнут в 1153 г. в Шанцзине. В 1167 г. в Средней столице устроен алтарь божеству полей, который стал образцом для всех подобных сооружений империи. Моления у этих алтарей назначались на второй весенний и второй осенний месяцы, обставлялись они очень торжественно, сопровождались пением, возлиянием вина, принесением в жертву животных, непременно черных. В «Цзинь ши» перечисляются жертвенные продукты каждого из 24 сельскохозяйственных сезонов. В порядке убывающей постепенности перечисление включает овощи и фрукты, мясо и птицу (и кушанья из них), рыбу, просо (несколько видов), горох, соль [ЦШ, цз. 34].

Моления и жертвоприношения духам пяти священных гор, четырех застав, морей и рек Китая, а в представлениях того времени — Поднебесной, восприняты чжурчжэнями в 1164 г. Пять гор — это Тайшань на востоке (пров. Шаньдун), где приносили жертвы все основатели новых династий, Хуашань на западе (пров. Шаньси), Хэншань[9] на севере (пров. Хэбэй), Суншань в центре (пров. Хэнань), Хэншань[9] на юге (пров. Хунань). Четыре реки — это Хуанхэ, Янцзы, Хуайхэ, Цзи (последняя в Шаньдуне). Моления на этих горах и реках входили в государственный культ Северной Сун, но с середины XII в. четыре из пяти гор и три из четырех рек оказались во владениях Цзинь, поэтому политический смысл цзиньской обрядности не вызывает сомнения. Моления духам каждой из пяти гор (и особо важной Тайшань), объединенных пространственной ориентировкой (восток, юг, запад, север), происходили в начале каждого из четырех сезонов по лунному календарю, начиная с весны. Ритуал и (что важно) набор жертвенных продуктов природы очень приближались к тому,

---

[8] Мифические цари и владыки китайской древности; существует много вариантов их перечня.

[9] Горы Хэншань имеют одинаковое звучание, но разные иероглифы и находятся в разных местах.

о чем мы говорили в разделе о духах полей и злаков. Хотя под каждым абстрактным понятием горы, заставы, моря, реки в Китае принято было подразумевать вполне конкретные горы, заставы, моря и реки, такое отождествление оказалось не непреложным. Чжурчжэни в 1189—1195 гг. смело заменили традиционные горы новыми, получившими известность в их правление. В 1172 г. учреждено поклонение горе Чанбошань (священным горам мохэ, чжурчжэней, маньчжуров) — месту, где окрепло цзиньское государство, а вся процедура празднования весной и осенью получила четкий регламент. Вслед за Чанбошанем и другие горы и реки, занимающие видное место в истории чжурчжэней, удостоились той же обрядности: в 1181 г.— гора Табошань, где некогда китайцы нанесли киданям крупное поражение, в 1185 г.— р. Хуньтунцзян (р. Сунгари, главная река во владениях немирных чжурчжэней) и роща Хуголинь (кладбище вождей и первых императоров чжурчжэней).

Другие постоянные моления и жертвоприношения не считались первоочередными. Принятие духов ветра, дождя, грома в состав государственного культа относится к довольно позднему времени — 1194 г. Жертвы им должны были приносить в округах и уездах: духу ветра во 2-й день 2-й луны жертвенными тканями и пищей, духу дождя — в 5-й день 5-й луны — овцой и свиньей, духу грома — одной лишь овцой в тот же день [ЦШ, цз. 34].

Существовали жертвоприношения и моления нерегулярные и эпизодичные. Ими руководил заведующий шестью родами молений: о плодородии, о вечном мире, о счастье и благополучии, об отвращении стихийных бедствий, о своевременных дождях, об избежании грехов и болезней. В 1164 г. официально введены моления божествам и духам соответствующих стихий для избежания наступающего стихийного бедствия: землетрясения, налета саранчи, засухи, наводнения, чрезмерного ливня и снегопада и пр. Наиболее частыми и важными считались моления о ниспослании дождя. В «Цзинь ши» упоминается 37 случаев моления о дожде и 6 — о снеге [КСГИСС, т. 2, с. 789—790]. В некоторых случаях чжурчжэни усвоили китайскую мысль о том, что землетрясение и засуха, а также другие стихийные бедствия есть выражение неудовольствия Неба поступками народа, чиновников, государя. Когда при Чжан-цзуне случилась засуха, он подготовился к покаянию и обратился к приближенным с требованием указать ему на его ошибки [Plath, 1830—1831, с. 212]. Выработан был особый порядок таких молений. Это доказывает, что между культом духов природы (Неба, Земли, гор, рек) и предков предполагалась определенная связь. При молении о дожде, например, сначала давались торжественные обеты и совершались приношения в течение семи дней на северной горе (из пяти священных гор) духам пяти гор, четырех застав, морей, рек. Если это не помогало, то следующие семь дней молились духам полей и злаков. И при необходимости еще семь дней возносили мольбы духам предков [ЦШ, цз. 35]. Интересно повышение разрядов жертвоприношений от духов природы к духам предков. В том же порядке благодарили за ниспослание дождя. Инициатива таких молений

обычно исходила снизу, причем высказывалось неудовольствие неэффективностью молений. «Слуги Неба и Земли, Солнца и Луны, дождя и грома в своих обрядах недостаточно [усердны]» [ЦШ, цз. 34, с. 228]. Поскольку забота о землепашестве считалась уделом государства, моления о дождях, его обеспечивающих, признавались обязанностью и привилегией государственного культа во главе с императором-первосвященником. Лишь в крайних случаях при этом привлекались служители других религий. «В столичном округе долго шел дождь. Сообразуясь с правилами моления о дожде, приказано всем храмам: буддийским и даосским... молиться и просить» [ЦШ, цз. 35, с. 233].

Таков государственный культ чжурчжэней после образования империи. Не все его части однородны. Культ великого предка родился из родовой религии, но, став императорским, приобрел ряд черт, чуждых ему ранее. Жертвоприношения «тися», «пять жертв», жертвы пяти горам — новые культы, принятые государством чжурчжэней в знак политического и религиозного господства. Но исполнение государственных культов осуществлялось императором и кругом специальных служителей. Характерной чертой этих культов явилось отстранение населения от участия в его отправлении и ограниченное участие в нем чиновничества и других официальных лиц на правах почетных зрителей. Подобное участие специально предусматривалось и регламентировалось. Особо заслуженные вельможи в знак благоволения императора допускались к сопереживанию, вызываемому какой-либо особенной жертвой.

Уже некоторые третьестепенные государственные культы были, в сущности, общенародными. Однако существовало множество местных культов, почти неизвестных. «Цзинь ши» сохранили нам сведения о широком распространении местных, китайских (чаще всего даосских) суеверий в среде цзиньцев, т. е. у чжурчжэней и китайцев. Год за годом «Цзинь ши» (цз. 23) сообщает подобные сведения, воспринимавшиеся в ту эпоху как знамения — благоприятные или неблагоприятные. Вещественным свидетельством проникновения подобных суеверий в глубь чжурчжэньских земель служит находка на Шайгинском городище так называемой храмовой монеты с изображением черепахи, змеи и созвездия Большой Медведицы [Шавкунов, Леньков, 1973]. Чжурчжэни, да и китайцы частенько обращались к помощи гадателей, которых было много среди даосских монахов. Недаром в 1158 г. «запрещено частным домам тайно хранить у себя гадательные книги и таблицы. Нарушители [этого постановления] совершают преступление» [ДЦГЧ, цз. 14, с. 149]. И тем не менее сообщается об использовании в 1152 г. гадательных костей при гадании Хай-лин-вану: будет ли он императором [ЦШ, цз. 5]. Некий Ма Цзюшоу гадал по панцирю черепахи и по стеблям вонючей купавки, отыскивая утерянное [ЦШ, цз. 126]. Возможно, такие гадания не подпадали под запрет, тем более что народные прорицатели и юродивые уважались даже императором. В конце Цзинь, в 1223 г., «простолюдин в холщовой одежде, смотря во врата Чэндяньмынь, попеременно то смеялся, то плакал. На вопросы от-

вечал: „Я смеюсь потому, что в государстве нет хороших полководцев и министров, а плачу потому, что скоро погибнет царство Цзинь“ [Император велел:] „Поскольку дворцовые врата не место для плача и смеха, строго наказав палками, удалить его оттуда“» [ЦШ, цз. 17; цит. по: Розов, с. 404]. Из текста видно, что прорицатель хотя и был наказан, но формально лишь за неудачный выбор места предсказания, а может быть, за дурное предсказание, но не за занятие предсказаниями.

Традиционное в Китае внимание к солнечному затмению сохранилось и в Цзинь. В таких случаях император отменял аудиенции, чиновники прекращали служебную деятельность и собирались во дворце для совершения обрядов. Повсеместно жгли жертвенные деньги и били в барабаны. При солнечных и лунных затмениях возбранялось играть на музыкальных инструментах, пить вино, умерщвлять все живое, нарушать моральные заповеди. При затянувшихся (полных) затмениях император молился на алтаре Земли о спасении Солнца от погибели [ДЦГЧ, цз. 35].

Изменения в религиозной жизни чжурчжэней коснулись и погребального обряда. Погребения эпохи Цзинь известны относительно хорошо. Между тем мы редко с точностью знаем национальную принадлежность погребенного. Но, несмотря на это, очевидно, что в эпоху Цзинь создался специфичный тип погребений и погребального инвентаря для привилегированных слоев. Одной из ярких его особенностей надо признать сочетание трупосожжения, известного чжурчжэням давно, с погребением пепла в специальных могильных камерах, убранных барельефами и росписями на традиционные китайские сюжеты.

Императорские погребения — мавзолеи китайского типа — впервые стали строить при Хай-лин-ване одновременно с открытием храма императорского предка. До этого чжурчжэньские племенные вожди-царьки и цзиньские императоры Тай-цзу и Тай-цзун находили последнее пристанище в «Роще охранителей государства» (Хуголинь) в Шанцзине. Уже в то время вера в могучую силу духа умершего укоренилась столь прочно, что в разгар войны с киданями чжурчжэни заботились о сохранности киданьского императорского кладбища. По указу 1123 г. велено «тех, кто будет грабить и разрушать кладбище государей Великого Ляо, предавать за это преступление смертной казни» [ЦШ, цз. 3, с. 29]. После перенесения главной (средней) столицы в Яньцзин в 1153 г. специальные гадатели-шаманы выбрали место для императорских мавзолеев. В отличие от императорских мавзолеев Ляо цзиньские учеными не исследованы. Ритуал почитания императорских мавзолеев укреплялся и расширялся по мере роста могущества цзиньских императоров.

Погребения лиц не императорской фамилии, но знатных представлены двумя десятками хорошо датируемых захоронений, которые в нашей подборке довольно равномерно покрывают период от первого десятилетия XII в. до первого же десятилетия XIII в. Только 30—40-е годы плохо представлены в подборке. Наиболее ранние богатые погребения эпохи Цзинь сравнительно просты. Это

гробницы, сложенные из каменных плит, внутри которых стоят деревянные гробы и лежат железные орудия труда и личные украшения [Куан Юй, 1963]; округлые сравнительно некрупные кирпичные камеры с трупоположением [Юй Чжэнь, 1963], каменные ящики для пепла [Ли Ию, 1961 (I)], настоящие могильники с прямоугольными кирпичными камерами колодезного типа, часто без оформленного входа [Чжан Юй, 1961]. Все они относятся к 10—20-м годам XII в. и распространены либо в глубинных районах обитания чжурчжэней — в Маньчжурии и Внутренней Монголии, либо на южной границе тогдашней Цзинь — в районе Яньцзина. Звеном, соединяющим этот этап со следующим, является семейная усыпальница китайской фамилии Жи, члены которой служили Ляо и Цзинь. Погребение в прямоугольной кирпичной камере выделяется архитектурно-декоративным и художественным убранством, эпитафиями 1127 и 1144 гг. (пров. Хэбэй) [Ло Пин, Чжэн Шаоцзун, 1962]. Впрочем, продолжали существовать и более скромные шестиугольные кирпичные камеры со сводчатым потолком и рельефами, такие, как у г. Цзинань в пров. Шаньдун [Wang Jianhao, 1979]. К этому же времени относится редкое погребение духовного лица — настоятеля даосского храма (1190 г.), в котором сохранилась богатая одежда покойного [Xie Tingqi, 1978]. Следующий этап в развитии погребального обряда отмечен появлением восьмиугольных кирпичных камер, явно подражающих не дошедшим до нас деревянным. Восемь стен камеры (возможно, это далекий прообраз юрты) оформлены художественной кладкой, имитирующей раздвижные решетчатые стены китайских павильонов [Лю Чжэньи, 1959]. По углам и на потолке в кирпиче, а иногда в цвете воспроизведены архитектурно-декоративные детали настоящих строений. В такой камере может быть несколько гробов [Чжан Бинсин, 1961] или простой деревянный ящик для пепла [Ли Ию, 1959]. Эти восьмиугольные камеры распространены во Внутренней Монголии, Маньчжурии, в северной части пров. Шаньси. По нумизматическим и эпиграфическим находкам они относятся ко времени с середины XII в. Сопровождающий инвентарь в таких погребениях довольно обильный, но состоит в основном из простой и глазурованной керамики и фарфора. Дальше к югу, в провинциях Шаньси (в горной ее части), Хэбэй, Хэнань, примерно в это же время встречаются более разнообразные по форме гробницы из кирпича: овальные, квадратные, но с каменными гробиками для хранения пепла [Бянь Чэнсюй и др., 1958], с парными погребениями [Чжоу Дао, 1957] или с несколькими костяками [Ао Чэнлун, 1959]. К последним десятилетиям XII в. относятся квадратные кирпичные камеры с каменным гробом, богатым архитектурно-декоративным и живописным убранством — в Ляонине [Чэнь Давэй, 1962], с барельефами и купчей на покупку участка — в Шаньси [Люй Цуньво, 1956]. Примерно в это же время появляются сложные многокамерные сооружения вроде обнаруженного в Шаньси [Ян Путин, 1961]. К ним примыкает «именное» погребение некоего Янь Дэюаня (в Датуне, во Внутренней Монголии), биография которого неизвестна [Xie Tingqi, 1978].

В некрупном каменном саркофаге близ Пекина в 1177 г. похоронен военачальник, служивший на границе с Си Ся [Liu Ching-i, Chang Hsientê, 1977].

Рядовые погребения в верховье р. Сунгари не имеют надмогильных знаков и представляют собой траншею, дно которой выложено камнями или черепицей. В траншее находился деревянный гроб с телом. Сопровождающий инвентарь включает лишь предметы повседневного быта: керамические сосуды, железные орудия, части сбруи, личные украшения [Цзин Юань, 1977; Chang T'ai-hsiang, 1977].

Чжурчжэньские погребения эпохи Цзинь на территории советского Дальнего Востока пока не обнаружены или, во всяком случае, неизвестны научной общественности. Это досадное обстоятельство — именно здесь можно рассчитывать раскопать самобытные захоронения — отчасти восполняет любопытное погребение, открытое у с. Сергеевки, близ г. Партизанска (Приморский край, СССР) [Сем, 1973]. В погребальной яме, ориентированной на юго-восток, находился трапециевидный гроб из корейского кедра. Под гробом и вокруг него слоями сложена береста. В гробу лежала деревянная фигурка человека в натуральную величину, тоже обернутая в бересту. Фигурка высечена грубо. По данным этнографии, такого заместителя малые народы Дальнего Востока хоронили, когда человек пропадал без вести или умирал вдали от родины. Подобный заместитель (мугды), по-видимому, бытовал у воцзюй (кор. окчо) и у мохэ [Бичурин, 1950, II, с. 29, 71]. Над таким идолом-заместителем совершались все обряды, предназначенные покойному. После этого идола погребали или сжигали. По данным радиокарбонного анализа, возраст идола 780±65 лет, т. е. он приходится на цзиньскую эпоху и обнаружен на цзиньской территории.

Погребения Цзинь сравнительно просты. В плане они либо квадратные, либо круглые. Потолок обычно округлый. Кирпичная погребальная камера по конструкции подражает деревянной. Она очень проста по устройству и замощена. Оформление боковой стороны кирпичей в кладке создает впечатление деревянной архитектуры. В погребениях, подражающих деревянным срубным, решетчатые двери, бывшие в ходу в деревянных строениях, в камерах имитировались декоративными кирпичами. Обряд погребения у чжурчжэней, видимо, не отличался строгими формами. В «Лу тин ши ши» сообщается: «Погребальные обряды северян неодинаковы... Чжурчжэни помещают [покойников] в деревянные гробы, которые закапывают в горах и лесах, но не насыпают могильного холма и не сажают деревьев...» (цит. по [Franke, 1975, с. 183]). В Цзинь было известно и трупосожжение. Останки сожженного тела клали в сосуд или в маленький каменный гроб, который помещался в вертикально выкопанную яму или в кирпичную камеру. В погребениях этого времени часто встречаются парные захоронения супругов в одном гробу. Предметы погребения обычно лежат в камере-пристройке, где устроено кирпичное возвышение. В каменной гробнице с трупосожжением на задней стене помещается

деревянная шкатулка или парчовая сумка, в которой находится прах умершего. Положение сумки или шкатулки в гробнице аналогично кирпичному возвышению в погребении в целом. На стенах каменных гробниц высекали фигуры божеств, героев: на задней стене различимо изображение женщины, выглядывающей из-за двери. Погребальный инвентарь располагали перед кирпичным возвышением. Он немногочислен и однообразен. Из предметов повседневного быта можно назвать фарфоровую посуду или селадоновую, изделия из лака, ушные кольца, шпильки, бронзовые зеркала. В цзиньских могилах оставляли контракт на пользование кладбищенской, «освященной» землей, дабы предупредить вредное влияние злых духов. Этой же цели служат изображения четырех священных животных на стенах: от голубого дракона на востоке до белого тигра на западе. При оценке этнической принадлежности погребенного надо помнить, что Чжан-цзун разрешил чжурчжэням хоронить своих покойников по китайским обычаям (ср. [Погребения..., 1977; Ма Сигуй, 1977]).

В соответствии с существовавшей на Дальнем Востоке традицией у мавзолеев императоров и вельмож ставились памятники в знак признания высоких заслуг покойников (см. гл. 2, разд. 10, 14). Императора, скончавшегося вдали от родины, полагалось доставить домой или на родовое (фамильное) кладбище. При этом приходилось применять определенные меры, задерживавшие разложение тела. По «Шэнь лу цзи», после смерти Тай-цзу тело его перевезли в крепость, там наполнили полость живота квасцами и раствором соляной кислоты — способ, применявшийся еще киданями. На лица умерших императоров клали золотые или серебряные маски. Такие маски обнаружены в погребениях императоров Ляо [Torii, 1948 (I), с. 179—180] и чжурчжэньских аристократов [Лу Ци, 1978, с. 32].

После оформления многонационального государства произошли важные перемены в религиозной жизни империи Цзинь. Эти перемены были вызваны социальным и культурным развитием самих чжурчжэней, потребностями государственного строительства, этнически пестрым характером империи. Основы племенных верований чжурчжэней сохранились и частично вошли в государственные культы. Ради возвеличения государства и власти императора, в том числе и в глазах китайского населения, в эти культы включено немало нечжурчжэньских обрядов (культ великого предка и жертвы «тися», пять сезонных жертв, жертвы пяти горам и др.). Но рядовые чжурчжэни продолжали исполнять свои религиозные обряды по-старому. Многочисленное нечжурчжэньское население империи придерживалось привычных им систем верований, в том числе буддизма и даосизма. Правящая верхушка и некоторые слои чжурчжэней из числа переселившихся на юг наряду с традиционными верованиями исповедовали буддизм или даосизм. В этих верованиях наметилось известное «обновление». В буддизме господствовало учение школы «Чань», а в даосизме — идеи секты «Цюаньчжэньцяо», эклектически сочетавшие положения трех учений (буддизма, даосизма, конфуцианства). Правительство, за редкими исключениями,

не оказывало буддизму и даосизму государственной поддержки, выдвигая в противовес им конфуцианство как учение, не противоречащее традиционным верованиям чжурчжэней и не стремящееся подменить собой светскую власть. Однако оно и не отстаивало решительно какую-либо одну религию и не устраивало гонений на другие, ограничиваясь советами чжурчжэней сохранять свои народные верования и осуждением антигосударственных крайностей буддизма и даосизма. В таком смысле можно сказать, что цзиньское правительство проводило политику веротерпимости с налетом индифферентизма. Сохранившийся чжурчжэньский словарь насчитывает всего около десятка религиозных терминов, из них четыре-пять приходится на чжурчжэньские верования.

9. Язык и письменность

В империи Цзинь население говорило на многих языках, а писало лишь на нескольких. В начале правления Цзинь все народности в домашней жизни обходились родным языком, а при контакте с представителями других национальностей часто использовали китайский или киданьский языки. Даже в Маньчжурии, в пограничной киданьско-чжурчжэньской зоне, вследствие искусственной языковой пестроты в 20-х годах XII в. люди не могли понять друг друга, если не говорили по-китайски [Chavannes, 1898, с. 422]. На территории Ляо, включавшей и некоторые северные провинции Китая, государственным языком стал киданьский, а в сунском Китае таковым, естественно, служил китайский. Такое соотношение в языковой сфере существовало уже два столетия, и никто не торопился переходить на чжурчжэньский язык. Даже в период расцвета Цзинь нечжурчжэньское население, по-видимому, не ощущало острой необходимости изучать чжурчжэньские язык и письменность. Исключение составляли лишь некоторые категории чиновников на цзиньской службе да чжурчжэньские жены и наложницы — нечжурчжэньки по происхождению. Но и для них чжурчжэньский становился лишь вторым языком. Стоит только вспомнить телохранителей Ши-цзуна, которых тот упрекал в пренебрежении чжурчжэньским языком и в увлечении китайским. В империи сложилась парадоксальная ситуация. Победители держали в своих руках ключевые органы управления, объявили свой язык государственным, но не могли сделать его всеобщим и даже в государственную сферу, как мы увидим дальше, вынуждены были допустить другие языки. Побежденные же, утратив собственные государственные институты, среди прочих форм культуры сохранили свой язык. Эта коллизия — отнюдь не внешнего значения. Она оказала ощутимое воздействие на процессы развития самого чжурчжэньского языка, создания и распространения чжурчжэньской письменности.

Старочжурчжэньский язык, т. е. язык периода до Цзинь и Цзинь, изучен сравнительно плохо, хуже, чем среднечжурчжэньский (XIV—XVI вв.), вследствие незначительных по объему источников, дошедших до нас от цзиньского времени и нерасшифрованности самой

письменности [10]. К сожалению, погиб словарь чжурчжэньского языка, составленный самими чжурчжэнями,— «Нюйчжицзы цзыму» («Знаки чжурчжэньской письменности»). Несмотря на существование словаря «Хуаи июй» («Китайско-варварские словари»), на создание современных словарей по старым чжурчжэнеязычным памятникам [Grube, 1896; Ishida, 1973 (I), 1973 (II); Yamamoto, 1951], на цинскую историческую этимологию чжурчжэньских слов в «Цзинь ши» («Цзинь ши го юй цзе»), мы имеем весьма смутное представление о фонетике старочжурчжэньского языка. Словарь «Хуаи июй», в том числе и чжурчжэньская его часть, выполнен в XVI в., в период династии Мин. Хотя его составитель, транскрибируя китайскими знаками чжурчжэньские слова, и стремился, по-видимому, как-то сохранить их звучание, но для проверки успешности его предприятия, а тем более соответствия этой транскрипции фонетике XII в. сейчас трудно найти надежный критерий [Ligeti, 1953; Yamamoto, 1951]. Во второй половине XVIII в. в Китае выпущены новые издания династийных хроник Ляо, Цзинь, Юань, причем введены изменения в транскрипцию собственных имен, обусловленные изысканиями редакторов. Особым декретом запрещалось в дальнейшем менять обновленную транскрипцию. Когда в 1781 г. редакционному комитету было велено обосновать обновленную транскрипцию этимологически, редакторы заявили, что они использовали маньчжурский язык для чжурчжэньских названий, фамилий и имен, солонский (язык конных эвенков Маньчжурии) — для киданьских, монгольский — для юаньских [Lacouperie, 1889, с. 447; Harlez, 1888]. Впоследствии некоторые ученые — некогда Грубе [Grube, 1894, 1896], а в настоящее время Ямадзи Хироаки [Yamaji, 1956] — достигли известных успехов в восстановлении оригинального звучания чжурчжэньских слов. При этом они исходили из правильного предположения о родстве чжурчжэньского языка с маньчжурским, о близком фонетическом звучании многих чжурчжэньских и маньчжурских слов, общих для обоих языков, не говоря уже о словах солонского, тюркского, монгольского корней. Правда, оставалась большая группа заимствований из других языков, прежде всего из китайского, восстановить истинное звучание которых в чжурчжэньском языке было труднее.

Предположение старых авторов о родстве чжурчжэньского и маньчжурского языков получило научное обоснование в XIX—XX вв. и переросло в учение о чжурчжэньском языке как о старом языке тунгусо-маньчжурской группы. В ходе исследования пришлось, конечно, отказаться от прямолинейных и однозначных параллелей китайских языковедов XVII—XIX вв.: подтвердились сложные отношения чжурчжэньского языка с языками других семейств, о которых раньше только догадывались: на могильной стеле Елюй Люя про киданьский и чжурчжэньский языки говорится: «Языки хотя и неодинаковые по своей внутренней сущности, но и не резко от-

[10] Некоторые исследователи полагали, что так называемое «малое письмо» читаемо в отличие от «большого» [Tamura, 1971].

личные» [МЧЮЛК, цз. 17, л. 4б]. В частности, по-видимому, через чжурчжэней в маньчжурский язык проникло несколько киданьских названий чинов — илиби, илидзин [Menges, 1968 (I), с. 54], а в самом старочжурчжэньском языке есть монгольские элементы: temege (чж.) — teme'en (монг.), что значит верблюд, и пр. Много чжурчжэньских слов и в старомонгольском: harin (чж.) — hari(n) (монг.) — двор, государство; irge (чж.) — irge(n) (монг.) — крестьяне, народ; еще больше общих однокоренных слов [Воробьев, 1977 (I); Laufer, 1921]. Некоторое число чжурчжэньских слов через пьесы «юаньбэнь» проникли в китайский язык [Сюй Цзяжуй, 1957, с. 12, 20, 26, 44], хотя другие склонны считать их монгольскими [Цай Мэйбяо, 1957, с. 33, 36]. Наиболее тесное и прямое родство устанавливается между чжурчжэньским и маньчжурским языками. Такие слова, как небо (abka), день (iningi), месяц (bige), ветер (odun), звезда (usiha), река (bire), гора (alin), одинаковы в обоих языках [Edkins, 1897—1898]. По упомянутым чжурчжэньским словарям удается составить более пространную подборку заимствований в маньчжурском языке из чжурчжэньского письменного [Fuchs, 1976; Воробьев, 1968 (V)]: все 32 слова относятся к бытовой лексике, среди них много глаголов. Не только значимые слова, но и суффиксы чжурчжэньского языка тяготеют к маньчжурским: суффикс настоящего времени изъявительного наклонения -mbi, одинаковый в обоих языках, суффикс прошедшего времени глаголов совершенного вида -fei, суффикс побудительного залога -puh (их соответствие в маньчжурском -fi, -bu), суффиксы причастий прошедшего времени -hax (ka), -hai, -hei, соответствующие маньчжурским -x̄a (k̄a) -x̄ai -x̄ei, -x̄o, чжурчжэньские глагольные формы на mai, mei, meh, соответствующие маньчжурским me, падежные суффиксы -i, -ri (родительный падеж), -peh (винительный падеж), -to, -tu (родительный, творительный падежи), аналогичные маньчжурским -i, -ri, -be, -de [Гребенщиков, 1912, с. 29; Ватанабэ, 1925]. В «Хуаи июй» обнаруживается 33 суффикса чжурчжэньского языка, сопоставимых с маньчжурскими. Изучение основного словарного фонда ряда тунгусо-маньчжурских языков подтверждает прочную связь с ним чжурчжэньского языка [Цинциус, 1954]. Родство чжурчжэньского языка с тунгусо-маньчжурскими надежно подтверждается многочисленными совпадениями в устойчивой и слабо заимствованной лексике и в грамматических формантах (при соблюдении регулярных звуковых соответствий), которые не могут возникнуть независимо и не могут быть механически заимствованы [Долгопольский, 1967, с. 46] (табл. 2).

Исследования последних лет позволили установить особую тесную связь между диалектом чжурчжэней из Цзяньчжоу XV в. (район Гирина) и староманьчжурским языком, причем в первом случае еще существовали свои диалектальные особенности — результат известной обособленности родственных племен. Точное время и место формирования старочжурчжэньского языка не выяснены. Предположительно считают, что диалект района Гирина в XII в. лег в основу общечжурчжэньского языка. Во всяком случае, многие слова и знаки на одной из чжурчжэньских стел из музея пров. Ляо-

Таблица 2

Некоторые однокоренные слова тунгусо-маньчжурских языков

Чжурчжэньский язык	Маньчжурский язык	Нанайский язык	Удэгейский язык	Эвенский язык	Эвенкийский язык	Значение
pih-à	б'а	бӕлаго	беӕ	бӕj	бёуа	луна
edu-un	эдун	хэдӯ	эди(н-)	эдън	эдин	ветер
ta-ma-ŋi	талман	тампа	тампехӕ	тамнари	тампакса	туман
a-min	амā	ам	амин-	амā	амā	отец
bandi-	банзи	балзи-	багди-	балдъ-	балди-	родиться

нин попадаются и в словаре Грубе и, главное, на памятниках XV в. из Цзяньчжоу — района создания староманьчжурского языка [Шавкунов, 1968 (III), с. 84—85].

В старочжурчжэньском языке тунгусское *р еще сокращалось и перешло в *f лишь в минское время, а заднеязычные гласные *а, *о, *u образовывали с нейтральным *i гласные *е, *ö, *ü; при Мин осталось лишь пять гласных: *а, *о в заднеязычном положении, *е в переднеязычном и две нейтральные: *i, u [Kiyose, 1977, с. 39, 42, 43]. Чжурчжэньский язык агглютинативный, и роль тридцати с лишним словообразующих суффиксов велика. Они образуют не только ту или иную часть речи, но и падежные окончания (родительный, дательный, винительный, творительный, местный), вид, время, наклонение глаголов. Для чжурчжэньской фразы характерен непрямой порядок слов: подлежащее + дополнение или обстоятельство + сказуемое. Интересно, что в официальных текстах под влиянием китайского языка этот порядок переходит в прямой [Grube, 1896, с. VII—X].

Образование собственного государства, последовавшие вслед за этим расширение внешних связей и делопроизводства, создание системы контроля и повинностей настоятельно требовали введения государственного языка и письменности. Разумеется, чжурчжэни могли, как и многие другие соседи китайцев, принять китайский или хотя бы киданьский язык в качестве официального и письменного, сохранив чжурчжэньский как разговорный. Однако они пошли по несколько другому пути и объявили свой язык государственным. Сделали они это не только потому, что китайский и киданьский были языками их врагов. Они справедливо считали, что переход на неродной язык в тех условиях означал полную культурную капитуляцию и отказ от важнейшего средства культурного воздействия на новых подданных. Но такая политика требовала новой письменности, и они оказались достаточно самобытны и зрелы для ее создания. Вот что рассказывает летопись о ее появлении: «Сначала в государстве Цзинь не было письменности, и когда при постепенном усилении государства оно вступало в дружественные связи с соседними дворами, в сношениях с ними употребляли письмена ляоские. Государь Тай-цзу поручил вельможе Сиию создать пись-

мена национальные и выработать для них правила. Сиинь, держась формы китайских иероглифов „кайшу" и следуя правилам письма Ляо, сообразно с наречием своего народа, составил (в 1119 г.— *М. В.*) письмена чжурчжэньские („большие".— *М. В.*). Когда он представил их Тай-цзу, государь в чрезмерной радости повелел обнародовать их в империи и подарил Сииню коня и платье» [ЦШ, цз. 2, с. 25]. Другие источники, правда, сообщают несколько иные даты: стела Ваньянь Сииня — 1121 г. [Hsü Ping-ch'ang, 1936], а «Да Цзинь го чжи» — 1122 г. [ДЦГЧ, цз. 2] — и даже меняют местами атрибуции «большие» и «малые» письмена: на киданьской погребальной стеле из Цзиньси (пров. Ляонин) «большие» письмена киданей имеют ту же форму, что и чжурчжэньские «малые», и, по-видимому, Сиинь создал «большие» письмена [Шавкунов, 1963]. Позднее, в 1138 г., при Си-цзуне (а по источнику, сам Си-цзун) создали «малые» чжурчжэньские письмена [ЦШ, цз. 4], и с 1145 г. они употреблялись наравне с изобретенными ранее, которые с тех пор получили название «больших», а после 1191 г. совсем вытеснили «большие» письмена. Предполагают, что «малыми» письменами написано не менее восьми стел [Franke, 1978 (I), с. 16], но есть мнение, что «малые» письмена вообще еще не выявлены, а известные — все «большие» [Цзинь Гуанпин, 1962, с. 14]. Вероятно, «большая» чжурчжэньская письменность все же была создана первой и брала за образец «большую» киданьскую письменность, а «малая» чжурчжэньская впоследствии тоже основывалась на «малой» киданьской письменности, причем киданьская восходила к китайской. Но при этом «малая» чжурчжэньская письменность, похоже, была фонетической, поскольку именно ею на экзаменах записывали стихи, а «малая» киданьская — идеографической [Osada, 1970, с. 27—28]. Предположительно «большая» чжурчжэньская письменность насчитывала 3 тыс. знаков, а «малая» — несколько сот [Шавкунов, 1967, с. 134—135]. К настоящему времени известно 858 знаков, включая плохо читаемые варианты, не привязанные к надежному источнику [Цзинь Гуанпин, Цзинь Цицун, 1964, с. 152]. В СССР начато составление каталога графем чжурчжэньского языка, разделенного на пять групп (по типу китайских), разделы и подразделы [Стариков, 1980].

Использование чужеземной письменности как базы для создания собственной было нелегким делом, так как киданьский, китайский и чжурчжэньский языки принадлежат к разным языковым семьям [Shiratori, 1898; Мао Вэнь, 1931]. Поэтому при выработке собственной письменности чжурчжэни столкнулись не только с графическими затруднениями. Существенно менялось основное назначение иероглифики — идеографическое — за счет усиления ее фонетического или транскрипционного использования. Согласно новейшему словарю чжурчжэньского языка Ямадзи, известные знаки чжурчжэньской письменности по своему характеру могут быть разделены на следующие группы (табл. 3) [Yamaji, 1956, с. 73—87].

Основная масса известных чжурчжэньских иероглифов — а сколько их было всего, мы точно не знаем — делится на фонограммы и

Таблица 3

Характеристика знаков чжурчжэньской письменности

Знаки чжурчжэньской письменности	С установленным китайским эквивалентом	Без установленного китайского эквивалента	Всего
Идеограммы	389	63	452
Фонограммы	98	–	98
Для транскрипции китайских знаков	40	2	42
Идеограммы и фонограммы	1	–	1
Фонограммы и транскрипционные знаки	3	–	3
По происхождению идеограммы, но использованные и как фонограммы	66	9	75
По происхождению идеограммы, но использованные как фонограммы и для транскрипции	1	–	1
По происхождению транскрипционные знаки, но используемые и как фонограммы	8	–	8
По происхождению фонограммы, но используемые и для транскрипции	3	–	3
По происхождению идеограммы, но используемые и для транскрипции	1	–	1
Не установлено	1	13	14
Итого	611	87	698

идеограммы, а последние — на полные и неполные. Полная идеограмма — это понятие, записанное одним знаком и произносимое одним или несколькими способами. В большинстве своем это существительные. Неполные идеограммы хотя и несут в себе определенное понятие, но лишь в сочетании с другой идеограммой образуют слово. В чжурчжэньском языке в настоящее время насчитывают полных идеограмм 154 [Ямадзи, 1958, с. 332—341]. Не менее сложным было использование китайских иероглифов как фонограмм, поскольку между фонетическими системами чжурчжэньского, китайского и киданьского языков существует принципиальная разница. При использовании китайских иероглифов — в их чжурчжэньской интерпретации — необходимо было обеспечить возможно более правильную запись чжурчжэньских слов, транскрипцию слов китайского языка и не отходить слишком далеко от оригинала, связь с которым в то время ощущалась очень живо. Отсюда значительная пестрота этих групп чжурчжэньских знаков (см. табл. 3).

К настоящему времени выяснен конкретный путь создания примерно 700 знаков чжурчжэньской письменности. Появление киданьских и чжурчжэньских иероглифов имело одинаковый источник. В обоих случаях за исходный прототип письмен принимали один и тот же китайский иероглиф, но созданные таким образом киданьские и чжурчжэньские знаки, несмотря на это, не похожи между собой [Ямадзи, 1958, с. 386—389].

Более того, способ создания национальной письменности в обоих случаях был тоже примерно одинаков. Чжурчжэньские знаки получены десятью способами, из которых важнейшими считаются следующие [Ямадзи, 1958, с. 20—29]:

1) китайский иероглиф → чжурчжэньский знак (идеограмма),
2) китайский иероглиф → чжурчжэньский знак (фонограмма),
3) китайский иероглиф → чжурчжэньский знак → чжурчжэньский знак (идеограмма),
4) китайский иероглиф → чжурчжэньский знак → чжурчжэньский знак (фонограмма),
5) китайский иероглиф → китайский иероглиф → чжурчжэньский знак (идеограмма),
6) чжурчжэньский знак → китайский иероглиф → чжурчжэньский знак (идеограмма).

Итак, мы имеем дело с морфемно-силлабическим письмом.

В отдельных случаях и киданьские знаки, возможно, служили прототипами для чжурчжэньских, на что намекает и цитированный выше отрывок из «Цзинь ши». На киданьской стеле 1089 г. из Цзиньси (пров. Ляонин) несколько киданьских знаков лишь одним элементом (точкой, черточкой) отличаются от соответствующих чжурчжэньских и значительно — от китайских [Тоёда, 1963]. Чжурчжэньские иероглифы, как и китайские, но не как киданьские, имеют такие элементы, как «плечо», «сторона», «крышка», «ножка», «изогнутая черта», но значение их иное. Эти элементы могут оказать большую помощь при выяснении конкретных китайских прототипов чжурчжэньских знаков. Кроме того, чжурчжэньские знаки обладают и другими элементами: «добавочной точкой», «сокращаемой точкой», «добавочной чертой», «сокращаемой чертой», «открытыми ножками», «закрытыми ножками». С их помощью можно выяснить конкретный процесс образования чжурчжэньских знаков от китайских [Ямадзи, 1958, с. 11—19]. Распределение чжурчжэньских графем по пяти группам, аналогичным группам китайских словарей, засвидетельствовало пропорциональность количественного распределения чжурчжэньских и китайских графем по этим пяти группам, что свидетельствует о продуманной системе создания чжурчжэньских графем [Стариков, 1980].

Создание чжурчжэньской письменности было важным событием в жизни и культуре нового государства. Оно продемонстрировало зрелость чжурчжэньской культуры, позволило превратить чжурчжэньский язык в государственный язык империи Цзинь, создать оригинальную литературу и систему образования на родном языке. Впоследствии маньчжуры в «Маньчжоу юанью као» высоко оценили эти успехи чжурчжэней. «Еще со времен Синьло (Силла.— *М. В.*) и Бохая была установлена письменность, в первые годы Цзинь употребляли киданьское письмо. Тай-цзу и Си-цзун составили нюйчжэньские (чжурчжэньские.— *М. В.*) большие и малые [письменные] знаки. Их система постепенно совершенствовалась...». И даже собственную письменность они попытались связать с чжурчжэнь-

ской: «Может быть, это была письменность прежней Цзинь» [Кюнер, 1961, с. 262, 260].

Однако внедрение чжурчжэньского языка и письменности не только не ликвидировало языковой пестроты в государстве, но и не смогло сохранить монопольного положения за чжурчжэньским языком в государственной и культурной жизни [Воробьев, 1968 (VII); ср. Tamura, 1971, с. 628]. И после захвата чжурчжэнями Северного Китая немаловажную роль в их государстве играли киданьский и китайский языки и письменность. «Когда разгромили Ляо, захватили киданей и китайцев и постигли киданьские и китайские письмена» [ЦШ, цз. 66, с. 435]. Чжурчжэньское правительство имело в своем распоряжении людей, знакомых с киданьским письмом. В 1151 г. в академии Ханьлинь было семь знатоков киданьского письма. В 1156 г. на экзаменах в отделе государственной истории от переводчиков требовали перевода с киданьского на чжурчжэньский, с китайского на киданьский, умения писать киданьскими иероглифами. Первоначально с китайской литературой чжурчжэни знакомились в киданьских переводах, в переводах на родной язык с киданьского же. Так была переведена на чжурчжэньский «Тан шу». Многие чжурчжэньские источники сообщают об употреблении киданьского письма в XII в., но в какой мере был распространен разговорный язык киданей, неизвестно. По «Цзинь ши», более 30 видных деятелей-чжурчжэней знали киданьское письмо. Любопытно, что в 1150 г. знатный чжурчжэнь написал своему сыну «тайное письмо» «малыми» киданьскими письменами [Fêng Chia-shêng, 1948, с. 17]. Сам Ши-цзун в 1180 г. расхваливал долговечность и универсальность киданьского письма и сетовал, что «новая чжурчжэньская письменность не может превзойти его» [ЦШ, цз. 51, с. 326].

После захвата Северного и Центрального Китая с его огромным китайским населением и переселения туда значительного контингента чжурчжэней в жизни последних усилилась роль китайского языка и письменности. Многие чиновники цзиньских учреждений, деятели науки и литературы были китайцами и пользовались по преимуществу китайским письменным языком, а для рядового местного населения китайский язык был родным. В 1195 г. Чжан-цзун упрекал таких чиновников: «Вельможи заблуждаются, уклоняясь от чжурчжэньского и киданьского языков» [ЦШ, цз. 46, с. 293]. Большинство религиозной, философской, научной и художественной литературы в Цзинь создавалось на китайском языке, так как весь круг понятий, словарно-терминологический фонд научной и художественной литературы находился в чжурчжэньском языке в стадии формирования. В китайском же — интернациональном языке Дальнего Востока — они давно сложились. Распространенность языка и письменности чжурчжэней в государстве Цзинь — проблема довольно сложная. Несомненно, подавляющая часть самих чжурчжэней знала разговорный чжурчжэньский язык на протяжении всего существования государства Цзинь и, по-видимому, еще долгое время после этого. Разговорный чжурчжэньский язык рас-

пространился среди других народов и племен, живших в пределах империи Цзинь: среди бохайцев, киданей и в меньшей степени среди китайцев. Чжурчжэньское население, переселившееся в Северный Китай и жившее в гуще китаеязычного населения, вероятно, в массе своей было двуязычно. Когда чжурчжэни обращались к властям, последние обязаны были говорить по-чжурчжэньски [ЦШ, цз. 7, 73]. Правда, неясно, распространялось ли это правило на всех чиновников-китайцев. Лиц чжурчжэньской национальности, не знавших или почти не знавших родного языка, было значительно меньше, чем полагали сторонники теории решительной ассимиляции чжурчжэней китайцами, к числу которых уже принадлежали составители «Цзинь ши». Это могли быть единоличные представители высшей знати да отдаленные потомки смешанных браков, лишь формально считавшиеся чжурчжэнями. К сожалению, «Цзинь ши», а также современные исследователи нечетко разграничивают язык и письменность, и интерпретаторы цитат не всегда отражают это важное различие. В качестве примера можно привести одно место, часто цитируемое как доказательство незнания чжурчжэнями собственного языка в результате их китаизации [Сун Вэньбин, 1934]. Ши-цзун в 1174 г. «повелел, чтобы его телохранители, неискусные в чжурчжэньском языке, учились ему и впредь не говорили на китайском языке» [ЦШ, цз. 7, с. 60]. Как видно из перевода, речь идет не столько о незнании чжурчжэньского языка, сколько о злоупотреблении при дворе языком китайским. Последнее толкование вернее еще и потому, что при таком ревнителе исконно чжурчжэньских нравов, каким был Ши-цзун, вряд ли могли находиться телохранители-чжурчжэни, не знавшие чжурчжэньского языка. Возможно, что речь идет о телохранителях-нечжурчжэнях, тогда весь отрывок приобретает совсем иной смысл.

Сложнее обстоит дело с вопросом о распространении чжурчжэньской письменности. Чжурчжэнеязычные памятники письменности сохранились плохо. Печатная ксилографическая, рукописная литература на этом языке не сохранилась вовсе. Однако мы знаем, что в 60-х годах XII в. большое число китайских сочинений было переведено на чжурчжэньский язык. Существовали и оригинальные сочинения, написанные на чжурчжэньском языке. Это прежде всего словари двух систем чжурчжэньской письменности, а также около десятка других работ, в заголовке которых сохранилась помета: «Написаны чжурчжэньскими письменами» [ЛЦЮИВЧ]. Обилие переводной китайской литературы, а также доказательство использования чжурчжэньской письменности, в сущности, во всех областях ее жизни — в документации, в рукописях и ксилографах, на стелах, печатях и зеркалах — говорят о достаточно широком распространении национальной письменности у чжурчжэней.

В империи в целом существовало столько языков, сколько жило народностей, и не менее четырех систем письменности (чжурчжэньская, киданьская, китайская и бохайская). Не обнаружено признаков языковых запретов, даже дела в судах велись на языке обвиняемого или тяжущихся: «Слышно [в 1185 г.], в случае споров

между чжурчжэнями — разбирают на чжурчжэньском языке; в случае споров между китайцами — разбирают на китайском языке» [ЦШ, цз. 8, с. 68]. Хотя в отдельные периоды существовали некоторые ограничения на использование нечжурчжэньской письменности (главным образом киданьской), основная идея выражена в указе 1138 г., по которому удостоверения чиновников велено было писать на трех языках: чжурчжэньском, киданьском и китайском. И это неудивительно: в 1169—1170 гг. «среди чиновников есть китайцы, кидани, чжурчжэни... каждый пользуется своей письменностью» [БСЖЛ, цз. 1, л. 25а].

Сам чжурчжэньский язык не избежал влияния китайского языка в результате совместного проживания чжурчжэней и китайцев и смешанных браков между ними. Недаром Ши-цзун заявлял, что чжурчжэньский язык в 1167 г. отличается от того, каким он был 40 лет назад [ЦШ, цз. 89]. Для исправления создавшегося положения Ши-цзун объявил о принятии конкретных мер для духовного оздоровления чжурчжэней. Часть этого мероприятия касалась и национального языка. В 1164 г. проведена перестройка школ, а позднее создан чжурчжэньский институт, где преподавали на чжурчжэньском языке. Для чжурчжэней введены экзамены на степень цзиньши по письменным рефератам, где применялись лишь чжурчжэньские знаки [Миками, 1936]. При наследовании званий глав военизированных чжурчжэньских общин (мэнъань и моукэ) и при разбирательстве в судах дел чжурчжэней знание и употребление чжурчжэньского языка и письменности стали обязательными. Чтобы ослабить засилье китайской литературы, был учрежден переводческий отдел, где производились переводы на чжурчжэньский язык китайских классиков. В период борьбы за укрепление национальных традиций хорошее знание чжурчжэньского языка и письменности считалось непременным доказательством сохранения истинного чжурчжэньского духа и отсутствия слепой приверженности ко всему китайскому. Но о том, какое значение все это имело для самого чжурчжэньского языка, мы лучше всего можем узнать на материале словарного состава этого языка, анализ которого дает ценные сведения культурно-этнографического характера. С этой целью мы использовали «Чжурчжэньско-японо-английский словарь» Ямадзи Хироаки [Yamaji, 1956]. Словарь составлен не только по цзиньским, но и по более поздним письменным источникам. Применительно к Цзинь он отражает только сохранившийся словарный состав, в основном лексику книжного языка, что имеет существенное значение для оценки тех или иных сторон жизни, быта и культуры чжурчжэней [Воробьев, 1968 (V)]. Язык государственной и бюрократической документации представлен пятью десятками слов. За исключением немногих терминов, которые сохранились от родоплеменного строя, все остальные отражают эпоху сложившейся государственности. Более разнообразна и самобытна военная лексика (всего около 50 слов), причем особенно многочисленны глаголы — основа любого языка. Около 20% всех глаголов в словаре связано с военной жизнью. Профессиональная и хозяйственная терминоло-

тия в чистом виде представлена немногими словами, что обусловлено характером источников, послуживших материалом для словаря. Этот набор слов сложился уже в эпоху расцвета чжурчжэньского государства. Многие слова из групп, относящихся к растительному и животному миру, к полезным ископаемым, значительно расширяют наше представление о хозяйстве чжурчжэней. В группу слов, связанных с флорой, входит около 40 слов. Животному миру посвящено около 50 слов, из которых свыше десяти приходится на домашних животных и птиц, а из них шесть терминов относятся к лошадям. Хозяйственный словарь чжурчжэней содержит много терминов, связанных с рисосеянием и использованием риса в пищу, с садоводством и огородничеством, с разведением технических культур (тутовые деревья) и собиранием дикорастущих плодов, орехов, лечебных кореньев (женьшень), с коневодством, с разведением рогатого и мелкого скота и домашней птицы, с охотой ради мяса, на пушного и морского зверя и птицу (в частности, на ловчих соколов), с добычей главнейших металлов и получением вторичных пищевых продуктов и изделий ремесла. Большая группа слов (около 60) связана с явлениями природы, некоторые из них фиксируют нюансы в состоянии погоды и смене сезонов, свойственные сельскому населению, или народные названия важных дат лунных месяцев. Довольно полно представлена лексика, иллюстрирующая термины родства. Интересно, что религиозная терминология очень скудна. Небольшая группа слов относится к области просвещения и к понятиям сформировавшегося самосознания чжурчжэньской народности: словарь содержит значительное число слов, выражающих абстрактные понятия с большой культурной нагрузкой.

Значительный интерес представляют разного рода заимствования в чжурчжэньском языке. По своему составу заимствования выражают различные понятия, относящиеся к государственному управлению (34 слова), к строительству (8 слов), к единицам мер и веса (5 слов), к явлениям духовной (13 слов) и материальной (15 слов) культуры. Среди заимствований отсутствует бытовая лексика, что во многом предопределяет ответ на вопрос о характере и путях самого заимствования. По-видимому, имело место так называемое искусственное заимствование терминов в отрыве от их реального проявления. Соответственно определяется и путь, по которому осуществлено заимствование; это в основном книжные заимствования, слова, почти лишенные бытовой окраски. В чжурчжэньском языке они влились в состав книжного языка. В составе этого языка они в большинстве случаев сохранили свою внутреннюю форму. Грамматический состав этих заимствований весьма однороден. Это главным образом существительные (68 слов), 6 имен прилагательных, одно числительное. Для обозначения целой группы новых понятий в чжурчжэньском языке были созданы новые слова, образованы сложные словосочетания, состоящие из чжурчжэньских, а чаще всего из китайских слов, введены в язык заимствования, утратившие внутреннюю форму.

Итак, вопреки имеющимся мнениям, словарный состав чжурчжэньского языка в основе своей остался самобытным и не был затоплен «китаизмами». Чжурчжэньский язык сумел выработать свои слова даже для обозначения типично китайских понятий. Таким образом, предварительное изучение словарного состава чжурчжэньского языка по материалу словаря приводит к выводу о том, что чжурчжэньский язык в эпоху Цзинь достиг довольно высокого развития, которое позволяло ему выполнять основные функции в сложной государственной, экономической и культурной жизни чжурчжэней в XI—XII вв. Он обладает собственным набором терминов во всех этих областях и абсолютно самобытным фондом глаголов. Словарный состав языка многогранен и лишен терминологической односторонности, свойственной примитивным языкам. Приняв некоторое количество заимствований, главным образом из китайского языка, чжурчжэньский язык вполне сохранил свою самобытность, так как эти заимствования количественно и по кругу выражаемых понятий занимают в словарном составе второстепенное место.

Разгром государства Цзинь привел не к исчезновению чжурчжэньской письменности и языка, а к их упадку. Сфера их применения сузилась, а культурная роль уменьшилась. Чжурчжэньский язык употреблялся в самом Китае по крайней мере до XIV в.: на нем говорили чжурчжэни — подданные династии Юань, к «Цзинь ши» недаром приложен словарь чжурчжэньских слов. Что касается письменности, то она пережила падение государства более чем на два столетия. Присутствие текста на чжурчжэньском языке, высеченного на Тырской стеле недалеко от устья Амура в 1413 г., предполагает существование знающих чжурчжэньское письмо в этих отдаленных районах [Попов, 1904]; в Пекине в училище для переводчиков еще до 1658 г. преподавали чжурчжэньский язык и письменность [Lacouperie, 1889]. Чжурчжэньский язык остался старейшим языком тунгусской семьи, сохранившим до наших дней свою собственную письменность, пока не расшифрованную.

10. Памятники письменности и эпиграфика

Памятники письменности чжурчжэней немногочисленны, не собраны воедино и не расшифрованы. Даже если мы выйдем за хронологические рамки цзиньского государства, все известные нам чжурчжэнеязычные находки такого рода, по-видимому, не превысят двух десятков. Впрочем, послецзиньские памятники (среди них первое место принадлежит нашим уникальным Тырским стелам) увеличивают этот счет всего лишь на несколько единиц [Амма, 1943]. Крупных же чжурчжэнеязычных памятников, включая и билингвы, насчитывается и того меньше — 9—10 штук. Подавляющее большинство чжурчжэнеязычных и китаеязычных памятников создано в цзиньское время, точнее — с 40-х годов XII в. Время создания чжурчжэнеязычных памятников растягивается на 446 лет: от 1185 г., года установки стелы победителю Агуде, до 1630 г., времени появления «Стелы в память Бао — наставника в ламаистском законе

Великой Цзинь» («Да Цзинь лама фаши бао цзибэй») [Kiyose, 1973, с. 12], даже на 497 лет, если считать от даты стелы 1134 г. в Цяньчжоу.

Памятники китаеязычной письменности цзиньского времени более разнообразны и значительно многочисленнее. Первое место среди цзиньских эпиграфических памятников, безусловно, принадлежит стелам и плитам. Для нас они важный исторический источник. Чжурчжэни прекрасно усвоили значение стел в государственной, бюрократической и общественной жизни Дальнего Востока и применили их в своей практике с той же целью — для прославления чжурчжэньских государственных деятелей и сотрудничавших с ними китайских чиновников, буддийского духовенства, для увековечения памятных событий: военных побед, экзаменов на ученое звание, перестройки храмов. С этой целью они переняли разные формы каменописных памятников: погребальные или храмовые стелы в виде вертикальных призматических плит (на черепахе или отдельно от нее) с изложением деяний заслуженной персоны (бэй), такие же стелы округлых очертаний (цзе), квадратные могильные плиты с эпитафией, врываемые перед могилой (мучжи), надписи на скалах или на огромных отдельных камнях-стелах (моя), перечни сдавших экзамены (тимин) и некоторые другие разновидности светских памятников; высокие восьмигранные обелиски с эпитафией (томин), такие же обелиски, но низкие, с навершием, лотосовидным постаментом, восемью фигурками будд и эпитафией (цзинчуан) или их типично ляо-цзиньскую разновидность (динчуан), ставящиеся в честь духовных особ. Со второй половины XII в. в стелах начинают прославлять даосских проповедников, особенно Ма Таньяна, Ван Чжунъяна и др. [МСКССК, с. 93—141]. Право на тот или иной камнеписный памятник-эпитафию фиксировалось в положениях о чиновниках (в том числе и в «Да Цзинь го чжи», цз. 35). Недаром Хай-лин-ван, проводя пересмотр прав и состава чиновников, прежде всего позаботился лишить неугодных ему вельмож патентов на ранг и прав на мемориальные стелы, причем велел разрушить многие из уже воздвигнутых[11]. Надпись на таких стелах исполнялась разными почерками: вязью («чжуань»), уставом («чжэнь»), курсивом («син»), причем известными каллиграфами эпохи: Дан Хуайанем, Ван Тинъюнем, Ван Гуанем. Все известные цзиньские стелы имеют навершие с текстом, написанным почерком чжуань. Этот почерк в эпоху Цзинь характеризуют такие качества, как особая тонкость линий, удлиненность их концевых частей, создающие впечатление следа, процарапанного иголкой, без какой-либо расплывчатости и хаотичности, столь свойственной чжуаню старых надписей.

Одноязычные чжурчжэньские монументальные камнеписные памятники исключительно редки. К ним относится, например, стела,

[11] Цзиньский генерал Цуй Ли, захвативший в 1233 г. власть в осажденном Цайчжоу и сдавший город монголам, пытаясь оправдать свое предательство «благом спасенных жителей», тоже требовал себе впоследствии почетной стелы [Haenisch, 1944].

первая ставшая известной европейской науке еще в 60-х годах XIX в. под названием «Стелы из Яньдай». В районе террасы Яньдай у г. Кайфына находилась каменная плита с высеченной на ней чжурчжэнеязычной надписью по поводу присуждения цзиньской ученой степени цзиньши в 1224 г. (с перечнем фамилий удостоенных степени). Надпись получила в литературе и другое название — по заголовку: «Плита с перечнем лиц, удостоенных степени [чжурчжэньских] цзиньши» ([«Нюйчжэнь] цзиньши тимин бэй»). Плита содержит свыше 1100 чжурчжэньских знаков, похоже «малых», хотя некоторые исследователи полагают, что текст смешанный — «малые» знаки перемешаны с «большими» [Ло Фучэн, 1936; Lo Fu-cheng, 1923; Wang Ching-jü, 1937; Huth, 1896; Devéria, 1882]. Другой пример — чжурчжэньская надпись на скале на вершине горы Янмулинь, у Хайлуна, в пров. Цзилинь (не датирована). Дата в тексте (1116 г.) на три года опережает официальное время создания первой чжурчжэньской письменности и не может быть датой стелы [Осибути, 1934; МСКССК, № 59]. Проделана работа по прочтению этих стел и чжурчжэньского текста стелы «Тайхэ тимин бэй» и переводу их на китайский язык [Цзинь Гуаннин, Цзинь Цицун, 1964, с. 421—506].

Более интересны и многообещающи билингвы. В Цяньчжоу (пров. Шаньси) находится билингва: китайская и чжурчжэньская надписи, высеченные на стене мавзолея танского императора. Это, возможно, самая ранняя датированная чжурчжэнеязычная надпись. Согласно китайской версии, в которой особо оговорено, что она — перевод чжурчжэньской, похоже выполненной «малыми» письменами, речь идет о «Памятнике по случаю посещения генерал-губернатором, комиссаром и принцем крови, братом императора [мавзолея танского императора]» («Да Цзинь хуанди дутун цзинлюе ланцзюнь синцзи») в 1134 г. Под братом императора, возможно, имеют в виду Ваньянь Салихэ [Wylie, 1860; Chavannes, 1908]. По другой версии, второй язык в билингве — киданьский [Стариков, 1975]. Знаменитая «Стела-памятник в честь победителя из Великой Цзинь» («Да Цзинь дэшэн тосу бэй») в Фуюй, на р. Лалинь, в пров. Цзилинь (Гирин), принадлежит к довольно редкой разновидности цзиньских стел в память военной победы, а именно по случаю победы Агуды над Ляо. Она воздвигнута Ши-цзуном в 1185 г. после поездки последнего в Шанцзин как часть общей политики по возвеличению чжурчжэньского прошлого. Китайский текст — более 600 знаков — прославляет подвиги Агуды [Tamura, 1971]. Он послужил основой для перевода чжурчжэньской части, исполненной «большими» письменами. В науке она считается первой бесспорной чжурчжэнеязычной стелой [Tamura, 1976]. Известная стела в честь Ваньянь Сиинь, или, как гласит полный ее заголовок, «Стела в память божественного пути покойного левого вице-президента Государственного совета, принца Цзиньюань, вана Чжэньсянь, князя Ваньянь Великой Цзинь» («Да Цзинь гу шаншу цзочэнсянь цзиньюаньцзюнь чжэньсяньван Ваньянь-гун шэньдаобэй»), поставлена на могиле одного из создателей цзиньского государства, победоносного полководца,

в 1126—1127 гг. захватившего Кайфын, создателя чжурчжэньской письменности, умершего в 1140 г. Стела воздвигнута на его могиле в Шанцзине около 1177 г. Это наиболее крупная из старых погребальных стел Маньчжурии: ее размеры 3,2×1,5×0,4 м. Столь же пространна ее надпись, содержавшая свыше 2400 китайских иероглифов, многие из которых уже неразличимы. Высеченный на ней текст — ценнейший исторический источник [Hsü Ping-ch'ang, 1936; Сонода, 1939]. В г. Уссурийске, на месте которого некогда располагался крупный город чжурчжэней Сюйпинь, находилось самое меньшее два памятника-черепахи со стелами. Навершие одной из стел сохранилось; китайская надпись, состоящая из 20 иероглифов почерком «чжуань», расположенных пятью вертикальными строчками, гласит: «Стела в память божественного пути почетного главноначальствующего принца Цзиньюаня, светлейшего князя Ваньяня» («Да Цзинь кайфу итунсаньсы Цзиньюань цзюнь минъи Ваньяньгун шэньдаобэй»). Заголовки стел Ваньянь Сииня и Уссурийской очень похожи: обе стелы на черепахах, обе высшего разряда («в память божественного пути»), титулы обоих лиц частично совпадают (оба они из императорской фамилии Ваньянь и из колыбели рода — местности Цзиньюань). Разница лишь в служебной титулатуре: Сиинь выполнял функции вице-президента, а неизвестный герой уссурийского памятника носил старинный китайский титул кайфу итунсаньсы — высший гражданский титул при Сун и Цзинь, не предусматривающий занятия определенного поста. Социальное положение обоих лиц, очевидно, не слишком разнилось. По некоторым предположениям, уссурийский памятник воздвигнут в 1193 г. в честь Ваньянь Эсыкуя (Чжуна), умершего в 1148 г. [Ларичев, 1974; Панов, 1893; Хуа Цюань, 1976]. Стела в честь Ваньянь Лоуши, рангом ниже, установлена у его могилы в Шанцзине около 1177 г. Надпись содержит почти 4 тыс. китайских знаков, многие из которых неразличимы [Сонода, 1941, с. 49—59].

«Обелиск с эпитафией на могиле перед храмом Баошэнсы в Шанцзине великому проповеднику Бао Юню, епископу столичной епархии» («Шанцзин Баошэнсы цянь гуань нэй ду болу Бао Юнь дашн мото минчжи»), воздвигнут в 1188 г. Бао Юнь был знаменитым буддийским проповедником второй половины XII в., ходившим в паломничество к храмам Шанцзина, где умер и погребен. На шести гранях каменной колонны с простыми лотосовидным навершием и базой выгравирована надпись на китайском языке [Сонода, 1941, с. 23—25; Matsui, 1912 (I), с. 91]. В Цзымулинцзы, в уезде Синлун (пров. Хэбэй), на могиле цзиньского сановника киданина Сяо Чжунгуна, поставлена квадратная стела с эпитафией. Пространная надпись из 14 280 малых киданьских знаков расшифрована настолько, что известна персона, которой посвящена стела, и год создания эпитафии (1150). Эпитафия служит свидетельством (и не единственным) свободного использования киданьского письма в первой половине Цзинь [Chêng Shao-tsung, 1973 (I); Wang Ching-jü, 1973]. Близ деревни Бэйянь в уезде Синьчэн (пров. Хэбэй) открыта семейная усыпальница фамилии Жи. В ней погребены Жи

Лиюань, умерший в 1144 г., и его четвертый сын, Жи Фэнь, скончавшийся в 1127 г., а также их жены. Жи Лиюань был крупным государственным деятелем династии Цзинь, поэтому в 60 метрах от его погребения и поставлена стела в память заслуг, а в самой гробнице находятся эпитафии покойному и трем его женам. Эпитафия Жи Лиюаню состоит из 2350 иероглифов, прекрасно сохранившихся. В могиле Жи Фэня — две эпитафии: ему самому и его жене. Эпитафия сыну короче — в ней всего около 1000 знаков. В этой семейной усыпальнице стелы сочетаются с эпитафиями, причем китаеязычный текст в обоих случаях близок по содержанию [Ло Пин, Чжэн Чжаоцзун, 1962].

Приведенными примерами не ограничивается перечень монументальных памятников цзиньской эпиграфики. В литературе упоминаются такие стелы и каменописные реликвии, как надпись на скале на горе Баньцзе, у р. Люхэ, в пров. Цзилинь («Люхэ Баньцзешань маяй бэй»), в память победы, одержанной Агудой над киданями; фрагмент надписи с перечнем лиц, державших экзамены в годы Тайхэ (1201—1208), китайская часть датирована 1206, чжурчжэньская—1210 г. («Тайхэ тимин бэй»); стела из храма Цинъюаньсы Великой Цзинь («Да Цзинь Цинъюаньсы бэй») [Амма, 1943, № 2, 3, 5]. Интересны стела 1147 г. по случаю реставрации храмов Юньгана в 40-х годах XII в. (сама она не сохранилась, но текст известен [Су Бо, 1956]), цзиньская надпись 1162 г., свидетельствующая в числе прочих об очередном ремонте пагоды Ваньбу хуаянь цзин в г. Хух Хото во Внутренней Монголии [Li I-yu, 1977]. Вокруг этого города, который при Цзинь назывался Фэнчжоу и входил в окраинное, Юго-Западное верховное воеводство, в последние годы обнаружено шесть крупных фрагментов стел, сплошь покрытых китайскими иероглифами (в среднем поверхность каждого из фрагментов — около 1 кв. м). Судя по предварительным данным, фрагменты относятся к 60-м годам XII в. и содержат подробные сведения о городской, религиозной, общественной жизни этого района, заселенного в ту пору разными народностями [Ли Ию, 1979].

Цзиньская эпиграфика только на территории Маньчжурии с 40-х годов XII и по 10-е годы XIII в. включительно представлена почти всеми видами стел, такими, как «Погребальная стела в храме предков фамилии Лю» («Люши миндан бэй») 1144 г. из Шэньчжоу в пров. Ляонин; «Квадратная могильная плита Чжан Синъюаню — мужу со светлыми заслугами» («Гуаплу дафу Чжан Синъюань лючжи») с погребения в Ляояне, поставленная в 1150 г.; «Круглая стела на могиле боевого генерала Гао Сункэ» («Сюаньу цзянцзюнь Гао Сункэ моцзе»), установленная в 1155 г. у погребения в Ляояне; «Стела на черепахе в честь перестройки храма Саньсюесы губернатором Синчжуна» («Синчжун фуи гайцзянь саньсюесы бэй») 1167 г. из Чаояна в пров. Ляонин; «Каменный обелиск с истинными речениями дарани», т. е. с заклинаниями («Толани чжэньянь чуан») 1177 г. из Чаояна в пров. Ляонин; «Эпитафия на каменном гробе Чжао Цзинсина» («Чжао Цзинсин шигуань мин») 1181 г. из Нунъаня в пров. Цзилинь; «Перечень сдавших экзамены на ученую сте-

пень „мудрейшего“ (сяньшэн) в храме Фэнгосы в Ичжоу» («Ичжоу Фэнгосы сяньшэн тимин цзи») 1192 г. из Исяня в пров. Ляонин и т. д. [Ло Фуи, 1936, 1937 (I), 1937 (II)]; «Погребальная стела даосу Цао [посмертное имя] Даоцин» («Даоши Цао Даоцин бэй») 1199 г. из префектуры Бинь; «Каменный обелиск кумирни Гуаньди» («Гуаньди мяо шицзин чуан») 1207 г. из Чаояна; верстовой столб с расстояниями в 1 ли по всем четырем направлениям от уездного города Тунчана — г. Фусиня (пров. Ляонин) [МСКССК, № 54, 57, 61].

Другим важным видом памятников цзиньской эпиграфики являлись печати. В жизни цзиньского государства они, пожалуй, играли даже более ответственную, хотя и повседневную роль, нежели стелы. Поэтому знакомство чжурчжэней с печатями началось раньше, чем с другими памятниками письменности, а сама система официальных печатей (си, инь) оказалась разработанной подробно. Квадратная рабочая площадка печати покрывалась, как правило, литыми рельефными знаками, которых было одинаковое число в каждом ряду. Они выполнялись почерком «чжуань». В сфрагистике стиль «чжуань», точнее, «большой чжуань» («дачжуань») в средние века превратился в так называемый «девятислойный» или многослойный «чжуань». Все элементы каждого иероглифа располагались таким образом, что образовывали девять горизонтальных линий (или иное число от шести до десяти). Естественно, что для достижения этой цели элементы иероглифов подвергались сильной деформации. Во всех случаях усложненная надпись преследовала важную практическую цель: устранить возможность подделки самой печати или ее оттиска. Однако такую надпись было трудно прочитать, поэтому для облегчения выбора нужной печати на оборотной стороне ее часто вырезались четкий текст надписи, место и время отливки [Ло Фуи и др., 1963].

С печатями как символами власти, определенного служебного положения, обладания званием или рангом чжурчжэни познакомились задолго до образования собственного государства. Отдельные чжурчжэньские вожди, вступая с киданьскими или корейскими властями в различные отношения той или иной степени подчиненности, получали от своих покровителей печати, удостоверяющие присвоенное им должностное звание. Так, в «Цзинь ши» содержится колоритный рассказ, возможно недостоверный в некоторых деталях, о том, как Угунай собирался принять от Ляо звание цзедуши (наместника) и печать, а родовые старейшины воспротивились этому [ЦШ, цз. 1]. В «Корё са» сообщается о некоторых чжурчжэньских вождях, которые, желая сменить покровителя, просили обменять их киданьские печати на корейские. В 1003 г. у племени ужэ имелось две печати. К 1126 г. чжурчжэни настолько хорошо знали ценность китайских государственных печатей, что при захвате Кайфына, китайской столицы, наряду с императорскими регалиями вывезли в качестве трофеев и некоторые сунские государственные печати, равно как и резчиков печатей. В дальнейшем, заимствуя некоторые внешние китайские формы придворного церемониала, статуса

чиновников и табели о рангах, чжурчжэни неоднократно возвращались к упорядочению системы печатей. Судя по «Да Цзинь цзи ли», в 1138 г. чжурчжэньские власти провели своеобразную инвентаризацию императорских регалий, захваченных в Ляо и Сун. За их регистрацией последовало создание в 1145 г. новой системы печатей, прежде всего императорских (си). Система печатей чиновников (инь) также не избегла пересмотра. Отдел церемоний закрепил в 1156 г. стандартный размер и материал для печатей [ДЦЦЛ, цз. 29].

В языковом отношении цзиньские печати отличаются не только естественным отсутствием билингв, но и редкостью применения чжурчжэньских письмен. Это вполне оправдано практикой, хотя противоречит объявлению чжурчжэньского языка государственным. Оттиску печати полагалось быть понятным всему грамотному населению империи, поэтому лишь на некоторых печатях чжурчжэньских моукэ (т. е. военных отрядов-общин или их начальников) допускались чжурчжэньские варианты надписей. Это печать (начальников) моукэ Ачэньшаня и Игая с р. Тагэхэ [Амма, 1943, № 9, 10] и несколько печатей с нерасшифрованными надписями, по-видимому, частных лиц [Имаписи, 1938]. Все же остальные печати должностных лиц выполнялись по-китайски, даже если должности эти почти несомненно занимали чжурчжэни. Таких печатей известно довольно много [Ло Фуи, 1936, 1937 (I), 1937 (II)]. Можно отметить, например, удивительное обилие печатей безымянных футунов (помощников дивизионных генералов), возможно вызванное потерей их в боях или комплектованием новых воинских частей [Ло Фуи, 1937; Древние..., 1965; Чиновничья..., 1965]; печатей ваньху (десятитысячников), всегда связанных с конкретным родом войск или воинской частью [Chêng Shao-tsung, 1973 (II)]; печатей моукэ, связанных непременно с именем начальника [Ли Ию, 1961 (II)], среди которых следует упомянуть печать моукэ Вомуай с р. Сюйпинь, т. е. с р. Суйфун в Приморье [Hsi Chin, 1977, с. 66]; печатей тикуна (уполномоченного или пристава) [He Guanbao, 1980; Ли Лань, 1958]; печатей военных и полувоенных учреждений и чиновников, например печать добровольческой армии (ицзюнь) [Лай Пинь, 1966], печать «победоносного форта» (дэшэнчжай) [Zhong Kan, 1978, с. 58] и сравнительно редко встречающиеся печати гражданской администрации [Э-ши, 1961]; интересную группу из восьми печатей (в том числе трех одинаковых), выпущенных в 1232 г. [Восемь..., 1976]; набор из пяти личных печатей из коровьего рога в лакированном футляре, принадлежавшего настоятелю даосского храма [Xie Tingqi, 1978].

С технической и художественной стороны цзиньские печати — явление примечательное. По виду они не уступают печатям сунским, что, вероятно, объясняется сохранением традиций и кадров китайских резчиков. Некоторая неуверенность линий, нетвердость композиции («пляшущие иероглифы») на одних печатях, чаще принадлежащих второстепенным учреждениям и ведомствам, искупаются общей строгостью и четкостью выполнения иероглифов,

выдержанностью их расположения — на других. Повсюду принят почерк «многослойный чжуань». Часто число слоев одинаково у всех знаков надписи, но столь же часто оно неодинаково. В представленных образцах разный почерк резчиков живо ощущается как в характере линий, так и в способах трансформации знаков. Тонкие линии на печатях чередуются с жирными. Свободное размещение иероглифов на площадке печати сменяется более тесным и экономным. Округлые изгибы линий иероглифов более часты, но есть и прямые углы, столь характерные для печатей последующих веков [Воробьев, 1972].

К цзиньским памятникам письменности на металле кроме печатей принадлежат монеты, зеркала и бирки. Монеты (киданьские и китайские) имели хождение у чжурчжэней еще в XI в., а первые собственные монеты Цзинь стала отливать с 1157 г., причем все 34 разновидности (с монетами вассального государства Ци) китаеязычные, да и сами монетные кружки сохраняют облик, привычный для населения средневекового Дальнего Востока [Воробьев, 1975, с. 278—282; Ивочкина, 1968]. В эпиграфическом и нумизматическом отношениях особый интерес представляют кроме этих медных разменных монет серебряные слитки. Клад, содержащий среди прочих вещей 31 такой слиток (иньтин), недавно обнаружен в Линьтуне (пров. Шэньси). В основании они представляют собой эллипсоид (в среднем 14×8 см) с овальными выемками по длинным сторонам (ширина в этом месте — около 5,5 см) или «двойное копыто» и весят примерно 2 кг. На основании вырезаны надписи, фиксирующие время (1205—1207 гг.), место изготовления, эмиссионное учреждение, назначение и название слитка, его достоинство (обычно соответствующее 50 лянам, т. е. 100 большим связкам монет), фамилию контролера. Цзиньские слитки сыграли важную роль в утверждении серебра как средства обмена в Китае [Чжао Канминь и др., 1975]. Известны и более ранние слитки — 1157 г. [Лу Ци, 1980].

Надписи на бронзовых зеркалах достаточно разнообразны. Уникально зеркало с киданьской надписью цзиньского времени: в дублирующей китайской надписи упомянут округ Цичжоу, существовавший в 1140—1189 гг. при Цзинь в районе совр. Кайюаня (пров. Ляонин), и владелец — Ваньянь Тун, носитель знаменитой фамилии [Ch'ên Shu, 1973]. Чжурчжэньские надписи на зеркалах чаще встречаются на севере, чем на юге: в Приморской коллекции зеркал с надписями из 18 зеркал пять чжурчжэнеязычных. Но и остальные, составленные по определенному трафарету: название административного центра, учреждения, должности, фамилия, и те, которые отступают от трафарета, в конце надписи имеют неизвестный знак, очевидно чжурчжэньский [Ивлиев, 1978]. На большинстве зеркал надписи не чжурчжэньские. Лаконичная надпись на зеркале из Сучана (Приморье) гласит: «Шанцзин, уезд Ичунь...» («Шанцзин Ичуньсянь ту...») [Ларичев, 1958]. Уезд Ичунь образован в 1167 г. в составе столичной области Хуэйнинфу на р. Яцзыхэ. Два других зеркала тоже не датированы, с надписями: «Зеркало Мао Кэ из

области Сяньпин» («Сяньпинфу Мао Кэ цзин») одноименной губернии и «Казенное зеркало из Сяпэя» («Сяпэй гуанъцзин») одноименной области губернии Шаньдунсилу. Интересно, что в обеих последних областях запрещалась частная добыча и обработка меди, и надписи подтверждали законное происхождение зеркал: в первом случае — экземпляр именной (или, может быть, принадлежит общине моукэ, хотя употреблены иные знаки), во втором — казенный. К сказанному надо лишь добавить табличку, хранящуюся в Японии с 1224 г., с надписью из четырех чжурчжэньских знаков. Поскольку знаки не обнаруживаются ни в одном чжурчжэньском словаре, перевод надписи — «Да здравствует Великая Цзинь» — может быть только предположительным [Murayama, 1950]. Известные бирки гонцов тоже снабжались чжурчжэньской надписью «Торопись и передай срочно» [Pei Yuan Lou, 1904, с. 166]. В «Фань ши мо пу» («Наброски тушью фамилии Фань») Фань Юйлу помещены восемь чжурчжэньских знаков. Расположены они двумя вертикальными рядами, по четыре знака в каждом. Шесть знаков расшифровываются по словарям. Восстановив два знака, исследователь получил фразу из «Шан шу»: «Мин-ван чтил добродетель, варвары четырех [сторон] пожаловали в гости» [Ishida, 1973 (II), с. 71—77], тут же дублированную по-китайски. Чжурчжэньская надпись помещена на обороте медальона, на лицевой стороне которого изображены две фигуры в чжурчжэньских одеждах, играющие с фазаном [Bushell, 1898, с. 21—22].

Среди тамгаобразных знаков на керамике, орудиях труда и оружии с цзиньских памятников советского Дальнего Востока выделяются отдельные простейшие знаки чжурчжэньского письма, например цифра «8» и др. [Шавкунов, 1972, с. 130].

Уникальны два рукописных фрагмента — первые памятники чжурчжэньской скорописи [Кара, Кычанов, Стариков, 1972]. Как предполагают, они служили обложками тангутских книг. Надписи сделаны одной рукой, черной тушью. Первый фрагмент состоит из семи вертикальных строк и, по-видимому, из 79 графем, второй — из шести вертикальных строк и из приблизительно 65 графем. Графемы написаны в слитной манере и не все понятны. Из сохранившихся полностью идентичны чжурчжэньским 34, а 21 близки к ним по написанию. Дата в китайском тексте — 1217 г.— является ориентировочным временем создания надписей, пока не поддающихся переводу. В 1973 г. при реставрации обелиска «Шидайсяоцзин» в г. Сиане (пров. Шэньси) было обнаружено 11 фрагментов текста на бумаге с чжурчжэньскими письменами [Liu Zuichang, Zhu Jieyuan, 1979, рис. 2, 5—7]. Четыре экземпляра исписаны с двух сторон, семь — с одной. Всего насчитывается 237 строк и около 2300 знаков, из них примерно 1700 отчетливых. По предварительной расшифровке, это учебно-тренировочные записи. Примером китаеязычного цзиньского документа может служить договор 1188 г. о купле-продаже земли, заверенный подписями и печатями и оплаченный пошлиной [Чжунго..., 1975, с. 1]. На серебряной биркепластине с Шайгинского городища в Приморье выбита чжурчжэньская надпись, расшифрованная исследователями как «Тысяча. Го-

сударственное свидетельство (удостоверение)», очевидно тысячника [Шавкунов, Певнов, Ивлиев, 1978, с. 128]. На Лазовском городище (Приморье, СССР) найдена чугунная гирька с датой — 1206 г. [Леньков, 1978, с. 80].

Рассматривая памятники письменности Цзинь ретроспективно, нетрудно убедиться, что по составу форм они мало уступали сунским, а по языковому признаку выделялись наличием чжурчжэнеязычных надписей (самостоятельных и в сочетании с китайским вариантом) и фрагментов текстов. Вступив в государственную пору своего существования, чжурчжэни по примеру других народов Дальнего Востока обратили особое внимание на эпиграфические произведения, имеющие государственное значение (стелы, печати, монеты). Подчеркивая важность и государственную роль чжурчжэньского языка и письменности, они применили их на монументальных памятниках. Но учитывая, бесспорно, более широкую распространенность китайского языка, они как бы причислили последний к государственному: ввели билингвы и чисто китаеязычные надписи. Чжурчжэньский язык оказался вполне способным выразить сложное содержание разных по характеру стел и прочих надписей, особенно во второй половине XII в. Именно в это время усиленно воздвигаются двуязычные стелы как часть политики защиты чжурчжэньской самобытности, но даже тогда правительство остерегалось ставить чисто чжурчжэньские памятники. Объявив государственным языком чжурчжэньский и ставя двуязычные стелы, правительство в повседневной государственной эпиграфической практике (печати, монеты) использовало только китайскую письменность; даже многие надписи стел чжурчжэньским вельможам писались по-китайски. Такая политика косвенно отражает ту ситуацию, что грамотные чжурчжэни чаще знали китайское письмо, чем ученые китайцы — чжурчжэньское и что китайский литературный язык сохранял свои интернациональные функции на Дальнем Востоке, включая и империю Цзинь.

11. Книги и книгопечатание

Книжное дело в эпоху Цзинь сложилось далеко не сразу. Потребовалось какое-то время для того, чтобы новое государство сначала столкнулось с обильной северосунской литературой, затем пришло к выводу о необходимости выпуска собственных изданий на чжурчжэньском и китайском языках, наконец, широко развернуло издательское дело.

Знакомство чжурчжэней с рукописями и ксилографами произошло еще в XI в. Конфуцианские сочинения, вымененные чжурчжэньским племенем тели у киданей в 1012 г., буддийское издание, выпрошенное чжурчжэнями «30 родов» в 1019 г. в Дэнчжоу, в Китае, календарь, полученный ими в 1030 г. у корейцев,— все это были книги (и, конечно, не единственные), сознательно добываемые отовсюду. Другое дело, что перечень их оставался скудным, число —

небольшим, а круг читателей — узким. Но уже на рубеже XII в. чжурчжэни понимали значение книг, хотя и не умели печатать их сами. В 1120 г. в Средней столице Ляо (г. Дадин, совр. Данин, пров. Ляонин) чжурчжэни захватили книги и карты. В ходе войны с Китаем после капитуляции Кайфына в 1126—1127 гг. чжурчжэни захватили много книг и печатных досок. Чжурчжэни не только забрали фонды государственного университета, секретного книгохранилища Саньгуань, собрание печатных блоков сутр на «Дворе по приему иноземцев» (Хунлусы), но и опустошили книжные лавки Кайфына. Предводитель чжурчжэней вывез несколько повозок книг, печатных досок и не менее 300 печатников. Эти северосунские блоки впоследствии были использованы Цзинь. Трофейный фонд не был скудным. Только в дворцовом хранилище Северной Сун в 1126 г. числилось 6705 названий и 73 877 цзюаней [Флуг, 1959, с. 253]. В страну проникала также южносунская, корейская и тангутская литература. Книжные фонды чжурчжэньской империи, как старые, так и новые, не выглядели бедными. В 60—80-х годах XII в. в библиотеках уезда Чанчжи (совр. пров. Шаньси), например, числилось до 10 тыс. томов (цзюаней), в частном собрании Сюй Чанфаня находилось около 30 тыс. томов, а у Шунь Тяньбо — до 10 тыс. томов. О богатстве столичных книгохранилищ говорят следующие цифры. Когда в 1214—1215 гг., спасаясь от монголов, цзиньское правительство перенесло Среднюю столицу из Яньцзина в Кайфын, для перевозки ценностей потребовалось 3 тыс. мулов, а для транспортировки книг и архивов Бишушэна, Пынлайюаня, Бэйвэньгуаня — 30 тыс. повозок. Среди этих книг числилось немало чжурчжэньских и выпущенных издательствами Цзинь [Чжан Сюминь, 1959]. И несмотря на все это, одни только старые печатни, сохранившиеся в Северном Китае, не могли удовлетворить спрос на литературу. После перенесения столицы в Яньцзин чжурчжэни неоднократно требовали у Южной Сун книги, отсутствовавшие в Цзинь. Южносунское правительство выражало недовольство утечкой литературы на север и знакомством с некоторыми печатными изданиями на месте, особенно с картами.

В Цзинь образовалось по меньшей мере четыре крупных центра книгоиздательства: Яньцзин, Кайфын, Пинъян и Нинцзин. Если первые два города относились к категории столиц (Средней и Южной), то два последних — культурные центры. Наиболее активным государственным издательством Цзинь оказалось так называемое академическое или, точнее, университетское в Яньцзине (Гоцзыцзянь). Это издательство выпускало преимущественно широко известные книги из разделов «классики» и «истории» (подраздел «династийные истории»), переводы этих сочинений на чжурчжэньский язык — и все это значительным тиражом. Для издания этой литературы цзиньские печатники не только использовали старые печатные доски, но и заказывали новые — государственным и частным резчикам. В поисках образцов обращались к изданиям «пяти династий» (907—959) и к сунским. Надежные источники позволяют установить составителя, редактора и комментатора 29 изданий цзинь-

ского университета [Чжан Сюминь, 1935, с. 21—22]: «И цзин» с комментариями вэйского Ван Би и цзиньского Хань Канбо; «Шу цзин» с комментариями ханьского Кун Аньго; «Ши цзин» в редакции ханьского Мао Хэна и толкованием Чжэн Сюаня; «Чунь-цю Цзо шичуань» с комментариями цзиньского Ду Юя; «Ли цзи» с примечаниями танского Кун Инда; «Чжоу ли» с комментариями ханьского Чжэн Сюаня и с примечаниями танского Цзя Гунъяня; «Лунь юй» с комментариями вэйского Хэ Яня и с примечаниями сунского Син Бина; «Мэн-цзы» с комментариями Чжао Ци и с примечаниями сунского Сун Ши; «Сяо цзин» с комментариями танского Сюань-цзуна; «Ши цзи» с комментариями сунского Пэй Иня; «Цянь Хань шу» с комментариями танского Янь Шигу; «Хоу Хань шу» с комментариями танского Ли Сяня; «Сань го чжи» с комментариями сунского Пэй Сунчжи; «Цзинь шу»; «Сун шу»; «Ци шу»; «Лян шу»; «Чэнь шу»; «Хоу Вэй шу»; «Хоу Ци шу»; «Чжоу шу»; «Суй шу»; «Синь Тан шу»; «Цзю Тан шу»; «Синь у дай ши»; «Цзю у дай ши»; «Лао-цзы» с комментариями танского Сюань-цзуна; «Сюнь-цзы» с комментариями танского Ян Цзина; «Ян-цзы» с комментариями цзиньского Ли Гуя, танского Лю Цзунъюаня, сунского Сун Сяня и У Ми. Эти произведения стали печатать в 1153 г. после переезда правительства в Среднюю столицу в Яньцзине. К концу XII в. известно 78 названий университетских ксилографов.

Для чжурчжэньских школ, открывавшихся по всей стране, требовалось много литературы на чжурчжэньском языке. Переводная чжурчжэньская литература численно превосходила аналогичную литературу в государствах Ляо и Си Ся. Вся эта литература с 1194 г. издавалась чжурчжэньской Литературной коллегией (Хунвэньюань), следившей за соблюдением стилистических правил и за точностью воспроизведения канонических текстов. На чжурчжэньский язык переведены и напечатаны «Чжэньгуань чжэнъяо», «Цэлинь» Бо Цзюйи; «Ши цзи» Сыма Цяня — в 1165 г., «Синь Хань шу» — в 1196 г., «Сяо цзин» — в 1183 г., «И цзин», «Шан шу», «Лунь юй», «Мэн-цзы», «Лао-цзы», «Ян-цзы», «Вэнь Чжун-цзы», «Лю-цзы», «Синь Тан шу» — все в 1183 г., «Чунь-цю» — в 1188 г. Специально для императорской гвардии напечатали тысячу экземпляров «Сяо цзин» [ЦШ, цз. 99]. К категории государственных относились издания палаты государственной истории (шигуаньбэнь), составлявшей и выпускавшей «правдивые хроники» о чжурчжэньских императорах и некоторые другие исторические сочинения.

В Кайфыне в начале Цзинь по традиции продолжало работать северосунское университетское издательство. Именно там вырезали доски для издания «Цзю у дай ши» («Старой истории пяти династий»). Книжный магазин Бяньлян издал сборник стихов Ваньянь Шоу и т. д. В начале XIII в. вместе с правительством в Кайфын переехали другие издательства. Именно здесь в 1169 г. вышло прекрасное издание «Чжэньгуань чжэнъяо» («О принципах управления в годы чжэньгуань») танского У Цзина. Интересно отметить, что это единственное известное китайское сочинение, переведенное на несколь-

ко языков: на тангутский, киданьский, чжурчжэньский, монгольский — видимо, из-за актуальности тематики [Franke, 1974 (I), с. 23]. Кайфын стал и центром составления и печатания даосского канона. В 1188 г. было приказано подготовить в Южной столице (Кайфыне) новый канон. О размерах предприятия могут свидетельствовать такие цифры: получено завещанных и неопубликованных рукописей и сутр 1074 цзюаня, вырезано недостающих клише 21 800 единиц, собрано старых клише 83 198 единиц, построено 35 хранилищ для клише на 140 полок каждое. В результате всей этой кипучей деятельности к 1192 г. удалось напечатать ксилографическим способом «Да Цзинь сюаньбу баоцзан» («Драгоценное собрание из жилища Лао-цзы при Великой Цзинь») в 6455 цзюанях. Имена некоторых резчиков сохранились и указаны на отдельных клише: Юн Чжун, Ли Юй и др. Издание субсидировалось цзиньским правительством и частными лицами.

Для развития книжного дела в Цзинь немало сделал Чжан-цзун. В 1190 г. было приказано разыскать утраченные книги. Литературная коллегия и императорская библиотека Хунвэньюань стала центром государственного книжного комплектования. В штате библиотеки предусматривались должности переводчиков и переписчиков. В 1201 г. осуществлен учет частных книжных собраний. Владельцы ценных и отсутствующих в государственных хранилищах изданий получили предложение: либо пожертвовать их государству, либо одолжить для копирования. За выдачу сочинений для копирования по окончании работы владельцам книг выдавалась награда в размере половины стоимости экземпляра [Wong, 1939, с. 333].

Областной город Пинъян в губернии Хэдуннаньлу стал центром частных издательств, хотя именно в нем в 1130 г. Цзинь открыло первую государственную печатню. Известно не менее 11 частных изданий Пинъяна. Книгопечатанию немало способствовала налаженная бумагоделательная промышленность, существовавшая в самом Пинъяне и в Тайюане (пров. Шаньси). Пинъян вырос в центр естественнонаучного книгоиздательства. В 1186 г. здесь вышли пять цзюаней «Синькань бучжу тунжэнь шисюэ чжэньчжи туцзин» («Иллюстрированное пособие по иглоукалыванию и прижиганию с указанием точек по схеме „медного человека“, дополненное комментариями и вновь вырезанное»), расширенное издание труда Ван Вэйи. В 1192 г .вырезано клише для труда Чжан Цяня в 15 цзюанях «Чунцзяочжэн „Дили синьшу“» («Вновь пересмотренная „Новая книга по географии“») [Lo Chin-tang, 1958, с. 67], сохранившихся в нынешних библиотеках [Голи..., 1961, с. 3—10]. В 1172 г. переиздана и снабжена примечаниями знаменитая книга «Шан хань лунь чжу» («О тифе») Чжан Чжунцзина. В конце Цзинь резчиком Цзян И здесь вырезаны доски с текстом и рисунками для «Чжэн лэй бэнь цао» («Нормативной фармакопеи») сунского Тан Шэньвэя. Это факсимильное воспроизведение сунского издания 1116 г. завершено при монголах в 1249 г. и является одной из лучших цзиньских публикаций. Она выполнена на бумаге из хлопка и выделяется издательским мастерством.

В губернию Хэбэйсилу входил уезд Нинцзин. Еще при Тан он был одним из центров книжного дела, славившимся тонкостью и красотой воспроизводимых иероглифов. В Цзинь этим ремеслом прославилась фамилия Син, особенно резьбой текста Пятикнижия. Когда в 1213—1216 гг. монголы достигли юга страны, они захватили здесь много книг, в числе их знаменитое «У цзин» — пять книг конфуцианского канона.

Кроме перечисленных четырех центров книгоиздательства в Цзинь клише для печатания книг вырезали в девяти из девятнадцати цзиньских губерний: Средней столицы — Чжундулу (в одном пункте), Хэбэйсилу (в четырех пунктах), Даминфулу (в одном пункте), Южной столицы — Наньцзинлу (в двух пунктах), Цзинчжаолу́ (в одном пункте), Хэдуннаньлу (в пяти пунктах), Хэдунбэйлу (в двух пунктах), Шаньдундунлу (в трех пунктах), Шаньдунсилу (в одном пункте), т. е. на территории современных провинций Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, Хэнань, Шэньси. Здесь тоже работали государственные и частные печатни. Государственные печатни выполняли еще одно важное задание: они в огромном числе печатали кредитки и ассигнации, причем печатные доски некоторых выпусков сохранились, например выпуска 1215 г. [Чжу Цзеюань, 1977]. В Цзечжоу (пров. Шаньси) было осуществлено издание китайской версии буддийской Трипитаки — так называемой «Трипитаки Чжаочэна», названной в литературе по имени города, в окрестностях которого находился монастырь Гуаншэнсы — хранилище Трипитаки, или «Да цзан цзин» («Великого канона»). Так как ляоское издание Трипитаки сгорело, в 1148 г. было организовано общество по изданию новой Трипитаки, собиравшее для этой цели пожертвования. Буддийские монахи и около тысячи мастеров заново вырезали доски. Новое издание включало не только сунские и ляоские тексты, но и оригиналы, добытые в пекинских библиотеках. Оно состояло из 7182 цзюаней. В 1178 г. напечатан дворцовый экземпляр, но печатание всего тиража затянулось до 1195 г. [Wu, 1950, с. 456—457; Чжан Сюминь, 1959, с. 14].

Создатели цзиньских ксилографов подражали почеркам китайских каллиграфов династии Тан — Янь Синцина, Оуян Су, Юй Шинаня. Они смело ввели в издания рисунки, особенно в иллюстрированные романы, добивались усовершенствования гравюрной техники. В ксилографах для народа процветали сокращенные формы иероглифов. Цзиньские ксилографы китайцы называли северными.

Объем литературы, созданной в государстве Цзинь, как по числу названий, так и по тиражам изданий не поддается сколько-нибудь точному подсчету. Более десятка сочинений на китайском языке сохранилось до наших дней. Впрочем, ксилографы подвергались уничтожению не только в горячие десятилетия монгольских завоеваний. Еще каталог императорской пекинской библиотеки минского времени (середина XIV — середина XVII в.) перечислял 15 сочинений, написанных по-чжурчжэньски; сейчас мы не знаем ни одного (см. [Rosny, 1861, с. 385—386]).

Таблица 4

Содержание каталога «Цзинь ивэньчжи пулу» («Дополненные цзиньские литературные заметки»), в абсолютных цифрах

Отдел	Раздел	Всего	Язык			Автор			
			китайский	чжурчжэньский	киданьский и др.	китаец	чжурчжэнь	киданин и др.	неизвестен
Классика	Книга перемен	14	13	1		13	1		
	Четверокнижие	17	17			16	1		
	Классическая филология	10	8	2		7	2		1
	Переводы	13		13			13		
	Прочее	21	19	2		14	3		4
История	Официальные истории	7	5	2		2	3	2	
	Правдивые хроники	11	11			4	7		
	Частные истории	15	15			7	1	2	5
	Церемониал	9	9			6	1		2
	Право	8	8			2		4	2
	География	4	4			4			
	Эпиграфика	3	3			3			
	Прочее	28	27	1		21	4	1	2
Философия	Конфуцианство	5	5			5			
	Военная наука	1	1			1			
	Медицина	46	46			42	4		
	Астрономия и астрология	15	15			13		1	1
	Гадание и счет	9	9			8	1		
	Романы и «разные художества»	8	8			7	1		
	Даосизм	16	16			16			
	Буддизм	10	10			9			1
	Прочее	19	19			15	2	2	
Сборники	Тематические сборники	99	99			91	5	3	
	Прочее	41	41			38	3		
	Всего	429	408	21		344	52	15	18

Хроники киданьской, чжурчжэньской и монгольской династий не имели в своем составе библиографического отдела — так называемых «ивэньчжи». Некоторые цинские и современные китайские авторы попытались частично восполнить этот пробел на основании каталогов старых китайских библиотек и библиографий. Итоги получились очень разные: число цзиньских сочинений колеблется в

Таблица 5

Содержание каталога «Цзинь ивэньчжи пулу» («Дополненные цзиньские литературные заметки»), %

Отдел	Соотношение отделов	Язык			Автор			
		китайский	чжурчжэньский	киданьский и пр.	китаец	чжурчжэнь	киданин и др.	неизвестен
Классика	17	76	24	–	66	26	–	8
История	20	96	4	–	57	20	10	13
Философия	30	100	–	–	90	6	2	2
Сборники	33	100	–	–	92	6	2	–
Итого . . .	100	95	5	–	80	13	3	4

шести-семи основных библиографиях от 26 до более 400. Столь же неодинакова полнота и точность описаний; не всегда ясно, какие сочинения только созданы, а какие еще и напечатаны. Твердо известно, что при Цзинь государством напечатано 15 изданий на чжурчжэньском языке и свыше 30 — на китайском [Tao Jing-shen, 1976, с. 101]. Из старых библиографий наибольший интерес представляет «Цзинь ивэньчжи пулу» («Дополненные цзиньские литературные заметки») цинского Гун Сянцзэна, из более новых — «Цзинь ши ивэньле» («Литературные заметки к „Истории Цзинь“») Сун Дэцяня. Количественное распределение литературы по разделам в каталоге Гун Сянцзэна см. в табл. 4 [ЛЦЮИВЧ].

Уже само распределение цзиньской литературы по отделам отличается бросающейся в глаза особенностью: отдел «Сборников», столь огромный в китайских каталогах, здесь сравнительно невелик (33%), что говорит о явном предпочтении серьезной литературы (табл. 5). В языковом отношении все сочинения, либо китаеязычные, либо чжурчжэнеязычные. Последние составляют всего 5% и относятся к отделам «классика» — каждое четвертое сочинение (перевод!) — и «история» (очень небольшая доля — 4%).

В авторском коллективе чжурчжэни занимают 13%, а кидани (они занимали львиную долю в «прочих») — 3%. Те и другие творят во всех сферах, но с разной степенью активности: в «классике» и «истории» — чаще, в «философии» и «сборниках» — значительно реже. В «классике» на пять авторов-китайцев приходится примерно два чжурчжэня (обычно это переводчики) и отсутствуют писатели-кидани. В «истории» на двух китайцев приходится даже более одного автора — чжурчжэня или киданина, причем чжурчжэней лишь вдвое больше, чем киданей. В этом отделе заметно повышается доля творческого вклада чжурчжэней и киданей: переводы перестают быть почти единственным видом деятельности. В двух последующих отделах доля некитайского авторства повсюду одинакова: для чжурчжэней — 6%, для киданей — 2%. Зато все произведения

(научные и литературные) творческие; переводы, в сущности, редки. Последняя тенденция косвенно подтверждается сопоставлением авторско-языковых показателей (см. табл. 4). В среднем число некитайских авторов более чем в 3 раза превышает число чжурчжэнеязычных сочинений, в создании которых принимали участие и киданн. Для отдела «классика» эти цифры почти совпадают, но разбавляются большой долей переводов. Для отдела «история» на три чжурчжэньских сочинения приходится 25 авторов-некитайцев. В двух последних отделах — «философия» и «сборники» — вообще нет чжурчжэнеязычных сочинений, хотя авторов-некитайцев — 18%, но именно в эти отделы входят наиболее оригинальные творения. Это позволяет утверждать, что авторы некитайского происхождения чаще создавали произведения на китайском языке, чем на родном, причем по отделам «философия», «сборники» вовсе не представлены их сочинения на родном языке, по отделу «история» авторов-некитайцев в 8 раз больше, чем сочинений на чжурчжэньском языке, а по отделу «классика» кажущееся благополучие достигнуто за счет переводов. В среднем процент творческой интеллигенции из чжурчжэней (13) в общей массе пишущих был даже несколько выше «нормы», если учесть процент чжурчжэньского населения в империи (около 10). Даже со скидкой на привилегированное положение чжурчжэням нельзя отказать в творческих, литературных способностях. Однако сами чжурчжэньские авторы предпочитали писать свои сочинения на китайском языке, и, чем оригинальнее был труд, тем сильнее оказывалось это стремление. Несомненно, при этом учитывалось китаеязычное образование читателей Дальнего Востока и наличие разработанной терминологии и литературных средств в китайском языке. Наряду с этим существовал и другой, чжурчжэньский контингент читателей, для которого руками чжурчжэней и киданей, но не китайцев делались переводы и создавались некоторые оригинальные произведения. В цзиньском государстве, возможно, читались и переводы на чжурчжэньский «Цзы вэнь» (китайского «Букваря») и военных классиков: «Сунь-цзы», «У-цзы», «Тай гун шу» («Сань люе»), выполненные в Корё. Перечень переводов на чжурчжэньский язык вообще довольно внушительный. Особенно хорошо представлены китайские исторические сочинения, как кажется, лучше, чем у тангутов, киданей, монголов [Franke, 1974 (I), с. 21—22].

12. Литература

В догосударственную пору чжурчжэни почти не знали письменной литературы в собственном смысле слова. Если понимать термин «литература» в смысле, принятом на старом Дальнем Востоке, то к цзиньской литературе необходимо причислить литературно-критические творения, эпиграфические памятники, а также обширную и пеструю по составу группу государственного, канцелярского, мемориального, биографического и т. п. жанров (ср. [ХНИЛЦ]). Из 60 цзюаней «Цзинь вэнь цзуй» («Собрания цзиньской литературы»)

(ЦВЦ) только один посвящен образцам художественной литературы в нашем понимании (цз. 1) и 14 содержат литературно-критический материал — предисловия и послесловия, мемуарную литературу (цз. 12—25). Остальные цзюани знакомят с государственно-бюрократическими актами: указами (цз. 2—4), патентами на звания (цз. 5), темами экзаменационных сочинений и контрольных ответов на них (цз. 6—7), докладами (цз. 8—9), наставлениями и панегириками (цз. 10—11), отношениями и письмами (цз. 26—28), резолюциями (цз. 29), канцелярской документацией, общественными и официальными бумагами: записями обсуждений, диспутов (цз. 30), официальными бумагами (цз. 31), текущей перепиской, удостоверениями (цз. 32), надписями на стелах (цз. 33—43) и буддийских обелисках (цз. 44—56), некрологами, элегиями (цз. 57), биографиями (цз. 58) [12] и с разными другими материалами (цз. 59—60).

Если не считать библиографических сведений о произведениях цзиньской художественной и литературно-критической литературы — около 140 наименований, в том числе свыше 70 сборников и антологий, содержащихся в известных «литературных заметках» (ивэньчжи), о которых мы говорили в предшествующем разделе (см. также табл. 4, 5), то все литературное наследие Цзинь, уцелевшее в веках, не достигает десятка наименований и не превышает дюжины — с юаньскими, минскими, цинскими подборками. Из сотни с лишним отдельных произведений, перечисленных в «Ивэньчжи» («Литературных заметках»), мы можем читать несколько цзиньских сборников-антологий: «Чжо Сюань цзи» Ван Цзи (ЧСЦ), «Фушуй вэнь цзи» Чжао Бинвэня (ФШВЦ), «Хунань илао цзи» Ван Жосюя (ХНИЛЦ), «Чжуан цзин цзи» Ли Цзюньминя, «Ишань цзи» Юань Хаовэня (ИШЦ), «Минсю цзи» Цай Сунняня, «Эр мяо цзи» Дуань Чэнцзи и Дуань Кэцзи (ЭМЦ), юаньские антологии: «Чжунчжоу цзи», составленную Юань Хаовэнем из произведений цзиньских поэтов (ЧЧЦ), и «Хэфэнь чжулао шицзи» Фан Ци (ХФЧЛШЦ); цинские сборники «Цзинь вэнь цзуй» Чжан Цзиньу (ЦВЦ), «Цзинь вэнь я», собранные Чжуан Чжунфанем (ЦВЯ). Наконец, ритуально-церемониальная мелодекламация отражена в «Цзинь ши» [ЦШ, цз. 39—40].

В своем развитии цзиньская литература прошла по меньшей мере три этапа [Су Сюелинь, 1934]. Общая протяженность первого из них — 45 лет, с 1115 по 1160 г., но заметные очертания этап принял лишь с 1125 г. Ведущее место в литературной жизни нового государства в то время занимали такие довольно видные писатели и деятели просвещения нечжурчжэньского происхождения, родившиеся и сформировавшиеся в государстве Ляо, как Хань Фан, Ху Ли, Ван Шу, Вэй Даомин, Цзо Цигун, Юй Чжунвэнь и др., в империи Сун, как Юйвэнь Сюйчжун, Гао Шитань, Ши Ишэн, Цай Суннянь, У Цзи, Ма Динго, Ван Цзи и др. Строго говоря,

[12] Им посвящены также цз. 63—133 «Цзинь ши», цз. 27—28 «Да Цзинь го чжи».

можно признать лишь их вклад в культуру нового государства, которому не все они служили добровольно. Хань Фан родился в одном из округов Яньцзина, служил киданям, а потом чжурчжэням, был членом академии Ханьлинь, прославился как писатель и редактор указов. Юйвэнь Сюйчжун был командирован в Цзинь из Южной Сун в 1128 г. по просьбе Тай-цзуна, пользовался большим уважением за литературные таланты, стал членом Ханьлинь и получил звание «государственного наставника». Гао Шитань достиг звания академика Ханьлинь и выпустил литературный сборник. У Цзи, поэт и писатель, в бытность послом в Цзинь был задержан чжурчжэнями; ему велели подготовить проект реформы академии Ханьлинь [Чэнь Янь, 1971, с. 71—73]. Их современник, сам крупный писатель, Юань Хаовэнь писал: «Вначале в государстве [Цзинь] были такие люди, как академик Юйвэнь Сюйчжун, сановники Цай Суннянь, У Шэньчжоу и др. Нельзя не считать их первоклассными мастерами. Однако все они — сунские мастера» [Су Сюелинь, 1934, с. 13].

Следующие 55 лет — второй этап — период расцвета чжурчжэньского государства и его культуры (1160—1214). Именно в это время литература достигает наибольшей оригинальности и выразительности. Литературным творчеством стали заниматься китайцы, родившиеся в Цзинь, и образованные чжурчжэни. Наиболее замечательными писателями и поэтами стали Цай Гуй, Дан Хуайин, Ван Тинъюнь, Чжао Фын, Чжоу Мао, Ли Чуньфу, Чжэн Цзыдань. Цай Гуй был широко известен своими литературными и эпиграфическими трудами. Дан Хуайин отличался на литературном поприще. Ван Тинъюнь (член Ханьлинь) писал и прозу и стихи; последние с так называемой длинной строкой — из семи иероглифов и со строгой рифмой. Чжао Фын и Чжоу Мао опубликовали стихотворные сборники. Ли Чуньфу известен как мастер стихов-стансов. Чжэн Цзыдань написал много стихов и прозы. Именно на этом этапе сложились наиболее типичные для Цзинь формы литературного творчества, о которых мы скажем дальше, и созданы наиболее яркие творения: «Испытав глубокие влияния местного духа, привили суровые, чистые, северные мотивы» [У Мэй, 1934, с. 27].

Третий этап цзиньской литературы принято продлевать с 1215 до 1257 г.— года кончины Юань Хаовэня, т. е. почти на четверть века после политического падения Цзинь. Это объясняется сохранением традиций цзиньских писателей и литературных школ, выразившихся, в частности, в выходе в свет уже при монголах общецзиньских антологий: «Чжунчжоу цзи» («Сборник Центрального округа») и «Хэфэнь чжулао шицзи» («Антология старцев из Хэфэня»). В начале этого периода на литературном горизонте Цзинь блистали Чжао Бинвэнь и Ян Юньи, а в конце — Ван Жосюй и Юань Хаовэнь. Чжао Бинвэнь (1159—1232) был членом академии Ханьлинь, написал десяток книг прозы и стихов (см. [ФШВЦ]). Ян Юньи кроме «Да Цзинь цзи ли» оставил ряд сборников прозы и стансов. Ван Жосюй (1174—1243), автор нескольких сборников, оказался достойным главой цзиньских литераторов после смерти

Чжао и Яна [ХНИЛЦ]. Исключительное место принадлежит Юань Хаовэню (1190—1257). Исследователи, рассматривающие цзиньскую литературу как этап китайской, пожалуй, одного его считают звездой первой величины и называют его фамилию среди крупнейших китайских литераторов. В одном из своих стихотворений, написанных уже после краха Цзинь, он, например, пишет:

Некогда, в мирные годы, жили писатели.
Но с разрухой сочинения сгорают и истлевают.
Уцелевшие веками под небом лежат.
Затаясь в горах и скрывая слезы, их сохраню [ЛЦЮШС, с. 95].

Творчество Юань Хаовэня разнообразно и обширно. Он писал стихи — традиция приписывает ему свыше 5 тыс. строк [ИШШЦ], народные песни «юефу» (та же традиция упоминает 5700 стихов), составлял антологии — знаменитый «Чжунчжоу цзи» («Сборник Центрального округа» в 100 цзюанях, из которых сохранилось 10), писал путевые очерки, создавал исторические труды (составители «Цзинь ши» впоследствии во многом использовали его материалы). Его стихи отличались изысканностью, мужественностью, а проза — строгостью. Двойственность его взглядов симптоматична и характерна для цзиньских литераторов третьего периода. В литературе он развивал классическое дальневосточное направление в его китайском варианте (в отношении многих форм, системы привычных образов и реминисценций) и в цзиньском специфическом стиле. По своим симпатиям он оказался цзиньским патриотом, верным Цзинь и после ее падения [Chan Hok-lam, 1970; Чэн Цяньфань, 1957].

Художественную прозу создавали не менее 43 цзиньских авторов — их имена встречаются в описаниях романов и сборников рассказов, упоминаемых в «Ивэньчжи» («Литературных заметках»). Среди них фигурируют и чжурчжэни — высокородные авторы из фамилии Ваньянь: Сиинь — создатель письменности, Сюй — собиратель чжурчжэньских преданий и фольклора, Шоу (внук Ши-цзуна), странствующий менестрель и сказитель. Наиболее видным прозаиком считался Цай Цзя. Впрочем, судить о цзиньской художественной прозе затруднительно: вся она погибла. Некоторое представление о ней могут дать «Сюй И-цзянь чжи» («Продолжающиеся записки И-цзяня») Юань Хаовэня — сборник эссе на разную тематику [Цзинь — Юань..., 1972, с. 1—14].

Стихотворному наследию цзиньцев повезло больше, и наши представления о формах и уровне поэтического творчества в эту эпоху более отчетливы. Начать с того, что знаменитая антология Юань Хаовэня «Чжунчжоу цзи» представляет 2 тыс. образцов творчества 217 поэтов, а более поздняя «Цюань Цзинь ши» («Полная антология Цзинь»), составленная в 1711 г.,— 358 авторов, причем биографии примерно 60 из них известны, и 5544 стихов. В новейших «Цзинь ши цзиши» («Записках о цзиньской поэзии») Чэнь Яня речь идет уже о 208 поэтах, не считая тех, чье творчество приходится в основном на период династии Юань [Чэнь Янь, 1971]. В число

стихотворцев попали некоторые чжурчжэньские императоры: Ши-цзун, Чжан-цзун; их сыновья и родичи: Ваньянь Юньгун (Сянь-цзун, Хутува), Ваньянь Юньчжун (сыновья Ши-цзуна), Ваньянь Цзунгань и др. [Чэнь Янь, 1971, с. 22—32]. Приведем образец творчества чжурчжэня Ваньянь Шоу:

> Ивы у плотины реки Бянь, что в 1008 ли...
> Цветы в парке Лянъюань, что с 36 мостами...
> Пусть пейзаж во всем подобен прежнему —
> Северяне глядят и вспоминают о доме [ЛЦЮШС, с. 74].

В стихотворении выражены чувства чжурчжэней, вынужденных переселиться из Северного Китая в Центральный под натиском монголов.

Стихотворные произведения цзиньских авторов в основном принадлежат к жанрам, наиболее популярным в сунском Китае. Это оды (фу), «строгие» стихи (ши), свободные стихи-стансы (цы), романсы-песни (цюй), народные песни (юефу). В ранней Цзинь стихосложение развивалось по пути, намеченному поэтами династий Тан, Сун, отчасти Ляо. Но на среднем и позднем этапах главную роль играли арии (цыцюй), стихи типа арий (саньцюй). Современные литературоведы делят арии XI—XIII вв. на северные и южные; первые признаются чисто цзиньским явлением, некоторые из них написаны старым, классическим языком, знание которого, очевидно, сохранилось в новом государстве. Как показывает термин, арии (цюй) кроме песенного начала включали и элемент стиха или стансов, несмотря на разную структуру, словарь, размер. Уже в 1119 г. «народ на улицах [китайской] столицы часто распевал варварские песни... Стихи были грубыми, но многие поэты приобрели вкус к ним» [«Дусин цзачжи»; цит. по: Ming, 1964, с. 226]. Эти киданьские или чжурчжэньские песни послужили толчком к появлению песенно-поэтического жанра (чжу). Первой формой, сочетавшей прозу и рифмованные стихи, стала повествовательная (бяньвэнь), воплотившаяся при Цзинь в крупную прозо-поэтическую форму (чжугундяо), исполнявшуюся под музыку. От цзиньского времени осталось три чжугундяо; наиболее полное — «Сисян цзи чжугундяо» («Западный флигель»), созданное Дун Цзеюанем в конце XII в. [Ming, 1964, с. 6, 227, 229; West, 1977, с. 44; Чжэн Чжэньдо, 1932]. Отличительной особенностью цзиньской поэзии стали такие качества, как верность пейзажных сцен, строгость, иногда некоторая суровость образов, а в конце эпохи — отражение социальных противоречий и тяжелой жизни рядового населения.

Все же наибольшим своеобразием обладала драматургия: знаменитые пьесы «юаньбэнь», родившиеся как самостоятельная форма художественного произведения на рубеже династий Цзинь и Юань [Сорокин, 1973; Ху Цзи, 1957; Ch'ien Nan-yang, 1936]. Сунская драматургия — несомненно один из источников этих пьес, но последние отличаются многими, только им присущими чертами: свободным выбором количества (и в какой-то мере состава) персонажей, длительности представлений, прозаическими диалогами «героев», говорящих архаизированным языком, и слуг, простолюди-

нов, беседующих на разговорном языке, введением в текст стихотворных арий на разговорном языке. Персонажи подчиняются довольно строгим законам театрального амплуа. Уникальные глиняные фигурки из Хоума демонстрируют некоторые из этих амплуа: главного положительного героя — носителя ловкости и силы (фуцзин), молодой женщины (иньси), наперсника героя (мони, или чжэньмо), грубого солдафона (чанцзин) [Чжоу Ибай, 1959; Лю Няньцзы, 1959]. Известно свыше 700 названий этих пьес, а некоторые пьесы сохранились до наших дней. В свое время их ставили на народных подмостках в южносунском Китае, причем весь чжурчжэньский (хуский) реквизит сохранялся: музыка, музыкальные инструменты, одежда. Власти одно время препятствовали постановке этих пьес [Liu Ming-shu, 1946, с. 99]. В Пинъяне открыты остатки цзинь-юаньского театра [Лю Няньцзы, 1973].

Существовала в Цзинь и устная фольклорная традиция. В 1172 г. на пиру певцы по приказанию Ши-цзуна пели чжурчжэньские арии; в 1184 г. сам Ши-цзун пел чжурчжэньские песни. Спустя века в Маньчжурии сохранилось предание о крупном полководце Учжу (Ваньянь Цзунби). Его имя в преданиях связывалось то с обитанием в заброшенных крепостях, то со строительством протяженных валов, то с пастьбой коней и пр. Источником этого предания оказалась устная фольклорная традиция [Мурата, 1947]. Позднее его образ перекочевал в китайские пьесы [Eberhard, 1979].

Становление цзиньской литературы вначале шло в какой-то степени за счет литературы китайской. Художественные произведения этого времени в жанровом и стилевом отношении зависели от образцов династии Тан, Сун и отчасти Ляо. Особенно большим уважением пользовались стихи и поэтика Су Дунпо, или Су Ши (1037—1101) [Bush, 1971, с. 88]. Южносунское влияние оказалось скромным, так как из-за натянутых дипломатических отношений южносунская литература «редко попадала на Великую равнину» [ХФЧЛШЦ, с. 2]. Но в период подъема цзиньской литературы (вторая половина XII — начало XIII в.) главную роль стали играть оригинальные арии (цыцюй), стихи типа арий (саньцюй), песни, положенные на музыку (цюй), народные песни (юефу), цирковые (байси) и драматические (цзацзюй) произведения, упомянутые в «Цзинь ши», и в особенности пьесы (юаньбэнь), родившиеся в эпоху Цзинь [Воробьев, 1967]. Художественная литература на чжурчжэньском языке не сохранилась. Сведения о ней имеют косвенный характер. Ши-цзун однажды заявил, что больше любит «малые» киданьские письмена, которые-де больше подходят для записи чжурчжэньских стихов, чем собственные чжурчжэньские. Значит, такие стихи существовали [Franke, 1978 (I), с. 17].

Все сохранившиеся литературные произведения Цзинь написаны на китайском языке, долгое время бывшем на Дальнем Востоке интернациональным языком. Вследствие недостаточности биографических сведений трудно определить национальную принадлежность многих авторов. Значительная часть произведений литературы создана представителями китайской интеллигенции — военнопленны-

ми, служащими чжурчжэньских учреждений, уроженцами империи Цзинь, но известны и литераторы-чжурчжэни (Ваньянь Сюй, Ваньянь Юнчэн и др.) и даже кидани. Этот пестрый по национальному и социальному составу коллектив поэтов и писателей (нам известно несколько сот имен) выдвинул из своей среды многих крупных представителей, занявших при жизни место в академии Ханьлинь, а после смерти — в среде выдающихся поэтов и писателей Дальнего Востока. Творческий уровень литераторов-чжурчжэней мог быть достаточно высок. Если оценка поэтического творчества Хай-лин-вана [ДЦГЧ, цз. 13] могла быть пристрастной, то обмен стихотворными посланиями между Ваньянь Сиинем и Хун Хао — явление примечательное [Tao Jing-shen, 1976, с. 40]. Литературные произведения Цзинь относительно свободны от традиционного академизма, включают в себя народные мотивы, обладают отчетливым местным колоритом, жанровой и стилевой спецификой, что позволяет выделить их в качестве самостоятельной литературы государства Цзинь [Воробьев, 1967]. Наши сведения о художественной литературе на чжурчжэньском языке ограничиваются сообщениями об отдельных переводах китайских классических, литературных произведений на чжурчжэньский язык, до наших дней не сохранившихся. Известно, что в экзаменационные программы чжурчжэней входили стихи и классические сочинения в стихах и для этого велено было перевести «Ши цзин». Если такой перевод был сделан стихами, значит, чжурчжэньская письменность доказала свою пригодность и для стихосложения, а не только для прозаического жанра. Вполне вероятно, что существовала оригинальная художественная литература, записанная чжурчжэньскими знаками. Устные литературные произведения на чжурчжэньском языке — песни, романсы, театрализованные представления — постоянно упоминаются на страницах летописей.

13. Архитектура

В своей империи чжурчжэни воздвигали разнообразные сооружения. Монгольские завоеватели и время истребили большинство из них, а забвение сделало остальное. По иронии судьбы, чем больше цзиньский архитектурный памятник по назначению, исполнению, стилю отличался от принятого китайцами канона, тем меньше шансов он имел уцелеть. И наоборот: чем меньше выделялся такой памятник из окружающих ему подобных, тем легче ему было сохраниться. Последнее обстоятельство имеет и свою теневую сторону, для историка архитектуры во всяком случае. Оно сильно затрудняет выделение собственно цзиньских строений — при этом неизбежно относительно ординарных — из массы китайских архитектурных памятников. К тому же старой дальневосточной архитектуре чуждо понятие аутентичности. Храм, неоднократно дотла сгоравший и заново отстраивавшийся, все равно относился к эпохе первой постройки. Поэтому реконструкция и перестройка доцзиньских зданий иногда использовалась Цзинь для того, чтобы припи-

сать себе всю честь постройки; так было с храмом Фэнгосы, отстроенным Ляо [Ту Шанчжоу, 1961]. Так же поступали впоследствии китайцы с цзиньскими сооружениями, желая вытравить из памяти потомков малейшие следы чжурчжэньского владычества. Дворцы и гражданские строения перестраивались или же сносились, но храмы и пагоды — интернациональные сооружения — сохранялись и подновлялись (ср. [Юнь Хайжуй, Тан Юньцзюнь, 1979]).

В Северном Китае в настоящее время, по сути дела, неизвестны памятники гражданской архитектуры эпохи Цзинь, представляющие художественную ценность. Из религиозных осталось всего лишь полтора десятка отдельных строений буддийских монастырей и конфуцианских кумирен той эпохи, не считая пагод, более многочисленных. Это палаты Пусяньгэ (период Ляо — Цзинь), храм Саньшэндянь и наружные ворота монастыря Шаньхуасы в Датуне, главный храм Дадянь (или храм великого сокровища — Даюбаодянь) монастыря Цзинтусы в уезде Инсянь (1124 г.), храм бодисатвы Манджушри, Вэньшудянь, монастыря Фугуаньсы у деревни Доуцунь в уезде Утай (1137 г.), Великий храм монастыря Шанхуаяньсы в Датуне (1140 г.), зал Будды Амитабха — Митодянь и храм бодисатвы Гуаньинь — Гуаньиньдянь монастыря Чунфусы в уезде Шосянь (1143 г.), палата Дачэндянь в кумирне Конфуция — Вэньмяо в Пинъяо (1163 г.), Главный храм в монастыре Яньцинсы, в деревне Шаньвэнь в уезде Утай (пров. Шаньси), наружные ворота, зал отшельника Муни — Мунидянь, палаты господина Ци — Цишигэ в храме Лунсинсы, в Чжэньдине (пров. Хэбэй), мемориальный павильон Бэйтин в конфуцианской кумирне в Цюйфу, в пров. Шаньдун (1195 г.) [Хун Хуаньчунь, 1959, с. 41—42]. Все сведения о цзиньских храмах Маньчжурии очень скудны и ненадежны именно вследствие недостаточности историко-архитектурной аргументации при отнесении здания к той или иной эпохе [Torii, 1948 (II); Мурата, 1943; Яги, 1937, 1929, 1924—1926]. На территории СССР цзиньские религиозные памятники до недавнего времени не были известны. Возможно, к ним относится сооружение, раскопанное на Николаевском городище в Сучане [Шавкунов, 1966].

Примером храмовых сооружений большого архитектурного значения может быть назван монастырь Шанхуаяньсы в г. Датуне, особенно его храм Даюбаодянь [Сэкино, Такэдзима, 1944, с. 104—121]. Храмовой ансамбль состоит из десяти с лишним отдельных зданий, образующих прямоугольник, вытянутый примерно по линии запад — восток. С запада этот прямоугольник заканчивается храмом Даюбаодянь, по площади почти покрывающим все остальные строения. Вход в ансамбль — с востока, так как кидани, построившие храм, особо почитали восток. В конце Ляо храм сгорел и был восстановлен в Цзинь в 1140 г. Даюбаодянь относится к категории храмов Великого Будды — отсюда его название, полное и сокращенное. Это огромное одноэтажное здание с пирамидальной крышей стоит на высокой платформе, его фасад выходит на широкую полулунную террасу. Планировка храма сложная. Основу ее составляют 48 колонн, в том числе 28 простых колонн-столбов образуют на-

ружный контур здания, 8 — отделяют справа и слева по узкому притвору, наконец, 12 сложных внутренних колонн формируют центральный неф. Крыша крыта простой серо-черной черепицей. По стилю постройка очень напоминает ляоский храм Фэнгосы, но ряд особенностей кронштейнов свидетельствует о цзиньской перестройке (ср. [Юй Чжоюнь, 1953]).

Кирпичная пагода при храме Шитасы в г. Кайюане (пров. Ляонин) — это восьмиугольное, тринадцатиярусное сооружение, в высоту достигающее 60 м. Пагода имеет своеобразную форму: вершина ее почти органически переходит в шпиль, стены несколько наклонены внутрь. В нижней части пагоды, в первом основном ее ярусе, с каждой стороны в центре высечены ниши — довольно глубокие, со сводчатым потолком. В них помещаются статуи будд, над каждым из них на стене написано имя будды. Статуи вылеплены из глины и плохо сохранились. Пагода датируется 1163 г. [Сэкино, Такэдзима, 1944, с. 291—296]. В г. Чжэньдине (пров. Хэбэй), близ храма Тяньнинсы, находится деревянная пагода. Это восьмиугольное девятиярусное сооружение. Высота пагоды — 46 м. Постамент отсутствует, стены и кронштейны трех нижних этажей сложены из кирпича; пилястры, кронштейны верхних шести этажей — деревянные. Карнизы повсюду деревянные, крыты черепицей. По типу кронштейнов пагоду надо отнести к периоду Ляо — Цзинь, по тонкости отделки деревянных частей — скорее к Цзинь, тем более что в этих местах господствовало цзиньское, а не киданьское влияние [Сэкино, Такэдзима, 1944, с. 318—319].

Если рассматривать приемы цзиньской архитектуры не изолированно, а в свете развития дальневосточной техники строительства, с учетом того обстоятельства, что для чжурчжэней важнейшими образцами являлись киданьские, китайские и корейские постройки, то можно отметить следующие существенные признаки. Остановимся вначале на деревянном строительстве, имея в виду в основном храмы и отмечая, где возможно, особенности маньчжурского стиля как более местного [Ци Интао, 1965; Ащепков, 1959; Ито, 1945, 1909].

Буддийскому храму или монастырю присущ целый комплекс построек. Среди них первое место принадлежит главному храму Даюбаодянь (Великого сокровища), где помещается крупная статуя Будды. Перед ним, отделенный обширным пространством двора, находится храм Тяньвандянь (Небесных царей). Справа и слева от этого двора высятся восточные и западные подсобные храмы. Эти строения создают центр ансамбля. За главным храмом есть еще один, последний храм, а перед храмом Тяньвандянь — наружные ворота Шаньмэнь. Между этим последним храмом и воротами справа и слева расположены башни с барабаном и с колоколом. Имеются еще и парадные ворота, мемориальный павильон со стелой, пагода. В крупных архитектурных сооружениях — ансамблях династий Сун, Ляо, Цзинь — соблюдается осевая планировка. Главные здания выстроены в ряд по оси строго друг за другом. Менее важные строения размещены симметрично по отношению друг к другу по обе

стороны оси. Такой ансамбль с двух или со всех четырех сторон окружен стенами-галереями. В отклонение от этого правила в Маньчжурии редко встречается цепочка зданий, обязательная в больших ансамблях Китая. Буддийские храмы Маньчжурии невелики по сравнению с китайскими, главные храмы чаще всего небольшие и одноэтажные. Самые крупные насчитывают по фасаду семь колонн (пролетов). Зато есть огромные пагоды, например каменная пагода Шитасы в Кайюане, они становятся центральным сооружением в ансамбле.

Все храмы и пагоды строятся на огромных земляных цоколях-платформах, выложенных кирпичом. По фасаду размещены лестницы. Конструкции часто отличаются большой смелостью. Охотно используются толстые верхние внутренние брусья, поперечные балки на два-три пролета, наклонные стропила причудливой формы. В планировке цзиньских сооружений заметна тенденция к сокращению числа колонн. В эпоху Сун — Цзинь стреховые, или наружные, колонны сохраняют сравнительно простой вид; отношение диаметра к высоте составляет 1 : 8 или 1 : 9. Однако внутренние колонны утончаются, становятся выше наружных, что меняет указанную пропорцию на 1 : 11 или 1 : 14. В одноэтажных постройках внутренние колонны выше наружных в 1,4—1,8 раза, что создает крутую «летящую кровлю». Стреховые колонны в ляо-цзиньское время нередко наклонены вовнутрь здания, но одновременно имеют уклон вбок, по пролету — так называемые «наклонные стопы». Пьедесталы колонн при династиях Сун, Ляо, Цзинь покрыты цветочным орнаментом. Утопленные в фундамент базы обычно неправильной формы и без орнамента. Высота прогонов и всей системы стропил зависела от изгиба ската. Если в ранних китайских сооружениях изгиб почти отсутствует, то в танское время он очень велик: высота прогонов по центру стропил составляет $^1/_6$ высоты по центру стрехи. В строениях Ляо и Цзинь эта величина составляет примерно $^1/_4$—$^1/_3$. Многие детали верхней продольной связки в цзиньскую пору становятся толще, а выступающие концы связки принимают слегка изогнутые очертания. В Цзинь впервые появляются распорки и составляют нижний ряд кронштейнов (доугун), чаще на капители стреховой наружной колонны. Консоли (цяоти) примыкают к стропилам или к верхней наружной продольной балке и к колонне, усиливают верхушку колонн и заполняют разрыв между стропилами.

Специфические деревянные конструкции — кронштейны — в цзиньской архитектуре также обнаруживают некоторые особенности. При Ляо — Цзинь в обиход вошли наклонные кронштейны, наклон которых составлял 45°, 60°. Размер кронштейнов определяется отношением всего узла по вертикали к высоте колонны. Для Тан и начала Ляо оно составляло 40—50%, для Сун, Ляо, Цзинь — 30% и в дальнейшем продолжало уменьшаться. В целом цзиньские кронштейны относительно просты. Даже наиболее сложные и замысловатые из известных имеют не более четырех подпорок в виде поднятых кверху «рук». Ранние кронштейны некрашеные, гладкие, поздние —

расписные, покрыты резьбой, концы их оформлены в виде фигур.

Крыши храмов чаще щипцовые двускатные, или остроконечные с фронтоном, или шатровые (пирамидальные). Четырехскатную крышу возводили над дворцами и административными зданиями. Крыши над пагодами непременно имели шпиль. Все крыши крыты черепицей: на светских зданиях глазурованной, на храмовых — простой. Справа и слева от конька размещались глиняные хвосты морских драконов, в центре устанавливалось изваяние льва, держащего на спине драгоценную пагоду. Ниже к коньках с боков пристраивались мелкие хвосты драконов, а на хребте боковых коньков прилаживались фигурки демонов и драконов, которые нехарактерны для зданий классического стиля Китая. Изображения по углам крыши в эпохи Сун, Ляо, Цзинь напоминают довольно удлиненные рыбьи, а не птичьи хвосты, к тому же на конце раздваивающиеся [Кан Цзясин, 1961]. Карнизы дворцов, храмов и пагод Цзинь двухслойные. Нижний, наименее вынесенный слой образован относительно прямым брусом, верхний, перекрывающий нижний и вынесенный дальше от здания — немного изогнутым вверх брусом. Поскольку карнизы резные, крытые черепицей, снизу они выглядят очень замысловатыми и декоративными. В больших залах есть потолок: фасеточный, решетчатый и очень декоративный. Дворцовые потолки расписаны драконами, храмовые — религиозными атрибутами. Дверные створки храмов вращаются на осях, причем оформление верхней узкой филенки художественное (узор цветов), а нижняя часто гладкая, дощатая. Поверхность створки покрывалась резьбой или украшениями. Деревянные детали дворцов и храмов раскрашивали и расписывали. По обоим концам балок рисовали зубчатые листья, промежутки же заполняли растительным и геометрическим орнаментом. Буддийские храмы украшали скульптурой, живописью, орнаментом. Скульптура представлена фигурными изображениями, барельефами, плоской резьбой; живопись — тематическими изображениями, надписями, росписью. Живопись по значению уступала скульптуре. Наибольшее значение имел орнамент.

Кирпичная и каменная архитектура имела свои особенности. Старинная кирпичная кладка (три ряда кирпичей, лежащих плашмя, и один ряд стоячих) просуществовала в Восточной Азии полтора тысячелетия с начала новой эры (во всяком случае, судя по погребениям). При возведении пагод, платформ, цоколей кирпичи выкладывались горизонтально, лишь иногда через 3—5 таких рядов клали ряд скрепляющих кирпичей. Почти все кирпичные строения Цзинь, представляющие архитектурный интерес,— это пагоды, некоторые из них мы описали выше. Существовало несколько пагод, разных по виду и конструкции [Ци Интао, 1965, с. 9—11; Ecke, 1935—1936; Мурата, 1943, с. 420—424]. Пагоды-башни подражают более ранним деревянным. Сунские, ляоские, цзиньские — в плане восьмиугольные, внутри пагоды по центру находились «кирпичные столбы». Между столбами и стенами пагоды устраивалась галерея, появляется сложная платформа. В каждом ярусе имеются ниши, столбики, ложные двери, окна.

Пагоды с многослойными карнизами (стрехами) бывают двух типов. Пагоды первого типа в плане квадратные, одноярусные, внутри полые, снаружи есть галерея, платформа низкая, квадратная. Пагоды второго типа — восьмиугольные (хотя есть квадратные и шестиугольные), монолитные, кирпичные, с нишей в первом цокольном ярусе для фигуры будды. Большинство пагод, относящихся к периоду Ляо и Цзинь, принадлежит ко второму типу. Самая нижняя часть этих пагод — основание обычно кирпичное, с оградой. На нем высятся нижние, наиболее мощные ярусы пагоды, с двумя рядами медальонов и будд в нишах, кирпичными резными консолями и балюстрадой. Верхние, менее мощные ярусы обычно гладкие. Над ними находятся лотос и шпиль. Каменной резьбой цзиньские пагоды превосходят ляоские. На первом цокольном ярусе на каждой грани высечены: Будда — в нише, стражи — по бокам от ниши, летящие божества — вверху над нишей. Такие пагоды в оформлении конструктивных деталей строго следуют деревянным образцам (колонны, притолоки, консоли). Обычно карнизы всех ярусов крылись черепицей. Хранилище-шэли располагалось в двух местах: под пагодой и в верхней ее части. Одноярусные пагоды-ступы обычно шестигранные. Нижняя их часть оформлялась в виде низкой платформы. Для ниш использовали фигурные кирпичи, покрытые рельефными изображениями лотоса.

Классический стиль кирпичных пагод Маньчжурии сложился в эпоху Ляо и процветал в период Цзинь. Его элементы ощутимы и в последующие эпохи. К важнейшим особенностям кирпичных пагод ляо-цзиньского типа необходимо причислить следующие: 1) в плане имеют очертания многоугольника: ляоские — восьмиугольника, цзиньские — восьми- и шестиугольника; 2) имеют 9, 11 и 13 карнизов, образующих ложные ярусы, вошедшие, однако, в характеристику пагод; 3) сама пагода высится на высоком искусственном фундаменте, часто тоже в виде многоугольника; 4) внутренние помещения отсутствуют, лишь иногда встречается камера в нижнем этаже; 5) внутри пагода глинобитная, кирпичи служат лишь для облицовки; 6) стены первого, цокольного яруса покрыты барельефами, трафаретными надписями, резьбой, имеют ниши с фигурами будд; на втором ярусе встречаются лишь накладные изображения зеркал, а выше стены не украшены; 7) шпиль состоит из кирпичного основания в форме «вазы» или сферы, водослива, железного шеста с девятью кирпичными шарами. При чжурчжэнях этот ляоский стиль пагод получил дальнейшее развитие.

Цзиньская архитектура развивалась в общем русле дальневосточной архитектуры, образовав в ней своеобразное направление, особенно отчетливо прослеживающееся на маньчжурской почве. Светские сооружения, к сожалению не сохранившиеся, по описаниям поражали даже китайцев великолепием и грандиозностью. В религиозных сооружениях-ансамблях в Китае сохранилось строгое осевое размещение отдельных зданий. В Маньчжурии планировка таких ансамблей отличалась большей свободой. В цзиньских ансамблях на юге центральным зданием оставался главный храм или

храм великого сокровища, на севере такой храм выглядел второстепенным, строился небольшим, одноэтажным, а центральным сооружением становилась огромная пагода.

В цзиньской архитектуре выдвинуто много идей и в конструкции зданий. Их обязательной принадлежностью становятся высокая платформа и массивный цоколь, особенно у пагод. Некоторое изменение внутренней планировки храмов вызвало сокращение числа колонн, двойной наклон наружных колонн. Продолжающееся возрастание изгиба крыши привело к многочисленным изменениям в несущих деревянных деталях конструкции. Внутренние колонны стали значительно, иногда в два раза, выше наружных. Нарушилась каноническая зависимость высоты прогона от изгиба скатов. Деревянная конструкция крыши в целом усложнилась: утолщаются некоторые связки, увеличиваются подкосы, появляются распорки, наклонные консоли. Для цзиньской архитектуры характерна несколько бóльшая свобода в конструировании кронштейнов. Соотношение размеров деталей кронштейна становится более свободным, равно как отношение высоты кронштейна к высоте самой колонны, даже абсолютные размеры деталей кронштейна не подчиняются прежним канонам. Отход от канонов замечается и в декоративной части; на крышах появляются глиняные изображения демонов, невиданные прежде, установленная величина растительного орнамента по отношению к размеру деревянных конструкций не соблюдается. Сформировался ляо-цзиньский стиль пагод — очень высоких, стоящих на массивной кирпичной платформе, монолитных, многоярусных и 6—8-угольных, с высоким первым, цокольным ярусом, богато орнаментированным, с длинным шпилем. В этом стиле ощутимы элементы художественной мысли когурёсцев, тобасцев, бохайцев. Цзиньская архитектура своеобразна и во многом еще не изучена.

14. Скульптура

Памятники цзиньской скульптуры сохранились до наших дней далеко не в полном объеме. Мы не знаем иных изображений, кроме религиозных и ритуально-церемониальных; впрочем, рамки такой скульптуры весьма широки — от статуй будд до изваяний черепах со стелами на спине, а трактовка отдельных, совершенно религиозных по назначению произведений часто чисто светская (например, некоторых барельефов в погребениях). Встречаются и целые объемные изображения буддийских божеств в человеческом облике. Но их небольшое число экземпляров. Это в значительной степени объясняется трудностями выделения цзиньских образцов из серии ляоских, северо- или южносунских, даже танских. Однако некоторые критерии для такого выделения существуют и уже сами по себе свидетельствуют об определенном своеобразии цзиньской пластики.

Любимым божеством, воспроизводимым цзиньскими скульпторами в дереве, оказалась Авалокитешвара (кит. Гуаньинь, или божество милосердия), сидящая в канонической позе, так называемой

«царской свободной»: правое колено поднято, левая нога согнута и поставлена на трон, правая рука лежит на колене, левая — упирается в трон. У известного изваяния этого божества из раскрашенного дерева, хранящегося в музее Филадельфийского университета в США, верхняя часть туловища обнажена и украшена лишь ожерельем да повязкой, пересекающей грудь; юбка складками спадает на ноги, заметны следы позолоты и краски [Sirèn, 1925, № 586]. В другом случае то же божество представлено сидящим на скале в богатом одеянии, короне и ожерелье. Но положение рук и ног зеркально изменено. На статуе отмечено время ее изготовления — 1168 г. [Sirèn, 1925, № 587]. Отдельные изваяния лишены трафаретной статичности: голова грациозно наклонена, левое плечо приподнято, тело изогнуто, рука как бы играет концом шарфа, пересекающего грудь [Sirèn, 1925, № 591]. Все эти сидящие деревянные статуи высотой 1,5—2 м раскрашены и позолочены. Стоящие изображения довольно редки. Нам известны два божества, стоящие на пьедестале в виде лотоса. Одно держит в руках вазу и жемчужину, другое — лотос. Оба украшены нитями жемчуга и шарфами. Высокие головные уборы покрыты цветами и диадемами [Sirèn, 1925, № 592 A, B]. С развитием деревянной скульптуры в XII в. и позже изваяния теряют традиционно-иерархический облик. Гуаньинь, например, изображают в непринужденной позе, не как сверхъестественное божество, а скорее как человеческое существо. Формы теряют строгую отвлеченность и приобретают эмоциональность, оставаясь декоративными (ср. [Sirèn, 1925, № 591]).

Изображения буддийских божеств выполнялись и в белом мраморе — материале, характерном для той эпохи: он шел и на художественную облицовку пагод. Типична сложная по композиции и приемам ваяния группа на буддийскую тематику. На скале, повернувшись к зрителю на три четверти, восседает архат, играющий со львенком. Над ним как бы нависает выступ скалы, сильно стилизованной: воспроизводится свод пещеры. На поверхности скалы техникой низкого рельефа исполнена целая сцена: тигр и водонос с двумя ведрами. Складки одежды архата выполнены очень тщательно. Изваяние датировано 1158 г. [Sirèn, 1925, № 582 A]. В другом случае архат, сидящий на скале, держит в одной руке трезубец, а в другой — сосуд. Из сосуда вырываются лучи и облако. На облаке вокруг ритуального сосуда собрались три фигуры. Группа интересна своим психологизмом (№ 582 B). Другие известные мраморные изваяния проще и обыденнее. Это, как правило, изображения бодисатв (Саматабхадра, Манджушри и др.). Если все эти статуи и группы, в сущности, смотрелись лишь фронтально, то следующая группа воспринимается объемно. Бодисатва сидит скрестив ноги, повернув корпус в сторону и подняв руку. Движение уверенное, поворот резок, как ни у одной другой статуи, что заставляет зрителя осмотреть статую со всех сторон. Извивающиеся стебли и листья на колонне и пьедестале в том же ритме как бы продолжают этот круговорот [Sirèn, 1925, № 583 A]. Сами статуи в эту эпоху малоинтересны: они статичны, лица невыразительны, и только раз-

мещение их на живописном, эффектном постаменте повышает общее впечатление от изображения. В одном таком случае архат, сидя на скале, играет с львенком, в то время как на скале, нависшей над ним, затаился тигр и движется фигура с ведрами на коромысле [Sirèn, 1925, № 582 A]. Главная фигура лишена художественного интереса, но сценка на нависающей скале сохраняет очарование. Вся глыба благодаря свободной композиции изображаемого, противоречивости трактовки грузной фигуры архата и плавных его движений служит хорошим образчиком стиля, который господствовал в XI—XII вв. в Китае.

Наряду с монументальной скульптурой существовала пластика декоративная. Ранний стиль, представленный мелкими пагодами, обладает пережиточными традициями пластики Тан — твердым линейным контуром прекрасно моделированных фигур; поздний стиль, присущий фигурам на ярусах и цоколях крупных пагод, характеризуется живописностью, «барочной» манерой. Фигуры становятся широкими и высокими, их контуры расплываются в светотени. Несмотря на твердый материал, они выглядят как бы вытесанными из мягкой породы. Некоторые изваяния служат кариатидами, декоративными стражами. Передаче движения уделяется много внимания. Сюжеты сцен часто заимствованы из народных легенд и развиты в барельефах, опоясывающих ярусы пагод. Фигуры отличаются прекрасной моделировкой. Для декоративного стиля в скульптуре очень характерны львы из белого мрамора в Цзюйяне (XII в.). Они исполнены в условной, театральной манере, мало напоминающей суровый танский стиль. Свернувшиеся тела львов неестественны, не проработаны, мало напоминают живых зверей [Сэкино, Такэдзима, 1944, с. 51].

Обычай ставить у могил или в иных местах памятники прославленным деятелям вызвал к жизни интересные скульптуры мифических животных, очень похожих на черепах, со стелами, торчащими на спинах (наиболее далекие от чисто надмогильных сооружений), крупные каменные изваяния офицеров и чиновников (и некоторых других лиц) на могилах светских лиц и молитвенные обелиски (цзинчуан) на могилах духовенства.

Памятники-черепахи уже упоминались нами выше (см. гл. 2, разд. 18). Они состоят из трех частей: черепахи, служившей постаментом (она нас сейчас и интересует), стелы, возвышающейся вертикально на ее спине (основная часть памятника), и навершия в виде двух сцепившихся драконов (символы борющихся начал природы). Такие памятники устанавливались на невысоком холме близ погребения знатного лица. В г. Уссурийске находилось два таких памятника. Черепахи высечены из красного крупнозернистого гранита и отшлифованы, правда, местами небрежно. Длина одной черепахи — 2 м, ширина — 1,17 м, высота — 1 м, другой — 2,1, 1,8, 0,9 м соответственно. Лапы, хвост, глаза, рот, ноздри черепахи обозначены точно и отчетливо. Вместе с тем многие черты этого животного переданы условно. Прежде всего тело черепахи чересчур приземисто и массивно и более угловато, чем это допускает естест-

венный панцирь. Голова непропорционально огромная, а ноги толстые. Сильнее всего стилизован панцирь. Он не только не скрывает всего тела, но превратился в часть спины, узор щитков передан серией стандартных шестигранников [Лопатин, 1864]. В Маньчжурии и в Северном Китае многие такие черепахи-постаменты выполнены со значительно большей тщательностью, иногда доходящей до виртуозности. Все тело черепахи более удлиненное, члены проработаны тщательнее и покрыты ровными насечками, морда выполнена со всеми деталями: бровями, зубами, ушами, даже складками кожи. Узор панцирных пластинок очень замысловат. Обычно над такой черепахой возвышается гигантская плита, раза в два превышающая длину туловища черепахи, а над ней клубок из тел драконов. Таков, например, памятник 1167 г. у храма Саньсюесы в Чаояне [Мурата, 1943, табл. 14].

Перед курганами на горе Ляомуфэнцза в бассейне р. Ашихэ возвышаются четыре каменных изваяния [Яковлев, 1946]: впереди — два гражданских, сзади — два военных чиновника. Высота — около 2 м. Рядом найдены каменные баран, черепаха и храмовые львы. По преданию, здесь похоронена мать одного из цзиньских императоров. У деревни Шичжэньгоу в уезде Биньсянь, к юго-востоку от Харбина, высятся две статуи из крупнозернистого серого гранита, изображающие военного и гражданского чиновников [Starikov, 1948]. Военный держит в руке меч, гражданский — табличку для записи распоряжений. Тут же находятся изваяния храмового льва и барана — это остаток группы, некогда включавшей восемь человеческих фигур, двух коней, нескольких баранов и львов. Портретная скульптура неизвестна. Существует лишь упоминание о статуе сына Си-цзуна, изготовленной после его смерти по приказу отца и помещенной в храм Чуцинсы.

У погребения в г. Уссурийске некогда стояло интересное изваяние: на четырехгранном столбике сидят две фигуры, слившиеся спинами. Локти уперты в колени, а скрещенные кисти рук — в подбородок, голова и глаза несколько опущены вниз — этими средствами переданы печаль и задумчивость. Парность фигур не позволяет рассматривать их как самостоятельную скульптуру, как, например, изображение отдельного животного из звериного цикла — обезьяны. Очевидно, они поддерживали какую-то деталь, возможно курильницу, фонарь или молитвенный обелиск. Здесь же находились скульптуры льва, собаки, барана, обезьяны и др. [Лопатин, 1864]. Погребальное назначение объемных изваяний исполняют и наскальные изображения. Близ станции Агоучэ, к юго-востоку от Харбина, недалеко от погребения цзиньских царей, на скале высечены два сидящих и один стоящий воин [Жернаков, 1956].

Два восьмиугольных молитвенных обелиска находятся у храма Юньчусы, к юго-западу от Пекина. Пьедесталы и навершия оформлены в виде пагод. Один обелиск содержит надпись, посвященную монаху Чжи Цаю и датирующуюся 1118 г. Обелиск у храма Лунсинсы в Чжэньдине сооружен в 1180 г. в память проповедника Куан Хуэя. В углублениях на гранях помещены фигурки. Широкие

карнизы над каждым ярусом украшены львиными масками. Гирлянды, идущие из их морд, служат подножиями буддам. Все фигуры выполнены в высоком рельефе. Ниже, под средним восьмигранником, находится пьедестал в виде лотоса и высокий фриз с восемью фигурами демонов. Еще ниже расположен цоколь с головами четырех львов-охранителей [Сэкино, Такэдзима, 1944, с. 54; ср.: Chêng Shao-tsung, 1973 (III)]. Фронтальные размещения и линейная трактовка составляют основу стиля. Складки одежды будд как бы переходят в складки покрывала на постаменте. Складки одеяний бодисатв расположены по диагонали. Линейная стилизация создает впечатление строгости. Эти мелкие изваяния сильно отличаются от более крупных на пагодах. Они выполнены в ином стилистическом плане — в линейной манере, столь далекой от «барочного» стиля буддийских фигур на пагодах.

Другой тип скульптурных изображений представлен каменными или кирпичными барельефами, образующими убранство подземных гробниц. Ваяние в собственном смысле слова сочетается здесь с подкраской самих фигурных изображений и с живописными настенными росписями, сюжетно и композиционно составляющими с резьбой одно целое. Прекрасные образцы барельефов открыты в усыпальницах в Хоума (пров. Шаньси), относящихся к 1208—1209 гг. [Шэнь Ян, 1959]. Четырехугольная камера погребения № 2 заполнена барельефами. Северная стена воспроизводит конструктивные элементы здания. На центральном участке выложена рельефная сценка: стол, на котором стоит ваза с цветами, около него сидят муж и жена; муж держит в руках четки, жена — сутру. На восточной стене вырезана шестистворчатая ширма. На двух средних створках внизу представлена старинная легенда об отшельнике, собирающем целебные травы, на боковых парах — цветки и растения — китайская резань. Оформление западной стены такое же, как и восточной. Только сюжет несколько иной: на двух центральных створках фигуры в военном уборе, верхом на львятах вступают в борьбу. На остальных четырех створках представлены воинские скачки. В северо-восточном и северо-западном углах стоят скульптуры слуги и служанки. Наверху в четырех углах стоят восьмигранные колонны, каждая из которых кончается капителью, стропилами и кронштейнами. На стенах изображены цветы и птицы. Над стенами высится восьмигранный свод потолка, завершающийся кирпичной плитой. По уступам свода рассеяны сценки из жизни восьми отшельников, фигурки священных лебедей. Над карнизом зала на северной стене встроена модель театральной сцены с пятью фигурами, увенчанная изогнутой крышей. В миниатюре представлены все архитектурные детали театра. Следует отметить, что архитектурно-декоративные детали камеры выполнены отдельно до возведения самого погребения. Для них были подобраны нужные по размеру кирпичи, которые были подтесаны и потом пригнаны.

Несмотря на сложность и многоплановость такого оформления погребальных камер, оно становится почти стандартным: вариации наблюдаются лишь в деталях композиции, в разнообразии сюжетов.

Например, в погребении № 29 в той же Хоума на северной стене также выложен стол и фигуры хозяев, но добавлены изображения слуг и сервировка на столе [Ян Путин, 1961]. У Чжуншанлиня к юго-западу от Ланьчжоу, центра пров. Ганьсу, открыто погребение, состоящее из системы камер [Чэнь Сяньжу, 1957]. Стены камер облицованы кирпичными плитами с рельефными изображениями цветов и трав, оленей, коней, людей. Камеры этой гробницы сооружены в 1190—1196 гг. В богатом погребении цзиньского вельможи, воздвигнутом в 1183 г. близ деревни Дунпу у г. Юаньцюй (пров. Шаньси), стены выложены кирпичными плитами [Люй Цуньво, 1956]. Кроме гладких фигурных кирпичей архитектурно-декоративного назначения мы здесь сталкиваемся с плитами, покрытыми орнаментальными или сюжетными изображениями. В первом случае виден либо одиночный цветок с раскрывшейся чашечкой и крупными листьями, либо букет из трех бутонов на отдельных стеблях с листьями. Такие кирпичи украшают наличники дверей или пространство между сюжетными плитами. Последние стандартного размера (42×40 см). Двенадцать таких плит размещены на стенах — по три на стене. Сюжеты, как правило, почерпнуты из китайских легенд и преданий. Смысл их часто восстанавливается с трудом, хотя сохранность неплохая, а исполнение выразительное. В усыпальнице есть и объемные скульптурные изображения: две глиняные фигурки, сидящие друг против друга за столом на табуретах. Высота фигурок — 20 см, а стола — 50 см. Фигурки явно воспроизводят сценку из жизни владельцев усыпальницы. Кирпичные барельефы некогда были покрыты особой грунтовкой и раскрашены, но сейчас краски осыпались или поблекли. В отдельных случаях удается установить, что цветы некогда были красными, листья — зелеными, одежды — красными, черными, белыми и, вероятно, желтыми. Возможно, что исчезли и подписи, передающие содержание сцен на плитах.

В другом случае — в погребении у деревни Сятуцзин, близ Сяои (пров. Шаньси),— стены восьмиугольной усыпальницы, воздвигнутой в 1197 г., выложены плитами, на которых рельефно изображены сценки, иллюстрирующие различные эпизоды из жизни покойного [Цзе Сигун, 1960]. В усыпальнице 1197 г. скульптурное оформление сочетается с живописным в большей степени, чем в упомянутой усыпальнице 1183 г. Композиционно барельефы как бы образуют замкнутую фигуру, размещаясь на внутренней поверхности восьмигранника, усиливая впечатление изолированной семейной жизни владельца дома и... усыпальницы. Своеобразным утверждением этой мысли служит изображение собаки, которая словно сторожит вход в усыпальницу, как она, несомненно, сторожила вход в дом. На семи стенах воспроизведены важнейшие апартаменты и типичные эпизоды из жизни «владельца» усыпальницы. Расположение этих сцен строго обдуманное — они изображают повседневную жизнь знатной семьи эпохи Цзинь. По технике барельефы похожи на сунские из Цзинсы. Выполнение и окраска фигур, их значительная объемность, создающая впечатление отрыва от поверх-

ности стены, свободного пространства за спинами фигур,— все это говорит о большом мастерстве скульптора.

Погребение у Сяодуна в уезде Учжи (пров. Хэнань) относится к среднему периоду Цзинь и примечательно не только кирпичом с киданьскими письменами, но и, главное, объединением на барельефах одной погребальной камеры благопожелательных символов всех трех религиозно-этических систем Китая: храмового льва, или «собаки Будды», оленя — атрибута даосских «бессмертных», сцен на тему конфуцианских добродетелей [Ян Ваньчэн, 1979, рис. 7, 12—15].

Фамильный склеп в Наньдуне в уезде Сянфэнь (пров. Шаньси), похоже, принадлежал не чиновной, но богатой семье: в прямоугольной камере с фронтоном, как у здания, погребено девять человек, но ни один не имел права на эпитафию. Этот склеп конца XII в. замечателен тематикой рельефов, модной в ту пору: изображены различные театральные типажи, и прежде всего музыканты, танцоры, артисты, воины, прислуга [Тао Фухай, 1979]. В восьмиугольной каменной гробнице в Чжуйцзо (пров. Хэнань), датируемой 1199 г., кроме фресок и барельефов обнаружено немало некрупных глиняных и расписных статуэток тоже на театральную тематику. Они стоят каждая на своей подставке и изображают барабанщиков, тамбуристов, литаврщиков, флейтистов, танцоров и танцовщиц, а также слуг обоего пола и разного назначения. Фигурки выполнены заботливой рукой и с профессиональной тщательностью: специалисты находят, что их одеяние воспроизведено в соответствии с описанным в «Да Цзинь го чжи» [Yang Baoshun, 1979].

В Пейшулинской пещере, находящейся в Шкотовском районе Приморского края (СССР), в 1965 г. обнаружены горельефы, которые одни исследователи датируют бохайским [Лешок, 1966], а другие — цзиньским временем [Шавкунов, 1973 (I)]. Пещера расположена на высоте 80 м от подошвы сопки, состоит из четырех последовательно соединенных залов общей протяженностью 40 м. В первом зале над выходом наружу в небольшой нише высечено миниатюрное изображение человеческой головы; на западной стене перед проходом во второй зал высечена голова стража: она наклонена, волосы всклокочены, выражение глаз и лица устрашающее. На восточной стене второго зала изваяна фигура, похожая на дракона. В третьем зале на западной стене две головы: женская и мужская. Первая выполнена с большим профессиональным мастерством («Спящая красавица»). Среди всех горельефов (высеченных на сталактите) центральное место и композиционно, и по мастерству принадлежит голове «Спящей красавицы». При рассматривании ее фронтально видны чуть выпуклый высокий лоб, широкие брови, раскосые большие глаза, тонкий нос с горбинкой, припухлые губы, высокая прическа. В центре лба заметно углубление — возможно, там находился камень — знак главного буддийского божества, вероятно Авалокитешвары. Известная неортодоксальность изваяний, изображение мужских символов плодородия — под драконом (во втором зале), возможно, является результатом влияния местных

культов. Отнесение горельефов к цзиньскому времени основывается как на соседстве цзиньских памятников (городища, курганы), так и на отсутствии каких-либо сведений о распространении буддизма в этих местах до и после Цзинь. Фрагмент прямоугольного декоративного кирпича с Краснояровского городища, найденный еще А. З. Федоровым, весь покрыт рельефными изображениями. В бордюре растительного орнамента среди травы и цветов крупным планом изображен петух — птица, в такой ситуации мало свойственная китайской символике [Окладников, 1959, рис. 80].

Цзиньская скульптура сохранилась в виде объемных изображений будд, Авалокитешвары и других бодисатв из мрамора и дерева, гигантских парных изваяний чиновника и офицера, львов, собак, баранов из гранита у погребений или храма, крупных памятников черепах со стелами, полуобъемных глиняных горельефов в нишах пагод, редких каменных барельефов на скалах, значительно более часто встречающихся кирпичных барельефов, исключительно богатых по тематике, на стенах усыпальниц, наконец, плоскостных и рельефных украшений молитвенных призм. Этот перечень свидетельствует не просто о разнообразии форм скульптуры, но и о строгой их утилитарности, т. е. в конечном счете о тесной их связи с другими областями искусства или культуры. Скульптура как совершенно независимый вид искусства вообще нехарактерна для Дальнего Востока. Но в этих рамках цзиньской скульптуре принадлежит почетное место, которое не досталось Южной Сун. В этом приоритете скульптуры над многими другими видами искусства проявилось своеобразие эстетических представлений чжурчжэней. С внешней стороны развитию скульптуры в Цзинь содействовало некоторое оживление буддизма, нуждавшегося в архитектуре и пластике. Но существовали и внутренние причины. Скульптура и архитектура обладали средствами более непосредственного воздействия на зрителя, в особенности не очень образованного. К тому же скульптура имела более прочные корни в чжурчжэньской традиции.

Неудивительно, что период правления Цзинь оказался временем сравнительного расцвета скульптуры. Впрочем, и в Цзинь наиболее самостоятельными выглядят деревянные и мраморные статуи и группы, некогда украшавшие храмы. Мраморные фигуры замечательны техническим совершенством и выдержанностью линейного принципа проработки изображаемого. Художественный эффект достигался средствами этого линейного принципа: строгим соблюдением симметрии отдельных деталей, композиционным сочетанием частей изображения, пониманием текстуры камня. В лучших (поздних) образцах возрастает декоративный эффект: изваяния получают большие и сложные по выполнению нимбы и короны, лицо становится уплощенным, напоминая маску, на нем выделяются широкие глаза, прямой длинный нос, маленький, кокетливо улыбающийся рот [Sirèn, 1942, с. 61—62]. Религиозное чувство, сковывающее ваятеля в начале Цзинь примерами образцов и правилами руководств, претерпевает обмирщение. С точки зрения ортодоксальной эстетики это приводит к упадку: к утрате чистоты и выдержанно-

сти стиля. Но потеря условной чистоты означала появление свежести ощущения. Эта скульптура лишена подлинной трехмерности, необязательной для храмовых изваяний. Правда, существуют еще изваяния стражей животных из серии знаков зодиака, черепах, безусловно объемных, но по своему назначению эти произведения резца не требовали и не получали подлинно художественной обработки. Деревянные и мраморные экземпляры заслуживают внимания с двух точек зрения: по материалу — они возобновляют традицию деревянной скульптуры Тан и зачинают мраморную пластику, по стилю — они отходят от строгой, несколько застывшей лаконичности традиционной китайской пластики в сторону большей свободы трактовки отдельных фигур и целых групп («Архат со львенком»), привнесения жизненной и юмористической струи, пышности оформления пьедесталов и т. п. Эта тенденция к декоративности, естественно, сопровождалась стилистическими новшествами: строгая линейность сменяется усложненностью контура, исчезновением четких границ деталей, криволинейностью и пышностью узора («барокко»). Оригинальность цзиньской скульптуры особенно проявилась в кирпичных погребальных барельефах, подробно нами рассмотренных. Размещение сцен приобретает строгий, обдуманный характер. В выборе сюжетов сказывается та же тенденция: наряду с классическими литературными мотивами используются бытовые и орнаментальные. Исполнение максимально приближается к реалистическому — разумеется, применительно к уровню, возможному в то время.

15. Живопись

О живописи эпохи Цзинь известно мало. Среди живописцев наиболее известным был Ван Тинъюнь (Цзи Дуань), писавший тушью в манере художников-литераторов Северной Сун. Ван Тинъюнь (1151—1201) — ученик Жэнь Сюня, создатель картины «Осенний вечер в горном лесу», восхищавшей его современников,— прославился изображениями вековых деревьев, бамбука, скал, выдержанных в свободной и смелой манере, напоминавшей стиль Су Ши или Ми Фэя [Таки, 1934]. В японской коллекции сохранился небольшой фрагмент художественного свитка Ван Тинъюня «Деревья и бамбук» [Sirèn, 1958, vol. III, табл. 320]. Прелестный пейзаж служит образчиком творчества художника, принадлежащего к группе, декларирующей свой дилетантизм. Другой пейзаж — «Прояснение в горах Минь после снегопада» неизвестного художника — находится на Тайване. Он позволяет подметить некоторые особенности цзиньской школы [Bush, 1965]. Хотя он, кажется, выдержан в традициях Го Си, художник допускает определенное упрощение, невозможное для последователя Го Си: контур напоминает набросок, он не приобретает законченную форму; сложная тональность уступает место противопоставлению белого черному. Но еще меньше манера этого неизвестного художника похожа на южносунскую, представленную Ли Таном. Картина написана грубой кистью на

шелку с легкой подцветкой, что считалось характерным для цзиньских мастеров. Все это является проявлением общей цзиньской манеры: заимствуя те или иные виды, формы и приемы китайской культуры, они выбирали сравнительно архаичные, во всяком случае досунские. Так и на этой картине почетное место занимает водопад, а деревья образуют целую рощу; их высокие вершины как бы спорят с пиками гор, среди которых укрылся храм.

Своеобразие цзиньской пейзажной живописи понимали ее современники. Некий южносунский художник писал: «Пейзажисты Севера... нескладные и беспомощные в композиции, грубоватые и несовершенные в исполнении. Их пейзажам недостает [линейной и пространственной] замысловатости потому, что они имеют дело с обширными плато и бескрайними равнинами» (цит. по [Bush, 1965, с. 172]). Несомненно, эта характеристика пристрастна. Даже единичные сохранившиеся экземпляры цзиньской пейзажной живописи обнаруживают стилистическую завершенность и мастерство исполнения. Драматический эффект достигается чередованием переднего и заднего планов, контрастированием размывов туши, выразительностью деревьев. Известная схематичность рисунка не нарушает выразительности и кажется обдуманной, тем более что, например, у Ли Шаня она проявляется лишь в начале и конце свитка.

По-видимому, цзиньскому мастеру принадлежит свиток «Возвращение Вэнь-цзи в Китай» [Су Синцзюнь, 1964; Го Можо, 1964]. Это шелковый свиток, исполненный в черно-белых тонах, повествует о том, как Вэнь-цзи, красивая и образованная женщина, во время набега сюнну попала к ним в плен, где провела 20 лет, родила двух детей, была выкуплена и вернулась на родину. Ее биография помещена в «Хоу Хань шу» (цз. 114). На картине изображены Вэнь-цзи, более десяти чиновников и военных — китайцев и некитайцев, путешествующих во время метели. Впереди на старой лошади едет воин-сюнну, показывая дорогу. Лошадь опустила голову, тоже стремясь укрыться от снега. Сбоку трусит жеребенок. Почти в центре свитка изображена сама Вэнь-цзи. На ней соболья шапка, одежда и сапоги по моде сюнну. По бокам два китайца ведут ее коня под уздцы. Сзади едут два китайских и сюннуских чиновника. Лицо первого сюнну тоскливое и измученное. Возможно, это цзо-сянь-ван южных сюнну. За ними пять воинов-сюнну. Один воин держит хайдунского сокола. Сбоку бежит охотничья собака. Композиция создает ощущение массы людей. Каждая группа связана с соседней, акцентируя основную тему. Жеребенок, сокол, собака дополняют сюжет. Техника исполнения высокая, мазки простые, но разнообразные. Виден каждый волосок на соболиной шапке, а также у старой лошади. В заголовке этого свитка упомянуто учреждение цинсы, созданное в 1201 г. в Цзинь с целью художественного обслуживания двора. Отсюда очевидно, что это цзиньская работа.

Рисунок «Китаянка с двумя детьми в сопровождении монгольского воина» создан неизвестным художником, возможно работавшим при династии Цзинь. Он представляет собой лист из альбома,

хранящегося в Музее изящных искусств в Бостоне [Sirèn, 1958, т. III, табл. 319]. Две лошади едут бок о бок. На переднем плане сидит воин на коне, изображенный со спины. Под ним богато орнаментированный чепрак, за спиной колчан с луком и стрелами. Почти в анфас видна женщина на коне, в высоком головном уборе с лентами; у нее на коленях ребенок лет 8—10, другой сидит перед ней на шее лошади.

Пейзажи Ли Шаня «Сосны и ели под ветром и в снегу», У Юаньчжи «Красный утес» (1195 г.) написаны в романтических тонах и в манере, о которой мы более подробно говорили применительно к «Прояснению в горах Минь после снегопада» [Leong, 1972]. Чжао Линь оставил свиток «Каменные кони вокруг мавзолея танского Тай-цзуна», хранившийся в Пекинском дворце. Многие мастера прославились своими пейзажами, которые, однако, не дошли до нас. Жэнь Сюнь считался знатоком старинной живописи, искушенным в ее законах и технике. Есть сведения о некоем Елюй Фане, который, будучи послом при супском дворе, писал портрет китайского императора. По преданию, Хай-лин-ван тайно посылал художников срисовать Западное озеро и на готовой картине на вершине горы Ушань набросал свою фигуру, вложив в это действие многозначительный намек. Цзиньские художники достигли значительных успехов в изображении коней, демонов и оборотней — любимых персонажей ваятелей и кустарей [Sirèn, 1956, vol. II, с. 130]. Буддийская живопись государства Цзинь кроме фресок, о которых речь пойдет дальше, представлена несколькими портретами адептов школ Чань и Люй [Bush, Mair, 1977—1978].

Число цзиньских художников не ограничивалось приведенными именами. Современные искусствоведы выявили до 50 фамилий художников, работавших в то время, чьи работы не дошли до нас. Кроме царственных — Сянь-цзуна (отца Чжан-цзуна), рисовавшего оленей, коней, уже известного нам Чжан-цзуна, Хай-лин-вана, любившего изображать бамбук, другие художники придерживались определенного жанра. Наиболее многочисленную группу составляли пейзажисты — почти 20 человек; во главе их стоял известный Ван Тинъюнь [Чжан Цзэнъу, 1980], а в перечне фамилий встречаются явно некитайские. Известно всего три жанриста, среди них такие заметные в то время мастера, как Чжан Гуй и Ян Банцюань. Тушью рисовали бамбук свыше десятка человек (в том числе один из царствующего рода Ваньянь); это был очень распространенный жанр в эпоху Цзинь. И только одно имя удалось связать с каждым из перечисленных ниже жанров и сюжетов: буддийская настенная живопись (не считая трех «богомазов», расписывавших статуи и малевавших обычные иконы), изображение цветов и птиц, травы и насекомых, орлов, орхидей, журавлей, драконов, цветов сливы с бамбуком и камнями, коней, сосен. При всей неполноте и условности такой классификации она все же дает некоторое представление о соотношении жанров и тем [Юй Цзяньхуа, 1936, с. 211—213].

О том, что приведенный перечень не является набором случайных имен, свидетельствует собирательская деятельность императо-

ра Чжан-цзуна. Он разыскивал рассеянные библиотеки, собирал редкие книги и картины. При нем Ван Тинъюнь в 1192 г. возглавил департамент книг и картин, вместе с Чжан Чжунфанем из секретных архивов расклассифицировал шедевры каллиграфии и живописи, которых насчитывалось 550 экземпляров [Toyama, 1964, с. 660—669]. Исторические хроники не сообщают ничего о составе собрания. Установлено 13 названий книг, 22 названия картин. По одной версии, они были захвачены при разгроме Кайфына, но те, как трофеи, были вывезены на Север еще в 1126 г. На этих же экземплярах есть печати: годов Дагуань (1107—1110), Чжэнхэ (1111—1117), Сюаньхэ (1119—1125) и печати библиотеки Чжан-цзуна. Другие источники сообщают, что часть этих сокровищ находилась в руках населения Северного Китая, продавалась в Южную Сун на заставах [Пострелова, 1976, с. 113] и, следовательно, могла быть продана и в казну Цзинь. Некоторые из картин и книг, попавшие в коллекцию южносунского Гао-цзуна, впоследствии были подарены Чжан-цзуну и могли таким путем попасть в его собрание.

В Цзинь печатали художественные гравюры. В собрании Эрмитажа находятся две такие гравюры, напечатанные в Пинъяне. Первая выполнена на символико-благопожелательный сюжет и отличается красочностью и идеализацией образа в стиле китайской народной картины пиньхуа. Вторая изображает конфуцианского мудреца Гуань Юя [Рудова, 1967].

По существующей на Дальнем Востоке традиции к живописи причисляется и каллиграфия. Любителем-каллиграфом стал цзиньский император Чжан-цзун. Он стремился сравняться в каллиграфии с Хуэй-цзуном — сунским императором. В сочинении «Ню ши чжэнь ту», подписанном Гу Кайчжи и хранящемся в Британском музее, сохранился автограф, принадлежащий Чжан-цзуну. Он содержит 76 знаков (11 строчек) и печать библиотеки Чжан-цзуна [Toyama, 1964, с. 670—671]. Цзиньцы продолжали развивать традицию соединения в одно целое живописи, каллиграфии и поэзии. Сохранилось стихотворение, каллиграфически исполненное живописцем Ли Чжи, учеником Ван Тинъюня, на рисунке тушью, изображающем цветение сливы. Видным каллиграфом почитался Цай Гуй.

Большой популярностью в художественных кругах Цзинь пользовались сочинения, высказывания и художественное творчество северосунского Су Ши (1037—1101). Со второй половины XII в. цзиньская художественная культура твердо взяла курс на развитие литературной и художественной традиции Северной Сун, прямота и свежесть которой оказались чуждыми эстетическому вкусу Южной Сун. Именно при Цзинь влияние северосунских художников-литераторов в живописи и каллиграфии достигло вершины, тогда как влияние южносунской Академии художеств почти не ощущалось. Это обеспечило сравнительно большую свободу индивидуального творчества, несмотря на приверженность к излюбленным сюжетам художников-литераторов, конфуцианских начетчиков, таким, как цветение сливы, растущий бамбук. Цзиньское время создало крупнейшего живописца эпохи Ван Тинъюня [Bush, 1969].

Для более полной характеристики живописи в эпоху Цзинь следует обратить внимание на сюжетные и орнаментальные росписи в гробницах. В погребении Ма Лина (ум. в 1184 г.) около Чаояна (пров. Ляонин) сохранилось шесть фрагментов стенных росписей [Чэнь Давэй, 1962]. Контур рисунка выполнен тушью, заполнение — серым, зеленым и красным цветами. На фреске западной стены виден стол, накрытый для гостей. Вокруг стола толпятся семь человек. На фреске восточной стены представлен приход гостя. На северном конце этой фрески сохранилось изображение комнаты с балдахином и квадратным столом в центре и пяти человек. На южном конце той же фрески можно разглядеть двух человек и двух оседланных коней. На южной стене, справа от входа, нарисован человек с усами в обычной одежде. Над ним две иероглифические надписи (из 5 и 37 знаков), содержащие указание на имя владельца и время погребения. Слева от входа с трудом просматривается фигура в куртке и надпись из 34 иероглифов, из которой можно понять, что речь идет о жене хозяина. На северной стене фрески плохо сохранились — изображены лишь два балдахина, а под ними фигура служанки.

Особое место занимают фрески в буддийских храмах. В храме Яньшансы в пров. Шаньси сохранились четыре живописных панно, выполненных в 60-х годах XII в. художником Ван Гуем. Панно созданы на сюжеты из жизни Шакья Муни. Религиозные сцены (сошествие демонов) сменяются вполне светскими (конная охота, выезд Шакья Муни), торжественные (парадная процессия, аудиенция в тронном зале) — обычными (мельница, рынок, игры детей). В живописных приемах: расположении красок, характере линий, композиции — находят признаки северосунской художественной традиции, но в «северном», т. е. цзиньском, ее преломлении — об этом свидетельствуют многочисленные аксессуары. Этот редкий для Цзинь жанр живописи сохранился в высокохудожественном образчике [Zhang Yaping, Zhao Jinzhang, 1979; Pan Jiezi, 1979].

Живопись не относилась к категории процветающих при Цзинь видов искусства. Живопись на шелке и бумаге, несомненно, достигла среднего уровня — применительно к состоянию ее на материке Восточной Азии в XI—XII вв. Судя по двум-трем экземплярам, цзиньские живописцы тяготели к «северным» сюжетам. Восприняв досунские художественные стили и приемы, цзиньцы сумели выразить свои эстетические взгляды и непосредственные ощущения от наблюдаемого по-своему, в манере, отличной как от северо-, так и от южносунской. Большинство известных художников принадлежало к категории «свободных художников»; сохранилось всего несколько имен художников, находившихся на службе: Хуан Е, Чжан Юй [Bush, 1971, с. 94]. Фресковая живопись обнаруживает немало оригинальных черт и свободу исполнения.

16. Прикладное искусство

Чжурчжэни познакомились с китайскими достижениями в области художественной обработки металлов, литья, ювелирного, камнерезного и гончарного дела в доцзиньский период, так как изделия этих производств оказались для них наиболее привлекательны, легко транспортабельны, непосредственно применимы в быту. В 1126 г., захватив Кайфын, они вывезли церемониальную утварь и императорские регалии, посуду и редкости, инвентарь для жертвоприношений, буддийскую утварь, а также 20 мастеров по золотой росписи, 30 золотых дел мастеров, ювелиров, каменщиков и черепичников, 100 камнерезчиков [Hsü Ping-ch'ang, 1936]. В те же годы чжурчжэни получали художественные и ювелирные изделия в виде подарков и подношений от сунского императора и двора [ДЦДФЛ, цз. 1—2].

Зеркала, бесспорно, принадлежат к известнейшим образцам цзиньского художественного металла. Уникальный клад зеркал, точно датируемый монетами цзиньским временем, открыт в 50-е годы у пос. Хмельницкого Приморского края [Шавкунов, 1960 (II)]. Всего здесь найдено девять чжурчжэньских зеркал, прекрасно сохранившихся. Зеркало № 1 оформлено в виде цветка с восемью лепестками, внутри которых помещены парные узоры лоз — это типично чжурчжэньский орнамент. В центре — сцена, возможно, из буддийской литературы. Зеркало № 2 имеет вид нечетко выраженного цветка с восемью лепестками. Зеркала № 3 и 4 разной величины. На тыльной стороне их изображена пара рыб в период нереста, гоняющихся друг за другом. Это обычный сунский мотив в локальном варианте: на зеркале № 3 изображены представители кетовых, видимо горбуша, на зеркале № 4 — рыбы из семейства касаток — змееголов (?) (ср. [Дун Сюэцзэн, 1979]). По ободку идет надпись «гуань-цзян» («казенный мастер»), часто встречающаяся на чжурчжэньских зеркалах. На зеркале № 5 надпись исполнена не китайскими, а скорее всего «малыми» чжурчжэньскими иероглифами. На зеркале справа изображен человек, в задумчивости прислонившийся к дереву. Слева небольшой водопад. На зеркале № 6 слева две фигуры на фоне деревьев, внизу всадник рядом с лошадью, справа фигура под деревом и надпись из двух иероглифов. На зеркалах № 7 и № 8 слева и справа помещены две фигурки танцоров (почти неразличимые). Зеркало № 7 отличается присутствием ленты, тянущейся от одной фигурки к другой. Зеркало № 9 украшено венком из цветов лотоса в различных стадиях его цветения. Зеркала выделяются тонкостью отделки и в большинстве случаев реалистичностью сюжета.

На Шайгинском городище в Приморье найдены бронзовые зеркала с другими мотивами: на одном дракон в виде облака пожирает солнце, ниже две рыбы плывут в бушующих волнах, еще ниже, задрав голову, стоит буйвол [Шавкупов, Хорев, 1977]; на другом изображены юноши в чжурчжэньском наряде: в шароварах, в рубахах с четырехугольными вырезами на месте воротов, в невысоких

сапожках — как утверждают, сцена видна лишь при особом повороте зеркала к источнику света [Можейко, 1971, с. 32]; на третьем по кругу размещено 11 неповторяющихся музыкальных инструментов, перевязанных лентой [Шавкунов, 1977]. В самом расположении передано, как находят, ощущение их движения по спирали [Гусева, 1977]. Зеркала свидетельствуют о высоком художественном вкусе мастеров. Стилистическое разнообразие чжурчжэньских зеркал этим не ограничивается. Можно указать на круглое бронзовое зеркало с парой фениксов и виноградной лозой [Торияма, 1935], на зеркало с ромбическим узором и литой надписью владельца или на другое — с изображением морского животного [Чжэн Лун, 1959], на зеркало с узором в виде сцепленных монет или с изображением розы, на экземпляр, явно подражающий старинным образцам — с изображением морского дракона, на зеркало с длинной ручкой, судя по надписи — из Шаньдунского дворца [Обследование..., 1958], наконец, на благопожелательные зеркала: круглое — с пожеланием долголетия, богатства, знатности; квадратное — с пожеланием богатства, добродетели, долголетия [Торияма, Фудзита, 1940]; в виде многоугольника или водяного ореха с надписью «Чистота и ясность передадутся дому, если всегда будут пользоваться драгоценным зеркалом» [Чжан Дэгуан, 1955]; квадратное беловатого цвета, поверхность его разделена жемчужинами на четыре квадрата, в каждом из них помещено изображение бабочки в траве; в виде цветка с восемью лепестками из мастерских Хучжоу с фигурами журавля и черепахи, несущими символическую нагрузку, широко распространенную на Дальнем Востоке; с изображением четырех животных, замечательном пространной надписью из 24 иероглифов и двумя оттисками чиновничьих печатей, оно датировано 1198 г. [Умэхара, 1944, с. 216—217]. При Цзинь сохранились все формы зеркал, их особое назначение, обычай государственной апробации изделия, отливка фамилии и звания собственника, а также многие сюжетные мотивы. Но последние пополнялись и кое-чем новым: появились парные узоры лоз, пара северных рыб, гирлянда лотосов на разных этапах цветения, набор музыкальных инструментов — все эти заметные новшества знаменуют отход от сакральной тематики (ср. [Zhong Kan, 1978, табл. VII—1]).

Группа мелкой ритуальной пластики размером 5—10 см, в сущности, тоже принадлежит к прикладному искусству. Изображение шамана с птицей на голове — аналогичный сюжет обнаружен на одной маньчжурской иконе [Медведев, 1979 (I), рис. 4]; статуэтка будды [Хорев, Гусева, 1979]; фигурка будды в плаще с короной на голове и четками в руках [Чэнь Сянвэй, 1964], будда с чашей в руках, с обнаженной грудью и ногами, стоящий на пьедестале в виде лотоса; фигурка человека, одна рука которого на животе, другая что-то держит перед грудью [Дуань Цзянсю, 1963]; изображение бодисатвы Алоханя, божества Гуаньинь [Обследование..., 1958]; изваяние будды, сидящего на лотосе, с пластинкой за спиной в виде лотоса [Чжэн Луп, 1959]; фигурка сидящего будды [Такигава, 1941] — все они отлиты из бронзы и могут быть охарактеризо-

ваны как образцы цзиньского художественно-кустарного производства, иногда довольно высокого качества.

Другая группа мелких фигурных изделий из металла имеет полуритуальное или вовсе светское приложение. Она представлена бронзовыми фигурками курицы, рыбки, колокольчиков [Дуань Цзянси, 1963], серией амулетов с изображением знаков зодиака [Чжан Юй, 1956]. Все они снабжены петелькой для подвешивания. Более редко, но встречаются изображения из других металлов: золотые стрекозы и пчелы [Обследование..., 1958], великолепное украшение в виде сложного сочетания молочных нефритовых и красных яшмовых бус разной формы на золотой проволоке [Ching Yüan, 1977, табл. 1], железная подвеска в виде мальчика с посохом в руке, с петелькой для подвешивания [Тория́ма и Фудзита, 1940, с. 17], серия аналогичных подвесок с развалин Верхней столицы в Шанцзине [Толмачев, 1927], бронзовая антропоморфная фигурка, сидящая верхом на драконе, бронзовые же части коромысел, безмена, конец которого оформлен в виде головы дракона и коня [Шавкунов, 1972 (II), с. 305], невысокий бронзовый колокол из музыкального набора [Ли Вэньсин, 1963], круглая бронзовая коробочка, возможно регалия чиновника, 1175 г. [Лу Ци, 1979], набор музыкальных инструментов — все это заметные новшества, знаменующие отход от сакральной тематики (ср. [Zhong Kan, 1978, табл. VII, 1]). Разнообразны орнаментальные композиции на пряжках, бляхах, хомутках.

На Шайгинском городище найдены штампованное изображение плывущего лебедя [Шавкунов, Хорев, 1975], ажурная бляшка в виде узла, стилизованного под морду тигра [Гусева, Шавкунов, 1976], портупейная пронизка и хомутик с рельефными изображениями лежащего оленя [Гусева, 1976], бронзовая пряжка с рельефным изображением дракона и лани под деревом, две бронзовые же накладки с воспроизведением тигра и головы дракона [Шавкунов, 1979]. На Лазовском городище найден детский поясной набор — в бронзе и в железе; на его пластинках видны олени под деревом [Леньков и др., 1979]. Советские археологи находят в этих орнаментальных мотивах черты, восходящие через мохэ, с одной стороны, к сибирским («звериный стиль») [Шавкунов, 1972 (II)], а с другой — через уйгуров — к центральноазиатским корням [Гусева, 1978 (II)] и продолжающие существовать у современных местных народов.

Известны два чжурчжэньских чугунных колокола. Один из них находится в кумирне Гуаньди в г. Фэйчэне (пров. Шаньдун), отлит в 1184 г. Он продолговатой формы. Верхняя петля оформлена в виде двух драконов без голов. На куполе колокола выгравированы лепестки лотоса. Четыре ряда «жемчужин» выделяют вокруг тела колокола три ленты; верхняя и нижняя заполнены геометрическим узором «кэса», напоминающим рисунок риз. Край колокола неровный, чуть выше его отлита пентаграмма. Другой колокол, отлитый в 1201 г., висит на колокольне в Ганьчжоу (пров. Шэньси). Он менее продолговатый, край его неровный, поверхность разбита на прямоугольники, узор менее традиционен и более свободен [Сэкино, Такэдзима, 1944, с. 343—344, табл. 162—163].

Резьба по камню у чжурчжэней хорошо иллюстрируется недавними находками на Шайгинском городище в Приморье миниатюрных подвесок (15—25 мм) из цветного камня [Шавкунов, 1979, 1969 (I)]: рыбка изготовлена из нефрита; пара тюленей, прижавшихся друг к другу спинами, высечена из цельного стеатита, прожилки в камне удачно передают ворсинки меха; спящий лебедь вырезан из белого кварцита, голова и шея птицы, положенные на спину, образуют с телом композиционно завершенное целое; «дремлющий» заяц вырезан из горного хрусталя; полевая мышь сделана из черного аргиллита, она как бы обдирает колосок, который держит в лапах; полураспустившийся цветок пиона воспроизведен из белого кварца. У всех фигурок по центру проходит отверстие для шнура. Оформление их в виде монолита, без выступающих частей, сближает их с ранними японскими подвесками — нэцкэ. Представлен также нэцкэ-дракон [Шавкунов, 1980]. На печати из черного камня вырезаны изображения цветка и оленя [Гусева, 1976]. Серия ажурных украшений из полудрагоценного камня обнаружена близ г. Аолими [Chang T'ai-hsiang, 1977, с. 58] и на том же Шайгинском городище [Шавкунов, 1979]. На памятниках Приморья попадаются мелкие художественные поделки из стекла: голубой цветок, заколка для волос [Шавкунов, Хорев, 1976].

Важным сырьем для прикладного искусства служила глина, из которой обжигали фигурный и декоративный кирпичи, орнаментированную стреховую черепицу и капельники, расписную глазурованную керамику и фарфор.

Декоративные кирпичи явились темой обсуждения раздела 14 настоящей главы. Терракотовые поделки, предназначенные для украшения коньков и концов крыш дворцовых и административных зданий, есть почти на всех крупных памятниках — в Шанцзине [Толмачев, 1927], в Краснояровской крепости [Забелина, 1960 (I)], на Николаевском городище [Шавкунов, 1966] и др. Типична голова дракона с раздувшимися ноздрями, с выпученными глазами, в ярости открывшего рот, оскалившего зубы и высунувшего язык. Фигура феникса на раструбе представлена в спокойной манере. На таком же раструбе посажена фигурка будды с крыльями за спиной.

Бесспорные образчики чжурчжэньской черепицы на развалинах Верхней столицы в Маньчжурии, в Краснояровской крепости, на Сучанском и Шайгинском городищах в Приморье и в других местах. В горном укреплении к северу от Фушуня, на берегу р. Суйфун, у Краснояровской крепости, найдены антефиксы с прекрасно выполненной мордой зверя, окруженной рядом жемчужин [Забелина, 1960 (I); Киселев, 1959]. Цветок лотоса, как правило, имеет 6—8 лепестков. В центральном кружке — сердцевине цветка размещено 6—7 тычинок в виде жемчужин. Вокруг цветка в ленте тоже несколько жемчужин. Обычно вдоль, через всю поверхность капельника идут три горизонтальные линии. В промежутках между ними — цепочка косо-, прямоугольных вмятин и выпуклостей, поверхность которых покрыта оттисками веревки. Иногда таких лент не две, а три, квадратики же сменяются сосочками (1—2 ряда).

Нижний боковой край капельника оформлен в виде волнистых изгибов — при помощи специального приспособления, имитирующего нажим пальцем. Вогнутая часть волнообразной закраины покрыта оттисками веревки. На капельниках с Верхней столицы Цзинь изображен дракон, изображение его такое же, как и на круглых антефиксах. В южных районах Цзинь последние покрывались глазурью, на севере глазурованные антефиксы почти не встречаются. Рисунок, как правило, отличался стабильностью — признак устойчивого вкуса, стандартностью — результат массового производства, симметричностью расположения лепестков цветка, экспрессивностью морды зверя или свившихся драконов — свидетельство чутья декоратора, четкостью рисунка — плод умения керамиста. Археологи, непосредственно занимавшиеся этим временем, выработали практические навыки, помогающие им выделять чжурчжэньские антефиксы и капельники из массы подобных [Шавкунов, 1960 (I); Аргудяева, 1964; Цзя Чжоуцзе, 1977].

Производство художественной керамики в Цзинь — область, во многих отношениях не изученная. В некоторых современных работах указывается, что чуть ли не все северосунские мастерские (например, Дин-яо) в правление чжурчжэней прекратили свою деятельность, и тем более не появились новые печи [Чжунгоды цици, 1963, с. 143]. Это, несомненно, преувеличение, так как на любом цзиньском памятнике археологи находят массу керамики, и в том числе художественной. Даже в далеком Приморье на чжурчжэньских памятниках обнаружены аналогичные изделия. Огромная масса художественной посуды, разумеется, не может быть импортной, а тщательный стилистический и технологический анализ доказывает, что даже изделия, принадлежащие по стилю к сунским семействам, изготовлены на месте. Это последнее обстоятельство толкуется иногда чересчур прямолинейно как простое продолжение деятельности китайских печей (и доживание сунских традиций) в цзиньское время, продукция которых именуется «сунско-цзиньской керамикой» [Курода, 1955]. К моменту появления чжурчжэней в Китае здесь существовало хорошо налаженное производство художественной фарфоровидной керамики и фарфора [Кочетова, 1956, с. 25—32]. С перенесением сунского центра на юг южные мастерские, естественно, продолжали свою деятельность (Лунцюань-яо, Цзянь-яо). Судьба северных центров оказалась более сложной. На базе северосунских печей выросло цзиньское производство художественной посуды.

В цзиньское время на территории современного Китая работали казенные печи Байту-яо в уезде Сяосянь, Сучжоу-яо в уезде Сусянь, Сычжоу-яо в уезде Сысянь (пров. Аньхой); Дин-яо у деревни Цзяньцы в уезде Цюйян; Цычжоу-яо у Гуаньтайцзюня, близ г. Ханьдань (пров. Хэбэй); Пиндин-яо у г. Янцюаня (пров. Шаньси); Яочжоу-яо у Хуанбаоцзюня, близ г. Тунчуань (пров. Шэньси); Шэньхоуцзюнь-яо в уезде Юйсянь (пров. Хэнань); Цзюньшань-яо в уезде Исин (пров. Цзянсу); Дагуаньтун-яо в уезде Фушунь (пров. Ляонин) (названия провинций современные) [Mino, Wilson,

1973]. Причем Шэньхоуцзюнь-яо, или просто Цзюнь-яо (позднее Цзюньчжоу-яо), Дагуаньтун-яо, Гангуаньтун-яо, Ганва-яо и некоторые другие не относятся к числу северосунских печей: первая — цзиньская, остальные (в Маньчжурии) — ляо-цзиньские [Чжоу Цзе, 1973; Комура, 1934]. Все они сыграли свою роль в создании общего вида цзиньской художественной керамики, но удельный вес этих мастерских, а также выпускаемой ими продукции и семейств был далеко не одинаков.

Первое место заслуженно принадлежало Цзюнь-яо. Печи Цзюнь-яо, или Цзюньчжоу-яо, находились в одноименной области, получившей свое название в 1184 г. (уезд Юйсянь в пров. Хэнань). Цзюнь-яо выдавали типично цзиньский фарфор. Эти печи унаследовали традиции сунских Жу-яо и стали самыми знаменитыми печами на севере Китая, выдающимся производственным центром. Сравнительно простое вначале производство впоследствии развилось. Цзюнь-яо, несомненно, вершина производства цзиньских селадонов. Глазурь густо покрывает всю поверхность изделий, придавая им лунно-белый или коричневый колер. В ходе обжига глазурь растекалась ручейками, образуя оригинальный струйчатый узор, а иногда свисала в виде подтеков. Такие патеки были обдуманным приемом, так как в иных случаях мастера умели добиться, чтобы глазурь ложилась ровным, тонким слоем. Ножки и днище обычно обмазывали зеленовато-коричневой глазурью и на днище вырезали иероглифы и цифры — особенность, присущая Цзюнь-яо. Впрочем, эта особенность проявилась в полную меру с последнего десятилетия XII в., когда спала волна правительственной кампании за возрождение чисто чжурчжэньской культуры [Гуань Сунфан, 1958]. Керамика Цзюнь-яо отличалась обилием оттенков глазури. Кроме упомянутых известны бирюзовая, черная, красная глазури, причем бирюзовая была получена при низкой температуре обжига впервые в Цзинь, а красная только в сунское время. Сосуды украшались цветными подглазурными резными изображениями лотоса или хризантемы на белом фоне [Чжунгоды цици, 1963, с. 143—146]. С начала XIII в. печи стали выпускать ритуальную утварь для императорского двора, сочетавшую белый цвет с розовым. Само сочетание сложилось под влиянием возрождения цветовой шкалы, сначала бывшей в ходу в Северной Сун, а потом — у даосов [Legeza, 1972, с. 273]. Керамика Цзюнь-яо была широко распространена в Цзинь и даже в Южной Сун. Она в изобилии попадается на многих цзиньских памятниках. Это вазы с высокой шейкой, покрытые бирюзовой глазурью, зеленоватые глазурованные блюдечки, кувшины с ушками, обмазанные серо-зеленой поливой и др.

Фарфоровидная керамика семейства яочжоу-яо усиленно производилась при Цзинь мастерскими в Литапо и Шантяньцзуне в пров. Шэньси. Происхождение этих печей восходит еще к танскому времени. При чжурчжэнях они выпускали в основном желтоватые селадоны, по качеству несколько уступающие северосунским [Раскопки яочжоуских мастерских..., 1965], да красно-бурые глазури. Художественная или орнаментированная керамика яочжоу-яо от-

личалась следующими особенностями (северные селадоны): 1) прежде всего производились крупные миски, тарелки голубой поливы на желтой основе, затем миски и тарелки с черной или голубой поливой; 2) потеки поливы грубоватые, поверхность, не покрытая глазурью, не промазана белым; 3) цветочный узор представлен в виде изображения декоративного цветка с завитками, поднятыми вверх, в центре дна и внутри на стенках чашек, блюд. Он расположен кругом или в шести сегментах. Кроме пионов, лотосов, хризантем, рыб, гусей неодинаковой формы попадаются изображения гуся в волнах, носорога, смотрящего на луну, оленя, восьми триграмм, треугольников и пр.

Изделия семейства цычжоу-яо выпускались разными мастерами пров. Хэбэй — в Цзяньцыцуне, Гуаньтайцзюне. Среди них выделяются подголовники. В орнаменте заметна известная жесткость, особенно в узоре цветочных побегов. В XIII в. именно на изделия этого семейства стали наносить эмаль (см. гл. 2, разд. 1).

Характер продукции других печей вырисовывается в следующем виде. В печах Байту-яо обжигались изделия с черной и белой глазурью, сосуды с черной росписью по белому фону, в Сучжоу-яо и Сычжоу-яо — преимущественно изделия с белой глазурью. Печи Дин-яо выпускали очень разнообразную продукцию: с белой глазурью (собственно семейство дин-яо), сосуды с красно-бурым глазурованным декором по белой глазури, а также изделия с красно-бурой глазурью. Печи Цычжоу-яо давали предметы с зеленой глазурью и с черным декором, с трехцветной глазурью, белой и красно-бурой глазурью, с черной росписью по белому фону, изделия с орнаментом типа граффито или резным. Пиндин-яо выпускала изделия с черной и белой глазурями, Цзюньшань-яо — селадоны, Дагуаньтун-яо — с белой глазурью, с черной росписью по белому фону [Фэн Сяньмин, 1965].

Сяо-яо, знаменитая «народная» печь в Цзянсу, т. е. печь не правительственная, выпускала керамику, находившую широкий спрос [Сун Боинь, 1962; Ван Чжиминь, 1959]. Эта мастерская стремилась воспроизвести стиль прославленного семейства дин-яо — фарфора с тонкой глазурью, белой или цвета слоновой кости, с тисненым узором цветка на дне, реже — на стенках сравнительно некрупных и простых по форме сосудов. Керамика семейства дин-яо представлена на многих археологических памятниках Цзинь, а кое-где составляет большинство керамических находок [Чэнь Сянвэй, 1964]. Целая серия грубоватых по виду мисок и тарелок с тисненым подглазурным узором найдена в Бали (пров. Хэйлунцзян) [Ван Сючжи, 1960]. Можно еще упомянуть белую миску на ножках с узором на дне и другие, более крупные, явно подражающие классическим дин-яо, а также чашки, пиалы, горшки, покрытые желто-белой глазурью. В раскопках найдены сферические фарфоровидные сосуды с узким горлышком, облитые черной глазурью, горшки с ушками, украшенные черной росписью по белому фону, парные сосуды, бутылки, сосуды с носиком, вазы с желто-белой поливой и подглазурной росписью (мотивы летящих птиц, плывущих рыб,

пары животных, например гусей). Среди керамики этой группы есть образцы, явно подражающие бронзовым оригиналам,— вазы или триподы — «дины» с тисненым орнаментом [Юань Цзиньцзин, 1977; Ли Ию, 1959], котлы и миски на трех ножках [Юй Чжэнь, 1963], сосуды сложной формы в виде пагоды [Предметы..., 1963]. В Приморье на Шайгинском городище найдены две глазурованные скульптуры в виде львов с чашей на спине [Шавкунов, Хорев, 1975].

На территории Собственно Китая скульптурные художественные изделия из керамики разных печей — еще более частое явление. В погребении начала XIII в. в Хоума (пров. Шаньси, КНР) оказалось пять глиняных фигурок актеров — представителей разных амплуа. Эта артистическая тематика — новое явление в мелкой пластике. Для нее характерно стремление к верности изображения [Maeda, 1979, с. 138, 155, рис. 12].

Археологические находки подтверждают существование в цзиньское время и других центров выделки керамики, и иных сортов, нежели те, которые считаются специфичными для известных нам печей. Это в значительной степени относится и к северным губерниям империи. На чжурчжэньских стоянках в Приморье и Приамурье глазурованная орнаментированная керамика не редкость, хотя чаще всего представлена фрагментами, которые можно приписать изделиям почти всех известных нам цзиньских печей [Воробьев, 1959; Аргудяева, 1963]. Целые экземпляры сравнительно редки, но археологически целые, т. е. восстановимые, экземпляры можно отыскать в культурном слое любого памятника [Стратанович, 1951]. Сосуды этого типа составляли небольшую часть местной утвари, они очень ценились и использовались до полного износа. Печей, выпускающих такие сосуды, в этих районах пока не найдено, наиболее северные из них не выходят за пределы Южной Маньчжурии: Дагуаньтун-яо, печи у Цзягуаньтуна и Ляояна [Mino, 1973, с. 18]. Вообще же художественная посуда, по-видимому, обжигалась и на севере. В парадном здании Краснояровской крепости нами найдена серия шаровидных сосудов темно-серого или светло-черного цвета с плоским дном без поддона, с небольшим отверстием и невысоким венчиком. Гладкая и ровная поверхность, тонкий черепок (0,5 см), хорошо выдержанная шаровидная форма — все это признаки высококачественного изделия особого назначения [Воробьев, 1967(II), с. 435].

Каждая из трех основных групп цзиньской керамики: северные селадоны (т. е. продукция печей Цзюнь-яо, Яочжоу-яо и др.), керамические подголовники Цычжоу-яо, утварь Дин-яо — занимала свое особое место в трансформации художественного стиля [Wirgin, 1970, с. 219—227]. В начале Цзинь господствовал «реалистический стиль», представленный изделиями Цычжоу-яо и в меньшей степени Дин-яо и связанный с северосунскими вкусами (интерес к изображению цветов и животных). С середины Цзинь верх взяло «традиционное направление», вдохновляемое танской и ляоской орнаментикой и символикой. Для него характерны богатство лепного орнамента, выдержанность композиции, использование всей поверх-

ности изделия. К началу XIII в. это направление, получившее официальную поддержку, достигло расцвета. Существуют и другие попытки изучения развития цзиньской керамики, прежде всего фарфоровидной, на базе археологических находок на территории империи Цзинь. Простейшее картографирование мастерских по производству фарфора в государстве Цзинь показывает, что дюжина известных крупных мастерских размещена практически по всей территории Цзинь: от Маньчжурии и до южной границы. Изучая археологические находки, можно установить, что развитие керамики Цзинь прошло по крайней мере два крупных этапа: до перенесения главной (Средней) столицы в Яньцзин и после этого события; своеобразным хронологическим рубежом служат 60—80-е годы XII в. Развитие керамического производства на этих двух этапах проходило в трех больших регионах — в Маньчжурии, на Китайской равнине, на землях, прилегающих к р. Хуайшуй,— и всюду имело свои особенности [Чжао Гуаплинь, Чжан Нин, 1979].

Даже повседневная керамика подвергалась декоративной отделке — рационально-художественной формовке, лощению, а также простейшей орнаментовке — лепной, штампованной, а чаще всего прочерченной, варьирующей в разных сочетаниях один исходный элемент [Тупикина, 1974(II), 1973(II)].

Цзиньские художественные и полухудожественные изделия из металла и глины, как мы стремились показать, обладают несомненным своеобразием. В орнаментике господствуют криволинейные, растительные, зооморфные изображения, такие мотивы, как «узел», «маньчжурская астра», «вьющаяся лоза», «S-видная фигура», «бегущая волна» [Гусева, 1978(II)]. Особенно отчетливо они выделяются на севере Цзинь, менее затронутом китайскими художественными мотивами. Отдельные повторяющиеся мотивы могут быть дешифрованы с помощью семантики: «волна», «пламя», «меандр», «завиток», возможно, воспроизводят явления природы, а функционально могли служить тотемными знаками, оберегами [Шавкунов, Гусева, 1978].

Творческое преломление дальневосточных эстетических традиций и декоративных приемов позволило мастерам Цзинь создать образцы, не уступающие по качеству изделиям их соседей, живших в то же время.

17. Наука

Захват Северного Китая чжурчжэнями привел к ликвидации сунской системы государственных научных учреждений. В дальнейшем эти учреждения, в том числе и академия Ханьлинь, постепенно были восстановлены, но роль государственного начала в научной жизни никогда не достигала при Цзинь сунского или танского уровня [Yabuuti, 1966]. К категории государственных наук в империи в разной мере относились история, натурфилософия, астрономия, служба времени, география, горное дело, медицина, фармакология, агротехника. Критерием причисления тех или иных ди-

сциплин к категории государственных служит наличие в цзиньском аппарате специальных ведомств или постов. Но внутри этой категории имперских наук государственное влияние ощущалось по-разному, не говоря уже о том, что почти все перечисленные дисциплины одновременно были открыты для частной инициативы. Исключение составляли лишь служба времени (составление календарей), в меньшей степени натурфилософия (учение об инь и ян и о пяти элементах) и в еще меньшей — медицина (точнее, медицинское образование). Из перечисленных наук к числу наиболее официальных относились история, астрономия, фармакология. В философии допускалось свободное комментирование канонических сочинений, проводимое в ортодоксальном духе; филологические интересы правительства ограничивались письменностью, географические — административным делением и картографированием, в горном деле — контрольными функциями, в агротехнике — наблюдательными и рекомендательными. Математика, ботаника и некоторые другие науки непосредственно не интересовали власти.

Философия в эпоху Цзинь оставалась уделом начетчиков-китайцев, которые, однако, не создали в это время чего-то более крупного, чем комментарии на китайские классические, философские книги. Своими сочинениями широкую известность заслужил Ван Жосюй — автор комментария темных мест (бяньхо) к Пятикнижию, Четверокнижию, «Мэн-цзы», «Лунь юю». Несколько сохранившихся фрагментов свидетельствуют, что в своей критике Ван Жосюй не щадил авторитетов: он порицал Чжу Си, Сыма Цяня, осуждал Сыма Гуана за умолчание о преступлениях Цао Цао [Tao Jing-shen, 1976, с. 103–104].

История в чжурчжэньском государстве Цзинь развивалась чиновниками государственных учреждений и историками, не состоящими на службе [Воробьев, 1970(I)]. Как в Тан и в Сун, государственная историография Цзинь отнюдь не ограничивалась рамками чисто научных изысканий. Государственное, политическое и пропагандистское значение истории всячески подчеркивалось. Государственные историографы должны были в своих трудах давать оценку предшествующей династии, прославлять правящую династию и ее основателей, вести всю текущую архивную и протокольную работу, подавать справки и совет императору в государственных делах, подкрепляя их примерами из исторического прошлого и исходя из положений ортодоксальной идеологии. Для осуществления этих задач в стране была создана коллегия государственной истории (гошиюань) и протокольная палата для записи ежедневных деяний императора (цзичжуюань). До конца XII в. в этих учреждениях менее половины постов занимали чжурчжэни, впоследствии процент чиновников-чжурчжэней был увеличен. Внешне вся система напоминала киданьскую и оказалась менее громоздкой, нежели сунская. Уже в 1127 г. «...Тай-цзун, желая внести в историю деяния его предков, издал манифест, коим спрашивал об оных знающих. Он поручил Уе — сыну Полашу — и Елюю Диюэ описать оные. Уе и Елюй Диюэ, тщательно исследовав слова и дела предков, написали в трех

частях книгу о деяниях десяти государей, начиная с прадеда Хорибу (Хэлибо). Они подробно описали... села и деревни; не скрывая ни одного поступка во взаимных сношениях с царством киданьским, войнах с другими поколениями, в хитростях и обманах при посредничестве, они во всем соблюли верность» [ЦШ, цз. 3; цит. по: Розов, с. 103]. «Правдивые хроники» («шилу»), «протоколы трудов и вдохновений» («цицзюйчжу»), обеспечивающие материалами историков последующей династии, два варианта истории Ляо («Ляо ши») — все составлены служащими-чжурчжэнями [Воробьев, 1970(II); Таскин, 1971, с. 73; Фудзиэда, 1948]. Истории Ляо создавались в обстановке ожесточенной политической борьбы по вопросу: чьим наследником считает себя Цзинь — Тан, Ляо или Сун? [Franke, 1974(II), с. 15—16; Rogers, 1977, с. 57]. Эти сочинения не сохранились. Оригинальная историческая литература государства Цзинь, известная нам, написана на китайском языке (существовали чжурчжэньские переводы китайских исторических трудов). Большинство сохранившихся сочинений принадлежат кисти неслужащих ученых, причем они были в Цзинь относительно многочисленны и активны. Немалая доля исторических трудов Цзинь пережила разгром государства и легла в основу юаньских и минских трудов о Цзинь. До наших дней дошли «Нань цянь лу», «Да Цзинь цзи ли», «Да Цзинь дяофа лу», «Гуй цянь чжи», «Жунань иши», «Да Цзинь го чжи», «Цзинь чжи», а также «Ляодун синбу чжи» и «Яцзян синбу чжи» (см. Введение).

Как уже отмечалось, в филологии правительство интересовали лишь язык и письменность (см. гл. 2, разд. 9). Состав академии Ханьлинь пополнялся в основном академиками-языковедами. Прикладными аспектами языкознания занимались также чиновники некоторых других учреждений: коллегия по редактированию государственных актов, комиссия мудрейших, коллегия придворной цензуры, государственный секретариат. В 1208 г. Хань Даочжао составил «Уинь лэйцзюй сыпэн бяньхай» («Словарь слов, расположенных по четырем тонам (музыкальным ударениям.— *М. В.*) и пяти тонам музыкальной гаммы»), взяв за образец знаменитый «Юй бянь» Ку Евана (VI в.) и разместив иероглифы в разделе одного ключа по числу черт, начиная со знака с меньшим числом черт. Этот метод впоследствии приняли Мэй Инцзо в словаре «Цзыхуай» (1615 г.), а также составители «Канси цзыдянь» (1716 г.). Словарь годился для чтения даосских текстов [Ogawa, 1962].

Разработка общих вопросов натурфилософии в империи Цзинь в целом не выходила за пределы традиционно-схоластической трактовки теорий, сложившихся в Китае, применительно к чжурчжэньской практике. К числу их принадлежит «Да Цзинь дэюнь тушо» («Схемы и объяснения о чередовании стихий [применительно к] Великой Цзинь») неизвестного составителя, одобренные Государственным советом в 1214 г. В сборнике сосредоточены доклады о достоинствах каждой из пяти стихий применительно к судьбам династий, выбранных покровителями, и выдвигается идея непобедимости Цзинь, избравшей сначала своим покровителем стихию ме-

талла (напомним, что название династии — «золото» — и слово «металл» пишутся одним и тем же иероглифом) в пику Ляо, а теперь принимающей покровительство стихии земли — в противовес Сун. Рассуждение подкрепляется «историческими» примерами. Династия Тан избрала «правильную» стихию земли и побеждала, Сун — «неправильную» (огонь) и терпела поражения [ДЦДЮТШ; Rogers, 1977, с. 57—59]. Сюда же относится пара книг по кабалистике, а также «Цин У сяньшэн цзанцзунчжу» («Комментарий к погребальному канону наставника Цин У») У Цзинцзэ. Чжурчжэньский автор комментирует канон ханьского писателя, посвященный основам учения инь-ян.

Характер представлений той эпохи о процессах, происходящих в природе, оттеняет следующий колоритный эпизод. В 1160 г. в Хэдуне и Шаньси произошло землетрясение, а в расположении войск — ураган; в результате были разрушены дома и погибло много людей. «Хай-лин-ван спросил у придворного астронома, почему бывает землетрясение? И тот ответил: „Потому, что таится ян и угнетается инь“.— „А что такое землетрясение и ураган?“ — допытывался император. „[Стихия] земли утрачивает свои свойства — это и называется землетрясением и ураганом“» [ЦШ, цз. 23, с. 165]. Мы узнаем, что цзиньцы усвоили дальневосточную натурфилософию и «сущность пяти элементов»: на небе пять планет, на земле пять стихий, в человеке пять основных нравственных качеств (человеколюбие, справедливость, вежливость, понимание и вера) и пять обязанностей [ЦШ, цз. 23, с. 165]. Однако, когда в 1151 г. император Хай-линван объявил о перенесении столицы в Яньцзин и «чиновники... составили план дворца в Яньцзине, избрав день и место для закладки его в соответствии с началами инь и ян и с пятью стихиями» [ЦШ, цз. 5, с. 42], император отнесся скептически к этой обрядности.

Математические исследования известны плохо. Бесспорным событием стало появление «Цэюань хайцзин» («Морского зерцала измерения круга») цзиньского математика Ли Чжи (или Ли Е) (1178—1265) — китайца, уроженца Цзинь. Знаменитый труд появился уже после падения Цзинь — в 1248 г. Ли Чжи считал, что земля сферична и не может быть плоской и квадратной без того, чтобы «небесные явления не испытывали помех». Ли Чжи ознакомил научный мир с отрицательными величинами, применил ряды коэффициентов для записи числовых уравнений, развил учение о «математической природе мира», о натуральных и иррациональных числах и предложил оригинальный способ измерения круга путем построения геометрических фигур на его поверхности и последующих действий с алгебраическими величинами [Vanhée, 1913]. Вместо современного выражения неизвестного через «х» цзиньская алгебра пользовалась иероглифом «юань» (источник), откуда и пошло название для этой отрасли математики — «тянь юань» («небесный источник»).

В стране существовала государственная астрономическая служба. Она включала в себя ряд отделов: обсерваторию (наиболее много-

численный отдел — до 150 человек) и отделы регистрации, астрономии, хронологии, гадания по звездам и приметам, водяных часов. В них чжурчжэни составляли $^1/_3$—$^1/_2$ состава. Цзиньские астрономы занимались теоретическими и практическими проблемами. У Кап составил иллюстрированный «Цзяочжэн тяньвэнь чжигуан» («Пересмотренные основы астропомии»). В этом труде он описывает пять планет, неподвижные звезды, правила гадания по звездам. У Кан неоднократно занимал различные должности в отделе астрономии и пользовался большим авторитетом при дворе, главным образом как искусный предсказатель будущего. Внимание цзиньцев к астрономии хорошо выражено в следующем отрывке. «После того как Цзинь захватила Бянь [цзин] (Кайфын, 1126 г.— *М. В.*), все астрономические механизмы и приборы были увезены на повозках в Янь-[цзин] (Пекин.— *М. В.*). Небесная сфера, небесный экватор, хронометрирующее колесо, небесный глобус, колокола, барабаны, рычаг, отбивающий четверти, небесный (верхний) резервуар, черпаки, отстойники, баки и другие — все [механизмы] давно сломались или сработались. Только бронзовая армиллярная сфера оставалась в обсерватории... Но поскольку Бянь [цзин] и Янь [цзин] разделяла более чем тысяча ли, широты местности были совершенно неодинаковы, поэтому потребовалось отрегулировать их по полюсу, передвинув цапфу [южного] полюса на четыре градуса ниже[13]... В [1195 г.] случился сильный ураган... Молния ударила в армиллярную сферу... сфера упала на землю и разбилась. [Император Цзинь] повелел починить ее и поставить обратно на башню. Когда в годы [эры правления] Чжэнью [1213—1216] [чжурчжэни] переселились на юг, [предлагали] переплавить сферу на разные вещи, [но император] и слышать не хотел, чтобы ломали [ее]. Однако груз был так велик, что было трудно везти его на повозке, и в конце концов сферу оставили» [ЦШ, цз. 22, с. 162]. Как бы то ни было, система взаимосвязанных механизмов действовала безотказно, во всяком случае с 1154 г. [Чэн Цзуньгуй, 1955, с. 137; Needham, vol. III, 1959, с. 363—365]. В каком объеме пополнялся набор астрономических инструментов, неясно [Чэнь Цзуньгуй, 1955, с. 137].

Государственная астрономическая служба осуществляла свыше 100 видов наблюдений и операций: вела наблюдения за Солнцем, Луной, пятью планетами (Меркурием, Венерой, Марсом, Юпитером и Сатурном), за 28 неподвижными созвездиями (поровну распределявшимися по четырем секторам небесного свода, соответствующим странам света), к которым «привязывали» прочие звезды; определяла сроки наступления полнолуния и новолуния, которые являлись началом очередного из 24 сезонов сельскохозяйственного года (каждый сезон 14—15 дней), солнечных и лунных затмений [ЦШ, цз. 21], наблюдала за пятнами на Солнце — в 1129, 1136, 1160 гг., за «тенями» на Солнце — в 1209, 1211 гг. [Hosie, 1878, с. 95], за появлением комет. В некоторых случаях фиксация прохождения комет более точная, чем южносунская. Так, отмечается

[13] В действительности разница составляла около 5°.

момент появления кометы 1232 г.: ее местоположение по странам света и по отношению к неподвижным звездам, ее цвет, размер (в градусах окружности), форма, направление движения, дальнейшее изменение ее местоположения в градусах окружности, невидимость ее в полнолуние, ее исчезновение на 48-й день [Biot, 1846, с. 2]. В «Цзинь ши» записано 42 солнечных и еще больше лунных затмений, но неизвестно, какие из них действительно наблюдались, а какие были лишь предсказаны. Из семи солнечных затмений проверяющихся по «Указателю» Оппольцера, одно, по-видимому, предсказано ошибочно, а срок наступления трех указан с опережением на одни сутки [Hoang, 1925]. В 1158 г. в Яньцзине готовились наблюдать солнечное затмение, но его там не было видно. Впрочем, это была нормальная для того времени неточность предсказания и фиксации. В таком же положении оказались южносунские астрономы в 1167 г., тогда как северные их коллеги предсказали и наблюдали затмение в Яньцзине [Gaubil, 1732, с. 347]. По современным данным, за 119 лет на территории Цзинь можно было наблюдать при разной полноте и видимости до 80 затмений [Reck, 1963, с. 372]. Деятельность службы времени имела свои особенности. В стране был введен 60-годичный цикл, девизы годов правления, система 12 «ветвей» и 10 «стволов», сутки разделены на часы. Вся система держалась на лунно-солнечном календаре и на текущих наблюдениях за часами. Создание первого цзиньского календаря («Даминли») относится к 1127 г. и приписывается Ян Цзи. Календарь основывался на системе, принятой в Ляо [ЦЮЦЧ, цз. 1, с. 22], с некоторыми отклонениями, и обладал недостатками, общими для всех календарей той эпохи. Он был введен в действие только в 1137 г., т. е. 22 года государство жило по старому, сунскому календарю. Не больше прожил и новый календарь — в 1158 г. «не состоялось» предсказанное солнечное затмение, а в 1173 и 1174 гг. затмения наступили «с запозданием». В 1171 г. был переделан календарь «Даминли» и в этом же году составлен, а в 1175 г. введен календарь «Ивэй юаньли» («Основной календарь года под циклическими знаками ивэй» [Yen Tun-chien, 1945]. Более мелкие коррективы происходили чаще, и в этом проявляется более свободное отношение к астрономическим таблицам, издревле считавшимся в Китае сакральными. Система официального летосчисления от Цзинь перешла к династии Юань [Ябуути, 1967]. При Цзинь вычисления, необходимые для составления календаря, не возбранялось производить и неслужащим ученым, и это в немалой степени способствовало прогрессу в этой сфере науки.

Кроме главного направления в науке о календаре, по-видимому, существовали и побочные. Об этом свидетельствуют интересные археологические находки. Так, на Плахотнюкинском и Шайгинском городищах конца XII — начала XIII в. (Приморье) найдены календари с 12-ричным звериным циклом [Леньков, 1969; Шавкунов, Хорев, 1976]. Еще более интересна, но и загадочна находка на Шайгинском городище в Приморье бронзового предмета, который автором публикации назван местным календарем [Шавкунов,

1973(IV)]. Бронзовая пластинка снабжена специально проделанными отверстиями, расположенными особым образом в несколько рядов. Опираясь на сведения о других календарях местного населения Сибири и Дальнего Востока, Э. В. Шавкунов предлагает два варианта возможного способа обращения с «календарем». По первому варианту, нижние отверстия обозначают дни. Они расположены тремя рядами: верхний (17 отверстий), средний (16 отверстий), нижний (17 отверстий). Складывая отверстия верхнего и среднего, среднего и нижнего рядов, получаем 33 дня (простой месяц), а складывая отверстия нижнего и верхнего рядов — 34 дня (високосный месяц). На двух верхних боковых ответвлениях пластинки имеются бугорки — по 11 на каждом ответвлении. Возможно, это число месяцев в году (365 : 33≈11), тогда обычный год имел 363 дня, а високосный — 374 дня (34 дня × 11 месяцев). С учетом чередования обычных и високосных годов сумма отверстий верхнего и среднего, среднего и нижнего рядов соответствует числу дней обычного года, а сумма отверстий нижнего и верхнего рядов — високосного. В итоге на пять лет приходится 1826 дней, что, по Шавкунову, соответствует современному календарю. По второму варианту, число отверстий каждого ряда принимается за число месяцев в году. Тогда високосный год должен был насчитывать 17, а обычный — 16 месяцев. Следуя порядку размещения отверстий по трем рядам, он приходит к выводу о том, что високосных годов по данному календарю было больше обычных, т. е. високосный год (верхний ряд) сменялся обычным (средний ряд), далее двумя високосными (нижний и снова верхний ряды), снова обычным (средний ряд). Месяц состоял из 22 дней (1826 : 83=22, где 83 — число месяцев за 5 лет по Шайгинскому календарю); это же число предстает в виде суммы бугорков на боковых ответвлениях пластинки. Сам автор этой реконструкции склоняется ко второму варианту и указывает, что в календаре удэгейцев было не менее 17 месяцев, а сутки у них и у нанайцев делились на 17 частей. Этот пример делает, на его взгляд, приемлемой и предлагаемую реконструкцию. В целом же он отмечает, что в основе этого календаря лежали не астрономические, а практические наблюдения. Предложенная реконструкция остроумна, и, по-видимому, ее правильность должна быть подтверждена другими аналогичными находками, тем более что найденная пластинка сохранилась не целиком, причем ущерб относится к частям, существенно важным для осмысления целого.

Создание империи, оживление внешних сношений, новое районирование, передел огромных земельных площадей требовали солидных познаний в географии. Теоретические положения цзиньской географии в основе своей были те же, что и сунской, но сама наука имела более практический характер. В несохранившемся сочинении Люй Чжэньганя «Цзе ши чжи» («Сведения о торчащем утесе») приводились данные о длине тени в периоды зимнего и летнего солнцестояния в ряде пунктов страны в районе к северу от Средней столицы, в Верхней столице. В сочинении Чжан Цяня (чжурчжэнь-

ское имя его Гудайбифу) «Чунцзяочжэн дили синьшу» («Вновь пересмотренная „Новая книга по географии“» Ван Чжу) излагалось приложение учения инь-ян к географии и рассматривалось, как правильно определять страны света, проводить измерение местности, составлять карты. Оно служило официальным учебником для подготовки кандидатов к сдаче экзаменов на должность. «Туцзе дили синьшу» («Вновь иллюстрированная и комментированная „Новая книга по географии“») — переделку осуществил цзиньский Би Люйдао — является сводом многих сочинений, ставших редкостью уже в то время. В этой работе рассматриваются способы устранения расхождения в линейных мерах и в измерениях времени, принятых в разные эпохи, точного определения стран света и горизонтальности [Воробьев, 1971] [14]. В Сиане хранятся две каменные квадратные плиты (стороны 80 и 90 см). На одной высечена «Карта Китая и варваров», т. е. соседей («Хуа и цзу»), на другой — «Карта деяний Юя», т. е. Поднебесной («Юй цзи цзу»). Обе карты ориентированы на север и выбиты, судя по надписям, в 1137 г. в государстве Ци, которое было вассалом Цзинь. Поскольку на первой карте земли киданей названы Великая Ляо, наименование Цзинь отсутствует, а последние упомянутые в легенде к карте девизы годов правления — баоюань (1038—1039),— очевидно, что первый вариант карты создан в середине XI в. Соседи на карте графически не воспроизведены, а лишь обозначены надписями. Текст по краям карты имеет самостоятельное значение, образуя компактные полосы. Вторая карта в географическом отношении выполнена значительно квалифицированнее, имеет условную сетку с фиксированным масштабом: в каждой клетке 100 ли (≈ в 1 см 25 км). Она предназначалась для обучения учащихся географии [Ван Юн, 1958, карта 1; Needham, т. III, 1959, с. 547—549; Chavannes, 1903].

Главная медицинская палата (Тайиюань) ведала обучением, административно-медицинской службой, придворными врачами. Эта палата комплектовалась из лучших специалистов, и ее штат достигал 50 человек [Чэнь Бансянь, 1954, с. 139]. Цзинь переняло сунскую систему государственного медицинского образования. Медицинское училище входило в ведение университета (гоцзыцзянь). В училище обучали общей медицине, хирургии и акупунктуре. Впрочем, существовала и более дробная специализация врачей: 1) болезни взрослых, 2) детские болезни, 3) простуда, 4) акушерство и женские болезни, 5) болезни глаз, 6) болезни рта, зубов, горла, 7) переломы и ранения, 8) опухоли и язвы, 9) иглоукалывание и прижигания, 10) внушения и заклинания [Миясита, 1967]. Оканчивающие училище сдавали экзамены по теории и практике. При проверке теоретических знаний студентов обращали внимание на полноту изучения ими человеческого тела, функций его органов, причин и характера болезней. При проверке практических знаний включали вопросы о действии лекарств и правилах составления рецептов и пр. Клинические испытания предусматривали демонстра-

[14] Около 1171 г. цзиньцы заполучили сунский шагомер [ЦШ, цз. 43].

цию пациентов, наблюдаемых студентами. Из числа выдержавших экзамены лучшие поступали на государственную службу в качестве практикующих врачей, преподавателей или исследователей, худшие получали разрешение заниматься частной практикой. Не выдержавшим экзамен рекомендовалось либо продолжить подготовку, либо сменить профессию. Практикующие врачи, по-видимому, не были редкостью даже в северных владениях чжурчжэней. Во всяком случае, в конце 20-х годов сунского императора Хуэй-цзуна, заболевшего в плену, лечили цзиньские врачи [БШЦВЛ].

Сложившаяся система образования благоприятно сказалась на развитии медицины как науки. Даже китайские историки медицины относят появление важнейших медицинских школ к эпохе Цзинь — Юань [Wong Chi-min, Wu Lien-teh, 1932, с. 90—91]. Это стало возможным в результате ослабления чрезмерного правительственного контроля над деятельностью ученых и врачей. В результате после долгого перерыва в Китае стали появляться медицинские труды, содержащие новые положения, еретические с точки зрения канонов и оспариваемые врачами других школ.

Лю Ваньсу, или Шоу Шэн (около 1110—1200), глава школы, в предисловии к основной своей работе «Сувэнь бинцзи» («Механизм болезней по „Сувэню“») писал, что все болезни происходят от избыточного «жара», таящегося в организме (на этом базировалось учение о лихорадках или тифах). Избыток жара связывался, по обычаям той эпохи, с господством элемента огня. Поддерживался этот избыточный жар, по его теории, тяжелой и острой пищей, любимой северянами. Поэтому для понижения внутреннего жара он рекомендовал жаропонижающие, а для ликвидации источников, этот жар поддерживающих,— сильные мочегонные.

Чжан Цунчжэн, или Цзы Хэ (около 1156—1228), отказавшись от должности придворного врача, занялся частной практикой и написал свою знаменитую «Жумэнь шицинь». В ней он особое внимание уделил изучению причин заболеваний, которые в отличие от Лю Ваньсу видел в шести вредных влияниях: ветра, жары, сырости, огня, сухости, холода, благоприятствующих действию вредоносного начала — «се». Для борьбы с началом «се» он предлагал стимулировать три выделения, согласовав их с каждым из шести упомянутых вредоносных влияний. В лечении он особо важное место отводил рвотным, потогонным и прежде всего слабительным, обеспечивающим эти «выделения». Поэтому его школа получила название «школы слабительных», т. е., в сущности, активного лечения.

Третий ученый Ли Гао, или Дун Юань (1179—1251 гг.), открыл частную школу, причем учил и содержал бесплатно талантливых, но бедных учеников. Он оказал огромную помощь населению во время голода 1201—1208 гг. Его рецепты во время эпидемии были признаны столь действенными, что выставлялись на досках на рыночных площадях, а позднее были высечены на камне. В центре его медицинских теорий оказалось учение о преобладающей роли селезенки. Свои медицинские доводы он подкреплял обычными для того времени схоластическими рассуждениями. В трактате «Пивэй

лунь» («О селезенке») он, говоря о важной роли этого органа в организме, развил теорию усиления стихии Земли и, следовательно, селезенки, в частности, путем применения жаропонижающих. В сочинении «Нэй вай шан бянь хо лунь» («О толковании темных моментов внутренних и внешних заболеваний») он отдает предпочтение внутренним причинам заболеваний в противовес прежним увлечениям ролью внешних факторов. Теория стимулирования, как ее стали называть, учение о внутренних причинах заболеваний отразило существующие недостатки в питании: отсутствие важных его компонентов, недоедание, голод. Но его тонические средства не всегда давали хороший эффект при ослабленном организме. Отношение к этим трем школам у современников было критическим: методика лечения считалась рискованной, особенно это касалось рекомендаций Лю Ваньсу и Чжан Цунчжэна, а также прописей рвотных Ли Гао. Оценивая их теории, надо сказать, что учение всех школ строилось на старой медицинской теории, но каждая школа развивала одну какую-нибудь сторону этой теории и не признавала разработок других школ. Каждая школа по-своему систематизировала накопленные наблюдения. Диагностика мало изменилась: заключение о болезни делалось по-прежнему на основе внешних наблюдений да на исследовании пульса, причем предпочтение на деле оказывалось одному какому-нибудь симптому. Преодолеть эмпирику мешала теоретическая скованность. Бесспорное значение школ заключалось в самом факте их появления в недрах единой старой китайской медицины [Rall, 1970, с. 97—99].

Вышеперечисленными школами цзиньская медицинская наука отнюдь не исчерпывалась. В известных описаниях цзиньской литературы [ЛЦЮИВЧ] перечислено до 70 медицинских сочинений, некоторые из них сохранились до наших дней. Многие достижения медицины относятся к эпохе Цзинь [Rall, 1970, с. 96—108]. В это время заметных успехов достигли хирургия и ортопедия, а также наука об эпидемических и инфекционных заболеваниях [Lee, 1955]. Начиная с конца Цзинь — начала Юань специальные книги посвящаются оспе. В эпоху Цзинь — Юань сложилось мнение, что чахотка вызывается внутренними причинами, а не заносится извне. Поэтому, если организм ослаблен, человек заболевает, а материальный переносчик заразы отсутствует. В какой-то мере понималась и роль неврогенного фактора (по нынешней терминологии). «Ян Юньи часто страдал параличом. Когда [в 1226 г.] ему стало легче, император Ай-цзун спросил его о средстве, которым он лечил паралич. „Я лечил только душу,— ответил Ян Юньи,— когда душа спокойна, тогда не беспокоят и вредные пары“» [ЦШ, цз. 17, с. 122]. Вышли руководства по иглоукалыванию и прижиганиям, а главное — серии трудов, выражающих взгляды соперничающих школ. Это новшество питало критическое отношение к старым медицинским сочинениям. В Цзинь врачи-практики попытались эмпирически увязать конкретные свойства лекарств с болезнью, отвлекаясь от всепоглощающего внимания к первичным свойствам лекарств, как таковых. Это означало установление связи фармакологии с медицин-

ской теорией [Unschuld, 1977, с. 228; Оканиси, 1967]. Широким потоком в страну хлынули лекарственные растения Маньчжурии, не говоря уже о сильнодействующих очищающих, жаропонижающих и тонических средствах. Впрочем, врачи понимали, что одно медикаментозное лечение не всегда успешно. Получило распространение лечение на теплых водах (в 1129 г. Тай-цзун пользовался ими в Восточной столице, а в 1160 г. Хай-лин-ван — в Жуйчжоу).

К редким ботаническим сочинениям, прямо не связанным с фармакопеей, принадлежат «Ши бэньцао» («Съедобные деревья и травы»), приписываемые известному врачу Ли Гао [Иваи, 1919].

В период государственного строительства в Цзинь сложилась система наук. При формировании государственных научных учреждений чжурчжэни использовали опыт династии Сун. В ряде отраслей естествознания ученые государства Цзинь добились несомненных успехов. Для естествознания государства Цзинь характерно увеличение роли практических разработок по сравнению с традиционным схоластическим теоретизированием, меньшая правительственная регламентация в науке, широкое привлечение к научной деятельности наряду с китайцами представителей других народов (чжурчжэней, бохайцев, корейцев, киданей, монголов), что и придало естествознанию Цзинь его своеобразный облик. Несмотря на несомненный урон, нанесенный чжурчжэньскими завоеваниями китайскому естествознанию, развитие последнего не было прервано. Более того, именно цзиньское естествознание явилось тем звеном, которое соединило северосунское естествознание с юаньским [Воробьев, 1971].

18. Просвещение

До середины XII в. просвещение в государстве Цзинь не обрело еще того государственного значения, которое было так характерно для Китая. Оно оставалось для китайцев традицией, для прочих — делом новым и привлекательным. С 1115 г. и в течение ближайшего десятилетия чжурчжэньские власти пользовались любыми способами, чтобы заполучить киданьских и китайских учителей и начетчиков и распространить просвещение среди знати и военачальников. Еще в 1125 г. Тай-цзун назначил некоего Елу столичным преподавателем чжурчжэньской письменности [МЧЮЛК, цз. 17]. В 1126 г. из Кайфына чжурчжэни вывезли китайских учителей. Известный Хун Хао, проведший у чжурчжэней в плену 19 лет, был воспитателем и учителем в знатной чжурчжэньской семье в далеком Пятиградье. Тяга к образованию поддерживалась интересом чжурчжэней ко всему китайскому, которое было часто непонятно и недоступно без такой подготовки, а первым ее шагом была грамотность. Мы уже приводили пример языковой подготовленности виднейших деятелей государства Цзинь. Разумеется, образование не ограничивалось языковой подготовкой, но последняя занимала принципиально важное место, особенно в первый период.

Потребность в образованных людях, необходимых для назначения на чиновничьи посты, заставила правительство заняться вопро-

сами образования. В первые десятилетия Цзинь правительству пришлось довольствоваться готовыми кадрами и небольшим контингентом чжурчжэней, тем или иным путем получивших образование. Будучи не в силах на первых порах широко развернуть образование, правительство ограничивалось контролем над замещением должностей, который проявлялся в экзаменационной системе, введенной в 1127 г. Экзамены на чин производились среди кандидатов, получивших самую разную подготовку (в Ляо, в Сун, в сохранившихся китайских школах при Цзинь), раздельно для северного и южного наборов. Северный набор проводился среди населения бывших ляоских владений в Китае (в северных уездах пров. Хэбэй и Шаньси), южный — среди бывших подданных династии Сун (в Северном и Центральном Китае). Кандидаты-северяне сдавали на экзаменах «стихи и стансы», т. е. поэзию с комментариями, кандидаты-южане — классическую литературу. Такое предпочтение литературно-филологической тематике в процессе экзаменов для «выходцев с Севера» объясняется общим курсом правительства: выбрать из китайских достижений то, что меньше всего связано с Сун, в частности танскую литературную традицию, а не сунскую тягу к классикам. Стансы и стихи считались неизмеримо более легкими для изучения, чем классические книги, а это ставило выходцев с Севера в привилегированное положение на экзаменах. Только при Хай-лин-ване в 1151 г. различие в экзаменах было устранено, и все экзаменующиеся сдавали стихи и стансы, но в 1188 г. вновь ввели классику.

Различие в наборах и программах экзаменов имело политический смысл. Население Севера, в особенности служилое сословие, считалось более лояльным к новой династии. Предпочтительное привлечение его на цзиньскую службу обеспечивалось не только экзаменами по облегченной программе, но и системой квот. Северянам выделялось 200 (потом 100) степеней цзиньши[15] на каждый тур столичных экзаменов, южанам — 150 — при огромном численном перевесе населения Центрального Китая [Tao Jing-shen, 1976, с. 58—66]. Формально к экзаменам допускались почти все желающие мужчины (даже сыновья рабов), за исключением самих рабов, работников императорских мастерских, актеров, музыкантов, но не все абитуриенты могли получить нужную подготовку.

Становление государственной системы образования связано с переходом от политики «управления китайцами руками самих китайцев» к формированию цзиньской администрации. Этот новый этап в просвещении начался в 1151 г. открытием Государственного университета или — что ближе к смыслу термина — Университета государевых детей (Гоцзыцзянь) [Мао Вэнь, 1935]. Два профессора руководили обучением учащихся и принимали экзамены. Два преподавателя и четыре ассистента непосредственно обучали учащихся. Писец копировал учебные записи. Спустя десятилетие под эгидой

[15] Цзиньши — букв. «кандидат в чиновники» — степень, необходимая для поступления на государственную службу в качестве чиновника.

Государственного университета стали создавать высшие учебные заведения отдельно для китайцев и для чжурчжэней. В 1166 г. открылся государственный институт, или классический институт государевых детей (гоцзы тайсюе). Четыре профессора и четыре преподавателя входили в штат университета. Вначале было 160 учеников, позднее — 150 сыновей чиновников 5-го ранга и выше и 250 абитуриентов с мест — всего 400 человек. Расширение состава произошло за счет детей, прошедших отборочные испытания в областях и приемные экзамены. История создания Государственного чжурчжэньского института (Нюйчжэнь гоцзы сюе), или Института чжурчжэньских государевых детей, насчитывает три этапа: 1) институт начали создавать в 1164 г., рассчитан он был на 3 тыс. чжурчжэней, которых собирали по всем губерниям в главной столице. С этого началось планомерное государственное образование чжурчжэней; 2) в 1169 г. 100 лучших учащихся-чжурчжэней были обучены учителем Вокэнь Хада. Этим заложена основа преподавательских и переводческих кадров; 3) в 1173 г. объявлено об официальном открытии чжурчжэньского института. Преподаватели работали в этом институте также по совместительству. Многие были вновь приняты из числа сдавших экзамены на степень цзиньши. После письменных ответов на вопросы отбирали 100 абитуриентов-чжурчжэней. На подготовительное отделение принимали тоже 100 человек. В институтах и университете явно господствовал «классический», гуманитарный уклон. Студенты в основном штудировали древнекитайские классические книги и исторические сочинения, но в одной какой-то редакции и обязательно с принятым в Цзинь комментарием (за последним следили очень строго), в меньшей степени — более поздние философские и моралистические труды, художественную литературу (не позднее чем танскую).

При Ши-цзуне открылись училища в главных городах областей (фу), в центрах пограничных и сторожевых округов (чжоу). Областные училища делились на китайские и чжурчжэньские. Первые появились в 1176 г.; их было 17, в них обучалось 2 тыс. человек. К 1189 г. их стало 25, а число учащихся возросло на 920 человек. В эти училища принимали после сдачи экзаменов и по рекомендациям. Учащиеся жили там на полном пансионе. Чжурчжэньские областные училища созданы в 1173 г., их было 16, размещались они на территории преимущественного обитания чжурчжэней. В них попадали дети из хороших фамилий, проявившие склонность к учебе. В пограничных округах к 1189 г. было создано 39 училищ с 630 учащимися. Они тоже делились на китайские и чжурчжэньские. Первые были открыты в 1189 г., их было 21, а учащихся — 250, последние — в 1160—1189 гг., сначала их было шесть. К 1189 г. общее число учащихся во всех нестоличных училищах составило 2800 китайцев и 2200 чжурчжэней, а со столичными институтами — 6—7 тыс. человек.

Кроме высшего (столичного), среднего (в областях и округах) существовало образование начальное, о котором мало что известно. Мы знаем, например, высказывание министра: «Если по всем гу-

берниям главного управления, где есть военные дворы, учредить школы и обучать в них простой народ, мы сможем извлечь из этого пользу» [ЦШ, цз. 51, с. 327]. В другом месте того же источника сказано: «В правление Ши-цзуна и Чжан-цзуна под эгидой конфуцианского учения городские и сельские школы неизменно день ото дня процветали» [ЦШ, цз. 125, с. 779].

В процессе обучения пользовались казенными книгами. Они печатались университетом. Известны учебники канонические (9 названий), исторические (15 названий), философские (3 названия). Для учащихся-чжурчжэней выпускались переводы этих книг. Интересно, что был переведен «Боши цэлинь» («Лес заметок») Бо Цзюйи — собрание 79 образцовых экзаменационных заметок, которые должны были служить шпаргалками чжурчжэням, недостаточно хорошо читавшим по-китайски.

Вышеописанной системе просвещения цзиньского государства характерны: 1) университетское образование, задуманное как общее для представителей всех народов империи, в эпоху борьбы за сохранение чжурчжэньской самобытности стало раздельным — для китайцев и для чжурчжэней; 2) это образование — вначале однотипное, столичное — постепенно превратилось в иерархию училищ столиц, губерний, областей, округов; 3) система комплектования контингента учащихся университета и институтов была сословной и ступенчатой. Абитуриенты делились на семь-восемь групп, объединенных в три большие категории, причем представители низших групп (и особенно третьей категории) принимались лишь после того, как были исчерпаны возможности высшей группы. Абитуриенты китайских университета и институтов делились на три категории. Первая категория: 1) сыновья, внуки и братья членов императорского дома; 2) сыновья, внуки и братья родственников императора по боковой линии; 3) сыновья, внуки и братья заслуженных государственных деятелей и чиновников третьего ранга и выше. Вторая категория: 4) сыновья, внуки и братья чиновников пятого ранга и выше; 5) сыновья, внуки и братья чиновников шестого ранга; 6) сыновья, внуки и братья чиновников седьмого-восьмого рангов. Третья категория: 7) лица, успешно прошедшие экзамены в округах и областях; 8) дети состоятельных семей хорошего происхождения. Надо добавить, что лица, относящиеся к пункту 8, вначале вообще не принимались в университет и институты и что в полной мере весь этот порядок действовал лишь в главной столице. При приеме в чжурчжэньский институт действовала та же шкала, но со следующими поправками: к категории второй относились лучшие члены моукэ (по два человека от моукэ), в категории третьей пункт 7 отсутствовал.

С 60-х годов XII в. образование становится важнейшей заботой государства. Расширение мирного строительства и переориентация чжурчжэней от военных занятий к гражданским были невозможны без активизации просвещения. Потребность в чжурчжэньских кадрах чиновников оказалась лишь одним, наиболее очевидным стимулом этого процесса. Чжурчжэни не могли ограничиться чисто воен-

ными и административными функциями. Чтобы быть хозяевами империи, они должны были участвовать во всех областях жизни страны. Не случайно Ши-цзун в 1184 г. сетовал: «Из чжурчжэней мне мало известно людей способных и сведущих в делах ученых; быть может, потому, что трудно приобрести [эти познания]» [ЦШ, цз. 8, с. 66—67]. Облегчая чжурчжэням путь к получению этих знаний, он замышлял использовать на службе всех образованных чжурчжэней. «Кроме пополнения категории [чжурчжэньских] цзиньши, думаю призвать всех способных к грамоте и использовать их» [ЦШ, цз. 125, с. 778]. Недостаток в образованных чжурчжэнях остро ощущал и Чжан-цзун: «В нынешнее время ученые сильно перевелись» [ЦШ, цз. 9, с. 78]. Еще категоричнее выразился крупный чжурчжэньский вельможа и деятель просвещения Хэшпле Ляньби: «Чжурчжэни и кидане пригодны только лишь после того, как они постигнут китайскую грамоту» [ЦШ, цз. 88, с. 553—554].

Дело не ограничивалось чиновниками и учеными. Чтобы чжурчжэньские мэнъань и моукэ не оказались изолированными в гуще китайского населения и могли оказывать на последнее влияние, его члены тоже должны были приобщаться к господствующей культуре. Отсюда такая настойчивость правительства в побуждении должностных членов мэнъань и моукэ к учебе. Каждому мэнъань и моукэ полагалось иметь переводчика для связи с китаеязычной администрацией и населением. В 1186 г. обязательным условием наследования руководящих должностей в этих организациях было выдвинуто знание одной из трех письменностей: чжурчжэньской, киданьской, китайской. Приведенное выше требование, обращенное к главам мэнъань и моукэ, уточнялось: чжурчжэни обязаны были знать язык и письменность своего народа. Не ускользало от внимания властей и морально-воспитательное значение образования. В 1167 г. Ши-цзун заметил, что «среди должностных лиц мэнъань и моукэ весьма много молодых, которые, не получив образования, вовсе не знают обязанностей старшинства», что старики не поучают молодежь, а последняя их не слушает, и повелел, «по китайскому обычаю, избрать людей беспорочных и прямодушных, способных быть наставниками, и поручить им образование молодых людей» [ЦШ, цз. 6, с. 54].

В 1190 г. некий чиновник в докладе императору Чжан-цзуну уже прямо связывал удручающее состояние дел в государстве и корыстолюбие чиновников с плохой работой училищ, преподаватели которых «презрели глубокий смысл священных книг и истории и больше не изучают их», предпочитая пустословие и погоню за жалованьем [ЦШ, цз. 9, с. 75]. Даже в трудную пору монгольской войны на предложение вельмож упразднить выдачу припасов учащимся Сюань-цзун в 1216 г. отвечал: «Исстари науки и военное искусство одинаково считались необходимыми. В бытность в Средней столице, учреждая училища, постановляли доставлять пропитание учащимся; возможно ли теперь прекратить его?» [ЦШ, цз. 14, с. 106]. Такой внимательный и сведущий наблюдатель, как Юань Хаовэнь, постоянно упоминает о курсе обучения в школах, о пер-

воочередном восстановлении школьных зданий, разрушенных в ходе войны, о связи между образованием и гражданской службой в Цзинь [ИШЦ, цз. 32]. Но, отдавая должное вниманию Цзинь к образованию, Юань Хаовэнь критически оценивает цзиньскую политику пополнения государственных кадров: «Большинство тех, кто занимал эти посты (министров.— *М. В.*), были членами императорского клана, родственниками императриц, чжурчжэньскими соплеменниками с военными заслугами, и они-то и участвовали в принятии решений в тесном правительственном кружке. Меньшую роль играли крупные фамилии Севера, еще меньшую — цзиньши. Создание так называемых цзиньши было специально осуществлено с целью продемонстрировать справедливость народу и завоевать его доверие» (цит. по [Tao Jing-shen, 1976, с. 61]). Иначе отзывался об этом чжурчжэньский сановник Ваньянь Шоучжэнь: «На должности в контрольных органах, а также на [посты] высокие и важные назначали не людей разных призваний и достойных, а непременно безупречных и особенно использовали цзиньши» [ЦШ, цз. 73, с. 475—476].

С 60-х годов XII в. экзамены стали для чжурчжэней удобным средством поступать на службу. Для них проводились облегченные экзамены. И все же в 1202 г. один чжурчжэнь-цзиньши приходился на пять китайцев, хотя квота была 1 : 3. Отчасти это объяснялось тем, что соискателям-чжурчжэням приходилось писать сочинения на традиционную китайскую тематику по-чжурчжэньски. Общее число чжурчжэней-цзиньши было значительно меньше, чем китайцев. Но всех чиновников в Цзинь было больше, чем в Северной Сун. Это обстоятельство способствовало впоследствии утверждению мнения, что Цзинь погубили китайские начетчики и что приверженность к конфуцианству и литературе подорвала боевой дух чжурчжэней. Мысль о расслабляющем действии просвещения не новость в истории. В данном случае нам она интересна как косвенное подтверждение успехов, достигнутых чжурчжэнями в просвещении и самообразовании. Верхушка чжурчжэньского общества, во всяком случае, была грамотна [Franke, 1974 (I), с. 18]. В разделе биографий «Цзинь ши» в жизнеописании почти каждого деятеля, в том числе и чжурчжэня, оговаривается его знание той или иной письменности, а чаще всего нескольких. Каменная тушечница — обычная принадлежность богатых погребений Цзинь [Юань Цзиньцзин, 1977]. Судя по обилию чжурчжэньских надписей на повседневной утвари — тамгам и другим знакам, грамотны были и многие рядовые чжурчжэни [Шавкунов, 1971, с. 40]. Отдельные представители чжурчжэньского общества, известные нам, были просвещенными, творческими людьми, любителями и собирателями литературы. Не говоря уж о Чжан-цзуне, Ваньянь Спинь приобрел большую библиотеку в Кайфыне, которую потом приумножил, Ваньянь Шоу, Ваньянь Мэнъян, Юйвэнь Сюйчжун были ярыми собирателями книг [Tao Jing-shen, 1976, с. 40, 90]. По косвенным свидетельствам, чжурчжэни еще в 1126 г. интересовались произведениями Су Дунпо, энциклопедией «Цзычжи тунцзянь» Сыма Гуана [СЧБМХБ, цз. 73], которой в 1175 г. восторгался Ши-цзун.

Глава 3

ИТОГИ И ВЫВОДЫ

1. Нерешенные проблемы

О некоторых нерешенных проблемах культуры и этноса чжурчжэней и цзиньцев мы уже информировали читателей во Введении. Здесь мы возвращаемся к этим проблемам, так как пришло время приступить к их посильному разрешению на материале, изложенном в предшествующих двух главах.

Культура чжурчжэней до 1126 г. была относительно плохо известна даже современникам чжурчжэней. Обитателям Северо-Китайской равнины она казалась просто неинтересной, и они сообщили о ней досадно мало. Когда же чжурчжэни нахлынули на Китай, все, что они здесь ни делали, они делали как завоеватели. И хотя провластвовали они там не так долго, но забыть об этом в Китае не могли. Многие вопросы истории культуры чжурчжэней и цзиньцев еще не получили должного освещения: одни пока вообще не оказались в центре внимания исследователей, другие же нуждаются в пересмотре. Так, в некоторых научных кругах все еще распространены привычные, но устаревшие концепции общей и культурной истории чжурчжэней. Авторы этих концепций отстаивают позднее образование чжурчжэньской народности и культуры — в X в. [An Outline..., 1958, с. 144; Latourette, 1957, с. 228]; реконструируя этногенетическую цепь «сушэни — илоу — уцзе — мохэ — чжурчжэни — маньчжуры», рассматривают «звенья» этой цепи как механическую смену этнонимов, а культурное окружение этих этносов как почти неизменное [МЧЮЛК, цз. 7], поэтому чрезмерно архаизируют культуру, хозяйство и общество чжурчжэней в X—XI вв. [Очерки..., 1959, с. 305; Люй Чжэньюй, 1951, с. 53], называют чжурчжэней «варварами» [Tsien Po-tsan, 1958, с. 67—69), а их возвышение относят за счет военной удачи [Oshibuchi, 1970, с. 30; Cordier, 1920, с. 140]; все культурные связи, которые поддерживали чжурчжэни, расценивают как направленные лишь к чжурчжэням, но не обратно, особенно когда речь идет о контактах с Китаем [Tung Chi-ming, 1965, с. 160—162]; на основании этого постулата искажают задачи и итоги культурной политики чжурчжэней и цзиньцев [Яо Цунъу, 1959, с. 164—166]; крайне преувеличивают роль китайской культуры и этноса в расцвете и упадке чжурчжэньской государственности и культуры в XII—XIII вв. (Chan Hok-lam, 1967, с. 126; Latourette,

1957, с. 194] и объясняют этот упадок главным образом разлагающим действием китайской ассимиляции на «варваров» [Toyma, 1964, с. 46—47; Wang T'ungling, 1936] полагают чжурчжэньскую культуру китаизированной чуть не с начала существования государства Цзинь [Яги, 1935; Tao Jing-shen, 1976, с. 29]; даже не ставят на обсуждение проблему самобытности чжурчжэньской культуры; считают монгольское нашествие в середине XIII в. концом культурно-этнической истории чжурчжэней, а прошлое Маньчжурии, Приамурья и Приморья в XIV—XVI вв.— лишенным культурного значения [Люй Чжэньюй, 1951, с. 55]; целиком негативно оценивают итог культурной истории чжурчжэней [Tao Jing-shen, 1976, с. 117]; подчеркивают лишь одну (и несомненную) сторону проблемы — тяжесть для китайцев политической и тому подобных оболочек, в которые рядилась чжурчжэньская культура в Китае [Си Фэн, 1955], допуская известное снисхождение в оценке лишь постольку, поскольку считают цзиньскую культуру китайской или китаизированной.

Разберемся в этих концепциях. Цикл проблем, связанных с наиболее ранним этапом этнической и культурной истории чжурчжэней, в выше охарактеризованной историографии разрешается на базе сообщения китайских летописей о появлении чжурчжэньских посольств-«данников» в Китае в X в., а также на основании активизации чжурчжэней, отмеченной в «Ляо ши» и в «Корё са», равно как и на этногенетической цепи тунгусо-маньчжурских народов, созданной уже в XVII в. маньчжурами для упрочения своей генеалогии. Позднее ученые-конфуцианцы подхватили эту маньчжурскую версию. По ней, этнонимы в цепи — разные названия одного и того же народа. На основе такой версии оказалось возможным даже сближение самих этнонимов «сушэни»-«чжурчжэни». В свете такой версии культура этих этносов стала выглядеть незыблемо примитивной, что как будто подтверждалось китайскими источниками, содержавшими похожие или даже идентичные характеристики разновременных этносов упомянутой цепи. Из таких характеристик естественно вырастала тенденция архаизации чжурчжэньской культуры X—XI вв.— в сущности, одновременной сунской и доступной непосредственному наблюдению. Эта тенденция вылилась в утверждение о целиком кочевом, охотничье-скотоводческом укладе хозяйства, об отсутствии железа, о низком общественном развитии, о дикарских нравах и обычаях чжурчжэней.

Мысль о преимущественно военной основе мощи чжурчжэней, на которой покоились чуть ли не все их успехи, проникла еще в «Цзинь ши», хотя, как увидим дальше, оказалась в этом источнике далеко не единственной оценкой ситуации: «Цзинь войском приобрела государство и через войско потеряла государство» [ЦШ, цз. 117, с. 738]. Составители «Цзинь ши» прямо взяли на себя ответственность за эту мысль: «Создавая „Цзинь ши“, намеренно рассматриваем в разделе о цзиньском войске следы ее возвышения и падения, приобретений и утрат» [ЦШ, цз. 44, с. 281]. Эта мысль проходит через сочинения нового и новейшего времени по полити-

ческой истории эпохи, а иногда прилагается и к истории культуры чжурчжэней и цзиньцев. В последнем случае она превращается в своеобразный порог: сам постулат чисто военного преимущества Цзинь со всеми тягостными его последствиями для сунцев как бы исключает возможность любого разговора о культурной, т. е. созидательной по существу, роли завоевателей. Описание следования в чжурчжэньский плен сунских императоров с приближенными переполнено сетованиями на тяготы пути, свирепость и дикость чжурчжэней, безлюдье и разруху [БШЦВЛ]. И если это описание связано с группой высочайших пленников, то другое более выразительно, а главное — общеприложимо: «Население Поречья (по берегам р. Хуанхэ.— *М. В.*) после сотен боев, трижды опустошавших луга и поля, рассеялось; там, где жило семь поколений, не осталось никого» [СЧБМХБ, цз. 103, л. 3б]. А вот и жалобы на прямой урон культуре. Пленный китайский император в Угочэне, поручая будущему автору «Бэйшоу синлу» составление этого источника, так и говорит: «Попранные нравы и обычаи налицо... Глубоко желаю, дабы вели им [тщательный] хронограф» [БСШЛ, с. 8]. И еще резче: «цзиньцы истощают силу [китайского] народа» [БСЖЛ, цз. 1, л. 22а].

Отсюда лишь шаг до рассуждений о «варварском» естестве чжурчжэней. Эта мысль пронизывает большинство старинных китайских источников [ЦКЯЛ; БЖЦХ; ср. Ecsedy, 1974, с. 328]. Некоторые из них категорически утверждают, что любые памятники культуры уцелели только потому, что «цзиньские варвары не знали про них» [ХЧЛ, с. 220]. Мысль основывается на имманентном для древней китайской культурной политики взгляде на все некитайское как на принципиально «варварское». Современные китайские исследователи в качестве примеров «варварства» чжурчжэней выдвигают такие факты, как захват и разграбление Кайфына в 1127 г., указы о перемене обычаев 1129 г., разрушение памятников культуры в Китае в ходе войны с Сун. Сами факты бесспорны, но не оправдывают далеко идущих выводов.

Военно-политическое завоевание чжурчжэнями значительной части Китая, разумеется, несло смерть, раны, порабощение и разорение многим китайцам. Но это был, так сказать, обычный уровень военной жестокости той эпохи на Дальнем Востоке. За пределами поля боя чжурчжэни обрушивали целенаправленные удары не столько на рядовое население, сколько на сунский императорский двор, аристократию, богачей и на их окружение — эти-то действия и получили наиболее впечатляющее отражение в китайских сочинениях той поры и всех последующих. Цзиньский Кэ Гун в своих заметках сообщает, что в 1126 г., еще до увода сунских императоров, из Кайфына и других мест было выведено 18 тыс. человек, из них лишь 3 тыс. работников-мастеровых. Из 14 тыс., оказавшихся у Китайской стены, дошли до места за стеной «мужчин четверо из десяти, женщин семеро из десяти» [СФЦ]. Другой цзиньский автор, Ли Тяньминь, пишет, что при переговорах о дани сунский государь «подарил» двум цзиньским полководцам по 500 певичек-тан-

цовщиц, каждому командиру «трехсотки» (моукэ) — по нескольку человек, а каждому солдату — по одному-два человека из своих слуг [НЧЛХ].

Средневековые китайские авторы, говоря о культурных связях чжурчжэней, рассматривают их, во-первых, всегда как сторону берущую, а во-вторых, только как объект одного китайского влияния. Поскольку единственным носителем культуры признавался Китай, определение направления и источника культурных связей отличалось своеобразной, но все же логикой. Некоторое отступление эти авторы делали лишь для Ляо, признавая ее частичное влияние на чжурчжэньскую культуру, но и то лишь постольку, поскольку считали самих киданей китаизированными[1]. Отзвук такой оценки культурных контактов ощущается в гордой реплике одной из жен Шицзуна на сетования южносунских послов при виде сунских императорских сокровищ в цзиньском дворцовом обиходе: «Создающие не всегда пользуются; пользующиеся не всегда создают. Южные императоры могли лишь создавать, а [нашего] императора близкие пользуются» [НЦЛ, с. 5]. Нынешние сторонники этой концепции действуют не столь прямолинейно, но сами их попытки развить исследование связей в других аспектах серьезно сдерживаются характером материала, подготовленного для них средневековой историографией. В соответствии с этим, разумеется, определялись для каждой из сторон, вступающей в контакты, цели этих контактов и вся культурная политика в целом. В упрощенной средневековой схеме это объяснение выглядело следующим образом. Чжурчжэни, привлеченные блеском китайской культуры, в результате своего низкого уровня развития могли грабежом и войнами приобрести лишь самое внешнее из этой культуры. Китайцы же стремились цивилизовать чжурчжэней, «просветить» их ум сокровищами конфуцианской мудрости. В позднейшей литературе эту схему иногда модернизируют: кочевники-чжурчжэни не могли жить без ценностей земледельцев-китайцев, а китайцы были народом традиционно и принципиально мирным и стремились лишь к стабильности, которой достигали, играя роль культуртрегера [Oshibuchi, 1970, с. 28—29].

Приняв постулат единственной и абсолютной культурной, этической, государственной самоценности Срединной империи, средневековые авторы и те, кто воспринял их точку зрения, оказались перед сложной задачей: как с той же самой позиции объяснить противоречивые явления — подъем и упадок Цзинь, расцвет и гибель цзиньской культуры, тем более что политически Цзинь всегда оставалось государством-завоевателем, врагом. Эта сложность предстала уже перед составителями «Цзинь ши», среди которых не было чжурчжэней, но были китайцы, некогда находившиеся на цзиньской службе. Этот источник содержит несколько итоговых оценок

[1] Против этого возражают многие видные ученые, расценивающие Ляо как «государство некитайской народности» с самобытной культурой (см. [Shimada, 1952, резюме, с. 9; ср.: Гумилев, 1970, с. 69].

проблемы. Одна из них чисто военная (см. цитату на с. 225); в другой утверждается: «Цзинь оружием добыла государство, ничем не отличаясь в этом от Ляо. Но когда создала династию и смогла поставить себя между Тан и Сун, то достигла того, чего не было у Ляо: [действовала] просвещением, а не оружием» [ЦШ, цз. 125, с. 779]. «Поставить себя между Тан и Сун», «действовала просвещением» — все это выражения, которые, несмотря на ортодоксальную терминологию, в оригинале все же несут в себе некий отпечаток двусмысленности: то ли чжурчжэни продолжили китайскую преемственность («между Тан и Сун») и восприняли конфуцианское «просвещение» (вэнь), то ли просто сопоставимы по мощи и культуре с Тан и Сун и правили мирными средствами. Однако лицо, причастное к составлению «Цзинь ши», сторонник династии Цзинь даже после ее краха и одновременно «хранитель китайской традиции», а именно Юань Хаовэнь, сравнивал Цзинь с прославленными китайскими династиями: «Цзинь владела Поднебесной. Законы и обыкновения почти достигли уровня Хань и Тан» (цит. по [Chan Hok-lam, 1970, с. 67—119]).

Но раз так, то почему Цзинь рухнула? Этот вопрос стали задавать себе сразу же после краха Цзинь монголы и чжурчжэни, цзиньцы и сунцы. Ответы были разные, но некоторые мысли — общие. Монголов беспокоило, не является ли китайская конфуцианская культура сама по себе вредоносной для чужих государств и культур. Так, в биографии Чан Дэхуэя, помещенной в «Юань ши» (цз. 163), сообщается о том, как Хубилай спрашивал Чан Дэхуэя, верно ли, что падение Ляо было вызвано приверженностью народа к буддизму, и что Цзинь погубили китайские начетчики-конфуцианцы. Чан Дэхуэй ответил, что при Цзинь китайцы не занимали важных постов, поэтому они не несут ответственности за крах династии [Tao Jing-shen, 1976, с. 93]. Высказывания чжурчжэней после падения империи Цзинь неизвестны, но соответствующие предсказания клонились к тому, что, «если бы не забывали о древних обычаях государства, границы могли бы стать безопасны» [ЦШ, цз. 7, с. 60], и еще определеннее: «Богатство и знатность, литература и письменность [Ляо и Сун] разрушили обычаи нашей земли» [НЦЛ, с. 2]. Цзиньцы чаще других и глубже других анализировали происшедшее, так как им предстояло не просто определить свое отношение к прошлому, но и найти место в настоящем. Уже в «Цзинь ши» встречается такая, например, фраза: «Цзинь погибла, но нельзя сказать, что из-за отсутствия талантов» [ЦШ, цз. 119, с. 749]. Лю Ци, автор «Гуй цянь чжи», пишет: «Если кто-нибудь спросил бы меня: „Отчего погибла империя Цзинь? Последний император не был таким извергом, как государи Цзе и Чжоу (династий Ся и Инь.— *М. В.*), войска были хорошие...“, то я ответил бы: „Их корни не держались прочно...“» (цит. по [Haenisch, 1969, с. 2]). Автор «Жунань иши» Ван Э также стал «живым свидетельством привязанности китайских начетчиков-чиновников к чужеземным правителям династии завоевателей, которая покровительствовала конфуцианским ценностям и придерживалась

образцов китайского государства» [Chan Hok-lam, 1974, с. 15; ср.: Яо Цунъу, 1959, с. 30—64].

Южносунские авторы прямолинейно заявляли, что успех и неуспех цзиньцев объясняются увлечением или соответственно пренебрежением основными заветами конфуцианства, проявленными государственными деятелями Цзинь. По «Юйпи цзычжи тунцзянь ганму», «Тхайцзу и Тхайцзун, странами своими поработив Срединное государство, во всем хотели подражать примеру династии Ляоской в ее начале. Они поставили императора Чуского, императора Циского и обоих бросили. Сунцы не употребили усилий и потеряли древние свои земли. Сицзун и Хайлин тирански управляли в [Чжунъюане]... Цзиньская династия едва не кончилась. Шицзун вместо жестокости показал человеколюбие и дал льготу народу. По сей причине царствование цзиньского дома продолжалось более ста лет. Правление Шицзуново сильно связало сердца подданных. Наследие Чжанцзуново состояло в... строгом требовании налогов. При Вэйшао государственные законы весьма ослабли. Сюаньцзун, переправившись на юг, совершенно бросил свое основание; вступив в войну с домами Сунским и Сяским, тем себя крайне ослабил. Во время Айцзуново нечего оставалось делать. Он кое-как продолжал свое существование и в самой погибели тщился поддержать себя, но по истощении сил пал. Достоин сожаления. Приняв смерть при защите отечества, Айцзун не будет стыдиться перед потомством» [ЮПЦЧ, пер. Бичурина, тетрадь 20, с. 519]. В традиционных сочинениях основными признаками освоения этих заветов признаются аккультурация и ассимиляция. Эти понятия существовали еще в старой китайской историографии (ханьхэ). В цинском сочинении «Ляо Цзинь Юань синпу» цзиньский запрет менять чжурчжэньские фамилии на китайские прямо объясняется «боязнью смешения с китайцами» [ЛЦЮСП, л. 3а].

При разборе проблемы аккультурации чжурчжэней в зарубежной литературе существует тенденция смешивать процессы общественно-государственные и культурно-этнические. Иногда это делается откровенно, тогда процесс феодализации чжурчжэней отождествляется с китаизацией [Хуа Шань, 1957, с. 9]; иногда завуалированно, и тогда признаками той же китаизации называются торговля на таможнях, выпуск монет и ассигнаций в Цзинь, борьба Хай-лин-вана со старой знатью, его мечты сломить Южную Сун и объединить Поднебесную [Toyama, 1964, с. 38—41], формирование бюрократии, прошедшей обучение и экзамены китайского типа [Tao Jing-shen, 1976], принятие китайской литературы и переводы ее [Herskovits, 1941], даже сам факт стабилизации чжурчжэньского правления в Китае! Таким путем процесс интенсивной китаизации чжурчжэней распространяется на первый период цзиньского государства — на 1115—1161 гг. [Tao Jing-shen, 1976, с. 29—51]. Понятно, что в свете подобных концепций проблема самобытности чжурчжэньской культуры даже не могла возникнуть. Поскольку средневековая китайская традиция последовательно не выделяла этнодифференцирующий слой культуры (лишь намек на такой слой можно увидеть в понятии «нравы

и обычаи»), для нее наиболее ведущим выразителем культуры была культура этическая, общественная, наконец, государственная. Естественно, что с этих позиций крах Цзинь казался концом ее культуры, а отсутствие некоторых прежних общественных организмов чжурчжэней — исчезновением чжурчжэньского этноса. В применении к Маньчжурии, где сами китайцы наблюдали уцелевшие элементы чжурчжэньской культуры и этноса, эти элементы, казалось, означали вырождение, возвращение к дикости.

В соответствии с указанным мироощущением средневековые авторы в Китае третировали чжурчжэньские культуру и этнос, отрицая их самоценность. Про ранних чжурчжэней в «Саньчао бэймэн хуэйбянь» говорится: «По характеру это подлые и лживые люди, жадные и жестокие... Пристрастны к вину и любят убивать... Чжурчжэни не имеют церемониала и законов...» [Кычанов, 1966, с. 272—274]. О чжурчжэньских обычаях, не похожих на китайские, но укрепившихся в Китае, «Лу тин ши ши» отзывается очень резко. Левират немыслим для китайцев, потому что те знают, что «это против закона». Свобода полуритуальной кражи у чжурчжэней в течение одной ночи вызывает возмущенное восклицание: «Как можно безнравственность свободной кражи согласовать с законами или церемониями?» (цит. по [Franke, 1975, с. 181, 182]). И вообще чжурчжэни, согласно этому источнику, «варвары» (лу), «дикари». Даже минский источник «Цзинь сяо ши» пишет о чжурчжэнях задним числом: «Нюйчжи из варваров (хуанди) самые низкие и презренные» [ЦСШ, цз. 1, л. 1а].

В приведенных цитатах, в сущности, уже заложены основы общей оценки чжурчжэньской и цзиньской культуры. При таком принципиально китаецентристском подходе оценка чжурчжэньской культуры не может не быть иной, как прямолинейно отрицательной. Описывая таких чжурчжэней, китайские наблюдатели и сочинители средневековья преувеличивали экзотическую, «варварскую» сущность наблюдаемых, принципиальную несхожесть их культуры с китайской. Известная двойственность в оценке появляется у средневековых авторов, когда речь идет о цзиньской культуре. Поскольку цзиньская культура считалась китаизированной, а государство Цзинь принято в среду китайских династий, хотя хронологическая преемственность вполне допускала изъятие Ляо и Цзинь, это как бы легализовало цзиньскую культуру, пусть даже и как культуру второго сорта. Самобытные, оригинальные черты культуры цзиньцев по-прежнему характеризовались как «мерзкие привычки варваров» (по выражению «Лу тин ши ши») и в лучшем случае как странные и экзотичные. Черты, воспринятые чжурчжэнями от китайцев (хотя бы только в представлении наблюдателя или автора), делали соответствующие произведения, реалии, явления цзиньской культуры уже приемлемыми для традиционных сочинений. Некоторые нюансы в оценках зависят от положения средневековых китайских авторов: нахождения или ненахождения на государственной службе и от места службы: в Цзинь или при китайской династии. Цзиньские китайцы-чиновники иногда отзывались о поздней цзиньской

литературе сдержанно-положительно, но лишь поскольку считали ее китаизированной. Такая тактика в период Цзинь и сразу же после ее падения была относительно непосредственной. Позднее, когда Цзинь была введена в перечень китайских династий, эта тактика стала сознательной.

Современные оценки культуры чжурчжэней в целом тоже отрицательные. Даже вынужденное признание влияния цзиньской культуры на китайскую порой оборачивается утверждением сугубо отрицательного характера такого влияния [Tao Jing-shen, 1976, с. 45]. Проявившиеся в последние годы в КНР высокие оценки отдельных аспектов чжурчжэньской культуры основываются на признании чжурчжэней частью родственного этнического сообщества во главе с китайцами, а их культуры — ветвью китайской культуры [Ching Yüan и др., 1977]. Но при этом снимается вопрос о чжурчжэньской или цзиньской культуре, как таковой. Общая же оценка не выходит за рамки негативной: «Последовательные вторжения на юг киданей, дансянов, чжурчжэней, монголов затормозили развитие хозяйства и культуры тогдашнего Китая. В период господства чжурчжэньской и монгольской аристократии общество, экономика и культура тогдашнего Китая получили наиболее тяжелые раны и пришли в упадок» [Си Фэн, 1955, с. 11]. Перейдем теперь к рассмотрению общих вопросов истории культуры чжурчжэней, особо выделяя упомянутые проблемы.

2. Истоки чжурчжэньской культуры

Чжурчжэни как этнос сложились в системе тунгусо-маньчжурских племен и в основном на базе этих племен. Решающая роль в процессе этнообразования чжурчжэней справедливо отводится племенам мохэ, в особенности таким, как хэйшуй мохэ и сумо мохэ, или бохайцы [Воробьев, 1975, с. 30]. Поскольку культурная близость тесно связана с этнической, а этническое родство является важным залогом культурной преемственности, в поисках истоков чжурчжэньской культуры естественно обратиться к культуре мохэ. Но до этого полезно предпослать несколько общих замечаний.

Культура не возникает на пустом месте. Каждая новая культура есть сложное, творческое производное от культур прошлого и настоящего. Формой необходимой связи между новым и старым в процессе развития выступает преемственность. Эта же преемственность — необходимое условие любой формы изменений. В истории культуры она может быть непрерывной и прерывающейся, в процессе развития культуры быть непосредственной и опосредствованной. Являясь общефилософской категорией, преемственность в культуре выступает в форме культурного наследия. Существование этого наследия неотделимо от практического его применения. Культурное наследие — это совокупность связей духовного производства прошлых эпох или совокупность культурных ценностей, доставшихся от прошлого или используемых в новых условиях [Баллер, 1969, с. 16, 18, 37, 38, 62, 70]. Преемственность осуществляется

разными путями. В бесписьменном обществе (и у догосударственных чжурчжэней) важнейшим путем передачи культурных достижений становятся традиции — устойчивые явления общественной жизни, которые представляют собой домен общественного сознания [Артановский, 1977, с. 39—42; Смирнова, 1973, с. 13].

Чжурчжэньская культура также возникла не на пустом месте. Она уходит корнями в далекое и не в столь далекое прошлое Маньчжурии, Приамурья, Приморья. К сожалению, культура обитателей этого ареала до выдвижения чжурчжэней на историческую арену известна далеко не во всех подробностях. Поэтому здесь мы постараемся отметить наиболее важные культурные достижения и традиции племен, непосредственно питавших чжурчжэньскую культуру. Как и чжурчжэни, мохэ пахали землю волами, сеяли просо и пшеничку, разводили свиней: «Пашут двумя скотинами. Земля более произращает просо и пшеницу... Из домашнего скота более водят свиней» [Бичурин, т. II, 1950, с. 92]. А «Суй шу» отмечает: «Более занимаются звероловством». В последнем источнике описываются мохэские луки и стрелы. По данным археологических раскопок у с. Надеждинского, оба народа — мохэ и чжурчжэни — пользовались наконечниками стрел сходных типов: листовидными, ланцетовидными, двурогими срезнями, с вытянутым пером, подтреугольных очертаний, срезнями-лопаточками, долотовидными [Деревянко, 1975, с. 194; 1977, с. 162].

По технике изготовления глинобитные жилища чжурчжэней, по-видимому, недалеки от мохэских: «Сбивают землю наподобие плотины и в ней выдалбливают пещеры для жития» [Бичурин, т. II, 1950, с. 92]. Похоже, здесь описаны полуподземные жилища, известные археологам по раскопкам памятников обоих этих народов [Деревянко, 1977, с. 195]. Одежда у мохэ, согласно «Суй шу», тоже напоминает чжурчжэньскую: «Женщины носят одеяния из холста, а мужчины — из свиных и собачьих кож», а некоторые виды украшений: серьги, круглые бронзовые бляхи с прорезями, бубенцы и колокольчики — представляют еще более близкую аналогию в культуре этих народов [Деревянко, 1977, с. 118, 126].

Мохэ, как и чжурчжэни, отличались пристрастием к рисовой водке. Ранние чжурчжэни использовали в быту керамику мохэского типа: банки и вазы с налепным рельефным ободком, украшенные насечками-вмятинами и изготовленные от руки [Медведев, 1977, с. 130]. Ношение кос, ритуальная стрельба из лука — это обычаи, общие для мохэ и чжурчжэней [Деревянко, 1975, с. 195]. Пожалуй, еще больше общего в религиозных и культовых обрядах: в поклонении духу горы Чанбошань (Тайбошань), в закланию коня на могиле умершего [Деревянко, 1977, с. 159—160], в соблюдении тризны [Окладников, Медведев, 1973, с. 128], в порче вещей в погребении [Деревянко, 1975, с. 196], в существовании обрядов наземного, вторичного захоронения, трупосожжений [Деревянко, 1977, с. 148, 153]. Указанные аналогии в культуре обоих народов позволили исследователям считать, что мохэская культура стала основой чжурчжэньской [Деревянко, 1975, с. 157; 1977, с. 162].

Поскольку, как полагают, мохэ оказались на Амуре в результате переселения из Забайкалья под натиском сюнну и сяньби, они должны были занести с собой и центральноазиатские культурные черты. Речь идет о тюркском вкладе, который замечают в бронзовых пластинчатых подвесках с узорными прорезями-фестонами понизу, в лирообразных украшениях, в облике медных фигурок всадников. Вытянутая шея коня, зубчатая грива в виде пучков, едва намеченные ноги — все эти особенности воспроизведены на тюркских писаницах Забайкалья. В чжурчжэньском этническом типе предполагают примесь крови центральноазиатских народов. В подтверждение этому мнению приводят описание внешности «желтоголовых» чжурчжэней, облик некоторых человеческих лиц в виде амулетов или на зеркалах — горбоносых, большеглазых — и находки в Приморье гирек с арабскими и уйгурскими надписями [Медведев, 1980; Шавкунов, Пермяков, 1967, с. 117, 141—142; Деревянко, 1977 (II), с. 161; Малявкин, 1975; Шавкунов, 1978 (II)]. В чжурчжэньских этнонимах также находят следы тюркского: вангу (юнгу, хуанго) от онггют (önggüt) и монгольского: гуанцзила (ванцзила) от квонггират (qonggirat) происхождения [Franke, 1978 (I), с. 18].

Среди многих факторов, способствовавших первоначальному сложению чжурчжэньской культуры, особое место принадлежит Бохаю и его культуре [Шавкунов, 1968, с. 117—121]. Бохайское государство (712—926) было создано народностью сумо мохэ — непосредственными предками чжурчжэней. Это было государство примерно того же ранга, что и его современники — Корея и Япония, и, уж конечно, превосходившее мелкие государства, возникшие, например, в конце IX в. на развалинах империи Тан. Бохай превратился в процветающее и культурное государство, создав собственную письменность, литературу, искусство, а также систему образования. Своим существованием Бохай наглядно продемонстрировал возможность образования и процветания местных государств, которой в свое время воспользовались чжурчжэни. Бохайцы стали первыми их учителями во всех областях государственной, хозяйственной и культурной жизни еще на ранней, племенной стадии учеников (ср. [Забелина, 1960 (I)]). Чжурчжэни унаследовали от бохайцев некоторые формы керамики (корчаги), восьмилучевую розетку в орнаменте, ряд типов наконечников стрел (долотовидные, плоские), круглые ажурные бляхи со щитком внизу [Семениченко, 1976 (I), с. 90, 92, 93; 1976 (II)].

Сходство между мохэ и чжурчжэнями, в сущности, по всем разделам традиционно-бытовой культуры свидетельствует о культурной общности этносов. Существующие этнические особенности в сфере культуры относительны и в своей совокупности отличают и мохэ и чжурчжэней от киданей, корейцев, китайцев. Именно общность культуры обеспечила (через знаковые компоненты) не только чисто культурную преемственность, но преемственность «соционормативных» сторон культуры и обычаев чжурчжэнями от мохэ (ср. [Бромлей, 1973, с. 64]).

3. Двусторонние культурные контакты

От диахронного рассмотрения культурных и этнических контактов перейдем теперь к синхронному разбору этих контактов. Важность этого вопроса не вызывает сомнений. «Только от распространенности сношений зависит, теряются — или нет — для дальнейшего развития созданные в той или другой местности производительные силы, особенно изобретения» [Маркс и Энгельс. Соч., т. 3, с. 54].

Можно установить несколько этапов культурного общения между народами: 1) соприкосновение, контакты, в ходе которых один народ знакомится с культурой другого; 2) установление стабильных взаимоотношений, изучение чужой культуры; избирательный обмен культурными формами, часто начинающийся с приобретения отдельных предметов, украшений, с изучения чужого языка, с пристального внимания к обычаям иноплеменников; 3) формирование культурного синтеза, означающего переход от ознакомления и обладания к заимствованию и к слиянию заимствованного и традиционного в культуре-восприемнице [Артановский, 1967, с. 95; ср.: Koppers, 1955, с. 178—179]. Заимствование культурных форм в сфере производства материальных ценностей возможно лишь при наличии внутренней готовности культуры-восприемницы к их воспроизводству. Для заимствования в сфере использования или потребления такая готовность не обязательна. Поэтому заимствование в формах производства всегда идет от более развитых стран в менее развитые, а заимствование в других формах может протекать и в обратном направлении — это мы хорошо увидим дальше. Способность к усвоению повышается в условиях контакта родственных в этническом отношении племен, находящихся на равной стадии развития [Артановский, 1967, с. 92—93]. Взаимообмен ценностями духовной культуры облегчен относительно слабой их связанностью с уровнем производительных сил и затруднен наличием языкового и психологического барьеров. К тому же сами формы духовной культуры могут быть и более проницаемы, и более герметичны [Чистов, 1972, с. 80]. Постоянное взаимодействие с представителями чужой культуры легко может стать почвой для возникновения повышенного культурного самосознания и этноцентризма у одной из контактирующих сторон [Артановский, 1967, с. 15].

Механизм взаимодействия культур, представляющий для нас исключительный интерес, рисуется в следующем виде [Lurie, 1968, с. 277—297; Herskovits, 1941]. Все культуры находятся в прямой или опосредствованной связи разной интенсивности и результативности. Распространение какой-либо культуры без прямых контактов называется диффузией. Культурные связи в зависимости от действия на одну из сторон могут принимать вид культурного воздействия, влияния, аккультурации и ассимиляции. Если само понятие «культурные связи» лишено характеристики результативности, то в воздействии и влиянии уже заложено представление об интеграции восприятия, хотя и без серьезных изменений в строе культуры; аккультурация — это уже влияние, сопровождающееся коренными

переменами в структуре культуры-восприемницы, а ассимиляция при этом еще сопровождается этническим поглощением. При любом варианте культурных связей для установления их фактического значения необходимо учитывать многие обстоятельства: какие группы населения захвачены связями, какова величина этих групп, какую форму приняли эти связи (мирные или военные, сложные или простые, материальные или нематериальные, кратковременные или долгосрочные), какие области культуры они захватили и в каком направлении развивались, каковы условия, в которых они происходили (отсутствие или наличие военного, государственного, экономического, социального давления), какие элементы культуры и как отбирались получателем или датчиком и какими соображениями при этом руководствовались стороны, как проходил процесс интеграции элементов нового и приспособления их к своей культуре, наконец, к чему привели эти связи: к принятию, усвоению или противодействию при непременном учете доли самобытного и воспринятого, равно как итогового результата.

Оценка результата является решающей в процессе изучения любых культурных связей и влияний. Между тем именно понятие влияния обросло напластованиями, не имеющими к науке никакого отношения. Признание любого влияния иногда рассматривается как покушение на самобытность, оригинальность, самоценность культуры или народа и на этом основании возбуждает бурные протесты с противопоставлением ему принципа автохтонного развития. Однако понятия влияния и автохтонности не противостоящие, а совмещенные. Не бывает автохтонного развития без влияний, и любое развитие не может питаться одной диффузией или избежать автохтонности. Усвоение и переработка чуждых элементов есть ярчайшее проявление автохтонности. Автохтонность кончается вместе с самим процессом развития, если, например, оно полностью прервано миграцией новой культуры и дальнейшей самостоятельной ее жизнью. Не находится влияние в противоречии и с понятием самобытности. Даже говоря о крайнем выражении влияния, а именно об ассимиляции, надо помнить, что она редко бывает полной, так как культурный обмен — двусторонний процесс. Не подчинение, а взаимообогащение — основной смысл культурных связей. Способность воспринимать влияние и перерабатывать его — основа самобытности, сильная сторона культуры и этноса, показатель их жизнеспособности; обратное явление — признак консервативности. Культурное влияние в этом смысле — явление благодетельное. Хотя в целом в этот период контакты в этом районе Дальнего Востока развивались по модели «северный центр — внешняя кочевая периферия» [Первобытная..., 1978, с. 118], конкретное выражение двусторонних контактов отличалось, естественно, большой сложностью.

Перейдем теперь к рассмотрению наиболее важных двусторонних связей. Исследования последних лет в Приамурье и Приморье (СССР) показали, что такие связи существовали тут же, на месте, параллельно с формированием самой чжурчжэньской культуры. Инвентарь Майского городища XI—XII вв. (у одноименного села в

Ханкайском районе Приморского края, СССР) обнаруживает как бохайские (в керамике и костяных изделиях), так и киданьские (в железных бляхах) черты и мало чжурчжэньских, хотя городище расположено в ареале размещения раннечжурчжэньских племен [Ивлиев, Никитин, 1979]. Однако могильник Чирки X—XI вв. у одноименной деревни на берегу Амурской протоки (Хабаровский край, СССР), т. е. на самой северной окраине расселения чжурчжэней, уже обнаруживает более значительные включения чжурчжэньских элементов [Медведев, Копытько, 1979]. Люди, оставившие грунтовой могильник на Большом Уссурийском острове на Амуре, датируемый IX—X вв. и частично X—XI вв., испытали воздействие как бохайской, так и чжурчжэньской культуры [Медведев, 1979].

Заметный след в чжурчжэньской культуре оставила киданьская струя [Залкинд, 1948; Tamura, 1964; Shimada, 1952; Wittfogel, Fêng Chia-sheng, 1949]. Она ощущалась и в форменной цзиньской одежде, заимствовавшей детали ляоской, и в некоторых продуктах питания, в частности в использовании арбузов, проникших к чжурчжэням из Центральной Азии через киданей. Довольно ощутимым оказалось воздействие киданьской культуры в сфере нравов и обычаев, религии и ритуала чжурчжэней и цзиньцев: праздники первой рыбы и первой птицы, коллективные — рядовые и парадные — облавы, игра в мяч, стрельба в иву, обряд сожжения пищи, использование ляоских церемоний и ритуала — все это явления, в равной мере известные обоим народам и либо возникшие независимо, либо заимствованные [Воробьев, 1968 (III); Leao-tche, с. 79, 83, 86, 95, 144—145]. Ранняя проповедь буддизма у чжурчжэней велась ляоскими служителями культа. От киданей чжурчжэни получали буддийские изображения [Воробьев, 1966 (I)]. В Шанцзине рано ознакомились с киданьскими актерами, музыкой, этикетом и документацией. Особенно замечательны кидане-чжурчжэньские связи в сфере языка и письменности. Чжурчжэньский язык не похож на киданьский, но уже ранние чжурчжэни учили киданьский язык и грамоту. Еще до 1115 г. чжурчжэни получили от Ляо классическое Пятикнижие. При создании собственной письменности чжурчжэни частично использовали киданьские письмена в качестве образца [Osada, 1970, с. 26—27; Ямадзи, 1958, с. 386—389]. Киданьская письменность и литература широко использовались в период расцвета Цзинь. В частности, известна киданеязычная эпитафия цзиньского периода [Chêng Shao-tsung, 1973 (I)]. Только во второй половине существования империи Цзинь киданьская письменность стала вытесняться из государственного обихода. При этом интересно, что в сохранившейся лексике киданьского и чжурчжэньского языков очень мало встречных заимствований — в пределах одного-двух десятков слов [Menges, 1968 (I), с. 59—60].

В архитектуре цзиньцы использовали некоторые киданьские стили, в частности стиль пагод: историки архитектуры даже выделяют нерасчлененный «стиль ляо-цзиньских пагод» [Еске, 1935—1936]; отдельные типы круглых антефиксов с типично киданьскими мотивами [Киселев, 1959]. В прикладном искусстве Цзинь ляоское влия-

ние ощущается в так называемом традиционном типе цзиньской художественной керамики, процветавшем во второй половине существования империи [Wirgin, 1970].

Несмотря на разные этнические корни, оба народа некогда были довольно близки в культурном отношении. Недаром «Ляо чжи» сообщает, что нравы и обычаи киданей обнаруживают много общего с таковыми же у мохэ (предков чжурчжэней) и хи, или си [Leaotche, с. 42]. Для нас в чжурчжэне-киданьских культурных связях выступают две особенности: 1) существование связей на разных социальных уровнях соперников, уровнях, полярно изменившихся для них с переходом из XI в XII в.; 2) почти полная неизвестность конкретных форм культурного воздействия чжурчжэней на киданей, когда последние вошли в состав империи Цзинь. Мы знаем, что в доцзиньскую эпоху чжурчжэни активно сбывали киданям в Ляо свои редкости: золото, жемчуг, лекарства, кедровые орехи, воск, мед, соколов, меха, оленьи кожи, скот, ткани. В цзиньское время мы можем говорить лишь о мерах по вытеснению киданьской письменности из государственного обихода с конца XII в. и поощрении браков между киданями и чжурчжэнями с середины XII в.

Даже кидани, создавшие в Центральной Азии новое царство Си Ляо (Западное Ляо) и известные уже как каракидани, или каракитаи (черные кидани), не избежали цзиньского культурного влияния. В урочище Дён-Терек (вторая половина XII — начало XIII в.) в совр. Туве найдены глиняные головы драконов, фениксы, черепица, совершенно аналогичные цзиньским, а в домах обнаружены каны и цзиньские монеты [Кызласов, 1959, с. 75—78, рис. 8—9].

Находка цзиньских бронзовых зеркал и монет в Минусинской котловине в Сибири свидетельствует о протяженности цзиньского влияния, достигавшего владений кыргызов [Лубо-Лесниченко, 1975 (I), с. 28; 1975 (II), с. 164].

Японо-чжурчжэньские культурные контакты почти неизвестны ученым. Во время дальнего пиратского рейда чжурчжэни захватили в 1019 г. на островах Цусима, Ики и Хонсю много крупного рогатого скота и коней, разграбили серебряные рудники на о-ве Цусима [Позднеев, 1909, с. 19]. Вряд ли это был единственный поход и единственные ценности Японии, с которыми ознакомились чжурчжэни. Вероятно, и японское знакомство с чжурчжэньскими вещами не ограничивалось упомянутым выше предметом с чжурчжэньскими письменами (см. гл. 2, разд. 10). Во всяком случае, Охотская культура, процветавшая на Хоккайдо и в смежном регионе, знала такие чжурчжэньские изделия, как железные ножи, панцири, пряжки, поясные украшения из бронзы и серебра, серьги и колокола [Kikuchi, 1976].

Воздействие корейской культуры на чжурчжэньскую оказалось особенно ощутимым на ранней стадии консолидации чжурчжэньской народности [Воробьев, 1975, с. 319—328]. Использование чжурчжэнями корейских навыков в землепашестве в сочетании с завозом из Корё волов, ходящих в ярме, железных земледельческих орудий, медной и серебряной руд, а также мастеров серебряного дела су-

щественно способствовало подъему чжурчжэньского производства в XI в. и в самом начале XII в. На оформление раннего головного убора чжурчжэней оказала влияние китайская и корейская мода покрывать голову повязкой. Металлическая посуда поступала из Корё не только в форме простых чугунных и медных котлов, но и в виде роскошной и разнообразной утвари — достаточно вспомнить знаменитую мену в 948 г. табуна чжурчжэньских коней на набор роскошных сосудов. Наряду с киданями корейцы стали проповедовать среди чжурчжэней буддизм. Летописи только корейцам отводят роль практических наставников чжурчжэней в науке о календарях (1030 г.) и в медицине (1102 г.). Со своей стороны, чжурчжэни активно поставляли корейцам коней, меха соболя и белки, разнообразные предметы вооружения: латы, луки, стрелы, самострелы, наконечники стрел и даже боевые суда [Пак Ён Хэ, 1966; Чосон са кэё, 1957, с. 270—271].

На государственной стадии истории чжурчжэней взаимосвязи должны были окрепнуть, а между тем конкретные свидетельства этих связей становятся все реже. Это можно объяснить тем, что с выходом чжурчжэней на Китайскую равнину первое место в культурном мире чжурчжэней стали занимать китайцы, контакты же с Корё свелись до уровня местных, маньчжурско-приморско-корейских. И тем не менее можно говорить о влиянии типа корёских горных укреплений на систему чжурчжэньских укреплений на сопках, процветавших в XII в. в этом ареале, о завозе золота и серебра, ртути и нефрита из Корё, о поступлениях золотой и серебряной утвари, разноцветных шелков, мечей, вееров, селадона, бумаги, туши, медикаментов, о пристальном интересе к корейской литературе, произведениям искусства [Чжан Чжэнлан и др., 1951, с. 49—52, 65—66; Ли Ё Сон, 1957, с. 220—221; Чосон..., 1977, с. 293—295]. Цзиньцы снабжали Корё железной рудой, золотом, скотом, разнообразными тканями, конской упряжью, экипажами, предметами роскоши, винами и фруктами, книгами и произведениями искусства. Не всегда просто отделить в массе ввозимых в Корё реалий предметы собственно цзиньской культуры от произведений китайских мастерских и китайских мастеров, но конская упряжь и экипажи, по-видимому, цзиньского производства, равно как руда, скот и в какой-то своей части ткани [Маругамэ, 1935; Ли Ё Сон, 1955, с. 136; Чосон..., 1954, с. 163, 360—361; Sweetman, 1976, с. 319; Kim Chewon, Lee Lena Kim, 1974, с. 79, 266, рис. 119].

Тангутско-чжурчжэньские взаимосвязи в области культуры известны плохо, но, наверное, были довольно активными, хотя бы уже потому, что оба народа оказались соседями, поддерживали, как правило, мирные отношения, многие тангуты жили в Цзинь и приравнивались там к чжурчжэням [Кычанов, 1973], а цзиньские государственные деятели относились с явным одобрением к культурной политике Си Ся: «Маленькая страна [Си] Ся чтит старинные обычаи» [ЦШ, цз. 8, с. 68]. Среди этих старинных обычаев следует упомянуть о высоком положении женщин в обществе, о недавней свободе выбора жениха или невесты, о пережитках кровной мести,

по обычному праву замененной пеней; о посылке стрелы как знакового акта при переговорах или требовании выполнения акции, известной адресату; об обряде трупосожжения в сочетании с уничтожением погребальных подношений, о существовании земляных ям-тюрем, о ношении распашной одежды [Кычанов, 1959, с. 113—114]. Перечисленные обычаи напоминают чжурчжэньские. Но это сходство — результат близости уровней социального развития обеих народностей. Однако их одновременное существование у этносов-соседей могло привести к появлению культурной функции — взаимоукрепления этих обычаев на базе примера. Тангуты выписывали из Цзинь и гравюры-иконы [Рудова, 1967].

Трудно допустить, что все богатства материальной культуры тангутов, которые широко распространялись по Дальнему Востоку, миновали чжурчжэней: овцы, кони, особенно верблюды, соль, железо, железные доспехи, войлоки, ковры, шерстяные ткани, сукна из верблюжьей шерсти. Определенно известно, что при выработке чжурчжэньской письменности ее творцы обращались к тангутской. Также известны случаи отправки в Си Ся из Цзинь железа, зерна, муки. Вероятны поступления из Цзинь шелка, фарфора, маньчжурских лекарств, одежды и многих китайских товаров транзитом через Цзинь [Кычанов, 1968, с. 96; Кычанов, 1959, с. 111—112].

Раннемонгольские элементы в чжурчжэньской культуре либо немногочисленны, либо плохо изучены. Такие явления, как калым, культ коня, возможно, общие обычаи, вызванные сходными формами общественной жизни. Впрочем, соотношение в культуре обоих народов — по уровню и направлению — в то время было неблагоприятно для заметного воздействия монголов на чжурчжэней (цзиньцев) в сфере культуры [Ишжамц, 1974]. Значительно более оно было благоприятно для воздействия чжурчжэньской или цзиньской культуры на монгольскую. Даже у ранних монголов в поселках жилища делались без фундаментов, но зато обладали каркасными стенами и П-образным каном, как у чжурчжэней [Кызласов, 1975, с. 173]. В военной технике и боевом вооружении монголы заимствовали многие достижения цзиньцев. Много было ремесленников-цзиньцев в юаньских мастерских. Монгольское градостроительство усвоило многие цзиньские новшества: отопление горячим воздухом под полом (кан), специфичное размещение колонн [Пэрлээ, 1957, рис. 5]. Развалины монгольских городов полны вещей со следами цзиньского происхождения или изготовления под цзиньским культурным влиянием [Древнемонгольские..., 1965, с. 29—31, 41, 43, 141]. Монголы нуждались в предметах роскоши и получали их из Цзинь. Они ввозили также зерно, чай, оружие [Krader, 1952, с. 171], соколов-хайдущин. Монголы переняли у цзиньцев календарь «Даминли», игру в конское поло, обряд сжигания пищи, пошение кос, многие блюда чжурчжэньской кухни. Хорошо известные монгольские (юаньские) ассигнации по форме и условиям обращения очень напоминают цзиньские [Ивочкина, 1967]. Ретивые буддийские проповедники у монголов были выходцами из Цзинь. Можно напомнить высказывание крупного востоковеда: «Монголы, которые

многим, в том числе языком и литературой, обязаны тюркам, почти столькими же обязаны чжурчжэням» [Pelliot, 1913, с. 465]. Чжурчжэни получали от монголов кожу, шкуры животных, шерсть, волос, коней, баранов, верблюдов, яков, соль [Krader, 1952, с. 171].

Китайско-чжурчжэньские культурные контакты, случайные и односторонние до первой четверти XII в., позднее резко возросли, а с выходом чжурчжэней на Китайскую равнину и с установлением там цзиньского владычества стали повседневными. На своей прародине чжурчжэни в процессе культурной диффузии успели познакомиться лишь с образцами китайской металлической утвари, получить отрывочное представление о китайской письменности и о языке, заполучить некоторые предметы роскоши, китайские монеты, а от корейцев, киданей и некоторых местных племен — сведения о культурных достижениях Китая. Среди местных племен надо упомянуть ужэ, чья знать носила китайское платье и пользовалась некоторыми вещами китайского церемониала [СМЦВ]; бохайцев, знавших китайские обычаи и этикет и ставших подлинными проводниками китайской культуры у чжурчжэней. Значение роли бохайцев, чье государство было уничтожено киданями в 926 г., нельзя недооценивать. Они хорошо знали китайскую культуру. Являясь в одной своей части данниками Ляо, а в другой — членами чжурчжэньского объединения, они обладали наиболее благоприятными территориальными и психологическими возможностями стать удобными передатчиками китайских новинок. Эта их роль сохранилась и в первые десятилетия существования государства Цзинь [Toyama, 1964, с. 123—135].

После переселения большей части чжурчжэней в Китай они, разумеется, не избежали теперь уже непосредственного воздействия китайской производственной культуры: сложившиеся веками приемы землепашества, ремесла, транспорта наиболее полно соответствовали возможностям Северного Китая. Эти приемы сохранились и при чжурчжэнях, хотя сами чжурчжэни далеко не всегда и не безраздельно воспринимали их. Но в масштабе империи цзиньцы сохранили и укрепили сунскую производственную культуру, активно используя даже ранее незнакомые им оросительную систему, квадратно-гнездовой посев, паровую систему деления полей на участки. Китайская городская культура, несомненно, оказала воздействие на чжурчжэньскую управленческую верхушку, поселившуюся в городах. Городские постройки цзиньцев возводились в основном в русле китайской строительной традиции, но придирчивый взгляд китайцев отмечал примесь чжурчжэньских приемов [ЛПЛ]. Сельские жилища, следует думать, еще больше сохраняли чжурчжэньский облик. Чжурчжэни, жившие в Китае, несомненно, испытали влияние китайской одежды и украшений, хотя чжурчжэньские власти энергично и последовательно стояли на страже национального покроя и набора одежды. Китайское влияние заметнее сказалось в форменной одежде цзиньцев да в одеяниях городской знати. За год до краха империи последовал даже формальный отказ чжурчжэней от собственного платья, головных уборов, причесок [Mikami,

1973, с. 395]. Этот отказ, впрочем, не столько фиксировал установившуюся практику, сколько имел политический, пропагандистский смысл: подчеркнуть культурное и политическое слияние с китайцами. Китайская пища и посуда употреблялись при дворе и в домах знатных чжурчжэней. В этих сферах парадная посуда подавалась китайская или же выделанная в цзиньских мастерских в китайском духе. Китайский посол отмечал на приеме в Яньцзине в 1170 г. полукитайский стол, изобилие растительно-молочной пищи [БСЖЛ]. Значительного распространения достигло чаепитие. В области семейно-брачных отношений китайское влияние сплеталось с социальными процессами в недрах чжурчжэньских семей [Смирнова, 1973, с. 13]. Усиление патриархального начала в чжурчжэньских семьях, официальное запрещение внутриродовых браков (между однофамильцами), развитие наложничества, смещение в представлениях о старой системе родства, основанной на патриархально-родовых отношениях, тяга к смешанным бракам, смена фамилий на китайские — все это явления, обусловленные новыми социальными условиями, но их оформление происходило не без китайского влияния (указы о запрещении браков между однофамильцами, система наложничества, смена фамилий). Наиболее заметно эти явления ощущались в среде господствующего класса цзиньцев [Mikami, 1973, с. 236]. Здесь переплетение и нерасчленяемое слияние своего и заимствованного были трудноразличимыми. Так, среди чжурчжэньской знати, породнившейся с китайской или вступившей с последней в особо тесный духовный контакт, наметился отказ от некоторых традиционных обычаев своей народности: от ношения кос, чжурчжэньского платья и головных уборов, увлечение китайскими играми, заимствование некоторых специфических китайских обычаев, например китайского приветствия [Яо Цунъу, 1953, с. 130].

Наряду с этой стихийной китаизацией верхушки чжурчжэньского общества, открыто осуждаемой государственными деятелями Цзинь, среди значительно более широких слоев чжурчжэней наметился известный синкретизм китайских и чжурчжэньских обычаев, особенно заметно проявившийся в системе ежегодных праздников Цзинь. В основу этой системы легли многие ежегодные сельскохозяйственные и религиозные праздники китайцев, к ним были присоединены некоторые народные празднества чжурчжэней и памятные события цзиньского государства. Ритуал и обряд праздников независимо от источника происхождения последних стали смешанными, китайско-чжурчжэньскими. Это означало, например, что типично китайский земледельческий праздник отмечался чжурчжэнями не только чисто китайскими обрядами, но и чжурчжэньской ритуализированной стрельбой из лука, а во время государственных ритуальных празднеств, созданных цзиньцами, щедро использовались элементы китайского церемониала [ДЦЦЛ].

Не менее, а пожалуй, и более сложным по своим последствиям оказался процесс принятия элементов китайской культуры в сфере идеологии и искусства. Важнейшим событием культурной жизни чжурчжэней в эпоху Цзинь явилось близкое знакомство с идеями

конфуцианства, даосизма, буддизма, причем с первыми двумя учениями чжурчжэни, похоже, столкнулись всерьез впервые на китайской земле. Китайские чиновники-конфуцианцы заняли посты в учреждениях Цзинь, в том числе и в научных, культурных, образовательных. Конфуцианством оказались насыщены многие стороны государственной политики и культа. Цзиньские государственные мужи неустанно одобряли и восхваляли конфуцианство. Однако это восхваление зачастую звучало как завуалированная оппозиция двум другим учениям — даосизму и буддизму. Поэтому, несмотря на одобрение властей, конфуцианство в государстве Цзинь никогда не получило такого исключительного положения, как в Южной Сун. Даосизм был принят чжурчжэнями настороженно, и цзиньские государи не уставали напоминать населению о пагубных плодах увлечения даосизмом в прошлом — в Ляо и в Китае. Хотя даосизм привлекал к себе недовольных цзиньским господством, это учение не подвергалось в Цзинь гонениям; напротив, в конце правления Цзинь оно родило новое направление: «всеобщего истинного учения» [Kubo, 1951, с. 28]. Буддизм распространялся среди чжурчжэней более широко, чем даосизм, особенно в среде господствующего класса, но, может быть, именно поэтому он натолкнулся довольно скоро на последовательные мероприятия правительства, направленные на устранение буддийского духовенства от участия в государственной и официальной общественной жизни страны. Вне этой сферы правительство не возражало против умеренного строительства буддийских храмов и пагод, сооружения буддийских статуй, печатания буддийских канонов, в частности «Великого канона», хотя и тормозило рост религиозных организаций [Ногами, 1953].

Создавая две свои системы письменности, чжурчжэни обращались и к китайской иероглифике. Словарный состав чжурчжэньского языка испытал влияние государственной и культурной лексики китайцев. Более того, китайский язык и письменность не только оставались средством общения коренного китайского населения, но и превратились кое-где в инструмент межэтнической связи в новой, пестрой по этническому составу империи. Многие чжурчжэни стали двуязычны. Китайская иероглифика стала играть аналогичную роль, но уже не в бытовой сфере, а на более высоком — научном, литературном, этическом уровнях [Яо Цунъу, 1959, с. 155]. Чжурчжэньские вельможи и чиновники не могли обойтись в Китае без китайского языка. И когда в 1179 г. пришла пора учить внуков Ши-цзуна, будущих Чжан-цзуна и Сюань-цзуна, то последовательность языкового обучения (очевидно, не без ведома императора — ревнителя всего чжурчжэньского) была следующей: китайская иероглифика, чжурчжэньское письмо, устная чжурчжэньская речь, чжурчжэньское чтение [Яо Цунъу, 1959, с. 155].

Бóльшая часть литературы, доставшейся в наследство чжурчжэням, была китаеязычной. Цзиньцы активно перепечатывали в своем государстве эти старые издания. Кроме того, вследствие естественной тяги к обмену информацией происходил обмен литературой между Цзинь и Южной Сун. Ранние произведения художественной

литературы государства Цзинь во многом еще зависели от литературных образцов как Ляо, так и династий Тан и Сун (причем подражание танским образцам официально поощрялось больше). Из конкретных литературных жанров, в которых наиболее отчетливо проявилась эта зависимость, можно назвать стихи (ши), стихи-стансы (цы), романсы и песни (цюй) [Воробьев, 1967 (I)].

Архитектурные сооружения Цзинь, сохранившиеся в самом Китае, в основе своей следовали существовавшей в то время местной строительной манере, но это не мешало введению в постройку таких элементов и украшений, которые делали все сооружение в глазах китайца-современника не полностью китайским по облику [Ащепков, 1959]. Монументальная буддийская скульптура Цзинь не слишком отклонялась по манере от существовавших в то время на Дальнем Востоке канонов, которые можно назвать китайскими лишь по географическому местоположению образчиков, а по сути своей были общими для многих стран Дальнего Востока. В погребальных барельефах чжурчжэни широко использовали традиционную и мифологическую китайскую тематику [Sirèn, 1942]. Памятники цзиньской живописи слишком малочисленны, чтобы судить о степени воздействия на них того или иного стиля. Из литературных источников мы, однако, узнаем о значительном влиянии на художественное творчество в Цзинь идей и произведений северосунского Су Ши [Bush, 1965]. В сфере прикладного искусства в цзиньское время особенно заметное место заняла художественная керамика. Как известно, цзиньцы унаследовали многие знаменитые керамические мастерские Китая. Естественно, что эти мастерские не имели основания резко порывать со сложившейся художественной традицией. Поэтому для раннецзиньской художественной керамики присущ интерес к изображению цветов и животных во вкусе Северной Сун [Wirgin, 1970, с. 219—227].

В научной сфере, практически не существовавшей у ранних чжурчжэней, цзиньцы приобрели богатое китайское наследие, которое и продолжало накапливаться при цзиньцах в условиях сохранения научной преемственности. Из области дополнительного китайского воздействия на цзиньскую науку, пожалуй, можно выделить влияние идей неоконфуцианства на философию, этику и близкие к ним науки, а также роль фактологического направления в составлении государственных историй [Воробьев, 1971]. Органы просвещения цзиньцы первоначально создали по сунскому образу: школы и училища представлены несколькими разрядами (уездные, провинциальные, столичные), они были едины для всех народностей империи, программа преподавания и экзаменационная система были китайского типа, но затем цзиньцы значительно отошли от этого образца. Понимание необходимости просвещения, причем китайского типа, было сильно развито в Цзинь. Ориентация на китайский тип просвещения прочно держалась вплоть до середины цзиньского правления, а затем стала несколько ослабевать.

В ходе китайско-чжурчжэньских культурных контактов не только китайская культура воздействовала на чжурчжэньскую, но и

чжурчжэньская, или цзиньская, влияла на китайскую. Это влияние стало ощутимым после создания империи Цзинь и переселения огромных масс чжурчжэней в Северный и Центральный Китай. В сфере производства это влияние выразилось в том, что чжурчжэни частично перенесли, а частично вернули на Северо-Китайскую равнину некоторые виды зерновых культур (рис стали сеять на севере Китая, а пшеницу на юге), заметно расширили употребление волов как тягловой силы при вспашке, активно создавали наиболее рациональные формы и типы земледельческих орудий, сохранившиеся в Маньчжурии вплоть до начала XX в. [Стариков, 1973, с. 33], часто в малоизмененном виде. Чжурчжэни широко внедрили в Китае пастбищное содержание скота, к этому времени там почти вышедшее из обихода. В области одежды, причесок и украшений чжурчжэньское влияние в Китае, как известно, приняло жесткие формы обязательной регламентации, навязывания китайцам чжурчжэньской одежды, головных уборов и кос. Но источники отмечают, что еще в 1119—1125 гг. китайские женщины-прислужницы носили при цзиньском дворе чжурчжэньские прически, что в 1176 г. должностные лица в южносунской столице Линьане носили платье из шелка фиолетового цвета, присущего чиновникам в Цзинь. Они перекрашивали свои одежды в «варварский» фиолетовый цвет, какой видели на чжурчжэнях, приезжающих на заставы. Когда цзиньские посольства стали ездить в Южный Китай, они завезли туда узкий кафтан-халат. Китайские послы, возвращавшиеся в Сун из Цзинь, надевали платье темно-синего цвета, и он даже получил название «варварского» или «северного синего». Чжурчжэньскую одежду носили даже китайские военные. В 1126 г. армии было разрешено использовать «варварскую» одежду и вещи. Упоминается мода на ткани буро-чайного цвета с черной каймой, привозимые из Цзинь еще до 1126 г. На городских рынках Южной Сун было много тканей чжурчжэньской расцветки, оружия, шнурков для кос чжурчжэньского образца и изготовления. Широкое внедрение этих аксессуаров в китайский быт в период Цзинь отмечают все южносунские послы [ЛПЛ]. Мода на чжурчжэньское платье сохранилась и до сего времени кое-где в долине Хуанхэ. Это так называемый халат с левым запáхом [Liu Ming-shu, 1946, с. 98—104].

Чжурчжэньская пища, в начале казавшаяся китайцам «варварской», даже просто неприемлемой, постепенно нашла путь к китайскому столу. Чжурчжэньские пшеничные паровые хлебцы и блины стали любимыми блюдами китайцев в Южной Сун. Многие кулинарные рецепты с пометкой «чжурчжэньские» вошли в кулинарные руководства последующих династий, правивших в Китае [Чжан Цзяцзюй, 1957, с. 59]. Распространение, а с третьей четверти XII в. и поощрение браков между выходцами из чжурчжэньского и китайского этносов оказало, без сомнения, сложное влияние на китайскую сторону в браке, хотя чисто культурную линию в этом влиянии выделить трудно.

Чжурчжэньские нравы и обычаи в чистом виде оказали слабое влияние на китайцев из-за слишком большой культурной и социо-

нормативной специфики таких обычаев. Сильнее, очевидно, воздействовали цзиньские обычаи, слившиеся с административным распорядком, причем на служащих-китайцев. Последние должны были принимать участие в императорских облавах и выездах, в играх в мяч и в стрельбе в цель, даже в обычае «подносить чарку», во всех празднествах и событиях государственного ритуала, насыщенного элементами чжурчжэньской обрядности. Еще более широкий круг активно соприкасался с чжурчжэньскими обычаями во время общих для всех ежегодных праздников, которые, как говорилось выше, включали элементы чжурчжэньских обычаев. Самое широкое распространение среди китайцев получили некоторые материальные достижения чжурчжэней, как, например, кан. Чжурчжэньский шаманизм сам по себе, похоже, не оказал заметного воздействия на верования китайцев, но относительный индифферентизм чжурчжэней применительно к китайским религиозным учениям, несомненно, способствовал формированию синкретического «всеобщего истинного учения» (цюаньчжэньцяо) из элементов всех трех учений, традиционных для Китая. Чжурчжэньские язык и письменность, ставшие государственными, превратились в обязательные для каждого служащего-китайца и для более широкого круга китайцев, имевших дело с цзиньскими учреждениями. Тем самым чжурчжэньский язык и письменность оказывали сложное культурное воздействие на китайцев как непосредственно, так и опосредствованно: в виде литературы, стел и т. п. В предисловии к китайской повести-хуабэнь «Беспутство Хай-лин-вана из чужеземной династии Цзинь» (XIV в.) сообщается о том, что войска Южной Сун привезли в Ханчжоу немало «варварских книг», а сама повесть включает чужеземные (в том числе чжурчжэньские) слова [Желоховцев, 1969, с. 98, 101—102]. Элементы духовной культуры нашли отклик у китайцев. В 1119—1125 гг. население Кайфына распевало на улицах «варварские» песни и играло на музыкальных инструментах чжурчжэней. «Вэньсянь тункао» (цз. 310) сообщает о том, что в 1151 г. в городах Южной Сун ставили пьесы, в которых представлены чжурчжэньские музыкальные инструменты, музыка, танцы и реквизит. Интересно упоминание в числе музыкальных инструментов «флейты горлицы»: название инструмента прямо перекликается с названием чжурчжэньской песни, которую наигрывали на флейте или дудке [ДЦГЧ, цз. 39]. Эту песню население Линьаня распевало около 1163 г. Оно знало хуские лютни и танцы, не отступалось от хуских обычаев, «варварской» одежды, музыки; хуские и «варварские» в южносунской литературе звучали как «чжурчжэньские».

Заимствования увеличивают совокупность средств культуры-восприемницы, ускоряя ее самостоятельное развитие и стимулируя ее дальнейший переход к более совершенному качественному состоянию [Стариков, 1973, с. 40]. Именно так и надо оценивать предварительный суммарный итог культурных контактов для каждой из сторон в описанных двусторонних связях (ср. [Tao Jing-shen, 1976, с. 115—117]).

4. Культурная политика

Для понимания итогов культурного обмена чжурчжэней с соседними народностями и государствами важно уяснить значение, которое придавала каждая из сторон этим контактам, и пути, которыми эти контакты реализовались. На догосударственной стадии развития чжурчжэней культурные контакты последних чаще всего являлись производными от других, более предметно-сущностных: производственных, военных, торговых. Чисто культурные контакты были относительно редкими и изолированными. Разумеется, это являлось результатом сравнительной узости сферы культурных интересов чжурчжэней, редко выходивших за рамки тяги к предметам роскоши, новым религиозным учениям, началам медицины и календарного дела. Говоря так, мы имеем в виду активную, целенаправленную сторону культурного обмена. Другие, значительно более многочисленные элементы культуры оставались объектом обмена культурного и стихийного или производственного и сопутствующего. С образованием Цзиньской империи культурный обмен стал частью государственного строительства и имперской политики. Несмотря на то что и в этот период культурные контакты часто осуществлялись в процессе производственных, военных, торговых, общественных отношений, роль самостоятельных культурных взаимосвязей неизмеримо выросла (ср. [Wittfogel, 1951, с. 114]).

В этом аспекте наиболее интересны чжурчжэне-китайские культурные взаимоотношения ввиду их особой важности для участников диалога. Интерес чжурчжэней к китайской культуре при всех условиях и колебаниях был неизмеримо шире, постояннее и откровеннее, чем интерес их партнера к чжурчжэньской культуре. Это знаменательное расхождение в известном смысле было предопределено мироощущением каждой из сторон. Китайское мироощущение проецировало извечное соотношение Китая и окружающего мира как средоточие истины, этики и культуры на одном полюсе и как мира «варварства» — на другом [Воробьев, 1977 (II)]. Конфуцианский ученый Ли Гоу, например, утверждал: «Если рассматривать Поднебесную как единый организм, то собственно Китай — сердцевина. Северные и южные варвары — конечности. Если в центре спокойствие, царят гармония и процветание, а конечности поражены болезнью, то это не беда. Если же в центре гармония нарушена, дух утомлен, а внимание сосредоточено лишь на лечении конечностей, то и конечности не исцелить, и сердцевину загубишь» (цит. по [Лапина, 1972, с. 45]). Поэтому для Китая проблема культурных связей с соседями сводилась к привнесению упомянутых ценностей в мир «варваров» и к заимствованию местных диковинок. Скрытая суть проблемы хорошо выявлена семиотикой: для носителя конкретной культуры другая культура — это «некультура». И культуризация этой «некультуры» в его глазах — это внесение в нее структуры его собственной культуры [Лотман, 1970, с. 11]. Этот культурный китаецентризм на бумаге выдерживался в Китае даже тогда, когда реальные культурные связи на деле

оборачивались совсем другой стороной. Средневековые китайские авторы (да и не только они!) не понимали, что «не существует какого-то изначального, неизменного и обособленного от „варваров" состояния китайской культурной традиции» [Стариков, 1973, с. 34].

В этой ситуации сознательная культурная политика, которую могли проводить лишь южные суны (но не китайские подданные Цзинь), сводилась к посильному ограничению проникновения из Южной Сун в Цзинь всех тех новинок китайской культуры, которые, как считалось, могли усилить цзиньцев, и к поощрению внедрения в Цзинь тех элементов культуры, которые могли ее ослабить. К последним относили предметы роскоши, которые должны были «разложить» цзиньское общество и культуру, а также конфуцианство, способное, как верили, «цивилизовать» чжурчжэней. Император Южной Сун в 1142 г. сказал министру: «Во дворце Великой Цзинь велика распущенность. Авторитет не возвращается к этому государю. И теперь все под это подпали. Не обошлось дело без золота, жемчуга и туфель. Я их не хочу, он же их жаждет. И в этом можно наблюдать тягу к роскошеству. Пусть велят надлежащим учреждениям, дабы они все питали и усиливали эту жажду. Когда у них сердце открыто для роскоши, тогда нашим делам помощь» [ЦЯИЛСНЯЛ, цз. 146, с. 2344]. На проникновение чжурчжэньской и цзиньской культуры в Южную Сун последняя реагировала резко отрицательно: запрещалось ношение одежд, использование тканей, музыкальных инструментов, исполнение песен, танцев, пьес, копирование любых обычаев, привычек, моды, которые проникали из-за рубежа, независимо от того, являлись ли они чисто чжурчжэньскими, представляли ли некий сплав чжурчжэне-китайских (цзиньские) или появились в китайской среде, но в Цзинь [Liu Ming-shu, 1946]. Не только язык, песни и представления, но и цзиньская литература казалась опасной южносунским властям, хотя она не была особо многочисленной. Южная Сун запретила ввозить из Цзинь политическую и экономическую литературу и подтвердила это запрещение указом 1174 г. [Liu Ming-shu, 1945, с. 107]: сам факт ее существования противоречил ортодоксальной концепции о «варварской» сущности чжурчжэней и их государства. Любое цзиньское влияние казалось опасным даже на юге — это служит косвенным доказательством его ощутимости. Одной из причин переноса политического и культурного центра Южной Сун далеко на юг являлось стремление отдалиться от зоны нежелательного влияния [Fergusson, 1924]. Но при всех этих мерах контакты все же осуществлялись. Известно, например, что ученые и писатели обоих государств имели возможность читать произведения друг друга, даже критиковать друг друга [Tao Jing-shen, 1976, с. 110]. Мысль о познании Цзинь, хотя бы как врага, была настолько чужда южносунскому правительству, что оно не считало нужным организовать изучение чжурчжэньского языка и письменности (кстати, правители Корё смотрели на это иначе). В результате, когда чжурчжэни писали дипломатические документы на своем родном языке, в Южной Сун часто испытывали затруднения при их прочтении [Franke, 1978 (I), с. 18].

Цзиньская культурная политика предусматривала широкое знакомство с китайской культурой, доставшейся чжурчжэням в наследство в Китае, в процессе совместной общественной и культурной жизни в новой империи; выборочное усвоение под государственным контролем китайских новшеств в южносунском варианте; внедрение в китайскую среду в Цзинь некоторых чжурчжэньских обычаев и... защиту собственной чжурчжэньской культуры от излишнего засилья китайских новшеств. Первая задача выполнялась широко, по всем существовавшим разделам культуры (подробнее об этом см. гл. 2). Что же касается принципов заимствования, то в восприятии китайской культуры цзиньцами можно заметить определенную закономерность. В догосударственную пору чжурчжэней и в первую четверть XII в. Северная Сун была единственным первоисточником китайской культуры, поэтому эта культура воспринималась чжурчжэнями в северосунском варианте. Однако начиная со второй четверти XII в. единый прежде массив китайской культуры оказался расколот на два. Центром ортодоксальной китайской культуры стала Южная Сун, а местным центром этой же культуры — бывшие провинции Северной Сун. Непосредственным источником китайской культуры для чжурчжэней стал, естественно, второй центр: он не был ни отделен от чжурчжэней государственной границей, ни связан с враждебной чжурчжэням династией. Но дифференциация пошла дальше. Оправившись от впечатлений, вызванных первым широким общением с северосунским вариантом китайской культуры, чжурчжэни все чаще стали вспоминать про его связь с былым противником — Северной Сун и искать другие варианты китайской же культуры, например танской, для них нейтральной. Однако практическая необходимость заставляла часто отступать от этих правил. Постоянной темой переговоров между Цзинь и Южной Сун стало возвращение образованных китайских чиновников и сановников, бежавших в Южную Сун, на их прежние посты — теперь уже в цзиньском государстве, об откомандировании в Цзинь тех или иных южносунских деятелей культуры. Цзиньцы насильно захватывали и оставляли в своей стране членов южносунских посольств, если они представляли для них интерес как деятели культуры [Мао Вэнь, 1935]. Призывая учиться у китайцев, Си-цзун называл основателей цзиньской династии «невежественными варварами» [ДЦГЧ, цз. 12].

Цзинь одобрительно относилась к притоку китайской литературы из Южной Сун. Этот процесс носил как стихийный, так и целенаправленный характер. Первый диктовался потребностями интеллектуальной жизни в Цзинь, второй определялся политикой правительства, нуждавшегося в китайской литературе целевого назначения. Примером реализации последнего процесса может служить пункт цзиньско-южносунского договора 1208 г., по которому Южная Сун обязалась прислать в Цзинь пять возов книг [Чжан Сюминь, 1959].

Выборочное усвоение южносунской культуры чжурчжэнями включало и борьбу с избыточной роскошью, образцы которой сплошным потоком притекали к чжурчжэням с 20-х годов XII в. [ДЦДФЛ,

цз. 1—3]. Позднее государственные деятели Цзинь рассуждали, что именно регламентация использования предметов роскоши разными категориями населения и обеспечила существование Китая в Поднебесной: «Если не устанавливать различий, то, как можно было видеть уже давно, нравы становятся расточительными, и это приводит к трудностям и недостаткам» [ДЦЦЛ, цз. 30, с. 270]. Но, несмотря на эти трезвые суждения, сам цзиньский двор купался в роскоши: «Начиная с годов эры правления Хуантун (1141—1148) всевозможные предметы из дворцовой казны тратятся и используются без счета» [ЦШ, цз. 83, с. 527]. К этим придворным можно отнести фразу: «Китайская культура интеллекта осталась для них чуждой, зато культура порока была усвоена полностью» [Гумилев, 1970, с. 124].

Цзиньская империя была многонациональной, и победители в культурном отношении на первых порах уступали побежденным. Они приняли два совершенно правильных курса: на сохранение привычных форм общественной, культурной, частной жизни китайцев и на приближение всех форм государственного управления к шаблону, привычному для китайцев. В результате в империи проецировалось, в сущности, столько культурных моделей, сколько там числилось народностей. Разумеется, ни сами эти народы, ни их культуры не могли сохраняться изолированно [Воробьев, 1975, с. 303—308]. Насаждение чжурчжэнями своей культуры в среде китайцев империи Цзинь и охрана собственных чжурчжэньских обычаев — единая культурная политика. Такая политика сложилась не сразу [Воробьев, 1968 (I); Mikami, 1973, с. 239—320]. Она прошла несколько этапов, отличающихся степенью ее активизации, выбором сфер ее приложения, интенсивностью проведения мероприятий. Это связано с постепенностью возрастания культурного и этнического давления, испытываемого чжурчжэнями, и с политической целесообразностью таких мероприятий. На первом этапе, до разгрома Ляо в 1125 г., выработаны лишь отдельные охранительные мероприятия, направленные на закрепление племенных обычаев, на создание письменности.

Завоевание Северного и Центрального Китая и переселение сюда чжурчжэней открывает второй период (1125—1160). Но в это время основное внимание обращалось на обеспечение руководящей роли чжурчжэней в управлении империей. Чжурчжэням приходилось заботиться не столько о сохранении старых обычаев, сколько о приобретении новых навыков — в управлении, в праве, в финансах, в культурной жизни. Используя инерцию военного завоевания, чжурчжэни попытались распространить указом некоторые свои обычаи на китайское население. Указ 1126 г. предписывал китайцам оставить национальные обычаи — подрезать волосы на голове, спереди и с боков, а оставшиеся заплетать в косы, носить короткие платки и одежды с левым запáхом. В 1129 г. новый указ грозил смертью ослушникам. На китайцев, живших в Маньчжурии, эти правила были распространены еще раньше. Этот указ вызвал сильное противодействие, в особенности со стороны ученых-начетчиков

[Mikami, 1973, с. 370—401]. Характерно, что чжурчжэни, строго настаивая на соблюдении правил ношения одежды в исконных и приобретенных землях, проводили совсем иную политику в марионеточном государстве Ци. Цзиньское правительство считало (и справедливо) политику в отношении одежды важным звеном в утверждении собственной культурной самостоятельности и в ограничении самобытности китайской, в создании единого для всей империи культурного образца. Фактически же чжурчжэням удавалось проводить эту политику лишь в отношении наиболее зависимых от них слоев населения — чиновников любой национальности. Впоследствии, в 40-х годах, строгие указы были смягчены, но китайские путешественники Чжоу Шань, Лоу Яо, ездившие в Цзинь в 70-х годах XII в., сообщают о том, что китайское население Цзинь носит чжурчжэньскую одежду. Когда в 1200 г. состоялось совещание по поводу правил приветствия для чжурчжэней и китайцев, Ваньянь Сян из министерства общественных работ подтвердил: «Ныне все люди в одежде и прическе всегда следуют установлениям нашей династии. Надо следовать и правилам приветствия нашей династии» [ЦШ, цз. 35, с. 233]. И это было проведено в жизнь. Таким образом, в эпоху Цзинь китайцы, во всяком случае служилые, носили косы [Кувахара, 1927, с. 327]. Следовательно, и при Хай-линване указ о перемене обычаев в каких-то пределах действовал (кроме, например, губернии Хэнань), хотя курс на принятие всего китайского стал еще резче, а охранительная инициатива рассматривалась как оппозиция правительству в его борьбе с родовой знатью.

Лишь на следующем, третьем этапе (1161—1234) положение в корне изменилось; национально-охранительная политика провозглашается важной государственной задачей и осуществляется во многих сферах жизни государства последовательно и активно, во всяком случае в ближайшие 40—50 лет. Летопись переполняется охранительными речами Ши-цзуна и его сподвижников. Ярким примером может служить речь 1177 г. «Государь с принцами и ближними ванами в Восточном парке любовались пионами. Цинь Ван задумал сочинять оды и стихи. К нему присоединилось 15 человек. Академик У Юйцюань читал стихи Цинь Вана, хвалил за красоту без конца. Наследник не мог успокоиться. Ваньянь Вэй — сын Учжу — понял его чувства, вышел вперед, бил челом и сказал: „Держава поднялась к северу от Великой пустыни [Дамо]. Государь, вельможи и соплеменники сделали своим достоянием храбрость на войне. Поэтому смогли уничтожить Ляо и потеснить Сун, объединить Север и Юг. Все иноземцы боялись. За последние годы часто использовали вельмож, оставшихся от погибших государств Ляо и Сун. [Их] богатство и знатность, литература и письменность разрушили обычаи нашей земли“» [НЦЛ, с. 1—2]. Два выступления самого Ши-цзуна по этому поводу можно считать программными. В 1172 г. Ши-цзун говорил министрам: «Хуэйнинфу — это место происхождения государей нашего дома. Со времени переселения Ваньянь Ляна (Хай-лин-вана) в Яньцзин чжурчжэни постепенно забыли свои древние обычаи и весьма пристрастились к обычаям

китайским. Я знал обычаи чжурчжэней прежде и до сих пор их не забываю. Ныне в пиршествах и в музыке вообще приняты обыкновения китайцев — вероятно, потому, что их обряды совершеннее, но мне это не нравится. Наследник и все князья вовсе не знают обычаев чжурчжэней, и только я их кое-когда употребляю. Опасно, если впоследствии совершенно изменятся наши обычаи. Это изменение не обеспечит великих и долговременных законов правления. Я по-прежнему хочу отправиться в Хуэйнинфу, чтобы мои дети и внуки могли видеть древние наши обыкновения. И, несколько привыкнув к ним, могли им следовать» [ЦШ, цз. 7; см. также: Розов, с. 203]. Беседуя о причинах упадка династий, Ши-цзун в 1175 г. сказал: «Древние обычаи чжурчжэней просты и естественны. Тогда хотя не знали письменности, но обряды жертвоприношений Небу и Земле, почтения к родителям, уважения к старшим, принятия гостей и верности к друзьям составились сами собой. Эти обряды по своему совершенству не отличаются от описанных в древних книгах. Итак, вы должны изучить эти древние обыкновения чжурчжэней; не следует забывать их» [ЦШ, цз. 7; цит. по: Розов, с. 212—213]. Государственное значение самобытной культуры Ши-цзун постоянно подчеркивал: «Если бы не забывали о древних обычаях государства, границы могли бы стать безопасны». При этом он ссылался на примеры из истории других стран, не замечая неуместности их: «Погибшая Ляо не забывала древних обычаев» [ЦШ, цз. 89, с. 565]. В 1185 г. сановник Ватэла в беседе с Ши-цзуном указал на пример тангутов: «Маленькая страна [Си] Ся чтит старинные обычаи и поэтому сумела сохранить свое государство на протяжении нескольких сот лет» [ЦШ, цз. 8, с. 68].

Конкретное осуществление этой политики началось с начала 70-х годов XII в. Правительство в 1171 г. объявило о введении звания цзиньских начетчиков — варианта традиционных в Китае цзиньши, в 1173 г. оно провело первые выборы на это звание. В этом же году впервые оно запретило менять чжурчжэньские фамилии на китайские и приказало отобрать взятые самовольно (указы 1173, 1187, 1207 гг.). Таким образом закреплялась внутриобщинная и внутрисемейная иерархия родства со всеми связанными с ней семейными, брачными и общественными отношениями. На сохранение чжурчжэньской культуры направлялись меры поощрения старинных обычаев (стрельбы в иву, стрельбы с коня, сезонных облавных охот, игры в конское поло, чжурчжэньских песен и плясок, одежд и причесок). Указы 1187, 1191, 1207 гг. под угрозой наказания запрещали чжурчжэням «перенимать одежду жителей Юга».

Видя в пропаганде буддизма среди чжурчжэней скрытую китаизацию, цзиньские императоры в указах и личным примером превозносили традиционные обряды поклонения Небу, духам предков (1183 г.), критиковали учение буддистов и даосов, подчеркивая благотворную общественную практику государственной власти в противовес иллюзорным обещаниям проповедников этих учений (1186 г.), ограничивали строительство буддийских и даосских храмов (1174, 1178 гг.) и запрещали частное посвящение в сан.

С 70-х годов XII в. чжурчжэней понуждали изучать чжурчжэньский язык и письменность, для чего расширили сеть государственных учебных заведений. Начиная с 60-х годов XII в. в течение десятилетия на чжурчжэньский язык переводились произведения китайских классиков. С 1186 г. право наследования постов руководителей мэнъань и моукэ связывалось со знанием чжурчжэньской письменности и переведенных классиков. Правительство декретировало употребление чжурчжэньского языка как государственного в судах и в присутственных местах, при дворе и в армии, на экзаменах и в училищах, заставляло изучать этот язык даже китайцев на цзиньской службе, понимая, что «без письменности нет традиции» [ХИИЮ, предисловие]. Хотя Ши-цзун еще в 1173 г. заявил, что в Шанцзине нравы тоже испортились, в этом районе лучше, чем в других, сохранились патриархальные нравы. И в этом же году он снова стал столицей. Для ознакомления с «истинно чжурчжэньскими» нравами туда послали внука Ши-цзуна. Впоследствии в Шанцзин переселяли на перевоспитание окитаившихся чжурчжэней. Задумав превратить этот город в оплот чжурчжэньской старины, Ши-цзун в 1184—1185 гг. совершил туда торжественную поездку. Когда в 1185 г. Мадагэ, будущий Чжан-цзун, заговорил с Ши-цзуном (своим дедом) по-чжурчжэньски, Ши-цзун понял, что его дело в надежных руках. Чжан-цзун наказывал придворных даже за несоблюдение чжурчжэньского приветствия.

В охранительной политике Ши-цзуна прослеживаются позитивные, реформаторские идеи принятия китайского наследства. Их смысл, выражаясь нашей терминологией, заключается в том, что основой творческого заимствования является известное соответствие уровней общественного и культурного развития сторон — положение, сформулированное в XVIII в. А. Фергюсоном: «Когда нации действительно делают заимствования у своих соседей, они, возможно, заимствуют лишь то, что сами почти что были в состоянии изобрести. Поэтому характерная сторона жизни какой-либо страны редко переносится в другую страну до тех пор, пока почва для этого не будет подготовлена наличием сходных условий» (цит. по [Артановский, 1967, с. 91—92]). Ши-цзун принимал китайскую литературу и этику не как простой образец китайской культуры, а как выражение таких патриархальных (и в том числе чжурчжэньских) традиций, которые он хотел укрепить среди своего народа. Смысл его разбора деяний ханьского Гуан-у-ди и танского Тай-цзуна не в традиционном «воздержании от ошибок», а в уверенности в возможности превзойти этих идеализированных китайских государей, объединив «просвещение» с «военным искусством» и обеспечив сосуществование этих народностей [Яо Цунъу, 1959, с. 164—166]. Культурная политика цзиньцев вдохновлялась укрепившимся осознанием своей этнической и культурной самоценности. Это осознание материализовалось в указе 1191 г., запрещавшем именовать чжурчжэней в официальных документах «варварами» или «фанями» [Franke, 1978 (I), с. 15].

К оценке эффективности национально-охранительной политики чжурчжэней следует подходить осторожно. Часто ее называют неэффективной: одни — потому, что она не смогла предупредить крах империи, другие — потому, что она не предотвратила аккультурации или ассимиляции. Но крах государства был вызван совсем иными причинами, чем те, против которых была нацелена эта политика (хотя в полемических высказываниях цзиньских деятелей эти цели отождествлялись). Положение с аккультурацией более сложное, во всяком случае, до ассимиляции было еще далеко к моменту гибели Цзинь. Надо учесть, что осознание необходимости такой политики вытекало из итогов культурного обмена между чжурчжэнями и китайцами. Несоразмерность культурной и этнической массы соперников неизбежно приводила к тому, что даже мелкие заимствования сказывались на чжурчжэнях больше, чем крупные на китайцах, несмотря на принудительное привнесение некоторых элементов чжурчжэньской культуры в китайскую среду. Толчком к активизации национально-охранительной политики послужил крах надежд на покорение всего Китая в 1161 г. и на разрешение проблемы военно-политическими средствами. Напротив, ситуация могла стать оружием в руках Южных Сунов. Эта политика в создавшихся условиях была неизбежной и бесспорно эффективной, поскольку привела к результатам, выгодным чжурчжэням. Разумеется, эти результаты для нас выглядят ограниченными, временными, но достигнуты они были в той сфере, где полных и постоянных результатов, полученных средствами этой сферы, не бывает.

Культурная политика Цзинь по отношению к Южной Сун неотделима от политического противостояния этих двух государств. Даже китайское прошлое чжурчжэни стремились пересмотреть в собственных интересах: реконструируя кумирню Гуан-у-мяо в честь позднеханьского императора Гуан-у-ди (25—57), нарисовали на стенах 28 генералов в одеждах... с левым запáхом [ШЦЛ]. Отзвук этого противостояния виден в отношении цзиньского правительства к трем учениям. В Южной Сун безраздельно господствовало неоконфуцианство, буддизм едва терпели, а даосизм испытывал расцвет. В Цзинь хотя и одобряли конфуцианство, но старое, и в государственной идеологии это учение занимало место наравне с идеей чжурчжэнецентризма; к буддизму относились вполне терпимо и не преследовали даосов [Ногами, 1953, с. 203, 218]. Однако существовала еще одна сфера, чисто китайская, в которой чжурчжэни дали бой Южной Сун,— это натурфилософия. Еще Хай-лин-ван использовал конфуцианское положение о законности любой войны (а значит, и цзиньской против Южной Сун в 1161 г.), если она ведется с целью объединения Китая. В биографии Ли Туна прямо сказано: «Тот, кто вновь объединит Китай, обеспечит [династии] законность» [ЦШ, цз. 129, с. 798—800]. На рубеже XII и XIII вв. вновь разгорелась дискуссия о том, какую из пяти стихий выбирает династия Цзинь своим покровителем [ДЦДЮТШ]. До сего времени таким покровителем считалась стихия металла (или золота — цзинь), но теперь претензии чжурчжэней возросли и была избрана стихия

Земли (как у победоносной династии Тан). Чжао Бинвэнь сразу же сделал из этого выбора прямой политический вывод: «Достоинство [стихии] Земли было расширено, поскольку Центральная равнина объединена» [ФШВЦ, цз. 10; цит. по: Tao Jing-shen, 1976, с. 88].

Переходя к суммарной оценке результатов культурных взаимоотношений, только что подробно рассмотренных нами в синхронном срезе, необходимо напомнить, что ни одна культура с точки зрения ее национального своеобразия не является для другой нормой [Артановский, 1967, с. 45].

5. Культурные процессы

Процессы, по которым развиваются и контактируются культуры и этносы, хотя и сложные, но вполне определенные [Козлов, 1968; Barnett, 1953; Problems..., 1964, с. 189—194]. Этническими процессами следует считать процессы, в конечном счете приводящие к изменению этнической принадлежности людей. Эти процессы протекают в двух направлениях: этническое разделение и этническое объединение. В первобытнообщинный период выделялся процесс этнического разделения: след такого разделения сохранился в мифе о едином предке (например, чжурчжэньском) — при реальном наличии многих наречий. Рычагом разделения оказывается территориальное размежевание общностей, кровнородственный принцип формирования коллектива. В раннеклассовых формациях миграция становится основой этноразделяющих процессов, вызываясь нехваткой средств существования, стремлением к захватам. Процесс разделения в этих условиях сочетался с объединением [Алексеев, Бромлей, 1968]. Возникшее государство тоже поддерживало этническое разделение, формирование границ вело к отмежеванию сородичей, оказавшихся на территории другого государства. Переселения внутри государства не вели к разделению на новые общности. Процесс этнического объединения развернулся с конца первобытности и выразился в консолидации союзов племен с общим этнонимом (скифы, чжурчжэни). Этому способствовали усиление межплеменных контактов и нарушение территориальной целостности родов.

Выделяют три типа объединительных процессов: консолидация, ассимиляция, интеграция. Консолидация — слияние нескольких самостоятельных, но родственных по языку и культуре народностей в один народ (например, в чжурчжэньский в X—XI вв.). Ассимиляция — взаимодействие разных, обычно неродственных народов со своим происхождением, языком, самосознанием, кончающееся растворением одной культуры и этноса в других. Интеграция — это взаимодействие различных по своим языковым и культурным признакам этносов, приводящее к появлению у них некоторых общих черт и этнополитических общностей [Бромлей, 1973, с. 157—158]. В консолидации участвует весь народ, в ассимиляции — его часть. Естественная ассимиляция — следствие контакта; она обусловлена в основе своей социально-экономическим развитием, а конкретно —

разностью в культурном и этническом уровнях. Насильственная ассимиляция — политическое мероприятие. Важными этапами ассимиляции являются: экономико-социальная абсорбция, культурно-бытовая адаптация, натурализация, двуязычие, языковая ассимиляция, культурно-бытовая ассимиляция, этническая трансформация, отражающаяся в перемене этнического самосознания. Важнейшим этапом является языковая ассимиляция, другие этапы могут выпадать, а новые — появляться [Козлов, 1973, с. 9—10; ср.: Eidheim, 1970, с. 55; Glaser, 1958, с. 33—35].

Хотя сущностью понятия «обмен культурными ценностями» является взаимное обогащение культуры, степень обогащения того или иного участника обмена небезразлична для итоговой оценки результатов культурной жизни этноса. Причем здесь мы имеем в виду культурные последствия контактов, не сопровождающиеся нарушением этнической целостности партнеров и не затрагивающие существенным образом этнодифференцирующие стороны культуры. Такие последствия носят название аккультурации — изменений в культуре, которые вызваны соприкосновением двух или более автономных культурных систем [Acculturation..., 1954; Memorandum..., 1936; Murphy, 1964, с. 853—854]. На практике в понятие аккультурации привносят оттенок «окультуривания» — изменения облика культуры в целом под воздействием какой-то другой культуры. Китай наряду с некоторыми другими регионами иногда рассматривается как субойкумена, в основе которой лежат известный уровень культуры и самостоятельная религиозно-философская традиция. Поскольку в Китае они признавались ценностями более важными, чем этнические, это делало их «открытыми» для восприятия чужими этносами [Померанц, 1972]. Роль географической среды при этом оставалась неопределенной, но значительной. Во всяком случае, за пределами Китайской равнины китайцы не столько ассимилировали, сколько ассимилировались сами [Shibutani, Kwan, 1955, с. 146] [2].

Наше рассмотрение мы начнем с выяснения итогов этнокультурных процессов. При этом напомним, что сущность понятия «этнос» выражается самоорганизующейся системой признаков-общностей: язык, территория, особенности быта и культуры, происхождение, самосознание. Поскольку в самой империи мелкие тунгусские племена и чжурчжэни составляли около 10% населения, бохайцы — около 1, кидани — около 2, китайцы — около 87%, итоговые результаты чжурчжэньских этнических и культурных контактов зависели от наиболее мощного партнера — от китайцев. Однако, по-видимому, в интересующее нас время этнический состав и этнодифференцирующий слой культуры китайцев отнюдь не отличались той монолитностью, которой действительно обладали другие области культуры, особенно высшая духовная культура. Если вспомнить набор этнических признаков, то китайцы из различных районов говорили на непонятных друг другу наречиях, эти районы считали своей этни-

[2] Интересно, что именно контакты китайцев с местными элементами Херсковиц считал в 30-х годах важнейшей темой будущих этнографических исследований [Herskovits, 1938, с. 123].

ческой вотчиной, регионально заметно отличались по аксессуарам бытовой культуры, зачастую в преданиях сообщали про двойное происхождение (общекитайское и местное), широко использовали самоназвания по местности. Это, разумеется, сказывалось на контактах.

Поскольку язык, несомненно, один из важнейших культурных и этнических признаков (это все признают), целесообразно начать с него рассмотрение итогов связей, в которых участвовали чжурчжэни. Некоторые авторы категорически утверждают, что со второй половины XII в. большинство чжурчжэней не говорили по-чжурчжэньски, поэтому-де Ши-цзун и понуждал их к изучению родного языка [Хуа Шань, 1957, с. 9]. В подтверждение этой мысли приводится обычно один пример: негодование Ши-цзуна по поводу злоупотребления китайским языком в среде его телохранителей. Мы уже разбирали этот казус (см. гл. 2, разд. 9). Это могли быть иноземные воины или члены знатных родов чжурчжэней, привыкшие к китайскому языку при дворе, и т. п. Но даже если этот казус принять в трактовке сторонников полной языковой ассимиляции чжурчжэней, он никак не может характеризовать положение в целом. До 40-х годов XII в., когда началось переселение в Китай, чжурчжэни пользовались родным языком — это признают все. Но могли ли рядовые чжурчжэни за одно-два поколения забыть родной язык, если они жили в Китае национальными поселками мэнъань и моукэ? Это выглядит невероятным при любом китайском окружении, при любом количестве китайской прислуги или наложниц. В этих условиях могла зародиться лишь тенденция к двуязычию. Чжурчжэньский язык был языком государственным, на нем вели дела в присутственных местах, в суде, в воинских отрядах, его преподавали чжурчжэням в школах. Существуют и более позитивные факты широкого распространения чжурчжэньского языка. Чжурчжэньским военачальникам и вельможам ставили памятные стелы с длинными надписями на чжурчжэньском языке (см. гл. 2, разд. 10). Эти стелы, разумеется, были рассчитаны на грамотных людей, знающих чжурчжэньский язык. Изучение словарного состава чжурчжэньского языка подтвердило, что до конца Цзинь этот язык просуществовал как живой, причем он воспринял лишь минимальную административную, придворную, отчасти культурную лексику, сохранив в неприкосновенности глагольный фонд и грамматический строй [Воробьев, 1968 (V)]. Требования правительства изучать родной язык и письменность служат свидетельством борьбы за самобытность, против увлеченности китайским языком, так как «не знать своего наречия и письма — значит забыть свою родину» [ЦШ, цз. 6; цит. по: Розов, с. 203]. Наследовавшие звания мэнъань и моукэ должны были знать одну из трех письменностей, а с 1186 г.— непременно чжурчжэньскую. Таким образом, чжурчжэньский язык в процессе межъязыковых контактов выдержал испытание на стойкость. Допущение китайского языка как второго, международного, косвенно способствовало сохранению чжурчжэньского, избавленного от чересчур обильного потока китаизмов.

В ряде случаев в качестве некоего постулата ассимиляции выдвигается факт массового переселения чжурчжэней в Китай в гущу численно подавляющего китайского населения [Тоё тюсэй си, т. III, 1939, с. 463]. И действительно, говоря о чжурчжэньских поселках, источник пишет: «к югу от Янь[цзина] и к северу от [реки] Хуай [хэ] — повсюду были они» [СЧБМХБ, цз. 138, л. 9а]. Конечно, переселение в таких демографических условиях предрасполагает к ассимиляции, но если рассматривать конкретный случай, то полезно напомнить, что чжурчжэни прибыли в Китай, уже сложившись как этнос, вплоть до монгольского нашествия они поддерживали тесные связи с оставшимися в Маньчжурии, жили в Китае своими поселками — все это сильно ослабило действие фактора переселения.

С этим фактором связан признак единства происхождения, понимаемый как в генетическом смысле, так и в значении дальнейшей трансформации чжурчжэньской народности. Яо Цунъу, в частности, именно в этих двух вариациях единого признака, да еще в только что рассмотренном факторе частичной утраты этнической территории видит причины «быстрого сближения с китайской культурой» и, как он пишет в другом месте, китаизации. Согласно его формулировке, смешанные браки, изменение местожительства и относительное родство по крови (в указанной последовательности) как раз и содействовали китаизации чжурчжэней [Яо Цунъу, 1953, с. 33]. Относительное родство по крови ограничивается рамками большой (монголоидной) расы; малые расы уже разные (чжурчжэни относятся к тунгусам — североазиатской малой расе, китайцы — к дальневосточной). Смешанные браки, конечно, имеют непосредственное отношение к трансформации происхождения вплоть до потери его единства, если они достаточно часты. В гл. 2 (разд. 6 и др.) мы подробно рассказывали о цзиньской политике в вопросах брака. Вначале браки между чжурчжэнями, с одной стороны, и с бохайками, китаянками или киданянками — с другой, прямо не возбранялись, а внебрачные связи даже разрешались. В хрониках сохранились неоднократные упоминания о массовом превращении китаянок в наложниц: в 1122 г. — 2—3 тыс., в 1148 г. — 4 тыс., в 1205 г. — 300 китаянок [Сун Вэньбин, 1934, с. 5]. Потом пришли к выводу, что браки чжурчжэней с китаянками и киданянками способствуют упрочению связей победителей с населением и умиротворению побежденных, поэтому с 1191 г. их разрешали. Среди 38 императорских наложниц, чья родословная известна (и без жен), насчитывается 11 китаянок, 2 бохайки, 6 киданянок [Яо Цунъу, 1953, с. 33]. Но в этом отношении императорские гаремы не типичны, так как повсюду в мире они комплектовались по особым правилам. Чем дальше чжурчжэньские семьи отстояли от императорской в социальном отношении, тем заметнее менялась брачная ситуация. Высшая знать, по-видимому, вступала в брачные связи с китайскими аристократическими фамилиями довольно часто и охотно, служилые люди среднего и низшего рангов, очевидно, реже. Кроме того, далеко не все иноплеменные девушки, взятые в чжурчжэньские семьи, становились полноправными (первыми) женами.

Но по семейному праву только дети от первой жены обладали всеми правами; детям побочных жен и наложниц такие права могли быть дарованы лишь в случае бездетности главной жены или отсутствия у нее мужского потомства. За этим следили строго, так как право наследования должностей, хозяйства, обязанность отбывания военной службы требовали установления правоспособности претендента. Не случайно член мэнъань или моукэ должен был представить невесту старикам поселка и получить их согласие на брак. Семейные нравы были в этом вопросе строгие: сам Хай-лин-ван считался (и назывался впоследствии в «Цзинь ши») незаконнорожденным внуком Агуды, потому что его отец родился не от старшей жены последнего. Разумеется, эти правовые и социальные соображения сами по себе не устраняли метисации, но они обеспечивали относительную устойчивость этнического контингента чжурчжэней как социально-юридической общности. Косвенным подтверждением этого вывода может служить полное отсутствие запрещений смешанных браков, даже в моменты расцвета национально-охранительной политики; напротив, на эти моменты и приходятся указы, поощряющие такие браки. В то же время такие указы постоянно запрещали самовольное принятие китайских имен и фамилий, которое некоторыми исследователями нашего времени признается почти бесспорным свидетельством ассимиляции. Так, например, у Тао Цунъи в источнике, составленном в 1366 г., среди родовых фамилий чжурчжэней, существовавших в конце Цзинь — начале Юань, встречается 31 китайская фамилия [Mikami, 1973, с. 255]. Но при этом полезно вспомнить о том, что часть китайских фамилий принята чжурчжэнями не позже 1119 г. и что во всех случаях основная чжурчжэньская фамилия сохранялась (см. биографии знаменитых деятелей в «Цзинь ши»). Запрещая самовольное принятие китайских фамилий, правительство исходило из семейно-правовых соображений и придерживалось того взгляда, что пожалование подобных фамилий — прерогатива власти. Так, в 1215 г., после побед над Си Ся, Сун и Юань, некоторым военачальникам пожалованы даже знатнейшие чжурчжэньские фамилии. Имена, как и фамилии, отражают влияние китайских обычаев на чжурчжэньскую семью, но не больше. В очень знатных семьях иногда мальчику давали второе китайское имя. Например, все сыновья Тай-цзу получили имена, первый иероглиф в которых оказался «Цзун», сыновья Ши-цзуна — имена, начинающиеся с иероглифа «Юнь».

Говоря об особенностях быта и культуры, необходимо не выпускать из виду, что здесь речь идет не о любой культуре, а о так называемых этнодифференцирующих признаках культуры. Однако не существует готового набора признаков, годного для сравнения культурных систем разных этносов. Установлено, что большинство этнодифференцирующих признаков относится к сфере традиционно-бытовой культуры (язык, религия, обычаи, народное творчество, одежда, жилище и т. п.). Но и в рамках традиционно-бытовой культуры этнодифференцирующую нагрузку в конкретном этносе несут на практике только черты, отличающие данный этнос от эт-

носа — партнера в постоянных контактах [Бромлей, 1973, с. 30—31, 65, 72—73].

К сожалению, в литературе эта важнейшая тема разработана слабо. Если не считать общих рассуждений по поводу китаизации чжурчжэньской культуры [Tao Jing-shen, 1976, с. 114], дело ограничивается передачей жалоб цзиньских императоров на упадок нравов и засилье всего китайского. Бóльшая часть таких жалоб связана с именем Ши-цзуна. Он жалуется на утрату «чистых чжурчжэньских обычаев» и сыновнего послушания, на увлечение жителей Яньцзина китайской музыкой и празднествами, китайскими развлечениями, игрой в шашки, в шахматы, в кости, на привычку императора Си-цзуна носить платье китайского начетчика, играть в шахматы, в результате чего тот якобы «потерял чжурчжэньский облик» [СЧБМХБ, цз. 166; цит. по: Сун Вэньбин, 1934, с. 3, 12], на повышенный интерес чжурчжэньских вельмож к китайским стихам, книгам и приветствиям [Яо Цунъу, 1953, с. 130], на безудержное подражание китайским обычаям, в котором повинен Хай-линван, и т. д. [Яо Цунъу, 1959, с. 132]. Известны жалобы на китаизацию чжурчжэньского быта. Странно было бы отвергать факт проникновения китайских обычаев в чжурчжэньский быт (равно как и обратной тенденции), но многие из этих обычаев уже в то время потеряли чисто китайскую окраску, превратившись в обычаи дальневосточные. К таковым относятся и музыка, и игра в шахматы или кости, и празднества, и платье начетчика, и даже не включенные в эти жалобы традиционные на Дальнем Востоке праздники, строго привязанные к определенным дням лунного календаря, гадания о счастливом дне или месте. Можно поверить, что эти нововведения раздражали чжурчжэньских правителей, так как прежде всего бросались в глаза, но в чжурчжэньскую культуру проникли гораздо более существенные иноземные новшества, которые тем не менее не разрушили ее. Значительные слои населения, особенно чжурчжэньская знать, стали исповедовать буддизм, сочетая новые обряды со старыми верованиями. Но буддизм не находил государственной поддержки и в то время стал общей религией для Дальнего Востока, Центральной Азии, отчасти еще для Индии и повсюду сосуществовал с местными верованиями. Другая, пожалуй самая мощная, струя влияния связана с литературой и искусством. Классическая и конфуцианская литература Китая, тоже к тому времени ставшая интернациональной на Дальнем Востоке, китайские художественные произведения имели широкое хождение в Цзинь и у собственно чжурчжэней. Оригинальные литературные произведения, насколько можно судить, чаще создавались на китайском языке, как это бывало и в соседних странах. В произведениях изобразительного искусства, хотя и выдержанных в общем для того времени стиле, все же можно подметить местные черты.

Сетуя на заметное китайское влияние (а оно — факт бесспорный), современники все же точно отделяли чжурчжэней от китайцев, демонстрируя сохранность у тех и у других этнического самосознания. В 1177 г. Ши-цзун обсуждал со своим приближенным

Танко Аньли вопрос о положении чжурчжэньских мэнъань в Шаньдуне. В беседе Танко Аньли заявил: «„Люди мэнъань и моукэ и китайские дворы — все теперь одна семья: те пашут, эти сеют. Все [они] люди государства...“[3]. Император сказал Танко Аньли: „Ты обучен китайской письменности, читаешь стихи и прозу. Пока оставим это и поговорим о правилах нашей династии. Прежде вельможи все приветствовали по-чжурчжэньски. Ты же приветствуешь по-китайски, не так ли? Так называемая „одна семья“ — это одно племя. Чжурчжэни и китайцы, в сущности, два племени. Когда я взошел на трон в Восточной столице, ни кидани, ни китайцы — никто не пришел, только чжурчжэни сопровождали [меня]. Можно ли [всех] считать одним племенем? Я ночью подумал: дабы труды и заслуги императора Тай-цзу не затерялись, передались и распространились навечно, достаток чжурчжэней не должен прийти в упадок. Знайте это, вельможи!“ После этого он приказал обсудить в Государственном совете вопрос о бедных мэнъань и сказал министру: „Во времена Хай-лина к киданям питали особое доверие, но в конце концов они восстали. Ведающие табунами и надзирающие за конями...— все затаили зло. Причем после того, как стали заслуженными государственными деятелями. В бытность их на службе никогда мы не вызывали у киданей озлобления. Их варварское сердце достаточно видно [в этом]“. Танко Аньли ответил: „Мудрый человек повсюду любит Поднебесную. Конфуций проповедовал всем странам. Негоже делать различие“. Император сказал: „Я не делаю различия, но хорошее — хорошо, а плохое — плохо, поэтому этим и надо руководствоваться. В некие времена ведь были пограничные раздоры? Разве кидани хотели иметь с нами одно сердце?“» [ЦШ, цз. 88, с. 557]. Хотя в этом отрывке речь идет о государственной национальной политике Цзинь, причем Танко Аньли отстаивает ортодоксальный и прямолинейный подход — игнорирование этнических различий, Ши-цзун наглядно демонстрирует ему существование этих различий, проявляющихся в политической и общественной жизни и, по его мнению, неистребимых. Оценку результатов этой политики мы давали раньше. Характер же этнических связей между чжурчжэнями и китайцами приближался по своему типу скорее к интеграции. Принадлежность двух этносов к довольно различным по этнической и культурной характеристике группам, их сосуществование в едином этнополитическом объединении — империи Цзинь — все это факты неоспоримые. Столь же бесспорно взаимопроникновение этнических элементов этносов-соперников. Чем кончился бы этот процесс, если бы этническая история чжурчжэней не подверглась суровым военным испытаниям, мы не знаем. К моменту наступления этого испытания до полной ассимиляции было еще далеко, хотя некоторые ее признаки стали заметны: верхушка чжурчжэней и, возможно, средние слои на Китайской равнине частично стали двуязычны, восприняли некоторые этнические формы китай-

[3] Это выражение было распространенным. Еще в 1067 г. оно прозвучало в беседе с киданьским послом: «Издревле Юг и Север — одна семья» [ШЛЮЛ, л. 3а].

ской культуры. Чжурчжэни к северу от Великой китайской стены вряд ли испытали даже минимальную ассимиляцию.

В поддержку идеи китаизации иногда указывают на то, что сам ревнитель древних обычаев чжурчжэней — Ши-цзун в своей государственной деятельности требовал неукоснительного соблюдения китайских норм поведения, усвоения законов управления, устранения клерикализма и суеверий из государственной практики, соблюдения законности и справедливости, проникновения в сущность конфуцианства, строгого распорядка жизни чиновника, деятельности на благо народа, изыскания народных талантов, наставляющего общения между императором и вельможами и т. д. [Яо Цунъу, 1959, с. 134—139]. Последние требования государя в значительной степени характерны для монарха любой страны. Их китайско-конфуцианская оболочка бесспорна, но, во-первых, эти нормы в то время сделались общепринятыми на всем Дальнем Востоке, а во-вторых, обращены эти требования были к чиновникам, в большинстве своем китайцам. Указанные явления могут быть отнесены к категории культуры, если принять расширенное определение культуры. Но даже в этом случае такие категории, как административное устройство, финансы, торговля, монетное дело, право, по своему характеру являются максимально интернациональными и несут минимальную специфическую культурную нагрузку. Конечно, для культуры какого-либо этноса не совсем безразлично, чьи правительственные учреждения, законы, системы налогов и повинностей берет за образец государство — организатор данного этноса, особенно если все они одного источника. Но в это время многие из них уже носили общедальневосточный характер; и все они затрагивали сферы жизни, не имеющие решающего значения для культурного облика народа. Так же точно близость форм парламентских правительств, юридических кодексов, военной и финансовой организаций, христианских вероисповеданий, а также относительная общность того или иного типа европейского костюма, жилища или литературы не привели к ликвидации культурного своеобразия ни у одного из самых мелких народов Европы на протяжении последних столетий.

Процессы ассимиляции и аккультурации, возникшие в ходе культурных и этнических контактов, затронули и китайскую среду. Включения чжурчжэньского этнического элемента в китайский этнос оказались не только ощутимыми, но и неожиданно стойкими. В некоторых источниках попадаются намеки на ослабление этнического самосознания у китайского населения северных областей, в течение ряда веков подвергавшегося культурному и этническому давлению извне, еще во времена династии Цзинь. Обсуждая кандидатуру вельможи на должность, Ши-цзун заметил в 1183 г.: «Таких, чтобы исстари были преданны, среди яньцев (жителей округов Яньцзина, т. е. Пекина.— *М. В.*) мало. Приходит ляоское войско — идут за Ляо. Приходят суны — идут за Сун. Пришла наша династия — идут за ней. Их обычай — слепо следовать тому, что складывается само собой. Даже те, кто многократно прошел через коловращения и никогда не претерпел урона, поступают так...» [ЦШ,

цз. 8, с. 66]. Эта стойкость былых этнических включений сохраняется и сейчас: «Значительные группы древних тюрков и предков монголов и маньчжуров (что известно по китайским историческим источникам) разновременно и различными путями влились в китайский народ, образовав в составе северных китайцев этнографические группы, связанные с территориями провинций Шаньси, Хэбэй и Шаньдун, что подтверждают типичная для этих провинций материальная культура и этнолингвистические данные» [Стариков, 1973, с. 31].

Если Ши-цзуна тревожило разлагающее действие китайской среды на чжурчжэней, то китайского писателя Фань Чэнда беспокоило нечто противоположное. По его личным наблюдениям, китайский народ в Цзинь уже давно привыкает к хуским нравам, и его привычки и манеры стали совсем хускими, т. е. чжурчжэньскими. Те, которые сильнее всего затронуты хускими обычаями, носят одежду хуского покроя, изготовленную хусцами. В столице чжурчжэнизация заметна сильнее всего. Только женские одежды не слишком переменились. Мало кто носит шляпу, но многие завязывают волосы в чжурчжэньский узел [ЛПЛ]. Влияние чжурчжэньского языка ощущалось в Южной Сун. «Сун ши» сообщает о том, что в 1163 г. одежда и язык простонародья Пинъяна смешанные, нечистые (цит. по [Liu Ming-shu, 1946, с. 94—95]). Можно согласиться с утверждением, что «аккумуляции китайцами элементов материальной культуры соседних народов способствовали завоевания китайских земель централизованными некитайскими монархиями... включавшими в свой состав бóльшую или меньшую часть собственно Китая». Среди этих элементов, принадлежащих к «когурёбохайско-чжурчжэне-маньчжурской традиции», указанный исследователь выделяет «традиции, связанные с использованием определенных видов орудий обработки земли, охоты, рыболовства и женьшеневого промысла, отапливаемые лежанки и колыбели» [Стариков, 1973, с. 31, 37].

В процессе взаимопроникновения двух основных типов культур, вероятно, китайская сторона могла рассчитывать на перевес, не приводящий, однако, к коренному изменению культуры чжурчжэньской. Для цзиньской культурной среды характерны не аккультурация и ассимиляция, а выборочное усвоение ряда новшеств и стойкое сохранение самобытности и изолированности основных культурных и этнических элементов. Большинство признаков, ошибочно принимаемых за проявление аккультурации, относятся к области естественного обогащения культуры в ходе контакта, прежде всего элементами политической, правовой, военной, финансовой, религиозной жизни. Охватывая культурную ситуацию в империи Цзинь в целом, и прежде всего ее ядро — «чжурчжэни — китайцы», правильнее было бы говорить об известном культурном симбиозе или даже синтезе в Цзинь (ср. [Tao Jing-shen, 1976, с. 115; Tamura, 1971, с. 627—628]). «Но и тунгусский народ — чжурчжэни — тоже имел с монголами много общего, как и с китайцами. Хотя его верхушка была китаизирована, народ китаизирован не был. В многонациональном

северокитайском государстве чжурчжэни создали некую систему хозяйства, в которой скотоводство занимало важное место наряду с земледелием оседлых китайских крестьян. Из этого опыта, который их предшественники получили в Северном Китае, монголы извлекли урок, и этот урок оказал влияние на их политику» [Ratchnevsky, 1968, с. 127; ср.: Tamura, 1971, с. 628]. Чжурчжэньская культура и этнос, пожалуй, оказались наиболее стойкими и активными из всех тех, с которыми до тех пор тесно и в течение веков контактировались китайцы. Во всяком случае, впервые в Восточной Азии именно чжурчжэни выработали настоящую политику противостояния аккультурации и ассимиляции. Два последних процесса правильно, хотя и не всегда логично, расценивались ими как ступень к утрате политической власти.

6. Культурная самобытность чжурчжэней

Теперь мы обратимся к характеристике сущностных ценностей культуры Цзинь, выражаемых термином «самобытность», который охватывает и творческую переработку как унаследованного в порядке преемственности, так и заимствованного и тоже усвоенного в ходе культурных контактов с соседями. Самобытность — своеобразие культуры, самостоятельность ее развития без широкого заимствования элементов, меняющих сущностный характер культуры,— есть один из возможных результатов культурной деятельности (ср. [Spicer, 1971, с. 799—800]). На догосударственной стадии развития чжурчжэни прочно базировались на традиционно-местных приемах хозяйства, и прежде всего земледелия, скотоводства, горного дела, использования местных редкостей. Земледельческие навыки чжурчжэней, а впоследствии маньчжуров на их прародине имели общие тунгусо-маньчжурские, но не китайские корни. Это подтверждается использованием в Маньчжурии до наших дней железных земледельческих орудий чжурчжэньского типа — сапок, сошников, отвалов. Железные сошники чжурчжэней вообще не имеют аналогий в евразийском мире. Эта местная чжурчжэньская специфика выражена и в орудиях охоты, рыбной ловли [Стариков, 1973, с. 6, 26—27, 36, 37]. Золото и разные редкости сами китайские летописцы называют местными, т. е. чжурчжэньскими, продуктами. Чжурчжэньские поселения той эпохи: городища, городки с тыном, поселки — разительно отличались от китайских деревень. А такие их формы жилища, как нагэли, и такие устройства, как кан, сами китайцы считали местной достопримечательностью. Некоторые черты, отличающие чжурчжэней от китайцев, выделяют китайские источники, упоминая про косы, левый запах одежды, обилие меховых шуб, необычный для китайцев характер пищи, свободу выбора жениха и невесты при заключении брака по инициативе молодых, в частности свободу выбора жениха невестой, обычай похищения невесты с ее согласия женихом, левират, существование десяти знатных родов, заключавших браки лишь между собой да с «царским» родом ваньянь, манки для оленей, стрельбу с коня,

стрельбу в иву, обряд сожжения пищи и поранения лица как часть погребальной церемонии, коллективные народные празднества и скачки, игру в мяч, использование кана в качестве стола и постели, шаманство, включая и камлание, танец с зеркалами, моление в честь Неба, культ коня. Эти наблюдения, охватывающие сферу одежды и украшений, пищи и посуды, семьи и брака, нравов и обычаев, религии и культа, отличаются у китайских авторов особенной красочностью описания благодаря наглядности и необычности их проявления и, в сущности, покрывают признаки чжурчжэньской самобытности в этих сферах культуры. Эти же источники отмечают несходство чжурчжэньского языка с киданьским и уж подавно с китайским. В лексике древнечжурчжэньского языка почти не обнаруживается киданьских слов.

Характерно, что сама направленность китаеязычных, сунских и юаньских, источников подводит читателя к неизбежному выводу о коренном отличии раннечжурчжэньской культуры от китайской, а также от киданьской и корейской. Несмотря на идеологическую и политическую окраску таких описаний, стремящихся оттенить «варварство» чжурчжэней, принципиальную несводимость их культуры к китайской культуре, даже к культуре соседей, тоже «варваров» в прошлом, но познавших «свет» китайской цивилизации, окраску ложную и тенденциозную, фактическая характеристика этой культуры лишь подчеркивает ее самобытность.

Выяснение и оценка места своего, традиционного и развитого, в чжурчжэньской или цзиньской культуре на стадии государственной — задачи неизмеримо более трудные. Отмеченные выше достижения чжурчжэней в сфере производства не потеряли своих достоинств и на новом этапе. Однако они утратили свой всеобщий характер. В самом Китае они оказались потеснены китайской техникой производства и сохранили наибольшее влияние в чисто чжурчжэньском хозяйстве и в тех сферах государственного и общественного сектора, где цзиньское правительство решило их сохранить (в качестве примера можно привести пастбищное скотоводство). Восприятие этих достижений китайской средой было сугубо выборочным. На прародине чжурчжэней эти достижения в большей степени сохранили всеобщий характер. Даже такие отрасли производства, как литейное, кузнечное, керамическое, о которых мы получили археологические данные применительно к XII в., обладали оснащением (печами и горнами) не только самобытным, но и восходящим в своих местных истоках по крайней мере к VII—X вв. В эпоху Цзинь расцвели добыча в Маньчжурии строительного камня и леса, поделочного ценного камня, а также грандиозное строительство оборонительных сооружений вдоль всей западной и северо-западной границы Цзинь, неизвестное ранее. Несмотря на видимое отсутствие навыков в прошлом, в своем государстве цзиньцы развернули бурное градостроительство. В самом Китае оно потерялось в массе городов, существовавших и построенных китайцами после Цзинь, но на их прародине оно выделяется отчетливо. Исследование древности г. Уссурийска, Краснояровское, Шайгинское и тому по-

добные городища в сущности, настоящие города со сложным городским хозяйством. Именно чжурчжэни вслед за бохайцами и киданями развили и упрочили систему пяти столиц. Даже те городища на их прародине, которые служили в основном крепостями, в фортификационном отношении — местное явление. Не случайно автор, воочию видевший многие уцелевшие маньчжурские города-городища, отмечает, что «империю чжурчжэней можно по праву назвать страной городов» [Стариков, 1973, с. 10]. На территории Маньчжурии, Приморья сохранилось немало типично чжурчжэньских наземных глинобитных жилищ с канами, раскиданных по специально подготовленным площадкам на естественных террасах сопок. В самом Китае чжурчжэни строили жилища уже на равнинах, но обязательно с каном. В своей одежде чжурчжэни до конца сохраняли собственный специфичный стиль. И если, судя по барельефам и фрескам, цзиньская знать не полностью избежала влияния китайской моды, то она все же сохранила многие части самобытной одежды. Широкие слои чжурчжэньского населения и обитатели прародины куда более стойко следовали чжурчжэньскому покрою и набору предметов одежды. На цзиньском зеркале, обнаруженном на Шайгинском городище, чжурчжэни одеты целиком по-чжурчжэньски. На прародине они по-прежнему носили шубы, ватные куртки, кафтаны с левым запáхом, высокие сапоги, шапку-треух. Вплоть до войны 1126 г. пища, даже на императорских приемах в Шанцзине, была полностью чжурчжэньской. Перемены в рационе после 1126 г., в частности увеличение доли мучных, крупяных и овощных блюд, обязано своим появлением изменениям в хозяйстве (отказ от охоты и рыбной ловли, повсеместное огородничество). В противовес китайцам чжурчжэни отличались любовью к молочным продуктам и к вину. Повседневная столовая и кухонная керамическая утварь имела чисто чжурчжэньский характер, по крайней мере на чжурчжэньской прародине (гладкостенные серые сосуды с венчиком-улиткой).

Несмотря на известную тягу знатных чжурчжэней в Китае к сожительству и к бракам с китаянками, семейно-брачные отношения в чжурчжэньской среде продолжали отличаться национальными чертами. Все еще допускался свободный выбор жениха невестой, немыслимый в китайских семьях; поощрялся левират в чжурчжэньских семьях, поддержанный даже законом. В цзиньском обществе наблюдалась активность женщин в общественной жизни, чуждая китайской среде. Цзиньцы сознательно отстаивали целостность и правоспособность чжурчжэньских знатных семей, что и отразилось в запрещении самовольной смены чжурчжэньских фамилий на китайские. С полной определенностью можно утверждать, что в Цзинь до конца соблюдались все важные традиционные нравы и обычаи. Другое дело, что полнота их соблюдения, характер отбора, форма самих обычаев варьировались в разных местах и в разных социальных группах чжурчжэней. Эта вариабельность — следствие как культурных контактов, так и социальной и культурной трансформации самого цзиньского общества. Но здесь нам важно зафиксировать спра-

ведливость самого факта переживания этих обычаев (подробнее см. гл. 2, разд. 7). В качестве примера определенной изменчивости некоторых из них можно указать на неожиданно широкое распространение в чиновничьем обиходе обычая «подносить чарку», а также на ритуализацию прежде народных развлечений и игрищ: игры в мяч, стрельбы в иву, стрельбы с коня, облавы.

В религиозной жизни чжурчжэней шаманизм по-прежнему прочно удерживал свои позиции, в верхушке общества — как составная часть религиозного синкретизма, например, вместе с буддизмом. Подтверждением этого факта является, с одной стороны, существование соответствующего старого обряда погребения (в частности, погребение деревянной куклы-заместителя), а с другой — возникновение на китайской почве новой формы захоронения — в мавзолеях с барельефами и фресками.

Выделение чжурчжэньского языка в качестве самостоятельного в массе языков и наречий ареала на заре истории народа отмечено еще литературным источником, написанным сразу же после падения Цзинь [ДЦГЧ, цз. 39]. Это факт многозначительный, так как в раннем средневековье, «как только произошло разграничение на языковые группы... стало естественным, что эти группы послужили определенной основой образования государства» [Маркс и Энгельс. Соч., т. 21, с. 410]. В Цзиньской империи чжурчжэньский язык превратился в государственный; и это событие сыграло важнейшую роль в культурной жизни страны, пестрой по составу и китаеязычной по своему наиболее многочисленному этническому компоненту. Но в то же время сложная языковая и этническая среда в Цзинь представлялась потенциально невыгодной для чжурчжэньского языка и письменности. Ситуация разрешилась компромиссом: чжурчжэньские язык и письменность не заняли лидирующего положения в культурной жизни страны, но зато отстояли свою целостность. Словарный состав чжурчжэньского языка, разумеется, включил в себя известное число китаизмов, но все они относятся к сфере государственной жизни, к строительству, к системе мер и весов, к редкостям из сфер материальной и духовной культуры Китая. Бытовая лексика чжурчжэньского языка оказалась не затронутой чуждым влиянием. В неприкосновенности остался и грамматический строй языка.

Это самостоятельное положение чжурчжэньского языка и письменности определило характер их приложения в культурной жизни страны и косвенно укрепило чжурчжэньскую линию в языковых формах искусства, созданных даже на китайском языке. Чжурчжэни оставили чжурчжэнеязычные, китаеязычные и двуязычные памятники письменности. Особого упоминания заслуживают знаменитые цзиньские стелы-билингвы — символы синкретической чжурчжэне-китайской письменной культуры. Чжурчжэни очень рано — в 1130 г.— принялись за переиздание китайской классической и исторической литературы и достигли в этой области больших успехов. По неполным данным, в Цзинь было создано и опубликовано около 400 сочинений самого разнообразного содержания. Среди них

было не менее 15 чжурчжэнеязычных изданий — оригинальных и переводов на чжурчжэньский язык китайских классических и исторических сочинений. По примерным подсчетам, авторы-чжурчжэни занимали в общем авторском коллективе около 13%, что чуть выше доли чжурчжэней в населении империи (около 10%). Это соотношение отводит чжурчжэням почетное положение в писательской среде.

Цзиньские произведения художественной литературы, по словам китайского автора, испытали глубокое влияние местного (цзиньского) духа, привили суровые, чистые, северные мотивы [У Мэй, 1934, с. 27]. Пройдя через увлечение северосунскими, танскими и ляоскими художественными образцами, цзиньские писатели постепенно освобождались от традиционного китайского академизма и в поздний период Цзинь стали писать более оригинальные произведения в жанрах арий (цюй), народных песен (юэфу), пьес (юаньбэнь). Последний жанр, родившийся в конце Цзинь, ожидало большое будущее при Юань. Эта роль цзиньской литературы, совмещающая функции удовлетворения эстетических и культурных потребностей многонациональной империи, связи с традиционной китайской литературой прошлого, общения с литературным миром и китаеязычными читателями Дальнего Востока, отличается особой важностью, так как именно литература способна создать «постоянное взаимодействие между опытом прошлого... и опытом настоящего» [Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 104].

Несмотря на отсутствие у ранних чжурчжэней архитектуры как искусства, в Цзинь она выявила ряд черт отнюдь не китайских. В религиозных сооружениях в Маньчжурии возобладала свободная планировка храмового ансамбля. Для пагод Ляо и Цзинь сделались неотъемлемы высокие платформы и массивные цоколи (ляо-цзиньский стиль). Деревянные конструкции дворцовых сооружений усложнились, а система кронштейнов стала более свободной. Появились своеобразные шатровые павильоны, в начале Цзинь игравшие в Шанцзине роль императорского дворца, а в середине Цзинь — роль охотничьих домиков при сезонных облавах. Огромный каменный мост через р. Лугоухэ длиной почти 300 м на сотне с лишним устоях в виде львов, по словам члена посольства, «ни с чем нельзя сравнить» [ШЦЛ, л. 13б]. По свидетельству китайских послов, дворцовые постройки Цзинь «еще не изжили» многих чжурчжэньских элементов и приемов. Цзиньцы оценили силу непосредственного воздействия скульптуры на зрителя, результатом чего оказался расцвет этого жанра. Цзиньская скульптура свободной трактовкой фигур выгодно отличалась от китайской с ее застывшими формами. В цзиньских погребальных барельефах эта свободная трактовка обернулась относительным реализмом исполнения бытовых сцен, в то время как традиционная и мифологическая китайская тематика разрабатывалась в классическом, условном стиле. В немногих уцелевших живописных произведениях и в фресках можно подметить элементы независимого стиля. Художественная керамика с середины правления Цзинь обнаружила тяготение к лепному орна-

менту, к выдержанным композициям, довольно самостоятельным и независимым от китайских канонов.

В цзиньской науке практические интересы заметно преобладали над схоластикой, чрезмерная правительственная регламентация в науке была смягчена, шире привлекались к работе в науке представители некитайских народностей. Особенно заметные успехи при Цзинь сделали медицина и история.

Со второй половины правления Цзинь чжурчжэни ввели раздельное образование для чжурчжэней и китайцев в столичных институтах, которое велось на чжурчжэньском и китайском языках соответственно. Эта мера стала частью борьбы за грамотность чжурчжэней. Она дала ощутимые результаты: верхушка чжурчжэней в массе своей была грамотной. Победитель китайцев в кампании 1126 г. Чжаньмоха (Ваньянь Цзунхань) на вопрос о награде ответил: «Люблю только книги» [ЦШ, цз. 28, с. 195].

7. Этнос и культура чжурчжэней после краха Цзинь

С крахом империи Цзинь рухнули непрочное этнополитическое образование и довольно шаткий культурный симбиоз. Какова же оказалась судьба собственно чжурчжэньского этноса, собственно чжурчжэньской, или цзиньской, культуры? Ответ на этот вопрос имеет и ретроспективное значение: подтвердить или опровергнуть сказанное выше. Эта дилемма приковывает наше внимание к проблеме общественного прогресса. Хотя каждый народ идет своим путем, есть масштаб этих путей. Масштаб этот — общественный прогресс, или возрастание действенной, практической свободы человека от природы. Каждая культура есть своеобразное раскрытие и осуществление определенных возможностей человеческой природы. Диалектика общественного прогресса проявляется в двух тенденциях: 1) в возникновении культурно-исторических форм, имеющих наибольший смысл в данном обществе и в данную пору, 2) в возникновении форм, которые становятся предпосылкой дальнейшего развития [Артановский, 1967, с. 69—70].

Первая тенденция рассмотрена нами довольно подробно выше, вторая — возвращает нас к проблеме культурного наследия, преемственности. На новом витке истории оппозиция «чжурчжэни — их потомки» в оценке преемственности выглядит более сложной, чем старая оппозиция «чжурчжэни — их предки» на витке предшествующем. Эта сложность обусловлена тем, что на этой стадии и в этой оппозиции резко возросла зигзагообразность развития культуры [Баллер, 1969, с. 38—39]. Крах политического образования и невозможность создания нового, кризис привычной социальной системы и временный хаос в общественных отношениях, физическое истребление значительного контингента чжурчжэней и упадок этнического самосознания, утрата части приобретенных форм цзиньской культуры и неуверенность в жизненности элементов культуры старой, чжурчжэньской — все это привело к заметным смещениям в культурном и этническом развитии народа после 1234 г.

После краха Цзинь чжурчжэньский этнос не исчез с этнической арены Китая, как иногда пишут [Tao Jing-shen, 1976, с. 111], хотя его существование было поставлено под угрозу [Юань Гофань, 1965]. Даже китайские авторы вынуждены признать, что основная ярость монголов в ходе их войн с Цзинь была направлена на чжурчжэней, а не на китайцев [Ван Хуайлинь, 1958]. Воспользовавшись удобным случаем, китайцы тоже сводили счеты с чжурчжэнями. Но, несмотря на это, когда монголы разделили население своей империи на большие этнотерриториальные группы, то чжурчжэни, знающие китайский язык, попали в одну группу с китайцами Северного Китая и киданями, а чжурчжэни, не говорящие по-китайски,— в одну группу с монголами [Franke, 1948, с. 475]. Такая классификация подтверждает не только существование при монголах чжурчжэней как этноса, но и проживание в монгольской империи чжурчжэней, не затронутых двуязычием. Минский автор Гу Яньу отмечает, что в его время часть населения Шаньдуня составляли потомки чжурчжэней (см. [Люй Чжэньюй, 1959, с. 41]). Многие военнопленные стали рабами, их семьи — крепостными. Но многие чжурчжэни — отважные бойцы — стали ходить с монголами в походы. Существует даже гипотеза, что «хин» в «Слове о полку Игореве» (и производные от него) — это «кин», т. е. средневековое чтение современного «Цзинь», а само название орды — «Золотая» — перенос значения «Цзинь», еще при монголах служившего для обозначения Северного Китая [Гумилев, 1970, с. 313—315]. В Маньчжурии и тем более в Приамурье и Приморье чжурчжэни жили компактно: в 1287 г. они поддержали местного монгольского феодала Найяня, восставшего против центральной власти. И даже после неудачи восстания чжурчжэни в Маньчжурии остались основным населением. В 1292 и 1295 гг. на землях из этих чжурчжэней были образованы военные поселения [Мелихов, 1970, с. 78]. После разгрома монголов новой китайской династии, Мин, удалось распространить свое влияние на некоторые области Маньчжурии. На землях чжурчжэней были организованы три военных округа — Хайси, Цзяньчжоу, Ежэнь. Начальниками этих округов стали чжурчжэньские вожди, а сами округа официально получили широкую автономию, оставаясь фактически почти независимыми. Чжурчжэни в XV в. не забыли своего происхождения и гордились им: цзяньчжоуские чжурчжэни считали себя отпрысками правящего бохайского рода Да, а чжурчжэни с низовьев Сунгари — потомками цзиньского рода Ваньянь [История..., 1968, с. 405], разумеется без особого на то основания, если говорить о конкретных фамилиях Да и Ваньянь. В целом же исторические предки собственно маньчжурских родов жили в этих землях не раньше XV в. [Волкова, 1975, с. 97].

Одним из начальников округа Цзяньчжоу стал Нурхаци. В ходе длительной и ожесточенной борьбы он сумел вновь объединить чжурчжэней и в 1616 г. образовать новое государство, которому он первоначально дал название Поздняя Цзинь, подчеркивая этим его преемственную связь с бывшей чжурчжэньской империей Цзинь. И только с этого года этноним «чжурчжэни» стал в официальной

документации заменяться новым — «маньчжуры» — от Маньчжоу, названия территории, центра объединения [Мелихов, 1974, с. 26—28, 33]. Но еще в середине XVII в. Н. Спафарий называл народности из района слияния Уссури с Амуром дючерами (искаженное от нюйчжэнь) [Залкинд, 1946, с. 53].

Наряду с этническими потрясениями в среде чжурчжэней происходили и культурные. Территория Цзинь была разграблена монголами: «Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони,— все, подобно циновке, свернуто и увезено»,— сообщает китайский источник (цит. по [История Китая..., 1974, с. 123]). Народ утратил многие достижения духовной культуры и общественной жизни. Неудивительно, что, по «Юань ши», часть чжурчжэней — в Маньчжурии — «по своим прежним обычаям не жила оседло, а занималась охотой» (цит. по [Мелихов, 1970, с. 80]). Но другие жили оседло, издавна были знакомы с земледелием и ремеслами [Мелихов, 1974, с. 27]. Минские географические описания («Ляодун чжи»), документы о китайско-чжурчжэньских сношениях [Кузнецов, 1973] рисуют нам картину материальной культуры аборигенов Приамурья, Приморья, Маньчжурии, поразительно похожей на раннечжурчжэньскую, с естественными поправками на новые достижения в процессе развития. В продукцию ареала включены железо и соль, мед и воск, конопля и пуэрария, полотно и тафта, белки и соболя [ЛДЧ, цз. 1]. Для обмена и уплаты дани чжурчжэни продолжали посылать соколов, шкуры белок, соболей, леопардов, выдр, тюленей, а главное — коней [ЛДЧ, цз. 9; Кузнецов, 1973]. В своих землях они строили крепости, пользовались катапультами. Чжурчжэни-мужчины продолжали носить косы и сохранили этот обычай в XV—XVI вв., несмотря на китайское влияние [ЦСШ, цз. 1]. Сохранились и некоторые элементы социальной и духовной культуры. Чжурчжэньские вожди и старшины в XIV—XVI вв. правили на основе старого обычного права и еще более старинных племенных традиций, даже звания у них сохранились бохайские и чжурчжэньские [История Сибири, 1968, с. 405].

В 1413 г. минская экспедиция под начальством Ишиха воздвигла недалеко от устья Амура буддийский храм и каменописную стелу на трех языках, в том числе на чжурчжэньском [Попов, 1904, с. 012—020]. Отношение независимых чжурчжэньских племен к этому событию было определенным: храм был разрушен, а стелы сброшены. Чжурчжэни отвергли китайские претензии как на культурно-идеологическое, так и на политическое «покровительство» — в стелах прославлялась политика минских властей по отношению к «заграничным варварам». В 1411—1434 гг. Ишиха совершил в эти места несколько экспедиций, но вся полнота власти здесь неизменно оставалась в руках чжурчжэньских вождей, и сами китайцы считали эти земли некитайскими [Тихвинский, 1976, с. 25, 329—330]. Это событие для нас в данном контексте важно как косвенное свидетельство существования, хотя бы у части чжурчжэней, буддизма и письменности — без этого воздвижение храма и стелы выглядит бессмысленным. Чжурчжэньский язык и письменность в самом Китае

не забывали еще в XIV в. как сами чжурчжэни, так и китайские ученые — свидетельством этому служит чжурчжэньский словарик, приложенный к «Цзинь ши». Тырская стела с надписью на китайском, монгольском и чжурчжэньском языках («малыми» чжурчжэньскими письменами) подтверждает распространение этого языка в этих местах. На чжурчжэньском языке и чжурчжэньскими письменами велась переписка между чжурчжэньскими главами округов и китайскими учреждениями. Чтобы облегчить ее для китайцев, были составлены «Китайско-варварские словари» («Хуаи июй»), в которые входил и чжурчжэньский словарь, и производилось обучение чжурчжэньскому языку — вплоть до второй половины XVII в.

Таким образом, и этническое ядро, и основы традиционно-бытовой культуры сохранились у чжурчжэней и после краха империи Цзинь. Впрочем, лучшим доказательством этих утверждений являются родственные черты их этноса и культуры у ближайших и более отдаленных их потомков. «Запустение» Приамурья и Приморья, на которое часто указывают русские путешественники XVI—XVII **вв.**,— вероятно, следствие ожесточенной борьбы ядра маньчжурской народности за объединение соседних племен и последующего оттока населения на юг [Смоляк, 1968, с. 56].

8. Наследники чжурчжэней

Чжурчжэньская культура, сберегаемая поздними чжурчжэнями, наконец нашла себе настоящих наследников. Можно сказать, создала их себе, так как ранние маньчжуры — это, в сущности, те же поздние чжурчжэни (ср. [Tulisow, 1977]). Ощутить себя самостоятельным культурным целым маньчжурам помогла чжурчжэньская культура. Пожалуй, нет ни одной сколько-нибудь крупной отрасли маньчжурской культуры, в которой чжурчжэньское воздействие не ощущалось бы заметно. В основном тексте книги (гл. 1—2) мы приводим развернутые примеры такого влияния, подкрепленные цитатами из «Маньчжоу юаньлю као», «Нингута цзилюе» и др. Поэтому здесь мы лишь перечислим главные примеры преемственности [Народы Восточной Азии, 1965; Кавасэ, 1939; Shirokogoroff, 1929, 1924]. Планировка жилища и его отопление горячим воздухом (кан) — чжурчжэньского типа. Чжурчжэньские орудия труда, охоты, рыбной ловли, земледелия без особых изменений перешли к маньчжурам [Стариков, 1969]. Чжурчжэньская одежда и украшения оказали наглядное воздействие на маньчжурские: маньчжурские шубы и халаты, кисеты на поясе и косы. Чжурчжэньская кулинария оказала сильнейшее влияние на маньчжурский стол. Конские скачки, стрельба с коня, шаманизм — это все обычаи и культы, унаследованные маньчжурами от чжурчжэней. Связь маньчжурского языка с чжурчжэньским очень тесная. Наличие большой группы слов в маньчжурском языке явно чжурчжэньского происхождения, причем сюда входят и глаголы, и грамматические показатели, что позволяет говорить о родстве этих двух языков (Yamamoto, 1951, с. 75; Гребенщиков, 1912]. Такое разительное сходство по всем показателям

этнодифференцирующей культуры не должно удивлять, так как этнически маньчжуры — прямые потомки чжурчжэней и известна даже дата замены старого этнонима новым — 1616 г. [Мелихов, 1974, с. 42; Shirokogoroff, 1929]. Впрочем, последний факт обсуждался уже давно, в Европе по крайней мере с конца XVIII в. «Происхождение сих Манчжуров мало известно. Некоторые производят их от диких Ниуссейских татар — народа, в древние времена обитавшего в восточной части Леаотонгской провинции. Другие дают им начало не столь неблагородное, производя их от тех древних Кинов, царство которых, потрясенное сначала Чингис-ханом, опповержено было наследниками его; но должно признаться, что всякое о сем повествование есть скучно и недостоверно» [Воже, 1788, с. 14]. Но Воже де Брюнь следовал за маньчжурскими летописцами [МЧЮЛК, цз. 7; ср.: Кюнер, 1961, с. 260, 262], которых не устраивало непосредственное происхождение из среды «диких» поздних чжурчжэней.

Многие элементы чжурчжэньской культуры обнаружены в культуре современных малых народов советского Дальнего Востока [Народы Сибири, 1956; Лопатин, 1922; Шренк, 1883—1899]. Планировка чжурчжэньских жилищ очень близка к устройству жилищ ульчей, нанайцев, удэгейцев [Сем, 1973, с. 37]. Удэгейские юрты с канами похожи на чжурчжэньские обиталища XI в., а удэгейские фанзы — на наземные чжурчжэньские постройки жилого типа [Шавкунов, 1973 (III), с. 86—87]. Не лишены сходства одежда и украшения чжурчжэней и современных народностей советского Дальнего Востока. Не говоря уж о распространенности шуб и прочих предметов одежды из звериных шкур [Сем, 1973, с. 187], продолжают носить олочи (наколенники) и рубахи с квадратным вырезом, какие можно разглядеть на фигурках танцующих чжурчжэней, изображенных на бронзовом зеркале Шайгинского городища [Шавкунов, Пермяков, 1967, с. 141—142]. Кольцевидные серьги с нефритовой подвеской и косы чжурчжэней, в сущности, без изменений перекочевали к нанайцам [Медведев, 1977, с. 154]. Известные чжурчжэньские чугунные котлы почти повсеместно были в ходу у народов Амура до недавнего времени. Как и у чжурчжэней, у народностей советского Дальнего Востока существовал обычай ставить тамгу на разных предметах обихода. Причем можно выделить даже сходные знаки тамги: лук со стрелой, двойной крест, параллельные зарубки, крест в круге [Сем, Шавкунов, 1974, с. 202—204]. Многие обычаи, известные у чжурчжэней, обнаруживаются у малых народов Приамурья и Приморья, например у нанайцев: кан, манки, ритуализованное уничтожение пищи, свиней [Деревянко, 1977, с. 162]. К двум последним обычаям, уже религиозно-культового типа, можно добавить культ Востока [Медведев, 1977, с. 154], замещение покойника деревянной фигуркой — мугды [Сем, 1973, с. 128]. Известно, сколь широко было распространено шаманство у этих народностей. Даже отдельные приемы, такие, как танец с зеркалами, навершие головного убора шамана в виде дерева с птицами, прикрепление зеркала на поясе шаманов, ношение железных конусов-

подвесок на шаманском одеянии, в общем почти одинаковы у чжурчжэней и малых народов Дальнего Востока [Медведев, 1977, с. 154]. Любопытна попытка установить известное сходство в редких способах письменности — мы имеем в виду использование узелкового письма чжурчжэнями и нивхами [Шавкунов, 1973 (V), с. 265]. По-видимому, и сам нанайский язык сложился на базе одного из чжурчжэньских диалектов [Шавкунов, 1968 (III), с. 86]. Орнаментальные мотивы, бывшие в употреблении у чжурчжэней, тоже не исчезли. У нанайцев наблюдают нечто похожее на давленый счетверенный узор, шедший по краям цзиньской черепицы. На одежде ульчей и нанайцев можно заметить изображения растительного узора с элементами волны, сохранившейся на бронзовой пластинке — части чжурчжэньского украшения. Линейно-волнистый орнамент с вмятинами по краям чжурчжэньской керамики не чужд удэгейцам. Деревянные изделия нанайцев и ульчей покрыты волнистым узором, аналогичным тому, который мы наблюдаем на бронзовой накладке от рукоятки кинжала, причем предполагается тюркское происхождение этого узора [Шавкунов, Пермяков, 1967, с. 135]. Даже в первичном освоении мира, в естественнонаучных представлениях можно уловить единообразные элементы. Число месяцев в году у удэгейцев, число часов в сутках у ульчей и нанайцев, возможно, совпадают с аналогичной разбивкой года и суток у ранних чжурчжэней [Шавкунов, 1973 (IV), с. 134—135]. Остается добавить, что натки — предки нанайцев — «принадлежали, судя по всему, к племени дючеров» [Долгих, 1958, с. 133].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осталось подвести некоторые итоги тому, что выдвигалось как тема исследования во Введении, разбиралось на конкретном материале в гл. 1 и 2, обсуждалось в общетеоретическом аспекте в гл. 3. При этом мы имеем в виду дать ответ на некоторые из нерешенных проблем истории культуры чжурчжэней и цзиньцев, перечисленные в разд. 1 гл. 3.

Мы напомним об опубликованных ранее подробных соображениях о довольно раннем начале этнической предыстории чжурчжэней, по крайней мере в VI в., приведшей к победе чжурчжэньского этнического начала в первой четверти XI в. Основу чжурчжэньского этноса составили тунгусо-маньчжурские племена — хэйшуй мохэ и сумо мохэ, а в качестве немаловажных участников в процессе этногенеза чжурчжэней выступили и другие племена, некоторые из них принадлежали к тунгусам [Воробьев, 1975, с. 19—30].

Процесс этногенеза чжурчжэней отнюдь не сводился к смене этнонимов, как иногда утверждают, прямолинейно толкуя известную диахронную генеалогическую цепь тунгусо-маньчжурских народностей, воссозданную маньчжурами. И в этническом и в культурно-историческом отношении чжурчжэни оказались прямыми наследниками мохэ и бохайцев. Но, приняв это наследство и тем самым восстановив прерванную было с падением Бохая этническую и культурную преемственность, чжурчжэни с самого начала осмысляли свою культуру как находящуюся на новом, качественно более высоком уровне. Несмотря на некоторые частные текстуальные совпадения в характеристике отдельных сторон чжурчжэньской и предшествующих культур ареала, обусловленные характерным пристрастием составителей средневековых китаеязычных источников переписывать старое, приурочивая его к новому, чжурчжэньская культура с самого начала могла похвастаться достижениями, неведомыми в этих местах ранее: многоотраслевым хозяйством с упором на земледелие и коневодство, железоделательным и кузнечным ремеслами, сложной духовной жизнью, включая шаманизм, мощной военной демократией: «Их старейшиной был тайши Ингэ — отважный и воинственный. Хорошо управлял подопечными. Поэтому все племена выдвинули его» [ЧСЮУЛУ, цз. 1, л. 1а].

Поэтому не может быть и речи о застойности, неизменности местной культуры на протяжении столетий, а также об архаичности чжурчжэньской культуры в X—XI вв. Тезис о «варварском» характере раннечжурчжэньской культуры также не выдерживает кри-

тики и находится в противоречии с фактическим материалом. Этот тезис родился в китаецентристски настроенной среде и поддерживался ссылками на экстенсивное развитие чжурчжэней, часто выливавшееся в военные формы. Эти формы — историческая действительность, но они отнюдь не покрывают другие стороны культурного развития народа (например, его духовной культуры). В действительности раннечжурчжэньская культура явилась качественно новым этапом в развитии культуры южнотунгусских племен — теперь на стадии сложения чжурчжэньской народности, впервые в истории объединившей все племена южнотунгусской группы. Лидеры этой группы хорошо понимали ценность культуры. По «Нянь эр ши чжа цзи», Агуда, поднимая восстание против Ляо, призывал беречь литературу и грамотных людей [Сун Вэньбин, 1934, с. 8].

Первый раз в истории культуры этого ареала состоялся длительный двусторонний культурный контакт между южнотунгусскими (в лице их лидера чжурчжэней), с одной стороны, и киданьской, корейской, тангутской, монгольской, китайской народностями — с другой. В каждом случае двусторонние контакты различались по интенсивности, по охвату тех или иных сторон культуры, по результативности — применительно к каждой из сторон в контактах. Для культуры догосударственных чжурчжэней наибольшее значение приобрели непосредственные контакты с культурами киданьской и корейской. Инновации охватывали значительный и разнообразный спектр культурных интересов чжурчжэней. Встречные контакты были слабее и принимали форму приношений в Ляо и Корё местных чжурчжэньских продуктов. В это время диффузия китайской культуры в среде чжурчжэней выглядела слабой и опосредствованной (ср. [Tamura, 1964, с. 155—161]).

В период империи Цзинь атмосфера в культурных сношениях резко изменилась. Контакты чжурчжэней с киданями потеряли прежнее значение. Контакты между чжурчжэнями и корейцами, тангутами стали в полном смысле двусторонними по направленности, умеренными по интенсивности и разнообразными по спектру культурных интересов. Наибольшее значение для чжурчжэней приобрели контакты с китайской культурой. По направленности они являлись двусторонними, а по спектру интересов — всесторонними. Особенно бросающиеся в глаза китайские инновации в цзиньской культурной среде относятся не к этнодифференцирующему слою культуры, а к политическому, идеологическому и тому подобным слоям. Чжурчжэни различали китайскую культуру как в диахронном (танская, северосунская, южносунская), так и в синхронном срезах (китайская в Цзинь, южносунская). Чжурчжэни впервые завязали культурные связи с монголами (причем во времена Цзинь эти связи развивались в основном по направлению к монголам), а также с центральноазиатским миром. Положение об одностороннем характере связей, в ходе которых чжурчжэни всегда выступали стороной воспринимающей, как мы видим, необоснованно. Цзиньский писатель Чжао Бинвэнь настаивал на том, что китайцы и чжурчжэни, несомненно, обладают одними и теми же «цивилизо-

ванными обычаями» (цит. по [Tao Jing-shen, 1976, с. 104—105]). В доцзиньский период чжурчжэни не создали того, что можно назвать культурной политикой (чего нельзя утверждать про их партнеров); их культурные связи имели ознакомительный и непосредственно потребительский характер, не будучи отделены от сношений политических, торговых и т. п. В империи Цзинь уже сложилась настоящая культурная политика, которая предусматривала осознание собственной культурной и этнической значимости, широкое знакомство и выборочное усвоение культурных новшеств окружающего мира, прежде всего китайского; защиту собственной культуры от ошеломляющего потока новинок (особенно роскоши); сохранение основ культуры других народностей империи, сопряженную с попытками привнести в среду последних некоторые элементы чжурчжэньской культуры.

Мы уже указывали на внутреннюю противоречивость тезиса о ведущей роли китайской цивилизации и в подъеме и в упадке чжурчжэньской культуры и государственности. Если чжурчжэни завоевали часть Китая и держались там с помощью своей «варварской» сущности, то при чем здесь китайская культура? Если они потеряли Китай благодаря одной только стойкости китайской культуры, то где эта культура была раньше? Разумеется, сторонники этого тезиса находят выход, но уже в сфере казуистики. Попытки отстоять этот тезис научными средствами сводятся к утверждению полной аккультурации и ассимиляции чжурчжэней китайской культурой и китайцами, утверждению, которое в резкой форме поддержал А. Л. Кребер, заявив, что монгольские, маньчжурские, тунгусские (чжурчжэньские) завоеватели Китая отказались от своей культуры, усвоив китайскую (см. [Артановский, 1967, с. 176—177; ср.: Ишжамц, 1976, с. 108—109]). Но если бы это было так, откуда взялась бы приведенная нами диахронная серия этносов с общими существенными культурными чертами? В конкретных исторических условиях оба эти процесса для чжурчжэней могли иметь лишь естественный характер, а для китайцев в Цзинь — и насильственный оттенок. Ощутив признаки аккультурации, в какой-то степени всегда неизбежной при контактах, цзиньские государственные деятели, занимая господствующее положение, имели полную возможность осуществить политику сдерживания аккультурации (но не прекращения, поскольку не прекращались контакты) и этой возможностью успешно воспользовались. Это было тем проще сделать, что основная масса чжурчжэней весьма долго и прочно держалась за традиционную культуру, тем более что она значительно отличалась от китайской. Это-то и обеспечило целостность этнодифференцирующего слоя культуры, у чжурчжэней весьма широкого. Массовые заимствования осуществлялись по другим линиям: политической, правовой, административной, не входящими в этнодифференцирующий слой. Эти заимствования способствовали разрушению культурно-этнического самосознания лишь у представителей господствующего класса чжурчжэней, связанных с управленческой системой, двором, внешними сношениями. Часть этого класса действительно подверга-

лась заметной аккультурации, но далеко не всегда обязанной одному источнику. Так, сановники «надевали халаты и пояса по китайскому этикету, приветствовали и кланялись...непременно по церемониалу ляосцев» [ДЦГЧ, цз. 2, с. 17]. Другая часть этого же класса воспользовалась возможностью навязать некоторые собственные культурные навыки китайцам. Значительно меньшую роль для обеих сторон играла ассимиляция: для китайцев — вследствие их многочисленности, для чжурчжэней — в результате охранительных мер, например, исключения из чжурчжэньской социально-этнической общности части метисов. В целом для цзиньской среды оказались характерными процессы интеграции, приведшие к созданию культурного симбиоза и этнополитического образования, по условиям средневековья достаточно непрочных, но реально ощущаемых. Китайцы по крови — Юань Хаовэнь, Лю Ци, Ван Э и др.— даже при династии Юань считали себя цзиньцами и стремились сохранить память о Цзинь в веках [Chan Hok-lam, 1974, с. 19; ср.: Брук и Чебоксаров, 1976, с. 28]. Они себя ощущали частью некоего культурного целого, охватывающего высшие и средние слои китайцев, киданей, чжурчжэней, но еще не монголов [Franke, 1978 (I), с. 44]. В политико-экономической сфере этот симбиоз принял вид земледельческо-скотоводческого государства [Первобытная..., 1978, с. 118].

Проблема этнической и культурной самобытности чжурчжэней, которая сторонниками тезиса их аккультурации и ассимиляции, разумеется, даже не ставилась, для нас вполне реальна. Самобытность ощущается по всем разделам чжурчжэньской культуры и по всем признакам чжурчжэньского этноса, но в разной степени. Важно то, что этнодифференцирующие разделы культуры широких масс чжурчжэней оказались наиболее самобытными. Приметы, особенно для европейского наблюдателя, естественно, тонут в дальневосточном культурном океане, казалось бы едином, почти так же, как тонут целые тысячелетние цивилизации: корейская, вьетнамская, японская. Но эти приметы, бесспорно, существуют в реальности, только надо разглядеть их как бы изнутри самого дальневосточного региона.

Чжурчжэньская культура, энергично развиваясь, в XII в. обогатилась иноземными достижениями и переросла в культуру цзиньскую. Эта культура обладала многими важными и своеобразными чертами и была поддержана военно-политической мощью империи. Для приамурско-приморско-маньчжурского региона она приобрела первостепенное значение, подняв культурное развитие южнотунгусских племен этого ареала в средние века на более высокий уровень.

Крах империи Цзинь имел ощутимые последствия для всего Дальнего Востока. Для чжурчжэней он обернулся историческим регрессом, но, как писал В. И. Ленин, «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» [Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 6].

Мнение о полной деградации чжурчжэньской культуры и этноса после падения Цзинь основано в лучшем случае на плохой изученности Маньчжурии, Приморья в эпоху со второй половины XIV по начало XVII в. Хотя чжурчжэньский этнос и культура потеряли в начале этой эпохи многие свои достижения, чжурчжэни в виде этнических групп просуществовали в Китае еще несколько веков, в Маньчжурии же они все время сохраняли лидирующее положение. Чжурчжэньская письменность была известна в Китае еще в XIV в., а в Маньчжурии и в Приамурье — в XV в., память о происхождении и этноним «чжурчжэни» дожили в Маньчжурии до XVII в. Чжурчжэньская (цзиньская) культура, бурно развивавшаяся в XII—XIII вв., обогащенная усвоенными и переработанными элементами других культур, часть которых она сумела сохранить, создала культурный очаг на Дальнем Востоке, стала образцом и базой для формирования маньчжурской культуры XVI—XVIII вв., а также культур малых народностей Приморья и Приамурья, т. е. осуществила важнейшую из задач — культурную преемственность, сочетающую традицию прошлого и новаторство настоящего [Баллер, 1969]. Для нас особенно важно отметить ее благотворное влияние на Приамурье и Приморье, единодушно отмеченное почти всеми русскими и советскими учеными, занимавшимися этими районами [Кафаров, 1879; Арсеньев, 1914; Панов, 1893; Гребенщиков, 1916; Матвеев, 1929; Воробьев, 1973; История..., т. 1, 1968].

Осталась последняя, наиболее болезненная проблема — оценка чжурчжэньской (цзиньской) культуры с позиций ее многообразных контактов с культурой китайской. При всей болезненности некоторых форм контакта для китайцев он в конечном счете объективно привел ко взаимообогащению двух этих культур. Размер и характер обогащения китайской культуры не могут служить темой для обсуждения в этой работе, однако указывают, что инфильтрация чужеродных элементов в Китай оказывала в средние века до известной степени революционизирующее действие на общественные и культурные процессы в самой Срединной империи [Lewin, 1968]. В своем развитии эта культура не ставила целью уничтожение или подавление соседних культур и не нарушила преемственности великой китайской культуры [Яо Цунъу, 1963]. Разумеется, есть еще военно-политический аспект деятельности чжурчжэней, который имеет иную окраску. Завоевательный характер их деятельности в Китае раскрывался нами во многих местах этой книги (см., например, гл. 3, разд. 1) и книги предшествующей [Воробьев, 1975, с. 303—309, 382 и сл.]. Поэтому ни чисто негативная оценка чжурчжэньской культуры в связи с китайской или с позиций политического гнета, осуществляемого носителями культуры, ни оценка ее с использованием традиционно-китайского критерия не являются ни исчерпывающими, ни объективными. «Культуры бывают не „лучшими“ и „худшими“, а только разными» [Межуев, 1977, с. 89]. Н. И. Конрад указывает, что оценка культурной истории должна быть подсказана самим ходом истории [Конрад, 1962, с. 111].

Объективная диалектика общественного прогресса делает возможным поставить вопрос о сравнительной ценности культур. Культура любого народа всегда полноценна, но не все народы одинаково реализуют возможность накопления культурных ценностей. Отсюда неодинаковый уровень развития культур, неодинаковый вклад их в мировую культуру [Артановский, 1967, с. 72]. В этом аспекте сравнение чжурчжэньской (цзиньской) культуры с культурой-соперницей совпадает лишь в одном — в полноценности. По сроку существования, по территориальной протяженности, по числу носителей культуры, а главное — по сложности самой культурной системы в целом, по значению для мировой цивилизации — по всем этим показателям чжурчжэньская культура уступает китайской, которая заслуженно считается одной из великих цивилизаций мира. Мы заявляем это со всей категоричностью потому, что естественный для темы книги упор на чжурчжэньскую культуру, находящуюся в положении взаимодействия или в оппозиции с культурой китайской, мог создать впечатление искажения масштабности. Здесь мы воздаем китайской культуре должное. Но что касается чжурчжэньской культуры, то отклонение многих ее черт или комплекса признаков от форм китайской культуры принципиально не может быть сочтено за свидетельство второсортности или слабости, ибо, как выразился Монтень, «я нахожу, что в этих народах... нет ничего варварского и дикого, если не считать варварством то, что нам непривычно...» (цит. по [Артановский, 1967, с. 49]).

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, СБОРНИКОВ, ОБЩЕСТВ

АМДИДВ — Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока. Владивосток.
АО — «Археологические открытия». М. (Ежегодник).
В — «Вэньу цанькао цзиляо» («Вэнь у»). Пекин.
ВИ — «Вопросы истории». М.
ВИМК — «Вопросы истории мировой культуры». М.
ВФ — «Вопросы философии». М.
ГО — Географическое общество.
ДВ — «Дальний Восток». Владивосток.
ДВФАН — Дальневосточный филиал Академии наук.
ДГО — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР». Л.
ДЦ — «Далу цзачжи» («The Continent Magazine»). Тайбэй.
ЗИРГО — «Записки Имп. Русского географического общества». СПб.
ЗОИАК — «Записки общества изучения Амурского края». Владивосток.
ЗХОЕЭ — «Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов». Харбин.
И — «Известия Сибирского отделения АН СССР». Серия историческая. Новосибирск.
ИИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества». СПб.
К — «Каогу тунсинь» («Каогу»). Пекин.
КС — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», с вып. 81 — Института археологии АН СССР. М.— Л.
ЛЦ — «Ляохай цуншу». Далянь (Дальний), 1931—1934 (серия).
ЛЯ — «Лиши яньцзю». Пекин.
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР». М. (№ 86: Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т. 1).
МИС — «Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь». Новосибирск (вып. 1: Археология и этнография Дальнего Востока, 1964; вып. 2: Сибирский археологический сборник, 1966; вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири, 1974).
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М. (Доклады).
МКЭ — Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск.
НАИ — Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке. Владивосток (сборник).
НАСДВ — Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. (Сборник).
НСК — Научная студенческая конференция. Новосибирск. Тезисы и доклады.
ОГК — «Общество и государство в Китае. Научная конференция. Доклады и тезисы». М. (с 1970 г.; в 1968—1969 гг.— «Роль традиций в истории Китая. Симпозиум. Тезисы и доклады». М.).
ППИКНВ — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Годичная научная сессия ЛО ИНА». Л. (Ежегодник).
РГО — Русское географическое общество.
СА — «Советская археология». М.

СГ — Со Гэн дзидай-но кагаку гидзюцу си (Наука и техника в период от Сун до Юань). Киото, 1967 (сборник).
СД — «Сигаку дзасси» («Journal of Historical Science»). Токио.
СНВ — Страны и народы Востока. М. (Сборник).
СЦВА — Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Т. III. История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1975 (сборник).
СЭ — «Советская этнография». М.
ТДВ — «Труды Дальневосточного филиала (с т. 8, 1973 г.— Дальневосточного научного центра) Сибирского отделения АН СССР». Серия исторических наук; с т. 9, 1973 г.— «Труды института истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока» Дальневосточного научного центра АН СССР. Т. 5. Благовещенск, 1963; т. 6. Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток. 1968; т. 7. История, археология, этнография Дальнего Востока. Владивосток, 1967; т. 8. История, социология и филология Дальнего Востока. Саранск. 1971; т. 9. Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток. 1973; т. 10. Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток. 1974.
ТЁГХ — «Тоё гакухо» («Reports of the Oriental Society»). Токио.
ЦЦ — «Цуншу цзичэн, чубянь» («Цуншу цзичэн». Серия 1). Шанхай.
AA — «American Anthropologist». Menasha.
BMFEA — «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities». Stockholm.
EGB — Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference. Ed. by F. Barth. Bergen, 1970.
JNCBRAS — «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society». Shanghai.
JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». L.
NCBRAS — «The North China Branch of the Royal Asiatic Society». Shanghai.
OA — «Oriental Art». L.
THGH — «The Toho Gakuho». Kyoto.
TP — «T'oung Pao». Leiden.
YJCS — «Yenching Journal of Chinese Studies». Peiping.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]

Произведения основоположников марксизма-ленинизма [2]

Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857—1858 гг.).— Т. 12.
Маркс К. К критике политической экономии.— Т. 13.
Маркс К. Подготовительные рукописи к «Критике политической экономии» 1857—1858 гг.— «Архив Маркса и Энгельса». Т. IV. М., 1935.
Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Т. 3.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Т. 20.
Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— Т. 21.
Энгельс Ф. Письмо Ф. Боргиусу от 26 января 1894 г.— Т. 39.
Ленин В. И. О брошюре Юниуса.— Т. 30.
Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература.— Т. 12.
Ленин В. И. Философские тетради.— Т. 29.

Источники

Амма, 1943.— Амма Яитиро. Дзёсинбун кинсэки сико (Эпиграфические заметки по чжурчжэньским текстам). Киото, 1943.
БЖЦХ.— Бижун цзяхуа (Беседы с друзьями об избавлении от войны). Сост. южносунский Ши Маолян.— Лидай сяоши. Шанхай, 1940, цз. 16(55).
Бичурин, 1960.— Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960.
Бичурин, 1950.— Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I—II. М., 1950.
Бичурин, 1829.— Бичурин Н. Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829 [перев. из «Юань ши» и «Тунцзянь ганму»].
БСЖЛ.— Бэйсин жилу (Дневник путешествия на Север). Сост. южносунский Лоу Яо.— Чжибу цзуцзай цуншу. XXIII, 5. Шанхай, 1937.
БФЯШЛ.— Бэйфэн яншалу (Записки о песке, унесенном северным ветром). Сост. сунский Чэнь Чжунь.— Тайвань шаньу иньшугуань фасин. Т. 3. «Шофу», сб. 25.
БШСЛ.— Бэйшоу синлу (Путевые заметки об увозе [императоров] на Север). Сост. южносунский Цай Тяо.— ЦЦ, № 3893. 1939.
БШЦВЛ.— Бэйшоу цзяньвэнь лу (Записки об увиденном и услышанном во время увоза императоров на Север). Сост. южносунский Цао Сюнь.— ЦЦ, № 3898. 1939.
Бэй ши (История северных династий). Сост. Ли Яньшоу династии Тан. Цз. 94 (см.: Бичурин, 1950).
БЮЛ.— Бэй юань лу (Записки о Северном стане). Сост. южносунский Чжоу Шань.— Лидай сяоши. Цз. 19. Шанхай (см.: Pei Yuan Lou, 1904).

[1] Вся литература, независимо от языка заглавия-описания, написана на языке, являющемся национальным для места (города) издания книги или журнала. Отклонения от этого правила отмечены: одной звездочкой — текст на языке заглавия; двумя звездочками — имеется резюме на европейском языке с указанием на язык издания в круглых скобках в сложных случаях.

[2] Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса указаны по 2-му изданию Сочинений, произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

Васильев, 1859.— В а с и л ь е в В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. с приложением китайских известий о киданях, джуржитах и монголо-татарах.— «Труды восточного отдела Русского археологического общества». Ч. IV. Вып. 1. СПб., 1859 [пер. «Цзинь чжи» и др.].

Васильев, 1857.— В а с и л ь е в В. П. Записки о Нингуте.— ЗИРГО. Кн. XII. СПб., 1857 [пер. «Нингута цзилюе»].

ВСТК.— Вэньсянь тункао (Исследование древних текстов и их традиций). Сост. юаньский Ма Дуаньлинь. Шанхай, 1936 (см.: Ma Touan-lin, 1876).

ГЦЧ.— Гуй цянь чжи (Сведения об уходе в безвестность). Сост. цзиньский Лю Ци.— Чжибу цзуцзай цуншу. Т. XXIII. Вып. 5. Шанхай, 1937 (см.: Haenisch, 1969).

ДЦГЧ.— Да Цзинь го чжи (Сведения о государстве Великая Цзинь). Сост. южносунский Юйвэнь Маочжао.— Госюе вэньку. Т. 41. Шанхай, 1937.

ДЦДФЛ.— Да Цзинь дяофа лу (Записки о карательных походах при Великой Цзинь). Цзиньского автора.— ЦЦ, № 3904—3905. 1939.

ДЦЦЛ.— Да Цзинь цзи ли (Собранные церемонии Великой Цзинь). Цзиньского автора.— ЦЦ, № 1047—1048. 1936.

ДЦДЮТШ.— Да Цзинь дэюнь тушо (Схема с объяснениями о чередовании стихий [применительно к] Великой Цзинь). Цзиньского автора.— Билинь лангуань цуншу. Т. 65. Кантон, 1909.

ЖНИШ.— Жунань иши (Позабытые дела Жунани). Сост. цзиньский Ван Э.— ЦЦ, № 3905. 1939 (см.: Chan Hok-lam, 1974).

История...— История дома Цзинь, царствовавшего в северной части Китая с 1114 по 1233 г. (составлена при династии Цин). Перевел с маньчжурского студент Пекинской духовной миссии Григорий Розов.— Архив ЛО ИВАН СССР, разд. 1, оп. 2, № 3.

ИШЦ.— Ишань цзи (Сборник Ишаня [Юань Хаовэня]). Сост. цзиньский Юань Хаовэнь.— Ишань сяньшэн вэньцзи. Шанхай, 1934 (Сыбу цункань, цзибу, т. 625).

Канто тё... 1926.— Канто тё хацубуцукан хиндзуфу (Альбом экспонатов Ляодунского музея). Нагоя, 1926.

КС.— Корё са (История государства Корё). Составлена при династии Ли. Пхеньян, 1962—1963 (на кит. яз.).

Кычанов, 1966.— К ы ч а н о в Е. И. Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования).— МИС. Вып. 2, 1966.

Кюнер, 1961.— К ю н е р Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

ЛДСБЧ.— Ляодун синбу чжи (Сведения об инспекционной поездке по Ляодуну). Сост. цзиньский Ван Цзи.— ЛЦ. Сб. 8.

ЛДЧ.— Ляодун чжи (Сведения о Ляодуне). Составлено при династии Мин.— ЛЦ. Сб. 2.

Ло Фуи, 1936, 1937(I), 1937(II).— Л о Ф у и. Маньчжоу цзиньши чжи (Палеография Маньчжурии). В 6 частях и в 3 выпусках. Мукден, 1936, 1937.

ЛПЛ.— Лань пэй лу (Записки, [написанные] с уздой в руках). Сост. южносунский Фань Чэнда.— ЦЦ, № 3110. 1936.

ЛСШ.— Ляо сяо ши (Малая история Ляо). Сост. минский Янь Сюньцзи.— ЛЦ. Сб. 1.

ЛТШШ.— Лу тин ши ши (Достоверные факты о дворе варваров). Сост. цзиньский Вэнь Вэйцзянь (см.: Franke, 1975).

ЛЦЮИВЧ.— Ляо Цзинь Юань ивэньчжи (Литературные заметки к истории Ляо, Цзинь, Юань). Сост. Ни Мо и др. Пекин, 1958.

ЛЦЮСП.— Ляо Цзинь Юань синцу (Перечень фамилий при Ляо, Цзинь, Юань). Сост. цинский Чжоу Чунь.— Чжаодай цуншу. Т. VI. Вып. 12. [Б. м., б. г.].

ЛЦЮШС.— Ляо Цзинь Юань ши сюань (Сборник стихов, [написанных в] Ляо, Цзинь, Юань). Сост. и коммент. Чжан Тесунь. Шанхай, 1958.

ЛЧ.— Ляо чжи (Сведения о Ляо). Сост. сунский Е Лунли.— ЦЦ, № 3897. 1936 (см. также: Васильев, 1859; Leao-tche).

ЛШ.— Ляо ши (История Ляо). Сост. юаньский Токто и др.— Сыбу бэйяо. Т. 89. Шанхай, 1936 (ср.: Gabelentz, 1877).

ЛШШИ.— Ляо ши ши и (Дополнение к «Ляоши»). Сост. цинский Ли Э.— ЦЦ, № 3897—3901. 1936.
Малявкин, 1942.— М а л я в к и н А. Г. Цзинь-ши. Гл. 1. Пер. с кит.— Сборник научных работ пржевальцев. Харбин, 1942.
МСКССК.— Мансю кинсэки сико (Монументальные надписи Маньчжурии). Под общей ред. Сонода Ицукамэ. Т. 1. Дайрэн, 1936 (Мантэцу тёса сирё, № 169).
МЧЮЛК.— Маньчжоу юаньлю као (Исследование о происхождении маньчжуров). Сост. цинский Агуй. Ханчжоу, 1893.
Мэн Юаньлао, 1958.— М э н Ю а н ь л а о. Дунцзин мэнхуалу (Записи о процветании Восточной столицы).— Дунцзин мэнхуалу, вайсычжун. Шанхай, 1958.
Нань ши (История южных династий). Сост. танский Ли Яньшоу. Цз. 79 (см. Бичурин, 1950).
НГТЦЛ.— Нингута цзилюе (Краткие записи о Нингуте). Сост. цинский У Чэньи.— ЦЦ, № 3178. 1939 (см.: Васильев, 1857).
НЦЛ.— Нань цянь лу (Записки о перенесении столицы на юг). Сост. цзиньский Чжан Шиянь.— ЦЦ, № 3903. 1939.
НЧЛХ.— Нань чжэн лу хуэй (Извлечение из записок о покорении Юга). Сост. цзиньский Ли Тяньминь.— Цзимао цунбянь, цзинкан байши. Т. 7.
СМЦВ.— Сунмо цзивэнь (Воспоминания о Сунмо). Сост. южносунский Хун Хао.— ЦЦ, № 3903. 1939.
Суй шу (История династии Суй). Сост. танский Вэй Чжэн. Цз. 81 (см.: Бичурин, 1950).
СФЦ.— Сун фу цзи (Записки сунского пленника). Сост. цзиньский Кэ Гун.— Цзи мао цунбянь: цзинкан байши. Т. 7. [Б. м., б. г.].
СХЯЦГ.— Сун хуэй яо цзи гао (Черновой свод важнейших материалов династии Сун). Пекин, 1957. [Собрано при сунах и восстановлено цинским Сюй Сунем].
СЧБМХБ.— Саньчао бэймэн хуэйбянь (Собрание документов о сношениях с Северной ордой при трех императорах). Сост. южносунский Сюй Мэнсинь. [Б. м.], 1878 (см.: Кычанов, 1966; Franke, 1975).
Тан шу (История династии Тан). Сост. сунский Оуян Сю. Цз. 219 (см.: Бичурин, 1950).
Таскин, 1979.— Е Л у н л и. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введение, коммент. и примеч. В. С. Таскина. М., 1979 (Памятники письменности Востока. Т. XXXV).
ФШВЦ.— Фушуй вэнь цзи (Литературный сборник с р. Фушуй). Сост. цзиньский Чжао Бинвэнь.— ЦЦ, № 2412—2414. 1936.
ФШСЧЛ.— [Сюаньхэ исы] фэнши синчэн лу (Заметки о маршруте аккредитованного посольства [в год под циклическими знаками Исы в годы под девизом правления Сюаньхэ (1125 г.)]). Сост. южносунский Сюй Канцзун, обработка Чжун Банчжи.— Саньчао бэймэн хуэйбянь. Цз. 20. [Б. м.], 1878 (см. также: Chavannes, 1898).
ХИИЮ.— Хуаи июй (Китайско-варварские словари). Сост. юаньский Хо Юаньцзе.— Ханьфэнь лоу ми цзи. Сб. 4. Шанхай, 1924 (см.: Grube, 1896; Ishida, 1973(II); Yamaji, 1956; Watanabe, 1935).
ХЧЛ.— Хуэйчжу лу (Записки с кропилом в руках). Сост. сунский Ван Минцин. Пекин, 1962.
ХНИЛЦ.— Хунань илао цзи (Сборник старых приверженцев [Цзинь] из Хунани). Сост. цзиньский Ван Жосюй.— ЦЦ, № 2049—2052. 1935.
Хоу Хань шу (История Поздней династии Хань). Сост. Фань Хуа династии Лю-Сун. Цз. 115 (см.: Бичурин, 1950).
ХФЧЛШЦ.— Хэфэнь чжулао ши цзи (Антология старцев из Хэфэня). Сост. юаньский Фан Ци.— ЦЦ, № 1790, 1936.
ЦВЦ.— Цзинь вэнь цзуй (Собрание литературных произведений Цзинь). Сост. цинский Чжан Цзиньу. Сучжоу, 1906.
ЦВЯ.— Цзинь вэнь я (Литературная классика Цзинь). Сост. цинский Чжуан Чжунфань. Шанхай, 1912.
ЦДГЧ.— Цидань го чжи (Сведения о государстве киданей). Сост. южносунский Е Лунли. Пекин, 1938 (см.: Таскин, 1979).

ЦКЯЛ.— Цзинкан яолу (Важнейшие заметки о годе правления под девизом Цзинкан (1126)) южносунского составителя.— ЦЦ, № 3882—3886. 1939.
ЦЛБК.— Цюань Ляо бэйкао (Справка по всем [провинциям] по Ляо [хэ]). Сост. цинский Лин Цзи.— ЛЦ. Сб. 7.
ЦЛВЦ.— Цзилинь вайцзи (Неофициальное описание [провинции] Цзилинь). Сост. цинский Са Инъэ.— ЦЦ, № 3178—3179. 1939.
ЦЛЧ.— Цюань Ляо чжи (Сведения по всем [землям по] Ляо [хэ]). Сост. минский Ли Фу.— ЛЦ. Сб. 2.
ЦСШ.— Цзинь сяо ши (Малая история Цзинь). Сост. минский Ян Сюньцзи.— ЛЦ. Сб. 1.
ЦЧ.— Цзинь чжи (Сведения о Цзинь). Сост. южносунский Юйвэнь Маочжао.— ЦЦ, № 3903. 1939 (см.: Васильев, 1859).
ЦШ.— Цзинь ши (История Цзинь). Сост. юаньские Токто и др.— Сыбу бэйяо. Т. 90—91. Шанхай, 1939 [см.: История дома Цзинь...; Малявкин, 1942; Herlez, 1887(I); Franke, 1978(II)].
ЦШГЮЦ.— Цзинь ши го юй цзе (Изъяснение туземных слов в истории государства Цзинь). Составлено при династии Цин. [Б. м.], 1824.
ЦЮЧЦ.— Цзиньюань чжацзи (Заметки о событиях в Цзиньюане). Сост. цинский Ши Гоци.— ЦЦ, № 3906. 1939.
ЦЯИЛСНЯЛ.— Цзяньянь илаи синянь яолу (Погодные записки важнейших событий с периода правления под девизом Цзяньянь (1127—1130). Сост. южносунский Ли Синьчуань.— ЦЦ, № 3861—3878. 1936.
Чжунго..., 1975.— Чжунго туди циюе вэньшу цзи: Цзинь — Цин (Собрание китайских земельных контрактов и документов: Цзинь — Цин). Киото, 1975.
ЧСЦ.— Чжо Сюань цзи (Сборник Чжо Сюаня [Ван Цзи]). Сост. цзиньский Ван Цзи.— ЦЦ, № 2048. 1939.
ЧСЮУЛ.— Чжунсин юйу лу (Записки о противостоянии оскорблениям и о поддержании падающей династии). Южносунский составитель.— ЦЦ, № 3895. 1939.
ЧЧЦ.— Чжунчжоу цзи (Антология Чжунчжоу). Сост. цзиньский Юань Хаовэнь. Шанхай, 1962.
Ши цзи (Исторические записки). Сост. Сыма Цянь династии Поздняя Хань. Цз. 110 (см.: Бичурин, 1950).
ШЛЮЛ.— Ши Ляо юй лу (Запись бесед с послами в Ляо). Сост. сунский Чэнь Сян.— ЛЦ. Сб. 8.
ШЦЛ.— Ши цзинь лу (Записки о посольстве в Цзинь). Сост. южносунский Чэн Чжо.— Билинь лангуань цуншу. Т. IV. Вып. 5. Кантон, 1909.
ШЦТЧ.— Шэнцзин тунчжи (Общее описание провинции Шэнцзин). Сост. цинский Ван Хэ. [Б. м., б. г.].
ЭМЦ.— Эр мяо цзи (Антология «двух превосходных»). Сост. цзиньские Дуань Чэнцзи, Дуань Кэцзи.— Инкан Сун Цзинь Юань Мин бэньци. Серия III. Тетр. 24. Пекин, 1961.
ЮЛМЧ.— Юнь-лу маньчао (Беглые заметки Юнь-лу [Чжао Яньвэя]). Сост. сунский Чжао Яньвэй.— ЦЦ, № 0297—0298. 1936.
ЮПЦЧ.— Юй-пьхи цзы-чжы тхун-цьзянь ган-му (Высочайше одобренный конспект «Всеобщего обозрения для нужд управления»). Сост. минский Шан Ло. Пер. Н. Я. Бичурин.— Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 7, оп. 1, № 1—15.
ЯЦСБЧ.— Яцзян синбу чжи (Записки об инспекционной поездке на Ялуцзян). Сост. цзиньский Ван Цзи.— ЛЦ. Сб. 8.

* * *

Chan Hok-lam, 1974.— Chan Hok-lam. Prolegomena to the «Ju-nan i-shih»: A Memoir on the Last Chin under the Mongol Siege of 1234.— «Sung Studies Newsletter». Ithaca, 1974, № 10, Suppl. 1.
Chavannes, 1897, 1898.— Chavannes Ed. Voyageurs chinois chez les khitan et les joutchen.— «Journal asiatique». P., 1897, Série 9, t. IX; 1898, Série 9, t. XI.
Franke, 1978 (II).— Franke H. Chinese Texts on the Jurchen II: A Translation of the Chapter One of the Chin-shih.— «Zentralasiatische Studies». Wiesbaden, 1978, № 12.

Franke, 1975.— Franke H. Chinese Texts on the Jurchen: A Translation of the Jurchen Monograph in the San-ch'ao-pei-meng-hui-pien.— «Zentralasiatische Studien». Wiesbaden, 1975, № 9.
Gabelentz, 1877.— Gabelentz H. A. Geschichte der Grossen Liao aus dem mandschu übersetzt. St.-Petersbourg, 1877.
Grube, 1896.— Grube W. Die Sprache und Schrift des Jučen. Lpz., 1896.
Haenisch, 1969.— Haenisch E. Zum Untergang zweier Reiche. Berichte von Augenzeugen aus den Jahren 1232—1233 und 1368—1370 aus dem Chinesischen übersetzt von Erich Haenisch. Wiesbaden, 1969 (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd XXXVIII, H. 4).
Harlez, 1887 (I).— Harlez C de. Histoire de l'Empire de Kin, ou Empire d'or. Traduire de C. de Harlez. Louvain, 1887.
Ishida, 1973 (II).— Ishida Mikinosuke. A New Materials for the Study of Nüchen Language.— Ishida M. Studies in Cultural History of Eastern Asia. Tokyo, 1973 (The Toyo Bunko Publ. Series A, № 54).
Leao-tche. Traduit et annoté par R. Stein.— TP. Série 2, t. 35, livr. 1—3. 1939.
Ma Touan-lin, 1876.— Ma Touan-lin. Ethnographie des peuples étrangers à la Chine. Tr. d'Hervay de Saint Denies. Génève, 1876 (Assuma Gusa, fasc. 11).
Pei Yuan Lou, 1904.— Pei Yuan Lou. Récit d'un voyage dans le Nord, par Tcheou Chan, traduit par Ed. Chavannes.— TP. 1904, série 2, vol. V, № 2.
Watanabe, 1935.— Watanabe D. S. (Kuntaro). The New Study of Nüchen Language. Osaka, 1935 (Research Review of the Osaka Asiatic Soc., № 12).
Yamaji, 1956.— Yamaji Hiroki. A Jučen-Japanese-English Glossary. Tokyo, 1956 (Research Room for the Asian and African Languages).

Литература

Алексеев, Бромлей, 1968.— Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей.— СЭ. 1968, № 2.
Анучин, 1948.— Анучин В. А. Географические очерки Маньчжурии. М., 1948.
Ао Чэнлун, 1959.— Ао Чэнлун. Краткое сообщение о зачистке древнего погребения в с. Чжаолинпу у г. Шицзячжуан в Хэбэе.— К. 1959, № 7.
Аргудяева, 1964.— Аргудяева Ю. В. Чжурчжэньская черепица (по материалам археологических разведок 1960 г.).— МИС. 1964, вып. 1.
Аргудяева, 1963.— Аргудяева Ю. В. О датировке некоторых видов средневековой керамики.— ТДВ. Т. V. Благовещенск, 1963.
Арсеньев, 1914.— Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический.— «Записи Приморского отделения РГО». Т. X. Вып. 1. Хабаровск, 1914.
Артановский, 1977.— Артановский С. Н. Некоторые проблемы истории культуры. Л., 1977.
Артановский, 1967.— Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Философско-методологический анализ современных зарубежных концепций. Л., 1967. (Ученые записки Ленинградского педагогического Института им. А. И. Герцена, т. 355.)
Археология..., 1962.— Археология в Новом Китае. Пекин, 1962 (Каогу чжуанькань, сер. А, № 6) **.
Ащепков, 1952.— Ащепков Е. А. Архитектура Китая. Очерки. М., 1969.
Баллер, 1969.— Баллер. Э. А. Преемственность в развитии культуры. М., 1969.
Баткин, 1969.— Баткин Л. М. Тип культуры как историческая целостность.— ВФ. 1969, № 9.
Березный, 1963.— Березный Л. А. Проблема развития средневекового китайского общества в современной американской буржуазной историографии.— «Вестник Ленинградского университета». 1963, № 20 (Серия истории, языка и литературы, вып. 4).
Бичурин, 1840.— Бичурин И. Китай: его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840.
Болдин, 1976 (1).— Болдин В. И. К характеристике сельскохозяйственных орудий с Шайгинского городища.— НАИ, 1976.

Болдин, 1976 (II).— Болдин В. И. К вопросу о назначении «пиковидных» орудий с Шайгинского городища.— НАИ. 1976.
Болдин, Шавкунов, 1979.— Болдин В. И., Шавкунов Э. В. О характере и роли земледелия в хозяйстве населения Шайгинского городища.— СЭ. 1979, № 6.
Бромлей, 1973 (I).— Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
Бромлей, 1973 (II).— Бромлей Ю. В. К проблеме типологизации этнических общностей. М., 1973 (МКАЭН. IX).
Брук, Чебоксаров, 1976.— Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности.— Расы и народы. Т. 6. М., 1976.
Буссе, 1888.— Буссе Ф. Ф. Остатки древности в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ.— ЗОИАК. Т. I, 1888.
Буссе, Кропоткин, 1908.— Буссе Ф. Ф., Кропоткин Л. А. Остатки древностей в Амурском крае.— ЗОИАК. Т. XII, 1908.
Бянь Чэнсюй и др., 1958.— Бянь Чэнсюй, Цзе Тинци, Чжан Чэнцзо. Краткое сообщение о зачистке танских, ляоских и цзиньских погребений в юго-западном пригороде Датуна в Шаньси.— К. 1958, № 6.
Ван Сючжи, 1960.— Ван Сючжи. Краткие сообщения о зачистке городища Бали в уезде Чжаодун в провинции Хэйлунцзян.— К. 1960, № 2.
Ван Хуайлинь, 1958.— Ван Хуайлинь. О разделе «Династия Юань» в «Очерках истории Китая».— ЛЯ. 1958, № 7.
Ван Цзэнсинь, 1960 (I).— Ван Цзэнсинь. Памятники периодов Цзинь — Юань у деревни Чэнхоу в уезде Суйчжун в провинции Ляонин.— К. 1960, № 2.
Ван Цзэнсинь, 1960 (II).— Ван Цзэнсинь. Памятники эпох Цзинь — Юань в Цяньданпо в уезде Синмин в провинции Ляонин.— К. 1960, № 2.
Ван Чжиминь, 1959.— Ван Чжиминь. Вещи, обнаруженные в провинции Цзянсу за последние годы.— В. 1959, № 4.
Ван Юнсян, 1965.— Ван Юнсян. Остатки железолитейной мастерской эпохи Цзинь в районе Сяолин уезда Ачэн провинции Хэйлунцзян.— К. 1965, № 3.
Ван Юнсян, 1960.— Ван Юнсян. Городища и погребения эпохи Ляо и Цзинь у Харбина.— К. 1960, № 4.
Ван Яочэн.— Ван Яочэн. Заметки о путешествии в Датун.— «Дили цзачжи». Пекин, 1915, год. 6-й, № 10.
Васильев, 1974.— Васильев Ю. М. Могильник «Лудянникова сопка».— АО. 1973, 1974.
Васильева, 1976.— Васильева Т. А. Пережитки тотемизма у чжурчжэней.— НАИ. 1976.
Васильевы, 1976.— Васильевы Ю. М. и Т. А. Исследования на нижнем Амуре.— АО. 1975, 1976.
Ватанабэ, 1925.— Ватанабэ Кунтаро. Маньчжурский и чжурчжэньский языки и звучание китайских иероглифов.— «Адзия кэнкю». Осака, 1925, № 2.
Воже де Брюнь, 1788.— Воже де Брюнь [Жув Жозеф] B et P. Д. М. История о завоевании Китая манжурскими татарами, состоящая в 5 книгах. Пер. с франц. А. Р. М., 1788.
Волкова, 1975.— Волкова М. П. О редком и малодоступном маньчжурском сочинении «Речи ста двадцати старцев».— ППИКНВ. IX сессия. 1975.
Воробьев, 1979.— Воробьев М. В. Путевые заметки сунских послов в государство чжурчжэней Цзинь.— ОГК. 10-я сессия, 1979.
Воробьев, 1977 (I).— Воробьев М. В. О ранних чжурчжэне-монгольских языковых связях.— ППИКНВ. XIII сессия, 1977.
Воробьев, 1977 (II).— Воробьев М. В. Китайско-чжурчжэньские отношения в дни мира и войны.— ОГК. 8-я сессия, вып. 1, 1977.
Воробьев, 1975.— Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.— 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975.
Воробьев, 1973.— Воробьев М. В. Некоторые спорные вопросы культурной и этнической истории чжурчжэней.— СНВ. Вып. 15, 1973.
Воробьев, 1972.— Воробьев М. В. Печати государства Цзинь.— Эпиграфика Восточной и Южной Азии. М., 1972.

Воробьев, 1971.— Воробьев М. В. О естественных науках в чжурчжэньском государстве Цзинь.— История, культура, язык народов Востока. М., 1971.
Воробьев, 1970 (I).— Воробьев М. В. Историография в чжурчжэньском государстве Цзинь.— ППИКНВ. VI сессия, 1970.
Воробьев, 1970 (II).— Воробьев М. В. «Правдивые хроники» чжурчжэньских императоров («шилу»).— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. М., 1970.
Воробьев, 1968 (I).— Воробьев М. В. Городища чжурчжэней как фортификационные сооружения.— ДГО. Вып. 5, 1968.
Воробьев, 1968 (II).— Воробьев М. В. Два строения с канами в Краснояровской крепости в Приморье.— КС. Вып. 114, 1968.
Воробьев, 1968 (III).— Воробьев М. В. О происхождении некоторых обычаев чжурчжэней.— «Доклады по этнографии [ГО]». Вып. 6. Л., 1968.
Воробьев, 1968 (IV).— Воробьев М. В. Система пяти столиц чжурчжэней.— ДГО. Вып. 5, 1968.
Воробьев, 1968 (V).— Воробьев М. В. Словарный состав чжурчжэньского языка как этнографический источник.— ДГО. Вып. 5, 1968.
Воробьев, 1968 (VI).— Воробьев М. В. Чжурчжэни и национально-охранительная политика государства Цзинь.— ППИКНВ. IV сессия, 1968.
Воробьев, 1968 (VII).— Воробьев М. В. Язык и письменность чжурчжэней (культурно-историческая характеристика).— ДГО. Вып. 5, 1968.
Воробьев, 1967 (I).— Воробьев М. В. О литературе в чжурчжэньском государстве Цзинь.— Жанры и стили литератур Дальнего Востока. Тезисы докладов научной конференции (Л., 1966). М., 1967.
Воробьев, 1967 (II).— Воробьев М. В. Развалины дворца в Краснояровской крепости в Приморье.— Историко-филологические исследования. Сборник статей к 75-летию академика Н. И. Конрада. М., 1967.
Воробьев, 1966 (I).— Воробьев М. В. Религиозные верования чжурчжэней.— Доклады по этнографии [ГО]. Вып. 4. Л., 1966.
Воробьев, 1966 (II).— Воробьев М. В. Маньчжурское средневековье в советской историографии.— Межвузовская научная конференция по вопросам истории стран Азии и Африки в советской историографии, 1966. Тезисы докладов. М., 1966.
Воробьев, 1960.— Воробьев М. В. Археологические памятники Приморья в 8—12 вв.— Тезисы 1-й конференции по истории Дальнего Востока. Иркутск, 1960.
Воробьев, 1959.— Воробьев М. В. О работе Ворошиловского отряда в 1956 г.— КС. Вып. 73, 1959.
Восемь..., 1976.— Восемь официальных печатей Цзинь, обнаруженных в районе г. Фуяна пров. Аньхой.— В. 1976, № 4.
Вяткин, Тихвинский, 1963.— Вяткин Р. В., Тихвинский С. Л. О некоторых вопросах исторической науки в КНР.— ВИ. 1963, № 10.
Галактионов, 1978.— Галактионов О. С. Характеристика средневековых наконечников копий Приморья.— АМДИДВ, 1978.
Галактионов, 1976.— Галактионов О. С. Два чжурчжэньских городища военно-стратегического назначения.— НАИ. 1976.
Галактионов, 1973.— Галактионов О. С. Характеристика наконечников стрел с Шайгинского городища.— ТДВ. Т. 8, 1973.
Галактионов, 1966.— Галактионов О. С. Плавильная мастерская на Шайгинском городище.— НСК, 4-я, 1966.
Го Можо, 1964.— Го Можо. О картине «Возвращение Вэнь Цзи в Китай», нарисованной цзиньским художником Чжан Юем.— В. 1964, № 7.
Голи..., 1961.— Голи Чжунъян тушугуань Цзинь-Юань бэньтулу (Иллюстрированный каталог ксилографов периодов Цзинь Юань в Центральной национальной библиотеке [в Тайбэе]. Тайбэй, 1961.
Гребенщиков, 1922.— Гребенщиков А. В. К истории китайской валюты (нумизматические памятники Южно-Уссурийского края).— «Вестник Азии». Харбин, 1922, кн. 50.
Гребенщиков, 1916.— Гребенщиков А. В. К изучению истории Амурского края по данным археологии.— Юбилейный сборник. XXV. Музей Общества

изучения Амурского края за 25 лет своего существования. Владивосток, 1916.
Гребенщиков, 1912.— Гребенщиков А. В. Маньчжуры, их язык и письменность.— «Известия Восточного института». 1911/12 ак. год. Т. XIV. Вып. 1. Владивосток, 1912.
Гуань Сунфан, 1958.— Гуань Сунфан. Цзиньский фарфор и цзюньяо.— В. 1958, № 2.
Гумилев, 1970.— Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «Государстве пресвитера Иоанна»). М., 1970.
Гуревич, 1972.— Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
Гусева, 1978 (I).— Гусева Л. Н. Как одевались чжурчжэни.— ДВ. 1978, № 8.
Гусева, 1978 (II).— Гусева Л. Н. Об истоках некоторых орнаментальных мотивов в искусстве чжурчжэней.— АМДИДВ. 1978.
Гусева, 1977.— Гусева Л. Н. Чжурчжэньское зеркало.— ДВ. 1977, № 6.
Гусева, 1976.— Гусева Л. Звериный стиль в искусстве чжурчжэней (XII—XIII).— ДВ. 1976, № 12.
Гусева, Шавкунов, 1976.— Гусева Л. Н., Шавкунов Э. В. Происхождение одного орнаментального мотива у чжурчжэней.— НАИ. 1976.
Давидович, Белолипецкий, 1974.— Давидович В. Е., Белолипецкий В. К. Культура и ее место в жизни общества.— «Философские науки». М., 1974, № 2.
Дай Цзундэ, 1965.— Дай Цзундэ. Пять могил с кирпичной камерой эпох Сун, Цзинь и Юань вблизи г. Тайюаня.— К. 1965, № 1.
Деревянко, 1980.— Деревянко Е. И. Средневековые памятники Среднего Приамурья (по исследованиям 1977 г.).— Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980.
Деревянко, 1977.— Деревянко Е. И. Троицкий могильник. Новосибирск, 1977.
Деревянко, 1975.— Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
Деревянко, 1970.— Деревянко А. П. В стране трех солнц. Рассказы археолога о древностях Приамурья. Хабаровск, 1970.
Долгих, 1958.— Долгих Б. О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам.— Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.
Долгопольский, 1967.— Долгопольский А. От Сахары до Камчатки языки ищут родственников.— «Знание — сила». М., 1967, № 1.
Древнемонгольские города. М., 1965.
Древние..., 1965.— Древние чиновничьи печати, выкопанные в Даньчэне в Хэнани.— В. 1965, № 5.
Дуань Цзэнсю, 1963.— Дуань Цзэнсю. Вторичная разведка древнего города Пяньляня в уезде Лишу провинции Гирин.— К. 1963, № 1.
Дун Сюэцзэн, 1979.— Дун Сюэцзэн. Бронзовое зеркало с двумя карпами династии Цзинь из уезда Юнцзи пров. Гирин.— В. 1979, № 8.
Желоховцев, 1969.— Желоховцев А. Н. Хуабэнь — городская повесть средневекового Китая. Некоторые проблемы происхождения и жанра. М., 1969.
Жернаков, 1956.— Жернаков В. И. Каменные барельефы в каменном карьере железнодорожной станции Агоучэ в уезде Ачэн провинции Хэйлунцзян.— В. 1956, № 6.
Забелина, 1960 (I).— Забелина Н. Н. Из области средневекового искусства Дальнего Востока.— МИА. № 86, 1960.
Забелина, 1960 (II).— Забелина Н. Н. К исторической топографии г. Уссурийска.— «Вопросы географии Дальнего Востока». Сб. 4. Хабаровск, 1960.
Забелина, 1955.— Забелина Н. Н. Раскопки Дальневосточной археологической экспедиции в г. Ворошилове (1954 г.).— «Советское Приморье». Вып. 19. Владивосток, 1955.
Залкинд, 1948.— Залкинд Е. М. Кидане и их этнические связи.— СЭ. 1948, № 1.
Зворыкин, 1969.— Зворыкин А. А. Некоторые вопросы теории культуры.— «Информационный бюллетень (научного совета АН СССР по проблемам конкретных исследований)». М., 1969, № 23, прил. 1.

Зворыкин, 1964.— Зворыкин А. А. Определение культуры и место материальной культуры в общей культуре. М., 1964 (МКАЭН, VII).
Золотарев, 1939.— Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.
Иваи, 1919.— Иваи Дайкэй. О «Шиу бэньцао».— ТЁГХ. 1919, т. IX, № 4/5.
Ивамура, 1943.— Ивамура Синобу. Мусульманские кушанья в «Цзюйцзя биюн шилэй цзюаньцзи».— «Миндзокугаку кэнкю». Токио, 1943, т. 1, № 1.
Иваньев, 1951.— Иваньев Л. Н. Древности села Чугуевки в Приморском крае.— СА. Вып. XV, 1951.
Ивлиев, 1978.— Ивлиев А. О надписях на бортиках средневековых бронзовых зеркал.— АМДИДВ. 1978.
Ивлиев, Никитин, 1979.— Ивлиев А. Н., Никитин Ю. Г. Раскопки Майского городища.— АО, 1978, 1979.
Ивочкина, 1968.— Ивочкина Н. В. Начало выпуска денег в чжурчжэньском государстве Цзинь.— Сообщения Государственного Эрмитажа. № 29. Л., 1968.
Ивочкина, 1967.— Ивочкина Н. В. Ассигнации чжурчжэньского государства (1115—1234 гг.).— Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1966 год. Л., 1967.
Иманиси, 1958.— Иманиси Харуаки. Бронзовая печать с чжурчжэньскими письменами.— «Тоёси кэнкю». Киото, 1938, т. III, № 3.
Инаба, 1934.— Инаба Ивакити. Исторические материалы о добыче железа в Маньчжурии и в Корее в старину.— «То А кэйдзай кэнкю». Ямагути, 1934, т. XVIII, № 4.
Ион, 1969.— Ион Э. Проблемы культуры и культурная деятельность. М., 1969.
История Китая..., 1974.— История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
История..., 1968.— История Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1968.
История стран..., 1970.— История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
Ито, 1945.— Ито Тюта. Тоё кэнтику-но кэнкю (Архитектура Востока). В 2-х томах. Токио, 1945.
Ито, 1909.— Ито Тюта. Мансю-но буцудзи кэнтику (Архитектура буддийских храмов Маньчжурии). Токио. 1909 (Тоё кёкай тёсабу гакудзюцу хококу, т. 1).
Ишжамц, 1976.— Ишжамц Н. Кочевники и Китай.— «Studia Mongolica». T. 3(11). Fasc. 1—25. Ulan-Bator, 1976 *.
Ишжамц, 1974.— Ишжамц Н. Культура монголов XIII—XIV вв.— «Studia Historica Instituti Historicae Academiae Scientiarum Respublicae Populi Mongolici». T. X. Fasc. 6. Ulanbaatar, 1974 **.
Кавасэ, 1939.— Кавасэ Сиро. Маммо-но фудзоку сюкан (Нравы и обычаи Маньчжурии и Монголии). Токио, 1939.
Кан Цзясин.— Кан Цзясин. Археологическое обследование Шанхэваня и Цзюдая в Цзилине.— К. 1961, № 3.
Канто-тё..., 1933.— Канто-тё хакубуцукан кокодзуроку (Каталог археологических предметов в Музее Квантуна). Порт-Артур, 1933 *.
Каогу..., 1958.— Каогусюе цзичу (Основы археологии). Пекин, 1958.
Кара, Кычанов, Стариков, 1972.— Кара Д., Кычанов Е. И., Стариков В. С. Первая находка чжурчжэньских рукописных текстов на бумаге.— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1969. М., 1972.
Кафаров, 1879.— Кафаров П. И. Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии.— ЗИРГО (по общей географии). 1879, т. VIII, вып. 1.
Кафаров, 1871.— Кафаров П. И. Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край.— Известия ИРГО. СПб., 1871, т. VII, № 2, 3, 5—7.
Кинси..., 1961—1962.— Кинси гои сюсэй (Индекс к «Цзиньши»). В 3-х томах. Сост. Оногава Хидэми. Киото, 1961—1962.
Киселев, 1959.— Киселев С. В. Из истории китайской черепицы (В связи с изучением древних городов Монголии, Сибири и Дальнего Востока).— СА. 1959, № 3.

Козлов, 1973.— Козлов В. И. Проблема фиксации этнических процессов. М., 1973 (МКАЭН. IX).
Козлов, 1968.— Козлов В. И. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития.— ВИ. 1968, № 9.
Комура, 1934.— Комура Тосио. Древняя гончарная печь Гангуаньтунь в Южной Маньчжурии.— «Тодзи». Токио, 1934, т. V, № 6.
Конрад, 1966.— Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966.
Конрад, 1962.— Конрад Н. И. Размышления об истории научного и культурного развития человечества.— «Народы Азии и Африки». М., 1962, № 5.
Копытько, 1978.— Копытько В. Н. Погребение чжурчжэньского воина в Болоньском могильнике у с. Ачан.— И. 1978, № 11, вып. 3.
Кочетова, 1956.— Кочетова С. М. Фарфор и бумага в искусстве Китая. М.— Л., 1956.
Крушанов, 1975.— Крушанов А. И. Об организации исторических исследований на Дальнем Востоке.— ВИ. 1975, № 8.
Куан Юй, 1963.— Куан Юй. Ляо-цзиньское погребение в уезде Фуюй провинции Цзилинь.— К. 1963, № 11.
Кувахара, 1927.— Кувахара Одзо. История китайских кос.— Кувахара Одзо. Тоё си сэцуэн (Сборник по истории Востока). Токио, 1927.
Кузнецов, 1973.— Кузнецов А. И. Понятие «этническая общность» в советской науке последнего десятилетия. М., 1973 (МКАЭН, IX).
Кузнецов, 1979.— Кузнецов В. С. Из истории взаимоотношения Китая с чжурчжэнями в XVI — начале XVII в.— ТДВ. Т. IX, 1973.
Курода, 1955.— Курода Гэндзи. Фарфор Ляо и Цзинь.— Сэкай тодзи дзэнсю. Т. X. Токио, 1955.
Кызласов, 1975.— Кызласов Л. Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры).— СЦВА. 1975.
Кызласов, 1959.— Кызласов Л. Р. Средневековые города Тувы.— СА. 1959, № 2.
Кычанов, 1973.— Кычанов Е. И. Из истории взаимоотношений тангутского государства Си Ся и чжурчжэньской империи Цзинь.— ТДВ. Т. 9, 1973.
Кычанов, 1968.— Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968.
Кычанов, 1959.— Кычанов Е. И. Некоторые сведения китайских источников об этнографии тангутов.— СЭ. 1959, № 4.
Лао Яньсюань, 1964.— Лао Яньсюань. Жизнь в императорских охотничьих лагерях Цзинь и Юань.— ДЦ. 1964, т. XXVII, № 9.
Лапина, 1972.— Лапина З. Т. Традиционные политические доктрины Китая и военная мысль средневековья (на примере доктрины Ли Гоу «Обогащение государства, усиление армии, успокоение народа», 1039).— ОГК. 3-я, вып. 1, 1972.
Ларичев, 1974.— Ларичев В. Е. Навершие памятника князю Золотой империи.— МИС. Вып. 4, 1974.
Ларичев, 1968.— Ларичев В. Е. Посмертный дар Ф. Ф. Буссе (новые материалы к истории и археологии Дальнего Востока).— Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Вып. 1. Новосибирск, 1968.
Ларичев, 1966 (I).— Ларичев В. Е. Тайна каменной черепахи. Документальная повесть об одном археологическом поиске. Новосибирск, 1966.
Ларичев, 1966 (II).— Ларичев В. Е. Потерянные дневники Палладия Кафарова.— И. 1966, № 1, вып. 1.
Ларичев, 1958.— Ларичев В. Е. Китайская надпись на бронзовом зеркале из Сучана (Приморье).— «Эпиграфика Востока». Вып. XII. Л., 1958.
Леньков, 1979.— Леньков В. Д. К характеристике чугунных изделий чжурчжэньских ремесленников XII—XIII вв.— Древние культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.
Леньков, 1978.— Леньков В. Д. Археологические исследования на Лазовском городище.— АМДИДВ. 1978.
Леньков, 1976.— Леньков В. Д. О результатах обследования металлургического комплекса на Скалистом городище.— НАИ. 1976.

Леньков, 1975.— Леньков В. Д. Раскопки Лазовского городища.— АО. 1974, 1975.
Леньков, 1974 (I).— Леньков В. Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII в. (По материалам исследования Шайгинского городища). Новосибирск, 1974.
Леньков, 1974 (II).— Леньков В. Д. Анализ кузнечно-слесарного инструментария с Шайгинского городища.— ТДВ. Т. 10, 1974.
Леньков, 1973.— Леньков В. Д. О технологии получения и обработки металла у чжурчжэней в XII в.— ТДВ. Т. 9, 1973.
Леньков, 1971.— Леньков В. Д. Социально-экономические и политические предпосылки развития металлургического производства у чжурчжэней в XI—XII вв.— ТДВ. Т. 8, 1971.
Леньков, 1969.— Леньков В. Д. Исследования на Плахотнюкинском городище.— АО 1968. 1969.
Леньков, 1968.— Леньков В. Д. К вопросу классификации керамики Шайгинского городища.— ТДВ. Т. 6, 1968.
Леньков, 1967.— Леньков В. Д. Предварительные итоги исследования плавильной печи на Шайгинском городище.— ТДВ. Т. 7, 1967.
Леньков, Галактионов, 1977.— Леньков В. Д., Галактионов О. С. Раскопки на Екатериновском городище.— АО 1976. 1977.
Леньков, Галактионов, 1976.— Леньков В. Д., Галактионов О. С. Раскопки Лазовского городища.— АО 1975. 1976.
Леньков, Галактионов, Силантьев, 1979.— Леньков В. Д., Галактионов О. С., Силантьев Г. Л. Раскопки Лазовского городища.— АО 1978. 1979.
Леньков и др., 1976.— Леньков В. Д., Галактионов О. С., Силантьев Г. Л. Раскопки Екатериновского городища.— АО 1977. 1978.
Леньков, Овсянников, 1972.— Леньков В. Д., Овсянников Н. В. О результатах анализов кирпичей и формовой глины из плавильных мастерских Шайгинского городища.— СА. 1972, № 2.
Лешок, 1966.— Лешок Е. Г. Из глубины веков. Заметки археолога.— ДВ. 1966, № 1.
Ли Вэньсин, 1963.— Ли Вэньсин. Музыкальный колокол из Шанцзина; один из дюжины типового набора.— В. 1963, № 5.
Ли Ёсон, 1957.— Ли Ёсон. Чосон конъе мисул ёнгу (Прикладное искусство Кореи). Пхеньян, 1957.
Ли Ёсон, 1955.— Ли Ёсон. Чосон мисул са (Общий очерк искусства Кореи). Пхеньян, 1955.
Ли Ию, 1979.— Ли Ию. Стелы с надписями династии Цзинь около пагоды Ваньбу хуаянь цзин у г. Хух-Хото.— К. 1979, № 4.
Ли Ию, 1961 (I).— Ли Ию. Древние погребения за пределами западного городища Средней столицы Ляо.— В. 1961, № 9.
Ли Ию, 1961 (II).— Ли Ию. Новые материалы по древним чжурчжэньским печатям, выкопанным во Внутренней Монголии.— В. 1961, № 9.
Ли Ию, 1959.— Ли Ию. Цзиньские погребения у Линьдунчжэна в аймаке Баринцзо в сейме Чжаоуда.— В. 1959, № 7.
Ли Квимун, 1966.— Ли Квимун. О чжурчжэньских топонимах.— «Мунри тэхакпо». Сеул, 1966, т. VI, № 1.
Ли Лань, 1958.— Ли Лань. Печать начальника цзиньского округа Ханьчжоу, обнаруженная в деревне Пухай, уезда Цзютай.— В. 1958, № 2.
Ли Сюэчжи, 1963.— Ли Сюэчжи. Попытка исправления ошибок в «Цзинь ши юйцзе».— «Синь Я сюэбао» («The New Asia Journal»). Сянган, 1963, т. V, № 2.
Ли Цзяньцай, 1964.— Ли Цзяньцай. Об исследовании крепости Тахучэн в провинции Гирин.— К. 1964, № 1.
Ли Цзяньцай и др., 1961.— Ли Цзяньцай, Чжан Маньтин. Археологическое обследование уездов Цянього, Фуюй, Дэхуэй в провинции Цзилинь.— К. 1961, № 1.
Линь Жуйхань, 1956.— Линь Жуйхань. Жизнь в лагерях в период появления чжурчжэней.— ДЦ. 1956, т. 12, № 11.

Линь Жунгуй, 1980.— Линь Жунгуй. Дистиллятор династии Цзинь.— К. 1980, № 5.
Ло Пин и др., 1962.— Ло Пин, Чжэн Чжаоцзун. Сообщение о раскопках фамильного погребения цзиньских Жи Лиая и Жи Фэня в деревне Бэйчан в уезде Синьчэн в провинции Хэбэй.— К. 1962, № 12.
Ло Фуи, Ван Жэньлян, 1963.— Ло Фуи, Ван Жэньлян. Иньчжан гайшу (Печати: общий очерк). Пекин, 1963.
Ло Фучэн, 1936.— Ло Фучэн. Перевод чжурчжэньской надписи на стеле из Яньдай.— «Каогу сюешэ шэкань». Бэйпин, 1936, № 5.
Лопатин, 1869.— Лопатин И. Некоторые сведения о 49 древних урочищах в Амурской стране (рукопись).— Архив Ленинградского отделения Института археологии, № 34/1869.
Лопатин, 1864.— Лопатин И. Обзор южной части Приморской области Восточной Сибири за рекой Суйфуном.— «Записки Сибирского отдела ИРГО». Иркутск, 1864, кн. VII.
Лопатин, 1922.— Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922 (ЗОИАК, т. XVII).
Лотман, 1978.— Лотман Ю. М. Феномен культуры.— Труды по знаковым системам. Т. X. Семиотика культуры. Тарту, 1978 (Уч. зап. Тартуского гос. университета, вып. 463).
Лотман, 1970.— Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970.
Лу Ци, 1980.— Лу Ци. Серебряный слиток второго года цзиньского девиза правления чжэнлун [1157 г.], выкопанный в Пекине.— В. 1980, № 4.
Лу Ци, 1979.— Лу Ци. Бронзовая коробочка династии Цзинь, найденная в Пекине.— К. 1979, № 9.
Лу Ци, 1978.— Лу Ци. Осмотр выставки предметов культуры, выкопанных в Пекине.— В. 1978, № 4.
Лубо-Лесниченко, 1975 (I).— Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). М., 1975.
Лубо-Лесниченко, 1975 (II).— Лубо-Лесниченко Е. И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея).— СЦВА. 1975.
Лю Няньцзы, 1973.— Лю Няньцзы. Культурные реалии, обнаруженные после создания КНР: Развитие драмы Цзинь-Юань в Пинъяне.— В. 1973, № 3.
Лю Няньцзы, 1959.— Лю Няньцзы. Сформирование китайского драматического театра к началу XIII в. Сообщение об исследовании сцены в погребении цзиньского Дуня в Хоума.— «Сицзюй яньцзю». Пекин, 1959, № 2.
Лю Синтан, 1934.— Лю Синтан. К истории горного дела Ляо и Цзинь.— «Вэньхуа пипань». Бэйпин, 1934, т. II, № 1.
Лю Сяньчжоу, 1963.— Лю Сяньчжоу. Чжунго гудай кунъе цзисе фамин ши (История изобретений в области древней сельскохозяйственной техники). Пекин, 1963.
Лю Сяньчжоу, 1962.— Лю Сяньчжоу. Чжунго цзисе гунчэн фамин ши (История технических изобретений в Китае). Сб. 1. Пекин, 1962.
Лю Хоуцзы, 1941.— Лю Хоуцзы. Чжурчжэнеязычные материалы в надписях на камне, дошедших от потомков, и их исследование.— «Вэньсюэ няньбао». Сянган, 1971, т. 7 (The Annual of Chinese Literature).
Лю Чжэньи, 1959.— Лю Чжэньи. О зачистке погребения эпохи Цзинь к западу от Лояна.— К. 1959, № 12.
Лю Шилю, 1936.— Лю Шилю. О стеле с чжурчжэньской письменностью.— «Каогу сюешэ шэкань». Бэйпин, 1936, № 5.
Люй Пинь, 1966.— Люй Пинь. Печать «добровольческой армии» династии Цзинь, обнаруженная в уезде Линьсянь [пров. Хэнань].— В. 1966, № 4.
Люй Цуньво, 1956.— Люй Цуньво. Погребения эпохи Цзинь у деревни Дунпу в уезде Юаньцюй в провинции Шаньси.— К. 1956, № 1.
Люй Чжэньюй, 1951.— Люй Чжэньюй. Чжунго миньцзу цзяньши (Краткая истории народов Китая). Пекин, 1951.
Люй Чжэньюй, 1959.— Люй Чжэньюй. К вопросу о слиянии народов в истории.— ЛЯ. 1959, № 4.

Ляоские..., 1977.— Ляоские и цзиньские погребения, обнаруженные в Ляояне.— В. 1977, № 12.
Ма Сигуй, 1980.— Ма Сигуй. Краткий отчет о раскопках памятника цзиньской эпохи на террасе Дабаотай у Пекина.— К. 1980, № 5.
Ма Сигуй, 1977.— Ма Сигуй. Цзиньские погребения Сяньнунтаня в Пекине.— В. 1977, № 11.
Малявкин, 1977.— Малявкин А. Г. Маньчжурский вариант хроники государства Аньчунь-Гурунь.— И. 1977, № 1, вып. 1.
Малявкин, 1975.— Малявкин А. Г. Китай и уйгуры в 840—848 гг.— СЦВА. 1975.
Мао Вэнь, 1935.— Мао Вэнь. Эволюция системы образования в эпоху Цзинь.— «Сюефэнь». Аньхой, 1935, т. V, № 10.
Мао Вэнь, 1931.— Мао Вэнь. Возникновение чжурчжэньской письменности.— «Шисюе няньбао». Бэйпин, 1931, № 3.
Маркарян, 1972.— Маркарян Э. С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972 (Новое в жизни, науке, технике; сер. Философия, № 3).
Маркарян, 1970.— Маркарян Э. С. Место и роль исследования культуры в современном обществознании.— ВФ. 1970, № 5.
Маругамэ, 1935.— Маругамэ Кинсаку. Торговые отношения Корё с киданями и чжурчжэнями.— «Рэкисигаку кэнкю». Токио, 1935, т. V, № 1.
Матвеев, 1929.— Матвеев З. Н. История Дальневосточного края (Краткий очерк).— «Записки Владивостокского отдела РГО». Владивосток, 1929, т. III (XX), вып. II.
Мацуура, 1977.— Мацуура Сигэру. Вопросы изучения социальной истории чжурчжэней.— «Тоёси кэнкю». Киото, 1977, т. 35, № 4.
Медведев, 1980 (I).— Медведев В. Е. Могильник у с. Дубово — памятник ранних чжурчжэней Среднего Приамурья.— Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980.
Медведев, 1980 (II).— Медведев В. Е. Некоторые результаты раскопок могильника на острове Уссурийском в 1976 г.— Источники по истории Северной Азии (1935—1976 гг.). Новосибирск, 1980.
Медведев, 1980 (III).— Медведев В. Е. Корсаковский могильник.— АО. 1979. 1980.
Медведев, 1979 (I).— Медведев В. Е. Исследования на Амуре.— АО. 1978, 1979.
Медведев, 1979 (II).— Медведев В. Е. О некоторых находках чжурчжэньской культуры на нижнем Амуре.— НАСДВ. 1979.
Медведев, 1978.— Медведев В. Е. Новые данные по средневековой археологии Приамурья.— И. 1978, № 11, вып. 3.
Медведев, 1977.— Медведев В. Е. Культура амурских чжурчжэней. Конец X—XI век (по материалам грунтовых могильников). Новосибирск, 1977.
Медведев, 1976.— Медведев В. Е. О датировке двух курганных групп у пос. Смидович.— НАИ. 1976.
Медведев, 1975 (I).— Медведев В. Е. Пояса Надеждинского могильника.— Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
Медведев, 1975 (II).— Медведев В. Е. Материалы раскопок могильника у села Надеждинского.— СЦВА. 1975.
Медведев, 1975 (III).— Медведев В. Е. О погребальных обрядах амурских чжурчжэней (по материалам раскопок Надеждинского могильника. X—XI вв.).— Соотношение древних культур Сибири с культурами соседних территорий (сборник научных трудов). Новосибирск, 1975.
Медведев, 1969.— Медведев В. Е. Средневековое городище Кенцухе II на р. Тадуши.— И. 1959, № 1, вып. 3.
Медведев, Копытько, 1979.— Медведев В. Е., Копытько В. Н. Могильник Чирки в Приамурье.— АО 1978. 1979.
Межуев, 1977.— Межуев В. М. Культура и история (Проблемы культуры в философско-исторической теории марксизма). М., 1977.
Мелихов 1974.— Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.
Мелихов, 1970.— Мелихов Г. В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае.— Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Миками, 1936.— Миками Цугио. Проблема государственного языка в средний период династии Цзинь.— СД. 1936, т. XLVII, № 6.
Миясита, 1967.— Миясита Сабуро. Медицина с Сун до Юань.— СГ. 1967.
Можейко, 1971.— Можейко И. Фантастическая Шайга.— «Азия и Африка сегодня». М., 1971, № 8.
Мурата, 1947.— Мурата Дзиро. Предание о цзиньском Учжу.— «Гаккай». Осака, 1947, т. IV, № 4.
Мурата Дзиро, 1943.— Мурата Дзиро. Мансю-но сисэки (Исторические памятники Маньчжурии). Токио, 1943.
Народы..., 1965.— Народы Восточной Азии. М.— Л., 1965 (Народы мира. Этнографические очерки).
Народы..., 1956.— Народы Сибири. М.— Л., 1956 (Народы мира. Этнографические очерки).
Нго-Гуин-Куин, Троицкий, 1960.— Нго-Гуин-Куин, Троицкий С. С. Некоторые памятники архитектуры Северного Вьетнама.— Архитектура стран Юго-Восточной Азии. М., 1960.
Николаев, 1951.— Николаев С. Памятники и памятные места в Приморье. Владивосток, 1951.
Новиков-Даурский, 1953.— Новиков-Даурский Г. С. Приамурье в древности.— «Зап. Амурского областного музея краеведения и общества краеведения». Благовещенск, 1953, № 2.
Ногами Сюнсэй, 1953.— Ногами Сюнсэй. Рё Кин-но буккё (Буддизм при Ляо и Цзинь). Киото, 1953.
Нэй Мэнгу..., 1963.— Нэй мэнгу чуту вэньу сюаньцзи (Собрание предметов древней культуры Внутренней Монголии). Пекин, 1963.
Обследование..., 1958.— Обследование развалин Пяньляньчэна в уезде Лишу пров. Цзилинь.— К. 1958, № 3.
Обследование..., 1961.— Обследование пограничных рвов и крепостей области Дунбэй-лу династии Цзинь.— К. 1961, № 5.
Овсянников и др., 1971.— Овсянников Н. В., Тупикина С. М. Предварительные итоги анализов керамики с Шайгинского городища.— ТДВ. Т. VIII, 1971.
Оканиси, 1967.— Оканиси Тамэхито. Традиция китайских фармакопей и фармакопеи Цзинь и Юань.— СГ. 1967.
Окладников, 1971.— Окладников А. П. Раскопки в Сакачи-Аляне.— АО. 1970, 1971.
Окладников, 1964.— Окладников А. П. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии.— ВИ. 1964, № 1.
Окладников, 1963.— Окладников А. П. Археологические раскопки в районе Хабаровска.— Вопросы географии Дальнего Востока. Сб. 5. Хабаровск, 1963.
Окладников, 1959.— Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья (Очерки древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток, 1959.
Окладников, 1958.— Окладников А. П. Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке.— КС. 1958, вып. 71.
Окладников, 1955.— Окладников А. П. Археологические исследования в Приморье в 1953 году.— «Сообщения ДВФАН». Вып. 8. Владивосток, 1955.
Окладников, 1951.— Окладников А. П. Древнее поселение в пади Большой Дурал на Амуре (Предварительное сообщение).— СА. 1951, вып. XV.
Окладников, Деревянко, 1973.— Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.
Окладников, Медведев, 1980.— Окладников А. П., Медведев В. Е. Чжурчжэньское поселение в устье Тунгуски.— Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980.
Окладников, Медведев, 1974.— Окладников А. П., Медведев В. Е. Чжурчжэни Приамурья по данным археологии.— «Проблемы Дальнего Востока». М., 1974, № 4.
Окладников, Медведев, 1973.— Окладников А. П., Медведев В. Е. О двух средневековых могильниках на юго-западе Хабаровского края (предварительное сообщение).— И. 1973, № 1, вып. 1.

Окладников, Медведев, 1970.— Окладников А. П., Медведев В. Е. Древний могильник на озере Болонь — памятник чжурчжэньской культуры на Нижнем Амуре.— И. 1970, № 11, вып. 3.
Описание..., 1897.— Описание Маньчжурии. Под ред. Дм. Позднеева. В двух томах. СПб., 1897.
Осибути, 1934.— Осибути Хадзимэ. Воспоминания о поездке и стела с чжурчжэньскими письменами.— «Сигаку кэнкю». Хиросима, 1934, т. VI, № 2.
Остатки..., 1955.— Остатки жилища эпохи Ляо-Цзинь у деревни Сяцзягоу в уезде Тяньчжэнь провинции Шаньси.— В. 1955, № 9.
Отчет..., 1894.— Отчет общества изучения Амурского края за 1884—1894 гг. Владивосток, 1894.
Очерки..., 1959.— Очерки истории Китая. С древности до «опиумных» войн. Под ред. Шан Юэ. М., 1959.
Пак Ёнхэ, 1966.— Пак Ёнхэ. Внешняя политика Корё до вторжения киданей.— «Йокса квахак». Пхеньян, 1966, № 1.
Пак Хвансик, 1966.— Пак Хвансик. Некоторые специальные материалы о конструкции кирпично-каменных городских стен в Корее.— «Коко минсок». Пхеньян, 1966, № 2.
Панов, 1893.— Панов В. Материалы к древней истории Амурского края (раскопки гг. Буссе и Маргаритова).— «Дальний Восток». Владивосток, 1893, № 97—98 (газета).
Первобытная..., 1978.— Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М., 1978.
Пермяков, 1969.— Пермяков Г. «Фабричная» марка древних.— ДВ. 1969, № 3.
Пермяков, 1968.— Пермяков Г. Амулет счастливой лягушки.— ДВ. 1968, № 2.
Пермяков, 1966.— Пермяков Г. Древнейший металлург Дальнего Востока.— ДВ. 1966, № 4.
Петриченко, 1960.— Петриченко А. М. Древнее чугунное литье Китая.— Научно-исследовательские и опытные работы. Труды всесоюзного совещания. М., 1960.
Погребения..., 1977.— Погребения Ляо и Цзинь у Ляояна.— В. 1977, № 12.
Позднеев, 1909.— Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношению к материку Азии и России. Т. II. Ч. 1. Токио, 1909 *.
Померанц, 1972.— Померанц Г. С. Этническое и универсальное в китайской культуре.— ОГК, 3-я. Вып. II, 1972.
Попов, 1904.— Попов П. С. О тырских памятниках 1413 г.— «Записки Восточного отд. Русского археологического общества». Т. XVI. СПб., 1904.
Пострелова, 1976.— Пострелова Т. А. Академия живописи в Китае в X — XIII вв. М., 1976.
Предметы..., 1963.— Предметы эпохи Цзинь из деревни Чжунцзя в уезде Цзиань провинции Цзилинь.— К. 1963, № 11.
Пржевальский, 1870.— Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. СПб., 1870.
Пэрлээ, 1957.— Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии.— СА, 1957, № 3.
Раскопки..., 1965.— Раскопки яочжоуских мастерских в уезде Тунчуань провинции Шэньси. Пекин, 1965 (Каогусюе чжуанькань, сер. Д., № 16) **.
Ревуненкова, 1974.— Ревуненкова Е. В. О понятии «шаманизм» в современной зарубежной науке.— Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1972—1973. Л., 1974.
Рудова, 1967.— Рудова М. Две гравюры из Хара-Хото.— Сообщения Государственного Эрмитажа. № 28. Л., 1967.
Сем, 1972 (I).— Сем Ю. А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.). Владивосток, 1973.
Сем, 1973 (II).— Сем Ю. А. Чжурчжэньский могильник в долине Партизанска.— ТДВ. Т. 9, 1973.

Сем, Шавкунов, 1974.— Сем Ю. А., Шавкунов Э. В. Тамги народов южной части советского Дальнего Востока и некоторые проблемы этногенетических связей (XII—XIX вв.).— МИС. Вып. 4, 1974.
Семениченко, 1976 (I).— Семениченко Л. Е. К вопросу об этнокультурных связях мохэ-бохайцев (по материалам археологических исследований).— НАИ. 1976.
Семениченко, 1976 (II).— Семениченко Л. Е. Характеристика наконечников стрел Приморья в VIII—X вв.— НАИ. 1976.
Семениченко, Шавкунов, 1972.— Семениченко Л. Е., Шавкунов Э. В. Раскопки на Круглой сопке.— АО 1971. 1972.
Си Фэн, 1955.— Си Фэн. Некоторые вопросы преподавания истории династий Сун, Ляо, Цзинь, Юань.— «Лиши цзяосюе». Тяньцзинь, 1955, т. IX, № 4.
Симада, 1966.— Симада Масао. Брачные обычаи чжурчжэней и брачное право в Цзинь по «Сунмо цзивэнь» Хун Хао.— «Хорицу ронсо». Токио, 1966, т. XXXIX, № 4—6.
Симада, 1943.— Симада Масао. «Право свободной кражи» у киданей.— «Сэкай кэйдзай сигаку». Токио, 1943, т. XIII, № 3.
Смирнова, 1973.— Смирнова Я. С. Традиция и инновация в развитии семейной обрядности (по материалам Северного Кавказа). М., 1973 (МКАЭН. IX).
Смоляк, 1968.— Смоляк А. В. К вопросу об истории Приморья в XVI — начале XVII в.— СЭ. 1968, № 6.
Соколов, 1972.— Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972.
Сонода Ицукамэ, 1941.— Сонода Ицукамэ. Кицурин Хинко рёсё-ни окэру Киндай-но сисэки (Исторические остатки эпохи Цзинь в провинциях Гирин и Сунцзян). Синьцзин, 1941 (Мансюкоку косэки кобуцу тёса хококу, 4) *.
Сонода, 1939.— Сонода Ицукамэ. О погребении цзиньского Ваньянь Сииня.— «Кокогаку дзасси». Токио, 1939, т. XXIX, № 2.
Сорокин, 1973.— Сорокин В. Ф. Классическая драма Китая в XIII—XVI веках.— Изучение китайской литературы в СССР. М., 1973.
Стариков, 1980.— Стариков В. С. Опыт систематизации графем чжурчжэньского письма (этапы подготовки каталога графем).— Краткое содержание докладов сессии ИЭ АН СССР, посвященной столетию создания первого этнографо-антропологического центра. Л., 1980.
Стариков, 1976.— Стариков В. С. Из истории возникновения городов в Маньчжурии.— СНВ. Вып. XVIII, 1976.
Стариков, 1975.— Стариков В. С. Киданьско-китайская билингва чжурчжэньского времени (1134).— СНВ. Вып. XVII, 1975.
Стариков, 1973.— Стариков В. С. Современная материальная культура китайцев в Маньчжурии, ее истоки и развитие. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1973.
Стариков, 1969.— Стариков В. С. Предметы быта и орудия труда маньчжуров в собрании МАЭ (К вопросу о самобытности материальной культуры маньчжуров).— Культура народов зарубежной Азии и Океании. Л., 1969 (сб. Музея антропологии и этнографии, т. XXV).
Стариков, 1967.— Стариков В. С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967.
Стариков, 1950 (I).— Стариков В. С. Развалины города в устье р. Хулань провинции Сунцзян.— ЗХОЕЭ. 1950, № 8.
Стариков, 1950 (II).— Стариков В. С. Краткий список памятников старины исторического периода в Гириньской провинции.— ЗХОЕЭ. 1950, № 8.
Стратанович, 1951.— Стратанович Г. Г. Китайская чаша из урочища Большой Дурал.— СА. Вып. XV, 1951.
Су Бо, 1956.— Су Бо. Комментарий к «Стеле великого пещерного храма (по случаю) реставрации в Учжоушане у Западной столицы Великой Цзинь» (предварительное упорядочение новых исторических материалов, найденных в пещерном храме в Датуне).— Бэйцзин дасюе сюебао жэньвэнь кэсюе». Пекин, 1956, № 1.
Су Синцзюнь, 1964.— Су Синцзюнь. О свитке цзиньского художника на тему: «Возвращение Вэнь Цзи в Китай».— В. 1964, № 3.

Су Сюелинь, 1934.— Су Сюелинь. Ляо Цзинь Юань вэньсюе (Литература Ляо, Цзинь, Юань). Шанхай, 1934.
Су Тяньцзюнь, 1963.— Су Тяньцзюнь. Находки железных орудий Ляо-Цзинь в г. Пекине.— К. 1963, № 8.
Сугимура Юдзо, Гото Синтаро, 1953.— Сугимура Юдзо, Гото Синтаро. Рёдзан хацубуцукан дзуроку (Каталог музея в Порт-Артуре). Токио, 1953.
Сун Боинь, 1962.— Сун Боинь. Краткие заметки о разведке фарфоровой печи Сяояо.— К. 1962, № 3.
Сун Вэньбин, 1934.— Сун Вэньбин. О китаизации чжурчжэней.— «Хайтянь». Кайфын, 1934, т. 1, № 2.
Сунь Сюжэнь, 1962.— Сунь Сюжэнь. Цзиньские вещи из уезда Ланьси провинции Хэйлунцзян.— К. 1962, № 1.
Сунь Сюжэнь, Чжу Гочэнь, 1964.— Сунь Сюжэнь, Чжу Гочэнь. Археологическое обследование правобережья р. Далинь в провинции Хэйлунцзян.— К. 1964, № 12.
Сэкино Сэй, Такэсима Такуити, 1944.— Сэкино Сэй, Такэсима Такуити. Рё Кин-но дзидай-но кэнтику-то соно буссё (Архитектура и буддийские изображения эпох Ляо и Цзинь). Т. 1. Текст. Токио, 1944.
Сэкино Сэй, Такэсима Такуити, 1934.— Сэкино Сэй, Такэсима Такуити. Рё Кин-но дзидай-но кэнтику-то соно буссё (Архитектура и буддийские изображения эпох Ляо и Цзинь). Т. 2. Альбом. Токио, 1934.
Сюй Минган, 1966.— Сюй Минган. Вещи периода Цзинь — Юань, обнаруженные в г. Люйда (Порт-Артуре).— К. 1966, № 2.
Сюй Цзяжуй. 1957.— Сюй Цзяжуй. Цзинь Юань сичу фанъянь као (Словарь диалектных выражений в драмах Цзинь и Юань). Шанхай, 1957.
Такао, 1929.— Такао Ёсиката. Специфика даосизма и буддизма при династии Цзинь.— «Синагаку». Киото, 1929, т. V, № 1.
Таки, 1934.— Таки Сэйити. О книгах и картинах цзиньского Ван Тинъюня.— «Кокка». Токио, 1934, т. XLIV, № 523.
Такигава Масадзиро, 1941.— Такигава Масадзиро. Рё-Кин-но кодзё (Древние крепости Ляо и Цзинь). Синьцзин, 1941 *.
Тан Вэньсин, 1965.— Тан Вэньсин. Цзиньские находки из деревни Чжаоюй в уезде Синьань в провинции Хэнань.— К. 1965, № 1.
Тан Хуаша, Сунь Сюжэнь, 1960.— Тан Хуаша, Сунь Сюжэнь. Краткие сообщения об археологических обследованиях в среднем и нижнем бассейнах р. Муданьцзян.— К. 1960, № 4.
Тао Сишэн, 1935.— Тао Сишэн. Различные брачные системы в XI—XIV вв.— «Шихо». Бэйпин, 1935, т. I, № 12; т. II, № 3.
Тао Фухай, 1979.— Тао Фухай. Краткое сообщение о зачистке цзиньского погребения в Наньдуне в уезде Сянфэнь провинции Шаньси.— В. 1979, № 8.
Таскин, 1971.— Таскин В. С. Китайские источники по истории династии Ляо.— Страны Дальнего Востока (история и экономика). М., 1971.
Тимофеев, 1966.— Тимофеев Е. И. Средневековые памятники среднего Приамурья.— Пленум института археологии, 1966 г. Секция: ранний железный век. Тезисы докладов. М., 1966, вып. 2 (АН СССР. Институт археологии).
Тихвинский, 1976.— Тихвинский С. Л. История Китая и современность. М., 1976.
Тоё тюсэй си, 1939.— Тоё тюсэй си (Средневековая история Востока). Т. III. Под ред. Хино Кайдзабуро. Токио, 1939.
Тоёда, 1963.— Тоёда Горо. Анализ простых киданьских иероглифов; истоки происхождения чжурчжэньской письменности.— ТЁГХ. 1963, т. XLVI, № 1.
Токарев, 1973.— Токарев С. А. Разграничительные и объединительные функции культуры. М., 1973 (МКАЭН, IX).
Токарев, 1970.— Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры.— СЭ. 1970, № 4.
Толмачев, 1929.— Толмачев В. Я. Первобытные крупорушки в Северной Маньчжурии.— «Вестник Маньчжурии». Харбин, 1929, № 10 *.

Толмачев, 1928.— Толмачев В. Я. К вопросу о шелководстве в Северной Маньчжурии.— Общество изучения маньчжурского края. Сер. А. Вып. 28. Харбин, 1928 *.
Толмачев, 1927.— Толмачев В. Я. Бэй-чэн. Строительные материалы, архитектурные украшения и другие предметы с развалин Бай-чэна. По данным разведок 1925—1926 гг.— «Вестник Маньчжурии». Харбин, 1927, № 3 *.
Толмачев, 1925.— Толмачев В. Я. Древности Маньчжурии. Развалины Бэйчэна. По данным археологических разведок 1923—1924 гг.— «Вестник Маньчжурии». Харбин, 1925, № 1—2 *.
Торияма, 1935.— Ториямa Киити. О находках на развалинах Верхней столицы династии Цзинь.— «Сэйко гакусо». Сеул, 1935, № 19 * (на яп. яз.).
Торияма, 1934.— Ториямa Киити. Условия жизни чжурчжэней в начале династии Цзинь.— Ода сэнсэй кинэн Тёсэн ронсю (Корейский сборник в честь профессора Ода). Сеул, 1934 * (на яп. яз.).
Торияма Киити, Фудзита Рёсаку, 1940.— Ториямa Киити, Фудзита Рёсаку. Кантосё косэки тёса хококу (Отчет обследования древностей области Цзяньдао). Синьцзин, 1940 (Мансюкоку косэки коцубу тёса хококу, 3) *.
Тояма, 1955.— Тояма Гундзи. Цзиньцы и культура письма.— Сёдо дзэнсю (Энциклопедия каллиграфии). Т. 16. Токио, 1955.
Ту Шанчжоу, 1961.— Ту Шанчжоу. Сообщение об обследовании здания Даюбаодянь храма Фэнгосы в уезде Исянь [провинция Ляоси].— В. 1961, № 2.
Тупикина, 1978.— Тупикина С. М. Керамика чжурчжэней XII — начала XIII в. и ее классификация.— АМДИДВ. 1978.
Тупикина, 1976.— Тупикина С. М. Место керамической посуды, ее назначение и использование в хозяйстве чжурчжэней в XII — начале XIII в.— НАИ. 1976.
Тупикина, 1974 (I).— Тупикина С. М. Керамика и керамическое производство у чжурчжэней (по материалам Шайгинского городища).— ТДВ. Т. 10, 1974.
Тупикина, 1974 (II).— Тупикина С. М. Об орнаменте на чжурчжэньской керамике с Шайгинского городища.— Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока. Научные доклады аспирантов. Вып. 2. Владивосток, 1974.
Тупикина, 1973 (I).— Тупикина С. М. Статистический анализ керамики из раскопок на Шайгинском городище в 1967 г.— ТДВ. Т. 9, 1973.
Тупикина, 1973 (II).— Тупикина С. М. Керамика Шайгинского городища как источник по истории чжурчжэней.— История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Вып. 1. Владивосток, 1973.
Тюрюмина, 1969.— Тюрюмина Л. В. К истории создания маньчжурского перевода «Ляоши», «Цзиньши» и «Юаньши».— МКЭ. Вып. 1, 1969.
Уледов, 1974.— Уледов А. К. К определению специфики культуры как социального явления.— «Философские науки». М., 1974, № 2.
У Мэй, 1934.— У Мэй. Ляо Цзинь Юань вэньсюе ши (История литературы Ляо, Цзинь, Юань). Шанхай, 1934.
Умэхара Суэдзи, 1944.— Умэхара Суэдзи. Сина когогаку ронко (Сборник статей по археологии Китая). Токио, 1944.
Усольцев, 1864.— Усольцев А. Заханкайский край Приморской области Восточной Сибири.— «Морской сборник». СПб., 1864, т. LXXII, № 6.
Федоров, 1922.— Федоров А. З. Город Никольск-Уссурийский и его окрестности в археологическом отношении.— «Известия Южно-Уссурийского отделения Приамурского отдела РГО». Никольск-Уссурийский, 1922, № 4.
Федоров, 1916 (I).— Федоров А. З. Памятники старины в г. Никольск-Уссурийском и его окрестностях. Никольск-Уссурийский, 1916.
Федоров, 1916 (II).— Федоров А. З. Краткий предварительный отчет о раскопках, проведенных в г. Никольск-Уссурийском... в 1916 г. (Архив Приморского отд. РГО в г. Владивостоке).
Федоров, 1916 (III).— Федоров А. З. Археологическая карта г. Никольск-Уссурийского.— Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, № 156/1916.

Флуг, 1959.— Флуг К. К. История китайской печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв. М.— Л., 1959.

Фудзиэда, 1948.— Фудзиэда Акира. Сэйфуку отё (Династии-завоеватели). Осака, 1948.

Фэн Сяньмин, 1965.— Фэн Сяньмин. Археологические исследования керамики и фарфора в Новом Китае.— В. 1965, № 9.

Хино, 1942.— Хино Кайдзабуро. Образование государств Бохай, Цзинь и добыча железа в районе Дуньхуа.— «Сиэн». Токио, 1942, № 28.

Хорев, 1980.— Хорев В. А. Раскопки на Ананьинском городище.— АО. 1979, 1980.

Хорев, 1978.— Хорев В. А. Исследования на Ананьинском городище.— АО. 1977, 1978.

Хорев, 1976.— Хорев В. А. Новые сведения о средневековых археологических памятниках Приморья по материалам полевого дневника А. З. Федорова.— НАИ. 1976.

Хорев, Гусева, 1979.— Хорев В. А., Гусева Л. Н. Исследование Ананьинского городища.— АО. 1978, 1979.

Хорев, Шавкунов, 1976.— Хорев В. А., Шавкунов Э. В. О результатах археологических исследований на Ананьинском городище в 1972—1974 гг.— НАИ. 1976.

Хоу Вайлу и др., 1957.— Хоу Вайлу и др. Чхунго сысян тунши (История идеологии в Китае). Т. 4. Пекин, 1957.

Ху Цзи, 1957.— Ху Цзи. Сун Цзинь цзацзюй као (Пьесы династии Сун и Цзинь). Шанхай, 1957.

Хуа Цюань, 1976.— Хуа Цюань. Стела-памятник на могиле Ваньянь Чжуна и цзиньская губерния Сюйпиньлу.— В. 1976, № 4.

Хуа Шань, 1957.— Хуа Шань. Политические настроения в средний период династий Южная Сун и Цзинь, их роль в развертывании северного похода годов Кайси (1205—1207).— ЛЯ. 1957, № 5.

Хуа Шань, Ван Гэнтан, 1956.— Хуа Шань, Ван Гэнтан. О разложении родового строя и образовании государства у чжурчжэней.— «Вэнь ши чжэ». Циндао, 1956, № 6.

Хуан Личэнь, 1968.— Хуан Личэнь. Цзинь Юань бэй чу юй хуэй чжи янь цзю (Исследование словаря северной драмы Цзинь и Юань). Тайбэй, 1968.

Хун Хуаньчунь, 1959.— Хун Хуаньчунь. Главные научные достижения Китая в XIII—XIV вв.— ЛЯ. 1959, № 3.

Цай Мэйбяо, 1957.— Цай Мэйбяо. Некоторые иностранные выражения в пьесах Юань.— «Чжунго юйвэнь». Пекин. 1957, № 55.

Цзе Сигун, 1960.— Цзе Сигун. Краткий отчет о раскопках погребений Цзинь и Юань у деревень Сятуцзин и Лянцзячжуан близ Сяои в провинции Шаньси.— К. 1960, № 7.

Цзин Юань, 1977.— Цзин Юань. Рядовые погребения цзиньского времени из Юншэна у г. Суйбинь.— В. 1977, № 4.

Цзинь Гуаншин, 1962.— Цзинь Гуаншин. От киданьских письмен, больших и малых, к чжурчжэньским большим и малым.— «Нэй Мэнгу дасюе сюебао, шэхуэй сюебао». Хух-Хото, 1962, № 2.

Цзинь Гуаншин, Цзинь Цицун, 1964.— Цзинь Гуаншин, Цзинь Цицун, Нюйчжи юйянь вэньсюэ яньцзю (Изучение письменности чжурчжэньского языка).— «Нэй Мэнгу дасюе сюебао, шэхуэй сюебао». Хух Хото, 1964, № 1.

Цзиньские..., 1963.— Цзиньские вещи из Чжунцзя в уезде Цзиань в провинции Цзилинь.— К. 1963, № 11.

Цзиньские..., 1962.— Цзиньские вещи из уезда Ланьси провинции Хэйлунцзян.— К. 1962, № 1.

Цзиньский..., 1976.— Цзиньский бронзовый сосуд для разогревания вина, обнаруженный в уезде Цинлун провинции Хэбэй.— В. 1976, № 9.

Цзинь — Юань..., 1972. Цзинь — Юаньдай сяошо бицзи сюань (Собрание рассказов и эссе периодов Цзинь и Юань). Сост. Цзян Юйцзин. Тайбэй, 1972.

Цзя Чжоуцзе, 1977.— Цзя Чжоуцзе. Антефиксы и дождевые желоба пе-

риодов Ляо, Цзинь, Юань на старой территории Внутренней Монголии.— К. 1977, № 6.
Цзян Юйцзин, 1972.— Цзян Юйцзин (сост.). Цзинь-Юань дай сяошо бицзисюань (Собрание рассказов и эссе периодов Цзинь и Юань). Тайбэй, 1972.
Ци Интао, 1965.— Ци Интао. Определение времени создания древних сооружений Китая.— В. 1965, № 4.
Цинциус, 1954.— Цинциус В. И. К сравнительному изучению основного словарного фонда тунгусо-маньчжурских языков.— «Ученые записки Лен. педагогического института им. А. И. Герцена». Т. 101. Л., 1954.
Чан Вэньчжай, 1959.— Чан Вэнчжай. Ознакомление с погребением цзиньского Дуня в Хоума.— В. 1959, № 6.
Чернышева, 1971.— Чернышева Н. Л. К вопросу о классификации стеклянных бусин с Шайгинского городища.— ТДВ. Т. 8, 1971.
Чжан Бинсин, 1961.— Чжан Бинсин. Цзиньское погребение в западном пригороде Датупа в провинции Шэньси.— К. 1961, № 11.
Чжан Дэгуан, 1955.— Чжан Дэгуан. Краткий отчет о зачистке древней могилы в уезде Цзяньсянь в провинции Шаньси.— К. 1955, № 4.
Чжан Сюминь, 1959.— Чжан Сюминь. Краткая история ксилографов Ляо, Цзинь и Си Ся.— В. 1959, № 3.
Чжан Сюминь, 1935.— Чжан Сюминь. Университетские издания в Цзинь (цзяньбэнь).— «Тушу ликань». Бэйпин, 1935, т. II, № 1.
Чжан Цзяцзюй, 1957.— Чжан Цзяцзюй. Лян Сун цзинцзи чжусиньды ланьи (Перемещение на юг экономического центра в период обеих Сун). Ухань, 1957.
Чжан Цзэнъу, 1980.— Чжан Цзэнъу. Цзиньский Ван Тинъюнь и стела «Стихи о пребывании в Хуапхуашань».— В. 1980, № 6.
Чжан Чжэнлан, 1951.— Чжан Чжэнлан. Уцянь нянь лай ди Чжун-Чао юхао (Дружеские связи между Китаем и Кореей за 5000 лет). Пекин, 1951.
Чжан Юй, 1961.— Чжан Юй. Зачистка древнего погребения в аймаке Чаоцянь в сейме Уланьчабу.— В. 1961, № 9.
Чжан Юй, 1956.— Чжан Юй. Памятники эпохи Цзинь в Дациншаньли.— В. 1956, № 11.
Чжао Гуанлинь, Чжан Нин, 1979.— Чжао Гуанлинь, Чжан Нин. Предварительное исследование фарфора династии Цзинь.— К. 1979, № 5.
Чжао Канминь и др., 1975.— Чжао Канминь, Хань Вэй, Шан Чжижу. Некоторые проблемы налоговых поступлений Цзинь в связи с находками в Линьтунэ в провинции Шэньси серебряных слитков.— В. 1975, № 8.
Чжао Чжэньсюй, 1974.— Чжао Чжэньсюй. Историография Ляо, Цзинь, Юань.— «Нюй ши чжуань сюэ бао». Тайбэй, 1974, № 4.
Чжоу Дао, 1957.— Чжоу Дао. Мелкие погребения цзиньской эпохи у залива Гоцзявань у Аньяна в провинции Хэнань.— К. 1957, № 2.
Чжоу Ибай, 1959.— Чжоу Ибай. Пять терракотовых фигурок из могилы Дуня в Хоума.— В. 1959, № 10.
Чжоу Цзе, 1973.— Чжоу Цзе. Исследование гончарной печи Ляо в деревне Ганва-яо у Чифэна.— К. 1973, № 4.
Чжу Дацзюнь, 1958.— Чжу Дацзюнь. Некоторые вопросы производства, производственных отношений и надстройки у чжурчжэней в эпоху Цзинь.— «Шисюе юэкань». Кайфын, 1958, № 2.
Чжу Се, 1955.— Чжу Се. Об одном плане дворцового ансамбля в Средней столице Цзинь (Грандиозное строительство в Бэйпине 800 лет тому назад).— В. 1955, № 7.
Чжу Се, 1936.— Чжу Се. О расположении городских стен, дворцов, садов в Яньцзине при Ляо и Цзинь.— «Вэньчжэ ликань». Учан, 1936, т. VI, № 4.
Чжу Цзеюань, 1977.— Чжу Цзеюань. Печатная доска для цзиньской ассигнации 1215 г. с надписью «соответствует десяти большим связкам».— В. 1977, № 7.
Чжунго..., 1947.— Чжунго лиши цзинькао тулу (Справочные иллюстрации к китайской истории). Вып. 15. Шанхай, 1947.
Чжунгоды цици (Китайский фарфор). Пекин, 1963.

Чжэн Лун, 1959.— Чжэн Лун. Вещи эпохи Цзинь, найденные в Халачжэньгоу на горе Дайцин в северном пригороде Хух-Хото.— К. 1959, № 9.
Чжэн Чжэньдо, 1932.— Чжэн Чжэньдо. О жанре чжугундяо при Сун, Цзинь, Юань.— «Вэньсюэ няньбао». Бэйпин, 1932, № 1.
Чиновничья..., 1965.— Чиновничья древняя печать из Даньчэна в провинции Хэнань.— В. 1965, № 5.
Чистов, 1972.— Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ. 1972, № 3.
Чосон..., 1977.— Чосон кокохак кэё (Археологический очерк Кореи). Пхеньян, 1977.
Чосон..., 1957.— Чосон са кэё (Основы истории Кореи). Пхеньян, 1957.
Чосон..., 1954.— Чосон чунъсе са (История Кореи в средние века). Т. 1. Пхеньян, 1954.
Чэн Цяньфань, 1957.— Чэн Цяньфань. Несколько соображений о Юань Хаовэне — авторе цзиньской эпохи.— «Вэнь ши чжэ». Циндао, 1957, № 5.
Чэнь Бансянь, 1954.— Чэнь Бансянь. Чжунго исюе ши (История китайской медицины). Шанхай, 1954.
Чэнь Давэй, 1962.— Чэн Давэй. Могильная стенопись династии Цзинь в уезде Чаоян провинции Ляонин.— К. 1962, № 4.
Чэнь Сянвэй, 1964.— Чэнь Сянвэй. Исследование древнего города Цинь-цзятуня в уезде Хуайдэ в провинции Цзилинь.— К. 1964, № 2.
Чэнь Сяньжу, 1957.— Чэнь Сяньжу. Краткий отчет о зачистке погребения с кирпичными барельефами эпохи Цзинь в Чжуншанлинь в Ланьчжоу.— В. 1957, № 3.
Чэнь Цзуньгуй, 1955,— Чэнь Цзуньгуй. Чжунго гудай тяньвэньскюэ цзяньши (Краткая история астрономии в древнем Китае). Шанхай, 1956.
Чэнь Шу, 1960.— Чэнь Шу. Цзинь ши шибу учжуи (Пять дополнений к «Цзинь ши»). Пекин, 1960.
Чэнь Юань, 1958.— Чэнь Юань. Нань Сунчу Хэбэй синьдаоцзяо као (Исследование учения нового даосизма в провинции Хэбэй в начале династии Южная Сун). Пекин, 1958.
Чэнь Янь, 1971.— Чэнь Янь. Ляо ши цзи ши. Цзинь ши цзи ши (Поэзия Ляо и Цзинь). Тайбэй, 1971.
Шавкунов, 1980.— Шавкунов Э. В. Раскопки на Шайгинском городище.— АО. 1979, 1980.
Шавкунов, 1979.— Шавкунов Э. В. Раскопки на Шайгинском городище.— АО. 1978, 1979.
Шавкунов, 1978 (I).— Шавкунов Э. В. Пятнадцатый год исследований на Шайгинском городище.— АО. 1977, 1978.
Шавкунов, 1978 (II).— Шавкунов Э. В. Проявление «звериного стиля» в искусстве чжурчжэней.— АМДИДВ. 1978.
Шавкунов, 1977.— Шавкунов Э. В. Работа Шайгинского отряда— АО. 1976, 1977.
Шавкунов, 1975.— Шавкунов Э. В. Антропоморфные подвесные фигурки из бронзы и культ предков у чжурчжэней.— СЭ. 1975, № 4.
Шавкунов, 1973 (I).— Шавкунов Э. В. Еще о «Спящей красавице».— ДВ. 1973, № 12.
Шавкунов, 1973 (II).— Шавкунов Э. В. К вопросу о датировке древних золотых разработок Приморья.— ТДВ. Т. 9, 1973.
Шавкунов, 1973 (III).— Шавкунов Э. В. К характеристике жилищ чжурчжэней по материалам археологических исследований. 1963—1966 гг.— ТДВ. Т. 9, 1973.
Шавкунов, 1973 (IV).— Шавкунов Э. В. Находка древнейшего календаря народов советского Приморья.— ТДВ. Т. 9, 1973.
Шавкунов, 1973 (V).— Шавкунов Э. В. О назначении подвесных бронзовых рыбок и оленьего рога с Шайгинского городища.— СА. 1973, № 1.
Шавкунов, 1973 (VI).— Шавкунов Э. В. Советские ученые о чжурчжэнях.— «Проблемы Дальнего Востока». М., 1973, № 3.
Шавкунов, 1972.— Шавкунов Э. В. О семантике тамгообразных знаков и о некоторых видах орнамента на керамике с Шайгинского городища.— СЭ. 1972, № 3.

Шавкунов, 1971 (I).— Шавкунов Э. В. По городам погибшей империи. Репортаж из прошлого.— «Знание — сила». М., 1971, № 5.
Шавкунов, 1971 (II).— Шавкунов Э. В. О результатах предварительного обследования средневековых памятников в Приморском и Хабаровском краях осенью 1969 года.— ТДВ. Т. 8, 1971.
Шавкунов, 1969 (I).— Шавкунов Э. В. О назначении чжурчжэньских миниатюрных скульптурок из кампя.— И. 1969, № 6, вып. 2.
Шавкунов, 1969 (II).— Шавкунов Э. В. История и культура чжурчжэней в освещении русских и зарубежных исследователей и критика основных их положений.— Проблемы истории Дальнего Востока. Владивосток, 1969 (Доклады выездной научной сессии отделения истории АН СССР, состоявшейся во Владивостоке в 1967 г.).
Шавкунов, 1968 (I).— Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968.
Шавкунов, 1968 (II).— Шавкунов Э. В. О периодизации и квалификации средневековых памятников Приморья.— ТДВ. Т. 6, 1968.
Шавкунов, 1968 (III).— Шавкунов Э. В. О некоторых итогах предварительного анализа текстов чжурчжэньских письменных памятников XV столетия.— И. 1968, № 1, вып. 1.
Шавкунов, 1967.— Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней Приморья по материалам археологических раскопок 1960—1965 гг.— ТДВ. Т. 7, 1967.
Шавкунов, 1966.— Шавкунов Э. В. Раскопки на Николаевском городище (1960—1962).— МИС. Вып. 2, 1966.
Шавкунов, 1963.— Шавкунов Э. В. К вопросу о расшифровке малой киданьчжурчжэньской письменности.— «Эпиграфика Востока». Л., вып. 15, 1963.
Шавкунов, 1960 (I).— Шавкунов Э. В. К вопросу о датировке средневековых памятников Приморья.— «Труды Бурят-монгольского комплексного института Сибирского отделения АН СССР». Улан-Удэ, 1960, № 3.
Шавкунов, 1960 (II).— Шавкунов Э. В. Клад чжурчжэньских зеркал.— МИА, № 86. 1960.
Шавкунов, 1960 (III).— Шавкунов Э. В. Нумизматические находки на Дальнем Востоке в 1956—1958 гг.— МИА, № 86, 1960.
Шавкунов, Болдин, 1976.— Шавкунов Э. В., Болдин В. И. Орудия обработки зерна и способы его хранения у чжурчжэней.— СЭ. 1976, № 2.
Шавкунов, Гусева, 1978.— Шавкунов Э. В., Гусева Л. Н. О семантике орнамента на сбруйных пряжках чжурчжэней.— АМДИДВ. 1978.
Шавкунов, Леньков, 1973.— Шавкунов Э. В., Леньков В. Д. Исследования на Шайгинском городище и в районе Сикачи-Аляна.— АО. 1972, 1973.
Шавкунов, Певнов, Ивлиев, 1978.— Шавкунов Э. В., Певнов А. М., Ивлиев А. Л. Серебряная верительная пластина чжурчжэней с Шайгинского городища.— АМДИДВ. 1978.
Шавкунов, Пермяков, 1967.— Шавкунов Э. В., Пермяков Г. Новое о чжурчжэнях.— ДВ. 1967, № 1.
Шавкунов, Хорев, 1976.— Шавкунов Э. В., Хорев В. А. Исследования на Шайгинском городище.— АО 1975. 1976.
Шавкунов, Хорев, 1975.— Шавкунов Э. В., Хорев В. А. Исследования на Шайгинском городище.— АО 1974. 1975.
Шавкунов и др., 1974.— Шавкунов Э. В., Хорев В. А., Леньков В. Д. Исследования в Приморском крае.— АО 1973. 1974.
Шейнгауз 1971.— Шейнгауз А. С. Освоение лесов и потребление лесных ресурсов на Дальнем Востоке.— Сборник трудов Дальневосточного НИИ лесного хозяйства. Вып. 11. Владивосток, 1971.
Широкогоров, 1919.— Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов.— «Ученые записки историко-филологического факультета во Владивостоке». Т. 1. Отд. 1. Владивосток, 1919.
Школяр, 1980.— Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия (материалы и исследования). М., 1980.
Шренк, 1883—1899.— Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. I—III. СПб., 1883—1889.
Штернберг, 1936.— Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

Шэнь Ян, 1959.— Шэнь Ян. Ознакомление с гробницей цзиньского Дуня в Хоума.— В. 1959, № 6.
Э-ши, 1961.— Э-ши. О печати сельскохозяйственного инспектора Хуайчжоу эпохи Цзинь, обнаруженной в Нунъане в провинции Цзилинь.— К. 1961, № 6.
Юань Гофань, 1965.— Юань Гофань. Жизнь населения к северу от р. Янцзыцзян при Цзинь — Юань.— ДЦ. 1965, т. XXX, № 5.
Юань Цзиньцзин, Чжан Сяньдэ, 1977.— Юань Цзиньцзин, Чжан Сяньдэ. Краткий отчет о раскопках цзиньских погребений в уезде Тунсянь у Пекина.— В. 1977, № 11.
Юй Цзяньхуа, 1936.— Юй Цзяньхуа. Чжунго хуэйхуа ши (История китайской живописи). Т. 1. Шанхай, 1936.
Юй Чжоюнь, 1953.— Юй Чжоюнь. Краткое сообщение об исследовании храма Фэнгосы в уезде Исянь провинции Ляоси.— В. 1953, № 3.
Юй Чжэнь, 1963.— Юй Чжэнь. Древние погребения, раскопанные в городском саду в Пекине.— К. 1963, № 3.
Юнь Хайжуй, Тан Юньцзюнь, 1979— Юнь Хайжуй, Тан Юньцзюнь. Храм Шаньхуасы.— В. 1979, № 11.
Ябуути, 1974.— Ябуути Киёси. Общество и наука в период перехода от Цзинь к Юань.— «Рюкоку сидан». Киото, 1974, № 68/69.
Ябуути, 1967.— Ябуути Киёси. Астрономия в период от Сун до Юань.— СГ. 1967.
Яги Сёсабуро, 1937.— Яги Сёсабуро. Кинсюсё-но косэки (Исторические памятники области Цзиньчжоу). Синьцзин, 1937 (Мансю коку косэки кобуцу тёса хококу. 1) *.
Яги, 1935.— Яги Сёсабуро. Предания о народах Ляо и Цзинь и их культура.— «Маммо». Дальний, 1935, т. XVI, № 9 *.
Яги Сёсабуро, 1924, 1926, 1929.— Яги Сёсабуро. Мансю кюсэки си (История древностей Маньчжурии) в 3-х томах. Дальний, 1924, 1926, 1929 *.
Яковлев, 1946.— Яковлев Л. М. Исторические памятники времен империи Цзинь по долине р. Ашихэ.— ЗХОЕЭ. 1946, № 3.
Ямадзи Хироаки, 1958.— Ямадзи Хироаки. Нёсин бундзи-но сэйдзи-ни кансуру кэнкю (Создание знаков чжурчжэньской письменности). Токио, 1958.
Ян Ваньчэн, 1979.— Ян Ваньчэн. Цзиньское погребение с барельефами у Сяодуна в уезде Учжи пров. Хэнань.— В. 1979, № 2.
Ян Путин, 1961.— Ян Путин. Краткое сообщение о раскопках цзиньских могил близ г. Хоума в провинции Шаньси.— К. 1961, № 12.
Янь Вэньжу, 1959.— Янь Вэньжу. Главная столица династии Цзинь.— В 1959, № 9.
Янь Юй, 1960.— Янь Юй. Каменные мавзолеи с барельефами эпохи Ляо и Цзинь в Давопу в Цзиньси.— К. 1960, № 2.
Яо Цунъу, 1963.— Яо Цунъу. Вклад Юань Хаовэня эпох Цзинь и Юань в сохранение традиционной китайской культуры.— ДЦ. 1963, т. XXVI, № 3.
Яо Цунъу, 1959.— Яо Цунъу. Дунбэй ши луньцун (Сборник статей по истории Северо-Востока). Т. II. Тайбэй, 1959.
Яо Цунъу, 1953.— Яо Цунъу. Анализ китаизации чжурчжэней.— ДЦ. 1953, т. VI, № 3.

* * *

Acculturation..., 1954— Acculturation: An Explonatory Formulation.— AA. 1954, vol. 56, № 4.
Barnett, 1953.— Barnett H. G. Innovation: The Basic of Culture Change. New York — Toronto — London, 1953.
Biot, 1846.— Biot Ed. M. Catalogue des comêtes observées en Chine depuis l'an 1230 jusq'à l'an 1640 de notre ere... P., 1846 (Additions à la connaisance des Temps pour 1846).
Blom, 1970.— Blom J.-P. Ethnic and Cultural Differentation.— EGB. 1970.
Bush, Mair, 1977—1978.— Bush S. H., Mair V. H. Some Buddhist Portraits and Images of the Lü and Ch'an Sects in Twelfth and Thirteenth Century China.— Archives of Asian Art. Vol. 31. N. Y., 1977—1978.

Bush, 1971.— Bush S. The Chinese Literati on Paiting: Su Shih (1037—1101) to Tung Ch'i-ch'ang (1555—1636). Cambridge (Mass.), 1971 (Harvard-Yenching Institute Studies, XXVII).
Bush, 1969.— Bush S. Literati Culture Under the Chin (1122—1234).— OA. New Series. 1969. vol. XV, № 2.
Bush, 1965.— Busch S. «Clearing After Snow in the Min Mountains» and Chin Landscape Painting.— OA. New Series, 1965, vol. XI, № 3.
Bushell, 1898.— Bushell S. W. Inscriptions in the Juchen and Allied Scripts.— Actes du XI congrès international des orientalistes. P., 1897, 2 sect.: Extrême Orient. P., 1898.
Chan Hok-lam, 1979.— Chan Hok-lam. Tea Production and Tea Trade Under The Jurchen-Chin Dynasty.— Studia Sino-Mongolica. Wiesbaden, 1979.
Chan Hok-lam. 1970.— Chan Hok-lam. The Historiography of the Chin Dynasty: Three Studies. Wiesbaden, 1970 (Münchener Ostasiatische Studien, Bd IV).
Chan Hok-lam, 1967.— Chan Hok-lam. The Compilation and Sources of the «Chinshih».— «Journal of Oriental Studies». Hongkong, 1967, vol. VI, № 1/2 (for 1961—1964) *.
Chang T'ai-hsiang, 1977.— Chang T'ai-hsiang. The Ancient Aolimi City on the Lower Reaches of the Sunghua River and Chin Tombs on the Outskirts of Aolimi.— B. 1977, № 4.
Chac Chen-chi, 1971.— Chao Chen-chi. Chinese Studies of Liao, Chin and Yüan History Over the Last 60 Years.— «Snih hsüeh hui k'an». Taibei, 1971, № 4.
Chavannes, 1908.— Chavannes Ed. Notes sur l'inscription joutchen de K'ien-tcheou.— TP. Ser. 2, 1908, vol. IX.
Chavannes, 1903.— Chavannes Ed. Les deux plus anciens spècimens de la cartographie chinoise.— «Bulletin de l'Ecole Francaise d'Extrême Orient». Hanoi, 1903, t. 3, № 2*.
Ch'ên Lê-su, 1936.— Ch'ên Lê-su.— On the Shü Meng-hsin's San-chao-pei — meng-hui-pien.—«Bulletin of the Institute of History and Phylology Academia Sinica». Shanghai, 1936, vol. VI, p. 2—3.
Ch'ên Shu, 1973.— Ch'ên Shu. Notes on the Bronze Mirror With Khitan Inscription Unearthed at Taan, Kirin Province.— B. 1973, № 8.
Chêng Shao-tsung, 1973 (I).— Chêng Shao-tsung. The Epitaph in Kitan Script Discovered at Tzu-mu-ling-tzu, Hsinglung County, Hopei Province.— K. 1973, № 5.
Chêng Shao-tsung, 1973 (II).— Chêng Shao-tsung. Some Official Seals of the Sung, Chin and Yüan Dynasties.— B. 1973, № 11.
Chêng Shao-tsung, 1973 (III).— Chêng Shao-tsung. Reconnaissances of the Remains of the Taoist Temple Lung Hsing Kuan at Yihsien, Hopei Province.— B. 1973, № 11.
Ch'êng Su-lo, 1947.— Ch'êng Su-lo. A Study of the Jurchen Queue.— «Shih-hsüeh chik'an». Peiping, 1947, № 5.
Ch'ien Nan-yang, 1936.— Ch'ien Nan-yang. The Theatre During the Sung, Chin and Yüan Times.— YJCS. 1936, № 20 **.
Ching Yüan и др., 1977.— Ching Yüan, Sun Hsia-jên, Yang Chih-chün. The Society of Chin Dynasty in Heilungkiang Area in the Light of Archeological Finds.— B. 1977, № 4.
Combined..., 1970.— Combined Index to Thirty Collections of Liao, Chin and Yüan Biographies. Peiping, 1940 (Harvard-Yenching Institute Sinological Index Series, № 35).
Cordier, 1920.— Cordier H. Histoire générale de la Chine. Vol. 2. P., 1920.
Devéria, 1882.— Devéria M. G. Examen de la stèle de Yen-t'ai, dissertation sur les caractères d'ecricture employés par les tartares Jou-tchen.— «Revue de l'Extrême Orient». P., 1882, vol. 1, № 1.
Eberhard, 1942.— Eberhard E. Kultur and Siedlung Randvölker Chinas. Leiden, 1942 (TP. supplement au t. XXXVI).
Eberhard, 1979.— Eberhard W. Das Chin im chinesichen Theater.— Studia Sino-Mongolica. Wiesbaden, 1979.

Ecke, 1935—1936.— Ecke G. Structural Features of the Stonebuilt T'ing Pagodas. Ch. I.— «Monumenta Serica». Peiping, 1935—1936, vol. 1 *.
Ecsedy, 1974.— Ecsedy M. Cultivators and Barbarians in Ancient China.— «Acta Orientalia». Budapest, 1974, t. 28, fasc. 3 *.
Edkins, 1897—1898.— Edkins J. The Language of the Golden Tartar.— «The China Review». Hongkong, 1897—1898, vol. XXII, № 4 *.
Eidheim, 1970.— Eidheim H. When Ethnic Identity as a Social Stigna.— EGB. 1970.
Fêng Chia-shêng, 1948.— Fêng Chia-shêng. The Ch'i-tan Script.— «Journal of the American Oriental Society». New Haven, 1948, vol. 68, № 1.
Ferguson, 1924.— Ferguson J. C. Souther Migration of the Sung Dynasty.— JNCBRAS. 1924, vol. 55 *.
Franke, 1980.— Franke H. Women Under the Dynasties of Conquest.— La donna nella Cina imperiale e nella Cina repúblicana. Firenze, 1980.
Franke, 1979 (I).— Franke H. Some Folkloristic Data in the Dinastic History of the Chin.— Legend, Lore and Religion in China. San Francisco, 1979.
Franke, 1979 (II).— Franke H. Einige Bemerkungen zu Gesandtschaftsreisen in der Sung-Zeit.— Nachrichten der Gesellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens. Hamburg, 1979, № 125.
Franke, 1978 (I).— Franke H. Nord-China am Vorbild der mongolischen Eroberungen: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynastie (1115—1234). Opladen, 1978 (Rheinisch-Westfälische Akademie der Wiessenschafte. Geisteswissenschaften, Vortrage G 228).
Franke, 1974 (I).— Franke H. Chinese Historiography Under Mongol Rule. The Role of History in Acculturation.— Mongolian Studies. Vol. 1. Bloomington, 1974.
Franke, 1974 (II).— Franke H. Zum Legitimitätsproblem der Fremddynastien in der chinesischen Historiographie.— Geschichte in der Gesellschaft. Stuttgart, 1974.
Franke, 1974 (III).— Franke H. A Note on Wine.— «Zentralasiatische Studien». Wiesbaden, 1974, № 8.
Franke, 1969.— Franke H. Bemerkungen zu den sprachlichen Verhältnissen im Liao-Reich.— «Zentralasiatische Studien». Wiesbaden, 1969, № 3.
Franke, 1948.— Franke O. Geschichte des Chinesischen Reiches. Bd. IV. B., 1948.
Fuchs, 1976.— Fuchs W. Jusen-Manjurische Wortgleichungen.— Tractata Altaica. Wiesbaden, 1976.
Gaubil, 1732.— Gaubil P. Observations Mathématiques, Astronomiques, Gèographiques, Chronologiques et Phisiques Tirées des Ancien Livres Chinois... T. III. P., 1732.
Gibert, 1934.— Gibert L. Dictionnaire Historique et Gèographique de la Mandchourie. Hongkong, 1934 *.
Glaser, 1958.— Glaser D. Dynamica of Ethnic Identification.— «American Sociological Review». N. Y., 1958, vol. 23, № 11.
Goodrich, Fêng Chia-shêng, 1946, 1949.— Goodrich L., Fêng Chia-shêng. The Early Development of Firearms in China.— ISIS. Bruges, 1946, vol. XXXVI, № 2; 1949, vol. XXXIX, № 1.
Groot, 1910.— Groot J. J. M. de. The Religion System of China. Its Ancient Form, Evolution, History, and Present Aspects, Manners, Customs and Social Institutions. Vol. VI. Leiden, 1910.
Grube, 1894.— Grube W. Note préliminaire sur la langue et l'écricture des Joutchen.— TP. Sér. 1, 1894, vol. V, livr. 4.
Haenisch, 1944.— Haenisch E. Die Ehreninschrift für den Rebellengeneral Ts'ui Lih im Licht der konfucianischen Moral, eine Episode aus den 13 Jahrhundert.— «Abhandlangen der Preussischen Akademie der Wissenschaften». Jg. 1944, Philosophisch-historische Klasse. B., 1944, № 4.
Hambis, 1956.— Hambis L. The Ancient Civilizations of Manchuria.— «East and West». Roma, 1956, Year VIII, № 3 *.
Hana, 1970.— Hana C. Bericht über die Verteidigung der Stadt Tê-an Wahrend der Period K'ai-hsi 1205—1208 (K'ai-hsi Tê-an shou ch'eng-lu) von Wang

Chih-yüan. Ein Beitrag zur Privaten Historiogpaphie des 13 Jahrhunderts in China. Wiesbaden, 1970 (Münchener Ostasiatische Studien, Bd. 1).
Harlez, 1888.— Harlez Ch.— Niu-tchis et Mandchous, rapports d'origine et de langage.— «Journal asiatiques». P., ser. VIII, 1888, vol. XI, № 2.
Harlez, 1887 (II).— Harlez Ch. de. La religion nationale de Tartares orientaux, Mandchous et Mongoles, comparées à la religion des anciens chinois. Bruxelles, 1887.
Hartwell, 1967.— Hartwell R. A Cycle of Economic Change in Imperial China: Coal and Iron in Northeast China, 750—1350.— «Journal of the Economic and Social History of the Orient». Leiden, 1967, vol. X, pt. 1.
Hartwell, 1964.— Hartwell R. A Guide to Sources of Chinese Economic History AD 618—1368. Chicago, 1964 (Committee on Far Eastern Civilization in University of Chicago).
He Guanbao, 1980.— He Guanbao and others. A Study of the Collection of Seals in Luoyang Museum.— B. 1980, № 12.
Herskovits, 1941.— Herskovits M. J. Some Comments on the Study of Cultural Contact.— AA. 1941, vol. 43, № 1.
Herskovits, 1938.— Herskovits M. J. Acculturation. The Study of Culture Contact. Gloucester (Mass.), 1938.
Hino, 1964.— Hino Kaizaburo. An Outline and History of Jučen's Visit to Shantung in the Beginning Period of Sung.— «Chosen Gakuho». Tenri, 1964, № 33 **.
Hoang, 1925.— Hoang P. Catalogue des éclipses de soleil et de lune relatées dans les documents chinois et collationnées avec le canon de Th. Ritter v. Oppolzer.— «Variétés sinologiques». Shanghai, 1925, № 56 *.
Hosie, 1878.— Hosie A. Sunspots and Sunshadows Observer in China, B. C. 28—AD 1617.— JNCBRAS. Shanghai, 1878, New Serie, vol. XII *.
Hsi Chin, 1977.— Hsi Chin. The Results of Archaeological Researches in China Since the Cultural Revolution.— «Kokogaku zasshi». Tokyo, 1977, vol. LXII, № 4.
Hsü Ping-ch'ang, 1936.— Hsü Ping-ch'ang. Notes on the Epitaph on Wan Yen Hsi Yin of the Chin Dynasty.— «Shihhsüe chikan (Historical Journal)». Peiping, 1936, vol. 1, № 1.
Hsü Ping-ch'ang, 1937.— Hsü Ping-ch'ang. Comments on the Marriage System in Juchen History.— «Shihhsüe chikan (Historical Journal)». Peiping, 1937, № 3 **.
Huth, 1896.— Huth G. Zur Entzifferung der Niüci-Inschrift.— «Bulletin de l'Academie Emperiale des sciences de St.-Pétersbourg». 1896, t. V, № 5 *.
Ishida, 1973 (I).— Ishida Mikinosuke. Jurcica.— Ishida Mikinosuke. Studies in Cultural History of Estern Asia. Tokyo, 1973 (The Toyo Bunko Publications, Series A. № 54).
Kates 1942—1943.— Kates G. N. A New Date for the Origins of the Forbidden City.— «Harvard Journal of Asiatic Studies». Cambridge (Mass.), 1942—1943, vol. VII, № 3.
Kikuchi, 1976.— Kikuchi Toshihiko. Remains Found in the Okhotsk Culture Which Originated in Mo-ho and Jurchen.— «Hoppo bunka kenkyu». («Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasia Cultures, Hokkaido University»). Sapporo, 1976, № 1 **.
Kim Chewon, 1974.— Kim Chewon, Lee Lena Kim. Arts of Korea. Tokyo — New York, 1974.
Kiyose, 1978.— Kiyose G. A Study of the Jurchen Language and Script. Reconstruction and Decipherment. Kyoto, 1978 **.
Koppers, 1955.— Koppers W. Diffusion: Transmission and Acceptance.— Yearbook of Anthropology. Vol. 1. N. Y., 1955.
Krader, 1952.— Krader K. The Cultural and Historical Position of the Mongols.— «Asia Major». New Series, 1952, vol. III, № 2.
Kubo, 1966.— Kubo Noritada. Formation of the Religion Ch'üan-chen-chiao.— «The Memoires of the Institute of Oriental Culture». Tokyo, 1966, № 48 **.
Kubo, 1963.— Kubo Noritada. New Taoism and Buddhism in the Chin Dynasty Observed Through the Three Religion Harmonized Thought.— «Tohogaku». Tokyo, 1963, № 25 **.

Kubo, 1951.— Kubo Noritada. Characters of the Taoist School During the Chin and Yüan Periods.— Oriental Studies Presented... to Sei Wada. Tokyo, 1951.
Lacouperie, 1889.— Lacouperie T. de. The Djurtchen of Mandschuria: Their Name, Language and Literature.— JRAS. New Series. 1889, vol. XXI.
Latourette, 1957.— Latourette K. S. The Chinese. Their History and Culture. N. Y., 1957.
Laufer, 1921.— Laufer B. Jurči and Mongol Numerals.— «Körösi Csoma — Archivum». Budapest, 1921, vol. 1, № 2 *.
Lee T'ao, 1955.— Lee T'ao. Chinese Medicine During the Chin (1127—1234) and Yuan (1234—1368) Era.— «Chinese Medical Journal». Peking, 1955, vol. 73, № 3.
Legeza. 1972.— Legeza I. L. New Appraisal of Chün Ware.— OA. New Series. 1972, vol. 18, № 3.
Leong, 1972.— Leong E. L. J. Tradition and Transformation in a Chinese Painting and a Related Poem.— «Art Journal». Bloomington, 1972, vol. 31, № 3.
Lewin, 1968.— Lewin G. Zu einigen Fragen der Entstehung von Besonderheiten der gesellschaftlichen Structur in China in Zusammenhang mit den Beziehungen zwischen Ackerbauern und Nomaden Völkern.— Das Verhaltnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischen Sicht. Berlin, 1968 (Die Deutsche Akademie von Wissenschaften zu Berlin, Institut for Orientforschungen. Veroffentlichung, № 69).
Li I-yu, 1977.— Li I-yu. Notes on the Inscriptions of the Chin, Yüan, and Ming Dynasties in the Wan Pu Hua Yen Ching (10 000 Buddhist Sutras) Pagoda, Huhexot, Inner Mongolia.— B. 1977, № 5.
Ligeti, 1953.— Ligeti L. Note préliminaire sur le déchiffrement des «petits» charactères «Joutchen».— «Acta Orientalia». Budapest. 1953, t. III. fasc. 3 *.
Lii Wen-shinn, 1946.— Lii Wen-shinn. The Archeological Researches on the Iyi-Lin District.— «A Journal of History and Archeological Studies» («The Lihshyy yeu Kaogu»). Mukden, 1946, № 1.
Lin Hsiu-chên и др., 1977.— Lin Hsiu-chên, Chan T'ai-hsiang, Yang Chih-chün. The Ancient City of Zhongxing and Chin Tombs in Suibin County by the Hsilung River.— B. 1977, № 4.
Liu Ching-i, Chang Hsien-tê, 1977.— Liu Ching-i, Chang Hsien-tê. Excavation of a Chin Dynasty Tomb at Tunghsien. Peking.— B., 1977, № 11.
Liu Ming-shu, 1947.— Liu Ming-shu. The Custom of «First Hunting Feast» and «First Fishing Feast» in the Liao Dynasty — «Bulletin of Chinese Studies». Chengtu, 1947, vol. VII **.
Liu Ming-shu, 1946.— Liu Ming-shu. The Cultures of Liao and Chin in its Southward Movement During the Sung Dynasty.— «Bulletin of the Chinese Studies. Chengtu, 1946, vol. VI **.
Liu Ming-shu, 1945.— Liu Ming-shu. Laws Conserning Publication During the Sung Dynasty and Conserning the Prohibition of Books to and Coming From Liao and Chin.— «Bulletin of Chinese Studies». Chengtu, 1945, vol. V **.
Lui Zuichang, Zhu Jieyuan, 1979.— Lui Zuichang, Zhu Jieyuan. Notes on the Nuzen Manuscripts and the Dynasty Rubbing from the Sheng Jiao Xu Tablet of Wang Xi Zhi Found in Forest of Steles in Xi-an.— B. 1979, № 5.
Lo Chin-tang, 1958.— Lo Chin-tang. The Evolution of Chinese Books. Taipei, Natural History Museum, 1958 (Collected Papers on History and Art of China, First Collection, № 2) *.
Lo Fu-cheng, 1923.— Lo Fu-cheng. The Yen-Tai Stone Tablets in Kin Language.— «Гоюэ цзикань» («A Journal of Sinological Studies»). Peking, 1923, vol. 1. № 4.
Lurie, 1968.— Lurie N. O. Culture Change.— Introduction to Culture Anthropology. Essays in the Scope and Methods of the Science of Man. Ed. by J. A. Clifton. N. Y., 1968.
Maeda, 1979.— Maeda R. J. Some Sung, Chin and Yüan Representations of Actors.— «Artibus Asiae». Ascona, 1979, vol. 41, № 2/3.
Matsui, 1912 (I).— Matsui Hitoshi. Die in Hsü K'ang-tsung's Reisebeschreibung behandelte Verkehrsstrasse der Mandschurei.— Beiträge zur historischen Geographie der Mandschurei. Bd II. Tokyo. 1912 *.

Matsui, 1912 (II).— Matsui Hitoshi. Das Verwaltungsgebiet des Chin-Reichs in der Mandschurei.— Beiträge zur historischen Geographie der Mandschurei. Bd II. Tokyo, 1912 *.
Memorandum..., 1936.— Memorandum, for the Study of Acculturation. Ed. by R. Redfield, R. Linton, M. J. Herskovits.— AA. 1936, vol. 38, № 1
Menges, 1968 (I).— Menges K. H. Tungusen und Ljao. Wiesbaden. 1968 (Abhandlungen für Kundes des Morgenlandes in Auftrag der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft», Bd XXXVIII, Ht. 1).
Menges, 1968 (II).— Menges K. H. Die Sprache der Jurcen.— Handbuch der Orientalistik. Leiden, 1968, Abt. 1. Bd 5, Absch. 3: Tungusologie.
Mikami, 1973.— Mikami Tsugio. The Studies of Chin History. Vol. III: A Study on the Social History of the Chin Dynasty (1115—1234). Tokyo, 1973.
Miller, 1975.— Miller R. A. Notes on the Jürcen Numerals for the Teens.— Ural-Altaische Jahrbuch. Bd 47. Wiesbaden, 1975.
Ming, 1964.— Ming Lai. A History of Chinese Literature. N. Y., 1964.
Mino, 1973.— Mino Yutaka. Ceramic in the Liao Dynasty. North and South of the Great Wall. N. Y., 1973.
Mino, Wilson, 1973.— Mino Yutaka, Wilson P. An Index to Chinese Ceramic Kiln Sites From Six Dynasties to the Present. Toronto, 1973 (Royal Ontario Museum).
Murayama, 1950.— Murayama Shichiro. A Decipherment of the Jurci Inscription as Recorded in the Azuma Kagami.— ТХГХ. 1950, vol. 33, № 3—4.
Murphy, 1964.— Murphy R. F. Social Change and Acculturation.— «Transactions of the New York Academy of Science». Ser. II. 1964, vol. 26, № 7.
Needham, 1971, 1959.— Needham J. Science and Civilization in Chine. Cambridge, vol. III, 1959; vol. IV, pt. 3, 1971.
Ogawa, 1962.— Ogawa Tamaki. Special Characteristics of Dictionaries of the Sung, Liao, and Chin Periods.— Eastern Studies Fifteenth Anniversary Volume. Tokyo, 1962 **.
Osada, 1970.— Osada Natsuki. The Jurchen Letters and Extant Historical Materials on Them.— «Rekishi kyoiku». Tokyo. 1970, vol. 18, № 7.
Oshibuchi, 1970.— Oshibuchi Hajime. Why did Northern Tribes Invade China? — «Rekishi kyoiku». Tokyo, 1970, vol. 18, № 2.
Otagi, 1959.— Otagi Matsuo. The Tribal Society of Pre-Dynastic Kitai. Kyoto, 1959 (Oriental Research Series, № 6).
Otagi, 1951.— Otagi Matsuo. A Problem of the Racial Consciousness Observed in the Compilations of the Authentic Histories of the Three Conquest Dynasties Liao, Chin Yüan.— «Bunka». Tokyo, 1951, vol. 15, № 4 **.
An Outline..., 1958.— An Outline History of China. Peking, 1958 *.
Pan Jiezi, 1979.— Pan Jiezi. The Artistic Value of the Murals of the Chin Dynasty in Yan Chang Si Monastery.— B. 1979, № 2.
Pelliot, 1913.— Pelliot M. Sur quelques mots d'Asie Centrale attesté dans les textes chinois.— «Journal asiatique». P., 1913, ser. XI, vol. 1. № 2.
Plath, 1830—1831.— Plath J. H. Die Völker der Mandschurey. Bd 1—2. Gottingen, 1830—1831 (Geschichte der Östliche Asiens).
Ponosov, 1941.— Ponosov V. V. The Results of Preliminary Investigation of So-called «Chingiskhan Rampart».— «Bulletin of the Institute of Science Research of Manchoukuo». Harbin, 1941, vol. 5, № 2 *.
Problems..., 1964.— The Problems of Civilizations. Reports of the First Synopsis Conference of the S. I. E. C. C. Ed. by Othmar F. Anderle. L.— P., 1964.
Rachewiltz, 1966.— Rachewiltz Igor de. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period.— «Journal of the Economic and Social History of the Orient». Leiden, 1966, vol. IX, № 1—2.
Rachenwiltz, Nakano, 1970.— Rachenwiltz Igor de, Nakano Miyoko. Index to Biographycal Material in Chin and Yüan Literary Works. First Series. Canberra, 1970.
Rachewiltz, Wang, 1972.— Rachewiltz Igor de, Wang May. Index to Biographycal Material in Chin and Yüan Literary Works. Second Series. Canberra, 1972.

Rall, 1970.— Rall J. Die vier grossen Medizinschulen der Monogolzeit. Stand und Entwicklung der chinesischen Medizin in der Chin- und Yüan-Zeit. Wiesbaden, 1970.

Ratchnevsky, 1968.— Ratchnevsky P. Zu einigen Problémen der Symbiose in China Unter den Mongolen.— Das Verhältnis von Bodenbauten und Viehzüchtern in historischen Sicht. B., 1968.

Reck, 1963.— Reck K. H. Materialien zur Naturbeobachtung des Chinesen und Koreaner im 10—14 Jahrhundert.— «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung». B., 1963, Bd 9. Ht. 2/3.

Rogers, 1977.— Rogers M. C. The Late Chin Debates on Dynastic Legitimacy.— «Sung Studies Newletter». Ithaca. 1977, № 13.

Rosny, 1861.— Rosny L. de. Les Niu-tchis, leur langue et littérature.— «Revue orientale et américaine». P., 1861, t. 6.

Seidel, Cochini, 1968.— Seidel A., Cochini Chr. Chronique de la Dynastie des Song (960—1279). Extraite et traduite du Chungwai lishih nien pao. München, 1968 (Matériaux pour le manuel de l'histoire des Sung (Sung Projects), t. VI).

Shibutani, Kwan, 1965.— Shibutani Tamotsu, Kwan Kian M. Ethnic Stratification. A Comparative Approach. L.— N. Y., 1965.

Shimada, 1954.— Shimada Masao. The Long Wales of Liao and Chin.— «Sundai shigaku». Tokyo, 1954, № 4.

Shimada, 1952.— Shimada Masao. Study on Social History of Liao. Osaka, 1952 **.

Shiratori, 1898.— Shiratori Kurakichi. On the Writings of Kitan, Jučen and Hsi Shia.— СД. 1898, vol. IX, № 11—12.

Shirokogoroff, 1929.— Shirokogoroff S. M. Social Organization of the Northern Tungus. With Introductionary Chapters Concerning Geographical Distribution and History of these Groups. Shanghai, 1929 *.

Shirokogoroff, 1924.— Shirokogoroff S. M. Social Organization of the Manchus. A Study of the Manchu Clan Organization. Shanghai, 1924 (NCBRAS, Extra Vol. III) *.

Sirèn, 1956—1958.— Sirèn O. Chinese Painting: Leading Masters and Principles. Vol. II—III. L., 1956—1958.

Sirèn, 1942.— Sirèn O. Chinese Sculpture of the Sung, Liao and Chin Dynasties.— BMFEA. 1942. № 14 *.

Sirèn, 1930.— Sirèn O. Histoire des arts anciens de la Chine. Vol. IV: L'architecture. Paris — Bruxelles, 1930.

Sirèn, 1925.— Sirèn O. Chinese Sculpture From the Fifth to the Fourteenth Century. Vol. 1—4. L., 1925.

Smolin, 1979.— Smolin G. Ya. Soviet Works on the History of China and Neighboring Countries in the 10-th — 13-th Centuries, 1967—1976.— «The Bulletin of Sung-Yüan Studies». N. Y., 1979, № 15.

Sonoda, 1954.— Sonoda Itsukame. A Study of the Official Route in Manchuria Under the Chin Dynasty.— TÉГХ. 1954, vol. 37. № 3 **.

Sonoda, 1939.— Sonoda Itsukame. Ruin of the Pai-tsen, the Capital of Chin Dynasty.— «Kokogaku zasshi». Tokyo, 1939, vol. XXIX, № 7.

Spicer, 1971.— Spicer E. H. Persistent Cultural Systems: a Comparative Study of Identity Systems that Can Adapt to Contrasting Environments.— «Science». N. Y., 1971, № 174 (4011).

Spier, 1968.— Spier R. Technology and Material Culture.— Introduction to Cultural Anthropology. Essays in the Scope and Methods of the Science of Man. Ed. by J. A. Clifton. N. Y.. 1968.

Starikov, 1948.— Starikov V. S. The First Discovery of the Kin Empire Graves Near Harbin.— «Bulletin of the Institute of Science Research Manchoukuo». Hsinking, 1948, vol. IV, № 3 *.

Sung..., 1976.— Sung Biographies. Ed by H. Franke. Wiesbaden, 1976 (Münchener Ostasiatische Studien, Bd 1, H. 1—3).

Sweetman, 1976.— Sweetman J. Korean and Chinese Ceramic from the 10-th to 14-th Centuries Loan Exhibition at the Fitzwilliam Museum, Cambridge.— OA. New Series, 1976, vol. 22, № 3.

Takeshima, 1939.— Takeshima Takuichi. Report on the Archaelogical Researches as Regards the Ruins of Ch'ing-shou of Liao Dynasty.— THGH. 1939, № 10, pt. 2.
Tamura, 1976.— Tamura Jitsuzo. An Investigation of the Khitan and Jurchen Writtings Systems.— «Toyoshi kenkyu». Kyoto, 1976, vol. 35, № 3 **.
Tamura, 1971.— Tamura Jitsuzo. Dynasties of Conquest in China. Vol. II; History of the Chin and the Yüan. Kyoto, 1971 (Oriental Research Series, № 12, pt. 2).
Tamura, 1964.— Tamura Jitsuzo. Dynasties of Conquest in China. Vol. I: History of the Liao Dynasty. Kyoto, 1964 (Oriental Research Series, № 12, pt. 1).
Tao Jing-shen, 1976.— Tao Jing-shen. The Jurchen in Twelfth Centure China: A Study of Sinification. Wash., 1976 (Washington University, Institute for Comparative and Foreign Area Studies. Publication on Asia 29).
T'ao Chin-sheng, 1968.— T'ao Chin-sheng. A Study of Marriage Between Jurchen and Chinese and in the Late Chin and Early Yüan Periods.— Asiatic Studies in Honour of Dr. Jitsuzo Tamura on the Occasion of His Syxty Fourth Birthday May 25 MCMLXVIII. Kyoto, 1968 (на кит. яз.).
Torii, 1948 (I).— Torii Ryuzo. Shang-ching of Chin Dynasty.— YJCS. 1948, № 35 **.
Torii, 1948 (II).— Torii Ryuzo. Buddhist Temples in Shang-ching of the Chin Dynasty.— YJCS. 1948. № 34 **.
Torii, 1936.— Torii Ryuzo. Illustrations of Archaeology. Supplementary to «Culture of Liao Dynasty From View Point of Archaeology» of R. Torii. Vol. 1—4. Tokyo, 1936.
Toyama, 1964.— Toyama Gunji. Studies in History of Chin Dynasty. Kyoto, 1964 (Oriental Research Series № 13).
Trésors..., 1973.— Trésors d'art chinois récentes découvertes archéologoques de la République Populaire de Chine. P., 1973.
Tsien Po-tsan и др., 1958.— Tsien Po-tsan, Chao Sium-tcheng, Hou Houa. Histoire générale de la Chine. Peking, 1958 *.
Tsukamoto, 1936.— Tsukamoto Zenrya. The Newly Discovered Chin Edition of the Tripitaka.— THGH. 1936, № 6.
Tulisow, 1977.— Tulisow J. Problèmes d'ethnogenèse des Mandchous.— «Etnografia Polska». Warszawa, 1977, vol. 21, № 1 *.
Tung Chi-ming, 1965.— Tung Chi-ming. A Short History of China. Vol. 1. From Earliest Times to 1840. Peking, 1965 *.
Unschuld, 1977.— Unschuld Ul. Traditional Chinese Pharmacology: An Analysis of its Development in the Thirteenth Century.— ISIS. 1977, vol. 68, № 242.
Vanhée, 1913.— Vanhée R. Li Ye. Mathématicien chinois de XIII-e siécle.— TP. Serie 2, 1913, vol. XIV, livr. 5.
Wan Kuo-wei, 1927.— Wan Kuo-wei. The «Boundary Trenches» of Chin Dynasty.— YJCS. 1927, № 1.
Wang Ching-jü, 1973.— Wang Ching-jü. An Attempt at Deciphering the Chin Dynasty Epitaph in Kitan Script Unearthed at Hsinglung County, Hopei Province.— K. 1973, № 5.
Wang Ching-jü, 1937.— Wang Ching-jü. A Preliminary Study of the Yen-t'ai Stone Tablet in Jüchen Language.— «Shihhsüe chikan (Historical Journal)». Peiping, 1937, № 3 **.
Wang Jianhao, 1979.— Wang Jianhao. Tombs of the Jin Dynasty (1115—1234) in the Municipal Area of Jinan.— K. 1979, № 6.
Wang T'ung-ling, 1936.— Wang T'ung-ling. Über die Chinesierung der Einwanderer in China.— СД. 1936, Bd XLVII, № 11.
Wei Kuo-chung, 1973.— Wei Kuo-chung. The Bronze Fire Arm Unearthed at Pan-la-ch'êng-tzu in Ach'êng County, Heilungkiang Province.— B. 1973, № 11.
West, 1977 (I).— West S. H. Vaudeville and Narrative. Aspects of Chin Theater. Wiesbaden, 1977 (Münchener Ostasiatische Studien. Bd 20).
West, 1977 (II).— West S. H. Jurchen Elements in the Northern Drama Hu-t'ou-p'ai.— TP. 1977, sér. 2, vol. 63, livr 4/5.
Wirgin, 1970.— Wirgin. Sung Ceramic Designs.— BMFEA. 1970, № 42 *.

Wittfogel, 1951.— Wittfogel K. A. Chinese Society and the Dynasties of Conquest.— China. Ed. H. F. Mac Berkeley — Los Angeles, 1951.
Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949.— Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society Liao (907—1125). Philadelphia, 1949 (Transactions of the American Philosophical Sosiety. New Series, vol. 36).
Wong Chi-min, Wu Lien-teh, 1932.— Wong Chi-min, Wu Lien-teh. History of Chinese Medicine. Tientsin, 1932 *.
Wong, 1939.— Wong V. L. [Wu Kuang-tsing]. Libraries and Book Collecting in China from the Epoch of the Five Dynasties to the End of Ch'ing.— «T'ien Hsia Monthly». Nanking, 1939, vol. 8, № 4 *.
Wu, 1950.— Wu K. T. Chinese Printing under Four Alien Dynasties.— «Harvard Journal Asiatic Studies». Cambridge (Mass.), 1950, vol. 13, № 3/4.
Wylie, 1860.— Wylie A. On the Ancient Inscription in the Neu-chih Language.— JRAS. 1860, vol. XVII, pt. 2.
Xie Tingqi, 1978— Xie Tingqi. Excavation of the Chin Dynasty Tomb of the Yen Teh-yüan at Tatung in Shansi Province.— B. 1978, № 4.
Yabuuti, 1966.— Yabuuti Kiyoshi. Development of Sciences and Techniques in Sung-Yuan Period.— THGH. 1966, № 37.
Yamamoto, 1951.— Yamamoto Mamoru. Studies on the Nüchen iyü.— «Kobe Gaikokugo daigaku ronso». Kobe, 1951, vol. 2, № 2.
Yang Baoshun, 1979.— Yang Baoshun. Excavation of the Jin Dynasty Tomb at Jiaozuo in Henan Province.— B. 1979, № 8.
Yang Lien-sheng, 1965.— Yang Lien-sheng. The Organization of Chinese Official Historiography: Principles and Methods of the Standart Histories from the T'and Through the Ming Dynasty.— Historical Writing on the Peoples of Asia. Vol. 3: Historians of China and Japan. L., 1965.
Yao Shih-ao, 1933.— Yao Shih-ao. Ein kurzer Beitrag zur Quellenkritik der Reichsannalen der Kin und Yüan Dynastie.— «Asia Major». Lpz., 1933, Bd IX, fasc. 4.
Yao Tao-chung, 1977.— Yao Tao-chung. The Historical Value of the Ch'uan-chen Sources in the Tao-tsang.— «Sung Studies Newsletter». Ithaca, 1977, № 13.
Yen Tun-chien, 1945.— Yen Tun-chien. Investigation of the Yimei-yüan Calendar of the Chin Dynasty.— «Tung-fang tsa-chi». Shanghai, 1945, vol. 41, № 1.
Zhang Yaping, Zhao Jinzhang, 1979.— Zhang Yaping, Zhao Jinzhang. The Murals of the Chin Dynasty in Yan Shang Si Monastery in Fanshi County, Shanxi Province.— B. 1979, № 2.
Zhong Kan, 1978.— Zhong Kan. Main Achievements of Archaeological Work in Ningsia Hui Autonom Region.— B. 1978, № 8.

Чжурчжэни и Цзинь	Дата	Окружающий мир
Предположительно первое упоминание (в корейском источнике) этнонима чжурчжэней «нюйди» («нюйчжи?»).	553–566	Эпоха Северных и Южных династий в Китае (420–589) и трех государств в Корее (I в. до н. э. по традиционной хронологии – 668 г.)
Первое появление мохэ (или чжурчжэней) в Китае	581–600	Правление династии Суй в Китае (589–618)
	618	Приход к власти в Китае династии Тан
Китайское сообщение о появлении этнонима «нюйчжэни» («люйчжэни»)	627–649	
	712	Образование племенем сумо мохэ государства Бохай
Приезд мохэ (или чжурчжэней) к китайскому (танскому) двору	713–741	
	735	Фактическое объединение Корейского полуострова династией Единая Силла
	907	Крах династии Тан в Китае и начало «периода пяти династий и десяти государств». Образование государства киданей
	916	Провозглашение империи киданей
	918	Образование государства Корё
Первое появление собственно чжурчжэней в Китае	925	
	926	Уничтожение киданями государства Бохай
Первое появление чжурчжэней у киданей с подарками	928	Эмиграция бохайцев в Корё и к чжурчжэням
Первая зафиксированная торговая сделка чжурчжэней с двором Корё	948	
Начало регулярных наездов чжурчжэней в Китай	959	
	979	Объединение династией Сун (с 960 г.) Китая и конец «периода пяти династий и десяти государств»
	982	Образование Тангутского государства

Чжурчжэни и Цзинь	Дата	Окружающий мир
	1015	Образование туфаньского (тибетского) государства Тубот
Вытеснения со страниц «Корё са» этнонима мохэ этнонимом «чжурчжэни» («нюйчжи»)	1027	
Последнее посольство чжурчжэней (в доцзиньский период) в Китай	1031–1032	
	1032	Провозглашение независимого государства Си Ся
Провозглашение чжурчжэнями государства Великая Цзинь со столицей в Хуэйнинфу. Принятие Агудой (Тай-цзу) императорского титула и первого девиза годов правления	1115	
Освобождение сородичей в Ляо	1116	Начало войны между Ляо и Цзинь. Отправка первого сунского посольства в Цзинь
Создание «больших» чжурчжэньских письмен	1119	
Воцарение Удимая (Тай-цзуна)	1123	Открытие Сунами рынков для торговли с чжурчжэнями
Разгром империи Ляо	1125	
Начало войны между Цзинь и Сун	1126	
Составление первого календаря	1127	Начало Южносунской династии
Опубликование «Указа о перемене обычаев»	1129	Перенесение южносунской столицы в Линьаньфу
Воцарение Хэла (Си-цзуна)	1135	
Создание «малых» чжурчжэньских письмен	1138	
Начало массового переселения чжурчжэней в Северный и Центральный Китай	1141	
Заключение мирного договора между Цзинь и Южной Сун («шаосинского»)	1142	Южная Сун признала себя вассалом Цзинь
Обнародование первого кодекса законов. Введение «малых» чжурчжэньских письмен	1145	Составление «Истории трех царств» («Самгук саги») в Корё
Убийство Си-цзуна и воцарение Дигуная (Хай-лин-вана)	1149	
Перенос главной столицы в Яньцзин	1153	
Начало выпуска цзиньской медной монеты	1157	
Строительство императорских дворцов в Кайфыне. Создание скульптурной группы «Архат со львенком»	1158	
Убийство Хай-лин-вана и воцарение Улу (Ши-цзуна)	1161	Цзиньское наступление на Южную Сун
Перевод на чжурчжэньский язык китайских классических и исторических сочинений	1164	

Чжурчжэни и Цзинь	Дата	Окружающий мир
Заключение мирного договора между Цзинь и Южной Сун	1165	
Провозглашение политики возрождения традиционной чжурчжэньской культуры. Запрет смены чжурчжэньских фамилий на китайские	1173	
Конец крупных переселений чжурчжэней в Китай. Перевод на чжурчжэньский язык Пятикнижия (У цзин)	1183	
Открытие чжурчжэньского университета	1188	
Смерть Ши-цзуна и воцарение Мадагэ (Чжан-цзуна)	1189	
Составление «Да Цзинь цзи ли» («Собранных церемоний Великой Цзинь»)	1195	Запрещение в Южной Сун учения Чжу Си (неоконфуцианства) как неортодоксального
Введение нового кодекса законов	1202	
Указ об аттестации чиновников	1204	Нападение Южной Сун на Цзинь
Смерть Чжан-цзуна и воцарение Юн-цзи (Вэй-шао-вана)	1208	Заключение мирного договора между Цзинь и Южной Сун
Нападение Чингисхана на Цзинь	1211	
Убийство Вэй-шао-вана и воцарение Удабу (Сюань-цзуна)	1213	Окружение монголами Яньцзина
Перенесение главной столицы в Кайфын	1214	
Новое переселение чжурчжэней дальше на юг – в Хэнань	1215	Образование царства Да Чжэнь в Маньчжурии
Смерть Сюань-цзуна и воцарение Ниньясу (Ай-цзуна)	1223	
	1227	Гибель Си Ся под ударами монголов
Декларация чжурчжэней об отказе от самобытных обычаев	1233	Гибель царства Да Чжэнь (Дун Ся) в Маньчжурии
Взятие монголами Цайчжоу и гибель Цзинь	1234	
	1271	Образование монгольской империи Юань. Прибытие в Китай Марко Поло
	1279	Крах династии Южная Сун и начало правления в Китае монгольской династии Юань
Создание монголами в Маньчжурии провинциального Управления Восточной столицы, чьи границы расширялись на восток	1286	
Поддержка чжурчжэнями сепаратистских действий монгольского феодала Найяна в Маньчжурии	1287	
Начало организации чжурчжэньских военных поселений в Маньчжурии	1292	
	1368	Крах династии Юань и начало правления китайской династии Мин

Чжурчжэни и Цзинь	Дата	Окружающий мир
Подчинение Южной Маньчжурии власти династии Мин	1387	
	1392	Падение Корё и образование государства Чосон
Создание пограничного военно-административного управления Нургань	1409	
Экспедиция Ишиха к устью Амура, воздвижение храма и стелы	1413	
Экспедиция Ишиха на Амур, возобновление храма и стелы	1434	
Объединение Нурхаци чжурчжэньских племен Цзяньчжоу	1589	
Введение маньчжурского письма	1599	
Создание системы «знамен»	1601	
Образование государства маньчжуров – династии Поздняя Цзинь, появление этнонима «маньчжуры»	1616	
Запрещение употребления этнонима «чжушэнь» («чжурчжэнь») вместо маньчжуров	1635	
Переименование Поздней Цзинь в Великую Цин и принятие императорского титула	1636	

УКАЗАТЕЛЬ [1]

Абасы, р., приток р. Муданьцзян, пров. Хэйлунцзян, КНР 20
Авалокитешвара, кит. Гуаньинь, богиня милосердия 182, 186, 188, 193, 194, 201
автохтонность 235
Агоучэ, ст., у. Ачэн, пров. Хэйлунцзян, КНР 190
агротехника 208, 209
Агуда (Ваньянь Агуда, 1068—1123), верховный вождь чжурчжэней (1113—1114), император Цзинь (1115—1123), сын Хэлибо 31—34, 41—44, 46, 47, 49, 51, 53, 88, 90, 107, 114, 115, 119, 121, 126, 159, 161, 163, 164, 180, 258, 275. См. также Тайцзу
Агунай см. Ваньянь Агунай
Азия 50
Азия Восточная 185, 263, 271
Азия Центральная 236, 237, 259
«Айсин гурун исудури» («История Золотой династии»), маньчж. версия «Цзинь ши» 14
Ай-цзун (Ваньянь Ниньясу, Шоусюй, 1198—1234), император Цзинь (1223—1234), сын Сюань-цзуна 11, 105, 128, 229
академизм 181, 267
Академия художеств, в Юж. Сун 198
аккультурация 229, 234, 253, 255, 261—263, 276, 277
аконит 18, 19, 22
актеры 207, 218, 236
алгебра 211
Алихэмэнь см. Ваньянь Алихэмэнь
Алохань, ближайший сподвижник Будды, архан 201
Алочукэ (маньчж. Алэчукэ) см. Ашихэ
амбары 84, 90
Амитабха, будда запада или рая 133, 182
амулеты 81, 131, 202, 233
Амур (кит. стар. Хэйшуй, кит. совр. Хэйлунцзян), р. на Дальнем Востоке 16, 17, 20, 47, 82, 140, 159, 233, 236, 270, 272
Амурская протока, Хабаровский край, СССР 236
Ананьинское городище, пос. Ананьевка, Надеждинский р-н, Приморский край, СССР 80, 82
анимизм, архаическая вера в одушевленность всего сущего 44
антефиксы см. черепица стреховая, концевая
антологии цзиньские 11, 83, 175—177
Аньхой, пров., КНР 204
Аньчун (маньчж.) см. Цзинь
Аньчуху (Аньчухэ) см. Ашихэ
Аолими, п. п., у. Суйбинь, пров. Хэйлунцзян, КНР 80, 203
арбузы 18, 30—32, 236
арии (цюй) 179, 180, 267
архаичность культуры 225, 274
«Архат со львенком», цзиньская скульптурная группа 188, 189, 195
архаты, святые буддийского пантеона 188, 189
архивы 169, 198
ассигнации 172, 239
ассимиляция 156, 225, 229, 234, 235, 253—258, 260, 262, 263, 276, 277
астрология 209, 211, 212
астрономия 54, 55, 173, 208, 209, 211, 212
Асу см. Хэшиле Асу
Асучэн, ставка вождя Асу 23, 24
аудиенция императорская 96, 103, 115, 119, 121
Ачэн, уездн. г., пров. Хэйлунцзян, КНР 73
Ачэншань, начальник чжурчж. моукэ 165
Ашихэ (Алочукэ, Аньчуху, Аньчухэ), пр. приток р. Сунгари, пров. Хэйлунцзян, КНР 37, 49, 60, 73, 190

базы колонн 78, 79, 84, 184

[1] Указатель аннотированный, содержит сведения, часто отсутствующие в тексте книги, в частности перевод заглавий источников (последние введены в указатель лишь поскольку они проходят в книге как самостоятельные понятия, а не просто как объект ссылок). При комментировании персоналий использованы китайские источники.

Баймынь, вождь «страны» пуне (из Уго) (ок. 1070 г.) 34, 35
Байту-яо (каолиновые печи), керамические печи, у. Сяосянь, пров. Аньхой, КНР 204, 206
Байчэн («Белое городище»), развалины цзиньского Шанцзина 72, 73, 76
Бали, городище, у. Чжаодун, пров. Хэйлунцзян, КНР 206
бальзамирование 147
Баньцзе, гора, близ р. Люхэ, пров. Цзилинь, КНР 163
Бао, ламаистский проповедник 159—160
Бао Юнь, буддийский проповедник в Цзинь 162
«Бао энь цзин», сутра благодарения за благодеяния 137
Баоаньцзюнь, сунск. н. п., у. Баоань, пров. Шэньси, КНР 67
Баохэдянь, дворец в Пекине 83
Баошань, рудник, пров. Хэнань, КНР 59
Баошэнсы, буддийский храм в Шанцзине 162
барабаны 41, 112, 113, 132, 144, 183
барбакан, защитный валик перед воротами крепости 67, 73, 74, 78, 80
барельефы 89, 94, 106, 135, 144, 145, 185, 187, 191—194, 265—267
баржа 68, 69
Барин, городище, см. Линьхуан
Бахэй см. Ваньянь Бахэй
башни
— крепостные 76, 87, 183, 185
— осадные 64
белки 18, 270
береста 25, 100, 103, 146
«Беспутство Хай-лин-вана...», повесть 245
бессмертие души 73, 128
Би Люйдао, чжурчжэньский географ 215
библиографические заметки (ивэньчжи) 173, 174, 176, 178
библиотеки 169, 198, 223
билингвы см. стелы
Биньсянь, у., пров. Хэйлунцзян, КНР 190
Бинь, стар. преф., пров. Цзилинь, КНР 164
Биньчжоу, г. и окр. Ляо, совр, у. Ляочжун, пров. Ляонин, КНР 31
Бира, лев. приток Амура, Еврейская авт. обл., СССР 47
бирки с зарубками или надписями (кэ цзы) 51, 52, 167
битье изображения коровы, ритуальный акт 40, 117
Бичурин Н. Я. (1777—1853), рус. китаевед 91
Бишушэн, сунский архив 169
бляхи 21, 29, 202
Бо Цзюйи (772—846), кит. поэт 170, 221
бобы 18, 30, 31, 98, 139
бодисатвы, невоплотившиеся будды 182, 188, 191, 194
божества полей 97, 111
божки шаманские 129, 130
бои борцов 115
бои петушиные 115
Болонь, оз., Амурский р-н, Хабаровский край, СССР 16, 47, 67
Большая Медведица, созвездие 143
Большой Дурал, падь у с. Нижне-Тамбовского, Хабаровский край, СССР 82
Боро-хото см. Линьхуан
Бостон, г., США 197
ботаника 209, 218
Бохай (712—926), государство в Приморье и в Маньчжурии 9, 23, 27, 40, 41, 53, 59, 63, 71, 76—78, 108, 233, 274
бохайцы, население Бохая 22, 77, 78, 106, 111, 125, 156, 187, 218, 231, 233, 240, 255, 257, 265, 274
Бочжилу, чжурчжэньские клан и фамилия 110
браки
— внутриродовые 105
— двоебрачие 106
— смешанные 106, 109, 156, 237, 241, 244, 257, 258
— уводом 36, 37, 43, 105, 263
братство 33
Британский музей, Лондон, Англия 198
бронза 21, 22, 29, 61, 62, 70, 100, 201
Будда (Шакья Муни), основатель буддизма 50, 87, 133, 134, 183, 186
буддизм 50, 125, 132, 133, 135—138, 146, 148, 173, 194, 199, 228, 236, 238, 242, 251, 253, 259, 266, 270
будды, существа наивысшей святости 73, 183, 186, 191
бумага 171, 238
Буссе Ф. Ф. (1838—1896), рус. дальневосточный краевед 77
Бэйвэньгуань, сунский архив 169
Бэйпинцзюнь, цзиньский г., совр. уездн. г. Ваньсянь, пров. Хэбэй, КНР 67
«Бэйсин жилу» («Дневник путешествия на север»), соч. Лоу Яо 13, 226
Бэйтин, цзиньский павильон в Цюйфу, пров. Шаньдун, КНР 182
Бэйцзин см. Северная столица
Бэйчан, дер., у. Синьчэн, пров. Хэбэй, КНР 104
«Бэйшоу синлу» («Путевые заметки

об увозе на север...»), соч. Цай Тяо 13, 226
«Бэйшоу цзяньвэнь лу» («Записки об увиденном и услышанном...»), соч. Цао Сюня 13
Бэйшуй см. Бяньхэ
«Бэйюань лу» («Записки о северном стане»), соч. Чжоу Шаня 13
Бэйянь, дер., у. Синьчэн, пров. Хэбэй, КНР 162
Бэлишиханьчэн, ставка клана Бэлишихань 23
бяньвэнь см. повести
Бяньлян, книжный магазин в г. Кайфын 170
Бяньхэ (Бэйшуй), р., основа канала, соединившего рр. Хуайшуй и Хуанхэ, пров. Хэнань, КНР 57, 68, 179
Бяньцзин, цзиньская столица, совр. г. Кайфын, пров. Хэнань, КНР 10, 14, 68, 72, 212

валы
— крепостные 23, 24, 67, 73, 76, 80—82, 180
— пограничные 67
Ван, кит. фамилия Ваньянь 109, 110
Ван Би (226—249), комментатор «И цзина» 170
Ван Вэйи (? — ок. 1027), ученый-врач 171
Ван Гуань, цзиньский каллиграф 160
Ван Гуй, цзиньский живописец 199
Ван Жосюй (1174—1243), цзиньский литератор 176, 177, 209
Ван Тинъюнь (1151—1201), цзиньский поэт и писатель 160, 177, 195, 197, 198
Ван Цзи (1127—1193), цзиньский писатель 11, 59, 97, 176
Ван Цзэн (978—1033), ляоский поэт 41
Ван Чжу (997—1057), кит. географ 215
Ван Чжунъян, адепт секты цюаньчжэньцяо 137, 160
Ван Чжэ (1113—1170), основатель секты цюаньчжэньцяо 136
Ван Шу (? — 1142), писатель Ляо и Цзинь 176
Ван Э (1190—1273), писатель и чиновник 11, 228, 277
Ваньбу хуаянь цзин, пагода у Хух Хото, авт. р-н Внутренняя Монголия, КНР 163
Ваньянь, царская чжурчж. фамилия 106, 109, 110, 162, 197, 269
ваньянь, чжурчж. клан 20, 26, 27, 37, 39, 50, 54, 55, 263
Ваньянь Агуда см. Агуда, Тай-цзу
Ваньянь Агунай, брат основателя фамилии Ваньянь Ханьпу 50
Ваньянь Алихэмэнь (? — 1119), сын Угуная 39, 42, 129
Ваньянь Бахэй (? — ок. 1091), сводный брат Угупая 33, 34, 38
Ваньянь Водуба, дочь Шилу 48
Ваньянь Вэйшуй, жена Шилу 38, 49
Ваньянь Гао (Салихэ, ? — 1177), чжурчж. вельможа 121, 161
Ваньянь Гао (Сее, ? — 1130), чжурчж. полководец, сын Хэлибо 128
Ваньянь Дигунай см. Хай-лин-ван
Ваньянь Ингэ см. Ингэ
Ваньянь Лоуши (Валиянь, ? — 1130), полководец Цзинь 162
Ваньянь Лян см. Хай-лин-ван
Ваньянь Мадагэ см. Чжан-цзун
Ваньянь Мацзиньчу, цзиньский военачальник 128
Ваньянь Мэнъян, цзиньский чиновник 223
Ваньянь Ниньясу см. Лй-цзун
Ваньянь Полашу см. Полашу
Ваньянь Сагай (? — 1121), чжурчж. вождь, сын Хэчжэ 34
Ваньянь Селиху, сын Бахая, дядя Шилу 48
Ваньянь Синь (Гушэнь, ? — 1140), полководец, гос. деятель, создатель чжурчж. письменности 110, 130, 151, 152, 161, 162, 178, 181, 223
Ваньянь Суйкэ см. Суйкэ
Ваньянь Сюй (Уе, ? — 1157), сын Полашу, историограф 178, 181, 209
Ваньянь Сян, цзиньский чиновник 250
Ваньянь Тун 166
Ваньянь Удабу см. Сюань-цзун
Ваньянь Угунай см. Угунай
Ваньянь Угучу, сын Шилу 49
Ваньянь Улу см. Ши-цзун
Ваньянь Улу, внук Агуды 104
Ваньянь Уцимай см. Тай-цзун
Ваньянь Уяи, дочь Шилу 48
Ваньянь Уясу см. Уясу
Ваньянь Ханьпу (Ши-цзу, 2-я четв. X в.— ?), родоначальник «царской» фамилии Ваньянь 38, 51
Ваньянь Хэлибо см. Хэлибо
Ваньянь Хэчжэ, брат Ингэ, сын Угуная 34
Ваньянь Цзунби (Учжу, ? — 1148), цзиньский полководец, сын Агуды 126, 180, 250
Ваньянь Цзунгань (Вабэнь, ? — 1141), цзиньский полководец, сын Агуды 104, 107, 119, 179
Ваньянь Цзунсюй (Дэшоу, 1-я пол. XII в.), цзиньский полководец 109
Ваньянь Цзунхань (Няньхань,

Чжаньмоха, ? — 1137), цзиньский полководец и военный министр 268
Ваньянь Чжун (Ваньянь Эсыкуй, ? — 1148), цзиньский дипломат, сын Шитумыня 79, 162
Ваньянь Шилу см. Шилу
Ваньянь Шоу (1172—1232), цзиньский писатель и художник, сын Ши-цзуна 170, 178, 179, 223
Ваньянь Шоучжэнь (Цзоянь), гос. деятель 223
Ваньянь Эсыкуй см. Ваньянь Чжун
Ваньянь Юн-цзи см. Вэй-шао-ван
Ваньянь Юньгун (Хутува, Сяньцзун), сын Си-цзуна 179, 197
Ваньянь Юньчжун 179
Ваньянь Юньчэн (Хаое, ? – 1204) 181
«варвары», в кит. литературе 42, 123, 167, 179, 224—226, 230, 247, 248, 264, 270
«варварство» 244—246, 252, 274, 276, 279
Васильев В. П. (1818—1900), рус. китаевед 11, 15
Ватэла, чжурчжэньский сановник 251
вдовы 38, 107, 108, 111
Великая китайская стена 67, 96, 226, 261
Великий канал (Юньхэ) см. Шаньянду
«Великий канон» см. «Да цзан цзин»
верблюды 18, 240
Верхняя столица (Шанцзин)
— династии Ляо 74
— династии Цзинь 72, 74, 86
Виная, часть буддийской Трипитаки, посвященной религиозному уставу 135
вино 32, 36, 43, 45, 48, 96—100, 112, 118, 128, 139, 144, 230, 238
винокурение 98
Внутренняя Монголия авт. р-н, КНР 8, 63, 67, 70, 74, 81, 163, 169
водка 30, 35, 39, 97, 98, 100, 131, 232
Водуба см. Ваньянь Водуба
«военная демократия», исторический этап 274
Воже де Брюнь, франц. востоковед 272
«Возвращение Вэнь-цзи в Китай» («Вэнь-цзи гуй Хань ту»), картина Чжан Юя 196
войлок 88, 239
Вокэнь Хада, чжурчжэнь-преподаватель 220
волы 19, 59, 232, 237, 244
Вомуай, начальник чжурчж. моукэ 165
ворота 75, 76, 86, 87
— наружные (шаньмэнь) 182, 183
Восточная столица (Дунцзин)
— Бохая 83
— Ляо 40, 77
— Сун 76
— Цзинь 31, 72, 76, 202—204, 218, 260
вопзюй (кор. окчо), племя на сев. Кореи в I в. н. э. 146
врачевание 48, 128, 130
врачи 55, 215, 216
«всеобщее истинное учение» («цюаньчжэньцяо») см. секты даосские
выдел из семьи, двора 33, 104
Вьетнам Северный 83
вэй (кор. е), племя на сев.-вост. Кореи в III—IV вв. 44
Вэй Даомин (1-я пол. XII в.), писатель при Ляо и Цзинь 176
Вэйхэ (Вэйшуй), р., пров. Хэнань, Шаньдун, Хэбэй, КНР 68, 137
Вэйчжоу, цзиньский г. и окр., совр. Вэйфан, пров. Шаньдун, КНР 59
Вэй-шао-ван (Ваньянь Сишэн, Ваньянь Юн-цзи), император Цзинь (1208—1213), сын Ши-цзуна 110, 229
Вэйшунь, жена Шилу 38, 49
Вэнь Вэйцзян (1-я пол. XII в.), цзиньский чиновник и автор 13, 126, 129
Вэнь Чжунцзи, псевдоним конфуцианца Ван Туна (583—616) и обиходное название его сочинения 170
Вэнь-ди (589—604), император династии Суй в Китае 41
вэньдихань, чжурчж. клан 110
вэньду, чжурчж. клан 20
Вэньду Учунь (? — 1092), вождь клана вэньду 37, 38
вэньжэчжэни, ветвь чжурчж. народности 36
Вэньмяо, кумирня конфуцианская, Пинъяо, у. Утай, пров. Шаньси, КНР 182
вэньмяо см. кумирни конфуцианские
«Вэньсянь тункао» («Исследование древних текстов и их традиций»), соч. Ма Дуаньлиня 15
Вэнь-цзи, китаянка, находившаяся в плену у юж. сюнну в 194—206 гг. 196
Вэньшудянь, главное здание храма Фугуаньсы, у. Утай, пров. Шаньси, КНР 182

Габеленц Х. К. фон дер (1807—1874), нем. филолог-востоковед 12
гадания 44, 48, 55, 143, 211
Гайчжоу, цзиньский г., совр. уездн. г. Гайпин (Гайсянь), пров. Ляонин,

КНР 31
галерея 88, 185
Ганва-яо, керамическая печь у Чифына, авт. р-н Внутренняя Монголия 205
Гангуаньтун-яо, керамическая печь в Маньчжурии 205
Ганьсу, пров. КНР 192
Ганьхэ, приток р. Нуньцзян, пров. Хэйлунцзян КНР 67
Ганьчжоу, цзиньский г., совр. у. Ганьцюань пров. Шэньси, КНР 202
Гао см. Ваньянь Гао
Гао Сункэ (? — ок. 1155), цзиньский военачальник 163
Гао Шитань (? — 1146), цзиньский писатель 176, 177
гаолян 18, 58
Гао-цзун (Чжао Гоу, 1107—1187), император династии Юж. Сун (1127—1162) 12, 198
география 173, 208, 209, 214, 215
геомантия 54
Гервей М. Ж. де Сен-Дени (1823—1892), франц. китаевед 15
гиляки см. нивхи
Гирин см. Цзилинь
глазурь 65, 202, 204—206
глина
— формовочная 64
— огнеупорная 21
Го Си (1020? — 1090?), кит. художник 195
горельефы 193, 194
горное дело 70, 208, 209, 263
горны кузнечные 21, 62, 264
город 23, 25, 71, 265
— городище 24, 78, 194, 263, 265
— городок 23, 24, 81, 263
— градостроительство 57, 80, 82, 239
— запретный, внутренний 73—76, 80, 81
горох 30, 97, 141
гошиюань см. палата государственной истории
гравюры 172, 198, 239
грамотность 155, 268
грибы 18, 19, 100
гробница 46, 79, 145, 191, 193
гроб 46, 145, 146
Грубе В. (1855—1908), нем. китаевед 12, 149, 151
группы скульптурные 188, 190
Гу Кайчжи (345? — 406?), кит. автор 269
Гу Яньу (1613—1682), кит. автор 269
«Гуанлу дафу Чжан Синъюань лючжи», стела Чжан Синъюаню 163
Гуансингун, дворец в Шанцзине 87
Гуан-у-ди (25—57), император династии Вост. Хань в Китае 252, 253
Гуан-у-мяо, кумирня в честь ханьского Гуан-у-ди 253
Гуанцихэ, одно из русел нижнего течения Хуапхэ 68
Гуанчжоу, сунский г., у. Фаньпу, пров. Гуандун, КНР 68
Гуаншэнсы, будд. храм, в г. Чжаочэн, пров. Шаньси, КНР 172
Гуань Юй (? — 219), конфуцианский мудрец 198
Гуань-ди, бог войны 164
Гуань-ди-мяо, кумирня богу войны, г. Фэйчэн, пров. Шаньдун, КНР 164, 202
Гуаньинь см. Авалокитешвара
Гуаньиньдянь, храм в честь Гуаньинь, у. Шосянь, пров. Шаньси, КНР 182
Гуаньтайцзюнь, н. п., пров. Хэбэй, КНР 204, 206
Гудайбифу см. Чжан Цянь
«Гуй цянь чжи» («Сведения об уходе в безвестность»), соч. Лю Ци 11, 210, 228
гульбища 41, 44, 105, 112, 139
Гун Сянцзэн, кит. библиограф 174
Гушэнь см. Ваньянь Сиинь
Гэчжоу, цзиньский г., у. Баоцзи, пров. Шэньси, КНР 59

Да, бохайская фамилия 104, 269
«Да цзан цзин» («Великий канон»), буддийское соч. 69, 134, 172, 242
«Да Цзинь го чжи» («Сведения о государстве Великая Цзинь») 11, 13, 25, 169, 193, 210
«Да Цзинь гу...», стела Ваньянь Сиию 161, 162
«Да Цзинь дэ шэн тосу бэй», стела Ваньянь Агуде 161
«Да Цзинь дэ юнь тушо», цзиньское соч. по натурфилософии 210, 211
«Да Цзинь дяофа лу» («Записки о карательных походах при Великой Цзинь»), цзиньское соч. 11, 210
«Да Цзинь кайфу...», стела Ваньянь Чжуну 162
«Да Цзинь лама фаши Бао цзибэй», стела в память проповедника Бао 159, 160
«Да Цзинь сюаньбу бао цзан», даосское соч. 136, 171
«Да Цзинь хуанди...», стела Ваньянь Салихэ 161
«Да Цзинь цзи ли» («Собрание церемонии Великой Цзинь»), цзиньское соч. 11, 177, 210
Дабаотай, терраса у Пекина 88
Дагуаньтун-яо, керамические мастерские у г. Фушунь, пров. Ляонин, КНР 204—207

Дадин, цзиньский г., совр. г. Данин, пров. Ляонин, КНР 72, 74, 169
Дадянь см. Даюбаодянь
Дальний Восток 23, 63, 64, 70, 71, 147, 155, 160, 166, 168, 175, 180, 181, 194, 198, 201, 214, 226, 235, 239, 243, 259, 273, 277, 278
— советский 8, 16, 83, 146, 167, 272
«даминли» см. календари
Даминфу, цзиньский г. и окр., пров. Хэбэй, КНР 17, 172
Дамо («Великая пустыня»), авт. р-н Внутренняя Монголия, КНР 250
Дан Хуэйин (1134—1211), цзиньский литератор и каллиграф 160, 177
Данин см. Дадин
дансяны, народность в Центр. Азии в IV—XI вв. 231
Дао, жена Си-цзуна 120
дао («путь»), одно из основных положений даосизма 42, 136, 137
«Дао дэ цзин» («Великий канон»), даосский канон 136, 137, 170
«Даодэ баочжан», даосское соч. 137
даосизм 125, 132—138, 147, 148, 173, 242, 253
даосы, проповедники даосизма 134—137, 164, 207, 251
Дао-цзун (Елюй Хунцзи, 1055—1100), император Ляо 134
Дасинфу, цзиньский г. и окр. 59, 72, 75. См. также Яньцзин
Датун, городище и г., пров. Шаньси, КНР 59, 72, 76, 94, 145, 182
даты радиокарбоновые 16, 146
Дациншаньли, н. п., у. Удун, авт. р-н Внутренняя Монголия, КНР 81
Дациншоусы, цзиньский буддийский храм, г. Яньцзинь, пров. Хэбэй, КНР 133
«Дачжун сяпфу фабао лу», буддийский канон 135
Дачэндянь, цзиньские палаты в Пинъяо, пров. Шаньси, КНР 182
«Даши Цао Даоцин бэй», стела даосу Цао 164
Даюбаодянь (сокр. Дадянь), цзиньский храм в г. Датун, пров. Шаньси, КНР 182, 183
даюбаодянь (сокр. даюдянь), храм великого сокровища, т. е. главный храм в буддийском ансамбле 182, 183
движение за сохранение чжурчж. обычаев 115, 205, 221, 240, 249—251
дворцы 26, 74, 75, 80, 84, 86—89, 182, 185
дворы постоялые 68
двуязычие 148, 156, 242, 256, 260, 269
деградация культурная 278
Дён Терек, урочище, Тувинская АССР, СССР 237
деревни 23, 24
«Деревья и бамбук...», художественный свиток Ван Тинъюня 195
Деревья
— лин 32
— плодовые 18
— тутовые 18, 22, 27, 58, 158
«десять брачных фамилий» у чжурчжэней 108, 263
«десять зол», тяжелейшие преступления 104
дин см. триподы
Динъань (938—991?), гос-во в Вост. Маньчжурии и Сев.-Вост. Корее. 53
Дин-яо, керамическая печь, г. Кайфын, пров. Хэнань, КНР 102, 204, 206, 207
Динь-Банг, строение общественное в Сев. Вьетнаме 85
диффузия культурная 234, 240, 275
дичь 97, 98, 100
дни отдыха 116, 117
дороги 78, 79
доски печатные (клише) 169, 171, 172
доугун см. кронштейны
Доуцунь, н. п., у. Утай, пров. Шаньси, КНР 182
дощечки для приказов 92, 94
дракон 202—204, 237
дрожжи винные 98
Ду Юй (222—284), комментатор «Чун-цю Цзо шичуань» 170
Дуань Кэцзи (конец XII — нач. XIII в.), цзиньский автор 176
Дуань Чэнцзи (конец XII — нач. XIII в.), цзиньский автор 176
Дун, чжурчж. фамилия 89
Дун Цзеюань, автор XII в. 179
Дун Юань см. Ли Гао
Дунпу, с. у г. Юньцай, пров. Шаньси, КНР 192
«Дунфан Шо чжуань» («Биография Дунфан Шо») (154—93 до н. э.), кит. соч. 40
Дунцзин см. Восточная столица
Дунцзичэн см. Восточная столица Бохая
Дуньсычэн, городище клана Дуньсы в Маньчжурии 23
духи 48
— земли 127
— людей 126
— покровители 44
— полей 126, 127
— предков 97, 117, 128, 140
— тайги 46
духовенство
— буддийское 133, 134, 135
— даосское 138, 143, 145, 160
Дэань, г., пров. Цзянси, КНР 64

Дэнчжоу, стар. и совр. г., пров. Шаньдун, КНР 50, 53, 68, 168
дючеры, народность на рр. Амур и Уссури в XVII в. 270, 273

Е Лунли (? — после 1267), чиновник и ученый Юж. Сун 12
Еврейская автономная область, Хабаровский край, СССР 47
Европа 261, 272
ежэнь («дикари»), кит. наименование племен глубинной Маньчжурии 269
Екатериновское городище, с. Екатериновка, Партизанский р-н, Приморский край, СССР 20, 24, 26
Елу, преподаватель 218
Елюй, киданьская императорская фамилия 106, 109
Елюй Диюэ, цзиньский историограф 209
Елюй Фань, цзиньский художник 197
Елюй Хунцзи см. Дао-цзун
Елюй Чуцай (1190—1244), гос. деятель при первых ханах Монголии 59, 149

жанры литературные 178, 179
железо 18, 20, 29, 57, 59—61, 238, 239, 270
жемчуг 19, 27, 29, 62, 90, 92, 237, 247
женьшень 18, 19, 29, 55, 158
жертвоприношения 19, 44, 50, 55, 97, 111, 122, 132
— горам 118, 141, 143, 147
— императорам древности 140, 141
— Конфуцию 132
— Небу 45, 126, 251
— нерегулярные 142
— рекам 118, 129, 141
— сезонные 141, 145
— свиней 130, 131
— собак 45, 128, 130
— тися 138, 140, 143, 147
— человеческие 126, 128, 131
Жи, фамилия 145, 162, 163
Жи Лиюань (? — 1144), крупный цзиньский чиновник 162
Жи Фэнь (? — 1127), сын Жи Лиюаня 163
живопись 185, 198, 199
— буддийская 197
— жанровая 197
— на бумаге 199
— на шелку 199
— пейзажная 196, 197
жилища
— нагэли 25, 263
— наземные 15, 25, 81, 82 и сл.
— полуподземные 82, 90, 232, 263
жрецы 48, 50, 117, 130

Жуйчжоу, цзиньский н. п., совр. Суйчжун, пров. Ляонин, КНР 218
«Жумэнь шицинь», мед. соч. Чжан Цунчжэна 216
«Жупань иши» («Позабытые дела Жунани»), соч. Ван Э 11, 210, 228
Жу-яо, керамическая печь в Сев. Сун, уездн. г. Линьжу, пров. Хэнань, КНР 205
Жэнь Сюнь (3-я четв. XIII в.), цзиньский художник 195, 197

Забайкалье 233
загон облавный (вэй чан) 114
заимствования языковые 158, 234
заклинания 46, 48, 49, 130, 163, 215
заместитель покойника (эвенкск. мугды) 146, 266, 272
замша 92
Западная столица (Сицзин)
— Ляо 76
— Цзинь 72, 76
Западное озеро (Сиху), пров. Чжэцзян, КНР 197
«Западный флигель» («Сисян цзи чжугундяо»), повесть Дун Цзеюаня 179
запáх одежды левый 27, 28, 30, 91—96, 111, 124, 244, 245, 263, 265, 283
запреты
— брачные 105, 106, 241
— смены имен 110, 258
— фасонов одежды 124
— фамилий 110, 124, 251, 265
затмения 144, 212, 213
«звериный стиль» в искусстве 202
земледелие 18, 19, 23, 263, 274
землетрясения 142, 211
зеркала бронзовые 10, 49, 62, 130, 147, 166, 200, 201, 237, 272
злаки 19, 31, 97, 239. См. также конопля, просо, просянка, пшеница, пшеничка
знамения 48, 49, 127, 143, 144
знахарство 48, 55
Золотая орда (середина XIII — нач. XIV в.), гос-во на юге Европейской части СССР и Западной Сибири 269
золото 18—21, 27—29, 57, 59, 61, 86, 90, 112, 231, 238, 247, 263, 270

«И цзин» («Книга перемен»), кит. классическое соч. 170
«ивэй юаньли» см. календари
ивэньчжи см. библиографические заметки
Игай, начальник чжурчж. моукэ 165
игра
— в кости 259
— в мяч 40, 44, 45, 113, 115, 118, 125, 139, 236, 239, 245, 251, 264, 266
— в поло (на бо) 40

— в шахматы 115, 259
— в шашки 115, 259
изваяния животных 187, 189, 190, 194, 195
Известковая сопка, городище у д. Шкотово, Шкотовский р-н, Приморский край, СССР 67
изображения наскальные 190
Ики, о. Японского архипелага 237
илоу, обитатели Южного Приморья в первые века до н. э. и н. э. 37, 44, 62, 224
имена 110, 141, 149, 241, 258
инвентарь погребальный 29, 33, 47, 94, 100—102, 146, 147, 201, 202
Ингэ (Ваньянь Ингэ, Му-цзун, 1052—1103), верховный вождь чжурчжэней (1095—1103), сын Угуная 20, 33, 34, 41, 53, 55, 274
индифферентизм религиозный 148, 245
Индия 259
инновации 227, 233, 235—243, 248, 255, 258, 259, 262, 275
Инсянь, у., пров. Шаньси, КНР 182
институт государственный чжурчжэньский (нойчжэнь гоцзыцзян) 124, 157, 220, 221, 268
инструменты музыкальные 41, 112, 180, 201, 202, 245, 247
интеграция 3, 235, 254, 260, 277
Инчжоу, г. Чанли, пров. Хэбэй, КНР
Инь (1766—1122 до н. э.), династия в Китае 141, 228
инь см. силы инь и ян
ирригация 57, 58
Исин, у., пров. Цзянсу, КНР 204
историография государственная цзиньская 173—175, 208—210
Исянь, н. п. и у., пров. Ляонин, КНР 164
Ичжоу, ляоский и цзиньский г. и окр., пров. Ляонин, КНР 81, 164
«Ичжоу Фэнгосы...», плита с перечнем сдавших на степень сяньшэн, у. Исянь, пров. Ляонин, КНР 163, 164
Ичунь, цзиньский у., пров. Хэйлунцзян, КНР 166
«И-шань цзи», сборник соч. Юань Хаовэня 176
Ишиха, чиновник и путешественник 1-й пол. XV в. 270

кабаны 18, 30, 97, 114
казаки-землепроходцы 16
Кайфын (Бяньцзин), г., пров. Хэнань, КНР 10, 13, 63, 67, 72, 76, 87, 161—164, 169—171, 198, 212, 218, 223, 226
Кайюань (Сяньчжоу), г., пров. Ляонин, КНР 112, 166, 183, 184
календари 54, 103, 116, 117, 168, 209, 213, 214, 238, 239, 246, 259
— «даминли» 213, 239
— «ивэй юаньли» 213
каллиграфия 160, 172, 198
калым, плата за невесту 19, 35, 36, 38, 111, 239
«Каменные кони...» («Тан Тай-цзун чжаолин ма ши кэ цюань цзюань»), художественный свиток Чжао Линя 197
камеры погребальные 145, 146, 186, 191—193
камлание, экстатическая шаманская процедура 43, 49, 50, 264
камнерезное искусство 200, 203
кан, система отопления горячим воздухом 22, 25, 26, 31, 35, 41, 43, 73, 82, 83, 87, 105, 112, 118, 132, 237, 239, 245, 263—265, 271, 272
каноны религиозные 134—138, 171
«Канси цзыдянь», кит. иероглифический словарь XVII в. 210
капельники, керамические водосливы на зданиях 204
капуста морская 18, 19
каракидани («черные кидани»), обитатели Центральной Азии в XIII—XIV вв. 237
кариатиды, фигуры в роли подпорок на зданиях 184
карнизы 185, 186, 191
катапульты см. оружие станковое
Кафаров П. И. (Палладий, 1817—1878), рус. китаевед 77
кафтан-халат 27, 90, 92, 244
каша 30, 31
керамика 22, 32, 33, 78, 81, 82, 101, 146
— глазурованная 101, 102
— лепная 33, 65
— станковая 33, 65
— сун-цзиньская 204
— фарфоровидная 205, 208
— художественная 204, 207, 208, 237, 243, 267
кидани, обитатели Монголии в X—XII вв. 12, 20, 24, 27—31, 38—40, 43—47, 49, 55, 67, 76, 77, 93, 105, 107, 111, 116, 118, 119, 125, 128, 142, 144, 147, 156, 162, 168, 173—177, 218, 222, 231, 233, 236—240, 255, 257, 260, 275, 277
кирпич 64—67, 74, 78, 83, 86, 145, 184—186, 192—194, 203
— декоративный 191, 192, 195, 203
кисеты 29, 271
китаизация 115, 156, 159, 227—231, 241, 251, 252, 257, 259, 261, 262
Китай 10, 32, 34, 51—53, 57, 61, 63, 67, 70, 80, 84, 87—94, 100, 103, 106, 112,

115, 117, 121, 125, 126, 138, 141, 142, 159, 166—169, 180—184, 186, 189, 196, 204—207, 210, 219, 224—229, 240—249, 255, 257, 262—265, 269, 270, 276—278 и др.
— Северный 8, 56, 58, 66, 76, 90, 98, 99, 106, 114, 124, 155, 156, 169, 179, 182, 190, 198, 208, 219, 244, 249, 263, 269
— Центральный 8, 56, 58, 76, 155, 179, 219, 244, 249
— Южный 69, 99, 244
Китайская равнина см. Северо-Китайская равнина
китайцы 26, 28, 31, 44, 46, 55, 59, 67, 91, 93, 98, 105—107, 111, 114, 117, 118, 120, 123, 125, 132, 142, 143, 151, 155, 156, 174, 182, 196, 218, 223, 227, 230, 233, 238, 241—245, 248—253, 258, 260—262, 265, 275—278 и др.
«Китаянка с двумя детьми...», рисунок 196
классика китайская 173—175, 219, 252, 259
климат 18, 56
клише см. доски печатные
книги 143, 167, 169, 198, 223, 242, 248, 251, 259, 268
— книгопечатни 171—172
— книгохранилища 169, 171
— книжные фонды 169
ковры 73, 87, 89, 239
Когурё (I в. до н. э.? — 668), гос-во в Сев. Корее 26, 67
когурёсцы 36, 187
кожа 19, 23, 25, 28, 92, 232, 240
колдуны 48, 50, 130
колдовство 133
коллектив авторский
— в Цзинь 174, 175, 181
— чжурчжэньский 177, 178, 267
колокола буддийские 202
колокольчики 21, 22, 88, 182—184, 187, 191, 239
колонны 79, 84, 88, 128—184, 187, 191, 239
кометы 212, 213
комплексы этнографические 7
кони 18, 19, 25, 34, 35—37, 40, 42, 45, 81, 112, 118, 129, 131, 152, 158, 180, 237—240, 270
коневодство 59, 274
конопля 18, 19, 22, 97, 270
Конрад Н. И. (1891—1970), сов. востоковед 217
консоли (тяоти) 184
консолидация 9, 51, 254
контакты культурные 234, 246, 262, 275—278
контракты на кладбищенскую землю 145, 147, 167
Конфуций (Кун-цзы, ок. 551—479 г. до н. э.), кит. мыслитель 132, 133, 182, 260
конфуцианство 125, 132, 136, 137, 147, 148, 173, 227, 228, 242, 247, 253
конфуцианцы-начетчики 137, 138, 225, 242
коньки крыш 87
корейцы 9, 24, 28, 46, 54, 55, 67, 218, 233, 238, 240
Корея 32, 33, 40, 51, 54, 76, 233
— Северная 83
— Центральная 18
Корё (918—1391), гос-во на Корейском полуострове 14, 21, 23, 28, 50, 55, 67, 70, 99, 121, 175, 237, 238, 247, 275
«Корё са» («История государства Корё»), соч. Чо Инджи 15, 164, 225
корова-рыба 18, 97, 140
корова (бык) 18, 30, 35, 37, 38, 48, 81, 98
коронация 42, 43, 119
Корсаковский могильник, о. Уссурийский, Хабаровские р-н и край, СССР 16
костюм шаманский 129, 272—273
косы 27, 29, 30, 41—44, 91, 93, 111, 124, 125, 232, 239, 241, 244, 249, 270—272
котик морской 19
котлы железные 21, 100, 207, 232, 272
кочевничество 25, 114, 225, 227
Краснояровская крепость, с. Красный Яр, Уссурийский р-н, Приморский край, СССР 63, 66, 79, 84, 85, 101, 194, 203, 264
«Красный утес...», пейзаж У Юаньчжи 197
Кребер А. Л. (1876—1960), амер. этнограф 276
крепости 16, 24, 66, 67, 78, 80, 180, 238, 265
крицы 60, 61
кровосмешение 104, 117
кронштейны (доугун) 183, 184, 187, 189, 191, 267
круг гончарный 22
Круглая сопка, городище, пос. Новогордеевка, Анучинский р-н, Приморский край, СССР 80
крупы 31, 97
крупорушки 58, 59
крыши 184—187
ксилография 156, 168, 170, 172
Ку Еван, кит. языковед VI в. 210
Куан Суньфан (Яньшэнгун), 49-й потомок Конфуция 132, 133
Куан Хуэй, буддийский проповедник 190
кузнечное дело 23, 57, 70

культ
— воды 126
— востока 272
— гор 232
— государственный 127, 134, 138, 143
— земли 46
— копя 239, 264
— матери-прародительницы 46
— Неба 126, 138, 139
— предков 44, 129, 138, 141, 143, 147
— природы 44
— тайги 126
культура
— духовная 4, 7, 234
— материальная 1, 17
— традиционно-бытовая 233, 258
— этнодифференцирующая 6, 255, 258, 272, 275, 276
культуртрегерство 227, 247
кумирни конфуцианские (вэньмяо, Кунмяо) 49, 78, 130, 132, 133, 182
кумыс 31, 32, 35, 98
Кун Аньго (? — 91 г. до н. э.), кит. ученый 170
Кун Инда (547—648), комментатор «Ли цзи» 170
курганы 79, 190, 194
куры 18, 30, 41
кусты чайные 58
кыргызы, киргизы средневековья 237
Кычанов Е. И., сов. востоковед 13
Кэ Гун, цзиньский автор 226

лагеря охотничьи 23, 114
Лазовский р-н, Приморский край, СССР 60
Лазовское городище, с. Лазо, Лазовский р-н, Приморский край, СССР 67, 202
лак 100, 147
Лалинь, р., пров. Цзилинь, КНР 161
Лан Цзю, шаман 50
«Лань пэй лу» («Записки, написанные с уздой в руках»), соч. Фань Чэнда 13
Ланьчжоу, цзиньские г. и окр., совр. центр пров. Ганьсу, КНР 68, 90, 192
Лао-цзы (VI в. до н. э.), кит. философ, автор одноименного соч. 136, 170, 171
Ларичев В. Е., сов. историк 79
Леаотонгская провинция см. Ляонин
левират, брак между вдовой и деверем 34, 38, 41, 43, 107, 108, 114, 230, 263, 265
лежанка (нагэли, тунгусск. нагаи) 25, 263
лекарства 19, 55, 237—239
лексика чжурчжэньская 12, 151—159, 242, 256, 264, 266
лен 22
Ленин В. И. (1870—1924) 277
Леньков В. Д., сов. археолог 16, 60
лес 18, 62
летосчисление 54, 158, 213
Ли Гао (Дун Юань) (ок. 1179—1251), ученый-врач в Цзинь 216, 217
Ли Гоу (1009—1059), сунский ученый 218, 246
Ли Гуй (1-я пол. XII в.), комментатор «Яи-цзы» 170
Ли Е (Ли Чжи, 1178—1265), математик в Цзинь и Юань 211
Ли Пиншань (Ли Чуньфу, 1185—1231), цзиньский писатель и мыслитель 134, 177
Ли Сянь (651—684), комментатор «Хоу Хань шу» 170
Ли Тан (1050 — ок. 1130), кит. живописец 195
Ли Тун (1093—1163), конфуцианец и писатель 253
Ли Тяньминь, цзиньский автор 226
«Ли цзи» («Книга установлений»), приписывается Конфуцию 170
Ли Цзюньминь (кон. XII — 1-я четв. XIII в.), писатель в Цзинь и Юань 176
Ли Чжи см. Ли Е
Ли Чуньфу см. Ли Пиншань
Ли Шань, цзиньский художник 196, 197
Ли Юй, резчик печатных досок 171
«Лин бао ду жэнь цзин», даосское соч. 137, 138
Линкунцяо, мост, у. Луаньчэн, пров. Хэбэй, КНР 68
Линьаньфу, столица и столичный окр. династии Юж. Сун, совр. Ханчжоу, пров. Чжэцзян, КНР 14, 244, 245
Линьтун, н. п., пров. Шэньси, КНР 166
Линьхуан (Боро-хото), ляо-цзиньский г., совр. г. Барин, у. Линьдун, пров. Ляонин, КНР 72—74
Литапо, н. п., пров. Шэньси, КНР 205
Ли-фэй, жена цзиньского императора 88
Лопатин И. А. (1839—1909), рус. геолог и географ 77, 78
Лотман Ю. М., сов. литературовед и культуровед 10
лотос 18, 203 205 206
Лоу Яо (1137—1213) сунский чиновник и писатель 13 68 76, 98, 124, 252
лощение 22, 23, 208
Лоян, г., пров. Хэнань, КНР 71, 72, 75
«Лу тин ши ши» («Достоверные факты о дворе варваров», т. е. цзинь-

цев), соч. Вэнь Вэйцзяня 13, 108, 116, 122
Луаньчэн, у., пров. Хэбэй, КНР 68
Лугоухэ, р., совр. р. Юндинхэ, пров. Хэбэй, КНР 68, 69, 267
Лунсиньсы, цзиньский храм, г. Чжэньдин, пров. Хэбэй, КНР 182, 190
луптайтоу см. праздники 24-х с.-х. сезонов
Лунчжоу, цзиньский г. и окр., совр. уездн. г. Лунсянь, пров. Шэньси, КНР 59
«Лунь юй» («Беседы и суждения»), соч. Конфуция 132, 170, 209
Лунцюань-яо, керамические печи в Лунчжоу, пров. Шэньси, КНР 204
львы храмовые 190, 193
Лю, фамилия бохайская 163
Лю Ваньсу (Шоу Шэн, ок. 1110—1200), ученый-врач в Цзинь 216, 217
Лю Цзунъюань (773—819), комментатор «Ян-цзы» 170
Лю Ци (1203—1250), автор и чиновник при Цзинь и Юань 11, 228, 277
Люй см. секты буддийские
Люй Чжэньгань, цзиньский географ и астроном 214
Люкэ см. Угулунь Люкэ
Люкэчэн, ставка вождя клана Люкэ 23, 24
Люхэ, при Цзинь верховье р. Хуайфа, лев. притока Сунгари, пров. Цзилинь, КНР 163
«Люхэ Баньцзешань...», стела в память победы Агуды 163
«Лю-цзы», кит. соч. неизв. автора 170
«Люцзяошиулун», канон даосской секты 137
Лян (502—556) династия в Китае 170
«Лян шу» («Летопись династии Лян») 170
Лянъюань, парк в Койфыне, КНР 179
Ляо (916—1125), киданьское гос-во в Монголии и Зап. Маньчжурии 14, 23, 24, 27, 34, 39—45, 51—55, 58, 67, 71, 76—79, 88, 91, 114, 115, 124, 125, 128, 133—135, 144—149, 155, 161, 164, 165, 170, 176, 179—186, 210—215, 219, 224—230, 236, 237, 240—243, 249—251, 261, 267, 275
«Ляо Цзинь Юань ивэньчжи» 217. См. также библиографические заметки
«Ляо ши» («История государства Ляо») 12, 24, 132, 210, 225 и др.
Ляодун, стар. пров., совр. пров. Ляонин, КНР 272
Ляодун, п-ов, пров. Ляонин, КНР 59, 69
«Ляодун синбу чжи» («Сведения об инспекционной поездке по Ляодуну»), соч. Ван Цзи 11, 210
Ляомуфэнцза, гора близ р. Ашихэ, пров. Хэйлунцзян, КНР 190
Ляонин, пров., КНР 81, 89, 145, 154, 163, 166, 169, 183, 199
Ляохэ (Хуанхэ в X в., Ширамурен), р., пров. Ляонин, КНР 17, 69
Ляоян, стар. и совр. г., пров. Ляонин, КНР 69, 72, 75, 76, 133, 136, 163, 207. См. также Восточная столица Бохая, Ляо, Цзинь

Ма Динго (ум. после 1138), писатель в Суп и Цзинь 176
Ма Дуаньлинь (ок. 1250—1325), кит. ученый и писатель 15
Ма Ко (1-я четв. XII в.), сунский посол и автор 31, 39, 41, 83
Ма Лин (? — 1184), цзиньский чиновник 199
Ма Таньян, даосский проповедник в Цзинь 160
Ма Цзюшоу (кон. XII — 1-я пол. XIII в.), цзиньский чиновник и ученый 143
мавзолей 106, 119, 144, 147, 266
магия 44, 45, 55, 121, 128, 136
Майское городище, с. Майское, Ханкайский р-н, Приморский край, СССР 235
Малявкин А. Г., сов. востоковед 14
Манджушри (санскр.; кит. Вэньшу), бодисатва, воплощение мудрости 182, 188
манки, приспособления для подманивания зверей 39, 43, 263, 272
Маньчжоу, округ, в XVI в. на сев.-вост. пров. Ляонин, КНР 270
«Маньчжоу юаньлю као» («Исследование о происхождении маньчжуров»), соч. Агая 15, 113, 154, 271
Маньчжурия 9, 11, 17, 19, 23, 24, 26, 44, 57, 58, 60, 62—64, 71, 73, 76, 80—84, 92, 96, 97, 106, 112, 114, 117, 142, 145, 148, 149, 163, 180, 182, 184, 186, 190, 203, 205, 207, 208, 218, 225, 230, 232, 249, 257, 263—265, 269, 270, 278
Маньчжурская равнина 18
маньчжуры, коренное население Маньчжурии 8, 15, 36, 37, 40, 50, 91, 92, 95, 99, 100, 103, 114, 117, 118, 128—132, 154, 224, 225, 262, 263, 270—276
Мао Кэ, человек из Сяньпина 166, 167
Мао Хэн (III в. до н. э.), редактор «Ши цзина» 170
«Маочжай цзысюй» («Беседы в хижине»), соч. Ма Ко 31, 39
маски погребальные 147, 191
масло 31, 98

мастерские
— железоделательные 62
— казенные 57, 80
— керамические 57, 204, 243
математика 54, 137, 209, 211
материалы строительные 63, 67
махаяна (санскр.) («большая колесница»), одно из двух основных направлений в буддизме 135
Ма-чань, вождь чжурчж. клана в конце XI в. 32
мед и воск 19, 30, 97, 270
Медведев В. Е., сов. археолог 16
медицина 55, 137, 173, 208, 215—217, 246, 268
медь 20, 21, 57, 61, 68, 70, 86, 100, 167
Междуречье (Хэцзянь) 107. Ср. Поречье
мелодекламация 176, 179
«Мелодия куропатки» 41. См. также «Песня о горлице»
мельницы 59, 199
месть кровная 238
метеорология 54
метисация 258, 277
меха 19, 23, 27, 28, 30, 92, 96, 237
механизмы 57, 212
мечи 21, 63, 94, 238
Ми Фэй (1051—1107), сунский художник и каллиграф 195
Мин (1368—1644), династия в Китае 149, 151, 269
Мин-ван (букв. «светлый государь»), абстрактный персонаж древней кит. литературы 167
«Минсю цзи», соч. Цай Сунняня 237
Минусинская котловина, Южная Сибирь, СССР 237
Митодянь, храм 182. См. также Амитабха
могильники 16, 20, 22, 46, 128, 145
моления
— божествам полей и злаков 127, 138
— духам предков 121, 128, 140, 251
— духам природы 121, 127, 141, 142
— Небу и Земле 43, 44, 113, 119, 124, 126, 128, 138, 164
— силам инь и ян 117
молоко 31, 98
монастыри буддийские 135, 182
Монголия 40, 64
монголы 37, 52, 67, 76, 77, 106, 114, 124, 125, 128, 160, 169, 171, 172, 175, 218, 228, 231, 239, 240, 262, 263, 269, 270, 275—277
монеты 10, 70, 78, 82, 130, 135, 143, 166, 168, 237, 240
моногамия 38, 107
Монтень М. (1533—1592), франц. мыслитель 279
мосты 87, 267
мотивы художественные 193, 202, 206, 207, 267
моукэ, малая чжурчж. община 81, 157, 165, 221, 222, 227, 252, 256, 258, 260
мохэ, тунгусское племя в Маньчжурии и Приамурье в VI—IX вв. 23, 28, 32, 33, 36, 41, 142, 146, 224, 231—233, 274
мрамор 188, 189
мугды (эвенкск.) см. заместитель покойника
Музей изящных искусств в Бостоне, США 197
музыка 41, 115, 139, 144, 180, 193, 236, 245, 251, 259
мука 30, 31, 70, 97, 239
мумификация 147
Муни (инд.), подвижник 182
Мунидянь, храм Муни, Чжэньдин, пров. Хэбэй, КНР 182
Мункэ-хан (1208—1258), великий хан Монголии (1251—1258) 80
Му-цзун см. Ингэ
Мэй Инцзо, кит. языковед XVII в. 210
Мэн Вэй, ляоский начетчик 55
Мэн Чжи, цзиньский сановник 127
Мэн-цзы, кит. философ (ок. 372 — ок. 289 гг. до н. э.), автор одноименного сочинения 133, 170, 209
мэнъань, большая чжурчж. община 157, 229, 252, 256, 258, 260
Мэолянхо, чжурчж. военачальник 53
мясо 30—32, 97, 98, 112, 140, 141
наблюдения астрономические 202, 203
нагэли (тунгусск. нагаи) см. лежанка, жилище (с лежанкой)
Надеждинский могильник, с. Надеждинское, Еврейская авт. обл., СССР 16, 20, 29, 33, 46, 47, 232
надписи благопожелательные 160, 201
Найянь (? — 1287), владетель улуса в Вост. Монголии и Маньчжурии, потомок брата Чингис-хана 269
наказания телесные 123
наколенники (ороч. олочи) 272
наконечники стрел 20, 232, 233
— с зарубками 51
налань, чжурчж. клан 37, 49, 110
наложницы 106, 107, 256—258
наложничество 34, 38, 106, 108, 241
нанайцы, коренная народность на Амуре и Уссури 25, 50, 90, 92, 94, 95, 126, 128—131, 214, 272
«Нань цянь лу» («Записки о перенесении [столицы] на юг»), соч. Чжан Шияня 10, 210
Наньдун, н. п., у. Сянфэнь, пров.

Шаньси, КНР 193
Наньцзин см. Южная столица
Наньцзинлу, губерния в Цзинь, пров. Хэнань 172
народы тунгусо-маньчжурские 9, 126, 225, 231, 274, 275, 277 и др.
наследие культурное 231
наследование 169, 258
наставник государственный (гоши) 177
натки, рус. наименование амурских народов в XVII в. 273
натурфилософия 208—211, 253
Нахэ, чжурчжэньская фамилия 106
начетчики 198, 209, 218, 223, 228, 249, 259
негидальцы, коренные обитатели рр. Амгунь и Амур 84, 92
неоконфуцианство, сунское конфуцианство 133, 134, 243, 253
нефрит, минерал 29, 90, 92, 202, 203, 238, 272
нивхи (гиляки), коренные обитатели нижнего Амура 52, 92, 273
Николаевское (Сучанское) городище, пос. Николаевка, Партизанский р-н, Приморский край, СССР 67, 80, 135, 182, 203
Нингута, г., совр. г. Нинъань, пров. Хэйлунцзян, КНР 29, 62, 84, 87, 131
«Нингута цзилюе» («Краткие записки о Нингуте»), соч. У Чэньи 15, 84, 87, 97, 112, 116, 128, 271
Нинцзин, у., уездн. г. в цзиньской пров. Хэбэйсилу, часть пров. Хэбэй, КНР 169, 172
Нинцзянчжоу, ляо-цзиньский н. п., совр. Даюйму, пров. Цзилинь, КНР 105
Ниншэдянь, буддийский храм в Шанцзине 140
ниши архитектурные 183, 185
Ново-Николаевка, с., Ольгинский р-н, Приморский край, СССР 60
Ново-Петровка, с., Константиновский р-н, Амурская обл., СССР 67
Нонни (Нуньцзян), левый приток Сунгари, КНР 17, 67
Нуньцзян см. Нонни
Нунъань, г., пров. Цзилинь, КНР 163
Нурхаци (1559—1626), вождь маньчжуров с 1616, император Тай-цзу династии Цин (1644—1661) 269
«Нэй вай шан бянь хо лунь», соч. врача Ли Гао 217
нэцкэ (японск.), пуговица или подвеска из твердого материала для кисета, сумки на поясе 203
«Ню ши чжэньту» («Альбом-руководство к истории женщин»), соч. Гу Кайчжи 198
«Нюйчжи цзыму» («Знаки чжурчжэньской письменности») 149
«Нюйчжэнь цзиньши...», стела о присуждении степени цзиньши 161
«Нянь эр ши чжа цзи» («Детальный доклад по 22-м историям») Чжао И 275

обелиски буддийские (дингуань и др.) 87, 160, 189, 190, 194
обереги, отвращающие несчастье 93, 130, 208
облавы (да вэй) 39, 112, 114, 118, 119, 236, 245, 251, 266, 267
— сезонные 44
обмен культурный 234—245, 247—249
обогащение культуры 234, 248, 249, 252, 278
обряд 6, 114, 118
— обливания водой 45
— очищения 128, 129
— поранения лица, пускания крови (сун сюэ лэй) 43, 47, 126, 129, 264
— похоронный 46, 47, 129, 144, 146, 166
— сжигания пищи (шао фань) 43, 44, 46, 48, 129, 236, 239, 264, 272
— стрельбы в иву (шэ лю) 44, 45, 113, 114, 118, 124, 126, 139, 236, 251, 264, 266
— уважения женщин (няньця нюй) 35
— уничтожения погребальной утвари 239
обсерватории 211, 212
обувь 27, 28, 90, 92, 94, 95
обычаи 111, 114
— дальневосточные 259
— заимствованные 44
— исконные 43
— китайские 115, 147, 241, 258
— ляоские 113
— синкретичные 247
— традиционные 43
— цзиньские 128
— чжурчжэньские 115, 125, 126, 228, 230, 244, 245, 251, 259
овощи 18, 30, 32, 58, 97, 99, 100, 140, 141
овцы (бараны) 18, 30, 37, 68, 69, 98, 140, 142, 239
одежда
— заимствованная 115—116, 259
— традиционная 125, 130, 131, 200, 241, 251
олени 18, 30, 39, 114, 118, 193
олочи (ороч.) см. наколенники
Ольгинский р-н, Приморский край, СССР 60, 61
Ольгинское городище, Ольгинский

р-н, Приморский край, СССР 60, 61
ондоль (кор.), система отопления теплым воздухом по каналам под полом 26, 83
Оногава Хидэми, яп. востоковед 14
Оппольцер Т. (1841—1886), нем. астроном 213
орехи кедровые 18, 19, 30, 55, 96—99, 237
орехи-лещина 18, 97
орехи маньчжурские 18
орнаменты 89, 95, 96, 185, 207, 208, 233, 273
орочи, коренные жители низовья Амура 126
орудия
— земледелия 20, 42, 57, 81, 244, 263
— ремесла 20—22, 61, 63, 81
оружие
— защитное 20, 63, 237—239
— метательное 20, 63
— огневое 64
— станковое 57, 64, 270
— стрелковое 22, 45, 63, 238
оседлость 25, 26, 80, 114, 263, 270
«Осенний вечер в горном лесу» («Шань лиць цю вань ту»), картина Ван Тинъюня 195
Осиновка, с., Михайловский р-н, Приморский край, СССР 81, 82
осквернение 129, 132
отказ от национальных обычаев 93, 240, 241
отношения родства 109, 110, 241
Оуян Су, кит. каллиграф 172
Оуян Сюань (1273—1357), кит. историк при династии Юань 14
охота 19, 20, 70, 75, 97, 112, 118, 232, 270
Охотская культура, культура железа на Хоккайдо, Сахалине, Курилах, Камчатке 237
очаги 26, 83, 84
очищение см. обряд очищения, сжигания пищи, уничтожения погребальной утвари

павильоны 87—89, 145—183
пагоды 75, 182, 185—190, 194, 207, 236, 242
— деревянные 183
— каменные 184
— китайские 183
ляо-цзиньские 237
палата медицинская 215
палата государственной истории (гошиюань) 155, 170, 209
палочки для еды 30, 32, 97
памятники-черепахи 79, 162, 190, 194, 195
— надмогильные 147, 189
— со стелами 159 и сл.
панты, рога молодого оленя 19, 32, 131
Партизанск, г., центр Партизанского р-на, Приморский край, СССР 146
Партизанская (Сучан), р., Партизанский р-н, Приморский край, СССР 59, 80, 130, 166, 182
парча 28, 90
патриархат 33, 113, 241
пахота
— на волах 57, 58
— паровая 58
— ритуальная 117, 139
Пекин, столица КНР 10, 83, 88, 146, 159, 190. См. также Яньцзин, Средняя столица Цзинь и др.
пендель, прибор, употребляемый при узелковом письме 52
пени 19, 239
пение 41, 45, 115
переводчики 52, 53, 93, 155, 171, 174, 229
переводы
— на киданьский язык 155
— на чжурчжэньский язык 124, 155, 169, 175, 210, 252, 267
— с чжурчжэньского языка 161, 229
переселения 25, 254, 257
персонажи пьес 180
песни чжурчжэньские 17, 80, 81, 245, 251, 267
«Песня о горлице» (чжэ гу) 11, 245
пестрота
— этническая 242
— языковая 148, 155
печати (инь, си) 10, 11, 119, 164, 165, 168
— китайские 164
— корейские 164
печи гончарные 22, 65, 82, 204, 205, 207, 264
печи плавильные 21, 60, 62, 131
«Пивэй лунь» («О селезенке»), соч. Ли Гао 216, 217
пиетет сыновний 104, 137, 251, 259
Пиндин-яо, керамическая печь у г. Янцюань, пров. Шаньси, КНР 204, 206
Пинъян, цзиньский г., у. Линьфэнь пров. Шаньси 169, 171, 180, 198, 262
Пинъяо, н. п., у. Утай, пров. Шаньси, КНР 182
пионы 18, 30, 31, 97, 203, 206
пир головной птицы (тоу няо янь) 40, 44, 114, 236
пир головной рыбы (тоу юй янь) 39, 40, 42, 44, 114, 236
писаницы 131, 233
писатели 176, 177, 181

— чжурчжэни 178
письменность
— бохайская 156, 233
— киданьская 53, 149, 151—157, 162, 166, 180, 193, 222, 236, 237
— китайская 53, 152—155, 160, 167, 172, 222, 240, 242, 260
— чжурчжэньская 12, 53, 130, 148, 149, 151—157, 159, 161, 162, 165, 167, 168, 172, 178, 180, 181, 222, 236, 242, 245, 247, 249, 252, 266, 270, 271, 278
— большая 149, 152, 154, 161
— малая 149, 152, 154, 161, 200, 271
— узелковая 52, 273
— прочая 233
пища
— иноземная 97, 99, 241, 265
— молочная 31, 97—99, 241
— мясная 30—32, 97—99
— растительная 30—32, 96—99, 236, 241, 265
— чжурчжэньская 30, 32, 96
плавильни 21, 23, 57, 60, 70
планеты 212
планировка архитектурная
— осевая 182, 183
— свободная 184
пластика мелкая
— ритуальная 201
— светская 201—203
платки головные 90, 92, 94, 113, 238
платформа сооружений архитектурных 185, 187
платье
— форменное 91, 92
— чжурчжэньское 27, 28, 92—94
— чужеземное 90, 91
Плахотнюкинское городище, д. Плахотнюкино, Чугуевский р-н, Приморский край, СССР 80, 213
плотины 57, 68, 69
плуги 20, 58, 62, 263
повести (бяньвэнь), 179, 245
погребения 15, 47, 89, 146, 187, 192, 194, 243
— воздушные 47
— вслед за умершим 46
— вторичные 232
— коней 129, 233
— парные 104, 145, 146
подвески 94, 203, 233
Поднебесная (Китай) 40, 115, 140, 228, 229, 246, 249, 260
«подношение чарки» (шоу цзун хао и), обычай 112, 118, 245, 266
Подоту р., Маньчжурия 44
Полашу (Ваньянь Полашу, Си-цзун, 1042—1095), верховный вождь чжурчжэней (1092—1095), сын Угуная 33, 34, 44, 49, 52, 53, 209
полигамия 34, 38, 106
политика Цзинь
— культурная 124, 276
— национальная 251—253, 258
— религиозная 137, 138, 148
положение женщин 104, 105, 238, 265
полотно 22, 30, 91, 93, 270
Поречье (Хэцзянь) 226. См. также Междуречье
порох 57, 63
поршни, вид лаптей см. обувь
поселения 23, 71
поселки 74, 80, 257, 263
посуда 22, 35
— берестяная 100, 103
— глиняная 22, 32, 33, 65, 204 и сл.
— деревянная 30—33, 100, 103, 111
— кухонная 101
— лаковая 100
— металлическая 21, 32, 100
— парадная 100, 102, 204—208
— столовая 101
— тарная 101
потолки 185, 191
почвы 19, 56
почерки 160, 164, 166, 172
поэзия 177—179, 180, 198, 243, 250, 259, 260
поэты 177, 179, 181
Поярково, с., Михайловский р-н, Амурская обл., СССР 67
пояса 29, 90, 92—94, 202, 237
«правдивые хроники» (шилу) 170, 210
право «свободной кражи» (фан тоу) 42, 43, 105, 117, 230
право семейное 107, 108
празднества 245
— ежегодные, годовые 241
— китайские 125, 259
— коллективные 264
— ритуальные 241
праздники
— Будды 133
— воцарения 119
— государственные 241
— дня рождения 111
— императора 121
— из серии 24-х с.-х. сезонов 116—119
— китайские 241
— Нового года 118, 121
— поминальные 116—118
— чжурчжэньские 116
предания 6, 178
предсказания 49, 130
преемственность 231, 233, 243, 263, 271, 274, 278
Пржевальский Н. М. (1839—1888), рус. путешественник 77, 78

Приамурье 8, 9, 16, 60, 62, 63, 67, 77, 82—84, 101, 207, 225, 232, 235, 269—272, 278
приветствия 33, 43, 108, 115, 116, 250, 259
— китайские 116, 241, 260
— чжурчжэньские 252, 260
приданое 37
приметы 44, 48, 49, 143
Приморский край, СССР 20, 146, 193, 200, 236
Приморье 8, 9, 16, 17, 24, 44, 52, 57, 59—63, 64—69, 77, 80—84, 92, 97, 100—102, 106, 115, 130, 135, 165—167, 203, 204, 207, 213, 225, 232—235, 265, 269—272, 278
приправы 97, 98
прически 29, 91, 94, 119, 250, 251, 262
проза литературная 177, 260
просо 17—19, 58, 69, 75, 96—99, 141, 232
просянка 18, 31
«Прояснение в горах Минь», картина цзиньского художника 195, 197
птицы 18, 31, 45, 140, 141, 145
Пуне, одна из пяти «стран»-племени (Уго) 34
пусань, клан чжурч. 37, 108
Пусяньгэ, палата цзиньского храма Шаньхуасы, г. Датун, пров. Шаньси, КНР 182
пути водные и сухопутные 67—69
Пуху см. Цзягу Пуху
пуча, чжурчж. клан 37, 106, 110
пуэрария, южная деревянистая лиана с прочным волокном 18, 22, 29, 270
пшеница 18, 57, 59, 99, 214
пшеничка (кукуруза) 18, 19, 58
Пынлайюань, архив 169
пьедесталы 184, 191, 195
пьесы (юаньбэнь) 150, 179, 180, 245, 247, 263, 267
пьянство 33, 98
Пэй Инь, сунский комментатор «Ши цзи» 170
Пэй Сунчжи (372—451), кит. комментатор «Сань го чжи» 180
пэймань, чжурчж. клан 37, 108, 110
Пэкче (I в. до н. э.? — 645), гос-во на Корейском п-ове 40
Пятиградие см. Угочэн
Пятикнижие (У цзин), пять древнекит. сочинений: «И цзин», «Шу цзин», «Ши цзин», «Ли цзи», «Чунь цю» 170, 172, 209, 236

разделение этническое 254
Раковка, р., Уссурийский р-н, Приморский край, СССР 79
расогенез 257
растения лекарственные 18, 55, 218
расточительство 92, 99, 247, 249
Ревуненкова Е. В., сов. этнограф 50
регалии 91, 96, 119, 122, 164, 200, 202
регламентация
— браков 108
— головных уборов 91, 92
— одежды 90—93, 250
— причесок 91, 93
— церемоний 115, 119, 121, 122, 250
ремесло
— деревообделочное 22, 23
— дорожно-строительное 70
— керамическое 23, 70, 71, 264
— литейное и кузнечное 23, 57, 70, 264, 274
— скорняжное 23
— ткацкое 22, 57, 71
ремесленники 20
рис 17, 19, 31, 32, 57, 58, 68, 96—99, 118, 158, 244
ритуал 6, 92, 116, 122, 141, 236, 241
— государственный 113, 245
ритуализация обычаев 113, 114, 116, 119, 138—140, 266
Розов Г. М. (1808—1853), рус. маньчжуровед 14
роль братьев и дядьев 33, 34, 109
романсы (цюй) 179, 243
рондели, башни по фланкам стен 73, 74
рудники 59, 79, 237
рукописи 156, 167, 168
рыба 31, 97, 100, 140, 141
рыболовство 19, 70, 97

Сагай см. Ваньян Сагай
Сакачи Алян, н. п., Хабаровский край, СССР 24
Сакъи, чжурчж. вождь 46
Салихэ см. Ваньянь Гао
Саматабхадра, бодисатва, храм 188
самобытность 30, 159, 225, 235, 262, 264, 277
— культурная 229, 263
самоцветы 18, 19, 28, 29, 62, 90, 92, 100, 139, 202, 203, 238, 272
«Сань го чжи» («Записки о трех государствах») 170
«Сань люе» («Три тактики»), три кит. трактата по военному делу 175
Саньгуань (Три книгохранилища) 169
Саньда, чжурчж. вождь на рубеже XI и XII в. 34
Саньсюесы, цзиньский храм в г. Чаоян, пров. Ляонин, КНР 163, 190
«Саньчао бэймэн хуэйбянь» («Собрание документов о сношениях с северной ордой...») 12, 13, 20, 22, 116, 124

Саньшэндянь, цзиньский храм в монастыре Шаньхуасы, г. Датун, у. Инсянь, пров. Шаньси, КНР 182
свадьбы 36, 111
сватовство 35, 36, 108, 111
свиньи 18, 55, 81, 98, 128, 131
свиноводство 70, 232
свобода выбора жены или мужа 34, 41, 105, 111, 238, 263, 265
связи внебрачные 36, 257
святилища шаманские 80, 130
Северная столица (Бэйцзин) Цзинь 72, 74
Северо-Китайская равнина (Китайская равнина) 56, 57, 59, 70, 208, 224, 238, 240, 244
Сее см. Ваньянь Гао
сезоны сельскохозяйственные 116, 141, 212
секты
— буддийские 133—135, 137, 147, 197
— даосские 125, 136, 137, 145, 242, 245
селадоны, фарфоровидная керамика бирюзового цвета 205, 206, 238
Селиху см. Ваньянь Селиху
«семейства» керамические
— байту-яо 204, 206
— дагуаньтун-яо 204, 206, 207
— дин-яо 102, 204, 206, 207
— жу-яо 205
— лунцюань-яо 204
— пиндин-яо 204, 206
— сучжоу-яо 204, 206
— сычжоу-яо 204, 206
— сяо-яо 206
— художественные 102
— цзюньшань-яо 204, 206
— цзюнь-яо 66, 205, 207
— цзянь-яо 204
— цычжоу-яо 204, 206, 207
— шэньхоуцзюнь-яо 204
— яочжоу-яо 65, 204, 205, 207
Сергеевка, с., Партизанский р-н, Приморский край, СССР 146
серебро 18, 20, 21, 28, 29, 57, 60, 61, 90, 112, 238
си см. хи
Си Ляо (Западное Ляо, 1124—1211), гос-во каракиданей в Центр. Азии 237
Си Ся (Западное Ся, 1001—1237), тангутское гос-во в Центр. Азии 14, 68, 71, 115, 121, 146, 170, 229, 238, 239, 251, 258
«Си Хань шу» («История династии Западная Хань»), неизвестный источник 170
Сиань, г., пров. Шэньси, КНР 167, 215
Сибирь 45, 131, 214, 237
Силла (I в. до н. э.? — 646; объединенная — до 927), гос-во на Корейском полуострове 154
силы инь и ян, две полярные силы в природе по кит. натурфилософии 209, 211, 215
симбиоз культурный 262, 268, 277
символика 193, 201, 207
Син, фамилия потомственных резчиков печатных досок 172
Син Бин (932—1010), кит. комментатор «Лунь юя» 170
Син Сю (1166—1246), буддийский проповедник в Цзинь и Юань 134
синкретизм
— культурный 111, 116, 241, 266
— религиозный 266
Синлун, у., пров. Хэбэй, КНР 162
синтез культурный 234, 262
Синчжун[фу], ляоск., г. и преф. см. Чаоян
«Синь Тан шу» («Новая история династии Тан») 170
«Синь у дай ши» («Новая история пяти династий») 170
«Синькань тунжэнь шисюе чжэньцзи туцзин», схемы по иглоукалыванию Ван Вэйи 171
Синьминь, г., пров. Ляонин, КНР 81
Синьчэн, у., пров. Хэбэй, КНР 162
Синъюаньсы, буддийский храм в Шанцзине 133
Сиху см. Западное озеро
Сицзин см. Западная столица
Си-цзун (Ваньянь Дань, Ваньянь Хэла, 1119—1149), император Цзинь (1135—1149), внук Тай-цзуна 87, 104, 109, 120, 121, 124, 132, 133, 135, 152, 154, 190, 229, 248, 259
Скалистое городище (Скалистые сопки), с. Ново-Николаевка, Ольгинский р-н, Приморский край, СССР 60, 61
скачки конские 40, 43, 126, 130, 191, 264, 271
скифы, греческое наименование племен Причерноморья 254
скот 19, 59, 68, 129, 237
скотоводство 59, 98, 262
— пастбищное 264
— стойловое 59
Славянка, р., Уссурийский р-н, Приморской край, СССР 79
слитки серебряные (иньтин) 166
«Слово о полку Игореве», рус. лит. памятник XII в. 269
служба времени 208, 209, 213, 214
сны вещие 48, 49, 127
собаки 18, 30, 55, 81, 98, 128, 192
соболи 18, 19, 27, 29, 196, 238, 270

сожжение пищи (шао фань) см. обряд сжигания пищи
созвездия 118, 212
сокола-хайдунцин, темные особи из местности «к востоку от моря (Бохайского)» 19, 39, 45, 114, 158, 196, 237, 270
«Соколиный путь» (ин лу), путь за соколами, ведущий из Ляо в Угочэн и далее на восток 69
соль 18, 64, 68, 98, 141, 240, 270
«Сосны и ели под ветром в снегу», пейзаж Ли Шаня 197
соя 18, 57, 98
Спафарий Н. Г. (1636—1708), дипломат и ученый 270
«Спящая красавица», скульптура в Пейшулинской пещере, Шкотовский р-н, Приморский край, СССР 193
среда географическая 17, 255
Средняя столица (Чжунду)
— Ляо 74, 169
— Цзинь 72, 75—77, 87, 88, 133, 141, 144, 169—172, 208, 222
СССР 8, 16, 17, 20, 24, 26, 29, 33, 46, 59, 60, 61, 67, 77, 79, 80—85, 101, 130, 135, 146, 162, 166, 167, 182, 189, 190, 193, 194, 200, 203, 232, 235—237, 244, 264, 269, 270, 272. См. также Приамурье, Приморье, Шайгинское городище
стагнация 230
сталь 61
станок ткацкий 57
станции почтовые 68
статуи 79, 192, 193, 267
— буддийские 183, 187, 201, 236, 242
— глиняные 193, 207
— деревянные 187, 188, 194, 195
— мраморные 188, 194, 195
стекло 64, 100, 203
стелы 10, 152, 156, 160, 163, 168, 176, 183, 245, 270
— билингвы 159, 161, 165, 168, 266
— историческим деятелям 149, 160 и др.
— погребальные 160, 162
— одноязычные киданьские 154
— Тырские 159, 271
— чжурчжэньские 256
стены 75, 76
степень цзиньши, основная ученая степень в Цзинь 161, 219, 220, 222, 251
степень сяньшэн (мудрейший) 164
стихии, пять стихий-элементов в природе (усин) 71, 73, 122, 210, 211, 253, 254
столицы 71, 73, 77. См. также конкретные названия столиц
стопы наклонные, в архитектуре 184
стрельба
— в иву см. обряд стрельбы в иву
— в мишень 241, 245
— с коня 40, 41, 43, 112, 125, 126, 251, 266, 271
стрижка волос (ти фа) 91, 123, 249
строительство 22, 27, 66, 267
ступы 83, 87, 186
Су Ши (Су Дунпо, 1037—1101), кит. поэт и художник 180, 195, 198, 223, 243
Субинь см. Сюйпинь
«Сувэнь бинцзи» («Механизм болезней по „Сувэню“»), соч. Лю Ваньсу 216
суда 68, 69, 238
судостроение 57, 69
суеверия 126, 143, 261
Суй (589—619), династия в Китае 115
«Суй шу» («История династии Суй»), соч. 11, 170
Суйкэ (Ваньянь Суйкэ, Сянь-цзу), вождь чжурчжэней, сын Бахая 20, 25, 26, 49, 86
Суйпинь см. Сюйпинь
Суйфун (Суйфэнь), совр. р. Раздольная, Уссурийский р-н, Приморский край, СССР 77, 78, 165, 203
Суйчжоу, цзиньский г., совр. г. Суйдэ, пров. Шэньси, КНР 81
сукно 22, 28, 92
сумо мохэ, одно из племен народности мохэ (VIII—X вв.), обитавшее по р. Сунгари 231, 233, 274
Сун (960—1279), династия в Китае 11, 12, 23, 27, 52—53, 55, 57, 59, 63, 68, 74, 112, 115, 125, 128, 135, 138, 162, 165, 176, 179, 180, 183—185, 209—211, 218, 219, 226, 228, 229, 243, 250, 258, 261
— Северная (960—1126) 99, 137, 141, 169, 195, 198, 205, 223, 243, 248
— Южная (1127—1279), 11, 14, 66, 70, 71, 98, 100, 105, 121, 124, 133, 135, 140, 169, 194, 198, 205, 229, 242, 245, 247, 248, 253, 262
Сун Дэцянь, лит. библиограф 174
Сун Сянь, кит. комментатор «Ян-цзы» 170
Сун Ши (962—1033), кит. комментатор «Мэн-цзы» 170
«Сун ши» («История династии Сун») 65, 262
«Сун шу» («История династии [Лю] Сун») 170
Сунгари (Хуньтунцзян, Яцзыхэ — в X—XI вв. Сунвахэ — в XII в.), пр. приток Амура, пров. Хэйлунцзян, КНР 17, 24, 31, 42, 127, 142, 146, 166, 269

Сунмо, метафорическое обозначение территории от верховьев Ляохэ до р. Сунгари 13
«Сунмо цзивэпь» («Воспоминание о Сунмо»), соч. Хун Хао 13, 111
сунцы, суны, подданные Сун 50, 56, 91, 122, 225, 228, 229, 247, 261
Суншань, одна из пяти священных гор, пров. Хэнань, КНР 141
«Сунь-цзы», соч. по военному делу Сунь У (VI—V вв. до н. э.) 175
Супинь см. Сюйпинь
сутры, буддийские трактаты 135, 137, 191
Сучан см. р. Партизанская
Сучанское городище см. Николаевское городище
Сучжоу-яо, керамические мастерские, у. Сусянь, пров. Аньхой, КНР 204, 206
сушэни, древнейшие обитатели Приамурья и Сев. Маньчжурии 15, 224, 225
сфера армилярная 212
сы дай цзинь см. треух
Сыма Гуан (1019—1086), кит. историк и полит. деятель 209, 223
Сыма Цянь (ок. 145 — ок. 86 г. до н. э.), кит. историк 170, 209
Сычжоу-яо, керамические мастерские, у. Сысянь, пров. Аньхой, КНР 206
«Сюаньхэ исы...» см. «Фэнши синчэн лу»
Сюань Чэнь, резчик печатных досок 171
Сюань-цзун (Ваньянь Удабу, 1163—1223), император Цзинь (1213—1223) 110, 170, 222, 229, 242
сюжеты художественные 144, 147, 191, 192, 199—202
«Сюй И-цзянь чжи», сб-к эссе Юань Хаовэня 178
Сюй Канцзун (XI — 1-я четв. XII в.), сунский посол в Цзинь 13, 69, 71, 73, 81, 86—88, 115, 130
Сюй Мэнсинь (1126—1207), кит. историк 13
Сюй Цин (1091—1153), кит. посол в Корё 99
Сюй Чанфань, владелец библиотеки в Цзинь 169
Сюйпинь (Субинь, Супинь, Суйпинь, Фурдачэн, Фучэнцзы), гл. г. одноименной цзиньской губ., на месте совр. г. Уссурийска, Приморский край, СССР 77, 79, 80, 165
сюнну (хунну), кит. наименование древних племен к северу от Китайской стены во II—I вв. до н. э.—VI в. н. э. 38, 196, 233
Сюнчжоу, цзиньский г., совр. уездн. г. Аньян, пров. Хэнань, КНР 67
Сюнь-цзы (ок. 298—238 гг. до н. э.), кит. философ, автор одноименного сочинения 170
Ся, кит. легендарная династия 141, 228
Сянфэнь, у., пров. Шаньси, КНР 193
Сянчжоу, цзиньский г., пров. Хэбэй, КНР 59
Сяншуй, совр. р. Сяндзян, пр. приток Янцзы 68
сяньби, племена, жившие в III—V вв. к северу от Китая у гор Сяньби 233
Сяньпинфу, цзиньская губ., пров. Цзилинь, КНР 167
Сянь-цзун см. Ваньянь Юньгун
Сяньчжоу, цзиньский г. и окр., совр. Кайюань, пров. Ляонин, КНР 31, 69, 112
Сянъян[фу], цзиньский г. и окр., уездн. г. Сянъян, пров. Хунань, КНР 68
Сяо, киданьская фамилия 106
Сяо И (середина XII в.), приближенный цзиньского Си-цзуна 120
Сяо Сяочжун, губернатор Вост. столицы при Ляо 40
Сяо Фынсянь (? — 1122), полководец гос-ва Ляо 42
Сяо Хайли (Сели, ? — 1103), мятежный вельможа Ляо 53
«Сяо цзин» («Книга о сыновнем пиетете») 170
Сяо Чжунгун (Чжули, 1-я пол. XII в.), киданин на цзиньской службе 164
Сяо Юй, жена Тай-цзу 104
Сяодун, н. п., у. Учжи, пров. Хэнань, КНР 193
Сяои, у., пров. Шаньси, КНР 192
Сяосянь, у., пров. Аньхой 204
Сяо-яо, керамическая печь в пров. Цзянсу 206
Сяпэй, обл. в цзиньской губ. Шаньдунсилу, частично пров. Аньхой и Хэнань 167
Сяцзягоу, д., у. Тяньчжэнь, пров. Шаньси, КНР 90
Сятунцзин, д., у. Сяои, пров. Шаньси, КНР 192

Табошань, гора у совр. г. Телина, пров. Ляонин, КНР 142
Тагэхэ, р. в Маньчжурии 165
«Тай гун шу», древнее кит. соч. по военному делу 175
Тайбошань (в VII—IX вв.) см. Чанбошань

Тай-цзу (Ваньянь Агуда), император Цзинь 87, 109, 119, 127, 129, 133, 144, 177, 209, 218, 229. См. также Агуда
«Тайхэ тимин бэй» («Стела удостоенным степени... в 1201—1208 гг.») 161, 163
Тай-цзун (627—649), император династии Тан в Китае 197, 252
Тай-цзун (Ваньянь Чэн, Уцимай, 1075—1135), император Цзинь (1123—1135), сын Хэлибо 86, 87, 109, 127, 129, 139, 144, 177, 209, 218, 229
Тайчжоу, цзиньский г., совр. г. Тайсянь, пров. Шаньси, КНР 91
Тайшань, одна из пяти священных гор, пров. Шаньдун, КНР 141
Тайюань, цзиньский г., у. Янцюй, пров. Шаньси, КНР 90, 171
тамги, клейма 102, 103, 167, 223, 272
Тан (618—907), династия в Китае 115, 136, 138, 141, 172, 179, 180, 184, 189, 209—211, 228, 233, 243, 254
«Тан шу» («История династии Тан») 155
Тан Шэньвэй (сер. XI — нач. XII вв.), кит. ученый-врач 171
тангуты, обитатели Центральной Азии, создатели гос-ва Си Ся 175, 238, 239, 275
Танко, клан и фамилия чжурчж. 34, 37, 38, 49
Танко Аньли (Волу, ? — 1201), чжурчж. сановник 260
танцы 41, 43, 45, 112, 193, 247
— ритуальные 41, 42, 139
— шаманские (в том числе с зеркалом) 49, 50, 130—132, 264, 272
— чжурчжэньские 118, 251
Таньчжоу, цзиньский г. и окр., у. Пуян, пров. Хэнань, КНР 68
Таньюань, парк в г. Чжэньдине, пров. Хэбэй, КНР 87
Тао Цзунъи (ок. 1316—1402), кит. автор 110, 258
Таоюаньдун, ворота в цзиньском Шанцзине 86
тарбаганы, грызуны 18, 31
Таскин В. С., сов. востоковед 12
татары 272
Тахучэн, стар. г., пров. Цзилинь, КНР 85
театр 180, 191
тели, ветвь хэйшуй мохэ, в IX—XI вв., жили в бассейне р. Уссури 53, 168
теории медицинские 216—218
терракота, обожженное изделие из жирной глины 203
техника строительная 64, 65, 67, 183—185
тися, жертвоприношения раз в 3 года и 5 лет предкам, совершаемые императором см. жертвоприношения
ткани 66, 74, 90, 112, 237
ткачество 23, 66, 118
тоба (тобасцы), ветвь народа сяньби, в IV—V вв. жившая на северных границах Китая 50, 187
Токто (Токтага, 1311—1355), монгольский историк и полит. деятель 12, 14
«Толани чжэньянь чуан», обелиск с заклинаниями 163
тотемизм 131
традиции 6, 194, 199, 232, 247, 252
трапеза совместная 41
траур 46, 47, 107, 108
треух (сы дай цзинь), головной убор чжурчжэней 29, 93—95, 265
тризна, коллективное поминальное угощение 46, 47, 232
Трипитака («Три корзины законов», санскр.), собрание буддийских текстов 134, 135, 172
Трипитака Чжаочэна, Трипитака, хранящаяся близ Чжаочэна 172
триподы (дин) 207
трупоположение 47, 145
трупосожжение 47, 144, 146, 232, 239
Тува (Тувинская АССР), СССР 237
Тудишэнь, божество плодоносящей земли, покровитель деревни 117
тукюэ, обитатели степной Монголии в VI—VIII вв. 40, 47. См. также тюрки
тунгусы, тунгусо-маньчжуры, общее название народностей тунгусо-маньчж. языковой группы 46, 155, 257, 274, 276
Тунтайсы, буддийский храм в Лян 133
Тунчан, цзиньский н. п., совр. г. Фусинь, пров. Ляонин, КНР 164
Тунчжоу, цзиньский г., у. Дали, пров. Шэньси, КНР 69
Тунчуань, г., пров. Шэньси, КНР 65, 204
Тупикина С. М., сов. археолог 16
Туркестан индийский (афганский) 135
Тутань, чжурчж. клан и фамилия 37, 38, 49, 106, 109, 110
Тутань Тайхоу (Ляованфэй), императрица Тайхоу (? — 1160), приемная мать Хай-лин-вана 104, 105
«Туцзе дили синьшу» (Иллюстрированная и комментированная „Новая книга по географии“»), соч. Би Люйдао 215
тушь 196, 199, 238

Тырская стела и храм, с. Тыр, Ульчский р-н, Хабаровский край, СССР 159, 271
Тэбо, ляоский начетчик 55
тюрбан 91, 93, 94
тюрки, народность 131, 240, 262. См. также тукюэ
Тяньвандянь (храм Небесных царей), типовое строение буддийского ансамбля 183
Тяньнинсы, цзиньский храм, г. Чжэньдин, пров. Хэбэй, КНР 183
Тянь-цзо-ди (Елюй Яньси, 1101—1124), император Ляо 39
тяньцинцзе см. праздник воцарения
Тяньчансы, даосский храм в Яньцзине 136
Тяньчжэнь, у., пров. Шаньси, КНР 90
«Тяньпэн шуцзяо цзунлу», буддийский канон 135

У Кан (кон. XII — нач. XIII в.), цзиньский астроном 212
У Ми, кит. комментатор «Ян-цзы» 170
У Цзи (? — ок. 1259), поэт и писатель при Цзинь и Юань 176, 177
«У цзин» см. Пятикнижие
У Цинцзе, чжурчж. натуралист 211
У Чэньи, кит. автор XVIII в. 15
У Шэньчжоу, писатель при Сун и Цзинь
У Юаньчжи (? — кон. XII в.), цзиньский художник 197
У Юйцюань, цзиньский академик 250
уборы головные
— чжурчжэньские 123, 125, 238, 241, 244. См. также треух
— шаманские 27, 131
Убутунь, цзиньская дер., Маньчжурия 9, 20
Уго («пять стран»), среднее течение Сунгари 24
уголь древесный и каменный 20, 21, 57
Угочэн (Пятиградие, «город пяти стран»), располагался в X — нач. XII вв. в районе ср. течения Сунгари, около совр. Саньсина, пров. Цзилинь, КНР 24, 69, 80, 218, 226
угулунь, чжурчж. клан и фамилия 37, 109
Угулунь Люкэ (Люкэ), вождь племени и клана угулунь в конце XI в. 24
Угунай (Ваньянь Угунай, Цзин-цзу, 1021—1074), вождь чжурчжэней (ок. середины XI в.— 1074) 33, 34, 38, 44, 46, 48, 49, 52, 129, 164
Угучу см. Ваньянь Угучу
Утай, у., пров. Шаньси, КНР 182
Удаолин, н. п., у совр. г. Харбина, пров. Хэйлунцзян, КНР 60
У-ди (502—549), император династии Лян (502—556) 133
Удун, у., авт. р-н Внутренняя Монголия, КНР 81
удэгейцы, совр. обитатели горной части Приморья, СССР 92, 214, 272, 273
Уе см. Ваньянь Сюй
ужэ, обитатели сев.-вост. Маньчжурии и Приморья в IX—XI вв. 48, 164, 240
«Уинь...» («Словарь слов...»), сост. Хань Даочжао 210
уйгуры, древние и современные обитатели Восточного Туркестана (Синьцзян), КНР 31, 202
указ
— о борьбе с роскошью 92
— об отказе от национальных обычаев 125
— об упорядочении брачных обрядов 109
— о перемене обычаев 123, 226, 244, 250
— о сохранении чжурчжэньских обычаев 123, 124, 249
— «покаянный» (чжао цзуй) 120
«Указатель» Оппольцера 213
украшения личные 22, 27, 29, 84, 95, 130, 145—147, 202, 232, 237, 272
ула (трава) 18, 28, 29, 90, 95
улиньда, чжурчж. клан и фамилия 37, 108, 110
Улиньда Ши (? — 1152), жена Улу, сына Агуды 104, 129
Улу см. Ваньянь Улу
Улуньгу, чжурчж. военачальник 128
ульчи (ольчи), совр. местные жители нижнего Амура 96, 126, 272, 273
умыкание см. брак уводом
университет государственный китайский (гоцзыцзян) 169, 215, 219—221, 268
упряж конская 20, 61, 146, 238
Уссури (кит. Уцзыцзян), пр. приток Амура 17, 270
Уссурийск, центр одноименного р-на Приморского края, СССР 77, 162, 189, 190, 264
усуни, обитатели Внутренней Монголии и Семиречья во II в. до н. э.— III в. н. э. 40
усыпальницы 88, 89, 104, 145, 147, 193
утварь 20, 103
— драгоценная 238
— буддийская 200
— ритуальная 200, 205
Утачэн, ставка чжурчж. клана ута 23
Уцимай см. Тай-цзун

«У-цзы», обиходное название трактата по военному делу по имени автора 1-й пол. IV в. до н. э. 175
Учаомынь, ворота в Шанцзине 86
учащиеся 220, 221
учебники 221
Учжи, у., пров. Хэнань, КНР 193
Учжу см. Ваньянь Цзунби
училища 87, 215, 220, 222, 224, 243, 252
Учунь см. Вэньду Учунь
Ушань, гора, пров. Чжэцзян, КНР 197
Уяи см. Ваньянь Уяи
уянь, чжурчж. клан 37
Уясу (Ваньянь Маолувань, Ваньянь Уясу, Кан-цзун, 1061—1113), вождь чжурчжэней (1103—1113), сын Хэлибо 46, 49

«Фа хуа цзин», сутра лотоса 137
Фа Цзэн, даосский проповедник в Цзинь 136
фамилии 105, 109—111, 149, 201, 258
— смена фамилий 109, 110, 258
Фан Ци, составитель «Хэфэнь чжулао шицзи» 176
Фань Чэнда (1126—1193), гос. деятель и писатель в Сун 13, 75, 88, 262
«Фань ши мо пу» («Наброски тушью фамилии Фань») 167
Фань Юйлу, кит. автор 167
Фаньян, совр. оз. Дунтинху, пров. Хунань, КНР 68
фармакология 208, 209, 216, 217
фармакопеи 171, 218
фарфор 30, 32, 66, 86, 147, 204, 205, 239
Федоров А. З., рус. археолог и краевед 77, 78, 80, 194
фениксы (фэнхуан) 80, 203, 237
феодализм 5
Фергюсон А. (1723—1816), шотландский философ 252
фигурки
— бронзовые 46, 129, 130, 233
— деревянные 146
— драконов 185
— животных 131
Филадельфийский университет, США 188
философия 174, 175, 209, 210
фольклор 176, 180
формации 4
формы литейные 21, 62
Франке Г., нем. китаевед 13, 14
фрески 89, 90, 94, 106, 144, 193, 197, 199, 266, 267
фрукты 58, 96, 97, 112, 140, 141, 238
Фугуаньсы, цзиньский храм, у. Утай, пров. Шаньси, КНР 182
Фурданчэн см. Сюйпинь
Фусинь, н. п., пров. Ляонин, КНР 164
Футусы, буддийский храм секты «Цзинту» 133
«Фуцзу лидай тунцзай», кит. источник по истории буддизма 50
Фучэнцзы см. Сюйпинь
«Фушуй вэнь цзи» («Литературный сборник с р. Фушуй»), соч. Чжао Биньвэня 83, 123, 176
Фушунь, н. п., пров. Ляонин, КНР 203, 204
фуюй (кор. пуё), обитатели вост. части пров. Цзилинь в I—IV вв. 9, 28, 44, 62, 161
Фуюй, г., пров. Цзилинь, КНР 161
Фэйчэн, н. п., пров. Шаньдун, КНР 202
Фэн Цзяшэн, кит. историк 12
Фэн [шуй], левый приток Хуанхэ 68
Фэнгосы, ляо-цзиньский храм в г. Ичжоу, совр. г. Исянь, пров. Ляонин, КНР 164, 182, 183
Фэнсянфу, г. и обл. в Цзинь, совр. у. Фэнсян, пров. Шэньси, КНР 68
Фэнчжоу см. Хух Хото
Фэнчжэнь, г., авт. р-н Внутренняя Монголия, КНР 67
«Фэнши синчэн лу» («Заметки о маршруте аккредитованного посольства»), соч. Сюй Канцзуна 13

Хабаровск, г., центр Хабаровского края, СССР 82
Хабаровский край, СССР 24, 47, 236
Хайгушуй (Хайгоушуй), пр. приток р. Ашихэ, пров. Цзилинь, КНР 25
Хайлань см. Хэлань
Хай-лин-ван (Ваньянь Дигунай, Ваньянь Лян, 1112—1161), император Цзинь (1149—1161), сын Ваньянь Цзунганя 74, 87, 98, 104, 109, 110, 114, 120, 127, 133, 140, 143, 144, 160, 181, 197, 211, 218, 219, 229, 250, 253, 258—260
Хайлун, н. п., пров. Цзилинь, КНР 161
Хайси (букв. «к западу от моря [Бохайского]»), округ в Маньчжурии при династии Мин 269
халаты 91, 93—95, 130
Хамхын, равнина в Сев. Корее 24
Ханчжоу см. Линьань
Хань (206 до н. э.— 220 н. э.), династия в Китае 141, 228
Хань, княжество (Северное, 951—979) 40
Хань Даочжао, цзиньский языковед 210
Хань Канбо, кит. комментатор «И цзина» 170

Хань Фан (1082—1149), начетчик и писатель при Ляо и Цзинь 176, 177
«Хань шу» («История династии Хань») 26
Ханьдань, г., пров. Хэбэй, КНР 204
Ханьлинь, академия в Сун и Цзинь 120, 155, 177, 181, 208, 210
Ханьпу см. Ваньянь Ханьпу
Ханьхэ (Ханьшуй), лев. приток Янцзы 68
Хаое см. Ваньянь Юньчэн
ханьши см. праздник из серии 24-х с.-х. сезонов
Харбин, г., пров. Хэйлунцзян, КНР 60, 73, 94, 190
Харле Ш. (? — 1889), франц. востоковед 14
Хениш (1880—1966), нем. китаевед и монголовед 11
Херсковиц М. (1895—1963), амер. этнограф 255
хи (си), обитатели Внутренней Монголии в VII—IX вв. 237
химия 23, 64
хин 269. См. также Цзинь
хинаяна («малая колесница»), одно из двух основных направлений в буддизме 135
хирургия 215, 217
Хлебная падь, Михайловский р-н, Приморский край, СССР 81, 82, 244
хлопчатник 57, 171
Хмельницкий, пос., Партизанский р-н, Приморский край, СССР 200
Хоккайдо, о-в в Японском архипелаге 237
холм могильный 46, 146
холст 22, 27, 36, 92, 232
Хонсю, о-в в Японском архипелаге 237
«Хоу Вэй шу» («История династии [Поздняя] Вей», или Северная Вэй) 170
«Хоу Хань шу» («История династии Поздняя Хань») 170
«Хоу Ци шу» («История династии Поздняя Ци», или Южная Ци) 170
Хоума, г., пров. Шаньси, КНР 89, 180, 191, 192, 207
храмы 86, 182, 185, 187, 194
— буддийские 27, 50, 51, 80, 88, 133, 138, 143, 183—185, 199, 242, 251, 270
— даосские 136, 138, 143, 145, 251
— конфуцианские, предков (цзунмяо, цзумяо) 44, 138, 140, 144
— Неба 139
хранилище (санскр. шарира, кит. шэли), в пагодах, мощи, вещи 186
хрусталь горный 18, 62, 100, 203
ху (кит. букв. «варвары») 50, 180, 262
Ху Ли (1107—1161), писатель при Ляо и Цзинь 176
«Хуа и цзу» (карта «Китай и варвары») 215
«Хуаи июй» («Китайско-варварские словари»), сост. Хо Юаньцзе 12, 95, 109, 149, 150, 271
Хуаинь, цзиньский г., у. Хуаинь, пров. Шэньси, КНР 68
Хуайшуй, совр. р. Хуайхэ, КНР 141, 208, 257
Хуайюань[фу], окр., преф. в Бохае, юг совр. Приморского края, СССР 59
Хуан Е, цзиньский живописец 199
Хуанбаоцзюнь, н. п., пров. Шэньси, КНР 65, 204
Хуанхэ, р., КНР 57, 62, 68, 69, 128, 141, 244
Хуаньби, чжурчжэньский вождь 2-й пол. XI в. 34
Хуачжоу, цзиньский г. и окр., у. Хуасянь пров. Хэнань, КНР 67
Хуашань, одна из пяти священных гор, пров. Шаньси, КНР, 141
Хубилай (Ши-цзу, 1215—1294), император династии Юань в Китае (1280—1294) 228
Хуголинь («Роща покровителей государства») в Шанцзине 127, 142, 144
Хун Хао (1088—1155), чиновник и писатель в Сун 13, 105, 107, 133, 181, 218
«Хунань илао цзи» («Сборник старых приверженцев Цзинь») 176
Хунвэньюань, литературная коллегия в Цзинь 170, 171
Хунлусы, двор по приему иноземцев 169
хунну см. сюнну
Хунтунь, н. п., пров. Шаньси, КНР 68
Хуньтунцзян см. Сунгари
Хутува см. Ваньянь Юньгун
Хух Хото (цзиньский г. Фэнчжоу), г., авт. р-н Внутренняя Монголия, КНР 163
Хучжоу, сунский н. п., совр. Усин, пров. Чжэцзян, КНР
Хуэйминьхэ, правый приток р. Хуанхэ 68
Хуэйнин[фу], совр. г. Байчэн, пров. Хэйлунцзян, КНР 24, 72, 114, 166, 250, 251. См. также Шанцзин, Байчэн
Хуэйшуй, левый приток Янцзы 68
Хуэйюаньцяо, мост в Хунтуне, пров. Шаньси, КНР 68
Хэ Янь (? — 249 н. э.), комментатор «Лунь юя» 170
Хэбэй, пров. в КНР 68, 91, 104, 133,

134, 141, 145, 162, 172, 182, 183, 204, 206, 219, 262
Хэбэйсилу, губерния в Цзинь, юго-зап. часть пров. Хэбэй, КНР 172
Хэдун, объединенное название двух цзиньских губерний 211
Хэдунбэйлу, губерния в Цзинь, север пров. Шаньси, Шэньси, КНР 91, 172
Хэдуннаньлу, губерния в Цзинь, юг пров. Шаньси, КНР 171, 172
Хэйлунцзян 20, 206. См. также Амур
хэйшуй мохэ, или мохэ амурские 25, 231, 274
Хэлань (Хайлань), губерния в Цзинь в юго-вост. Маньчжурии и юж. Приморье 79, 172
Хэлибо (Ваньянь Хэлибо, Шицзу, 1039—1092), вождь чжурчжэней (1074—1092), сын Угуная 33, 37, 44, 45, 49, 210
Хэнань, пров., КНР 58, 69, 104, 141, 145, 172, 193, 204, 205, 250
Хэншань, названия двух священных гор в Китае из пяти — одна в пров. Хэбэй, другая в пров. Хунань 141
«Хэфэнь чжулао шицзи» («Антология старцев из Хэфэня») 11, 176, 177
Хэцзянь см. Поречье, Междуречье
Хэчжэ см. Ваньянь Хэчжэ
Хэшиле, чжурчж. клан и фамилия 37, 108—110
Хэшиле Асу (Асу), вождь клана в посл. четв. XI — 1-й четв. XII в. 24
Хэшиле Ляньби (Лоуши, 2-я пол. XII в.), чжурчж. гос. деятель 222
Хэшиле Яута, чжурчж. сановник 110

Цай Гуй (? — 1174), писатель в Цзинь 177, 198
Цай Суннянь (1107—1159), писатель в Сун и Цзинь 177, 178
Цай Сюнь (? — 1174), писатель в Сун 13
Цай Тао (? — 1147), чиновник и писатель в Сун 13
Цай Цзя, цзиньский прозаик 178
Цайчжоу, цзиньский г., совр. уездн. г. Жунань, пров. Хэнань, КНР 11, 160
Цао, фамилия китайская 164
Цао Цао (155—220), полководец династии Хань 209
Центральная равнина (Чжунъюань), КНР 229, 254
церемониал 42, 44, 111, 114, 119, 122, 125, 126, 164, 173, 230, 236, 241
церемонии 115, 119, 121, 246, 277
Цзе, император легендарной династии Ся в Китае 228
«Цзе ши чжи» («Сведения о торчащем утесе»), соч. Люй Чжэньганя 214
Цзецайшань, гора в Маньчжурии 115
Цзечжоу, цзиньский г. и окр., совр. г. Цзиньчэн, пров. Шаньси, КНР 172
Цзи Дуань см. Ван Типъюнь
Цзи Му, ляоский начетчик 55
Цзи Хэ см. Чжан Цунчжэн
Цзилинь (Гирин), пров., КНР 85, 161, 163, 204
«Цзилинь вайцзи» («Неофициальное описание Цзилиня»), соч. Са Инъэ 86
Цзинань, г., пров. Шаньдун, КНР 145
Цзинтусы, буддийский храм, у. Инсян, пров. Шаньси, КНР 182
Цзинчжаофу, г. и губ. в Цзинь, совр. г. Сиань, пров. Шэньси, КНР 68, 172
Цзи[шуй] р., пров. Шаньдун, КНР 141
Цзинь (Аньчун) (1115—1234) 7, 53, 65, 126, 144, 145, 149, 155, 156, 182, 183, 185, 186, 192, 194, 197, 198, 201, 204—208, 211, 215, 216, 218, 223, 224, 228, 230, 231, 236, 239—247, 258—260, 263, 267, 271, 275, 278
«Цзинь вэнь цзуй» («Собрание литературных произведений Цзинь») 11, 175
«Цзинь вэнь я» («Литературная классика Цзинь») 11, 176
«Цзинь ивэньчжи пулу» («Дополненные цзиньские литературные заметки») 173, 174
Цзинь Поздняя (1616—1626), маньчж. гос-во 269
«Цзинь чжи» («Сведения о Цзинь»), соч. Юйвэнь Маочжао 11, 210
«Цзинь ши» («История Цзинь») 12, 14, 15, 24, 25, 27, 45, 68, 109, 110, 113, 115, 116, 119—121, 143, 149, 155, 164, 213, 223, 225, 227, 228, 258 и др.
«Цзинь ши го юй цзе» («Изъяснение туземных слов в „Истории Цзинь“») 12, 95, 149
«Цзинь ши ивэнь ле» («Литературные заметки к „Истории Цзинь“») 178
«Цзинь ши цзиши» («Записки о цзиньской поэзии»), соч. Чэнь Яня 178
«Цзинь шу» («История династии Цзинь», 265—420) 170
«Цзиньгуань минцзин», сутра Золотого сияния 137
Цзиньси, г., пров. Ляонин, КНР 152
цзиньцы, подданные Цзинь 226, 228, 240, 241, 243, 274 и др.

Цзиньчан, цзиньский г., совр. Лоян 72, 75
Цзиньчжоу, цзиньский г. и окр., совр. Цзиньчжоу, пров. Ляонин, КНР 81
цзиньши чжурчжэньские см. степень цзиньши
Цзиньюань, метафорическое обозначение р. Аньчуху и самой династии Цзинь 162
Цзо Цигун (? — 1123), писатель Ляо и Цзинь 176
цзо-сян-ван (левый ближний ван, т. е. король) 196
«Цзы вэнь», кит. «Букварь» 175
«Цзы хуай», словарь Мэй Инцзо 210
Цзы Хэ см. Чжан Цунчжэн
Цзывэйдун, ворота в Шанцзине 86
Цзымулинцзы, н. п., у. Синлун, пров. Хэбэй, КНР 162
«Цзычжи тунцзянь», соч. Сыма Гуана 223
«Цзю Тан шу» («Старая история династии Тан») 170
«Цзю у дай ши» («Старая история пяти династий») 170
Цзюйянь, цзиньск. н. п., совр. Цзюйсянь, пров. Шаньдун, КНР 189
Цзюньчжоу-яо см. Цзюнь-яо
Цзюньшань-яо, керамические мастерские, у. Исин, пров. Цзянсу, КНР 204, 206
Цзюнь-яо, керамические мастерские, у. Юйсянь, пров. Хэнань, КНР 66, 205, 207
Цзя Гунъянь (? — ок. 655), комментатор «Ли цзи» 170
цзягу, чжурчж. клан и фамилия 20, 46, 106
Цзягу Пуху, вождь клана цзягу 46
Цзягуаньтун, н. п., Юж. Маньчжурия 207
Цзян И (ок. 1040 — ок. 1121), ученый-врач в Сун 171
Цзяннань, территория к югу от р. Янцзы 127
Цзяннаньхэ, р., основа «Великого канала», пров. Цзянси, КНР 68
Цзянсу, пров., КНР 204, 206
Цзяньцы[цунь], дер., у. Цюйян, пров. Хэбэй, КНР 204, 206
Цзяньчжоу, цзиньский г. и окр., совр. городище Калачэн, пров. Ляонин, КНР 150, 151, 269
Цзянь-яо, керамические печи в Цзяньяне, пров. Фуцзян, КНР 204
«Цзяочжэн тяньвэнь чжугуан» («Пересмотренные основы астрономии»), соч. У Кана 212
«Цзяо синсю фабао лу», буддийский канон 135
Ци (1130—1137), гос-во в Сев. Китае вассальное Цзинь 106, 124, 166, 215, 250
Ци, р., пров. Шаньдун, КНР 141
«Ци шу» («История государства Ци») 170
«Цидань го чжи» («Сведения о государстве киданей»), соч. Е Лунли 12
Цин (Цинцилин), хр. в Центр. Азии, пров. Цинхай, КНР 137
«Цин У сянь шэн цзанцзунчжу» («Комментарий к погребальному канону наставника Цин У»), соч. У Цзинцзэ 211
цинк 61
цинлин см. праздники из серии 24-х с.-х. сезонов
цинмин, см. праздники из серии 24-х с.-х. сезонов
Цинчжоу, цзиньский г., пров. Цзилинь, КНР 103
Цинъюань, цзиньский г., совр. Баодин, пров. Хэбэй, КНР 91
Цинъюаньгун, дворец в Шанцзине 86, 87
Цинъюаньдянь, дворец в Шанцзине 87
Цинъюаньсы, храм в г. Ляоян, КНР 133, 163
Цинь Ван, титул члена имп. дома Цзинь 250
Цинь-цзун (Чжао Хуань, 1096—1156), император Сун (1126—1127) 12
Циньцзятунь, н. п., у. Хуайдэ, пров. Цзилинь, КНР 24
цирк 180
Цишигэ, палаты господина Ци в храме Лунсинсы в Чжэньдине, пров. Хэбэй, КНР 182
цюэци см. праздники из серии 24-х с.-х. сезонов
Цичжоу, цзиньский г., у. Личэн, пров. Шаньдун, КНР 64
Цичжоу, цзиньский г., р-н совр. г. Кайюань, пров. Ляонин 166
цоколь 184, 185, 187, 191
Цуй Ли, цзиньский военачальник 160
Цуйвэйгун, дворец в Шанцзине 73, 86
Цусима, о. в Корейском проливе 237
Цыбуши, вождь чжурчжэней 41
Цычжоу, цзиньский г., совр. уездн. г. Цысянь пров. Хэбэй, КНР 134
цычжоу-яо, керамические печи у совр. г. Ханьдань, пров. Хэбэй, КНР 204, 206, 207
«Цэлинь», соч. Бо Цзюйи 170
«Цэфу юань гуй», энциклопедия «Сокровищница библиотек» 28
«Цэюань хайцзин» («Морское зерцало измерения круга»), соч. Ли Е 211

Цюань, фамилия 250
«Цюань Цзинь ши» («Полная антология Цзинь») 178
цюй см. арии
Цюй Фачжэн, организатор печатания «Да цзан цзина» 134
Цюйфу, н. п., пров. Шаньдун 182
Цюйян, у., пров. Шаньси, КНР 204
Цяньтанцзян, совр. р. Фучуньцзян, пров. Чжэцзян, КНР 68
Цяньчжоу, цзиньский г., совр. уездн. г. Цяньян, пров. Шаньси, КНР 160, 161
Цяньюаньдянь, аудиенц-зал в Шанцзине 74, 86, 140
цяоти см. консоли

чаепитие 9, 241
чай 31, 32, 35, 68, 96, 99, 112, 121, 239
чайные кусты 58
Чан Дэхуэй (1195—1274), чиновник и писатель в Цзинь и Юань 228
Чанбошань (Чанбайшань, Тайбайшань, Тайбошань в VII—IX вв.), горы, пров. Цзилинь, КНР и пров. Хамгён-пукто, КНДР 127, 142
Чанчжи, у., пров. Шаньси, КНР 169
Чанъань, г., пров. Шэньси, КНР 71
Чаоян, г., пров. Ляонин, КНР 89, 163, 164, 190, 199
черепахи см. памятники-черепахи
черепица 25, 27, 73—75, 78, 79, 81, 83, 86, 87, 146, 183, 185, 203, 237, 273
— стреховая 85, 203, 204, 236. См. также антефиксы
Четверокнижие (сышу), четыре древних кит. канона: «Лунь юй», «Да сюе», «Чжун юн», «Мэн-цзы» 173, 209
Чжан Гуй (ум. в конце 50-х гг. XII в.), цзиньский художник 197
Чжан Синъюань (1071—1106), вельможа Ляо 163
Чжан Цзиньу (1787—1820), составитель цзиньской антологии 176
Чжан Цзюнь (1086—1149?), цзиньский сановник и ученый 120, 121
Чжан Цунчжэн (Цзы Хэ) (ок. 1156—1228), ученый-врач в Цзинь 216, 217
Чжан Цянь (Гудайбифу), чжурчж. географ 171, 214, 215
Чжан Чжунфань, цзиньский чиновник и ученый 198
Чжан Чжунцзин (ок. 151—219), кит. ученый-врач 120—121
Чжан Шиянь, цзиньский ученый и чиновник 10
Чжан Юй (XIII в.), цзиньский художник 199
Чжаньмоха см. Ваньянь Цзухань
Чжан-цзун (Ваньянь Цзюн, Ваньянь Мадагэ, 1168—1208), император Цзинь (1189—1208) 113, 114, 134, 137, 142, 147, 155, 171, 179, 197, 198, 221—223, 229, 242, 252
Чжанцзячжуань, н. п., пров. Шаньси, КНР 89
Чжанчжоу, сунский г., совр. уездн. г. Лунси, пров. Фуцзянь, КНР 68
Чжао Бинвэнь (1159—1232), ученый, писатель и чиновник в Цзинь 123, 176, 177, 254, 275
Чжао Линь (до сер. XII в.), художник в Цзинь 197
Чжао Фан (1143—1229), цзиньский поэт 177
Чжао Цзинсин, цзиньский вельможа 163
Чжао Ци (? — 201 н. э.), комментатор «Мэн-цзы» 170
Чжаосу, жена Угуная 34, 38
Чжаосянь, у., пров. Хэбэй, КНР 68
Чжаочэн, цзиньский г., совр. уездн. г. в пров. Шаньси, КНР 172
Чжи Цай, буддийский монах в Цзинь 190
Чжи Цзю, даосский проповедник в Цзинь 136
«Чжо сюань цзи», литературный сб-к Ван Цзи 11, 176
Чжоу (1154? — 1122?), император династии Шан-Инь 141, 228
Чжоу Кунь, посол Юж. Сун 124
«Чжоу ли» («Чжоуские установления»), древний кит. трактат 170
Чжоу Мао (? — 1211), цзиньский историк и поэт 174
Чжоу Шань (Чжоу Хуай, 1126 — после 1198), сунский чиновник и писатель 13, 83, 87, 92, 250
«Чжоу шу» («История династии Чжоу») 170
Чжу Си (1130—1200), кит. философ, полит. деятель 209
«Чжуан цзин цзи», соч. Ли Цзюньминя 176
Чжуан Чжунфань, сост. цзиньской антологии 176
Чжуйцзо, н. п., пров. Хэнань, КНР 193
Чжули см. Сяо Чжунгун
Чжун Банчжи, редактор «Фэнши синчэн лу» 13
Чжунду см. Средняя столица
Чжундулу, губерния Средней столицы 172
Чжунсин, н. п., у. Суйбинь, пров. Хэйлунцзян, КНР 80
чжунцю см. праздники из серии 24-х с.-х. сезонов
«Чжунчжоу цзи» («Сборник Центрального округа»), соч. Юань Хао-

вэня. Чжунчжоу — букв.: Центральный округ, пров. Хэнань 83, 176—178
Чжуншанлинь, н. п. у г. Ланьчжоу, пров. Ганьсу, КНР 90, 192
Чжунъюань см. Центральная равнина
чжурчжэни
— эпохи Цзинь 115, 118, 119, 123—127, 142, 157, 164, 173, 174, 200, 209—212, 219—231, 239—244, 247, 248, 250, 255, 257, 258, 260—262, 265, 266, 268, 270—274, 276
— ранние 16, 23, 24, 164, 200, 224, 225, 232, 233, 236—238, 240, 254
— немирные 142
— «30 родов» 168
— после Цзинь 268—273
«Чжэн лэй бэньцао» («Нормативная фармакопея»), соч. Тан Шэньвэя 171
Чжэн Сюань (127—200), комментатор «Чжоу ли» 170
Чжэн Цзыдань (1126—1180), цзиньский писатель 177
«Чжэньгуань чжэнъяо» («О принципах управления...»), соч. У Цзина 170
Чжэньдин, цзиньский г., совр. г. Чжэндин, пров. Хэбэй, КНР 59, 87, 182, 183, 190
Чжэньжунцзюнь, сунский г., пров. Шэньси, КНР 68
Чжэцзинь 72, 75, 76. См. также Яньцзин, Пекин, Средняя столица
Чингис-хан (Темучин) (ок. 1155—1227), основатель и великий хан Монгольской империи (с 1206 г.) 272
Чирки, дер. Чирки, Хабаровский р-н, Хабаровский край, СССР 236
Чон Инджи (1396—1478), кор. ученый и чиновник 15
чоу см. ткань
Чу (1130), марионеточная династия в Китае 229
чугун 21, 58, 60—62, 100, 202
чулки 27, 92
чумиза 1, 58, 99
«Чунцзяочжэн дили синьшу» («Вновь пересмотренная „Новая книга по географии“»), соч. Чжан Цяня 171, 214, 215
Чунфусы, цзиньский храм, у. Шосянь, пров. Шаньси, КНР 182
чунцзю см. праздники из серии 24-х с.-х. сезонов
«Чунь-цю» («Весна и осень») 170
чунъу см. праздники из серии 24-х с.-х. сезонов
«Чунь-цю Цзо шичуань» («Чунь-цю с комментариями Цзо») 170
Чуцинсы, буддийский храм 190
Чэн Дачан (1123—1195), автор «Янь Фань лу» 113
Чэн Чжо, сунский посол и автор 14
Чэнду, цзиньский г. и окр., пров. Сычуань, КНР 68
Чэндяньмынь, ворота в Лояне 143
Чэнхоу, дер., у. Суйчжун, пров. Ляонин, КНР 81,
«Чэнь шу» («История династии Чэнь») 170, 180
Чэньчжоу, окружной центр в Бохае, при Цзинь Гайчжоу, совр. уездн. г. Гайпин, пров. Ляонин, КНР 31

Шаванн Э. (1865—1918), франц. китаевед 13, 14
Шавкунов Э. В., сов. археолог 16, 82, 214
Шайгинское городище, у с. Сергеевка, Партизанский р-н, Приморский край, СССР 16, 52, 60—65, 80, 82, 94, 100, 101, 130, 131, 143, 167, 200, 202, 203, 207, 213, 264, 265, 272
Шакья Муни см. Будда
шаманство (шаньмань) 43, 128, 131, 132, 245, 264, 266, 271, 272, 274
шаманы 38, 48—50, 55, 80, 129—133, 144, 201
Шамо, пустыня в Центр. Азии 137
Шан-ди, «повелитель неба», верховное божество китайцев 127
Шантяньцзун, н. п., пров. Шэньси, КНР 205
«Шанхань лунь чжу» («О тифе»), соч. Чжан Чжунцзина 171
Шанхуаяньсы, цзиньский храм, г. Датун, пров. Шаньси, КНР 182
Шанцзин (Хуэйнинфу), столица Цзинь 13, 24, 26, 27, 60, 69—75, 83, 86—88, 104, 115, 118, 128, 133, 140, 141, 144, 161, 162, 166, 202, 203, 236, 250—252, 265, 267. См. также Верхняя столица Цзинь, Хуэйнинфу
Шанцзин см. Верхняя столица Бохая, Ляо
«Шанцзин Баошэнсы...», стела проповеднику Бао в Шанцзине 162
«Шан шу» см. «Шу цзин»
шанъюань см. праздники из серии 24-х с.-х. сезонов
Шаньвэнь, дер., у. Утай, пров. Шаньси, КНР 182
Шаньдун, пров., КНР 69, 136, 141, 145, 172, 182, 202, 260, 262, 269
Шаньдундунлу, цзиньская губерния, совр. пров. Шаньдун, КНР 172

Шаньдунсилу, цзиньская губерния, частично пров. Аньхой и Хэнань 167, 172
Шаньмэнь, наружные ворота 183
Шаньси, пров., КНР 68, 76, 89—91, 104, 134, 141, 145, 161, 169, 171, 172, 182, 191, 192, 193, 199, 204, 211, 219
Шаньхуасы, цзиньский буддийский храм, г. Датун, пров. Шаньси, КНР 182
Шаньянду (Юньхэ), канал, соединяющий рр. Яцзы и Хуайхэ, пров. Цзянсу, КНР 68
шаофань см. обряд сжигания пищи
Шапка, гора у с. Поярково, Михайловский р-н, Амурская обл., СССР 67
шатры 73, 87, 88, 112, 115
шахты 50
шелк 27, 28, 66, 73, 90—93, 244, 270
шелкопряд 22, 27, 58
шелководство 22, 36, 57, 118
шелкоткацкое дело 57, 70
шерсть 90, 239
«Ши бэньцао» («Съедобные деревья и травы»), соч. Ли Гао (?) 218
Ши Ишэн (? — 1159), цзиньский посол 176
«Ши цзи», ист. сочинение Сыма Цяня 170
«Ши цзин» («Книга песен»), древнекит. соч. 170, 181
«Ши Цзинь лу» («Записки о посольстве в Цзинь»), соч. Чэн Чжо 14
шивэй, обитатели Сев.-вост. Монголии и Вост. Маньчжурии в VI—VIII вв. 36, 38
«Шидай сяоцзин», обелиск, г. Сиань, пров. Шэньси, КНР 167
шилу см. «правдивые хроники»
Шилу (Ваньянь Шилу, Чжао-цзу, ? — середина XI в.), вождь чжурчжэней, сын Суйкэ 34, 37, 38, 46, 48—51
ширмы 87, 191
Широкогоров С. М. (1887—1939), сов. этнограф 48, 50
Шитасы, храм, г. Кайюань, пров. Ляонин, КНР 183, 184
Шицзе, чжурчж. воин 63
Ши-цзун (Ваньянь Улу, Ваньянь Юн, 1123—1189), император Цзинь (1161—1189) 41, 59, 74, 87, 107—111, 118, 125, 126, 129, 133—136, 148, 155—157, 161, 179, 180, 220—223, 227, 229, 242, 250—252, 256, 258—262
Шичжэньгоу, п. п., у. Биньсянь, пров. Хэйлунцзян, КНР 190
школы 157, 220, 221, 243, 256
— медицинские 216, 217
— чжурчжэньские 170
Шкотовский р-н, Приморский край, СССР 193
шкуры 27, 28, 73, 92, 240, 272
шлюзы 68, 69
Шосянь, у., пров. Шаньси
Шоу Шэн см. Лю Ваньсу
Шоусюй см. Ай-цзун
Шочжоу, цзиньский г., совр. Шосянь, пров. Шаньси, КНР 59
шпиль 183, 185, 186
Штернберг Л. Я. (1861—1927), рус. этнограф 45
Шу (220—263), царство в Китае и ист. область 68
«Шу цзин» («Книга истории»), древнекит. соч. 132, 167, 170
Шуайбин 77. См. также Сюйпин
Шуанчэн см. Сюйпин
шубы 27, 28, 30, 92, 263, 271, 272
Шунь Тяньбо, владелец библиотеки в Цзинь 169
«Шушу хуэйяо» («Сокращенная „История каллиграфии“») 52
«Шэнь лу цзи» («Записки о священной роще») 51, 109, 147
Шэньси, пров., КНР 65, 69, 90, 166, 167, 172, 202, 205
Шэньхоуцзюнь-яо, керамические печи, у. Юйсянь пров. Хэнань, КНР 204, 205
Шэньчжоу, г. и окр. в Маньчжурии при Бохае, Ляо, Цзинь по р. Шэньшуй, лев. притоку Ляохэ, совр. Шэньян, пров. Ляонин, КНР 69, 163

эвенки конные 149
экзамены 155, 219, 223, 243
— на постижение 137, 138
— на ученую степень 157, 160
— на чин 219
экзогамия 105, 111, 241
экипажи 122, 238
элексир вечной юности 136
эмаль 206
Энгельс Фр. (1820—1895) 17
эпиграфика 160, 163, 164, 173, 175, 198, 201, 223
— чжурчжэньская 237
эпитафии 104, 145, 162, 163, 193
«Эр мяо цзи» («Антология „двух превосходных“») 176
Эрмитаж, Ленинград, СССР 198
этика китайская 252
этикет 104, 111, 119, 121, 125, 133, 236
— китайский 115, 240, 277
этногенез 274
этнонимы 7, 224, 254, 274
— чжурчжэньские 233, 278
этнос 67, 224, 225, 255, 257, 258, 260, 261, 276
— киданьский 244, 261, 262

— чжурчжэньский 3, 6, 54, 224, 230, 231, 244, 268, 277, 278
этноцентризм 234
Эчжоу, сунский г., совр. Эчэн, пров. Хубэй, КНР 68

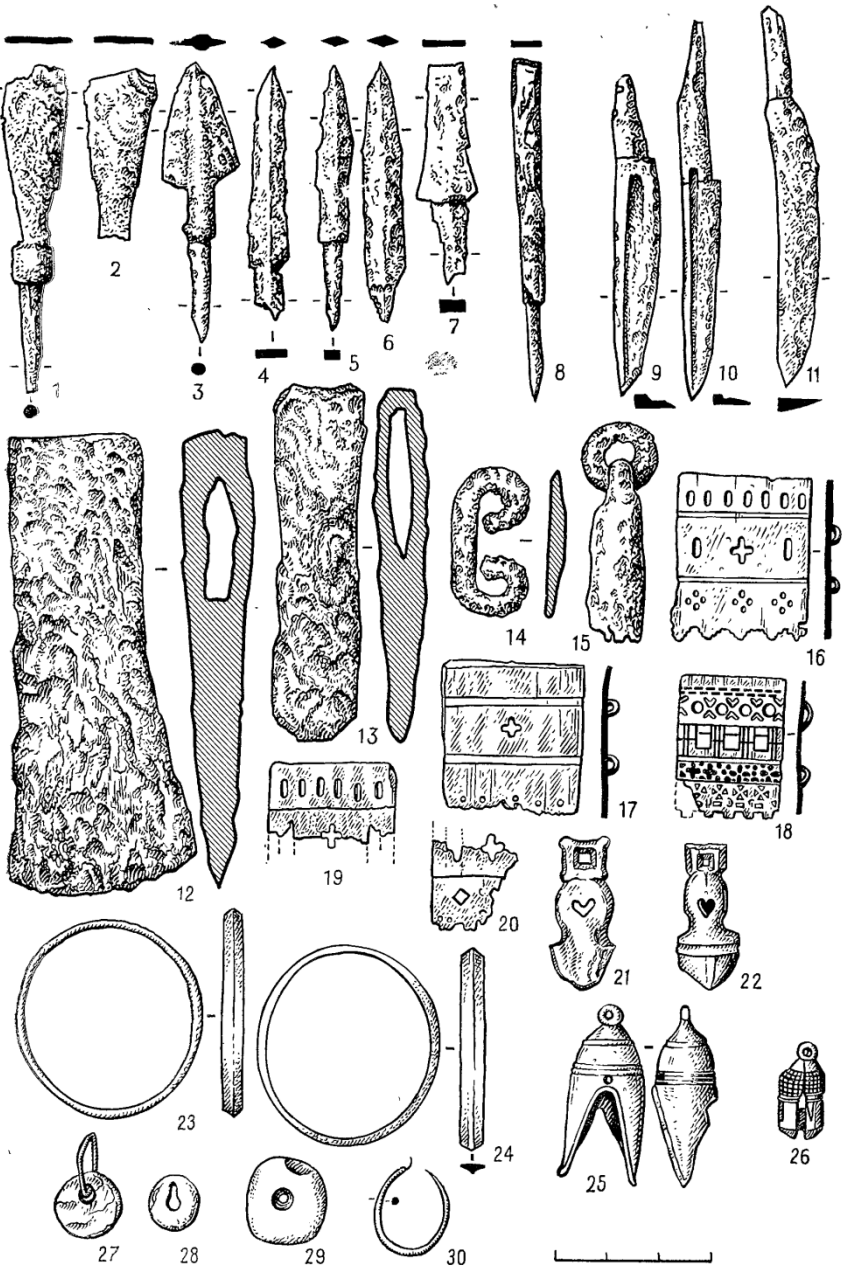
Юань (1280—1367), монг. династия в Китае 59, 65, 91, 149, 159, 178, 179, 213, 216, 217, 258, 267, 277
Юань Хаовэнь (1190—1257), поэт, писатель и деятель культуры при Цзинь и Юань 137, 176—178, 222, 223, 228, 277
«Юань ши» («История династии Юань») 12, 228, 270
Юаньцюй, г., пров. Шаньси, КНР 192
Юань-Вэй (386—535), династия в Китае 91
ювелиры 21, 33, 200, 237
Южная столица (Наньцзин)
— Ляо 75, 76
— Цзинь 72, 75, 76, 169, 171, 172
Юй, киданьский проповедник буддизма в Цзинь 133
Юй, мифический персонаж кит. древности 215
«Юй бянь», словарь Ку Евана 210
Юй Шинань (558—638), кит. каллиграф 172
Юйсянь, у., пров. Хэнань 204, 205
«Юй цзи цзу» («Карта деяний Юя») 215
«Юй цзян шань цзин», даосский трактат 137
Юй Чжун, резчик печатных досок в Цзинь 171
Юй Чжунвэнь (нач. и серед. XII в.), писатель в Ляо и Цзинь 176
Юйвэнь Маочжао, автор 11
Юйвэнь Сюйчжун (1079—1146), кит. писатель 91, 176, 177, 223
Юйжундянь, тронный зал в Шанцзине 88
«Юйпи цзычжи тунцзянь ганму», соч. Чжу Си 229
юй лань пэнь см. праздники поминальные
Юнтунцяо, мост, у. Чжаосянь, пров. Хэбэй, КНР 68
Юньган, пещерный храм, пров. Шаньси, КНР 163
Юньчусы, буддийский храм у Яньцзина 190
юрты 88, 145, 272
ютаньпэнь см. праздники поминальные

ягоды 18, 97
язык
— государственный 151, 154, 165, 168, 245, 252, 256, 266
— интернациональный 180, 242
— киданьский 53, 148, 149, 151, 155, 161, 171, 173, 174, 236, 264
— китайский 148, 150, 151, 155—157, 168, 173—175, 210, 240, 242, 256, 264, 268, 271
— маньчжурский 12, 54, 149—151, 273
— монгольский 54, 149, 171
— нанайский 151, 273
— протоалтайский 51
— солонский 149
— среднечжурчжэньский 148
— староманьчжурский 151
— старомонгольский 150
— старочжурчжэньский 148, 150
— тангутский 171
— тунгусо-маньчжурские 149—151, 159
— тюркский 54, 149
— удэгэйский 151
— чжурчжэньский 12, 124, 148—159, 165, 168, 170—175, 181, 236, 242, 245, 247, 252, 256, 264, 268, 270, 271
— эвенкийский 151
— эвенский 151
— южнотунгусские 51

яки 290
Ялу (кор. Амноккан), р., ныне пограничная между КНР и КНДР 17, 39
Ямадзи Хироаки, яп. востоковед 12, 62, 95, 149, 152, 157
ян см. силы инь и ян
Ян Банцюань, цзиньский художник 197
Ян Пу (рубеж XII в.), киданьский чиновник 53
Ян Цзи, составитель календаря в Цзинь 213
Ян Цзин, кит. комментатор «Сюаньцзы» 170
Ян Юньи (? — 1228), писатель в Цзинь 177, 217
Янмулинь, гора, у. Хайлун, пров. Цзилинь, КНР 161
янтарь 62
Янцзы[цзян], р., КНР 57, 68, 126, 127, 141, 170
Янцюань, г., пров. Шаньси, КНР 204
Янь Дэюнь, покойник, погребенный в склепе 145
Янь Синцин, кит. каллиграф 172
«Янь Фань-лу» («Сохраняя Фань-лу»), соч. Чэн Дачана 113
Янь Шигу (581—645), кит. комментатор «Цянь Хань шу» 170
Яньдай, место у г. Кайфын, пров. Хэнань, КНР 161

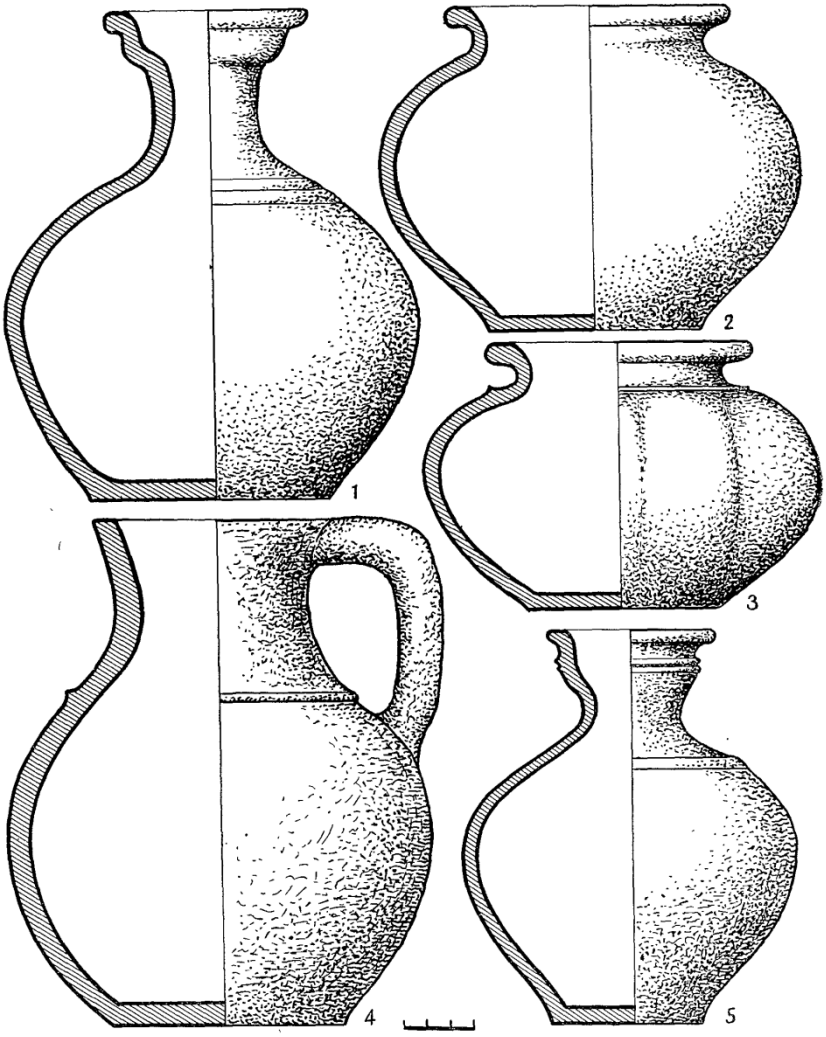
Яньцинсы, храм, у. Утай, пров. Шаньси, КНР 182
Яньцзин (Пекин), столица Цзинь, пров. Хэбэй, КНР 11, 13, 14, 69, 71, 72, 74—76, 87, 88, 90, 96, 104, 107, 113—115, 128, 133, 135, 136, 140, 144, 145, 169, 170, 177, 208, 211, 213, 241, 250, 257, 261. См. также Средняя столица Цзинь, Южная столица Ляо, Пекин и др.
яньцы, жители Яньцзина и близлежащих округов 261
Яньшансы, храм, пров. Шаньси, КНР 199
Яньшэнгун, титул см. Куан Сунь-фань
Яо Цунъу, кит. историк 257
Яочжоу-яо, керамические печи у совр. г. Тунчуань, пров. Шэньси, КНР 65, 204, 205, 207
Япония 167, 233, 237
японцы 28
ярусы 186
Яцзыхэ см. Сунгари
«Яцзян синбу чжи» («Записки об инспекционной поездке на р. Ялу»), соч. Ван Цзи 210
ячмень 18, 19, 58
яшма 18, 19, 28, 29, 139, 202
ящик для погребального пепла 145, 146

ИЛЛЮСТРАЦИИ



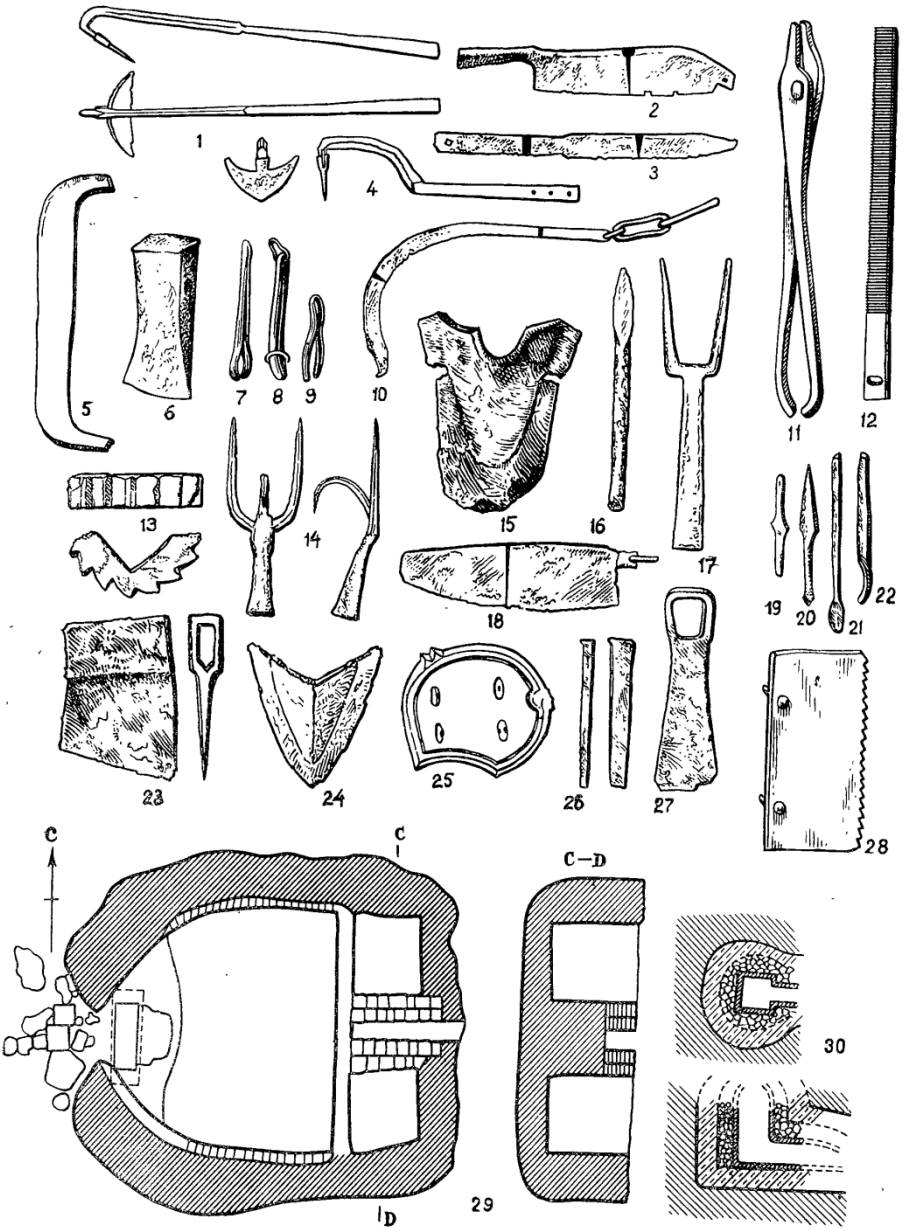
I. Инвентарь и украшения ранних чжурчжэней

1—8 — наконечники стрел; *9—11* — ножи; *12—13* — топоры; *14* — кресало; *15* — деталь сбруи; *16—20* — поясные бляхи; *21—22*, *28—29* — подвески; *23—24* — браслеты; *25* — ворвовка; *26* — бубенчик; *27*, *30* — серьги.
1—15 — железо; *16—26*, *30* — бронза; *27* — бронза; нефрит; *28—29* — нефрит. Все из погребения у с. Надеждинского, ЕАО, СССР Источник: по [Медведев, 1975 (II), рис. 1].



II. Глиняные сосуды ранних чжурчжэней

1 — ваза; *2—3* — горшки; *4* — кувшин; *5* — горшок с узким горлом. Все из погребения у с. Надеждинского, ЕАО, СССР
Источник: по [Медведев, 1975 (II), рис. 2]



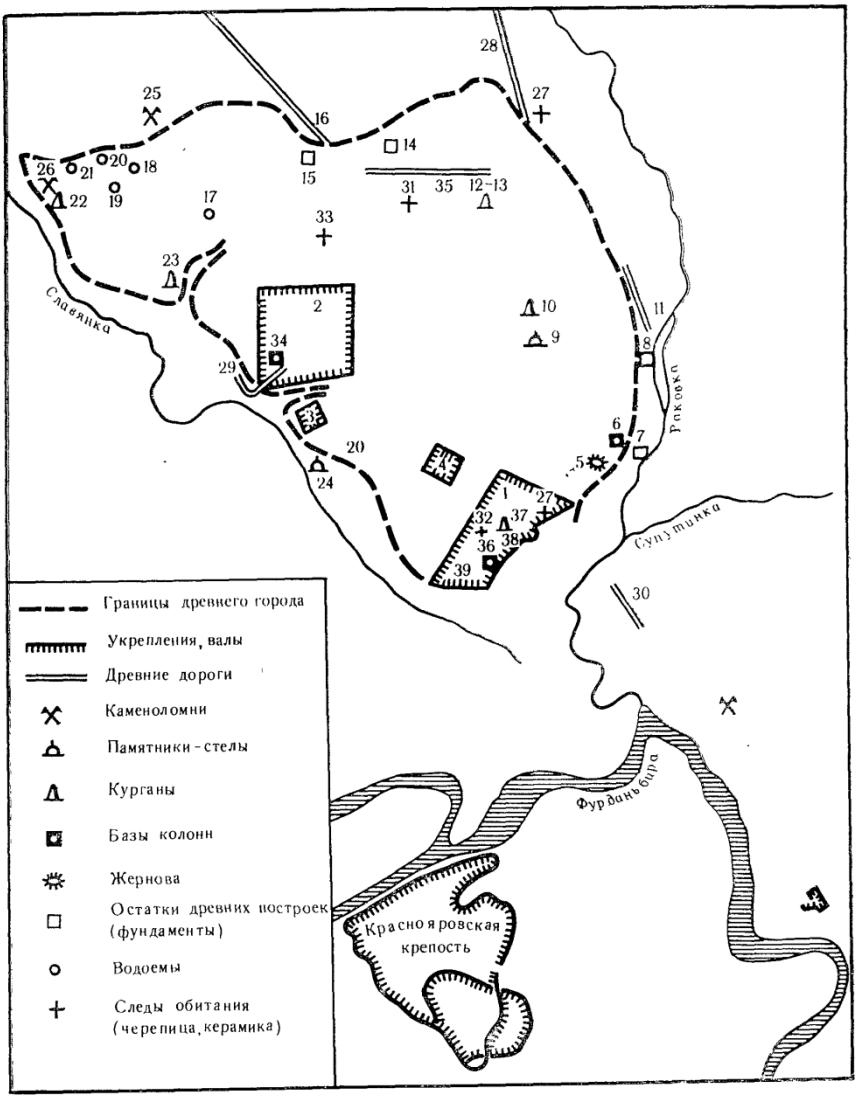
III. Орудия труда и производство в Цзинь

1 — мотыга; *2* — сечка; *3* — нож; *4* — кирка-заступ; *5* — скобель; *6* — некрупный топор; 7—*9* — ювелирные инструменты; *10* — серп-коса; *11* — клещи; *12* — напильник; *13* — зубчатое колесо; *14* — вилы; *15* — лемех (тип 2); *16* — наконечник копья; *17* — вилообразное орудие; *18* — нож для овощей; *19*—*22* — сверла; *23* — топор; *24* — лемех (тип 1); *25* — часть плуга; *26* — клинья; *27* — проушное тесло; *28* — пила; *29* — печь для обжига керамики; *30* — плавильная печь.

1—28 — железо.

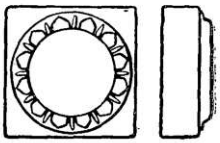
1—*4*, *10*, *13*—*18*, *23*—*27* — из-под Пекина; *5*, *7*—*9*, *11*, *12*, *19*—*22*, *28* — с Шайгинского городища, Приморский край, СССР; *29* — из Тунчуань, пров. Шэньси, КНР; *30* — из Хэнцяньтун, Удаолин, пров. Хэйлунцзян, КНР.

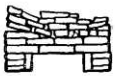
Источники: *1*—*4*, *10*, *13*—*18*, *23*—*27* по [Су Тяньцзюнь, 1963]; *5*, *7*—*9*, *11*, *12*, *19*—*22*, *28*, *30* по [Леньков, 1974, рис. 17, 29, 21]; 29 по [Археология в новом Китае, 1962, рис. 53].

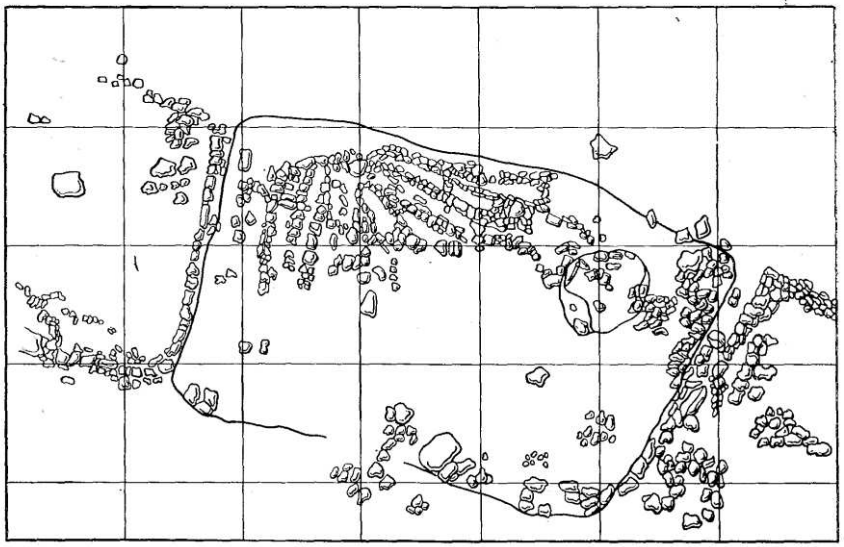


IV. План-схема памятников старины г. Уссурийска, Приморье, СССР

Источник: по [Федоров, 1916 (III)].







V. Постройки и обстановка в Цзинь

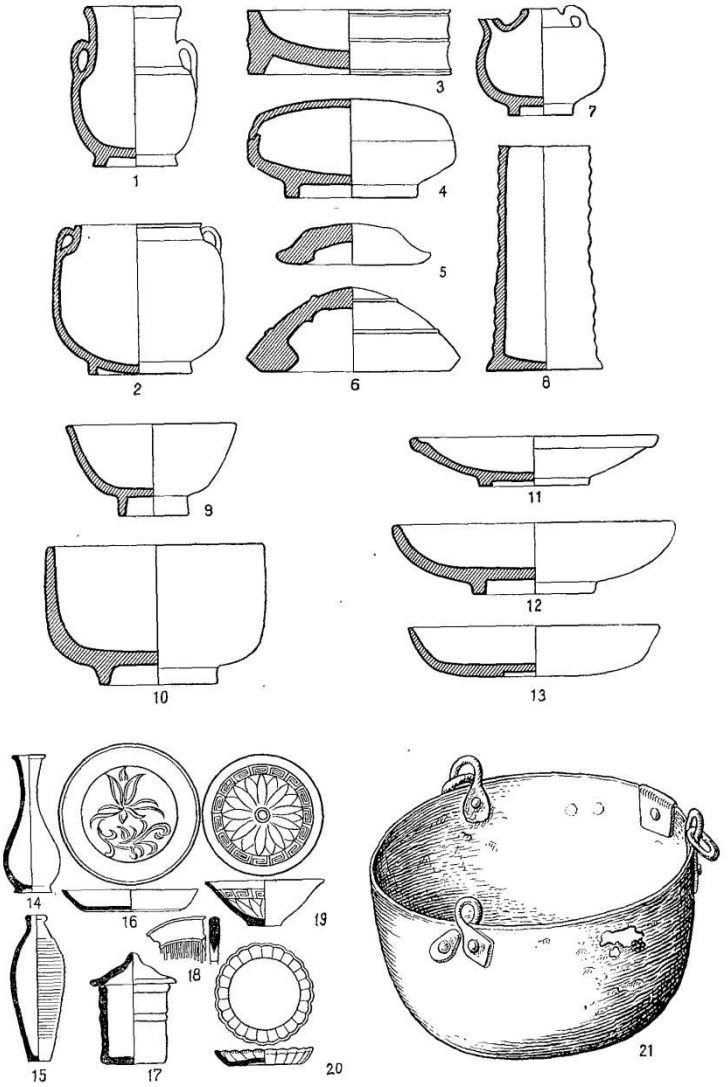
1 — внутренний вид помещения по барельефам мавзолея в Сятуцзин близ Сяси в пров. Шаньси, КНР; *2* — колодец и печь для обжига посуды по фрескам из погребения у Бэйцзябао в уезде Цаяньсянь пров. Шаньси, КНР; *3* — каменная база из Шанцзина, у г. Ачэн пров. Хэйлунцзян, КНР; *4* — печь из общественного здания в Краснояровской крепости, Приморье, СССР; *5* — жилище с остатками кана из Краснояровской крепости, Приморье, СССР.

Источники: 1 по [Археология..., 1962, табл. 125]; 2 по [Чжан Дэгуан, 1955, табл. 17, рис. 2]; 3 по [Тоё тюсэй си, т. 3, с. 463]; 4—5 по [Воробьев, 1967 (II), рис. 55].

VI. Одежда и личные украшения в Цзинь

1 — чжурчжэнь по «Сань цай ту хуэй», 1606 г.; *2* — слуги по фрескам из погребения Бэйцзябао уезд Цзяньсянь пров. Шаньси, КНР; *3* — бронзовая пряжка; *4* — нэцкэ в виде спящего лебедя (3—4 из Шайгинского городища, Приморье, СССР); *5* — золотая пряжка-украшение в виде узла; *6* — позолоченное кольцо; *7* — золотая серьга с камнем (*5* — 7 — из погребения Ваньянь Лоуши у Шибэйлина, пров. Цзилинь, КНР).

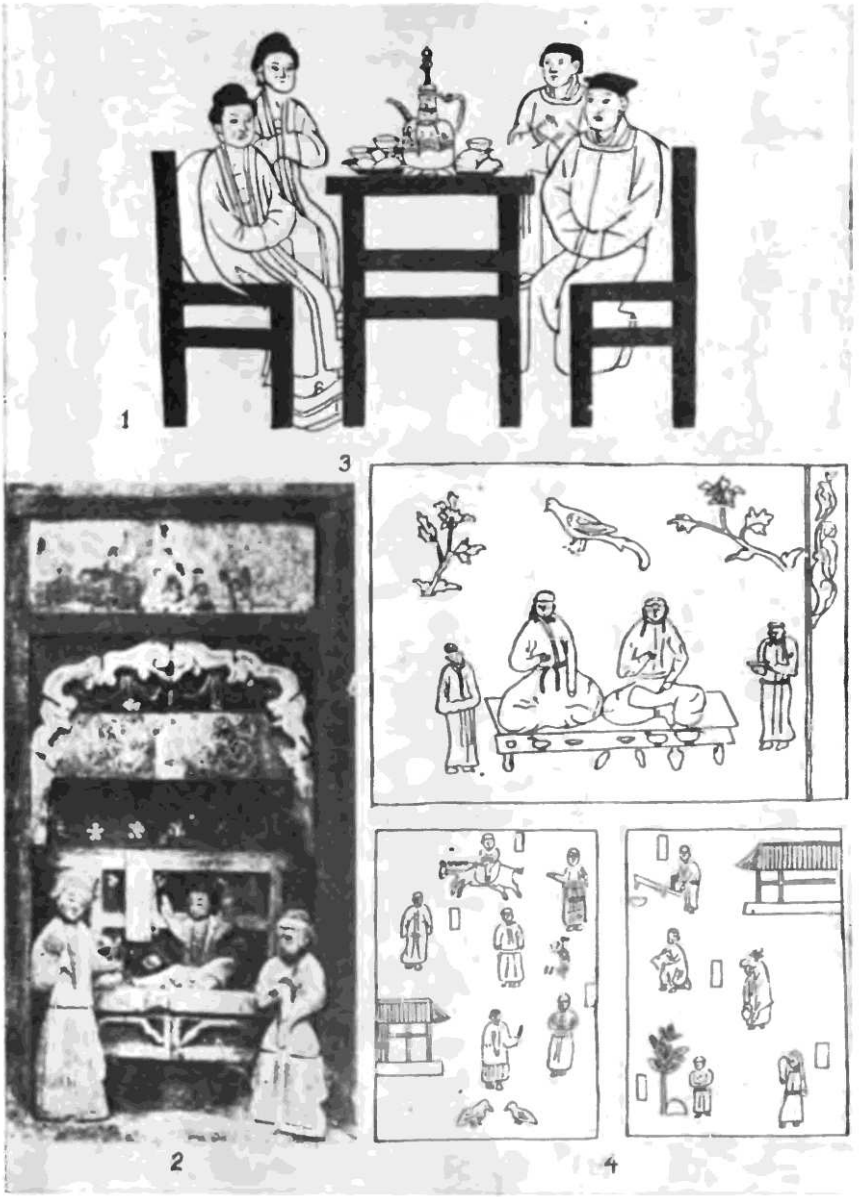
Источники: 1 по [Чжунго..., вып. 15, л. 16]; 2 по [Чжан Дэгуан, 1955, табл. 16, рис. 3] 3, 4 по [Васильева, 1976, рис. 9 (4)]; 5—7 по [Сугимура, 1953, табл. 36].



VII. Утварь и посуда в Цзинь

1—13 — образцы керамических изделий из мастерской Яочжоу-яо в Хуанбаочжэне у г. Тунчуань в пров. Шаньси, КНР (цзинь-юаньский слой); *14* — ваза зеленой поливы; *15* — бутыль серо-зеленой поливы; *16* — тарелка белого фарфора; *17* — желто-серая кружка с крышкой; *18* — костяной гребень; *19* — фарфоровая мисочка с темно-синим тисненым цветком; *20* — ребристая тарелка темно-синего цвета (14—20 из погребения 1184 г. близ г. Чаояна в пров. Ляонин, КНР); 21 — железный котел с Шайгинского городища, Приморье, СССР.

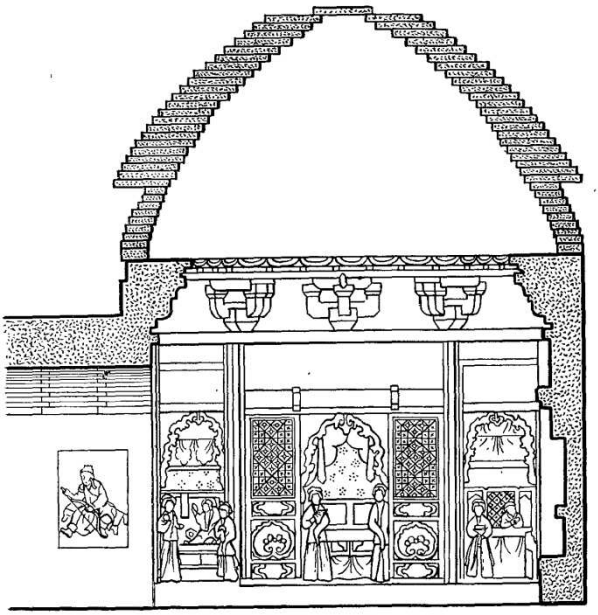
Источники: 1—13 по [Раскопки..., 1965, рис. 24, 25, с. 37—38]; 14—20 по [Wirgin, 1970, рис. 35а]; 21 по [Леньков, 1974, рис. 34].



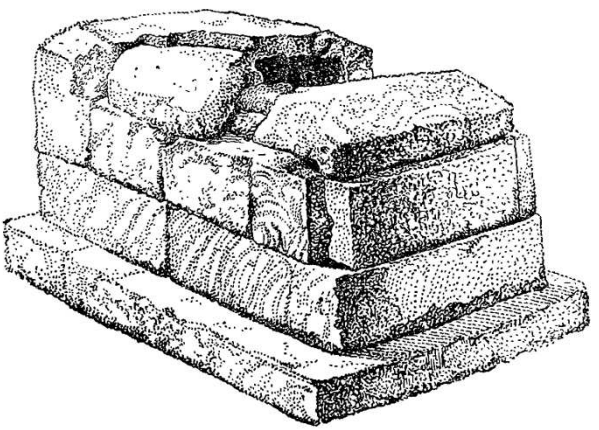
VIII. Семейный быт и обычаи в Цзинь

1 — семья за столом по фрескам из погребения в Бэйцзябао уезд Цзяньсянь в пров. Шаньси, КНР; *2* — ребенок и слуги по тем же фрескам; *3* — пирушка по барельефам из могильника у д. Давопу в Цзиньсу пров. Ляонин, КНР; *4* — игры и забавы по тем же барельефам.

Источники: 1 по [Чжан Дэгуан, 1955, табл. 18]; 2 по [Археология в новом Китае, 1962, табл. 125]; 3—4 по [Янь Юй, 1960, рис. 2—3].



1



2

3

4

5

6

IX. Религия и культы в Цзинь

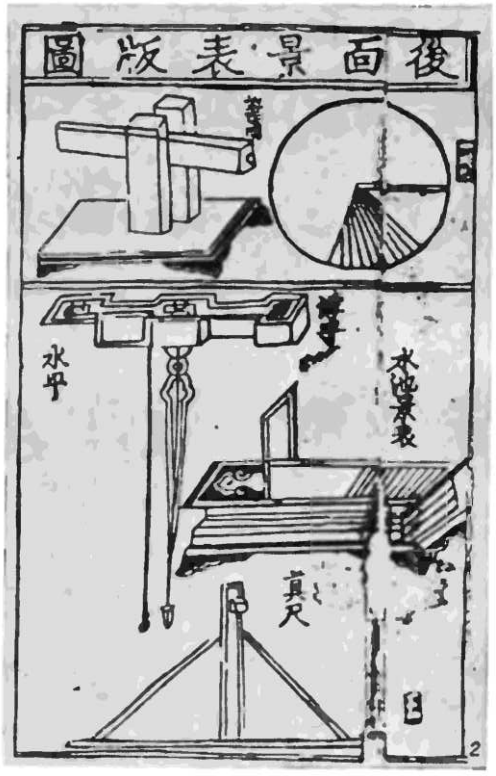
1 — внутренний вид мавзолея в Сятуцзин у г. Сяои в пров. Шаньси, КНР (реконструкция); *2* — каменная гробница из г. Уссурийска, Приморье, СССР; *3* — железная бляха в виде морды тигра с Круглой сопки в Приморье, СССР; *4* — голова божества Гуаньинь из Шанцзина, у г. Ачэн пров. Хэйлунцзян, КНР; *5* — позолоченная маска из погребения у г. Гаоли в пров. Цзилинь, КНР; *6* — вотивная подвеска из Шанцзина, у г. Ачэн пров. Хэйлунцзян, КНР.

Источники: 1 по [Цзе Сигун, 1960, рис. 1]; 2 по [Окладников, 1959, рис. 78]; 3 по [Васильева, 1976, рис. 9]; 4 по [Чжунго..., вып. 15, л. 16]; 5 по [Сугимура, 1953, т. 38, рис. 2) 6 по [Толмачев, 1925, табл. 2, рис. 17].

X. Письменность и эпиграфика в Цзинь

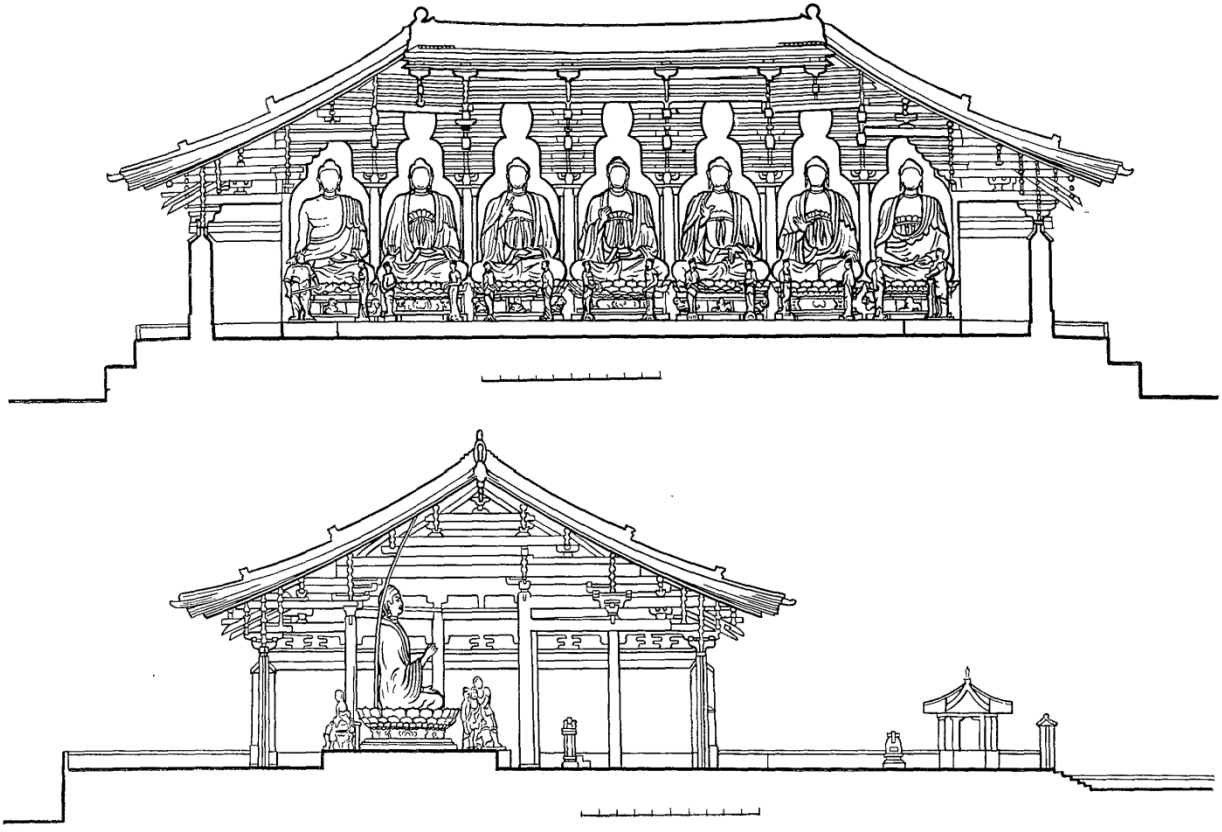
1 — монета с девизом «дадин тунбао»; *2* — ассигнация; *3* — серебряная бирка (пайцза); с Шайгинского городища, Приморье, СССР; *4* — фрагмент документа на бумаге с чжурчжэньскими скорописными письменами (архив ЛО ИВ АН СССР, № 3775—1); *5* — бронзовая печать с китаеязычной надписью из Приморья, СССР, 1214 г.; *6* — навершие стелы-билингвы из Яньдай у г. Кайфын, пров. Хэнань, КНР.

Источники: 1—2 — по [Ютака Ивао, Маммоси кова, Дайрэн, 1932]; 3 — по [Шавкунов, 1977]; 4 — по [Кара, Кычанов, 1972, рис. 2]; 5 — по [Воробьев, 1972, рис. 9]; 6 — по [Bushell, 1898].



XI. Книгопечатание и литература в Цзинь

1 — страница из «Чжунчжоу цзи»; *2* — иллюстрация из цзиньского издания.
Источники: 1 по [Сёдо дзэнсю, т. XVI, 1973, рис. 41]; 2 по [Чжунго..., 1952, вып. 15, табл. 24, № 154].



XII. Архитектура в Цзинь

1 — главное здание храма Фэнгосы в уезде Исянь пров. Ляонин, КНР, внутренний вид с фасада; *2* — боковой вид того же храма.
Источник: по [Ту Шанчжоу, 1961].

XIII. Скульптура Цзинь

1 — мраморная группа «Архат с тигренком под скалой», 1158 г.; *2* — стела в память Куан-хуэя у храма Лунсинсы в г. Чжэньдине, КНР (1180 г.).
Источник: по [Siren, 1942, табл. 6, рис. 2, табл. 7, рис. 1].

XIV. Живопись Цзинь

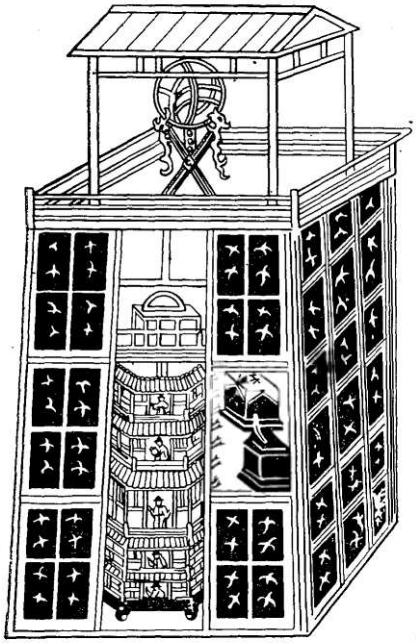
1 — картина «Возвращение Вэнь-цзи в Хань» (фрагмент); *2* — картина Ли Лунминя «Пять коней» (фрагмент).

Источники: 1 по [Су Синцзюню, 1964, табл. 2, рис. 2]; 2 по [mikami, 1973, рис. 6].

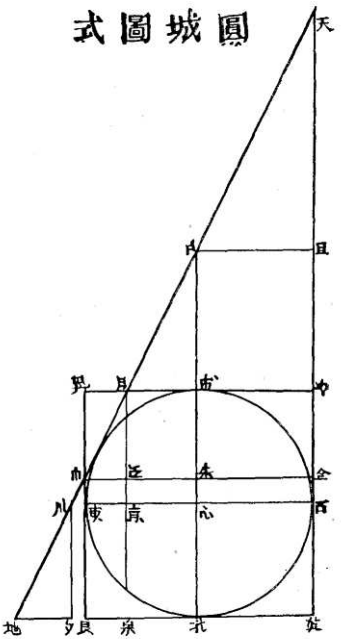
XV. Прикладное искусство в Цзинь

1 — кирпич с изображением петуха из г. Уссурийска, Приморье, СССР (сборы А. З. Федорова); *2*, *3*, *6* — прорисовки орнаментов на сосудах мастерской Яочжоу-яо из Хуанбаочжэня у г. Тунчуань в пров. Шэньси, КНР; *4* — бронзовое зеркало с Шайгинского городища, Приморье, СССР; *5* — глиняная голова дракона с Николаевского городища, Приморье, СССР.

Источники: 1 по [Окладников, 1959, рис. 80]; 2, 3, 6 по [Раскопки...,1965,рис. 28, с. 41]; 4 по [Шавкунов, 1977]; 5 по [Шавкунов, 1966, рис. 5].



1



2

3

XVI. Наука и просвещение в Цзинь

1 — астрономическая башня с часами; наверху на платформе часы и армиллярная сфера, в камере — небесный глобус, внизу — механизм водяных часов (конец XI в.); перевезены чжурчжэнями и установлены, а также пущены в ход в Яньцзине; *2* — чертеж, иллюстрирующий свойства круга, вписанного в прямоугольный треугольник, из книги Ли Е «Цзюань хайцзин»; *3* — карта «Китая и варваров» («Хуа-и цзу») на камне, 1137 г.
Источник: по [Needham, 1959, т. 3, рис. 57, 162, 225]

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. **Культура чжурчжэней до 1115 г.**

1. Производственная деятельность 17
2. Поселения 23
3. Жилища 25
4. Одежда и личные украшения 27
5. Пища и утварь 30
6. Семья и семейный быт 33
7. Нравы и обычаи 39
8. Религия и культы 44
9. Язык и письменность 51
10. Естественнонаучные знания 54

Глава 2. **Культура государства Цзинь (1115—1234)**

1. Производственная деятельность 56
2. Города и поселки 71
3. Постройки и обстановка 82
4. Одежда и личные украшения 90
5. Пища и утварь 96
6. Семья и семейный быт 103
7. Нравы и обычаи 111
8. Религия и культы 125
9. Язык и письменность 148
10. Памятники письменности и эпиграфика 159
11. Книги и книгопечатание 168
12. Литература 175
13. Архитектура 181
14. Скульптура 187
15. Живопись 195
16. Прикладное искусство 200
17. Наука 208
18. Просвещение 218

Глава 3. **Итоги и выводы**

1. Нерешенные проблемы 224
2. Истоки чжурчжэньской культуры 231
3. Двусторонние культурные контакты 234
4. Культурная политика 246
5. Культурные процессы 254
6. Культурная самобытность чжурчжэней 263
7. Этнос и культура чжурчжэней после краха Цзинь 268
8. Наследники чжурчжэней 271

Заключение 274

Список сокращенных наименований периодических и продолжающихся изданий, сборников, обществ 280

Использованная литература 282

Синхронистический указатель событий 313

Указатель 317

Иллюстрации 347

Summary 365

Михаил Васильевич Воробьев
КУЛЬТУРА ЧЖУРЧЖЭНЕЙ
И ГОСУДАРСТВА ЦЗИНЬ
(X в. — 1234 г.)

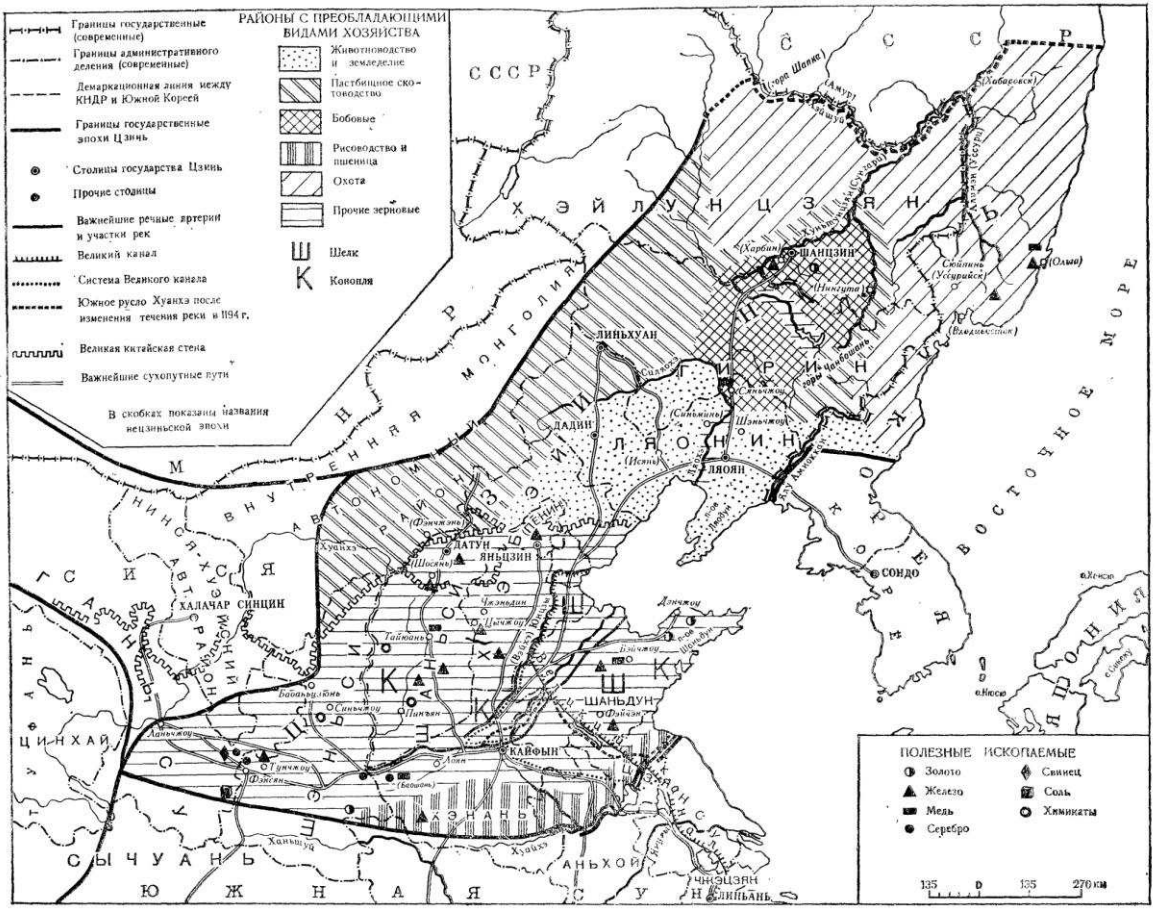
Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *О. Л. Горбунова*
Младший редактор *Н. В. Беришвили*
Художник *В. В. Локшин*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 14469

Сдано в набор 21.06.82 г. Подписано к печати 18.02.83 г. А-09052 Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2 Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая Усл. п. л. 23.0. Усл. кр.-отт. 23,0. Уч.-изд. л. 29,06 Тираж 3000 экз. Изд. № 4612. Зак. № 1903. Цена 3 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
2-я типография издательства «Наука»
121099. Москва, Шубинский пер., 10


Границы государственные (современные)
Границы административного деления (современные)
Демаркационная линия между КНДР и Южной Кореей
Границы государственные эпохи Цзинь
Столицы государства Цзинь
Прочие столицы
Важнейшие речные артерии и участки рек
Великий канал
Система Великого канала
Южное русло Хуанхэ после изменения течения реки в 1194 г.
Великая китайская стена
Важнейшие сухопутные пути
В скобках показаны названия нецзиньской эпохи
РАЙОНЫ С ПРЕОБЛАДАЮЩИМИ ВИДАМИ ХОЗЯЙСТВА
Животноводство и земледелие
Пастбищное скотоводство
Бобовые
Рисоводство и пшеница
Охота
Прочие зерновые
Ш Шелк
К Конопля
СССР
С С С Р
ХЭЙЛУНЦЗЯНЬ
ШАНЦЗИН
(Харбин)
(Хабаровск)
Сталинск (Усурийск)
(Ольга)
(Владивосток)
ЛИНЬХУАН
ЛЯОДИН
ЛЯОЯН
ЛЯОНИН
ЯНЬЦЗИН
ХАЛАЧАР СИНЦИН
ШАНЬДУН
КАЙФЫН
ЧНЭЦЗЯН
ЛИНЬАНЬ
СОНДО
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ
ГАНЬСУ
ЦИНХАЙ
СЫЧУАНЬ
ШЭНЬСИ
АНЬХОЙ
ЮЖНАЯ СУН
ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ
Золото
Железо
Медь
Серебро
Свинец
Соль
Химикаты
135 0 135 270 км